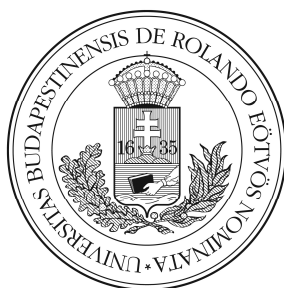

Fiatall Szlavisták Budapesti Nemzetközi Konferenciája II.

2nd Conference for Young Slavists in Budapest

Eötvös Loránd Tudományegyetem
Bölcsészettudományi Kar
Szláv és Balti Filológiai Intézet

Eötvös Loránd University
Faculty of Humanities
Institute of Slavonic and Baltic Philology

Budapest
2014

Szerkesztette/ Edited by:
Dr. Aleksander Urkom

A szerkesztő munkatársai/ Associate editors:
Adrienn Kocsis
Flóra Pet'ovská

Technikai szerkesztő/ Technical editor:
Adrienn Kocsis

Bírálok/ Reviewers:
Dr. Mária Bajzek
Dr. Agnieszka Janiec-Nyitrai
Orsolya Káleczi Simon
Dr. Viktória Kissová
Prof. Dr. Katalin Kroó
Dr. Viktória Lebovics
Prof. Dr. István Lukács
Prof. Dr. Péter Milosevits
Dr. Nataša Nedeljković
Dr. Péter Pátrovics
Dr. Mladen Pavičić
Dr. Zsuzsanna Ráduly
Dr. Gábor Rónai
Dr. Szokolov Makárné
Panda Stojanovska
Dr. Aleksander Urkom
Dr. Dorota Várnai
Dr. István Vig
Prof. Dr. András Zoltán
Dr. Mária Zsilák

Felelős kiadó/ Publisher:
Prof. Dr. István Lukács

ISBN
978-963-284-498-5

Maruška Agrež: <i>Poudarni in modalni členki v slovenskih pridigah in pasijonski igri s konca 17. in začetka 18. stoletja</i>	5
Branka Varčot: <i>Лингвокультурологический и ассоциативный словарик и их позиция в рамках истории русской лексикографии</i>	11
Катарина Беговић: <i>Семантика леве и десне стране у словенским језицима и култури - Лексикографски приступ</i>	14
Anna Maria Bólya: <i>Македонскиот јазик, култура, фолклор и Лекторатот по македонски јазик во Унгарија</i>	17
Мартин Браќаторис: <i>Падеж и однозначност падежних форм в историји словацкогo, рускогo, белорускогo и украинскогo јазиков</i>	19
Ines Cebović: <i>Uporaba ili upotreba? – prikaz statusa dvaju leksema u standardnom hrvatskom i srpskom jeziku</i>	25
Hanna Katarzyna Cheda: <i>Jak złota rybka spełnia życzenia, czyli świat przedstawiony i odwołania do rzeczywistości w wybranych opowiadaniach Kira Bułyczowa i Andrzeja Pilipiuka</i>	30
Бильана Ч. Ђирић: <i>Реторика границе хришћанства: Разбоји од Турака Антуна Сасина и Гундулићев Осман</i>	33
Jovana Davidović: <i>Intertekstualne veze u pripovetkama Antona Pavlovića Čehova i Ive Andrića</i>	37
Paaria Di Stefano: <i>Andrei Bitov's Pushkin House: a literary-semiotic analysis of the Leningrad text</i>	40
Előd Dudás: <i>Vprašanja prilagajanja prevzetih madžarskih besed v prekmurščini</i>	45
Yuliya Dzyabko: <i>Ukrainian-Japanese lexicography: in search for the methodology for the compilation of terminological dictionaries. Українсько-японська лексикографія: у пошуках методології укладання галузевих словників</i>	47
Xénia Gaál: <i>Город К.: Калининград как явление культуры (Миф города, идентификация, современное искусство)</i>	51
Anna Gnot: <i>Szczęśliwe dzieciństwo map – płaszczyzny podróży w 'Biegunach' Olgi Tokarczuk</i>	54
Peter Gregorič: <i>Syntaktické formy vyjadrenie existencie v slovenčine</i>	57
Marko Hadžić: <i>O splošnih diferencah med slovenščino in ostalimi južnoslovanskimi jeziki</i>	63
Tünde Hatala: <i>Присутството на зборот БОГ во фразеолошките изрази во македонскиот и во унгарскиот јазик</i>	66
Tomasz Zoltán Heffler: <i>Obraz szlachty polskiej w "Panu Tadeuszu" Adama Mickiewicza</i>	69
Anna István: <i>Jozef Ignác Bajza a feministická literárna kritika</i>	71
Matija Ivačić: <i>Analogije u filmu Spaljivač leševa Juraja Herza</i>	77
Mgr. Agáta Karčová: <i>Frekventované bohemizmy v slovenčine – substantíva s formantom –tko</i>	80
Virna Karlič: <i>Dob kao sociolingvistički faktor: perspektive proučavanja srpskog jezika</i>	91
Hanna Kebenko: <i>Zum Verständnis von Europa in Tjufij Havrylivs Roman „Wo ist dein Haus, Odysseus?“</i>	94
Анель Кобпаева: <i>Некоторые проблемы диалектной лексикографии в трудах В.И. Даля</i>	99
Paulína Kováčová: <i>Osobnosť novinára v masmediálnej komunikácii</i>	102
Izabela Kozera: <i>Wtórna imperfektywizacja czasownika w języku rosyjskim i polskim w świetle koncepcji aspektu słowiańskiego</i>	105
Mgr. Anežka Krausová: <i>Aspektualizácia jazykovej politiky na Slovensku</i>	108
Jelena Krunic: <i>Uticaj elektronskih medija na srpsku književnost</i>	113
Sylvia Kurowska: <i>Spółczesność i jednostka w państwie utopijnym – Civitas Solis T. Campanella i Мы Je. Zamiatin</i>	116
Marita Lipošinić: <i>«Несклоняемые» имена существительные и прилагательные русского и хорватского языков</i>	119
Tímea Mérai: <i>Безславне життя Слави - літературна ономастика (на матеріалі роману Юрія Андруховича „Московіада“)</i>	122
Ana Mihaljević: <i>Slavenska imena na latinskim epigrafskim spomenicima prvih stoljeća hrvatske pismenosti</i>	125
Orsolya Németh: <i>Długi marsz solidarności – solidarność i wydarzenia polskie w węgierskiej gazecie samizdatowej „Beszélő” w czasie stanu wojennego</i>	129
Ольга Окунева: <i>Переводы русских песенников XIX в.: репрезентация представлений о народности и изменение функциональности текстов</i>	132
Stanislav Oplatek: <i>Some remarks on the character of Old-Russian active participles</i>	137
Mgr. Dana Palečsková: <i>Intencija slovesného deja ako špecifikum slovenskej lingvistickej teórie a dynamika prístupov k nej</i>	141
Urša Papler: <i>Medeja in Urška: Motiv detomorilke v antičnem izročilu in slovenski ljudski pesmi</i>	145
Mgr. Markéta Pavlasová: <i>The Theme of Betrayal in Biblical Phrases in Russian and Czech (on Examples of Phraseological Units with Proper Names in Russian and Czech)</i>	149
Zala Pavšič: <i>Imaginarij Svetlane Makarovič: Analiza pesmi Sojenice</i>	154

Krisztina Pecznik: <i>Stereotypy narodowe w polskich i węgierskich związkach frazeologicznych</i>	157
Flóra Peťovská: <i>Vytvoření odborného názvosloví a terminologických slovníků v 19. století</i>	161
Natalia Płachta: <i>Computer vocabulary as English borrowings in Bulgarian and Macedonian</i>	164
Maris Prc: <i>Gradacijske rečenice u hrvatskome jeziku</i>	168
Julia Prowancka: <i>Theme: Стиляги - narodziny subkultury i jej znaczenie dla rozpadu ZSRR</i>	171
Вања Прстојевић: <i>Тема инцеста у две епске песме: Удаја сестре Душанове и Душан хоће сестру да узме</i>	174
Sanja Rabar: <i>Fonem /ž/ u hrvatskom jeziku</i>	178
Olivera Radović: <i>Leksičko siromašenje srpskog jezika - Lexical impoverishment of the Serbian language</i>	182
György Rágyanszki: <i>Pašiové hry v Mlynkách a v Sarvaši</i>	185
Мр Кармела Ракић: <i>Англицизми у савременом српском језику – проблем или изазови</i>	188
Маја Ранџиџај: <i>Brezosebkovi stavki v češćini in slovenščini</i>	194
Nadija Rebronja: <i>Slovenska mitologija u romanu Kućom čine lastavice Čamila Sijarića</i>	198
Cvetka Rezar: <i>Slovensko besedje med osrednje- in vzhodnoslovenskim jezikovnim prostorom</i>	201
Mgr. Věra Smejkalová: <i>Nationalism in Serbian literature in 1980's</i>	204
Марија Стијепић: <i>Живот и поезија Торквата Таса у делу „код хиперборејца” Милоша Црћанског</i>	207
Andrzej Strużyna: <i>Polskie kino kultu</i>	211
Adrienn Szabó: <i>Charakter Mefistofelesa w literaturze</i>	214
Márton Szalók: <i>Językowy obraz pojęcia oko w polskich i węgierskich związkach frazeologicznych</i>	217
Eszter Tamaskó: <i>Morfološka adaptacija glagolskih hungarizama u arhaičnom govoru Dušnoka</i>	220
Екатерина Турышева: <i>Чакавский идиом сегодня: проблема статуса и специфика современного функционирования</i>	223
Éva Katalin Varga: <i>Роль калькирования в терминообразовании (на материале русских анатомических терминов)</i>	226
Alma Várkonyi: <i>Menjava pripovednih perspektiv v Jančarjevi pripovedi Pogled angela</i>	229
Kledi Vasic Toven: <i>Književni prozni prevodi sa italijanskog na srpskohrvatski jezik u periodu od 1945. do 1991.</i>	232
Judit Vértes: <i>Несколько слов о литературной критике и гламуре</i>	235
Aleksandra Wróbel: <i>Analiza wybranych dyscyplin sportowych na przykładzie „Werfen” i „Laufen”. Ich znaczenie, pochodzenie oraz zastosowanie w języku polskim i w języku niemieckim</i>	238
Александра Вукадиновић: <i>Ониричка фантастика у стваралаштву Пере Тодоровића</i>	241
Владимир Вукомановић: <i>Естетске форме у индоевропској филологији</i>	244
Nina Zavašnik - Martina Šestić: <i>Na Balkanu vole vatreno: ljubavni jezik Južnih Slavena</i>	247
Aloisie Zmeškalová: <i>Memoirs in the Context of Croatian Exile Literature</i>	251

Poudarni in modalni členki v slovenskih pridigah in pasijonski igri s konca 17. in začetka 18. stoletja

ABSTRACT: The article tries to define particles that appear in selected sermons from *Sacrum promptuarium* (1691) and the play about Christ's Passion *Škofjeloški pasijon* (1721) either as emphatic or as modal. The same particle can often be defined either as modal when used in one context or as emphatic when used in another. Sometimes the same particle can be interpreted either as emphatic or as modal in the same context. The only difference in use of particles between the two texts is that an individual particle expresses one meaning just in one of the texts.

Keywords: particles' role in the text, emphatic particles, modal particles, particles' use in context.

1. Členek (Č) ali partikula je na osnovi navedene strokovne literature opredeljen kot nepregibna nestavčnočlenska besedna vrsta, ki pomensko modificira svoj skopus (S), tj. dotični del besedila (Altmann 1976), ali izraža logične odnose med deli besedila. Torej ima v besedilu pomensko ali skladijsko-pomensko vlogo.

2. V *Škofjeloškem pasijonu* = ŠP (1721) in izbranih pridigah iz *Sacrum promptuarium* = SP (1691), slovenskem dramskem delu in pridigah, bodo obravnavani Č s pomensko vlogo. Če je S, ki ga pomensko modificirajo tovrstni Č, posamezna enota propozicije, tj. stavčnočlensko izraženo dejanje, stanje, aktant ali cirkumstant, gre za poudarne Č (PČ), ki S izpostavijo kot novo ali najpomembnejšo informacijo v delu besedila (Grochowski 1986: 71, Jakop 2000). Če je S Č večji del besedila, tj. poved (Kunst Gnamuš 1983: 7) ali od povedi višja jezikovna enota, gre za modalne Č (MČ). N. Jakop (2001: 310) MČ deli na MČ, ki izražajo modalnost (M), tj. govorčevno (G) razmerje do povedanega (Palmer 1991, 2001), ali spreminjajo način upovedovanja propozicije, tj. skladijski naklon povedi (Toporišič 2000: 513). Interno so PČ in MČ razdeljeni glede na pomenske odtenke, ki jih prinašajo S (gl. od 2.1.1 dalje). Za obravnavo so izbrane besede, ki so v *Slovarju jezika Janeza Svetokriškega* (SSvkr) označene kot Č in se poleg v SP pojavijo tudi v ŠP: *ja, le, li, naj, nikar, raunu, še, tudi* in *več*. Dane Č se bo v obravnavanih besedilih skušalo določiti kot MČ ali PČ. Določen bo pomenski odtenek, ki ga izbrani Č dodajajo svojemu S. Ugotavljale se bodo podobnosti in razlike v rabi obravnavanih Č med obema besediloma.

2.1 Obravnava PČ

PČ v obravnavanih besedilih izražajo:

2.1.1 Edinstvo z majhnostjo in enostavnostjo.

Le (ŠP) oz. *li* (SP), *samu* (ŠP)

nedoželj; inu postavimo de bi nebila pregreha naših
prvih starših Adama, inu Eve; ny vni grehy, kateri
fo bily perfilili G: Boga vus volni svejt potopiti; ny tui-
sti katere ta shveplenski ogen s' Nebes je bil prishal po-
shgati; ny ty veliki grehi Faraonaa, Herodesha, Davi-
da, Manassa, Jezabele, inu drugih greshnikou, inu gre-
shinz, temuzh de bi bil en sam smertni greh li s' milio,
inu s' ferzom doperpesen, yender reshava, inu huda-
bnoft tiga samiga greha G: Bogu bi bila taku super, inu ta-
ku mozhnu b iga referdila, de vfy ljudje, svetiniki, Angeli,
Vfy Marterniki, S: spovedniki, S: Dvjize G: Bogu offrali
nich divichruv veliku shrimanu, nich maliva, inu nekura

SP: Gl. sliko (sl.) 1.

Prevod v sodobni slovenski knjižni jezik (P): Če bi bil smrtni greh storjen le v mislih, bi bil Bog zelo jezen (vse zglede je prevedla in podčrtala M.A.). **Kontekst (K):** Milejše sredstvo dejanja (misel na naglavni greh in ne njegova izvršitev) zadošča za zelo negativen odziv (veliko jezo Boga), saj je dejanje še bolj moralno negativno od prej navedenih dejanj (ostalih grehov).

ŠP: Nebom shnimi ueliku kupa dellou,

ter *Samu sa trideseti Srebernikou* ga iem bom stellou. (388–389)

P: Ne bom z njim (z Jezusom) delal velike kupčije, ampak ga bom prodal samo za trideset srebrnikov.

K: Količina (vsota denarja) je bistveno manjša od realne vrednosti prodane osebe (Kristusa), ki je v danem kontekstu poimenovana z zaobljiko (ga).

Li samu (SP)

S Č zveze *li samu* je samostalnik *Bug*, torej zveza dodatno poudari izražanje edinosti entitete.

stuarij. Ta kateri eniga ozhera reshali tudi vfe. niegove otro-
ke inu kadar bi ednlonze fakrii, bi cellimu futtu fuetlobo
ufel: glihi vishi, ta kateri hozhe Boga umorit, Nebu, fem-
lo, inu ufe ftuaricne rezhij hozhe konzhati, fatocai refnizhnu
pravi: *Pater peccati in calum.* katero refnizo S. Bernardus po-
terdi rekoshi, de nepokorzihna pruti G. Boga, hozhe nikarli
famu G. Boga mogozhnofti, fiftopnofti, inu pravizo odufeti.
*Adde ad hoc, quod in fe est, omnia quoque, qua Dei sunt, tollit, &
ripit.* Inu cilu ie neumilena fama zhes febe, fakai vfe fuoia do-
bra della pomonij, inu ufe porodij vfe kar more shkodovat
dushi. inu teleffi. Oh orekleta takorzihna neokorzihna ! od

SP: Gl. sl. 2.

P: *Nepokornost Bogu ne bo odvzela moči (veličine), razuma in pravičnosti samo g. Bogu.*

K: *Moralno negativno ravnanje (nepokornost Bogu) ne prizadene zgolj ene, sicer res pomembnejše osebe (božje osebe), ampak tudi storilca (človeško dušo in telo).*

2.1.2 Natančnost.

Raunu (SP, ŠP)

pra oculis habeamus. Hozhio tedaj gnado Boshja dofsezhi
N: N: pravizhnu, brumnu, zhednu, inu nedolshnu shi-
veti? palzo strahu Boshjiga vfelei pred ozhmij derzhice
inu raunu ta lepi navuk je bil S. Bernardus stojim bratom
dal. *Filiosi in veritate didici, nihil aequo efficax esse ad gra-*

SP: Gl. sl. 3.

P: *Palico božjega strahu imejte vedno pred očmi – ravno ta lep nauk je dal Sv. Bernard svojim bratom.*

K: *Avtoriteta (s. Bernard) je učila natanko vsebino (božji strah), ki je predstavljena v latinskem citatu in v delu besedila, ki stoji pred Č raunu.*

ŠP: *Greshna duša ti imash poslushat,*

ia toiga Boga nika taku Skushat,

Raunu tebi *Se ima tudi pergoditi,*

kir ti Se na mafsash to pregreho sturiti,

Samoresh to Nebesku kralestuu Sgubiti,

inu ta paklenski ogen saslushiti. (43–48)

P: *Grešna duša, ti moraš poslušati in ne tako preizkušati Boga. Ker se ti ne zadržiš storiti te pregrehe, lahko izgubiš nebeško kraljestvo in zaslužiš peklenški ogenj.*

K: *G (angel) prav od naslovnika (N; človeka) zahteva pravilno ravnanje (pokornost Bogu). Obenem ga posvari, da so lahko posledice napačnega ravnanja (preizkušanja Boga) zelo resne (kazen s peklom).*

2.1.3 Čas.

2.1.3.1 Trajanje do trenutka govorjenja.

Še (SP, ŠP)

P Reprofti, inu nepametni fo bily ty Ajdje, kateri
fa fvoje bogove fo molili martuafhke, inu gresh-
ne ludy, kateri cilu nej fo bily vredni, de bi en
pameten zhlovek na nyh fpuimil. Molili fo fa Boga,
Iupitra, kateri je vuzhil prefelhtvu tribat. En snathea
bug, fo molili faturna, kateri fvoje lafne otroke je vby-
al, taifte je kupal, inu jedel: En vfmilen bug, fo molili
Mercuriufa, kateri je vuzhil lagati. En refnizhen bug, fo
molili tiga oherniga Plutona. Tiga neframniga Adoni-
da. Tiga Rasboynika Romula. Tiga negnufniga Vulka-
na, inu ftu drugih bogovu, v mef katerimy li eden-
fe nej nashal, de bi ne bil sashpotovajna, inu faurash-
tua vreden. Ali she vfelei vekshi norzy fo bily taiftij,
kateri sa boga fo molili mozhike, pife, kazhe, ribe,
tize, crocodile lintuarne, inu druge offtudne shivali.

SP: Gl. sl. 4.

P: *Pogani so bili preprosti in nepametni, ker so po božje čistili smrtne, grešne ljudi, ki niso bili vredni, da bi se pameten človek spomnil nanje. [...]. Ampak še vedno so bili bolj nepametni tisti, ki so po božje čistili mačke, pse, kače, ribe, ptice, krokodile in druge ostudne živali.*

K: *Napačnejše ravnanje od ravnanja, predstavljenega v delu, ki sledi Č še s S vselej (čaščenja živali po božje), do trenutka govorjenja ni mogoče.*

ŠP: *Tadai morem iest po uoli uafsi ga ksmerti obsoditi,*

oku ozhem iest per Zefsariu she vgnadi biti. (590–591)

P: *Tako ga moram po vaši volji obsoditi na smrt, če želim biti še v dobrih odnosih s cesarjem.*

K: *G (Poncij Pilat) je prisiljen v ravnanje, predstavljeno v prvem verzu, da se ohrani ugodno stanje (da ne bo imel težav s cesarjem).*

2.1.3.2 Ponovitev stanja.

Še (ŠP)

ŠP: *Mi ga ozhemo hPilatushu pellati,
de mi per miru morema she enkrat obstati,
Pilatus nam more na klizaine nashe sturiti,
inu nega hte Smerti obsoditi inu umoriti. (420–425)*

P: *Mi ga hočemo k Pilatu peljati. Da lahko še enkrat ostanemo mirni, mora Pilat izpolniti naš ukaz in ga umoriti.*

K: *Da bo stanje G (ljudstva) ob srečanju z avtoriteto (Poncijem Pilatom) enako, kot je bilo na prvem srečanju (da bodo mirni, tj. se avtoriteti ne bodo uprli), mora avtoriteta ravnati po naročilu G (obsoditi Jezusa na smrt).*

2.1.3.3 Prenehanje dejanja oz. stanja.

Več (SP, ŠP)

*aquam iniquitatem. Spofnam de poprej nej sim mogal
vere dati, temu kar Boterus pilhe, de v' tem mestu Caje-
rus imenovanim, kuga je taku domazha, inu pervajena,
de taisti purgary se jo vezh neboye, de fi lih v'faku leitu*

SP: Gl. sl. 5.

P: *V mestu Cajerus je kuga tako domača, da se je meščani ne boje več.*

K: *Stanje (strah pred kugo v mestu) se izteče zaradi določenega vzroka (navajenosti meščanov nanjo).*

ŠP: *Sdei so se meni te ozhij
alli preposnu odperle,
Kir nimam uezh umeni mozhi
Nebesfa so se Saperle. (199–202)*

P: *Zdaj so se mi odprle oči, toda prepozno, ker nimam več moči. Nebesa so se zaprla.*

K: *G (človeška duša) izraža obžalovanje, ker zaradi izteka stanja (življenja) nima možnosti za pozitiven izid (nebesa po smrti).*

2.1.4 Dodajanje.

Tudi (SP, ŠP)

*stuarij. Ta kateri eniga ozheta reshali tudi v'c njegove otro-
ke inu kadar bi ednionze fakril, bi cellimu suetu suetlobo*

SP: Gl. sl. 6.

P: *Tisti, ki užali Boga očeta, užali tudi vse njegove otroke.*

K: *Opozorjeno je, da moralno negativno dejanje (žalitev) ne prizadene le abstraktnega bitja (Boga), ampak tudi konkretno (človeštvo).*

ŠP: *Sdei moresh tudi ti mene poslushati,
ieno na moie uprashaine odgouor dati. (454–455)*

P: *Zdaj me moraš tudi ti poslušati in odgovoriti na moje vprašanje.*

K: *G (Herod) ukazuje, da ga mora N (Jezus) ubogati, tako kot ostali njemu podrejeni.*

2.2 Obravnava MČ

2.2.1 MČ v ožjem smislu v danih besedilih izražajo tipe M, prirejene po Palmerju (2001: 8–18).

2.2.1.1 Deontično M.

2.2.1.1.1 Ukaz: gl. 2.2.2.1.

2.2.1.1.2 Odvrnitev od ravnanja.

Nikar (SP, ŠP)

*stanc, se grima, inu joka de v' negnado ozheta Nebeshki-
ga je padla, se boij ferda Boshiga, pozhitka, inu mera...
ne najde; takrat ta hudi pride jo sazhne troshtat, rekozh:
o dusha sakaj se tulikain boijsh? sakaj tulikain se grimash?
eh bodi vefisela, nikar nemisli vezh na letu kar se je sgudi-
lu, temuzh premisli kulikaj drugih senajde, kateri so tu-
di v' leta greh padli, inu she hushi so sturili, Milost Bo-*

SP: Gl. sl. 7.

P: *Eh, bodi vesela. Nikar ne misli več na to, kar se je zgodilo, temveč premisli koliko je drugih, ki so tudi podlegli grehu in so storili še kaj hujšega.*

K: *G (Satan) odvrača N (človeka) od moralno pozitivnega ravnanja (kesanja) in ga obenem poziva k moralno negativnemu ravnanju (tolaženju samega sebe z dejstvom, da so ostali grešniki še slabši).*

ŠP: *Greshna duša ti imash poslushat, ia toiga Boga nikar taku Skushat. (v. 43–44)*

P: *Grešna duša ti moraš poslušati, ja tvojega Boga nikar preizkušati.*

K: *Odvrnitev od moralno zelo negativnega dejanja (izzivanje oz. preizkušanje boga) izzveni kot zelo resen ukaz.*

2.2.1.2 Epistemično.

Ja (ŠP)

Č ja kot členkovni del pojasnjevalne vezniške konektorske zveze (Gorjanc 1998: 383–384) ja saj izraža veliko prepričanost G v pravilnost pojasnila.

ŠP: *Pilatus nam more na klizaine nashe sturiti, inu nega hte Smerti obsoditi inu umoriti, ia Sai bi po prauizi leto billu, de se na krish obeifsi negou tellu. (422–425)*

P: *Pilat nas mora na naš poziv storiti in ga obsoditi na smrt in umoriti, saj bi ja bilo pravično, da se ga križa.*

K: *G (ljudstvo) pojasni, zakaj bi bilo treba izvršiti predstavljeno dejanje (treba bi bilo ubiti Jezusa, ker je tako pravično). V pravilnost pojasnila je zelo prepričan.*

2.2.1.3 Emotivno.

Č pomagajo pri izražanju kritike. Težko je presoditi, ali je Č MČ ali PČ. Kritičnost res povzroči posamezna sestavina, a kritično izzveni večji del besedila.

Le (ŠP) oz. li (SP)

G je z rabo *le* oz. *li* kritičen do N ali neudeleženca pogovora zaradi njegovega izključno napačnega ravnanja oz. želje po njem.

Ah! kaj bi vy rekli sdaj, kadar bi vidilide karsheniki vczh lubiota prekleti greh, kakor gnado Boshio? Inu vse perloshnoftiyszheio, inu v teshke nevarnofti se postavio, de bi li ta prekleti greh dopernefti samogli? inu Kadar ga dopernefto se vefsele, inu hualio, kateru Sturicity Slepj Aj-djefe so Sramovali, inu anali, de fi lih fvetlobe nashe S: vere nej so imeli, vander rajshi smert, kokar greh fi so zheali.

SP: Gl. sl. 8.

P: *Ah, kaj bi rekli, ko bi videli, da imajo kristjani raje greh kot božjo milost. In iščejo vse priložnosti in se izpostavljajo nevarnosti, da bi le lahko grešili.*

K: *G je zelo kritičen do dejstva, da nekateri (kristjani) kljub dobri informiranosti o pravilnem ravnanju težijo edino k napačnemu ravnanju (h grehu), medtem ko drugi (pogani) niso bili informirani, a so vseeno težili k pravilnemu ravnanju (so raje izbrali smrt kot greh).*

ŠP: *Pogleide, koku Se on stem krisham omahuie, Jenu ta Greshnikh se mu under le posmuhuiie. (678–679)*

P: *Poglejte, kako on omahuje na križu, grešnik pa se mu spodaj le posmehuje.*

K: *G izraža kritičen odnos do izključno napačnega odnosa (posmeha) tretje osebe (grešnika) do avtoritete (Jezusa).*

Še (ŠP)

Če razumemo, da je S še stavčnočlensko izražen cirkumstant, je kritika usmerjena predvsem na nepoznavanje minimalne vsebine, ki naj bi jo N spoznal in implicira informacijo, da drugih vsebin tudi ni spoznal. Če kot S še vzamemo večji del besedila, pa je kritika usmerjena na neuresničitev pričakovanega dejanja z vsebino, ki naj bi ga N uresničil in implicira informacijo, da ni uresničil tudi ostalih pričakovanih dejanj.

ŠP: *Ô Zhudu zhes ufse zhudesa ie leto,
de Syn Boshij ie restergan sato,
de bi mi ufsi sato osdrauleni billi,
nega mozhnu ktemu ta lubefsan Silli,
ieno ti greshnik she leto nasposnash,
de bi poslushou negouo Stimo inu glafs,
ter ti niega she Snouiz is pilatusham zhes dash. (616–622)*

P: *Najbolj čudno je to, da je božji sin raztrgan, da bi bili ljudje ozdravljeni, h čemur ga sili ljubezen. In ti, grešnik še tega ne spoznaš, da bi poslušal njega, ampak ga ponovno izročiš Pilatu.*

K: *G je kritičen, ker N ne spozna niti tega, da bi upošteval osebo, k mu pomaga (Jezusa), ampak celo ravna njej v škodo (ga izroči Pilatu).*

2.2.2 Skladenjskonaklonske Č.

2.2.2.1 Velelne Č.

Naj (ŠP)

Vidna je razlika med dobesednim pomenom in smislom (Kunst Gnamuš 1983: 27) velelne vprašalne povedi. Velelnost, izražena z *naj*, je jezikovno sredstvo za izražanje neprevzemanja odgovornosti.

ŠP: *Nai Herodesh potler della kar se mu sdi,
zhe ie ureden Smerti nai ga umori. (440–441)*

P: *Naj potem Herod z njim dela, kar se mu zdi, če je vreden smrti, naj ga umori.*

K: *G (Poncij Pilat) kot avtoriteta ukaže, da naj se o (ne)izvršitvi dejanja (križanja Jezusa) odloči tretja oseba (Herod), saj sam ne želi prevzeti odgovornosti.*

2.2.2.2 Želelne Č.

Le (ŠP)

Z rabo *le* G poudari edinost in veliko moč želje, v katere izpolnitev usmeri vse svoje ravnanje. V danem primeru je želja glede na sposobnosti G uresničljiva, G pa kaže veliko voljo, da jo uresniči. Zato ta želja sodi na področje dinamične abilitivne in volitivne M.

ŠP: *Polle ufsi moi glidi so shteshauami obdani,
de bi le Sadobu te greshnike kir so sapellani. (335–336)*

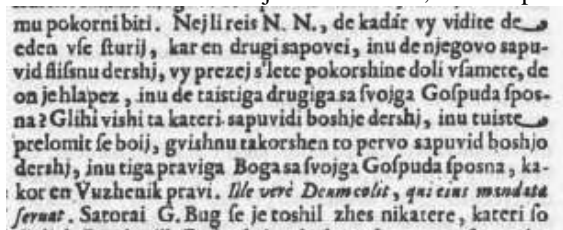
P: *Poglej, vsi moji udi so obteženi, da bi le zveličal zapeljane grešnike.*

K: *G (Jezus) si uresničujev edine želje (da bi odrešil ljudi), ki je glede na njegove sposobnosti možna, zelo želi. Za uresničenje je pripravljen tudi trpeti.*

2.2.2.3 Vprašalne Č.

Li (SP)

Vprašalni *li* je homonim izvzemalnemu oz. modalnemu *li* in je tako označen tudi v SSvkr. Vedno se pojavlja kot del zveze *Nej li reis*. Vidno je neskladje med dobesednim pomenom in smislom, saj so vprašalne povedi, ki jih uvaja zveza *Nej li reis*, jezikovna sredstva za izražanje deontične M, in sicer poziva k pravilnemu ravnanju.

SP: Gl. sl. 9.

P: *Ali ni res, N. N., da kadar vidite, da nekdo stori vse, kar mu drugi zapove, na osnovi takšne pokorščine skleplate, da je on hlapec, ki drugega spozna za svojega gospodarja? Točno tako nekdo, ki upošteva božje zapovedi, spozna pravega Boga za svojega gospoda.*

K: *GN* predvidoma bolj predstavljivo ravnanje (služenje gospodarju) vzporeja z v tej pridigi predstavljenim pravilnim in pričakovanim, a verjetno ne tako predstavljivim in znanim ravnanjem (služenjem Bogu).

3. Isti Č se večkrat odvisno od konteksta pojavljajo kot PČ in MČ. Ponekod je težko presoditi, ali gre za PČ ali MČ, saj sta v danem kontekstu smiselni obe interpretaciji. Raba Č je v obeh besedilih podobna. Razlike so vezane le na to, da je lahko posamezen pomenski odtenek s posameznim Č v enem od besedil izražen, v drugem pa ne. Zaradi nepregibnosti in nestavčnočlenskosti Č je edino sredstvo opredelitve posameznega Č kot PČ ali MČ in prepoznavanje pomenskega odtenka, ki ga posamezen Č doda svojemu S, razumevanje konteksta, v katerem se pojavi določen Č. Zato je določanje vrste in pomenskih odtenkov izraženih s Č subjektivno in v prispevku predstavljene opredelitve niso nujno edine smiselne, torej je problem vreden nadaljnega raziskovanja.

Literatura

- Altmann, Hans (1976), *Die Gradpartikeln im Deutschen*. Tübingen, Niemeyer.
- Bublitz, Wolfram (1978), *Ausdrucksweisen der Sprechereinstellung im Deutschen und Englischen*. Tübingen, Niemeyer.
- Černelič, Ivana (1993), O delitvi členkov. In: *Vprašanja slovarja in zdomske književnosti*. Ljubljana, Zavod Republike Slovenije za šolstvo in šport.
- Gorjanc, Vojko (1998), Konektorji v slovničnem opisu znanstvenega besedila. *SR*. 46/4, 367–388.
- Grochowski, Maciej (1986) *Polskie partykuły*. Wrocław, Wydawnictwo Polskiej akademii nauk.
- Jakop, Nataša (2000), Vezanost poudarnih členkov na določeno besedno vrsto oziroma stavčni člen. *Jezikoslovni zapiski*. 6, 67–80.
- Jakop, Nataša (2001), Funkcijska delitev členkov: značilnosti naklonskih členkov. *JiS*. 46/7–8, 305–316.
- Kunst Gnamuš, Olga (1983), *Govorno dejanje – družbeno dejanje*. Ljubljana, Pedagoški inštitut.
- Palmer, Frank Robert (1991), *Mood and Modality*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Palmer, Frank Robert (2001), *Mood and modality*. Cambridge, Cambridge University Press.
- p. Romuald (1721, 1987), *Škofjeloški pasijon*. Ljubljana, Mladinska knjiga.
- p. Romuald (1721), *Škofjeloški pasijon*. http://nl.ijs.si/e-zrc/sp/html/sp_dt.html.
- Smolej, Mojca (2004), Členki kot besedilni povezovalci. *JiS*. 49/5, 46–57.
- Snoj, Marko (2006), *Slovar jezika Janeza Svetokriškega*. Ljubljana, ZRC.
- Svetokriški, Janez (1691), Na tretjo nedelo po veliki noči. In: *Sacrum promptuarium 1*. Et Venetiis, ex officina Zachariae Conzatti. <http://www.dlib.si/results/?query=keywords%3dsvetokri%C5%A1ki'&pageSize=25>.
- Svetokriški, Janez (1691), Na drugo nedelo v adventu. In: *Sacrum promptuarium 2*. Et Venetiis, ex officina Zachariae Conzatti. <http://www.dlib.si/results/?query=keywords%3dsvetokri%C5%A1ki'&pageSize=25>.
- Svetokriški, Janez (1691), Na prvo nedelo v postu. In: *Sacrum promptuarium 2*. Et Venetiis, ex officina Zachariae Conzatti. <http://www.dlib.si/results/?query=keywords%3dsvetokri%C5%A1ki'&pageSize=25>.
- Toporišič, Jože (2000), *Slovenska slovnica*. Maribor, Obzorja.

Branka Barčot

University of Zagreb, Zagreb, Croatia
bbarcot@ffzg.hr

Лингвокультурологический и ассоциативный словари и их позиция в рамках истории русской лексикографии

ABSTRACT: The paper aims at finding and analyzing the positions of the linguocultural and associative dictionary within the history of Russian lexicography. Linguoculturology is an independent linguistic discipline which appeared in the 1990ies in Russia and initiated the publication of linguocultural dictionaries. Since linguoculturology implements various linguistic methods, among which is the associative method, i.e. the most important ethnopsycholinguistic method, associative dictionaries have become a new tendency in the lexicography of different Slavic countries.

Key words: Russian lexicography, linguoculturology, linguocultural dictionary, associative dictionary

Предметом данной работы является определение и анализ позиции лингвокультурологического и ассоциативного словарей как достаточно новой тенденции в русской лексикографии. В первой части доклада речь идёт о развитии русской лексикографии в общем, а потом особенно учитываются лингвистические словари и их характеристики. Второй раздел рассматривает лингвокультурологию, самостоятельное направление лингвистики, оформившееся в 90-е годы XX века в России, и лингвокультурологический словарь как попытку познакомить иностранцев, изучающих русский язык как иностранный, с ментальностью русского народа. Так как лингвокультурология пользуется различными лингвистическими методами, среди которых и ассоциативный эксперимент, основной метод исследования в этнопсихолингвистике, ассоциативные словари стали новой тенденцией в лексикографии славянских стран. Темой третьего раздела является именно характеристика таких словарей и их сопоставление со словарями традиционного типа. Четвёртая часть работы представляет собой попытку определить позицию лингвокультурологического и ассоциативного словарей в русской лексикографии.

Об истории русской лексикографии

Термин лексикография многозначен, ибо относится не только к науке о составлении словаря, но и к процессу составления словарей как описания лексики данного языка с одной стороны, и к совокупности словарей с другой (Введенская 2007: 8). В данной работе под этим термином подразумевается совокупность словарей.

Опираясь на пособие Л.А. Введенской «Русская лексикография», в истории русской лексикографии различаем: дословарный (до XVI в.), ранний словарный (конец XVI в. – начало XVIII в.) и лишь с конца XVIII в. период развитой лексикографии (2007: 8). Уже с появлением письменности возникла потребность толкования непонятого слова. Такое толкование или перевод непонятого слова называлось глоссой, а в древнерусские времена словарники глосс назывались глоссариями. Постепенно структура глоссариев совершенствовалась. В раннем словарном периоде появляется термин азбукovníки и в этом периоде начинает формироваться учебная лексикография. Известный лингвист В.П. Вомперский утверждал, что именно в азбукovníках можно видеть прообраз будущих словарей различного типа, т.е. толковых, этимологических, исторических, словарей иностранных слов и др. В период развитой лексикографии словари становятся более доступной, массовой продукцией. В результате интенсивного развития русской лексикографии появляются два вида словарей: лингвистические (филологические, языковые) и энциклопедические. Объектом описания лингвистических словарей могут быть слова, морфемы, сочетания слов, фразеологизмы и др. Подразделяя энциклопедические словари, Л.А. Введенская приводит: универсальный (например: «Большая советская энциклопедия»), специальный (отраслевой) (например: «Философский энциклопедический словарь») и региональный (например: «Донская казачья энциклопедия») типы (2007: 12-13). Особый тип образуют биографические (например: «Политические деятели. 1917 год») и персональные энциклопедические словари (например: «Пушкинская энциклопедия»), а в конце прошлого века появились и научно-популярные энциклопедические словари, как, например, «Кулинарный словарь» (там же).

Лингвистические словари

Остановимся на лингвистических словарях, чтобы через призму характеристик таких словарей рассмотреть специфику учитываемых лингвокультурологического и ассоциативного словарей. По способу расположения толкуемых слов, словосочетаний или выражений выделяются алфавитные, словообразовательно-гнездовые и идеографические лингвистические словари. Значительная часть словарей относится именно к алфавитным. В них слова располагаются с алфавитным учётом начальных

букв. Ко второму типу относятся лингвистические словари, в которых слова располагаются по словообразовательно-гнездовому способу. Третий тип – идеографический способ оформления слов. Его основу составляет связь между словарной системой и системой действительности. Основная задача такого словаря - представить лексику определённого языка как иерархическую систему, отражающую языковую картину мира. Кроме слова единицей лексикографического словаря может быть либо морфема, либо фразеологизм, афоризм, пословица, поговорка, цитата и др.

Критерием разделения лингвистических словарей являются и параметры характеристики слова. Л.А. Введенская приводит следующие параметры: внешняя форма слова, внутреннее содержание (лексическое значение), происхождение слова, морфемный состав, соотношение формы и значения у сопоставляемых слов (омонимы, синонимы, антонимы и паронимы), грамматические особенности слова, активное или пассивное использование слов в речи, и сфера употребления слов (2007: 38-39). Помощью этих параметров лингвистические словари делятся на восемь типов: 1. орфоэпические (словари произношения); орфографические (словари правописания) и акцентологические (словари ударений); 2. толковые; 3. этимологические и исторические; 4. словообразовательные словари и словари, характеризующие морфемный состав слов; 5. семонимические словари: словари синонимов, антонимов, омонимов, паронимов; 6. словари, в которых объясняются морфологические и синтаксические особенности слов; 7. словари, описывающие пассивный пласт лексики (историзмы и архаизмы), и 8. словари, описывающие специальную, диалектную лексику, жаргонизмы, арготизмы.

Лингвокультурология и лингвокультурологический словарь

Лингвокультурология развивается как ответ, т.е. как реакция на генеративизм в лингвистике. Хомски революционализировал лингвистику таким образом, что в центре генеративизма находился язык не как объект общественной реальности, а человеческий ум и его структура. Пока генеративизм исследовал глубинную структуру языка и феномены универсальной грамматики, лингвокультурология исследует культурологические характеристики, т.е. анализирует влияние разных культур на мировые языки. В.А. Маслова в пособии «Лингвокультурология» определяет язык как культурный код нации, а не просто как орудие коммуникации и познания (2001: 3). Лингвокультурологию можно считать самостоятельным направлением лингвистики, оформившимся в 90-е годы XX в. В.В. Воробьёв определяет лингвокультурологию как комплексную научную дисциплину синтетизирующего типа, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающую этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания (2008: 37). Основная задача этой достаточно новой дисциплины – раскрытие ментальности народа и его культуры через язык, а объектом лингвокультурологии является исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с её установками и предпочтениями и человека, который создаёт эту культуру, пользуясь языком (Маслова 2001: 36). С лингвокультурологией тесно связаны этнолингвистика, социоллингвистика, лингвострановедение и этнопсихоллингвистика.

В русской лексикографии есть несколько лингвокультурологических словарей, которые печатались с тенденцией познакомить иностранцев не только с языком, но и с культурой. Их традиция связывается с историей развития методики преподавания определённого языка как иностранного. В качестве иллюстрации таких словарей приведём «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» под редакцией И.С. Брилёвой, Н.П. Вольской, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных из 2004 г.. Надо подчеркнуть, что лингвокультурологический словарь не является словарём нормативного типа, ибо такой словарь не пытается описать то, что следует знать, а то, что реально знает практически любой социализированный представитель определённого национально-лингво-культурного сообщества (в данном случае русского) (Брилёва et al. 2004: 9). Феномены, включенные в словарь, разделены авторами на четыре группы: имена, зооморфные образы, прецедентные тексты, прецедентные высказывания.

Ассоциативный словарь как новая тенденция в лексикографии славянских стран

Лингвокультурология пользуется различными лингвистическими методами. В том числе и ассоциативным экспериментом, основным методом исследования в этнопсихоллингвистике. Вербальные ассоциации – 'овнешение' с помощью вербальных знаков связи между психическими явлениями, при которой предъявление вербального стимула влечёт за собой появление вербальной реакции (Уфимцева 2008: 16). Ю.Н. Караулов говорит, что любое слово в нашем сознании (точно так же как в речевой цепи) не существует в отдельности, и что оно нитями тянется к другим словам. Именно такие типичные связи двух слов, понятные носителю языка, и фиксируются в ассоциативном словаре. В качестве примера приводим «Русский ассоциативный словарь» Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасовой, Н.В. Уфимцевой, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова из 2002. года. Этот словарь моделирует вербальную память и языковое сознание усредненного носителя русского языка и в то же время является тезаурусом русского языка конца XX века. Словарь состоит из двух частей: прямого ассоциативного словаря и обратного. Первая его часть организована по принципу «от стимула – к реакции» (S-R), и словарная статья представляет

собой ассоциативное поле связанных со стимулом слов. После каждой реакции стоит цифра, обозначающая число людей, ответивших данным словом на стимул. Вторая часть – обратный словарь ассоциативного словаря строится по принципу «от реакции – к стимулу». Этот словарь получен по результатам массового письменного анкетирования на родном языке испытуемых в период 1988-1996 гг. В упомянутом эксперименте участники должны были написать против каждого стимула первое, пришедшее ему на ум слово, вызванное в его сознании этим стимулом. Возраст участников составляла 17-25 лет, потому что становление языковой личности в основном завершается после 25 лет и её структура остаётся относительно стабильной на протяжении всей жизни.

Насколько нам известно существуют русский, украинский, белорусский, болгарский, латышский, киргизский, сербский, польский, словацкий, американский и венгерский ассоциативные словари, а в 2004. году вышел «Славянский ассоциативный словарь» под редакцией Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой, Ю.Н. Караулова и Е.Ф. Тарасова. Этот словарь представляет собой реальный инструмент исследования образов мира русских, белорусов, болгар и украинцев.

Позиция лингвокультурологического и ассоциативного словарей в русской лексикографии

Опираясь на дефиницию словаря Л.А. Введенской, замечаем, что она подходит к рассматриваемому лингвокультурологическому словарю, но что вообще не охватывает и не описывает рассматриваемый ассоциативный словарь. Приведём дефиницию: «*Словарь – справочная книга, которая содержит слова (или морфемы, словосочетания, идиомы и т.п.), расположенные в определённом порядке (различном в разных типах словарей), объясняет значения описываемых единиц, даёт различную информацию о них или перевод на другой язык либо сообщает сведения о предметах, обозначаемых ими*» (Введенская 2007: 8). Как мы уже видели, лингвокультурологический словарь, во всяком случае, можно считать справочной книгой, в которой в каждом разделе в алфавитном порядке располагаются прецедентные имена, зооморфные образы, прецедентные тексты и прецедентные высказывания. Но если посмотреть лингвокультурологический словарь через призму вышеприведённых параметров характеристики слова, то увидим, что они здесь не пригодятся. Так как речь идёт о словаре ненормативного типа, мы предлагаем его причислить к группе энциклопедических словарей.

Что касается ассоциативного словаря и вышеупомянутой дефиниции Введенской, нам кажется, что она здесь не применима, ибо ассоциативный словарь не объясняет значение, а лишь образует ассоциативное поле определённого слова-стимула. Ассоциативный словарь служит зеркалом ментально-эмоционального состояния его среднего носителя в определённый исторический момент его жизни, а значит жизни общества. Подчёркивая, что ассоциативные словари — один из возможных способов описания коллективного обыденного языкового сознания реальных носителей языка, в то время как традиционные словари, составляемые лингвистами, представляют собой описание индивидуального лингвистического, Н.В. Уфимцева указывает на самое существенное отличие ассоциативных словарей от традиционных (2008: 18). Надо подчеркнуть, что слова в ассоциативном словаре тоже расположены в алфавитном порядке, но они не сообщают сведения о предметах, обозначаемых ими.

Как мы видим, ассоциативный словарь можно причислить к группе лингвистических словарей, но в таком случае надо передумать и переработать вышеприведённую общую дефиницию словаря, чтобы она стала применимой и к этому новому типу словаря.

В данной статье мы ставили перед собой цель определить позицию лингвокультурологического и ассоциативного словарей в русской лексикографии. Можно с уверенностью сказать, что они обогатили славянскую лексикографию и что заслуживают более пристального внимания не только лексикографов и лингвистов, но и культурологов и преподавателей определённого языка как иностранного.

Литература:

- Брилёва, И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. (2004), *Лингвокультурологический словарь*. Москва: Гнозис.
- Введенская, Людмила Алексеевна (2007), *Русская лексикография*. Москва: Издательский центр «МарТ».
- Воробьёв, Владимир Васильевич (2008), *Лингвокультурология*. Москва: Российский университет дружбы народов.
- Зиновьева, Елена Иннокентьевна (2010), *Русская ментальность в зеркале языка*. Санкт-Петербург: Издательство «Нестор-История».
- Маслова, Валентина Авраамовна (2001), *Лингвокультурология*. Москва: Издательский центр «Академия».
- Уфимцева Наталья Владимировна (2008), Ассоциативные словари славянских языков. В: Gawarkiewicz R., Pietrzyk I., Rodziewicz B., *Polski słownik asocjacyjny*. Szczecin: Print group Sp. z o.o.
- Караулов, Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. (2002), *Русский ассоциативный словарь*, Москва: ИРЯ РАН.

Семантика леве и десне стране у словенским језицима и култури - Лексикографски приступ

ABSTRACT: *The work analyses development of meaning using diachronical perspective in Slavic languages. Research is based on material of both modern, synchronical and etymological dictionaries. The material contains definitions and examples of use pertaining to concepts of left and right. Studies of this topic fall under ethnolinguistics and are thoroughly explored. This work represents part of a bigger study which is scrutinizing usage of diachronical and synchronical methods in the field of general lexicology, linguoculturology and ethnolinguistics. This work refers to quantity of information and cultural connotation that can be contained in lexicography definitions and examples of use.*

Keywords: left, right, etymology, lexicography, semantics

Материјал овог истраживања заснива се на лексикографским подацима у вези са опозитивним паром лексема *леви–десни*. Како постоји богата славистичка литература у вези са овим лексемама (исп. Иванов–Топоров 1965, Толстој 1995, Толстоја 2008 итд), циљ овог рада представљају могућности истраживања базираног само на лексикографској грађи. Наша жеља била је да покажемо какве се све информације о појединачним лексемама из лексикографских извора могу добити и колико заправо исцрпан материјал за даље истраживање подаци ове природе могу представљати.

1. Лексикографски извори у вези са бинарним опозитивима леви–десни

1.1. Етимологија ових лексема у вези је са праиндоевропским кореном **dek-* (за *десни*) односно **lei-* (за *леви*). Скок бележи коренско значење **lei- savijati*. Потврда за овакво примарно значење чува се у лит. *islaivóti* (чинити кретње) и лат. *laevi boves* (волови са унатраг завинутим роговима). Корен **dek-* Скок повезује са санск. *dákṣiṇas* са значењем *десни, ваљан* (исп. лит. *dėšinas – десни*). Изводи се од индоевропске основе **dek-* *узети руком, све радње које се обављају руком*. У Етимолошком речнику М. Сноја под одредницом *десни* стоји корен **dek- vzeti, ugodno sprejeti*, што значи *згодно узети, примити*. Занимљиво је да СС не издваја посебно значење ових лексема у вези с руком, већ се оне адјективно могу односити на руку, као што означавају леву и десну страну тела или простор са леве и десне стране (уп. *a{te kxto t& udaritx • vx desno_ lanit** (*Мм 5, 39 Зогр Мар; Клоц 4а 33*) или *i levo_ svo_ r*k* vxzloxi* на *ogn# Сунр 516, 13*). Оне као супстантиви могу означавати руку, али додатни податак о томе овај речник не бележи. Изузетак је одредница *десница* као посебан назив за десну руку (исп. *da ne ~\$etx {ujca tvoq • ~#to tvorit# десница tvoq Мм 6, 3 Зогр Мар Ас Саџ*). Одредница *lqvх* не бележи супстантивизацију. Међутим, она се јавља у вези са обликом *{ui* (исп. облик *{ujca* у претходном примеру). Овде ваља истаћи да се облик *{ui* јавља у старословенским споменицима упоредо са обликом *lqvх*. То је прасловенска творевина која се користила синонимно са обликом *lqvх*, а да се табуизираност овог појма пренела на *{ui* потврђује управо пример у којем се помиње лексема *{ujca* (дословно преведен пример *да не чује шушца твоја што чини десница твоја*) и данас се чува у српском језичком наслеђу). ЭССЯ потврђује изложену етимологију лексеме *леви*: „Праслав. **lěvъ* имеет соответствия в лат. *laevus* ‘левый’, в глоссах ‘искривленный, загнутый в земле’: *laevi boves* ‘волы с загнутыми рогами’, греч. *λαίος < λαίφος* ‘левый’. Тот же корень в лит. *iš-laivóti* ‘выкручиват’ь, хотя семема ‘левый’ выражена в балт. иначе, чем в слав. И.-е. праформа **laiuo-* ‘кривой, искривленный’ (см. Miklosich 168; Berneker I 715; Младенов ЕПР 282; Фасмер II, 473; Slawski IV, 190–191; Skok. Etim. Riečn. II, 299; Shevelov. A Prehistory of Slavic 40, 50, 287, 547. Об этрусском *laiv-* ‘левый’ см. В. Георгиев. Вопросы родства средиземноморских языков. – ВЯ 1954, № 4, 53; о возможной реконструкции **(s)leHy-(w)-* см. William M. Austin. Germanic Reflexes of Indo-European *-Hy-* and *-Hw-*. – Language 34, N 2, 1958, 208).” (ЭССЯ Выпуск 14: 31). На исти начин потврђује и етимологију лексеме *десни*: „Праслав. **desnъ* родственно др.-инд. *dákṣiṇa-* ‘правый; южный’, авест. *dašina-* ‘правый’, лит. *dėšinas* ‘правый’, *dešinē* ‘правая рука’ (и.-е. **deksino-*); далее, с другими суффиксами, – греч. *δεξιός*, лат. *dexter*, греч. *δεξιτερός*, гот. *taihswa*, др.-ирл. *dess*.” (ЭССЯ Выпуск 4: 219).

1.1.1. Нарочито су занимљива нека семантичка разрешења која ЭССЯ даје у вези са овим лексемама. Наиме, овај речник даје данашње облике лексема *леви* и *десни* у већини словенских језика, али бележи и метафоричка преношења настала у вези са опозиционим паром. Тако се под одредницом **desn(jь)* помиње хидроним *Десна* којем у источнословенским (као, уосталом, и у западнословенским) језицима одговара синоним образован од корена *prav-*. Истиче се да је **desn-* типично јужнословенска црта и да је некада био прасловенски дијалектизам који је у осталим групама словенских језика потиснут обликом **prav-*. Само истискивање облика **desn-* обликом **prav-* сведочи о симболици лексеме *десни* (исп. *прав* као физички, али затим и морално, суштински исправан). У овом речнику нашли смо и одредницу **desnica*, која упућује на десну руку – ‘правая рука’. У вези са лексемом *леви* на неколико места истиче

се симболика леве стране – „словин. *lievi*, прилаг. ‘левый’ (Lorentz. Slovinz. Wb. I, 580), *levi*, прилаг. ‘левый, неверный’ (Lorentz. Pomor. I, 449)[. . .] др.-русск. *lqvæy* laevus, sinister (Пов. вр. л. 6599 г. – по Ип. сп., Георг. Ам., 161 и др.), ‘неправый, злой’ (Никон. Панд. Сл. 67) (Срезневский II, 70), *lqvæy* прилаг. ‘левый’ (Патерик Син., 143. XI–XII вв; Апокал., 47 об. XV в. и др.) в знач. суш. ‘неправда, злые дела’ (Никон. Панд. Сл. 67) (СлРЯ XI–XVII вв., 8, 187) [. . .] блр. *левы* ‘левый’, диал. *лэвы, лівый* прилаг. ‘оборотный’ (Слоўн. Паўночн.-заход. Беларусі 2, 637)” (ЭССЯ Выпуск 14: 30).

1.2. Речник ЈАЗУ бележи три симетрична значења обеју лексема, и то:

а) примарно значење у вези са одредницом *lijev: najprvo o ruci koja je na strani tela gdje je srce*, па онда и у вези са левом страном тела уопште, као и деловима тела који се налазе са леве стране (око, ухо, нога итд.);

б) значење под редним бројем 2 односи се на леву страну у простору уопште;

в) значење обележено редним бројем 3 односи се на адвербијализацију придева и смер који означавају.

Значења у вези са одредницом *dèsan* идентично су обрађена, нисмо их наводили да не бисмо беспотребно понављали обраду комплементарну обради одреднице *lijev*.

Овај речник упућује на првобитно значење у вези са руком, али га, међутим, не наглашава. Не бележи ниједно метафорички настало секундарно значење, али примери који се у речнику дају упућују на постојање оваквих семантичких преношења (исп. *Nek ne zna ni išta lijeva ruka tvoja što čini desna*. В. Leaković, gov. 161, *Desnom ga je rukom zagrlila, a lijevom nože dovatila*. Нар. pjes. vuk. 1, 583, *Prokleti će stati ob livu tvoju*. М. Jerković 76, *Staviće pravedne na desnu, a zle na livu sudca*. Ј. Banovac razg. 4).

Примери упућују на очигледну симболику лексема, иако речник метафоричка преношења не систематизује. Осим тога, Речник ЈАЗУ не издваја као посебно значење повезаност опозиционог пара *леви–десни* са лексемом *рука*, али зато упућује на првобитну везу са руком, што је за нас изузетно корисно.

1.3. Значајно је да се етимолошки изводи лексема слажу, што указује на поуздану етимологију речи:

1.3.1. Реконструисани корен **lei-* имао је првобитно значење *saviјати*. Оно се чува у лит. *islaivóti* и лат. *laevi boves*. Из доступних извора сазнајемо да се првенствено односило на леву руку и означавало леву руку као непрототипичну, *ону руку која незгодно прихвата, коју морамо искривити да бисмо прихватили нешто*. Међутим, већ из старословенских споменика сазнајемо да се коренско значење у вези са руком не диференцира као првобитно. СС упућује на значење у вези са руком исто колико упућује и на значење у вези са левом страном тела или левом страном у простору уопште. ЭССЯ, СС и РЈАЗУ дају нека метафоричка значења у вези са лексемом *леви*, што може бити корисно за даље истраживање симболике леве стране;

1.3.2. Праиндоевропски корен **dek-* везује се за значење *примити*. Из овог значења реконструишемо првобитно значење које се односило на десну руку и упућивало на десну руку као *ону руку која прима*. Речници углавном не упућују на значење у вези са руком као примарно (изузев Снојевог речника), мада овде, за разлику од одреднице у вези са лексемом *леви*, уочавамо још нешто. Наиме, СС и ЭССЯ лексема *desnica* обрађују као посебну одредницу и упућују на десну руку. (Супстантивизацију у вези са прасл. обликом {ui описали смо у тачки 1.1). ЭССЯ упућује и на синонимност облика **desn-* и **prav-*. Иако СС не бележи значења настала метафоричким транспозицијама, речнички примери указују на постојање ране метафоризације у вези са десном руком (већ коришћени пример *da ne ~\$etx {ujca tvoq • ~#to tvorit# desnica tvoq Mm 6, 3 Зопр Мар Ас Сав* упућује на метафоризацију леве и десне руке. Уп. и %vi `e s= di% volx o desn*_ drx`= me~# • o lqv*_ `e zmii Сунр 76, 5).

2. Семантички развитак примарног и секундарних значења лексема

С обзиром на увид који пружа анализирани материјал, може се реконструисати пут семантичког развитка лексема. Он је текао, очекивано, од конкретног према одговарајућим апстрактним значењима. Развој семантике заснован је на метонимијским и метафоричким транспозицијама, које Ј. Грковић-Мејдор назива *појмовним растом* (в. Грковић-Мејдор 2008: 60) у дијахроној перспективи. Како су првобитна значења лексемског пара већ коментарисана, овај одељак посвећен је когнитивним механизмима заслужним за развој значења лексема.

2.1. Ако посматрамо даљи семантички развој лексема *леви* и *десни*, он је текао паралелно и то на следећи начин:

1) значење у вези са левом или десном страном тела развило се метонимијски у односу на руку, према принципу ширења у оквиру истог конкретног домена;

2) значење у вези са левом или десном страном у простору развило се такође метонимијски, овога пута тако што се појам *левог* односно *десног*, како је могао означавати одговарајућу страну тела, почео означавати и леву или десну страну у простору. На овом значењу заснива се адвербијализација придева;

3) значење у вези са левим принципом као негативним принципом развило се метафорички, и за то је заслужна негативна макрокомпонента лексичког значења, која је подразумевала да руку морамо искривити, ставити је у незгодан, неприродни и неисправни положај да бисмо прихватили нешто;

4) значење у вези са десним принципом као позитивним принципом развило се по угледу на семантику левог принципа, да попуни семантичку празнину и развије комплементарност са семантиком појма *леви*;

5) даљи развој осталих секундарних значења такође је метафорички и заснива се на општем одређењу леве стране као негативне и десне као позитивне.

Резиме

Овим малим освртом на податке које лексикографски извори пружају у вези са опозитивима *леви–десни* желимо да укажемо на количину и природу информација које речници могу садржати о одговарајућим лексемама. Наиме, из прикупљеног материјала стиче се увид у првобитно значење лексема, као и данашње примарно значење. Осим тога, препознају се сва секундарна значења, али и механизми помоћу којих она настају, што је за нас нарочито корисно. Лексикографски подаци широког су дијапазона, богати и слојевити и, ако се на одговарајући начин читају, могу дати увид у семантичке механизме заслужне за развој секундарних значења, као и мотивацију за образовање примарних. Свака информација, без обзира на то у каквој врсти речника била садржана, отвара различите перспективе и може представљати плодно тле за даље истраживање. Лексикографски подаци представљају инспирацију и изазов у много већој мери него што се то на први поглед чини.

Литература

Гортан-Премк, Даринка (2004), *Полисемија и организација лексичког система у српском језику*. Београд, Завод за уџбенике и наставна средства.

Грковић-Мејџор, Јасмина (2007), *Списи из историјске лингвистике*. Нови Сад, Сремски Карловци, Издавачка књижевница Зорана Стојановића.

Грковић-Мејџор, Јасмина (2008), О когнитивним основама семантичке промене. У: *Семантичка проучавања српског језика*. Београд, Српска академија наука и уметности.

Драгићевић, Рајна (2003), Механизми настајања секундарних значења лексема. *Српски језик*, VIII/1–2, 221–231.

Драгићевић, Рајна (2007), *Лексикологија српског језика*. Београд, Завод за уџбенике.

Драгићевић, Рајна (2010), *Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу*. Београд, Друштво за српски језик и књижевност Србије.

Згуста, Ладислав (1991), *Приручник лексикографије*. Сарајево, Завод за уџбенике и наставна средства.

Иванов, Вячеслав Всеволодович, Топоров, Владимир Николаевич (1965), *Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период)*. Москва, Наука.

Толстая, Светлана Михайловна (2008), *Пространство слова (лексическая семантика в общеславянской перспективе)*. Москва, Индрик.

Мршевић-Радовић, Драгана (2008), *Фразеологија и национална култура*. Београд, Друштво за српски језик и књижевност Србије.

Пипер и Раденковић, Предраг, Љубинко (2008), *Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика*, у част академика Светлане Толстој, ур. Предраг Пипер и Љубинко Раденковић. Београд, Српска академија наука и уметности.

Станишић, Вања (2006), *Увод у идоевропску филологију*. Београд, Чигоја штампа.

Толстой, Никита Ильич (1995), *Језик словенске културе*. Ниш, Просвета.

Извори

Речник српског језика (2007). Нови Сад, Матица српска.

Речник српскохрватског књижевног и народног језика (1959–). Београд, Српска академија наука и уметности.

Речник српскохрватског књижевног језика, I–VI (1967–1976). Нови Сад, Матица српска.

Rečnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I–XXIII (1880–1976). Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

Skok, Petar (1971–1974), *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I–IV. Zagreb, Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti.

Snoj, Marko (1997), *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana, Mladinska knjiga.

Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) (1994). Москва, Русский язык. 1994.

Этимологический словарь славянских языков, I–XXXIII, (1974–). Москва, Наука.

Anna Maria Bólya

Hungarian Dance Academy, Budapest, Hungary
bolya.annamaria@mtf.hu

Македонскиот јазик, култура, фолклор и Лекторатот по македонски јазик во Унгарија

ABSTRACT: Macedonian presence on the territory of Hungary from the IX century. „Tanchaz” movement and specially „Balkan tanchaz” movement in Hungary. Antal Kricskovics and the ansambl „Fáklya”. The newest initiatives of the Macedonian Lectorat in Budapest, new programs and projects, new „táncház” with only Macedonian oro at the ELTE, organised by Macedonian Lectorat.

Keywords: Macedonians, Macedonian oro, tanchaz, Balkan tanchaz movement, ansambl Fáklya, Macedonian Lectorat, Macedonian tanchaz

Во врска со македонската култура треба да започнам со проблематиката на користењето на зборот „македонски“ за народ, држава и фолклор.

Во унгарскиот јазик македонската држава се вика „Macedónia“ и луѓето од Македонија се викаат „macedón“. Но, ако зборуваме за фолклорот, името на Вардарска, Пиринска и Егејска Македонија се вика официјално „Makedónia“.

За фолклорното истражување, користењето на името на македонската држава и името на фолклорот е проблематично. Таа разлика постои и во некој други јазици.

Во врска со македонското присуство во Унгарија – ако одиме назад во времето – треба да почнеме со Македонци коишто се дојдени во нашата држава за да работат. Тие не се мигранти, не се унгарски државјани, само живеат неколку години во Унгарија.

Назад во времето можеме да продолжуваме со групата на Егејските Македонци. Тие се бегалци кои се преселиле во Унгарија во илјада деветстотини четириесет и осмата година, заради грчката граѓанска војна. Поголемиот дел од нив останале во Унгарија. Тие се привикнале, имаат стан и работа, го научиле унгарскиот јазик и имаат унгарско државјанство. Ја основале Заедницата на Егејски Македонци во Унгарија. Заедницата има собир еднаш во годината. Издаваат весник еднаш годишно, со наслов „Македонски извор“.

Но, македонското присуство во Унгарија не е само од нив.

Од седумнаесеттиот век започнала миграцијата на луѓето од регионот на Охридското езеро заради османлиската власт. Тие биле главно трговци, и се населиле во различни краишта на Унгарија, на пример во градот Мишколц или Карцаг. Таа група беше мешана, можеме да речеме дека меѓу нив имаше и Македонци исто така.

Таа група на мигранти го донеле култот на Свети Наум од регионот на Охридското езеро. Тој култ има траги во иконите во црквите во Мишколц и во Сентендре.

Но Свети Наум дошол на теренот на Унгарија не само преку иконите туку и лично, кога дошле за мисионерска работа со Свети Климент во Панонија, во деветтиот век.

Во Унгарија денес Македонците немаат официјален статус на малцинство. За само неколку потписи не успеале да го добијат статусот. Беа потребни илјада потписи, но беа собрани само околу деветстотини и деведесет.

Но, посоти Лекторат по македонски јазик кој има нови програми и иницијативи, започнал да биде поактивен во последните три години.

Прво, во две илјади и десетта година, во врска со словенскиот Божиќ на ЕЛТЕ, Лекторатот организира дегустација на македонски храна и пијалоци со голем успех. Потоа, во две илјади и дванаесеттата година дегустацијата беше поврзана со македонскиот танцхаз.

И овој факт го покажува возбудливиот живот во Лекторатот дека во пролетниот семестар на претходната академска година дванаесет нови студенти аплицираа да учат македонски јазик, покрај другите студии, и во оваа академска година аплицираа повторно многу нови студенти.

Сега лекторатот има тринаесет плус еден студент, од катедрите по англиски, бугарски, германски, хрватски, новогрчки, полски, руски и српски јазик.

Во април две илјади и десеттата година Неговата Екцеленција Ѓорге Иванов, претседателот на Република Македонија го посети и ЕЛТЕ и се сретна со студентите кои учат македонски јазик и култура, покрај тоа му подари на ЕЛТЕ мозаик од четвртиот век. Во таа прилика му подари книги на Лекторатот, како донација од Македонската држава.

Тие книги беа само почеток, Лекторатот од јуни две илјади и единаесеттата година започна огромна кампања на донација на книги, во Македонија. Досега се собрани повеќе од илјада книги за Лекторатот, издадени од приватни издавачки куќи, Институтот за македонски јазик „Крсте Мисирков“, Институтот за

македонска литература, Институтот за национална историја и Институтот за македонски фолклор „Марко Цепенков“.

Лекторатот по македонски јазик има добри односи со Амбасадата на Република Македонија во Унгарија.

Студентите на Лекторатот учествуваа активно во организирање на приемот за дваесеттата годишнина на независноста на Република Македонија и други настани.

Во Унгарија, Лекторатот има професионални врски со Унгарската академија за танц, со Унгарската академија за музика, преку Габор Ередик, основач на ансамлот Вујичиќ,

со Јанош Еиферт, познат фотограф, кој направи многу убави фотографии за Македонија, кои се планира да бидат изложени во ноември, во Будимпешта.

Лекторатот ја организира Македонската филмска вечер, каде што може да се запознаеме со филмовите на режисерот Милчо Манчевски. Последната „Македонска филмска вечер“ е со филмот „Сенки“ ќе се одржи на трети мај во библиотеката на Институтот за словенски јазици.

Во април две илјади и дванаесеттата година ќе биде организирана петдневната екскурсија на студентите во Скопје, каде лекторката и студентите ќе ги посетат овие институции.

Од две илјади и дванаесеттата година Лекторатот ја покани Заедницата на Егејските Македонци да земе учество во програмите што ги организира, кои со голем број учествуваа на филмските вечери и танцхазот за македонски ора и песни.

Лекторатот има добри односи и во Македонија со Институтот за македонски јазик „Крсте Мисирков“, со Институтот за фолклор „Марко Цепенков“, со Академското културно-уметничко друштво „Мирче Ацев“, со Академското културно-уметничко друштво „Орце Николов“, Институтот за национална историја, Национална и универзитетска библиотека „Св. Климент Охридски“, Матица Македонска, Македонска реч и други институции.

Лекторатот има две докторантки. Едната е по македонски јазик, а другата е по македонски фолклор. Тие учествуваат во меѓународни конференции на теми за македонскиот јазик и фолклор.

Нова програмата на Лекторатот, поврзана со „Танцхаз“. Зборот танцхаз во буквален превод значи „танц куќа“. Таа традиција е со потекло од Трансилванија. Луѓето се сретнуваат само да танцуваат. Во времиња на советската диктатура, од илјада деветстотин седумдесет и втора година танцхаз станува „мода“ потоа и движење во Унгарија, бидејќи бил многу успешен.

Во Унгарија балканското танцхаз движење започнало само две години подоцна од унгарското, во илјада деветстотини седумдесет и третата година. Основач бил Антун Кричковиќ, кој го основал ансамлот „Факља“ (Факел, хрватски ј.: Luč), во кој танцувале луѓето од сите малцинства на Унгарија. Од илјада деветстотини и деведесеттата година Факља е само хрватски ансамбл.

Балканскиот танцхаз станал многу успешен од самиот почеток.

ТАНЦХАЗ-МЕТОД-от, како унгарска посебност – од ноември две илјади и единаесеттата година е на УНЕСКО списокот на нематеријално наследство.

Денес постојат многу видови на балкански танцхаз во Будимпешта.

Програмата е мешана. Воопшто има бугарски, хрватски, македонски и српски ора. Но постојат танцхаз со романски или грчки ора исто така.

Не постојат танхаз само со македонски фолклор.

Новата иницијатива на Лекторатот со наслов „Македонско фолк попладне“ започна на почетокот на оваа академска година, со желба за учење на македонскиот фолклор. На танцхаз настаните може да се учат македонските ора и песни. Учесниците имаат можност да ги научат следните ора: право, одено, жени јол, пајдушко, бувчанско и овчеполско оро, ора за Лазара и ора за жетва од Овче Поле, и следните песни: Македонско девојче, Димна Јуда и Јовано Јованке. Танцхаз програма ќе биде организирана и во следната академска година за две групи, со повеќе песни и ора.

Literatura

Dékly Márk (2004), *Kricskovics Antal 75 éves, forrás:*

Fuchs Lívia (2007), *Száz év tánc* Budapest, L'Harmattan kiadó

Kricskovicsné Szilvcsanov Mária (1967) „Kóló”, Budapest, FMH

Lukács István szerk. (1999), *A csend relációi – Relacije tišine* Budapest, Budapesti Horvát Önkormányzat

Siklós László (1977) *Táncház* Budapest, Zeneműkiadó

Минков, Лазар (2000), *Македонската емиграција од Егејскиот дел на Македонија во Унгарија* Скопје, Матица македонска

Пенушлиски, Кирил (2003) *Македонски фолклор* Скопје, Матица македонска

Целакоски, Наум (1997), *Свети Наум Охридски Чудотворец*, Prilep Raster

<http://nemzetisegek.hu/repertorium/2005/01/Bar06.pdf> 2011.02.12.

<http://szlavintezet.elte.hu/szlavtsz/macedon/index.shtml> 2012.02.01.

<http://unesco.org/culture/ich/en/Art18/00515> 2012.04.02.

Мартин Браксаторис

Comenius University in Bratislava, Bratislava, Slovakia
braxatoris@fphil.uniba.sk

Падеж и однозначность падежных форм в истории словацкого, русского, белорусского и украинского языков

ABSTRACT: The author aims to identify trends of language development in the sphere of unambiguity of morphological means of noun declension in Slovak and East Slavic languages. He develops and applies a method of quantification of level of declension unambiguity. Then he suggests some fundamental theses and hypotheses of interpretation of the gained results.

Keywords: unambiguity, noun declension, Proto-Slavic, Slovak, Russian, Belarusian, Ukrainian

Главной целью настоящего доклада является определить и предложить адекватную интерпретацию уровня омонимии падежных форм в словацком и в восточнославянских языках. Промежуточными целями являются:

- предложить метод осуществления количественной оценки уровня омонимии падежных форм
- предложить способную послужить теоретическим фундаментом упоминаемого метода алгебраическую модель исторического развития языка
- предложить основные тезисы и гипотезы интерпретации повышения или понижения уровня омонимии падежных форм

Основная модель исторического развития языка

Алгебраические модели широко применяются для экспликации различных явлений из области структуры и функционирования естественных языков (см. напр. Sgall и соавт. 1986, Hajičová – Panevová – Sgall 2002, Norecký – Sokolová 2003). Для достижения главной цели доклада мы считаем необходимым предложить алгебраическо-лингвистический экспликат исторического развития языка, применимый в целях теоретического обоснования метода количественной оценки, позволяющего точную обработку изменений уровня омонимии в рамках систем склонения в словацком и в восточнославянских языках.

Идея, что любой процесс является последовательностью состояний не является чем-то новым (см. напр. Lange 1966, с. 12, Mikleš – Fikar 1999). Историческое развитие языка – это, несомненно, своего рода процесс и диахронический язык можно эксплицировать на основе конечной последовательности синхронных состояний языка, в рамках которой (в зависимости от хронологии изменений в языке) натуральным числам ставятся в соответствие системы весьма сходных языковых кодов. Важно, что в отличие от порядка состояний языка время с помощью натуральных чисел выразить невозможно, так как в сколь угодно малой окрестности любого мгновения найдется бесконечное количество других мгновений. Итак, понятие диахронического языка следует эксплицировать на основе сложной функции, ставящей в соответствие вещественным числам (в интервале, ограниченном временем использования языка) натуральные числа (количество которых связано с изменчивостью языка), которым ставит в соответствие синхронные состояния языка. В случае исторического развития языка имеем, по всей вероятности, дело с дискретно-непрерывным процессом.

Непрерывностью времени занимались, главным образом в связи с ее сигнализацией словоформами глагола, лингвисты, как напр. Žigo (1997) или в меньшей мере Klímová (2009). Оказывается, что непрерывность этой величины является также фундаментальным исходным пунктом моделирования исторического развития естественного языка.

Утверждения об изменении языка можно толковать так, что та же функция ставит в соответствие разным мгновениям разные, хотя и весьма сходные системы языковых кодов (правда, ставит она в соответствие состояния языка не обязательно разные: язык не изменяется в каждый момент и поэтому данное отображение не инъективно. Учитывая конечность рассматриваемой последовательности состояний, инъективность даже не представляется возможной).

Факт, что историческое развитие языка представляет собой последовательность, позволяет нам выразить соотношение синхронных состояний диахронического языка посредством функции следования (которая, как правило, используется в рамках определения натуральных чисел). То же самое касается исследуемой нами области склонения существительных в словацком и в восточнославянских языках: некоторые классы слов могут быть отсортированы по временной шкале и соотнесены как предшественники и наследники или. Такое соотношение позволяет нам рассматривать их как неизменяемые абстрактные классы (измененный класс теряет идентичность: утверждение, что после

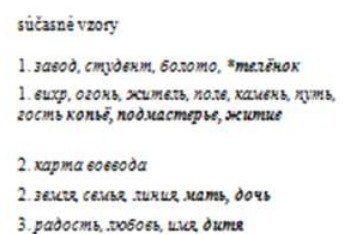
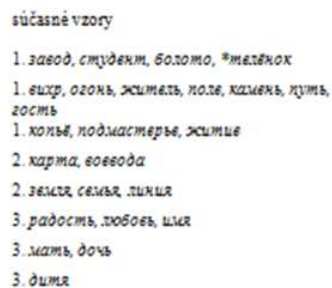
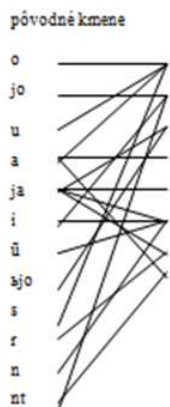
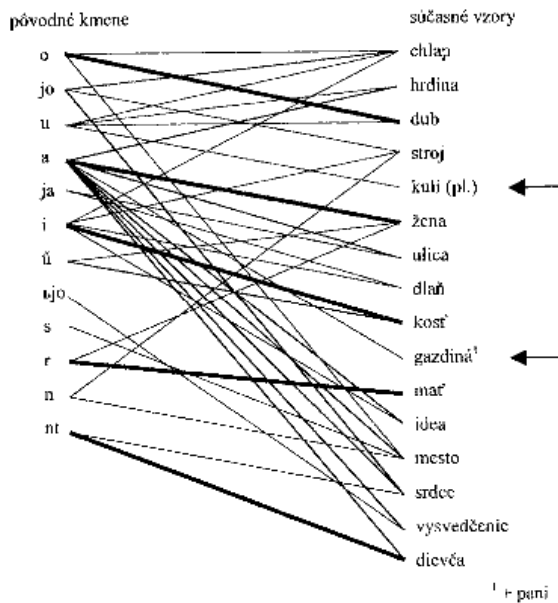
изменения имеем дело с тождественным классом, предполагает отрицание закона тождества ($\forall x(x=x)$)

или принципа противоречия ($\forall x((Ax \wedge Ax')$)).

Количественная оценка уровня омонимии

Грамматические семы числа и падежа в исследуемых языках выражаются теми же грамматическими морфемами. В дальнейшем, мы будем пользоваться термином «грамматическая форма», которая представляет собой совокупность таких грамматических сем (см. Смирницкий 1955). По словам В. Л. Ельмслева, к сочетанию доберемся тогда, когда мы рассматриваем любую морфему парадигмы (парадигма номера, парадигма падежа) не в целом, а каждую самостоятельно: между отдельным падежом (напр. винительным) и числом (напр. множественным) существует сочетание (Hjelmslev 1972, с. 31). Количество грамматических форм определим произведением количества грамматических сем отдельных типов (напр. $6 \times 2 = 12$ в случае парадигмы склонения, состоящей из двух чисел и шести падежей, ср. Sgall 2011, с. 160).

Обработку грамматических классов имен существительных, основанную на понятии исторических предшественников и наследников, можно найти напр. в Sokolová 2007, с. 44 или в источниках приведенных ниже схем Žigo 2005, с. 24, Žigo 2007, с. 27.

* slovo tvorná podmienenosť

* slovo tvorná podmienenosť

Общие предшественники грамматических классов имен существительных в современных словацком, русском, белорусском и украинском языках позволяют нам определить уровень однозначности, причем количественная оценка осуществляется путем определения частного от деления числа словоформ на число грамматических форм.

В словацком языке было на фоне праславянского склонения установлено 49 типов склонения, причем можно констатировать повышение уровня однозначности у 30 типов (61%); понижение уровня однозначности у 12 типов (24,5%); неизменный уровень однозначности у 7 типов (14%). В русском языке было установлено 48 типов склонения, причем можно констатировать повышение уровня однозначности у 37 типов (76%); понижение уровня однозначности у 8 типов (16,7%); неизменный уровень однозначности у 3 типов (6%). В белорусском языке установлено 46 типов склонения, причем можно констатировать повышение уровня однозначности у 26 типов (56,5%); понижение уровня однозначности у 17 типов (37%); неизменный уровень однозначности у 3 типов (6,5%). В украинском языке установлено 50 типов склонения, причем можно констатировать повышение уровня однозначности у 32 типов (64%); понижение уровня однозначности у 16 типов (32%); неизменный уровень однозначности у типов (4%).

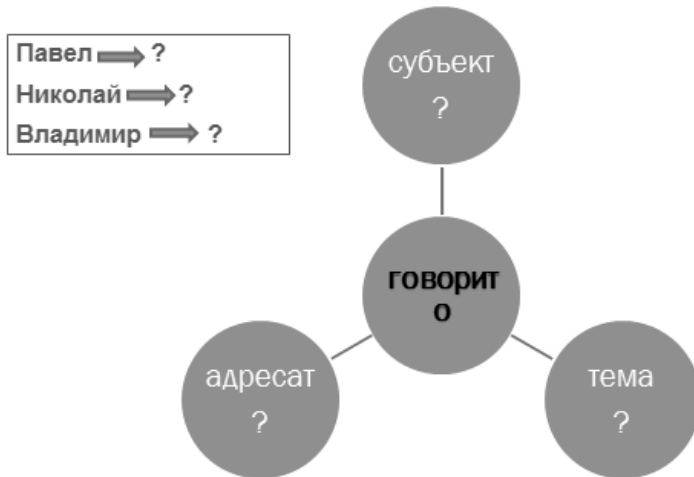
	<i>m. o-</i>	<i>m. jo-</i>	<i>n. o-</i>	<i>n. jo-</i>	<i>n. ijo-</i>	<i>-xnin</i>	<i>-telb</i>	<i>-arъ u-</i>	<i>a-</i>	<i>ja-</i>	<i>bjа-</i>	<i>m. i-</i>	<i>f. i-</i>	<i>v- I</i>	<i>v- II</i>	<i>m. n- I</i>	<i>m. n- II</i>	<i>n. n- r- I</i>	<i>r- II</i>	<i>s-</i>	<i>oko, ucho</i>	<i>nt-</i>	<i>vyhodnotenie</i>	
SLOVENČINA	2	5	2	3	1	0	0	1	1	0	2	3	2	1	0	1	1	0	0	0	1	2	2	30
	0	0	0	0	0	1	1	1	0	2	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	7
	3	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0	0	0	1	1	2	0	0	2	0	0	0	0	12
RUŠTINA	6	4	1	2	3	0	1	6	1	1	4	1	1	0	0	1	1	0	0	1	1	1	1	37
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	3
	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	2	0	1	1	0	0	1	0	0	0	0	1	8
BIELORUŠTINA	1	3	3	1	2	0	0	1	4	0	4	1	2	1	0	1	1	0	0	1	0	0	0	26
	0	0	0	0	0	0	2	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
	2	0	1	0	0	1	0	0	0	3	0	1	0	0	1	0	0	2	0	3	1	1	1	17
UKRAJINČINA	3	6	1	1	1	0	2	3	1	1	3	2	2	1	0	2	2	0	0	1	0	0	0	32
	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	2
	1	1	0	0	0	0	1	3	0	0	2	0	0	0	1	1	0	2	0	0	1	2	1	16

Очевидно преобладающее понижение уровня омонимии одновременно с сокращением числа выражаемых грамматических форм (убыток выражения двойственного числа, а также - кроме украинского языка - звательного падежа). Увеличение уровня омонимии зафиксировано главным образом у классов - наследников с относительно высоким уровнем однозначности словоформ их предшественников в праславянском языке (*slověninъ, dějatelъ, mytarъ, synъ, ulica, bremę, kolo, oko, ucho, otročę, žena*), снижение уровня омонимии наоборот у классов - наследников с относительно низким уровнем однозначности (*možъ, město, pole, znamenъe, bogyni, vorobyi, gostъ, dъnъ*).

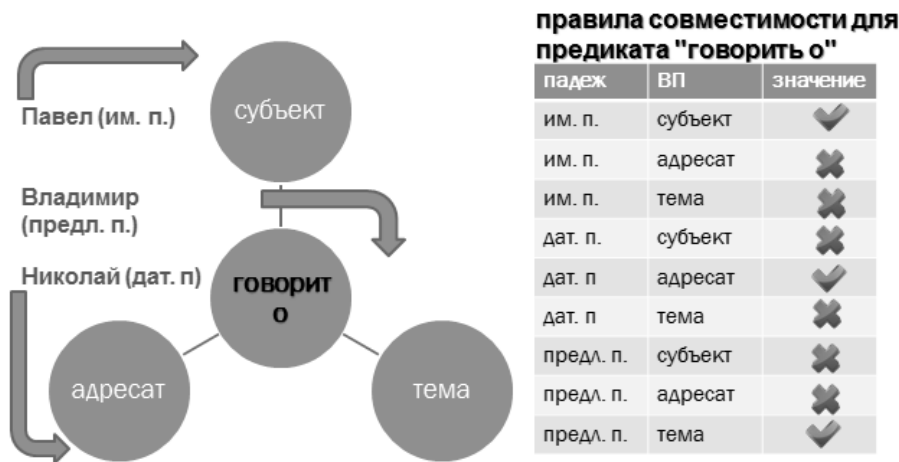
Определение падежа

До сих пор мы обошлись с интуитивным понятием падежа. Следующая интерпретация, однако, требует его уточнения, причем и к предлагаемому нами определению относится цитата: „Излагая свое представление о базовых функциях падежей, мы далеки от мысли "сделать лучше", чем другие исследователи (в рамках разных подходов - разные критерии лучшего)“ (Волков – Милкуш 2000, с. 148). Пока в лингвистической теории доминируют порождающие (генеративные) модели (главным образом расширенная теория Хомского или падежная теория Филлмора), с учетом возможных затруднений понимания речи в случае исследуемого явления омонимии мы считаем желательным также создание опознавательной модели.

В рамках постройки этой модели является центральным вопрос, как мы ставим в соответствие словоформам грамматические формы и последовательно грамматическим формам валентностные позиции. Роль падежа в опознавании соотношения аргумента и валентностной позиции является очевидной, если зададим себе вопрос, что было бы без него (при свободном порядке слов).

Управление предиката в рамках предлагаемой модели является ничем другим, как совокупностью правил совместимости падежа и валентностных позиций (смотри приведенную ниже схему).

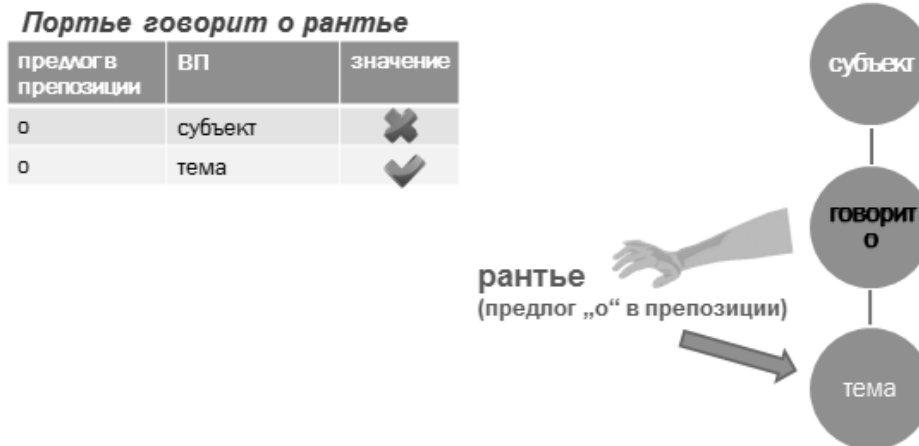

Падеж можно считать составной частью процедуры идентификации соответствия аргумента и валентностной позиции. Существует возможность описания пути от словоформы к валентностной позиции в виде алгоритма. Поскольку это весьма сложный вопрос, сейчас этим заниматься не будем, а ограничимся описанием ее в основных чертах. Процедура должна состоять примерно из следующих шагов:

- возьми словоформу
- отнеси ее к слову (имени существительному)
- определи тип склонения
- определи соответствующую словоформе грамматическую форму
- определи число
- определи падеж
- найди предикат
- на основе правил совместимости (управление) поставь в соответствие выраженный именем аргумент и валентностную позицию

Правда, сигнализацию соответствия аргумента и валентностной позиции обеспечивает не только падеж. В основном можно выделить, по крайней мере, три способа его сигнализации: 1. падеж 2. позиция предлога 3. языковой (порядок других слов...), прагматический (интонация...) и эмпирический (напр. способность совершать намеренные действия в предложении „Девочки съели груши“) контекст. Важность позиции предлога в процессе идентификации соответствия аргумента и валентностной позиции очевидна в случае роли предлогов предшествующих несклоняемым именам существительным: тогда ответ на вопрос "Что было бы без падежа?" звучит примерно так: "Ничего страшного". Предлог в

данном случае можно считать „удлиненной рукой предиката“ (ср. идею удлиненной руки падежа в Miko 1962 и проч.).

Заключения

Назовем грамматическую форму ГФ и словоформу СФ. Введем термин «сложность интерпретации СФ», которая дана длиной формулы $ГФ_1 \vee \dots \vee ГФ_n$, („ \vee “ обозначает дисъюнкцию) ассоциированной с определенной словоформой. Сложность продукции СФ определяется наоборот (при определенном упрощении; подробнее в предстоящих публикациях автора): по количеству элементов формулы $СФ_1 \vee \dots \vee$

ST_n , которая соотнесена с определенной грамматической формой (ср. Sgall, 2011, с. 150). Анализ уровня омонимии показал повышение его главным образом у классов – наследников с относительно высоким уровнем однозначности словоформ их предшественников и снижение наоборот у классов – наследников с относительно низким уровнем однозначности. Преобладающее понижение сложности интерпретации не связано с повышением уровня продукции, так как одновременно понижалось не только число выражаемых ГФ, но и число СФ. На основе приведенных знаний формулируем тезис о балансе сложности продукции и интерпретации, который заключается в тенденции не превышать определенный уровень этих двух величин и в предполагаемом примерно постоянном их соотношении.

Исходя из того, что существуют два основных неконтекстуальных средства сигнализации соответствия аргумента и валентностной позиции; падеж и позиция предлога (см. также утверждение о высоком уровне избыточности падежных морфем в флективных языках в Erhart 1973, с. 105), формулируем гипотезу, что одновременно с повышением уровня однозначности не растет автоматически общее количество однозначных предложений данного языка (ср. Rapp 1974, с. 6, Pinker 2008, с. 328), а главным образом изменяется мера, в какой в идентификации соответствия аргумента и валентностной позиции участвует падеж и в какой позиция предлога (конкурентность флективных и аналитических черт в морфологии).

Литература:

- Erhart, Adolf (1973): *Úvod do obecné a srovnávací jazykovědy*. Brno, Univerzita J. E. Purkyně
 Hajičová, Eva – Panevová, Jarmila – Sgall, Petr (2002): *Úvod do teoretické a počítačové lingvistiky. I. svazek – Teoretická lingvistika*. Praha, Karolinum
 Hjelmslev, Louis (1972): *O základech teorie jazyka*. Praha, Academia 1972
 Horecký, Ján – Sokolová Jana (2003): *Modelovanie a lingvistika*. Nitra, Garmond
 Klímová, Eva (2009): *Otázky vztahu slovesného modu a modalit v italštině (na pozadí angličtiny a češtiny)*. Opava, Slezská univerzita v Opavě
 Lange, Oskar (1966): *Celek a vývoj ve světle kybernetiky*. Перевел О. Tenzer. Praha, Svoboda
 Mikleš, Ján – Miroslav Fikar (1999): *Modelovanie, identifikácia a riadenie procesov: Modely a dynamické charakteristiky spojitých procesov, Zväzok I*. Bratislava, Slovenská technická univerzita
 Miko, František (1962): *Rod, číslo a pád podstatných mien*. Bratislava, Vydavateľstvo SAV

- Sgall, Petr и соавт. (1986): *Úvod do syntaxe a sémantiky. Některé nové směry v teoretické lingvistice*. Praha, Academia
- Sgall, Petr (2011): *Jazyk, mluvení, psaní*. Praha, Karolinum
- Смирницкий Александр Иванович (1955): Лексическое и грамматическое в слове. In: *Вопросы грамматического строя*. Москва, АН СССР, с. 11– 53
- Sokolová, Miloslava (2007): *Nový deklinačný systém slovenských substantív*. Prešov, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove
- Волков, Валерий – Милкуш, Михал (2000): *Идеографическое описание русского языка*. Прешов, Наука
- Papp, Mária (1974): *A nyelv keletkezése*. Budapest, Kossuth Könyvkiadó
- Pinker, Steven (2008): *Slova a pravidla : složky jazyka*. Praha, Academia
- Žigo, Pavol (1997): *Kategória času v slovenskom jazyku*. Bratislava, Univerzita Komenského v Bratislave
- Žigo, Pavol (2005): Od prirodzenosti v jazyku k zovšeobecňovaniu. In: *Jazyk a komunikácia v súvislostiach*. Bratislava, Univerzita Komenského
- Žigo, Pavol (2007): Podobnosti jazykových a nejazykových štruktúr. In: *Jazykovedný časopis*. 2007, 58/1, с. 21 – 30

Uporaba ili upotreba? – prikaz statusa dvaju leksema u standardnom hrvatskom i srpskom jeziku

ABSTRACT: *The goal of this paper is to compare the use of the lexemes uporaba and upotreba in standard Croatian and standard Serbian language, the relationship of their meanings and the shift in meaning since their first use until today. It has been done by inquiry into monolingual, diferential and synonym dictionaries and by searching the corpuses and doing the questionnaire amongst native speakers. Works on language purism and sociological works have been taken into account in order to establish why, nowadays, uporaba is a part of standard Croatian language, though it has not been until last few decades.*

Keywords: uporaba, upotreba, Serbian, Croatian, Lexicology

1. Uvod

Svrha ovog rada jest usporediti lekseme *uporaba* i *upotreba* i vidjeti u kakvom su odnosu njihova značenja, jesu li sinonimi ili se pojavljuju u specifičnim okolinama. Isto tako, cilj je prikazati kakav status proučavani leksemi imaju u srpskom i hrvatskom standardnom jeziku.

Prvenstveno je naglasak stavljen na proučavanje značenja putem razlikovnih, jednojezičnih i sinonimnih rječnika, izdanih tijekom 20. stoljeća. Proučeni su hrvatski i srpski rječnici, osobito oni suvremeni, uz pretpostavku da je do značajnih promjena došlo nakon 1990. godine, kada se puno radilo na razdvajanju hrvatskog i srpskog standardnog jezika, a na čemu se radi i danas.

Uz pretpostavku da oba leksema trenutno supostoje u hrvatskom jeziku, putem korpusa i ankete prema dobnim skupinama pokušalo se prikazati koji je od dva proučavana leksema češći u kojoj generaciji odnosno u kojem funkcionalnom stilu u hrvatskom jeziku.

Također, nije zanemarena ni etimologija dvaju leksema kako bi se vidjelo u kakvom su odnosu njihova značenja bila u prošlosti, a u kakvom su odnosu danas te kada i kako je došlo do mogućih promjena u značenjima, što je prikazano dijakronijsko-semantičkom analizom.

2. Uporaba i upotreba kao rječničke natuknice

U razlikovnim rječnicima hrvatskog i srpskog jezika, poput Čosićeva, Ćirilovljeva i Moskovljevićeva rječnika, od početka 20. stoljeća do danas, *upotreba* se uvijek navodi kao srpski, a *uporaba* (isključivo) kao hrvatski oblik, uz navođenje drugih sinonima, poput *korištenje*.

Prema rječniku JAZU (poznatom kao *Akademijinom rječniku*, dalje ARj) za lemu *uporaba* stoji: *f. upotreba; govori se s naznač. akc. u zapadnim krajevima. uporaba*, potvrda za ovu lemu prema ARj je: *Vele, da je zemlja Gospodna i sve što je na njoj ... za njihovu uporabu.* (Bukovica u Dalmaciji) (Jedvaj [et.al.] 1967-1971: 716).

Za lemu *upotreba* u Arj se navodi *f. nom. act. od glagola upotrebiti; uporaba, poraba, upotrebljavanje. Ima u bug. i slov. Potvrde su samo iz XIX v. Potvrda za lemu je: Anwedung; - Gebrauch, zn. naz. (upotreba, merc. stil upotrebljavanje, poraba uživanje)* (Iz rječnika Šulekova *nem.-hrv* (Jedvaj [et.al.] 1967-1971: 725).

3. Etimologija leksema

Kako je Ćirilov naznačio, u osnovi leksema *uporaba* je glagol *rabiti*, a u osnovi *upotrebe* je *trebati*. Prema *Etimologijskom rječniku hrvatskoga ili srpskoga jezika* (Skok, 1973: 150) navedeno je kako *rabiti* dolazi od *rabota*, čiji je korijen *rob*. Tako je lema *rob* definirana kao *sveslav. i praslav., (prvobitno) sluga*. Uz mnoge izvedenice, navodi se i *denominal na -iti robiti, koji u sjevernim slavinama znači „raditi“, te čakavski rabit „1) raditi, djelovati, (...) 3) trebati, upotrebljavati (ŽK)“,* za što su navedene potvrde kod Belostenca, Menčetića i drugih.

Prema navedenom rječniku, *upotreba* dolazi od *trebati*, što pak dolazi od *trijebiti (se)*, za što je u tom rječniku navedeno *trijebim impf. sveslav., praslav. *terb-, „čistiti, izdvajati, expurgare“. Prvobitno je značenje „krčiti“ (...). Od tog značenja „rad > krčenje“, koji se smatra nužnim za život, razvija se značenje „nužda uopće > potreba“: trijeba f (Boka: nemam trijebe) „nužda“ (Skok, 1973: 501).*

Za oba leksema gotovo jednako se navodi u *Hrvatskom etimološkom rječniku* (Gluhak, 1993:637-638)

4. Dijakronijsko-semantička analiza

Kako je vidljivo iz navedenih primjera, već je u indoeuropskom prajeziku postojao korijen današnjeg glagola *trebati*, a u praslavenskom korijen glagola *rabiti*. Kako je došlo do pomaka u značenju tih leksema od početnog do trenutnog stanja, može se rekonstruirati pomoću dijakronijsko-semantičke analize leksema, o čemu, između ostalih, piše I. Raffaelli (2009: 171 i dalje).

4.1. Upotreba

Značenje	Pomak u značenju
Trenje, trošenje, orati (ie.)	
Čistiti, krčiti (psl.)	Specijalizacija
Posao, rad	Generalizacija

Nužno za život	Metafora
Nužda uopće	Generalizacija
Potreba	Generalizacija
Upotreba (hrv.)	Metafora

Iz tablice se vidi da je leksem *upotreba* već u praindoeuropskom jeziku bio poliseman te da, bez obzira na promjene, sva značenja pripadaju konceptu rada.

Prvobitno značenje se procesom specijalizacije od početnog *orati* promijenilo u *krčiti, čistiti*, što je tada kulturološki bilo najzastupljenije i jedan se oblik rada promijenio u drugi pa se značenje leksema jednako promijenilo, i dalje ostajući u domeni rada. Značenje se zatim generalizira pa obuhvaća značenje cijelog koncepta rada. Zatim se uzročno-posljedičnim slijedom značenje mijenja u *nužno za život*, što rad svakako jest. Nadalje se generalizacijom dolazi do *nužde uopće* te još općenitijeg značenja *potreba* nakon čega se uzročno-posljedičnom vezom dolazi do *upotrebe*, što bi se moglo opisati kao *upotrijebimo za zadovoljenje potrebe*.

4.2. Uporaba

Značenje	Pomak u značenju
Rob, sluga	
Radnik	Generalizacija
Raditi	Generalizacija
Rad, trud	Generalizacija
Djelovanje	Generalizacija
Uporaba	Specijalizacija

Iz tablice se vidi da i leksem *uporaba* u svim svojim značenjima sadrži koncept rada, no pomaci u značenjima nešto su jednostavniji. Prvotno je leksem označavao *roba*, da bi promjenama društvenog uređenja došlo do pomaka u značenju procesom generalizacije, čime je leksem označavao bilo kakvog *radnika*, a ponovnom generalizacijom dolazi do glagola koji označava radnju te još jednom generalizacijom dolazi do izjednačavanja značenja sa samim konceptom rada. Ponovnom generalizacijom dolazi do značenja *djelovanje*, koje označava i druge radnje od samog rada, djelovati se može i bez konkretnog rada. Specijalizacijom se dolazi do uporabe čime se značenje od općenitog sužava i dolazi do sinonimije s leksemom *upotreba*.

Važno je istaknuti da su vrste mehanizama dijakronijsko-semantičke analize vrlo neprecizne i ovo je samo pretpostavka izvedena iz potvrda u etimološkim rječnicima.

5. Sinonimičnost

Prilikom istraživanja ovakve vrste značajni su sinonimni rječnici, kojih je trenutno vrlo malo, no nekoliko ih postoji, pa se u *Sistematskom rečniku srpskohrvatskoga jezika* mogu naći svi (para)sinonimi proučavanih leksema, poput *služenje, upotrebljavanje, rabljenje, korišćenje* (Jovanović, Atanacković, 1980: 135, 424).

U *Rječniku sinonima hrvatskoga jezika* (Šarić, Wittschen, 2008: 499) navodi se niz sličnih sinonima za leksem *uporaba*.

Zanimljivo je da se potvrde o prvotnom značenju leksema nalaze i danas, što je vidljivo iz sinonima proučavanih leksema. Tako se u sinonimnim rječnicima uz oblike korijena *rab-* mogu naći oblici korijena *slug-/služ-*, poput imenice *sluga* što je sinonim imenice *rob*, što je pak, kako je vidljivo iz etimologije, etimon današnjem korijenu *rab-*.

6. Uporaba kao hrvatski čakavizam

U *Rečniku srpskoga jezika* (Vujanić [et.al.], 2007: 1405) postoji lema *upotreba*, uz koju kao definicija stoje leksemi *namenat, primena; upotrebljavanje*, no ne i *uporaba*, čime je vidljivo kako to nipošto nije srpski oblik, kako je navedeno i u razlikovnim rječnicima. Jednako je i u *Razlikovnom rječniku srpskog i hrvatskog jezika* (Brodnjak, 1991: 560).

Dakle, kod Srba je situacija jasna. Kad se radilo o zajedničkom standardnom jeziku, navođena su oba oblika, s naznakom da se *uporaba* koristi u Hrvatskoj, u zapadnim krajevima, u Dalmaciji i slično. U današnje vrijeme, kad se radi o dvama zasebnim standardima, za srpski se navodi isključivo *upotreba*.

U Hrvatskoj situacija nije tako jasna. Kako je vidljivo iz ARj i drugih rječnika, oba oblika u Hrvatskoj postoje još od 18. stoljeća pa i ranije. Pri tome se čini da glagol *rabiti*, a time i *(u)poraba*, dolazi iz čakavskog narječja, dok *trebat* i *upotreba* pripadaju štokavskom narječju, što je jasno i iz srpskog jezika koji ima oblike s korijenom *treb-*, a standard mu počiva na novoštokavskom narječju.

Za potvrdu rasprostranjenosti leksema *rabiti*, postoji i natuknica u *Rječniku hrvatskoga jezika* (Iveković, Broz, 2009: 116), gdje se uz lemu *poraba* navodi: *u Hrvatskoj, rabiti koji u čakavaca znači kao službu činiti, rabiti = raditi od robije (u Lici), tlačiti, kulučiti*.

Danas se oblici glagola *rabiti* ne mogu, ili mogu vrlo ograničeno, pronaći u čakavskim rječnicima jer su ti oblici preuzeti u standard i ne doživljavaju se kao dijalektizmi, premda su u prošlom stoljeću, ili još ranije, to bili. S tim se u vezi u *Rječniku čakavsko-kajkavskih govora karlovačko-dugoreškog kraja* (Perušić, 1993: 221)

nalazi glagol *rābit* koji znači *koristiti, rabiti, trebati* te imenica *poraba*, uz koju stoje *potrošnja, uporaba* (Perušić, 1993: 214), dok se u drugim čakavskim rječnicima spomenuti leksemi kao natuknice ne nalaze.

7. *Uporaba i upotreba u hrvatskom jeziku danas*

Nakon pregleda etimologije, današnjeg značenja i rječničkih potvrda, važno je proučiti kakav status leksemi *uporaba* i *upotreba* imaju danas, osobito u standardnom hrvatskom jeziku.

U vezi s tim proučeni su Hrvatski nacionalni korpus (dalje HNK) i Croatian Language Corpus (dalje Riznica), kako bi se vidjela čestotnost tih leksema, kao i njihovo stilsko i kolokacijsko korištenje. Također, napravljena je i anketa kako bi se vidjelo je li jedan od proučavanih leksema karakterističniji za određenu dobnu skupinu.

Isto tako, u obzir su uzeti radovi o jezičnom purizmu nakon raspada Jugoslavije, kada je došlo do odvajanja srpskohrvatskog jezika na srpski i hrvatski jezik i kad se intenzivno radilo na razdvajanju tih dvaju jezika kako bi se odvajanjem od političke odvojilo i od jezične zajednice. Htjelo se vidjeti je li korištenje leksema *uporaba* tad znatno poraslo, odnosno, je li on od dijalektizma postao dijelom standardnog jezika, s obzirom da je *upotreba* odbačena kao leksem srpskog jezika.

7.1. HNK

U HNK-u (<http://www.hnk.ffzg.hr/default.htm>), koji trenutno broji oko 100 milijuna pojavnica, lema *upotreba* pojavljuje se 4020 puta, a lema *uporaba* 11 633 puta. U svim podkorpusima, poput klasika hrvatske književnosti i raznih dnevnih i tjednih novina izdanih od 1990-ih do danas, *uporaba* ima veću čestotnost od *upotrebe*, a isto je i s drugim oblicima tih korijena, ukoliko se ti leksemi u podkorpusu nalaze. To je vjerojatno zato što se u korpusu radi o medijima, književnosti, administrativnim tekstovima i slično, koji su većinom pisani standardnim jezikom. Pri tome nema razlike u okolinama tih dvaju leksema. Oba se leksema mogu pojaviti u istim okolinama, a odabir ovisi o govorniku i, eventualno, stilu teksta. Potvrde za lekseme su, na primjer: (...) *hrvatski jezik nije znatnije zastupljen u javnoj <upotrebi>* ., te (...) *učiniti da u opću <uporabu> uđe iskrivljena slika bosanske krize* .

I u Ustavu Republike Hrvatske pojavljuje se leksem *uporaba*, čime je vidljivo kako je to leksem propisan standardom: Članak 12.: *U Republici Hrvatskoj u službenoj je uporabi hrvatski jezik i latinično pismo.*

Zanimljivo je kako se u *Hrvatskom čestotnom rječniku* (Moguš, Bratanić, Tadić, 1999: 1149-1150) leksem *uporaba* ne pojavljuje, ima jedino oblik *uporabiv*, dok *upotreba* i izvedenice postoje. No, taj je rječnik napravljen na temelju takozvanog Moguševog korpusa, koji je nastao u razdoblju prije 1990-ih, a koji je vjerojatno nije napravljen na temelju istih tekstova kao HNK, ali kako se radi o barem približno sličnim tekstovima, ako ništa drugo radi se o istom jeziku, neobično je kako u jednom leksema *uporaba* nema, a u drugom je daleko zastupljeniji od *upotrebe*. Čini se da se radi o jezičnom purizmu, s obzirom da je jedan korpus suvremen, a drugi nastao prije 1990-ih.

7.2. Riznica

U Riznici (<http://riznica.ihjj.hr/philologic/>), korpusu koji obuhvaća književne, znanstvene i publicističke tekstove od druge polovice 19. st. do danas, za leksem *upotreba* postoji 597 potvrda, od čega je većina u razdoblju od 2000. do 2009. godine, u znanstvenim tekstovima te u *Vjesniku*. Najranija potvrda je iz 1910.-19. u djelu A. G. Matoša *Pečalba: Kaprisi i fejtoni*.

Uporaba, s druge strane, ima 772 potvrde, također najviše u razdoblju od 2000. do 2009. godine, a također u znanstvenim tekstovima i u *Vjesniku*. Najranija potvrda je, isto tako, iz 1910.-19. u *Književnim studijama i prikazima. Svezak I. M. Marjanovića*.

Riznica potvrđuje podatke iz HNK-a, no prikazuje kako su danas ovi leksemi u paralelnoj upotrebi s gotovo jednakom čestotnosti.

7.3. Anketa

Anketa prema dobnim skupinama pokazala je rezultate suprotne onima koje nudi analiza korpusa. Dobne skupine su odvojene prema članku *Age*, objavljenom u *The Routledge Companion to Sociolinguistics* (Llamas [et al], 2007: 69-77), gdje su jezične dobne skupine podijeljene na djecu, adolescente, mlađu odraslu, zrelu i stariju dob, pri čemu dobna skupina djece nije ušla u anketu.

Svaka ispitana dobna skupina obuhvaća pet ispitanika, pri čemu su dvije skupine mlađe odrasle dobi, ona u kojoj su ispitanici radnici ili studenti društvenih i prirodoslovnih fakulteta te ona u kojoj su ispitanici studenti lingvistike ili neke filologije.

Među adolescentima, od pet ispitanika, jedan ispitanik navodi *uporabu* kao leksem koji koristi, dok drugi ispitanici koriste isključivo *upotrebu*.

Među ispitanicima mlađe odrasle dobi nefilologa također samo jedna osoba koristi isključivo *uporabu*, dok ostali koriste *upotrebu*.

Kod ispitanika mlađe odrasle dobi, koji su studenti filoloških studija, četiri od pet ispitanika kaže da u jednakoj mjeri koristi oba leksema, a odabir ovisi o sugovornikovu korištenju (bilo da se radi o stvarnoj osobi ili o nekom tekstu) ili o situaciji, pri čemu *upotrebu* koriste uglavnom u razgovoru, a *uporabu* u službenim situacijama. Preostali ispitanik koristi isključivo *upotrebu*.

Ispitanici zrele i starije dobi koriste isključivo *upotrebu*.

Dakle, na temelju ankete zaključeno je da gotovo sve osobe koriste leksem *upotreba* u razgovoru, a samo nekolicina njih koriste *uporabu* u službenoj komunikaciji, a i to uglavnom ako im je nametnuto od sugovornika, jer *govor je ono što čini da se jezik razvija: otisci što ih primamo slušajući druge mijenjaju naše jezične navike* (Raffaelli, 2009: 41).

8. Jezični purizam i jezična inovacija

Na temelju ankete, korpusa i rječnika, dolazi se do zaključka da je tek u novije vrijeme, vrlo vjerojatno raspadom Jugoslavije i srpskohrvatskog jezika, došlo do porasta korištenja riječi *uporaba*, uz istovremeno opadanje korištenja *upotrebe*.

Kako je poznato iz mnogih djela o jezičnom purizmu devedesetih godina prošlog stoljeća, jedan dio lingvista radi na tome da se jezik „očisti“ od srbizama i tuđica, pri čemu se najčešće nespretno stvaraju novotvorenice ili prevedenice, koje uglavnom ne ulaze u opću primjenu jer nisu u skladu s navikom govorne zajednice.

O tome piše Kordić (2010: 9): *Zadnjih dvadesetak godina u Hrvatskoj je čistoća jezika ili jezični purizam postao velika tema, prisutna na svakom koraku. Izišlo je mnoštvo jezičnih savjetnika koji hvale purizam, na njega se pozivaju autori brojnih razlikovnih rječnika, autori pravopisa, lektori i učitelji, njega zahtijevaju pisci jezičnih kolumni po novinama, njime se rukovode urednici raznih emisija o jeziku na radiju i na televiziji.*

Dakle, jasno je zašto se *uporaba*, kao purističko rješenje za „srpski“ leksem *upotreba*, koristi u medijima, administraciji i službenim situacijama.

Rezultate ankete, koji pokazuju da stariji govornici koriste isključivo leksem *upotreba*, a među mlađima se javlja i leksem *uporaba*, moglo bi se objasniti jedino jezičnom inovacijom, pri čemu su adolescenti, a u nekoj mjeri i pripadnici mlađe odrasle dobi, *skloni birati svoje riječi koje se na neki način razlikuju od korištenja odraslih. Time mladi pokazuju da je jezik koji primaju od starijih njihov* (Coulmas, 2005: 58).

9. Zaključak

Nakon proučavanja razlikovnih, jednojezičnih i sinonimnih rječnika, Hrvatskog nacionalnog korpusa i Riznice te provođenja ankete prema dobnim skupinama među govornicima hrvatskoga jezika, zaključeno je kako su *uporaba* i *upotreba* trenutno, parasonimi, imaju isto značenje, ali ih ispitanici uglavnom koriste u različitim stilovima.

Čini se da su *uporabu* puristi iz čakavskog narječja uveli u standard kako bi imali zamjenu za srpski oblik *upotreba*, premda je većini govornika zasad to neuobičajen leksem.

Kako je nemoguće odjednom nametnuti svim govornicima nekog jezika određeni oblik, *upotreba* je još prilično zastupljena, osobito kod starijih generacija i u razgovornom stilu. No, vidljivo je da mlađe generacije sve više počinju koristiti trenutno pravilniji oblik, *uporabu*, kao jezičnu inovaciju nastalu radi odvajanja njihovog jezika od jezika starijih.

Zasad među govornicima, osobito onima mlađe odrasle dobi, donekle postoje nedoumice oko korištenja proučavanih leksema, ali često se događa da se govornici opredijele za jedan od leksema.

I iako korpusi pokazuju jedno stanje, anketa pokazuje drugo i smatram da među govornicima hrvatskog jezika *upotreba* danas još uvijek prevladava.

Literatura

- Brodnjak, Vladimir (1991), *Razlikovni rječnik srpskog i hrvatskog jezika*, Zagreb, Školske novine
- Coulmas, Florian (2005), *Sociolinguistics: The Study of Speakers' Choices*, Cambridge, Cambridge University Press
- Ćirilov, Jovan (2000), *Hrvatsko-srpski rječnik inačica i srpsko-hrvatski rečnik varijanata*, Novi Sad, Prometej
- Ćosić, Pavle i saradnici (2008), *Rečnik sinonima*, Beograd, Kornet
- Gluhak, Alemko (1993), *Hrvatski etimološki rječnik*, „Zagreb, August Cesarec“
- Iveković, Franjo, Broz, Ivan (2009), *Rječnik hrvatskoga jezika. Sv. 2, P-Ž*, Zagreb, Dominović
- Jedvaj, Josip [et.al.] (1967-1971), *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Dio 19, Tustota – ustaheće*, Zagreb, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti
- Jovanović, Ranko, Atanacković, Laza (1980), *Sistematski rečnik srpskohrvatskoga jezika*, Novi Sad, Matica srpska
- Kordić, Snježana (2010), *Jezik i nacionalizam*, Zagreb, Rotulus Universitatis/Durieux
- Llamas, Carmen [et al] (2007) *The Routledge Companion to Sociolinguistics*, Oxon, Routledge
- Moguš, Milan, Bratanić, Maja, Tadić, Marko (1999), *Hrvatski čestotni rječnik*, Zagreb, Školska knjiga
- Moskovljević, Miloš (2000), *Rečnik savremenog književnog jezika s jezičkim savetnikom*, Beograd, Gutenbergova galaksija
- Perušić, Marinko (1993), *Rječnik čakavsko-kajkavskih govora karlovačko-dugoreškog kraja*, Karlovac, Radio Karlovac
- Raffaelli, Ida (2009), *Značenje kroz vrijeme*, Zagreb, Disput
- Skok, Petar (1973), *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 3., poni – Ž*, Zagreb, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti
- Šarić, Ljiljana, Wittschen, Wiebke (2008), *Rječnik sinonima hrvatskoga jezika*, Zagreb, Naklada Jesenski i Turk

Vujanić, M. [et.al.] (2007), *Rečnik srpskoga jezika*, Novi Sad, Matica srpska
<http://www.hnk.ffzg.hr/default.html> 14. travnja 2012.
<http://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/232289.html> 8. travnja 2012.
<http://riznica.ihjj.hr/philologic/> 15. svibnja 2012.

Hanna Katarzyna Cheda

Opole University, Opole, Poland
hanna.cheda@gmail.com

Jak złota rybka spełnia życzenia, czyli świat przedstawiony i odwołania do rzeczywistości w wybranych opowiadaniach Kira Bułyczowa i Andrzeja Pilipiuka

ABSTRACT: In this article are compared creativeness of Andrzej Pilipiuk and Kir Bulychev. Both are creating fantasy stories placed in small communities, but writers create their works in different genres (Pilipiuk writes a fantasy stories, while Bulychev creates science-fiction). Writers through awesome, exaggerated and satirical stories are expressing their criticism of reality. Fantasy and science-fiction are flexible genres of literature, which can bypass the censorship and highlight, criticize or to ridicule the human vices and political systems. Bulychev's stories about the city Veliky Gusilar are a picture of the everyday life in the USSR, while Pilipiuk presents in his literature a post-communist mentality. Both authors in some stories use similar themes, which are compared in the article.

Keywords: science-fiction, fantasy, Kir Bulychev, Andrzej Pilipiuk, polish literature, russian literature

Dotychczas rzadko poddawano analizie utwory Kira Bułyczowa i Andrzeja Pilipiuka. Twórczość Rosjanina najczęściej klasyfikowano jako literaturę dziecięcą, rzadziej podkreślano, że kontestuje system polityczny i społeczny w byłym ZSRR. W przypadku polskiego autora omawiano głównie charakterystykę tytułowego bohatera serii opowiadań – Jakuba Wędrowycza – i pojawiające się w nich postaci wampiryczne. W opowiadaniach obu twórców zauważyć można podobieństwa (m.in. w wykorzystaniu motywów i konwencji), co skłania do przyjrzenia się i porównania ich twórczości.

Fantastyka, jak ją charakteryzuje Michał Głowiński w *Słowniku terminów literackich* (1998: 149), to *typ twórczości [...] w sposób swoisty budujący świat przedstawiony: składają się nań elementy, które nie odpowiadają przyjętym w danej kulturze kryterium rzeczywistości, a więc nadnaturalne i wszelkiego rodzaju cudowności*. Pisarze literatury fantastycznej konstruują nową rzeczywistość, którą przyjmują za prawdziwą czytelnicy (*Słownik terminów literackich*, 1998: 149). W tę charakterystykę wpisuje się dorobek pisarski Kira Bułyczowa i Andrzeja Pilipiuka. Mimo dzielącej obu pisarzy znacznej przestrzeni czasu, artyści używają podobnych narzędzi, a także zdecydowanie dystansują się do opisywanego przez siebie świata. Problemy współczesności przedstawiają pośrednio, opisując je w lekki i żartobliwy sposób. Bułyczowa interesowała przede wszystkim fantastyka naukowa, podczas gdy Pilipiuk tylko do niej nawiązywał (np. *Implant* czy *Świńska rebelia*). Rosjanin w wywiadach podkreślał, że fantastyka jest takim rodzajem literatury, który jest zdolny szybko zareagować na najbardziej niepokojące sprawy. Dzięki hiperbolizacji autor może przedstawiać zwykłego człowieka i jego problemy w bardzo ostry oraz paradoksalny sposób. Dodatkowo czytelnik może się postawić w sytuacji bohatera i wspólnie z nim przeżywać jego przygody (Bułyczow, 1999: 6). W dalszej części artykułu zajmę się analizą wybranych opowiadań z książek: *Opowiadania guslarskie* Kira Bułyczowa oraz *Kroniki Jakuba Wędrowycza* Andrzeja Pilipiuka.

Wielki Guslar to wymyślone przez Bułyczowa miasto znajdujące się gdzieś między Wołogdą a Archangielskiem, którego pierwowzorem był Wielki Ustig, niewielka miejscowość znajdująca się w obwodzie wołogodzkiem, będąca niegdyś bogatym ośrodkiem handlowym. Bohaterowie *Opowiadań guslarskich* są typowymi przedstawicielami rosyjskiej prowincji, wywodzącymi się z czasów względnego radzieckiego dobrobytu. Część mieszkańców bardzo dotkliwie odczuwa charakterystyczny dla opisanych czasów brak wielu niezbędnych towarów i artykułów w sklepach, który szczególnie uwydatniony był na wsiach oraz w małych miastach. Bułyczow przez przygody mieszkańców niezwykłego miasteczka ukazuje cechy, które rozwinęły się w Rosjanach poprzez życie w czasach tzw. rozwiniętego socjalizmu. Guslarczycy są społecznością bardzo otwartą i przyjazną, co podkreślane jest przez ich zamiłowanie do spędzania czasu we wspólnym gronie przyjaciół. W swych działaniach często mają na względzie dobro całej społeczności, choć nie pozbawieni są typowo ludzkich wad. Wielki Guslar jest niezwykły również z tego względu, że od 1967 roku zaczęli pojawiać się w nim kosmici. Głównymi bohaterami serii opowiadań są mieszkańcy domu przy ulicy Puszkina 16. Wśród nich znajdują się: wybitny naukowiec, dziennikarz, nieco zgrzybliwy emeryt oraz kierownik miejscowego przedsiębiorstwa komunalnego i jego żona. Bułyczow szczególnie przejawia i hiperbolizuje wizerunek miejscowego naukowca – Lwa Chrystofowicza Mincla. Profesor, dzięki swym umiejętnościom oraz naukowemu podejściu do otaczającego świata, potrafi konstruować rozmaite wynalazki, które ułatwiają życie mieszkańcom Wielkiego Guslaru. To on opracowuje miksturę, dzięki której leniwy człowiek przemienia się w pracowitego obywatela mającego na uwadze przede wszystkim dobro kolektywu (motyw ten pojawia się w opowiadaniu *Dwie krople na szklankę wina*). Jego zdolności opisane są również w innych opowiadaniach, m.in. w *Retrogenetyce*, gdzie udało mu się wyhodować przedstawicieli wymarłych gatunków zwierząt, jak: pterodaktyl, mamut czy niedźwiedź jaskiniowy, które były bardzo przydatne oraz całkowicie nieszkodliwe dla ludzkości,

ponieważ naukowiec nie zapomniał wszczepić im genu miłości i szacunku do człowieka. Gdy profesor Mincl znajduje się w sytuacji, w której rywalizuje z kimś lub stara się udowodnić swoje tezy, określa się mianem Marsjasza, co ma podkreślać jego wiarę w swoje umiejętności, intuicję i talent. Guslarzczycy bardzo szanują lokalnego geniusza, wspierają go i zwracają się do niego z różnymi problemami.

Oprócz mieszkańców Wielkiego Guslaru w opowiadaniach Bułyczowa często pojawiają się różnorodni kosmici. W opowiadaniu *Kontakty osobiste* przybysze naprawiają drogę, która została zniszczona podczas ich lądowania. W rozmowie z Uładowem – jednym z mieszkańców Wielkiego Guslaru – przybysz z kosmosu krytykuje nawigatora i informuje Ziemianina, iż udzielił nawigatorowi *surowych nagan, w tym jednej z ostrzeżeń* (Bułyczow, 1999: 55). Nietrudno przy tym zauważyć, że u przybyszów funkcjonuje podobny system kar jak w ówczesnym ZSRR. Guslarzczycy chętnie pomagają kosmitom, próbują naprawić ich pojazdy (*Parowóz dla cara*), czy ratują ich zwierzęta (*Trzeba pomóc*). Oczywiście w codziennym życiu mieszkańcy nie zajmują się tylko kontaktami z UFO, ponieważ jak każdy człowiek, pragną różnymi drogami osiągnąć poczucie szczęścia i poszukują miłości. W opowiadaniu *Wzajemność* jeden z bohaterów zakochuje się nieszcześliwie, dlatego, aby zwiększyć swoje powodzenie, decyduje się zdobyć lubczyk u miejscowej wróżki. W rzeczywistości kobieta okazuje się być prawdziwym geniuszem, której wiedza i umiejętności daleko wybiegają ponad tradycyjne pojęcie medycyny ludowej. W wiejskiej chacie, za pomocą specjalistycznej aparatury, wróżka opracowuje nadzwyczajną miksturę, której podstawowym składnikiem jest krew młodzieńca. Opis sposobu, w jaki starsza kobieta wytwarza eliksir, świadczy o fascynacji autora naukami ścisłymi.

W książce Pilipiuka *Kroniki Jakuba Wędrowycza*, która jest pierwszym zbiorem opowiadań poświęconych przygodom tytułowego bohatera, poznajemy miejscowość Wojsławice. Znajduje się ona w okresie gospodarczego przejścia z nieco zacofanego modelu komunistycznego w bardziej nowoczesny, dostosowany do norm i dyrektyw Unii Europejskiej. Z jednej strony to Arkadia, w której panuje spokój, z drugiej istnieje w niej niepokojący pierwiastek irracjonalny. Czas w utworach nie jest do końca określony, dlatego też można odnieść wrażenie, że miejscowość jest odcięta od świata. Występują tu motywy luźno związane ze współczesną kulturą, jak np. postacie dresiarzy, aluzje do kultowego serialu *Z archiwum X* czy odnoszenie się do rozporządzeń unijnych. Obraz spokoju i zwyczajności zestawiony jest z brzydotą oraz nadnaturalnością opisywanych w opowiadaniach miejsc. Mieszkańcy są ludźmi prostymi i ksenofobicznymi, ukazani są w dosyć stereotypowy sposób. Niechętnie odnoszą się do przybyszów, co jest podkreślone w opowiadaniu *Z archiwum Y*, w którym *na drzwiach [gospody] napisano olejną farbą lojalne ostrzeżenie: „Witamy w krainie, gdzie obcy zginie”* (Pilipiuk, 2003: 186). Głównym bohaterem *Kronik...* jest Jakub Wędrowycz, egzorcysta amator, postać spajająca wszystkie opowiadania. Jest on *outsiderem, nielubianym przez innych, nawet kolegów po fachu* (Olkusz, 2009: 20), często określany mianem pasożyta społecznego i degenerata. Ciężko jest stwierdzić ile główny bohater ma lat, jednak wiadomo, że urodził się ok. 1900 roku. Jakub to bardzo barwna postać, człowiek wolny, żyjący przede wszystkim teraźniejszością, którego głównym zajęciem jest produkcja oraz konsumpcja bimbrow. W jego przygodach towarzyszą mu dwaj starzy przyjaciele: Józef Paczenko i Semen Korczaszko. W swojej okolicy ma również kilku zaciętych wrogów, jak posterunkowy Birski czy cały ród Bardaków (ci ostatni przedstawiani są jako plemię neandertalczyków).

Pilipiuk stworzył bohatera, który choć w zasadzie powinien odstraszać, to jednak wzbudza sympatię czytelnika. Poprzez postać z marginesu autor odwraca konwencję pozytywnego bohatera. Dzięki niemu twórca krytykuje rzeczywistość, kompromituje zwyczaje i kulturę popularną. Posługuje się stereotypami i archetypami, które deformuje oraz ośmiesza. Przedstawia parodie bajek, np. o Rybaku i złotej rybce, czy o Czerwonym Kapturku. Bardzo rzadko Pilipiuk posługuje się jakąś wybraną konwencją w poważnym tonie – do takich zaliczyć należy np. fantastykę grozy. Całkowitą powagę zachował tylko w dwóch opowiadaniach z piętnastu znajdujących się w zbiorze *Kroniki Jakuba Wędrowycza*. Są to *Tajemnice wody* i *Przeciw pierwszemu przykazaniu*. Zarówno w pierwszy i drugim przykładzie przedstawione są charakterystyczne dla Wędrowycza metody działania, jak kradzież, nadmierne użycie siły oraz wykazywanie się niezwykłą pomysłowością. Twórca często przedstawia w sposób klasyczny dla opowieści grozy tylko początek historii, by w dalszej części zmienić całkowicie konwencję i zakończyć opowiadanie w żartobliwie (można to zaobserwować np. w opowiadaniu *Hochszapler*, gdzie na początku czytelnik ma do czynienia z mrozącą krew w żyłach historią o duchach, z którymi nie mogą sobie poradzić licencjonowani egzorcyści, a kończy się ona zupełnie przewrotnie – główny bohater przy pomocy spirytusu spala śmiertelnie niebezpiecznego dzina). W opowiadaniu *Hotel pod Lupieżcą* Pilipiuk opisuje wakacyjne przygody Jakuba i jego przyjaciół. Staruszkowie w opuszczonym dworku otwierają hotel. Emerycy przyjmują rozmaitych gości, wśród których jest niemiecka rodzina oraz grupa satanistów. Mężczyźni wyludniają kolejno pieniądze od przybyszów. W międzyczasie Wędrowycz oraz jego kompani mają kłopoty z policją, w efekcie czego główny bohater trafia do aresztu. Jednak wszystko kończy się dobrze i staruszkowie wracają do swojego zwyczajnego życia, pomagając jednocześnie satanistom spotkać się ze swoim panem. To opowiadanie może posłużyć za przykład ośmieszania przez Pilipiuka funkcjonujących w kulturze stereotypów.

Ostatnią rzeczą, jaką chciałabym poruszyć, jest motyw złotej rybki realizowany zarówno u Bułyczowa, jak i Pilipiuka. Rosjanin w opowiadaniu *Świeży transport złotych rybek* opisuje kolejną niezwykłą przygodę

mieszkańców Wielkiego Guslaru. Do sklepu zoologicznego trafia dostawa tytułowych złotych rybek. Po krótkim czasie okazuje się, że rybki mają niezwykle właściwości: potrafią mówić oraz spełniać życzenia. Każdemu właścicielowi, rodzinie czy też kolektywowi przysługują tylko trzy życzenia. Pojawienie się cudownych stworzeń wprowadza duże zamieszanie. W guslarzykach odzywa się chciwość. Szczęśliwcy, którzy zdołali nabyć unikalną rybkę, w rozmaity sposób wykorzystywali swoje szanse, prosili np. o to, żeby zamiast wody z kranów płynął alkohol, lub o wykonanie planu miesięcznego, czy też o papugę, która może nauczyć się mówić. Wieczorem, gdy już prawie wszystkie życzenia zostały spełnione, okazało się, że wielu mieszkańców poprosiło o uzdrowienie bohaterskiego strażaka. W konsekwencji mężczyzna otrzymał dwadzieścia nowych kończyn. Dzięki poświęceniu ostatniego życzenia uczniów miejscowej szkoły udaje się uratować mężczyznę, a niesamowite stworzenia zostają wypuszczone do rzeki. Rybki z opowiadania Bułyczowa występują w kolektywie, mają świadomość odpowiedzialności, jaka na nich ciąży, dlatego nie chcą spełniać złych życzeń. Są wdzięczne mieszkańcom Wielkiego Guslaru i sprawiają, że wszyscy czują się szczęśliwi. Sami guslarzycy wymyślali proste życzenia, dzięki którym nie naruszali dopuszczalnego w ich świecie wzbogacenia się bez wzbudzania niepokoju władz (Stepnowska, 2001: 160).

Z kolei u Pilipiuka motyw złotej rybki występuje w opowiadaniu *Na rybki*. Akcja rozgrywa się nad stawem w Wojsławicach, gdzie Jakub Wędrowycz wypoczywa pływając na dętce od traktora, pijąc piwo i łowiąc ryby w miejscu, w którym jest to niedozwolone. Jego spokój przerywają kolejno Józef Paczenko oraz posterunkowy Birski. Obaj opowiadają Jakubowi dowcipy o bardzo złośliwej złotej rybce, która spełniając życzenie swojego właściciela doprowadza go do śmierci. Po krótkim czasie Wędrowycz wyławia złotą rybkę. Początkowo planuje ją usmażyć, lecz w chwili, gdy orientuje się, że jest to magiczne stworzenie, zapobiegawczo zostawia rybkę na brzegu stawu, zamkniętą w słoiku. Bohater, przerażony zasłyszczanymi opowieściami o złowróżebnych właściwościach jego zdobyczy, przez kilka dni ukrywa się przed przewrotnym stworzeniem u przyjaciela Józefa. Rybkę uratował jednak jeden z wrogów Jakuba – Marcin Bardak – który zdejmując z bohatera czyhające niebezpieczeństwo i nieświadomie przenosi na siebie. W ostatniej części opowiadania Bardaka odwiedza posterunkowy, zaniepokojony nowym mercedesem z zachodnimi numerami rejestracyjnymi, do którego właściciel nie posiada dokumentów. W konsekwencji mężczyzna zostaje pobity przez policjanta. W opowiadaniu Pilipiuka ukazana jest parodia bajki o Rybaku i złotej rybce. Autor zaskakuje nowym ujęciem, bawi się znanym motywem i ukazuje go w przewrotny sposób. Spełnione życzenia doprowadzają do nieszczęść, dlatego można odnieść wrażenie, że według autora lepiej wystrzegać się magicznych stworzeń, nadziei na zmianę statusu społecznego czy szybkie wzbogacenie się.

Pilipiuk, jak i Bułyczow, posługują się fantastyką, by pokazać rzeczywistość w krzywym zwierciadle. Krytykując otaczający świat, pragną zwrócić uwagę na jego niedoskonałość. Dlatego też posługują się hiperbolą, groteską i ironią. Bohaterowie ich książek to, pomimo wszystkich swych wad, bardzo sympatyczne postaci, które pokochali czytelnicy. Obaj pisarze czerpią pomysły ze swoich pozaliterackich zainteresowań: nauką ścisłą i innowacjami technicznymi (Bułyczow) oraz kulturą popularną i archeologią (Pilipiuk). Dzięki swojej pomysłowości i oryginalności – mimo upływu czasu – nadal cieszą się popularnością wśród młodszych i tych trochę starszych czytelników.

Literatura

Bułyczow, Kir (1999), *Opowiadania guslarskie*. Warszawa, Prószyński i S-ka SA.

Olkusz, Ksenia (2009), „Potwornie śmieszne”, czyli oswojona groza w cyklu o Jakubie Wędrowyczu Andrzeja Pilipiuka. „Literatura ludowa”, vol. 2/2009, 19-39.

Pilipiuk, Andrzej (2003), *Kroniki Jakuba Wędrowycza*. Lublin, Wydawnictwo Fabryka Słów.

Sławiński, Janusz (Ed.) (1998), *Słownik terminów literackich*. Wrocław-Warszawa-Kraków, Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Stepnowska, Tatiana (2001), Proza fantastyczna Kira Bułyczowa, czyli słów kilka o łagodnym humorze i miłości do bliźniego. In: Mucha Bogusław (Ed.), *Studia słowianoznawcze*. Piotrków Trybunalski, Naukowe Wydawnictwo Piotrkowskie.

Биљана Ч. Тирић

University of Niš, Niš Serbia
biljanaciric@hotmail.com

Реторика границе хришћанства: *Разбоји од Турака Антуна Сасина и Гундулићев Осман*

ABSTRACT: Assuming that Sasin's epic chronicle *Razboji od Turaka* chronologically precedes Gundulic's *Osman*, the paper first explores the relationship between them. The thesis of this paper is that the absence of the main characters and distinct characterisation in these works derives from the rhetorical character of the composition on the one, and specific rhetorical strategies of the frontier of christendom, on the other side. It turns out that Orientalism, which is conceived in this period, has a significant impact on the work of both authors. Image of Turkey as other Gundulic largely takes from Sasin's work. The aim of this paper is to demonstrate the conceptualization of this rhetoric in Gundulic's epic and Sasin's epic chronicle.

Key words: rhetoric of the frontier, Orientalism, epic, hero, characterization, conceptualization

Вероватно једно од највећих достигнућа дубровачке историје јесте чињеница да је Дубровник свој специфични, опасни положај некако увек успевао окренути себи у корист. Специфичност положаја Републике огледала се у томе што је Дубровник истовремено био и херојски граничар хришћанства и трибулар Османског Царства. Иако је плаћање харача у политичкој и правној традицији Турске имало недвосмислено значење признања врховне власти, Дубровник је свој однос с Портом тумачио на за себе најповољнији начин. Наиме, Дубровчани су признавали да то чине *ради очувања слободе и кришћанског имена* (Кунчевић 2010: 190). Најважнија реторичка стратегија дубровачке дипломатије, како запажа Кунчевић (2010: 181), била је коришћење слике Дубровника као католичког града који, смештен на граници с *неверницима, схизматицима и херетицима*, има специфичну мисију и заслуге за *читаву кришћанску републику*.

Испитивање концептуализације ове границе у дубровачкој књижевности и указивање на начине коришћења реторичких стратегија у књижевним делима показује се значајним у погледу расветљавања неких проблема која су до сада остала отворена. Полазећи од композиционог значаја реторике за производњу текстуалних значења и ефеката, као и од неких новијих сагледавања Гундулићевог и Сасиновог дела, у раду се посматра начин приказивања Османског Царства како би се утврдиле реторичке стратегије у Сасиновој епској хроници и Гундулићевом епу. Основна претпоставка би била да преузимајући у великој мери фигуре из Сасиновог дела, Гундулић своју слику мухамеданства и хришћанства додатно усложњава, изневеравајући читаочева очекивања и пружајући изазов институционализованим представама другости.

Слика Османског Царства у *Разбојима од Турака и Осману*

Стара средњовековна идеја о јединству *хришћанске републике* и о непремостивом антагонизму између те *републике* и муслиманских неверника била је итекако жива у ренесансној Европи. Оријентализам, као знање које је формирано и преношено о Оријенту, подразумевао је одређене стереотипе у начину приказивања карактера. Атрибути који су најчешће ишли уз Турке били су: ирационалност, окрутност, изопаченост, инфантилност. Типови и карактери припадали су систему генерализације који је у крајњој линији базиран на моћи, а не на безинтересној објективности. Овакав тип знања преносио се из једног текста у други. Будући да Сасинови *Разбоји од Турака* хронолошки претходе Гундулићевом *Осману*, поставља се питање у којој се мери Гундулић ослањао на Сасина у начину приказивања Турака.

Иако су званично морали водити пријатељску политику према Турцима, Дубровчани су се радовали успесима хришћанске војске, па је у свом одушевљењу и Антун Сасин решио опевати ратна дешавања. Како Поповић запажа (2000: 295), такви предмети у Дубровнику дотле нису певани, па за стварање новог рода Сасин није могао наћи узор у дубровачкој књижевности. Међутим, узор на који се песник могао огледати је Тасов *Ослобођени Јерусалим*. Сасин је догађаје описивао како је за који сазнавао, без коначног прегледа догађаја о којима пише. Подсећајући на низ извештаја из новина, његов спев изгледа прекинут.

У својим *Разбојима од Турака* Сасин ликове дели на мухамеданце и *инокупно све крстјане*, при чему се посебно издвајају Хасан-паша Предојевић, Синан паша и цар Амурат. Хасан-паша јунак приказује се као охол и бива због своје охолости кажњен:

тер му туј охолас вишни Бог прикрати,

и сломи моћ и влас да се жив не врати. (Разбоји од Турака: 29-30)

Хасан-паша Предојевић историјски је веродостојно скициран, у свом силовитом продору, упорности и бахатости. Охолост са Хасан-пашом не нестаје, већ се наставља и у карактеризацији Синан-паше, чије се надмено понашање кажњава током читавог дела. Он је осветник који наређује опсаде и заповеда у

биткама. Када је о Синан-паши реч, песник га карактерише као страшно суровог, крвожедног зликовца каменог срца, без трунке милости, који зверски мрзи хришћане. Негативан став према овом лику аутор мотивише и чињеницом да се ради о силнику који је спалио мошти српског свеца, усуђујући се да пркоси и самом хришћанском богу. Свети Сава је, наиме, био општејужнословенски светац поштован од стране свих. Варварско дело Синан-паше Антун Сасин је оценио зрело, видећи у њему разлог за каснији почетак слома Турака. Своје дело песник окончава приказом Турчина вишег по положају, али мање моћног – цара Амурата.

Ирационалност и окрутност као стереотипи доминирају и у приказу женских карактера. У Сасиновој хроници истиче се лик мајке Мехмет-бега, жене коју пре свега покреће снажна жеља за осветом, те која стога утиче на Гундулићеву карактеризацију Мустафине мајке.

У делу Антуна Сасина могуће је пронаћи доста подударана с историјским записима, међутим, симптоматична су управо одступања од историјске прецизности, тачније сама песникова интерпретација историје. Историја је код Сасина присутна пре свега као текст, а то постаје највидљивије већ код почетних губитака хришћанске војске. Тада песник одступа од историје и бира шта хоће, а шта неће приказати у својој епској хроници. Под утиском велике победе код Сиска, песник покушава да пренебрегне прве губитке, мењајући исход битака, како би се оне уклопиле у позитивни ток ратовања. Сасин тако говори о бици која се збила на исти дан као и преузимање Сиска, помиње и војсковође, али сам исход битке потпуно мења:

*Туј Беглер-бег једва утече
пут од града Биограда,
кон славнога тогај града
рањен једва туј утече. (Исто:163-166)*

У делу Антуна Сасина нећемо наћи упечатљиво изграђене карактере или јунака који би се наметнуо као главни у делу. Јунаци су у Сасиновом делу представљени као типови – пасивне позиције колективне личности. Они изражавају оријентацију према већ конкретизованим и епохом и средином ограниченим вредностима. Песника ликови интересују само у склопу значајних историјских дешавања. Појединци се истичу тек као војсковође међу ратницима. Спознајно-етичка оријентација турских представника аутору је потпуно неприхватљива, те су зато његов мир и увереност аналогни миру и снази субјекта који сазнаје, док се јунаци (предмети естетске активности) почињу приближавати објекту спознаје.

Међутим, колико год Сасинови *Разбоји од Турака* деловали бледо у односу на Гундулићево дело, треба истаћи да *све оно што је код Сасина тек у назнакама, у клици, код Гундулића се расцветавало у барокни раскошни цвет* (Арсиф 2002: 186). Најпре, и Сасиново и Гундулићево дело започињу мишљу о охолости. Хасан-паша Предојевић бива због охолости кажњен већ после битке код Сиска, док Гундулић већ у првим стиховима антиципира пропаст и казну због овог највећег хришћанског греха.

Поред охолости, још један значајан стереотип који се јавља у Гундулићевом делу јесте инфантилност. Наиме, песник своју негативну слику Османа стално ублажава истицањем његове младости. *Цар је дијете*, рећи ће и охоло Мустафина мати. Ангажовани епски приповедач саосећа с Османовом судбином управо због његове младости и ово је, по Павешковићу, спорно место у делу. Приказујући турски менталитет, Гундулић даје неке основне епитете који га карактеришу: *Турци охולי, Турци худи, Турци љути, клети Турци, бјегући*, превртљиви. Мислећи на свој Град који плаћа високу цену слободе, Гундулић истиче османлијску похлепу за златом:

*знаш да турска ћуд за златом
по нарави хлети, гине (жуди). (Осман: VI, 241-242)*

Специфичност Гундулићевог епа огледа се у томе да уместо аукторијалног приповедача, наротив гради вишегласје, тј. полифоничност. Тако се ти исти Турци у Османовим очима јављају као: *неумрли витезови, гласовити Турци стари*, достојни витешке части, одани господару и пожртвовани, спремни за свог цара *изгубити русу главу*, док су Туркиње у љубави искрене и чисте, поносне и храбре. Умножавање гласова доприноси колажној структури дела, која не почива на хронолошком, праволинијском приповедању, већ занемарује понекад и каузалну повезаност. Кохерентност, парадоксално, обезбеђује управо начело недоследности. Перспектива приповедања у *Осману* мења се у зависности од тога који је лик у центру пажње. Из овог разлога нема право објективног приказа ситуације у епу, па право стање ствари читаоцу никада не бива предочено. Оно што сазнајемо само је неки од видова интерпретације догађаја.

Управо због ове полифоничности и разлике у тумачењу за коју можемо рећи да је садржана у самом тексту, тешко да можемо у потпуности прихватити тезу Антуна Павешковића о Гундулићу као прикривеном Османовом противнику. Наша је теза да фокусирањем на различитост која је присутна у самом делу, пре него покушајима да се стигне до једног тачног читања текста, можемо боље осветлити суштину тумаченог дела.

Павешковић с правом констатује да је Гундулићев еп у једном свом делу иронијско дело. Иронија је доминантна фигура карактеризације младог султана Османа, јер експлицитни аутор неспособност

Османову стално иронизира, приказујући га дететом, лудим, завидним и недораслим властитом положају и амбицијама:

*Чим с овега дијете охоло
печали се, гризе и мори,
мислећ да свет вас около
туђом хвалом њега кори.* (Осман: I, 101-104)

Молећи музе да му објаве само *худе узроке* Османове смрти, песник прелази на величање краљевића Владислава. У овом чину Павешковић препознаје прелазак с неутралног тона наратора у приказивању Османа на нескривено дивљење Владиславу, уз немотивисан прекид зазивања муза. Међутим, *худе узроци* смрти султана, на почетку само поменути, показале се као врло мотивисано и кључно место у делу.

Основни проблем Османовог лика јесте његов интегритет, тј. недостатак интегритета. Наиме, под карактером Бахтин (1991: 186) подразумева такву форму узајамног односа између јунака и аутора која остварује задатак стварања *целине јунака* (курзив: Б.П.) као одређене личности. Јунак би, према томе, од почетка требало да функционише као целина, при чему би судбина представљала свестрану одређеност његовог постојања. Реч је о класичном, а не романтичном грађењу карактера, који подразумева постојање унутар себе потпуно осмишљеног живота. Класичног јунака од самог почетка видимо у прошлости, где не може бити никаквих открића. Аутор мора бити догматичан у односу на поглед на свет класичног јунака (његова спознајно-етичка позиција мора бити неспорна). У супротном случају, уношењем момента *кривице* и *одговорности*, уметничко јединство и компактност судбине постају разрушени. Јунак постаје слободан, постаје могуће довести га пред морални суд, што Гундулић управо и чини са својим Османом.

Било је покушаја у науци (Јенсен, Барац, Винавер) да се Осман тумачи као трагичан јунак. Јунак трагедије је готово увек крив, али Бахтин с правом истиче да се ту ради о другом типу кривице. То није морална кривица, већ кривица постојања, тј. кривица у том случају мора бити начињена *снагом постојања*, а не *смисаоном снагом моралне самоосуде*. За класични карактер је важна вредност рода као категорије утврђеног постојања другости, на чијој основи израста вредност судбине. Међутим, тамо где јунак из себе почиње вредносни низ поступака, где он постаје морално крив или одговоран за себе, тј. за своју одређеност, вредносна категорија судбине постаје неприменљива на њега и не завршава га. Управо је ово случај са Гундулићевим Османом.

Оно што се највише противи тези да Гундулић најмрачнијим тоновима представља овог јунака, чинећи га својим прикривеним противником, јесте сам чин праштања јањичарима. То је место где Осман добија своју трагичну ноту, уздиже се врлином карактера над свим јунацима, будући искрено саосећање у читаоцу. Овде избија у први план етика Гундулићевог дела, етика одговорности, која лежи у корену свих људских односа, етика која захтева обавезу према другом од које не можемо побећи и која окреће однос господар - слуга на главачке, *јер је рањиви други заправа онај који господари* (George 2005: 292).

Осман - господар завршиће под ногама свога роба. Али он одлуку о праштању побуњеницима не доноси на пречац, из хира и младалачке наивности. Он озбиљно размишља о својим поступцима, саветује се, а затим одлуку о праштању образлаже речима:

*Од роднога љубав града
и од драгога милос пука
отимају мени сада
од освете сабљу из рука.
[...]
Ствар је мучна, али то је
што угодно вам бит има
ер велика дјела стоје
намијењена велицима.* (Осман: XVII, 413-428)

Цар је дакле свестан озбиљности и могућих последица своје одлуке, али он чврсто верује да је његов избор достојан величине једног владара. Овде имамо да делу оно што Џејмс Фелан назива *етичким вођењем* (2005: 302), једном од основних функција имплицитног аутора. Верујући да поступа исправно до краја, бранећи се својим јунашвом и легитимношћу права на престо, Осман не разуме поступак својих војника. Очај и разочараност извиру из речи његовог предсмртног монолога:

*Одговори ти, камење –
глуши је од тебе мој пук сада,
тер их гани на смиљење
врху Османа, цара млада!* (Исто: XX, 281-284)

Тешко да овде можемо говорити о негативном ставу аутора према јунаку. Етичким вођењем читаоца аутор је желео да нагласи величину моралног чина праштања једног владара и окрутност њему потчињеног, безосећајног пука. И поред све своје охолости, због које бива сурово кажњен и понижен,

Осман није једностран, већ упечатљив и сложен лик. Као и само дело, овај јунак у самом себи крије разлику, до краја не допуштајући свођења и коначна решења. А оно што делује као случајно, заправо је дубоко мотивисан поступак.

Реторика Сасиновог и Гундулићевог дела

Заједничка нада у пропаст турске силе резултирала је сличним завршецима у Сасиновом и Гундулићевом делу, потенцирајући кобност унутрашњег несклада. Међутим, реторички потенцијал Гундулићевог дела одудара од Сасиновог, пре свега својом сложеношћу и изневеравањем очекивања читаоца. Наиме, у Сасиновом делу стереотипи о турској и хришћанској страни дати су много једноставније и разумљивије чак и савременом читаоцу, док с Гундулићевим делом то ипак није случај. Реторички потенцијал дела, изражен у највећој мери кроз иронију, изневерава неке уврежене стереотипе публике. Највећи доказ да стереотипи о Турцима не важе увек јесте управо лик султана Османа. Ироничним тоновима сликајући карактер младог султана, не штедећи га ни својих похвала, али ни подсмеха, Гундулић је заправо овај лик учинио блиским читаоцу, омогућивши му идентификацију с њим.

Најјача реторичка места у Гундулићевом епу јесу чин праштања јањичарима и Османова смрт. Управо овде долази до изражаја ефекат изненађења, јер оно што нисмо очекивали од Турчина, инфантилног, охолог, ирационалног осветника, јесте праштање. Али, у томе и јесте снага великих дела – она се не дају свести на реторику. Сложеношћу својих приказаних светова она не пристају на једнозначност поруке, већ увек отварају нова питања, истовремено нас подстичући на стално преиспитивање сопствених представа, сазнања и вредновања.

Литература

Арсич, Ирена (2002), *Антун Сасин дубровачки песник XVI века*. Београд, Ars libri.

Бахтин, Михаил (1991), *Аутор и јунак у естетској активности*. превод с руског: Александар Бадњаревић, Нови Сад, Братство-јединство.

George, Stephen (2005), *Ethics, Literature, Theory, An Introductory reader*. Chicago, Rowman & Little field publishers.

Кунчевић, Ловро (2010), Реторика границе кршћанства у дипломацији ренесансног Дубровника. *Анали Завода за повијесне знаности ХАЗУ у Дубровнику*. 48, 179-211.

Павешковић, Антун (2004), Гундулићев Осман као антрополошки проблем. *Анали Завода за повијесне знаности ХАЗУ у Дубровнику*. 42, 101-130.

Павличић, Павао (1979), *Расправе о хрватској барокној књижевности*. Сплит, Чакавски сабор.

Поповић, Павле (2000), *Дубровачке студије*. Београд, Завод за уџбенике и наставна средства.

Said, Edward W. (1977), *Orientalism, Western Conceptions of the Orient*. New York, Vintage Books.

Извори

Гундулић, Иван (1964), *Изабрана дела*. Приредио Мирослав Пантић. Београд, Народна књига.

Сасин, Антун (1888), *Разбоји од Турака*, у: *Стари писци хрватски*. Загреб, Југословенска академија знаности и умјетности.

Jovana Davidović

University of Novi Sad, Novi Sad, Serbia
jovana.davidovic@yahoo.com

Intertekstualne veze u pripovetkama Antona Pavloviča Čehova i Ive Andrića

ABSTRACT: Although Chekhov and Andrić belong to different periods of literature history, they also could be seen as contemporaries. Both were masters of stories with pronounced gift for psychological characterization of realistic characters. Delving with intertextual connection in their stories, this paper extends their relationship. Intertextual connection is achieved at the level of poetry and themes, plots and characters. In addition, in stories of both writers is recognised the tendency to biblical context.

Keywords: intertextuality, poetics, theme, plot, characters, biblical subtext

Čehov i Andrić, dva velikana svetske književnosti, svojim maestralnim pripovedanjem ostvarili su brojne intertekstualne veze. Iako pripadaju različitim vremenskim razdobljima, oni se mogu posmatrati gotovo kao savremenici. Obojica majstori priče i pripovedanja, sa izrazitim darom za psihološku karakterizaciju junaka i realistično pripovedanje. Dok Andrić neprestano ističe značaj priče i pripovedanja, dajući im egzistencijalnu težinu i antropološki smisao, Čehov to dokazuje vraćajući u književnost male ljude, s velikom dušom, koji žive obične živote. Čehov daje upečatljivu viziju sveta, koji se može posmatrati kroz smeh i kroz suze. Andrić smatra da je umetnik vesnik istine, a Čehova su nazivali neuporedivim umetnikom života.

Centralni i najveći deo opusa oba pisca predstavljaju upravo pripovetke i priče. Najvažnije formalno obeležje ovih književnih vrsta, jeste veličina, odnosno mera njihove sažetosti. Međutim mnogo važnije od formalnih odlika je priča, sam proces pričanja i pripovedanja. Priča je sastavni deo u čovekovom interaktivnom odnosu sa svetom i kao takva ima antropološki smisao. Pričam, dakle postojim jeste čini se misao vodilja i Čehova i Andrića.

Stil ovih pisaca je precizan i jednostavan, izraz je ekonomičan bez zgušnjavanja i nagomilavanja reči, sa razvijenom logikom niti pripovedanja. Andrić traga za pravom formom, a Čehov se opredeljuje za kratku priču, pravdajući se da ne zna da piše veće stvari, što ne umanjuje njegovu genijalnost. I sam Andrić kaže da nikad nije pisao knjige, nego rašivene i razbacane tekstove, koji su se s vremenom, sa više ili manje logike povezivali u knjige-romane ili zbirke pripovedaka. Ali ono što je sigurno, a to je da se Čehovljeva misao da *Treba pisati tako da rečima bude tesno, a mislima široko*, pod svoje okrilje uzima i Andrićev pripovedački dar.

Osim sličnosti na polju poetičkih odrednica ovih pisaca, intertekstualna istraživanja donose isto tako zanimljive rezultate ukoliko pažnju usmerimo na njihove pojedinačne pripovetke.

Činovnikova smrt A. P. Čehova i Đorđe Đorđević I. Andrića

Pripovetke *Činovnikova smrt* i *Đorđe Đorđević* na planu tematike povezuje savremenost i upliv u svet malog čoveka. Osobine glavnih likova obe pripovetke su sitničavost i pasivan odnos prema životu. Ime glavnog junaka u Čehovljevoj pripovetci je Červjakov, što u prevodu znači čovek je crv, čime Čehov ukazuje na degradaciju čoveka. Sa druge strane, Andrić svom junaku daje ime Đorđe Đorđević. U prvi mah to je neko NN lice, međutim, to ime ima svoju simboliku u kontekstu ove pripovetke jer ukazuje na nekog ko je kroz život prošao nezapamćen, neko ko je običan i nebitan, jer čitava pripovetka je *Običan život, običnog čoveka* (Andrić 2008: 534). Čehov takođe govori o nekom ko je nebitan, pa stoga u naslovu umesto vlastitog imena koristi pridev izveden od zajedničke imenice. Sa jedne strane je crv, a sa druge bezimen, i time se ostvaruje jasna intertekstualna veza. Osim toga i izbor zanimanja glavnog junaka se poklapa-Červjakov je *divni ekonom* (Čehov 2003: 5), a Đorđe *uredan činovnik* (Andrić 2008: 534). Izbor epiteta nije slučajna, upotrebljeni su sa istom namerom.

Kad odjednom...U pripovetkama se često sreće ovo „kad odjednom”. Pisaci imaju pravo : život je tako pun iznenađenja, kaže Čehov (Čehov 2003: 5), a to zasigurno mogu biti i Andrićeve reči. *Činovnikova smrt* je kao jedna epizoda iz Andrićeve pripovetke, jedan od njenih završetaka. Sa druge strane *Đorđe Đorđević* je proširena *Činovnikova smrt*. Lajt motiv Đokinog života jeste rečenica koju je nasledio od svog dede, čije je i ime nosio. Ta rečenica je glasila *Đoko, pazi šta radiš* (Andrić 2008: 534). Osim imena i ove rečenice od dede je nasledio i vrlinu gotovo do istančanosti razvijenu i kao takva prelazi u manu, pravu maniju. Opreznost i strah pri svakom koraku povezuje Đoku sa Červjakovim. Đoka je kaže Andrić *izgubio je svoj izgubljeni život* (Andrić 2008: 537), a to bi se s pravom moglo reći i za Čehovljevog junaka. Osim toga povezuje ih i banalnost situacija koje ih dovode do je kraja. Červjakov je kinuo u pozorištu na svog nadređenog, i to ga ja izjedalo poput onog crva u njegovom imenu, a Đorđa Đorđevića je meterološka prognoza kao dokaz da mogućeg i dobrog predviđanja, i njegove misli: *da mnogo se može predvideti možda i sve* (Andrić 2008: 537), navela da previdi jednu stepenicu. I ovde Andrić je sličan Čehovu, tj njegovoj težnji da *izabere slučajne prizore, koji su bogati unutrašnjom*

dramatikom (Radulović 2007: 123). U Čehovljevoj prozi *neznatni događaji vode velikim i suštinskim zbivanjima, a mali ljudi rastu do neočekivanih razmera* (Radulović 2007: 123).

Čehovljev opis činovnikove smrti je jednostavno prosto saopštenje, gotovo kao činovnički izveštaj o smrti jednog čoveka:

Červjakovu se u utrobi nešto prekide. Obnevideo i ogluueo, on ustuknu prema vratima, izađe na ulicu i ode posrćući...Kad je mahinalno došao kući, legao je, ne skidajući uniformu, na divan i...umro. (Čehov 2003: 7)

Andrićeva slika smrti je daleko dublja i opširnija. To je slika smrti kao slika stvarnog pada, kome je kraj u tami, smrtonosnog pada:

Samo u snovima ima takvih padanja. Ali u snovima ne čeka na kraju tvrd i smrtonosan kamen, nego buđenje. A ovo, ovo je stvarni pad koji se samo jednom doživi, a kome je kraj u tami. Jer niko od živih ne može potpuno i do kraja da zna kako izgleda i šta je to – smrtonosan pad...ovakvi doživljaju bez svedoka ostaju zauvek u tami, kao sastavni deo same smrti.

A pad traje. Čovek oseća da pada...i to tako brzo da misao ne može ni da ga stigne, a kamoli da pomogne i spase...Dockan je. Nema više nikoga. I poslednja sijalica ugasnu...Ništa. Ceo čovek se ispuni gluvim, bezimenim i vekovečnim mrakom potpune nesvesti. (Andrić 2008: 537)

Pad je po pravoslavnom učenju vezan za slabljenje stvaralačkih principa u čoveku, ali i za mogućnost povratka Božanskoj suštini kroz Hristovu žrtvu koja ponovo otvara vrata raja.

Tuga A. P. Čehova i Na drugi dan Božića I. Andrića

Čehovljevu novelu *Tuga* i Andrićevu pripovetku *Na drugi dan Božića* povezuje isti biblijski podtekst. Naime, reč je o biblijskoj paraboli o ubogom Lazaru iz Jevanđelja po Luki, koja predstavlja Hristovu propovedi o bogatom i oholom čoveku koji je proveo život u veselju i izobilju. Ispred njegovih vrata ležao je bolestan siromah Lazar čekajući gospodarevu milostinju. Posle smrti su promenjene uloge: siromah je otišao u raj, a bogataš u pakao. Mučeći se u večnom ognju, nekadašnji gospodar moli praoca Avrama da pošalje Lazara da mu olakša muke. *A Avram reče: Sinko, sjeti se ti si primio dobra svoja u životu svome, a tako i Lazar zla: sad pak on se tješi a ti se mučiš* (Luka 16, 25).

Čehovljev glavni lik nosi ime Jona Potapov. On je jedini, koji u noveli ima ime, ostali likovi su tipizirani, oni nemaju ime, oni su atributi - uniforma, dugonja, grbavko - oni su ljudi, bez imena, bez duše. Jonino ime je znakovito, ime sa biblijskom semantikom. Naime ime se povezuje sa prorokom Jonom iz Knjige o Joni u starom zavetu, prezime sa legendom o Potopu, ali se i u imenu prepoznaje osim imena Jona i ime Noja, čime se semantika Potopa udvostručuje. Sa druge strane Andrićev glavni lik nema ime, on je samo konzul. To sigurno nije slučajno. On nosi ime koje ima značenje samo na ovom svetu, i određuje čitav njegov život. Ta isti konzul, će postati bezimen na onom svetu, baš kao i bogataš iz pomenute parabole. Moto Čehovljeve novele uspostavlja intertekstualnu vezu sa stihovima iz Davidovih psalama u kome psalmopojac traži pomoć u žalosti ili nevolji. Pouka ove jevanđelske parabole poslužila je Andriću da napiše majstorski komponovanu priču o krivici koja u kontekstu Jevanđelja poprma metafizičke dimenzije. *Na drugi dan Božića* je modernizovana parabola ugrađena u realistički siže o revnosnom konzulu, građena po motivima priče o ubogom Lazaru, postiže vrhunac u epilogu, koji sadrži pouku do koje dolazi sam protagonist u košmarnom snoviđenju. Poput jevanđelske parabole čija je poenta u obrtu, dolazi do neočekivane izmene uloga i perspektive: konzul se našao pred vratima stranog konzulata čekajući red sa užasom saznanja da je ostao bez novca i pasoša. On u snu oseća na svojoj koži sopstvenu okrutnost.

Sa druge strane Jona je ubogi Lazar. On oseća na svojoj koži okrutnost ljudi kao što je konzul, ali on ne sanja, to je njegova stvarnost. On nailazi na nerazumevanje ljudi za njegovu bol. Međutim ostaje nada da je on taj koji će se kao ubogi Lazar tešiti u raju, koji će kao Jonu Bog osloboditi iz utobe kita, i koji će se kao Noj spasiti Potopa, kao i da će njegove molitve kao i Davidove reči stići na pravu adresu. Ovo je još jedna potvrda Čehovljevog dara da jednog malog, običnog čoveka uzdigne na pijadestal velikih jevrejskih mudraca i proroka. Jonu možemo povezati i sa Andrićevom Marom Milosnicom. I jedno i drugo, nailaze okrutan, sirov, surov svet, i na nerazumevanje ljudi za njihovu bol. Povezuje ih i hrišćansko shvatnje patnje kao nagrade, jer Maru Milosnicu je na večnu put ispratila rečnica *Andela smo božjeg zakopali, ande...* (Andrić, 2008: 104), a Jona će se poput ubogog Lazara, tešiti u raju.

Tragičnost ženskih likova

Ženska osveta je kratka anegdotska priča o ženi koja je umesto da doktoru plati uslugu, od njega uzela sav novac. Osnovni efekat ove priče je komičnost, međutim u korenu priče je zapravo ženska osveta. Upravo to je ono što ovu priču povezuje sa Andrićevom pripovetkom *Anikina vremena*. Istina jeste da je i Nadežda Petrovna, glavna junakinja Čehovljeve priče nezadovoljna i nesrećna žena, međutim Anikina tragika je jača i dublja. Nadežda Petrovna je ta koja je pobedila, dok je Anika ta koja strada. U Anikinim vremenima umesto Čehovljeve komičnosti srećemo tragičnost i kobnost. Sve započinje kao Anikina osveta Mihajlu, ali je snagom njenog destruktivnog erosa to uzima prevelikog maha i prevazilazi početne okvire. To je priča o zlu i o stradanju ženskog bića, koje je zavolelo nekog ko je nesposoban da voli i postalo kao isto kao i on. Osim Anikinih vremena o ženskoj osveti govori i priča Andrićeva *Trup*. Priča o silnom i okrutno Čelebi Hafizu kome niko ništa nije

mogao, ni božji zakon, ni carska ruka, ali mu je glave došla samo jedna pogreška kada se sažalio nad jednom slabom i polumrtvom ženom. Toj ženi jedinoj je verovao, a koja je od njega napravila trup, kladu mesa.

Tragiku ženski likova prepoznajemo i u Čehovljevoj priči, *Dama sa psetancetom*. Glavni lik ove pripovetke je pored junakinje iz naslova priče, Dmitrij Dmitrič Gurov, čovek koji je svoju ženu smatrao priglupom i ograničenom, stalno je varao, i valjda zato žene nazivao nižom rasom. Sa druge strane bez njih nije mogao. Dama sa psetancetom je ta koju je uspela da u njemu izazove sažaljenje, zbunjenost, smetenost, bojažljivost. U rečenici *Ana mu se priviđala svuda, pratila ga kao senka* (Čehov 2003: 43), ali i u čitavoj priči prepoznajemo reči Isidore Sekulić iz ogleada *Istok u propovetkama Ive Andrića*. Za nju žene kod Andrića su sporedne, ispod života i nisu ličnosti, tu su da bi ih muškarac plašio, dražio, imao, one su pokretna snaga i zlo priviđenje. Pripovetka se ne završava rešenjem svih problema i ostvarenjem zajedničkog života, već nadom koja je potiskivala saznanje da ono najmučnije i najteže tek počinje. Žena kao niža rasa prepoznaje se u mnogim Andrićevim pripovetkama – *Mara Milosnica, Olujaci, Zlostavljanje*. Međutim, tragedija ženskih likova u ovim pripovetkama je mnogo veća. Ove pripovetke produbljuju još jedno tragično pitanje, a to je nemogućnost srećnog života u dvoje, bračne sreće. Gurov je nesrećan u braku sa svojom ženom, ali i u svim drugim avanturicama i prevarama. On oseća privlačnost prema Ani Sergejevnoj, ali ni sa njom ne može da bude srećan. Sa druge strane Mara Milosnica je turska naložnica koja je bila srećna i zaštićena u kući Veli-paše, ali on je ubrzo ostavlja. *Olujaci* je priča o Lepoj Mostarki kojoj je muž bio krvnik, koji joj je prilazio dušmanski, koji je u postelji sa njom držao pušku i nož i bio bolesno ljubomoran. Slična je i u *Zlostavljanju*, u kome Anica nije mogla da trpi psihičko zlostavljanje u braku i oduprla mu se begom.

Čehov svoj negativan sud o braku iznosi u svojoj priči *Otac i Mladoženja*. Naime, Milkin želeći da dokaže ocu devojke za koju se priča da će je oženiti, da je lud i time prekine mogućnost da ga ožene, odlazi kod svog prijatelja doktora po uverenje da je lud, baš pošto se doktor posvađao sa svojom ženom:

- *A nećeš da se ženiš-upita doktor*
- *Ni za šta na svetu!*
- *U tom slučaju, ne dam ti uverenje – reče doktor popravljajući frizuru. – Ko neće da se ženi, taj nije ludak, već naprotiv, najpametniji čovek... A kad budeš hteo da se ženiš, onda dođi za uverenje... Tada će biti jasno da si poludeo...*(Čehov 2003: 75)

Osim ove priče među Čehovljevim ostvarenjima nalazimo i *Upustvo kandidatima za ženidbu*, u čijem podnaslovu stoji *Poverljivo*. U ovom upustvu kaže da se po spoljašnjosti poznaje i narav jedne osobe, i savetuje mladiće da se nikako ne žene bez miraza. I na kraju Čehov kaže:

Kad se oženiš, budi strog, ali pravičan prema ženi, ne daj joj da se ponese i pri svakom sukobu kaži: „Ne zaboravi da sam te ja usrećio”.(Čehov 2003: 80)

Ovim Čehovljevim pričama Andrićeva tragična slika braka, dobija veo komičnosti.

Intertekstualnost podrazumeva da se svakim novim čitanjem pred nama otvara nova lepeza korelacija. Time svaka knjiga dobija odlike beskonačne knjige. Sa druge strane dolazi i do otkrivanja novih metoda i tehnika u književnom proučavanju, koje isto tako ima za cilj da se književnošću pobedi smrt, da se osvoji beskonačnost. Sigurno je da nove veze tek će se nekim od novih čitanja preći iz svesti čitalaca na hartiju. Među vezama koje smo pronašli zasigurno se izdvaja sklonost Čehova i Andrića ka priči i pričanju, i to priči koja ima svoj antropološki smisao.

Istina jeste da Čehov više beži komici, dok je tragika osnovna bit Andrićevih junaka. Ali, ponekad ta smešna slika koju nam Čehov uglavnom nudi, smešna je samo na prvi pogled. U osnovi svet koji nam nudi jeste svet koji nam ilustruje poznata Andrićeva misao: *Čudno kako nam u životu uvek malo treba da budemo srećni, a još čudnije kako nam to malo uvek nedostaje*.

Dela oba pisca moguće je proučavati na osnovu biblijskog podteksta, i sigurno je da i u tom smislu, sve njihove priče nemoguće pročitati do kraja. Novi horizonti su tu još uvek neotkriveni i čekaju. Taj veliki svet koji su oni stvorili povezan sa biblijski podtekstom, nadilazi svoje razmere. Jer u njima obični ljudi, prevazilaze svoje obične sudbine, pa tako priče koje pričaju dobijaju svoju egzistencijalnu težinu.

Literatura

Andrić, Ivo (2010), *Sabrane pripovetke*. Novi Sad, Zavod za izdavanje udžbenika.

Čehov, Anton Pavlovič (2003). *Izabrane priče*. Beograd, Prosveta.

Koljević, Svetozar (1983), *Pripovetke Ive Andrića*. Beograd, Zavod za izdavanje udžbenika.

Radulović, Olivera (2007). *Podtekstualni analitički potencijali Čehovljeve novele*, u : *Reči sa čistih usana: biblijski podtekst moderne književnosti*. Beograd, Društvo za srpski jezik i književnost.

Šutić, Miloslav (2007). *Zlatno jagnje-u vidokrugu Andrićeve estetike*. Beograd, Čigoja štampa.

Vučković, Radovan (1974), *Velika sinteza*. Sarajevo, Svjetlost.

Ilaria Di Stefano

Tuscia University, Viterbo, Italy
ilariadistefano@hotmail.it

Andrei Bitov's *Pushkin House*: a literary-semiotic analysis of the *Leningrad text*

ABSTRACT: *The present paper is devoted to the investigation of Andrei Bitov's work Pushkin House through the prism of the Leningrad text. V. N. Toporov – one of the leading scholars of the Tartu-Moscow Semiotic School – developed the concept of the Petersburg text: a corpus of literary works sharing a certain idea of St. Petersburg and its myth. A semiotic mechanism showing how the city is reflected in literature makes Pushkin House the paradigm of the fate of the Petersburg legend in the XIX century. The main hypothesis of this study is that Pushkin House is both the emblem of the Leningrad text and the connection between the classical Petersburg text and its new "Leningrad version". The Leningrad text is the result of the combination of traditional forms and Leningrad contents, that is the merging of previous cultural myths as well as a political and social picture of the contemporary time.*

Key words: Leningrad text, Petersburg text, Bitov, Pushkin House, V.N.Toporov.

Pushkin House is a work of deconstruction and re-assemblage of the material of the Romanticism on the Neva and of the myth of Petersburg. A work expressly thought as an assessment of the Petersburg century of the National literature (Martini 2002.trans. by the author), is furthermore considered a post-modern version of the *Petersburg theme* (Tammi 1992). The novel – written in the second half of the XX century – is a deep investigation of the Russian history and culture through the sphere of the Russian intellectual life. The main character Lyova is a scholar of Russian literature and he is the descendant of an aristocratic family belonging to the Russian *intelligentsia*. Lyova is a perfect representative of his time and an icon of the conflict of generations: father and granddad are both contrasted to Lyova. Nevertheless, the aristocratic roots and the nostalgia for the nobility expressed by Mitishatyev are the symbols of “the glorious past, of Russian culture in general”.

Lyova is a “hero of our time” and represents Bitov’s time. The writer depicting Lyova’s behavior, his lack of self-confidence and his curiosity for the past critic the Soviet society and underlines the shortcomings and the incapacities of the Russian *intelligentsia*.

Since 1964, the novel had been published in form of essays or short stories in Russian journals, then it was banned for eighteen years due to its implicit critics to the Soviet society. In 1978 it was fully published in the United States and only in 1989 in Russia.

Considering its composition time, *Pushkin House* could not have been included in the range of novels belonging the *Petersburg text*, even if V. N. Toporov claimed:

Наконец, нуждается в определении по отношению к Петербургскому тексту петербургская тема в поэзии 30–60-х гг. (Мандельштам и Ахматова). Особо должен решаться вопрос о соответствующих текстах Набокова. Тем более это относится к прозе Андрея Битова («Пушкинский дом» и др.).(Топоров 1995)

It is important to acknowledge that “St. Petersburg myth was not a purely literary phenomenon, but reflected the atmosphere and events of the ambient reality as well” (Könönen 2003). The changes of the city and the text on the city create a new city-text – the *Leningrad text* – whose *fulcrum* is represented by the novels written during the Leningrad age. Both the imperial Petersburg and its Leningrad version play a leading role in *Pushkin House*. As a matter of fact, Bitov’s novel makes the connection between the classical *Petersburg text* and its new “Leningrad version” becoming the emblem of the *Leningrad text*.

Cultural phenomena originating from the city of St. Petersburg have been investigated through the prism of *Petersburg text*, as well as in the light of its mythological interpretations. V. N.Toporov, a leading Russian philologist of the Tartu – Moscow school, developed the concept of *Petersburg text* based on a semiotic vision of the city that is conceived as a devise engendering texts. Consequently, Leningrad is not only as a material reality, but also as a literary representation of the fate of the city. Investigating the image of St. Petersburg within semiotic, literary and urban studies implies the elucidation of the connections between the *Petersburg text*- as conveyed in the classical interpretations of the city- and the *Leningrad culture*. The latter reinterpreted the myths of the previous literary tradition, activating new *city-texts* and generating a new chapter of the *Petersburg text*. The examination of the city topological and figurative language will shed light on its vitality – Leningrad generates new texts in which the idea of the classical Petersburg is set beside the Soviet Leningrad.

The idea of *Petersburg text* as a coherent text with a “monolithic character” has been formulated by V. N.Toporov in second half of the XX century after realizing how the literature of the XIX century represents the city image in a homogenous way: “What is meant by the PT is a collection of works in Russian literature which are incorporated under the concept of the PT through their semantic unity - a certain idea of St. Petersburg which they all share.” (Könönen 2003:17). The *Petersburg text* is based on a semiotic idea of text considered as a core issue of the culture in which fall even those texts belonging to “the *realia* of the city, to its topography with its

objects of architecture and art, and even to its meteorological peculiarities” (Könönen 2003). The continuous references to works and authors of different epochs make the *Petersburg text* a sort of synthetic and synchronic hypertext. The core of this synthetic hypertext leads to its soteriological myth- the achievement of the “moral salvation” and “spiritual rebirth” through a course of expiation outlined by the experience of the evil. V. N. Toporov defines the *Petersburg text* as a closed system:

Пушкин и Гоголь как основатели традиции; Достоевский как ее гениальный оформитель, сведший воедино в своем варианте Петербургского текста свое и чужое, и первый сознательный строитель Петербургского текста как такового; Андрей Белый и Блок как ведущие фигуры того ренессанса петербургской темы, когда она стала уже осознаваться русским интеллигентным обществом; Ахматова и Мандельштам как свидетели конца и носители памяти о Петербурге, завершители Петербургского текста; Вагинов как закрыватель темы Петербурга, «гробовых дел мастер» (Toporov 1995:277).

The Bronze Horseman and The Queen of Spades are the opening works of the *Petersburg text*, whereas Vaginov's work *Kozlinaya pesn'* brings it to an end in the first half of the XX century:

В целом К. Вагинов в своем романе осознанно выступает в роли не только продолжателя «петербургского текста», но и его завершителя в новой исторической ситуации 1920 – 1930-х годов, когда город Петербург уже завершил свою загадочную историю. (Shindina 1998:136).

Even if *Fiziologia Peterburga* and *Dusha Peterburga* play an important role in depicting the Petersburg theme, they are excluded from the *Petersburg text* due to the temporal limits. Nevertheless there are several questions about the closed nature of the *Petersburg text*: if the city engenders new texts reflecting the atmosphere of the time, it is essential to consider which components and themes of the *Petersburg text* have evolved generating a new chapter of the *Petersburg text* – the *Leningrad text*.

The scholar Pekka Tammi defines Bitov's novel a postmodern version of the Petersburg theme (Tammi 1992), meanwhile professor Pekka Pesonen states that *Pushkin House* “proclaims itself to be a part of the *Petersburg text* on every page” (Pesonen 1996). Bitov creates many links to the core of the *Petersburg text* resorting to the tradition, the parody and inter-textuality as well as activating some mechanisms leading to the Petersburg culture:

The numerous literary allusions in the novels to the works of Blok and Bely are evidence of Bitov's intention to develop further the theme of Russian culture into the tradition of the Symbolists, in whose work the theme of Russia at the threshold between two centuries was tied up with the apocalyptic premonitions and prognostications of Vladimir Solovyov, Dmitriy Merezhkovsky and Vasilii Rozanov. Bitov, enriched with the historical experience of the new Russia, in which the old culture had been destroyed by the civilization of pan-Mongolism, explores a theme of acute relevance to the Russian Symbolists: the destiny of Russian intelligentsia. (Mondry 1989:3).

The origin of the *Leningrad text* is influenced both by the composition time of the works and the authors historical context. Their aesthetic aspirations are focused on the author's research of new ways and devices to join the past Petersburg culture. The Russian journalist and musicologist S. Volkov defines *Pushkin House* “a requiem for the Petersburg intelligentsia” (Volkov 1995:523) and asserts that Petersburg – depicted both as “the imperial city of Pushkin” and “its Leningrad mutation” – keeps playing the role of the main character of the novel. In *Pushkin House*, the theme of the imperial city connected with the pushkinian literary tradition is newly proposed. Despite the allusions to numerous authors as Joyce, Proust or Nabokov, Bitov keeps being a “Petersburgian type: restrained, observant, ironic, and uncertain about matters great and small” (Volkov 1995). The classics of Petersburg literary canon are an essential source of inspiration to represent Lyova's inner world. They laid the foundations of the psychological archetypes introducing in the novel the themes and the paradigms generated by the Silver Age symbolists.

The coexistence between the traditional form and the present content is essential in *Pushkin House*, as a matter of fact the myths of the *Leningrad text* acquire new politico-social meanings – eg. the myth of Pushkin becomes the symbol of freedom. During the Soviet age, the name of Pushkin symbolized *истина*, that is the truth, the absolute knowledge. In the unofficial literary circles Pushkin was a synonym of freedom meant in its overwhelming sense. It was believed that Pushkin conveyed in literature the highest values of Russian culture. The idea of Pushkin as a sign of freedom is confirmed by the allusion to Blok's verses *To the Pushkin House* describing the inner and untrammelled freedom of Pushkin. The poet had the function of creating harmony and order – the essence of the depth of the soul: “Имя Пушкина неизменно выводило петербургскую культуру из накатывавших на нее кризисов” (Ar'ev 1997). Pushkin, considered both as poet and prose writer, was the catalyst of the homogeneity and the harmony of the *Petersburg – Leningrad text*.

The paradigm of the pushkinian Petersburg is outlined by the opposition between the state power and individual freedom. This contrast is the core issue of the poem *Bronze Horseman* and it is embodied by Lyova's grandfather in *Pushkin House*. The lack of inner freedom and the atmosphere of lies and deceit are the main problems of Lyova and, generally, of Bitov's generation. The author makes a deep analysis on the consequences Stalinism had on the generation born at that time. Despite the fact that Stalinism created a fracture in the Russian

culture and society, Lyova feels to be an active part of Russia cultural past and tries to understand the Pushkin legacy. The connection between historical context and psychology – that is the core issue of Dostoevsky masterpieces – plays an essential role in *Pushkin House* and underlies the elaboration of the character's personalities. The leading idea of the novel is related to the social and individual consciousness, as well as the author does not describe exclusively the lives of the characters, but rather the ideas they are representing.

Revising the main themes, myths and characters of the XIX century literature, Bitov creates a new mythology and strengthens the connection between the *Petersburg text* and the *Leningrad text*. Russian history elucidates the themes typical of Russian literature interpreting and presenting a new time for the “old themes” of the World history from a mythological point of view. In the *Leningrad text* – especially in *Pushkin House* – the myths arisen from a certain historical and cultural material are immediately connected with the myths of the past. Nevertheless, they are presented both as myths of actualization- eg. the myth on Petersburg- and as myths referring to the Christian myth of the end of the world. In the *Leningrad text*, the latter is conveyed in the form of an eschatological myth.

At a first glance the myth of the founding of Petersburg seems to be absent in *Pushkin House*, although it is expressed through the main character's surname – *Odoevtsev* that refers to the Odoevsky aristocratic family. The alteration of this name occurs according to the technique suggested by Nabokov's work *Dar*. In this novel the main character, Cherdyntsev, is named after Chernyshevsky to whom the chapter *What is to be done?* is dedicated. As Pushkin, count Odoevsky was a member of a group of writers associated to the myth of Petersburg. Indeed, in Odoevsky's work *Sil'fida* a Finnish peasant predicts the creation of the legendary city. Moreover, Petersburg – called *Severnaya Pal'mira* due to its splendor – is then called back by the cigarettes smoked by Mitishatyev, Lyova's *alter ego*.

Unlike Dostoevsky, Bitov just mentions the details of the city-space and this peculiarity represents an innovation in depicting the city-text. From a spatial point of view, the author prefers the opposition periphery vs. center and inside vs. outside. The latter is represented by the contrast in describing the city center, where the literary institution Pushkin House arises, and the outskirts of Petersburg where the grandfather house is placed:

Grandfather had been given an apartment in a new district, the last buildings. Lyova had never been here. With surprise he caught himself thinking that he probably hadn't left the old city once in his whole life; he lived in that museum, not one of his day-to-day routes lay beyond the museum's avenue-corridors and hall-squares [...] He felt as if he had arrived in a different city. (Bitov 1987:48).

In *Pushkin House* the centrality is represented by the absence of people, the empty and broad city spaces and the blowing autumn wind, unlike the XIX century works depicting it through overcrowded and muggy places. A reversal of this values occurs when Lyova visits his grandfather whose overcrowded and overheated apartment contrasts with the external space – a wide and desolate suburb:

The sun was setting, an ice-cold wind was blowing, and the air had a sort of dangerous clarity. To the west, three long, sharp clouds stabbed the horizon. They glowed a faintly violet red. Out that void stretched a wasteland, with weeds and trash dumps; at the near end, right in the field, was a streetcar ring-really, a ring [...]. It gleamed in the black grass, and there was no streetcar. The houses seemed to stand abandoned, so absent was human life and so chiming the stillness. In the sunset rays, against the blue background, the sparse, frost-covered house cubes stood detached and sugary, their smooth windows blindly and lifelessly reflecting into the sunset. It was like something dreamed. (Bitov 1987:48).

A gloomy, dark and static atmosphere oppressing Lyova is conveyed through the description of the surrounding landscape characterized by the black grass and the grey and squared frozen houses. The lack of predictability, the sense of indefiniteness and the elements of the fantastic delineate the theme of phantasmagoric Petersburg developed into the novel by introducing one of the archetypical subjects of Russian literature the theme of the dream.

Pushkin House as title of the novel is a symbol full of cultural values generally suggesting the Russian culture and literature:

[...] by printing the title without inverted commas, giving it the status of a symbol, evoking St Petersburg, or post-Petrine Russia, Bitov demonstrates the novel's deliberate connection with the late nineteenth century Symbolists [...]. (Mondry 1989).

A deeper embedding of the work in the *Petersburg* and *Leningrad text* is generated by the choice of a Research Institution of the Russian Academy of Sciences both as title and as setting of the novel. In this way, Petersburg is both a museum and a sign of literature, a literary and architectural citation attesting the presence of not only a literary text but also an architectural text through which the Petersburg culture is expressed.

The *Nevsky Prospect* is a “lexical” element of the Petersburg language common to all the works of the *Petersburg text* and in *Pushkin House* it becomes the emblem of the city. Since the beginning of the novel, Bitov introduces the main themes of the city and the Leningrad – Petersburg ambience is created through the wind gusts leading the reader in a tour of Leningrad:

[...] a wind fell upon the city. It fell flatly and from above as if it had rolled down a smooth curve of sky, gathered speed with uncommon ease, and landed tangent to the earth [...]. It touched down on the city streets as

on a landing trip, bounced when it hit the ground somewhere on the Spit of Vasily Island, and then raced off, powerfully and noiselessly, between rows of now damp houses [...] it rolled onto the parade square, swooped up a broad and shallow puddle to smack against the toy wall of yesterday's grandstands, and then, tickled with the resulting sound, flew through the revolutionary wicket and took off again, soaring steeply, sweepingly, up and away [...] It irons the city flat, and right behind it, over the puddles, dashed a heavy express rain – over the avenues and embankments so well known, over the swollen gelatinous Neva with its countering, rippling patches of crosscurrent and its mismatched bridges [...] (Bitov 1987).

The wind is an element of the natural sphere typical of the Leningrad landscape as well as a reminiscence of Blok's poem *The twelve* where it symbolizes freedom. Furthermore, in *Pushkin House* the wind is an indicator of time and space and is a material personification of the immaterial flow of time as the water streaming in Faulkner's works. The monuments and the places of Petersburg represent not only the *realia* of the city, but they are also a sort of architectural citations present in Russian literature from Pushkin to Blok. Their function is apparently the setting of the action, in fact the true value must be searched in the original text, such as the works of the Russian literary canon. These poems, concerning the themes and the images typical of the symbolists of the Silver Age, laid the foundations of *Pushkin House* and develop the psychological and literary archetypes of Russian literature. Bitov interprets in a modern way the motif of the demons and the theme of the double – Lyova and his *alter ego* Mitishatyev are the “new” demons of the XX century. The latter introduces Lyova to the “female world”, to smoking and drinking, he represents the negative side of the protagonist and he is in competition with Lyova for the love of one girl insomuch as they end up to duel:

[...] Lev's quasi-double, his friend-enemy Mitishatyev [...], he constantly appears in the most unpredictable moments. He was Lev's classmate and in those days he was forever inviting him to wrestle, to match strength. The he pops up in Lev's life to play his part in the proverbial *ménage à trois*, in which he is the triumphant plebeian force that seduces Faina away from Lev [...]. As a quasi-double Mitishatyev shoots Lev in the duel; as a double he continues his existence in Lev when the latter awakens from his drunken stupor, and in the motif of the duel-parody [...] (Mondry 1989).

The scene of the duel echoes not only the most famous duel of Russian literature, but also it alludes to the legendary duels of Russian literature from Baratynsky to Sologub. During the challenge Lyova assumes the form of Pushkin and the battle occurs with Pushkin's original pistols:

Stubble had sprouted on his death mask. He suddenly had a lot of hair- tangled curls. His neck had grown thin, and it stuck up loosely from his collar. (Bitov 1987:308)

Lyova is either a symbol of the pre-revolutionary Russian culture, because of his aristocratic and academic roots, than an icon of the Leningrad culture because he “was conceived in a ‘fateful year’”- an age characterized by the atmosphere of deceitfulness affecting the whole society and that replaced the authentic values with something artificial. Bitov criticizing the contemporary society echoes the idea of deceit expressed by Dostoevsky- the Russian culture is false because Russia lost its traditional roots due to the Western influence. As a consequence a new idea congenial to the *Leningrad text* is generated and it is represented by the Sphinx:

Russian culture enjoys the immortality given it by the death of pre-Revolutionary Russian culture – this, at least, is the meaning of the Sphinx symbol, constructed on the paradoxical co-existence of polar opposites. (Mondry 1989).

Bitov describes the themes and the image of the city in a different way from the standards of the *Petersburg text*. The endless references to the main themes and the myths of the Russian literary canon – as the mirror, the double and the camouflage – establish the connection with the ancient Petersburg literary tradition. In *Pushkin House*, a new city-text is depicted through the combination of *Petersburg text* and *Leningrad text*. Bitov declines the traditional interpretative codes without denying the relevance of the Petersburg image created by Pushkin's, Dostoevsky's, Gogol's works as well as he connects this image with a new post-finalist myth based on the preservation of high cultural values in the history thanks to the revelation of another existential dimension.

Bibliography

- Bitov, Andrei (1987), *Pushkin House*, Dalkey Archive Press.
- Könönen, Maija (2003), *Four ways of writing the city: St. Petersburg-Leningrad as a metaphor in the poetry of Joseph Brodsky*. Helsinki: University of Helsinki.
- Mondry, Henrietta (1989), *The Waking Sphinx: South African Essays on Russian Culture*, Johannesburg: University of the Witwatersrand.
- Pesonen, Pekka (1996), *Модернизм и постмодернизм в русской литературе и культуре*. Slavica Helsingiensia 16, Helsinki: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures.
- Tammi, Pekka (1992), The St.Petersburg Text and its Nabokovian Texture. *Studia Slavica Finlandensia*, 9\1,128 – 164.
- Volkov, Solomon (1995), *St.Petersburg. A cultural history*, New York: The Free Press.
- Арьев, Андрей (1997), *Петербургская пауза*, Таллинн "Радуга".

Арьев, Андрей (1995), *Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное*, Москва: Издательская группа Прогресс—Культура, 1995.

Шиндина, Ольга (1998), Фрагмент петербургского текста: "Петербург" А.Белого и "Козлиная песнь" К.Вагинова, *Acta universitatis scientiarum socialium et artis educandi tallinensis – Ученые записки таллинского педагогического университета*, 136 – 149 .

Vprašanja prilagajanja prevzetih madžarskih besed v prekmurščini

ABSTRACT: The article presents the phonological and morphological adaptation of Hungarian loanwords in the Prekmurje Slovene literary language. In the beginning of the article is a short survey of the most important genetic and typological differences between Slovenian and Hungarian language. The phonological and morphological adaptation of Hungarian loanwords is presented in detail by the help of concrete loanwords. Finally are given some interesting examples, which presents what kind of information we can find out about the history of the Hungarian language by the help of loanwords.

Keywords: Prekmurje Slovene literary language, Hungarian loanwords, phonological and morphological adaptation

0. Uvod

V tem prispevku se ukvarjam s tremi pomembnimi vprašanji prevzemanja madžarskih besed v prekmurščino, in sicer:

- z nadomeščanjem madžarskih fonemov, ki jih prekmurščina nima
- z glasovnimi premenami v prevzetih madžarskih besedah po prevzemanju in s prilagajanjem prevzetih madžarskih besed prekmurškemu jezikovnemu sistemu
- z vprašanjem, zakaj je pomembno poznavati zgodovino madžarskega jezika.

Vsa ta vprašanja so še posebej zanimiva, če upoštevamo dejstvo, da slovenščina in madžarščina nista niti genetsko niti tipološko sorodni. Slovenščina je kot južnoslovanski jezik članica indoevropske jezikovne družine; glede tipološke razvrstitve pa je fleksijski jezik. Madžarščina pa je ugrofinski in aglutinacijski jezik. Iz tega sledi, da se tudi njuna slovnična sistema razlikujeta med seboj. Najpomembnejše razlike so tele:

- slovenščina ima spole (moški, ženski in srednji), ki jih v madžarščini sploh ni
- slovenščina ima stroge sklanjatve v šestih sklonih (imenovalnik, rodilnik, dajalnik, tožilnik, mestnik, orodnik); tudi madžarščina ima sklone (prim. Balogh et. ali 2000: 194–200), ampak je glavna razlika v tem, da so v slovenščini predlogi, v madžarščini pa jih ni

To so glavne razlike med dvema sistemoma, ki jih bom v nadaljevanju s pomočjo primerov še dopolnil z drugimi. Madžarski jezikovni vpliv v knjižni slovenščini skoraj ni prisoten, le redke prevzete madžarske besede so se ukoreninile v besedju slovenskega knjižnega jezika. Popolnoma drugačna je podoba v primeru prekmurščine, ki je zaradi večstoletnega sobivanja z madžarščino na Ogrskem bila pod močnejšim vplivom madžarskega jezika. Madžarski vpliv je prisoten v prevzetih besedah in dobesedno prevedenih stalnih besednih zvezah. Prispevek se osredotoča samo na prevzete besede.

1. Nadomeščanje madžarskih fonemov v prekmurščini

Madžarski in prekmurški fonemski sistem imata več skupnih fonemov, zato na primer ne povzroča nikakršne težave prevzemanje madžarskih besed, ki imajo fonem /ø/ ali /y/, npr. *djöndj* 'biser', *örok* 'dediščina', *öspörös* 'dekan', *ör* 'pivo', *džündž* 'biser', *püšpek* 'škof'. Med samoglasniki je prišlo do nadomeščanja pri fonemih /ɔ/, /e:/ in /o:/. Madžarski fonem /ɔ/ je nadomeščen s prekmurškim /a/, npr. *apa* 'oče', *bajusi* 'brki', *čizma* 'škornje', *harc* 'boj, borba', *hatar* 'meja' itn. Madžarski fonem /e:/ so nadomestili s prekmurškim diftongom /ej/, ki je v prekmurščini odraz praslovanskega jata, npr. *filejr* 'vinar', *kejp* 'slika, podoba', *talejr* 'tolar', *tanjejr* 'krožnik' itn. Madžarski fonem /o:/ se na koncu besed nadomešča z /ov/, pri čemer pogosto pride do diftongizacije, tj. -ouv, kar pa je značilno tudi za današnje prekmursko narečje, npr. *akouv* 'stara merska enota, okrog 56 litrov', *birouv* 'sodnik', *hajov* 'ladja' itn. V zvezi z nadomeščanjem soglasnikov moram opozoriti tudi na to, da ni prišlo do večjih sprememb, ker madžarski fonemi imajo prekmurske ustreznice. Za primer navajam madžarski fonem /j/, ki je ohranjen v prevzetih besedah, npr. *djolč* 'tančica', *djöndj* 'biser', *hadnadj* 'poročnik, poveljnik' itn.

2. Glasovne premene v prevzetih besedah

Drugo pomembno vprašanje, ki sem ga že omenil na začetku referata, je vprašanje glasovnih premen, ki so se vršile že v prekmurščini po prevzemu besede. Med prevzetimi madžarskimi besedami najdemo take, ki so prevzete brez kakršnih koli glasovnih sprememb, npr. *kinč* 'zaklada' (< madž. *kincs* 'isto'), *tanač* 'svet, nasvet' (< madž. *tanács* 'isto'), *varaš* 'mesto' (< madž. zastr. *varas* 'isto'), itn. Pogosta je premena fonema /n/ na koncu besed v /n/, npr. *baršon* 'žamet' (< madž. *bársony* 'isto'), *dohan* 'tobak' (< madž. *dohány* 'isto'), *hitvan* 'ničev, slab' (< madž. *hitvány* 'isto') itn. Glasovne premene najpogosteje nastopajo takrat, ko je prevzeta beseda že produktivna. Produktivnost prevzetih besed je zelo pomembna, saj kaže na to, da je določena beseda nehala biti tuja (Hadrovics 1989: 31). Prevzeta madžarska beseda *beteg* 'bolezen' ima na primer izpeljanko *betežen* 'bolan', v kateri je prišlo do palatalizacije /g/>/z/. Iz tega pridevnika pa sta izpeljani še besedi: *betežnik* 'bolnik' in *betežliv* 'bolan'. Vse te besede so nastale že v prekmurščini, ampak njihov koren je prevzeta madžarska beseda

beteg, ki je, kakor to dokazujejo sami primeri, nehala biti tuja, saj se je prilagodila prekmurskemu besedotvornemu sistemu. Lahko pripomnim, da je do glasovnih premen najpogosteje prišlo zlasti ob produktivnosti prevzetih madžarskih besed.

Prevzete madžarske besede, ki imajo začetnico *e-*, pogosto dobijo protetični *j-*, npr. *jeretnik* 'krivoverec', *jezero* 'tisoč'. Tukaj je treba omeniti tudi to, da se lahko zgodi, da je prevzetim besedam dodan kakšen samoglasnik, da bi se lažje prilagajale prekmurskemu sistemu, tj. slovničnemu spolu. To vidimo pri besedi *čonta* 'kost', ki je dobila *-a* na koncu. Vemo, da je v knjiži slovenščini kost ženskega spola in je prekmurska beseda verjetno zaradi tega dobila na koncu *-a*. Morda pa je do tega prišlo zato, ker je bila končnica *-nt* nenavadna in so ji dodali še *-a*.

3. Morfološko prilagajanje prevzetih madžarskih besed

Prilagajanje prevzetih madžarskih besed prekmurskemu sistemu je pripeljalo tudi do morfoloških rezultatov. Pri samostalnikih ni prišlo do izrazitejših oblikoslovnih sprememb, je pa nekaj samostalnikov, pri katerih se vidi določena besedotvorna sprememba, npr. *-ec*, npr. *vankušec* 'blazina' (< madž. *vánkos* 'isto') in *-ek*, npr. *hasek* 'korist' (< madž. *haszon* 'isto'). Prevzeti madžarski glagoli so podomačeni s pomočjo pripone *-üvati*, npr. *engediüvati* 'odpuščati, dopuščati', *kivaniüvati* 'želeti', *örökiüvati* 'podedovati' itn., redkeje pa s priponama *-ovati* in *-iti*, npr. *harcovati se* 'bojevati se', *batriviti* 'opogumljati, tolažiti', *dičiti* 'častiti' itn.

4. Prevzete madžarske besede latinskega izvora

Zelo pomembne so tudi prevzete besede latinskega izvora. Menim, da se je treba z njimi ukvarjati kot s prevzetimi madžarskimi besedami, saj kažejo na madžarsko posredovanje bodisi na fonološki bodisi na morfološki ravni. Njihovo število je precejšnje. Izrazitejša fonološka značilnost madžarskega posredovanja latinskih besed je ohranitev izgovarjave [j] in [ʒ] na mestu latinskega [s]. Ta pojav so madžarski jezikoslovci razlagali s severnoitalijanskim ali nemškim vplivom (Balázs 1989: 121; Kniezsa 1952: 69). Take prevzete besede so v prekmurščini na primer *šorš* 'usoda', *špondja* 'goba', *paradižom* 'paradiž, raj'. Latinske besede s končnicami *-a*, *-is*, *-us*, *-um* so ohranjene brez morfoloških sprememb, kar je lepo razvidno tudi v besedah, ki so prešle v prekmurščino, npr. *fundamentum* 'temelj, osnova', *jašpiš* 'jaspis', *plebanuš* 'župnik' itn. Seveda tudi pri teh besedah je razvidna izgovarjava [j] na mestu latinskega [s].

5. Prevzete madžarske besede kot zgodovinski viri

Na koncu bi želel malo pisati pa še na kratko o tem, zakaj je pomembno poznavanje zgodovine madžarskega jezika. Vemo, da je imela madžarščina drugačno jezikovno podobo takrat, ko je prišla v stik s prekmurščino, in drugačno kot danes. Večkrat je ta starejša podoba ohranjena tudi v prevzetih besedah, saj je med njimi mnogo takih, ki so bile prevzete pred več stoletij. Pomembno glasoslovno pravilo je bilo vokalna harmonija, po kateri so lahko v besedah le palatalni ali velarni samoglasniki. Tipična primera tega pravila sta *herceg* in *beteg*. Oba samostalnika sta v madžarščino prevzeta iz nemščine (srvnem. *hercog* in nem. *Wehtag*). Po zgoraj navedenem pravilu, pa sta v madžarščino prevzeta kot *herceg* in *beteg* in sta bila tako prevzeta tudi v prekmurščino. Če bi bila neposredno prevzeta iz nemščine bi pisali v prekmurščini **hercog* in **vetag*, ker te harmonizacije v prekmurščini ni. Beseda *beteg* pa je še lep primer za to, da je prevzeta beseda v prekmurščini samostalni, v madžarščini pa pridevnik. Ko je bila beseda prevzeta v madžarščino, je bila še samostalni, in je šele pozneje postala pridevnik (Hadrovcis 1989: 33). Torej prvotno besedno vrsto ohranja prekm. *beteg*. Značilna glasovna sprememba srednjeveške madžarščine je bila, da so kratki samoglasniki postali bolj odprti. To pomeni, da je /i/ > /e/, /u/ > /o/, /o/ > /ɔ/, /y/ > /ø/. V luči te spremembe lahko razumemo prekm. *džündž* 'biser', ki je prevzet iz madž. *gyöngy* 'isto'. Prekmurska beseda še ohranja prvotni /y/, iz katerega je pozneje nastal /ø/.

6. Sklep

Upam, da mi je s tem prispevkom uspelo osvetliti najpomembnejša vprašanja prilagajanja prevzetih madžarskih besed v prekmurščini in tudi to, koliko dragocenih informacij hranijo te prevzete besede o zgodovinskem razvoju madžarskega jezika.

Bibliografija

- Balázs János (1989), A latin a Duna-tájon. In: *Nyelviünk a Duna-tájon*. Budapest, Tankönyvkiadó, 95–140.
 Balogh Judit et alii. (2000), *Magyar grammatika*. Budapest, Nemzeti Tankönyvkiadó.
 Hadrovics László (1989), A magyar nyelv kelet-közép-európai rokonsága. In: *Nyelviünk a Duna-tájon*. Budapest, Tankönyvkiadó, 7–47.
 Kniezsa István (1952), *Helyesírásunk története a könyvnyomtatás koráig*. Budapest, Akadémiai Kiadó.

Yuliya Dzyabko

Ivan Franko National University of Lviv, Lviv, Ukraine
yuliya.dzyabko@hotmail.com

Ukrainian-Japanese lexicography: in search for the methodology for the compilation of terminological dictionaries. Українсько-японська лексикографія: у пошуках методології укладання галузевих словників

ABSTRACT: Due to the expansion of the sphere of the Ukrainian language and the improvement of Ukrainian-Japanese relationships, there is a need for development of terminological dictionaries that can reflect the interaction of scientific knowledge in different spheres of the Ukrainian and Japanese cooperation. This paper concentrates on developing a suitable methodology for the compilation of terminological dictionaries of the Ukrainian and Japanese languages. In particular, it focuses on a contrastive analysis of the terminological systems within the framework of structural approach. The structural approach allows us to determine the organization of the terminological systems in each of the languages, establish the peculiarities of their paradigmatic correlations and identify national features of the terms from the contrastive linguistic point of view.

Keywords: Ukrainian language, Japanese language, terminological lexicography, contrastive analysis.

В українському мовознавстві малорозроблений напрям, пов'язаний із лексикографією української та японської мов: відсутні методики лексикографічного опису українсько-японського матеріалу, немає термінологічних лексикографічних праць. Тому теоретичне осмислення проблеми українсько-японської лексикографії, зокрема обґрунтування методології зіставного вивчення терміносистем як передумови створення галузевих перекладних словників зумовлюють актуальність нашої доповіді.

Мета статті – сформулювати засади укладання українсько-японських термінологічних словників. Мета зумовлює виконання таких завдань: 1) систематизувати українсько-японські лексикографічні довідники; 2) розкрити переваги системно-структурного підходу для вивчення терміносистем обох мов; 3) показати роль зіставного аналізу терміносистем на прикладі опису соціолінгвістичних назв української та японської мов; 4) окреслити лінгвістичні передумови створення українсько-японських галузевих словників. Матеріалом дослідження послужили соціолінгвістичні терміни, відібрані методом суцільної вибірки із лінгвістичних словників та соціолінгвістичних праць української та японської мов.

В основу нашого дослідження покладено припущення про те, що 1) зіставні дослідження української та японської мов повинні базуватись на розумінні мови як системи і структури; 2) системно-структурний підхід дозволяє визначити організацію терміносистеми кожної з мов, встановити особливості семантичної співвіднесеності одиниць словникових реєстрів; 3) в основу реєстру українсько-японських відповідників потрапляють відповідники, які ілюструють абсолютну і відносну семантичну симетрію та семантичну асиметрію.

Аспекти формування українсько-японської лексикографії. Міжмовна лексикографія виконує соціально важливу роль. У теоретичному аспекті перекладні словники фіксують сукупність знань, якими володіє суспільство, а у прикладному – сприяють навчанню мови і налагоджують міжмовну комунікацію між носіями різних мов. Аналізуючи історію перекладних українсько-японських словників, спробуємо визначити тенденції, які визначають розвиток сучасної українсько-японської лексикографії.

Перший українсько-японський словник з'явився у 1944 році («Українсько-ніппонський словник» А. Діброва, В. Одинця за редакцією Ясуда Сабуро). Автори цього словника, В. Одинець та А. Діброва, здійснили першу в історії спробу у справі мовно-культурного взаємопорозуміння між українським і японським народами. 11 тисяч слів, які були вміщені до словника, коротко представляли лексичний склад української мови, відображаючи перші напрацювання у сфері зіставної української-японської лексикографії. Попри усі недоліки, які згодом були виявлені спеціалістами (відносно довільний вибір української лексики без урахування частотності слововживання тих чи інших слів; відсутність будь-яких граматичних позначок; відсутність стилістичних характеристик лексики та пояснювальних позначок щодо обмежень її використання в літературній мові; перенасиченість словника розмовними, просторічними та діалектними словами (автори були вихідцями із Західної України) тощо (Бондаренко, Хіно 1994: 20–29), не применшують роль цього видання.

В умовах радянського політичного режиму, де зіставним дослідженням на базі української мови не приділяли достатньої уваги, до кінця 90-их років ХХ ст. лексикографічна діяльність у сфері української та японської мов зовсім не розвивалась. Лише у 1996 році доцент Токійського політехнічного університету Рюносукі Курода заклав новий етап розвитку українсько-японської лексикографії, опублікувавши у Токіо «Малий українсько-японський словник», який містив 1500 найуживаніших слів для початкового рівня володіння українською мовою.

У 1997 році з'являється перше вітчизняне українсько-японське лексикографічне видання: «Українсько-японський словник», а у 1998 році «Українсько-японський Японсько-український словник. Навчальний словник японських ієрогліфів», укладачами яких стали український мово- та літературознавець І. Бондаренко та японський дослідник, член Японської Асоціації Українців, Т. Хіно. Цього разу «Українсько-японський словник» був укладений уже згідно загальних лексикографічних принципів відбору лексики (частотність використання, словотворча продуктивність, стилістична нейтральність тощо) та вмістив близько 8450 українських та 11600 японських найбільш уживаних слів і словосполучень, які охоплюють активний словниковий запас носіїв української та японської мов.

Серед інших словників, створених на базі української та японської мов, варто згадати «Японсько-Український Кишеньковий словник» (І. Бондаренко, Т. Хіно, Одеса 2001), «Українсько-японський тематичний словник» (Г. Михайлик, В. Карпенко, Київ 2007).

Таким чином, усі зазначені лексикографічні видання, створені на базі загальноживаної лексики, відкривають широкі перспективи для опрацювання різного типу мовної інформації та розширення типології словників. Сьогодні існує потреба у створенні українсько-японських термінологічних словників різного спрямування, які б сприяли міжнародному науковому обміну інформації між Україною та Японією.

Переваги системно-структурного підходу для вивчення терміносистем української та японської мов. Словник охоплює певну частину словникового складу і постає як закрита система інформативно-номінативного типу. Формування змісту перекладного словника та способи лексикографічного опису одиниць визначаються, насамперед, рівнем взаємодії зіставної лексикології (що вивчає подібності і розбіжності у лексичному складі різних мов) з лексикографією (що займається відбором та фіксацією міжмовних еквівалентів). Відповідно розробка перекладних українсько-японських термінологічних словників базується на даних зіставного вивчення термінології.

Розуміння мови як складного утворення, в якому можна виокремити його елементи і зв'язки між ними, дає основи для застосування системно-структурного підходу як засобу осмислення мовних явищ. *Система* – це сукупність взаємопов'язаних і взаємозумовлених елементів, а *структура* – це склад і внутрішня організація єдиного цілого (Мельничук 1970: 27).

Термін є елементом теорії наукового знання, а сфера його використання визначається межами конкретної галузі. Терміни формуються як одиниці лексичної системи мови за допомогою тих же засобів, що й загальна лексика, і постають як найменування конкретних чи абстрактних явищ, які об'єктивізують певні ментальні категорії (В. Лейчик, І. Кочан, Г. Мацюк, Т. Панько, Д. Шелов). Як знаки спеціальної семіотичної системи вони виконують номінативну функцію кодування наукової інформації про об'єкт чи референт через єдність форми і змісту знака. Тому вважаємо правомірним розглядати *термін* як лексичну одиницю, яка виконує номінативну функцію позначення спеціального поняття у системі понять. *Терміносистема* як модель галузі знання чи діяльності виникає внаслідок сформованої теорії, визначення основних об'єктів та зв'язків між ними (Лейчик 2006: 119). В свою чергу *термінологія* – це сукупність термінів, що входять у певну термінологічну систему» (Панько, Кочан, Мацюк 1994: 148).

Системність терміна розуміють по-різному: як класифікаційну сутність (Даниленко 1967: 58), як системність структурно-словотвірну (Реформатский 1961: 54), як подвійну системність (термін як елемент термінологічної системи і як елемент лексико-семантичної системи) (Будагов 2002: 31). Однак більшість науковців сходиться на погляді, що системність терміна – це ознака системності наукового знання, елементом якого він є, а головним критерієм системності доцільно вважати системність у плані змісту (Герд 1994: 169, Лейчик 2006: 102, Панько, Кочан, Мацюк 1994: 179, Циткина 1988: 33). Оскільки моделювання наукового знання протікає у формі терміносистеми, яка, слугуючи планом вираження логіко-понятійної системи, у своїй семасіологічній структурі відображає зв'язки і відношення між лексичними одиницями, що позначають конкретні поняття, то системність термінології розуміємо як системність плану змісту (наукових понять) і системність плану вираження (слів, що передають ці поняття).

Отже, системно-структурний підхід становить сукупність методів, які сприяють вияву складових компонентів і встановленню відношень між ними, а також виявляють специфіку, склад і структуру терміносистеми у кожній мові.

Роль зіставного аналізу терміносистем на прикладі опису соціолінгвістичних назв української та японської мов. Сьогодні суть зіставного аналізу визначають як синхронно-порівняльні дослідження двох або кількох мовних систем, здійснені за однією моделлю опису (Манакин 2004: 3). Семантичний опис лексичної системи всіх мов будується на універсальному наборі семантичних компонентів, до яких для опису кожної конкретної мови необхідна певна кількість своїх особливих семантичних компонентів. Тому для зіставного аналізу базовою є ідея інваріантності, в основу якої покладено порівняння, тобто вияв відмінностей на фоні деякої спільності порівнюваних об'єктів.

Спільне та відмінне у семантичному змісті лексичних одиниць різних мов можна виокремити

шляхом зіставлення способів найменування одного і того ж поняття. Зокрема, аналіз еквівалентів, виявлених на основі достатньої вибірки, є ефективним засобом для одержання цілісного уявлення про семантичну структуру слова. Розглянемо особливості міжмовної взаємодії української та японської мов, а також фактори, на які потрібно звертати увагу при зіставленні терміносистем на прикладі соціолінгвістичної терміносистеми.

Зіставляючи семантику термінів різних мов, потрібно врахувати ступінь еквівалентності та семантичної подібності, тобто наскільки співвідносяться семантичні компоненти у структурі лексичного значення зіставляваних одиниць. Враховуючи логічну схему можливих формально-сміслових зв'язків між відповідниками української та японської мов, можемо виокремити певні напрями їхньої взаємодії: 1) повна відповідність (міжмовна еквівалентність, або семантична симетрія), 2) часткова невідповідність (відносна симетрія), 3) невідповідність (безеквівалентність, семантична асиметрія) (Манакин 2004: 123).

У термінології семантична симетрія полягає у повній відповідності усіх семантичних компонентів наукового поняття і є результатом використання одних і тих же типів термінологічної номінації. Спільні ознаки у семантичній структурі різних мов зумовлені обмеженою кількістю засобів передавати наш соціальний досвід та спільністю когнітивних процесів у свідомості людей (Lehrer 1974: 167).

В обох мовах зафіксовано терміни, які характеризуються повним зівпадінням семантичної структури, що вказує на спільність розвитку соціолінгвістичного знання. Так, відповідники укр. *діалект* і яп. *hougen* формують тотожні гіпонімічні парадигми із одиницями укр. *територіальний діалект* і *соціальний діалект* та яп. *chiiki hougen* і *shakai hougen*. Значення цих когіпонімів протиставляється за допомогою опозиції тотожних диференційних сем укр. 'територія' – 'соціальна група' і яп. 'chiiki' 'територія' – 'shakai shuudan' 'соціальна спільнота'. Актуалізуючи синтагмозначення еквівалентів *діалект* і *hougen*, формальна структура цих термінів емпілічно засвідчує спільну ідею диференціації мовної системи, в основі якої лежить географічний та соціальний критерій в обох мовах.

При частковій семантичній невідповідності кількість диференційних сем може бути різною у зіставляваних відповідниках або ж міжмовні відповідники характеризуються набором семантичних компонентів, близьких за семантикою, які засвідчують лише подібність змісту зіставляваних одиниць, а не його тотожність. Відповідно виникає різна міжмовна взаємодія значень одиниць, що базується на відношенні включення або перетину семантики.

Відношення включення полягає в тому, що в значенні слова однієї мови є більша кількість семантичних компонентів, ніж в значенні відповідника іншої мови (Манакин 2004: 129). І в українській, і в японській соціолінгвістиці є думка про те, що форми існування мови виникають внаслідок соціально-територіальної диференціації мови. В українській мові поняття *форми існування мови* тлумачать як «зрозумілий усім носіям різновид функціонування мови, що передбачає системну організацію й комунікативно-прагматичну орієнтацію, відповідні до потреб певної сфери спілкування чи застосування» (Селіванова 2011: 759). В японській мові термін *genko henshu* позначає «різновиди мови вужчої сфери використання, яка, охоплюючи широкий спектр мовних утворень, об'єднуються у групи на основі певних соціальних та територіальних чинників» (Sanada 2004: 34). Однак, окрім соціально-територіальної ознаки диференціації мови, поняття *genko henshu* пов'язують і з соціальним контекстом та роллю мовця у ньому, про що свідчить видове поняття *shiyuiki henshu* – «різновид мови, зумовлений типовою ситуацією спілкування» (Masuda 1997: 20). Отже, на відміну від української мови, де поняття *форми існування мови* формується на соціально-територіальній диференціації мови, в японській мові поняття *genko henshu* передбачає також функціонально-ситуативну диференціацію, а тому можна стверджувати, що семантичний обсяг японського терміна *genko henshu* свідчить про відношення включення семантики української одиниці форми існування мови.

Відношення перетину базується на тому, що значення одиниць різних мов накладається, але залишається часина, яка не зівпадає. Українському поняттю *народно-розмовна мова* відповідає японський термін *kyoutsuugo*, що номінує різновид мови, який використовують як засіб комунікації з метою взаєморозуміння в одномовному суспільстві. Термін відображає сукупність неунормованих мовних засобів, якими послуговуються в побутовій сфері. Однак термін *kyoutsuugo* розкриває й інше значення: третя мова (чи мовний різновид), яка використовується для спілкування між носіями різних мов (мовних різновидів) (Sanada, Shouji 2005: 293). В обох випадках одиниця реалізує значення мови-посередника, але характеризується структурними та функціональними відмінностями: у першому значенні *kyoutsuugo* позначає різновид однієї мови, а у другому – іншу мову, представляючи *kyoutsuugo* як функціональний статус мови. Тому семантична подібність, а не тотожність компонентів дозволяє нам вважати терміни *народно-розмовна мова* і *kyoutsuugo* частковими міжмовними відповідниками.

У випадку *семантичної асиметрії* утворюються міжмовні термінологічні лакуни, які вказують на відсутність у мові перекладу поняття, що позначається у вихідній мові конкретною лексичною одиницею і пов'язане з особливостями мовного розподілу об'єктивного світу кожною з мов. Так, поняття територіального діалекту в українській терміносистемі передбачає ієрархічне підпорядкування поняття *наріччя* – *говір* – *говірка*, які формують чітку гіперо-гіпонімічну парадигму. Найбільшою діалектною

одиницею є *наріччя*, що становить сукупність близьких за визначальними рисами *говірок* (засобом спілкування мешканців одного, рідше кількох населених пунктів), об'єднаних у *говори* (Українська мова 2007: 150-151). В японській мові відповідників на позначення цих понять не зафіксовано.

Виявлена лакуна на фоні іншої мови не завжди свідчить про відсутність конкретного поняття у концептосфері вихідної мови, а лише його лексичного позначення, оскільки мовні одиниці актуалізують лише ті поняття, які є релевантними для певної лінгвокультурної спільноти. У результаті виявлення лакун виникає потреба у їх заповненні або за допомогою описового словосполучення, яке дає розлоге пояснення виявленому поняттю, або шляхом створення нової лексичної одиниці.

Одним із різновидів діалектів в системі японської мови є поняття *neohougen* (англ. *neodialect*), що розкриває зміст «нова змішана мовна система, яка формується внаслідок контактування діалектів із мовним стандартом» (Sanada 2008: 109). Утвореним мовним варіантом послуговуються, як правило, нові мешканці певних територій, котрі не володіють досконало ані літературною мовою, ані місцевим діалектом. Термінологічного відповідника в українській мові поки не зафіксовано, але ми пропонуємо перекладати його як *неодіалект* шляхом калькування з англійської.

Отже, лінгвістичні передумови створення українсько-японських галузевих словників полягають в тому що: 1) реєстр відповідників доцільно укол дати за допомогою зіставного аналізу, який базується на системно-структурному підході; 2) відповідники засвідчують про абсолютну та відносну семантичну симетрію та семантичну асиметрію; 3) у випадку термінологічної лакуни укладач словника повинен запропонувати власний відповідник українською чи японською мовою.

Література

- Бондаренко, Іванч – Хіно, Такао (1994), Перший українсько-японський словник. *Мовознавство*. 2-3, 20-29.
- Будагов, Р. А. (2002), *Введение в науку о языке*. Москва, Добросвет.
- Герд, А. С. Значение термина и научное знание In: Татаринов В. А., *История отечественного терминоведения*. Москва, Московский лицей.
- Лейчик В. М. (2006), *Терминоведение: предмет, методы, структура*. Москва, КомКнига.
- Мельничук А. С. (1970), Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма. *Вопр. Языкознания*. 1, 24-31.
- Манакин В. М. (2004), *Сопоставительная лексикология*. Київ, Знання. Даниленко В. П. (1977), *Русская терминология: Опыт лингвистического описания*. Москва, Наука.
- Панько Т., Кочан І., Мацюк Г. (1994), *Українське термінознавство: Підручник*. Львів, Світ.
- Реформатский, А. А. (1961), Что такое термин и терминология In: *Вопросы терминологии*. Москва.
- Селіванова О. О. (2011), *Лінгвістична енциклопедія*. Полтава, Довкілля-К.
- Українська мова: енциклопедія* (2007). Київ, Українська енциклопедія.
- Шелов Д. (1998), *Определение терминов и понятийная структура терминологии*. Санкт-Петербург, Издательство Петербургского Государственного Университета.
- Циткина, Ф. А. (1988), *Терминология и перевод (к основам сопоставительной терминологии)*. Львов, Вища школа.
- Lehrer A. (1974), *Semantic Fields and Lexical Structure*. Amsterdam, North Holland.
- Sanada, Shinji (2004), *Shakai gengogaku*. Tokyo, Oofu.
- Masuda, Izuru (1997), *Shakai gengogaku*. Tokyo, Kabushiki Kaisha.
- Sanada Shinji, Shouji Hiroshi (ed.) (2005), *Jiten Nihon no tagengo shakai*. Tokyo, Iwanami Shoten.
- Sanada, Shinji (ed.) (2008), *Shakai gengogaku no tenbou*. Tokyo, Kurushio.

Xénia Gaál

University of Eötvös Loránd, Budapest, Hungary
gaal.xenia@gmail.com

Город К.: Калининград как явление культуры (Миф города, идентификация, современное искусство)

ABSTRACT: Kaliningrad – previously known as Königsberg – used to be the centre of Eastern-Prussia throughout centuries. After the Second World War the city was annexed by the Soviet Union and has become its exclave. This was the breaking point of historic continuity that resulted in turning Kaliningrad into a phenomenon of cultural history. Today's Kaliningrad is an "isolated continent", a unique historical and cultural entity – the city of Kant and a forgotten land at the same time. This city bears an expressive imprint of our postmodern world, being a diverse microcosm of humanity's with undefined present and neglected past. The city's contemporary art tends to renegotiate its cultural memory in order to understand the "Kaliningrad's phenomenon".

Keywords: exclave, historic continuity, neglected cultural memory, city of Kant, rootlessness, identity of the city

Город Калининград на первый взгляд не отличается от остальных областных центров России. Однако, Калининград – город амбивалентностей. На протяжении семи столетий, история города сопровождалась внутренними изменениями, среди которых самый значительный – политический перелом, происшедший в XX в. Перелом континуума истории усилил замкнутую, периферийную атмосферу территории, вследствие хаотичных элементов раздробленного прошлого феномен города К. Стал своеобразным явлением культуры.

Экслав – это регион, отделенный от основной территории страны и окруженный другими государствами. Термин часто путают с термином анклав. Они обо обозначают регион, отделенного от территории страны, но регион является анклавом в том случае, если он находится полностью на территории другой страны, например Западный Берлин становился анклавом на территории Германской Демократической Республики. Калининградская область является эксклавом, поскольку она находится не на территории единственной страны, а ее окружают разные страны: Польша и Литва, а также Балтийское море.

Город Кенигсберг был основан в 1255 г. тевтонским орденом на территории Пруссии и в течение столетий своей истории город превратился в главный административный, культурный, а также торговый центр. В результате расцвета территории, устанавливается тесная связь между Восточной Пруссией и Европой. В XVIII в. в этом городе живет и работает философ Иммануил Кант, автор главнейших трудов человеческого мышления, а также статьи *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* – проживший всю свою жизнь в Кенигсберге. Загадочная фигура философа является главным элементом современного нарратива города К. В 1776 г. появляется на свет Э. Т. А. Гофман. После окончания университета он покинул город, однако художественный прием фантастики связывает его произведений с таинственной атмосферой города К. В ходе франко-пруссской войны 1870-1871 гг. завершается объединение Германии и Пруссии. После первой мировой войны на смену Германской империи приходит Веймарская республика, которая после заключения Версальского мирного договора в 1918 г. (среди прочих) теряет территорию Пруссии: с этих пор Восточная Пруссия отделяется от территории Германии т. н. Польским коридором, то-есть превращается в эксклав.

После Великой Отечественной войны произошел ряд событий, в результате которого начался совершенно новый этап истории этого региона. В 1945 г. по решению Потсдамской конференции одна треть территории Восточной Пруссии, город Кенигсберг и его окружение передается Советскому Союзу. В 1946 г. вся эта территория стала запретно-пограничной зоной, вследствие чего свободное передвижение людей стало ограниченным. К 1947 г. остатки бывшего немецкого населения были выселены и территория была заселена народами СССР. После войны территория Восточной Пруссии оказалась «военным трофеем» (Костяшов 2009: 67) СССР, отвоеванным у смертельного врага. Советское время решило создать свой город с русской культурой, но с немецким названием это было невозможно – город получил имя Калинина, государственного и партийного деятеля СССР. Советская власть таким образом старалась вычеркнуть из памяти не только имя, но и немецкую историю города, так как имена служат референцией для идентификации, а их изменение приводит к перелому в истории, к новыми коннотациям и к совершенно новому историческому контексту.

На почве вышеуказанных изменений, главнейшими чертами нарратива города К. являются элиминация корней и континуума, как во временном, так и в пространственном измерении. Эти элементы влияют на динамичный процесс идентификации. Коллективная принадлежность, т. е. идентичность народа с самим собой вырабатывается на почве прошлого. Это приводит к вопросу коллективной памяти, вопросами которого занимались в своих научных работах многие исследователи. Одной из итоговых работ является книга *Культурная память* Яна Ассмана, немецкого египтолога,

историка религии и культуры. По мнению Ассмана т. н. «культура памяти» (Assmann 2004: 32) является обязанностью общества, которым должен задаваться вопрос: «*О чем нам нельзя забыть?*» (Assmann 2004: 30), поскольку процесс воспоминания – это реконструкция прошлого. Отношение данной группы к своему прошлому является базой выработки идентификации. Ассман вводит термины коммуникативной и культурной памяти: эти понятия обозначают оппозицию близкого и далекого прошлого, поскольку временная структура коммуникативной памяти охватывает 80-100 лет, горизонт трех-четырёх поколений. Коммуникативная память не является носителем традиции, в этой роли выступает культурная память, которая относится к далекому прошлому.

Кроме вышеуказанных существует еще один аспект рассматриваемой проблематики идентичности. Этот аспект шире, и в связи с ним возникает своеобразность не только Кенигсберга/Калининграда, но всей России. «*Современный культурный конфликт в России связан с кризисом коллективной идентичности (...) ...отказ от советских символов приводит к восстановлению той символики, которая была символом России на протяжении нескольких веков...*». (Туркина 2001: 84) Этот процесс характерен для посткоммунистических стран: чувство неадекватности в самосознании и в коллективной идентичности приводит к пересмотру прошлого, к поиску символов предыдущих времен. Но в Калининграде таких символов не было, город не имеет до советской русскую историю, установление параллелей с ранними историческими периодами невозможно, поэтому процесс создания собственных нормативных представлений намного труднее: при отсутствии такой символики появилась необходимость конструирования подходящего прошлого. На почве конструированного прошлого происходит «*производство реальности*» (Эпштейн 2000: 56): действительность пропадает, и появляется «*гиперреальность*» (Эпштейн 2000: 56).

В Калининграде произошло создание новой (советской) истории и стирание старой (немецкой), таким образом устанавливается совершенно новая репрезентация места – которую создает история, память и коллективное сознание, и которая является важным элементом культурной идентификации. В случае истории города К. происходило образование памяти не органически. В результате раздробленной временной структуры культурная память, т. е. реконструкция прошлого не осуществилась – вопрос «*О чем нам нельзя забыть?*» отпал.

Город К. является примером сочетаемости разных слоев истории одного города и специального параллельного метода восприятия этих слоев. Так как Калининград не имеет каноничное прошлое, ведется бесконечный диалог двойственной генеалогии города К. Сегодняшний город не представляет собой единое целое, а распадается на элементы: этот «*беспорядок*» выражается в разных метафорах города: «*черная дыра*», «*самый пустынный регион Европы*» (Сологубов 2005: 43.), а также в легендах, городских мифах города. Мифы, метафоры и легенды являются главными элементами городского нарратива.

Про семь мостов Кенигсберга знали многие, особенно математики благодаря пресловутой задаче, связанной с этими мостами: как пройти по всем мостам города, не проходя ни по одному из них дважды, и попадая на исходное место? В 1730-х гг., приехав в Кенигсберг, интересной проблемой занялся выдающийся швейцарский математик, Леонард Эйлер. Эйлер решил задачу с помощью своего математического правила и пришел к выводу, что пройти по мостам города вышеуказанным образом невозможно. Значение формулы Эйлера развивается в математике, так как с решением проблемы им была создана теория графов, которая нашла широкое применение в комбинаторике и в топологии, сформулировав новый раздел математики. Итак – задача мостов решена, но она продолжает придавать городу таинственную атмосферу.

Так же поддерживает своеобразную атмосферу города огромное здание в центре города – Дом Советов. Он был построен в 1970 г. на бывшем месте Королевского Замка. Замок сильно пострадал во время штурма Кенигсберга 1945 г., однако главные его части сохранились до 1967 г., когда он был взорван по решению первого секретаря обкома – на этом же месте был построен Дом Советов, который остался незаконченным, и постепенно начал разрушаться. Огромный размер Дома на самом видном месте города, архитектурный стиль социалистического реализма здания стали символами Калининграда-города сотворимого целью уничтожения исторических корней по плану советской власти. Во времена строительства Дома возникали проблемы с фундаментом, и городской фольклор связал эти проблемы с бывшим Королевским замком – будто прошлое города не допускает возникновения нового на этом месте. В 2001 г. началась реконструкция Королевского замка – раскопки разрушенного замка и силуэт огромного, пустого Дома Советов образовали странный монтаж остатков прусской и советской истории, двух распавшихся империй. С 2000 г. Дом получает значительную роль в современном искусстве города.

Одной из главнейших черт уникальной атмосферы города является тайна Янтарной комнаты. Она была создана в начале XVIII в. для прусского короля Фридриха I, а позже была подарена Петру I, так комната попала в Петербург в 1710-х гг. В середине века комната превращается в знаменитую Янтарную комнату Екатерининского дворца в Царском Селе, где она хранилась до Великой Отечественной войны. С началом войны началась подготовка к ее эвакуации – известная часть истории о Янтарной комнате на

этом этапе заканчивается. Дальнейшая ее судьба неизвестна, но существуют легенды и загадки, которыми занимаются уже в течение почти семидесяти лет. На почве одной из многих легенд, комнату перевезли в Кенигсберг, последним местонахождением являлся Королевский замок. После штурма города Янтарную комнату больше уже не нашли, однако ее искали в течение десятилетий. Тайна знаменитой Янтарной комнаты заинтересовала многих, как историков и археологов, так и авторов разных литературных произведений.

Все эти легенды и мифы придают таинственную атмосферу городу и всей Калининградской области, и именно этот характер отражается в художественных подходах постмодерна: в художественном деятельности Калининградского филиала Государственного Центра Современного Искусства, в художественных проектах всего областа, в литературных произведениях, например в цикле рассказов Юрия Буйды *Прусская невеста*. Характерные черты прозы Буйды, как отчужденность и трансцендентальное пересечение границ, выражаются литературными приемами гротеска, абсурда, иронии и фантастики. В произведении Буйды выдвигается на первый план структура героинь, среди которых основной является образ мертвой прусской невесты в первом рассказе – *Прусская невеста (Вместо предисловия)* –, поскольку невеста – это метафора всей Калининградской области. Героиня, выступающая в метафорической роли города, территории или всей России, является одной из основных образов русской литературной традиции: научная работа *Unattainable Bride Russia* исследователя бергенского университета Эллен Руттен дает подробный анализ метафорического образа России как недостижимой невесты.

Произведения Буйды реагируют на уникальную атмосферу Калининградской области и города К. литературными приемами постмодерна и в то же время с помощью литературной традиции. Поскольку искусство представляет собой диалог и движения диалога современного калининградского искусства предлагают различные художественные объяснения на вечные вопросы в связи с городом К., анализ этих тенденций должен продолжаться.

Библиография

- Буйда, Ю. В. (1998), *Прусская невеста*. Москва, Новое литературное обозрение
- Костяшов, Ю. В. (2009), *Секретная история Калининградской области. Очерки 1945-1956 гг.* Калининград, Терра Балтика
- Кретинин, Г. (2003.), Кенигсберг – Калининград: проблемы формирования исторической памяти. In: Заволотская, Г. В. (общ. ред.) *Восточная Пруссия. История. Культура. Искусство*. Сборник научных статей. Выпуск 1. Калининград, Издательство Калининградского государственного университета, 192-201.
- Кулаков, В. И. (2008), *История замка Кенигсберг*. Калининград, Живем
- Сезнева, О. (2001), Изобретение принадлежности (О проблемах культурной идентичности в Кенигсберге/Калининграде). In: Мазин, В. (гл. ред.) *Кабинет: Картины мира II*. Сборник статей. Санкт-Петербург, Скифия, 65-83.
- Лотман, Ю. М. (2010), Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. In: Лотман, Ю. М. *Семiosфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки*. Санкт-Петербург, Издательство Искусство-СПБ, 557-568.
- Новиков, А. С. (2005), Меч короля Богемии: Поход в Пруссию и основание Кенигсберга как элемент политической репрезентации Отакара II Пршемысла. In: Маслов, В. Н. (отв. ред.) *Кенигсберг – Калининград: город, история*. Сборник научных статей. Калининград, Издательство РГУ им. И. Канта, 23-28.
- Сологубов, А. (2005), Из калининградского словаря. In: *Арт-гид. Кенигсберг/Калининград сегодня*. Калининградский филиал ГЦСИ – Агентство поддержки культурных инициатив Транзит, 37-46.
- Туркина, О. (2001), Россия в поисках новой идентичности. Искусство идентифицирует конфликт. In: Мазин, В. (гл. ред.) *Кабинет: Картины мира II. Сборник статей*. Санкт-Петербург, Скифия, 84-90.
- Хоппе, Б. (2006), Кенигсберг/Калининград в фокусе немецко-русской истории в XX веке. In: *Балтийский Альманах*. Научно-популярный сборник. No 6. Калининград, 75-78.
- Эпштейн, М. (2000), *Постмодерн в России. Литература и теория*. Москва, изд. Р. Элинина
- Assmann, J. (2004.), *A kulturális emlékezet. Írás, emlékezés és politikai identitás a korai magaskultúrákban*. Budapest, Atlantisz Könyvkiadó, C. H. Beck
- Donskis, L. (2002), *Identity and Freedom. Mapping nationalism and social criticism in twentieth-century Lithuania*. London and New York, Routledge
- Karabeshkin, L. – Wellmann, C. (2004), *The Russian domestic debate on Kaliningrad: integrity, identity and economy*. Münster, Lit Verlag
- Rutten, L. (2010), *Unattainable Bride Russia. Gendering Nation, State and Intelligentsia in Russian Intellectual Culture*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press

Anna Gnot

Opole University, Opole, Poland
ania.gnot@op.pl

Szczęśliwe dzieciństwo map – płaszczyzny podróży w ‘Biegunach’ Olgi Tokarczuk

ABSTRACT: Special place in literary work of Olga Tokarczuk has a novel “Bieguni”. I would like to analyse the space of narration in this novel, because one of the most important questions there is travel. But this is not an ordinary travel from place to place, but all journey around the world, around the history, and around us. I would like to find a place which authoress call “happy childhood of maps”, place for which we all pine.

Keywords: modern Polish literature, space, journey, catachresis

Można pokusić się o stwierdzenie, że w przypadku *Biegunów* okładka jest punktem wyjściowym podróży, jej esencją. Widzimy mapę Europy z roku 1780 spod której wygląda splot naczyń krwionośnych. Właśnie w taką podróż zabiera nas autorka – w świat, w głąb siebie i w głąb czasu. Ja proponuję podróż w innym kierunku – w głąb *Biegunów*.

Jakiś czas temu miałam przyjemność mówić o micie według Olgi Tokarczuk i w tym kontekście zanalizować przestrzeń wykreowaną przez autorkę w *Prawieku i innych czasach* oraz w *Annie in w grobowcach świata*. Chciałabym wykorzystać kilka poczynionych wtedy obserwacji i w pierwszej kolejności umiejscowić przestrzeń *Biegunów* na tle dotychczasowej twórczości Tokarczuk.

Olga Fliszewska w swoim artykule pt. *Przestrzeń w twórczości Olgi Tokarczuk* wyróżnia trzy jej rodzaje: żywioły, miejsca zamknięte oraz przedmioty (Fliszewska 2005: 516). Wydaje mi się, że każdą powieścią Tokarczuk włada jakiś żywioł, który w większym lub mniejszym trudem możemy w nich dostrzec, np. woda w *Prawieku...*, ziemia w *Domu dziennym, domu nocnym*, miasto w *Annie In...* Co jest zatem żywiołem *Biegunów*? Chyba nie będę zbyt oryginalna, kiedy powiem, że ruch. W najpełniejszy sposób fakt ten potwierdza historia Anuszkii, która aby wyrwać się z monotonii codziennego życia z mężem o podejrzanym przeszłości i chorym synkiem, wyrusza w podróż przez stacje moskiewskiego metra. Tam też spotyka ‚zakutaną‘. Kobieta należy do sekty Biegunów, którzy uważają, że ruch jest jedyną możliwą ochroną przed złem, które panuje w świecie pozbawionym Boga:

Kiwaj się, ruszaj się, ruszaj. Tylko tak mu umkniesz. Ten, kto rządzi światem, nie ma władzy nad ruchem i wie, że nasze ciało w ruchu jest święte, tylko wtedy mu uciekniesz, kiedy się poruszysz. On zaś sprawuje rządy nad tym, co nieruchome i zmartwiałe, nad tym, co bezwolne i bezwładne. (Tokarczuk 2007: 291)

Przestrzeń jako miejsce zamknięte – ta kwestia jest już bardziej problematyczna, ponieważ na dobrą sprawę w *Biegunach* nie ma takich miejsc. W jakiś sposób granice się zacierają, sama narratorka pyta: *czy istnieje jakieś „pomiędzy”?* W innym miejscu wskazuje, że sama próba opisanego miejsca zaciera jego kontury, kolory, ostrość. Tego dokonują właśnie przewodniki turystyczne. Ta tendencja do nie-zamykania przestrzeni wydaje się wyraźnie kontrastować z tym, w jaki sposób Tokarczuk o tej porze kształtowała przestrzeń w swoich utworach. Mielibyśmy do czynienia z *Prawiekiem*, *Kotliną Kłodzką*, miastem. Jednak nie można powiedzieć, aby był to zabieg nacechowany negatywnie, wręcz przeciwnie. Fliszewska ujmuje to tak: (...) *zamknięcie świadczy o własnej autonomii i pełnowartościowym istnieniu tego miejsca* (Fliszewska 2005: 516). Oznaczałoby to, że świat przedstawiony *Biegunów* nie posiada takich wartości i tak właśnie jest. W przeciwnym wypadku, dlaczego jego bohaterowie wyruszałiby w podróż?

Przedmioty w *Biegunach*, tak jak we wcześniejszych utworach, zapewniają ciągłość czasu i przestrzeni. One trwają, kiedy człowiek przemija, chociaż i ten może stać się przedmiotem – biologicznym preparatem zanurzonym w styksowej wodzie, zredukowanym do pojedynczego organu. W ten sposób świadczą o historii, ale nie mogą jej samodzielnie opowiedzieć. W takim samym stopniu jak człowiek uzależniony jest od przedmiotów, one zawdzięczają swoją trwałość jemu.

Odbiegając trochę od tego podziału, ale pozostając jeszcze w sferze stosunku *Biegunów* do wcześniejszego dorobku literackiego Tokarczuk, zadaję sobie pytanie, jaką przestrzenią jest narracja tej powieści. Zdecydowanie jest bardziej rozbita i fragmentaryczna niż Tokarczuk nas przyzwyczyła. Ale nie można powiedzieć, że zabiegów takich pisarka wcześniej nie stosowała. Ona sama stwierdza:

Linearne opowiadanie wydaje mi się zafałszowaniem rzeczywistości. (...) Musimy oddać jej polifoniczność, zgiełk, wiele splecionych narracji. (...) Kiedy pisałam ‘Dom dzienny, dom nocny’ wymyśliłam sobie coś, co nazwałam powieścią konstelacyjną. (...) To też przecucie, że ta całość, do której tak tęsknimy, tkwi między szczegółami. (...) Trudno znaleźć dla tego świata wspólną narrację. (Cirlić – Straszyńska 2008: 53)

I tej jednej narracji nie ma, pewną ramą dla całej powieści jest opowiadanie narratorki, w którym zanurzają się wykłady psychologii podróży, relacje z wizyt w muzeach, ulubione cytaty, rozmowy z poznanymi w podróży ludźmi, itd. Przerywają to opowiadanie historie Kunickiego, Eryka, doktora Blaua, Filipa Verheyena, Anuszki, żony Profesora itd. Jak zatem widać uwolnienie się z zamkniętej przestrzeni wpływa również na płaszczyznę narracji. Rozbija ją na mniejsze fragmenty, które mogłyby równie dobrze funkcjonować jako odrębne utwory.

Powróćmy teraz do wspomnianego wyżej trójpodziału przestrzeni i do okładki. Dla mnie przedstawia ona trzy przestrzenie: geograficzną, biologiczną i historyczną. Wydaje mi się, że można te podziały ze sobą z powodzeniem zsintezować. Przestrzeń geograficzna jako ta, w której odbywa się ruch jest żywiołem, ludzkie ciało miejscem zamkniętym, przedmioty natomiast zapewniają ciągłość historii. Na tych płaszczyznach odbywa się właśnie narracja w *Biegunach*.

W tym kontekście możliwa staje się również określenie dominanty kompozycyjnej, która pozwala na taki układ przestrzenny powieści. Taką figurą, która organizuje w mniejszym lub większym stopniu przestrzeń *Biegunów* jest w moim odczuciu katachreza, czyli:

1. *Nowe użycie słowa rozszerzające dotychczasowy zakres jego semantycznej stosowalności. Jest sposobem zapełniania luki słownej przez zastosowanie nazwy pewnego zjawiska do nazwania zjawiska innego, dotąd nienazwanego. Np. ucho filiżanki, kolanko trawy, u stóp góry, oczko w pończosze, gałąź rodu. Szczególnością do takiego rozszerzenia znaczenia wyróżniają się części ludzkiego ciała, którego zorganizowanie stało się w naszej kulturze językowej wzorem służącym przedstawieniu organizacji świata przedstawionego.*

2. *Rodzaj metafory o niezestrojonych semantycznie członach, pozbawionej przekonywającej motywacji i odczuwanej jako nadużycie językowe. Katachrezy występują zarówno w mowie poetyckiej, jak i potocznej. W pierwszej bywają rezultatem nadmiernej literackości i ostentacyjnej ekspresywności sformułowań (...), w drugiej powstają w wyniku poślizgu językowego i inercyjnego ulegania mechanizmowi analogii. Zwroty będące katachrezą mogą na skutek leksykalizacji zacierającej etymologię ich składników nie być odczuwane jako wykolejenia stylistyczne, np. różowa bielizna, złota stalówka. (Słownik terminów literackich 1976: 183)*

To również nie jest strategia podejmowana przez autorkę po raz pierwszy, ponieważ we wcześniejszych utworach spotykamy się z *próbą zdefiniowania przedmiotu przez inny przedmiot lub przez podmiot* (Fliszewska 2005: 520). Tutaj punktem wyjściowym takiej definicji jest ludzkie ciało. W dalszej części pracy chciałabym pokusić się o analizę kilku szczególnie interesujących przykładów wykorzystania takiego właśnie zabiegu.

Narratorka pyta: *Czy ktoś jeszcze odważyłby się opisać człowieka w całości, ogólnie i obiektywnie? Posłużyć się z całym przekonaniem pojęciem osobowości? Wziął rozmach na przekonującą typologię?* (Tokarczuk 2007: 21). Odpowiedź brzmi: *Nie sądzę*. I też tego nie robi, opisuje ludzkie ciało fragmentarycznie, jako poszczególne ograny często zdeformowane i dlatego interesujące. Szczególnie dla narratorki, która pisze o sobie, że cierpi na Syndrom Detoksykacji Perseweratywnej, czyli pociąga ją to, co posiada jakiś defekt, jest zniekształcone i niedoskonałe. Dlatego funduje czytelnikowi opisy całych galerii takich osobliwości:

Czaszka owcy, czysta anomalia, z podwójną liczbą oczu, uszu i pysków, piękna jak wizerunek starożytnego bóstwa o wieloznacznej naturze. (Tokarczuk 2007:24)

Ponieważ od mózgu zależy, jacy jesteśmy, więc od razu przejdźmy w lewo, w korytarz mózgow. Oto są! Kremowe ukwiały w roztworze, duże i małe, te genialne i te, które nie potrafiły zliczyć do dwóch. (Tokarczuk 2007:27)

(...)Ale nie waginy. Te są jak linie papilarne, właściwie mogłoby się używać owych wstydlivych narządów, niedocenionych przez policję, do identyfikacji – są absolutnie niepowtarzalne. (Tokarczuk 2007: 144)

W przytoczonych wyżej przykładach mechanizm katachrezy wydaje się działać w trzech kierunkach:

- świat zewnętrzny opisuje się za pomocą ludzkiego ciała (czaszka owcy – starożytne bóstwo)
- ludzkie ciało porównuje się do elementów świata zewnętrznego (ukwiały - mózg)
- poszczególne narządy porównuje się do innych części ludzkiego ciała (waginy – linie papilarne).

Również na płaszczyźnie języka, pomijając wyżej wspomniane fragmenty, również można napotkać środki, które odwołują się do tej tematyki, np.:

- porównania: *Czasem, gdy jedzie się ruchomym chodnikiem i mija braci i siostry w podróży, można odnieść wrażenie, że jesteśmy preparatami w formalinie, które przyglądają się sobie zza szkieł stojów* (Tokarczuk 2007: 65);

- metafory: *Centrum jest schowane głęboko, jak w mrowisku, to komnaty matki sułtana, wymoszczone macicą dywanów (...)* (Tokarczuk 2007: 123);

- personifikacje: *Skąd wiedziały, jak mają być duże, kiedy przestać? Niektóre nie wiedziały – te jelita rosły i rosły, trudno było naszym profesorom znaleźć stół, żeby je zmieścić* (Tokarczuk 2007:27);

- epitety: *(...) ich skóra ma kolor kości, którymi zbyt długo bawilo się morze* (Tokarczuk 2007: 128).

Jak zatem widać ludzkie ciało jest bardzo *plodnym* materiałem organizowania nie tylko przestrzeni, ale również języka.

Niewątpliwie opowieści snute wokół ciała zajmują najobszerniejszą część powieści. Szczególną uwagę zwracają poszukiwania sposobu zabezpieczenia delikatnych tkanek przed procesem rozkładu i tutaj też narracja

sięga najgłębiej w przestrzeń historyczną. Poświadcza to doktor Blau, kiedy stwierdza: *Był już poślubiony, ożeniony, spowinowacony, spokrewniony. Z Glasmenshem i woskową kobietą o otwartym brzuchu, z Solimanem, Fragonardem, Vesaliusem, von Hagensem i Molem, na Boga, z kim jeszcze?* (Tokarczuk 2007: 183). Poszczególne rozdziały o tej właśnie tematyce stopniowo schodzą coraz głębiej w historię ludzi pragnących zgłębić sztukę preparowania ludzkich organów – doktora Blaua, Filipa Vrheyena (opowiedziana przez jego ucznia Willema van Horssena), Fryderyka Ruyscha.

Narratorka, powołując się w rozdziale pt. *Przekrój jako metoda poznania*, taką właśnie metodę wybrała, aby zachować ciągłość zgłębiania się w historię tej dziedziny nauki. Jednak aby jeszcze lepiej podkreślić tę przekrojowość, wprowadza dodatkową płaszczyznę. Stanowią ją fragmenty traktujące o dziejach samych preparatów, które przeżyły swoich twórców i w dalszym ciągu budzą niemałe zainteresowanie, jak choćby skład wody styksowej Ruyscha, ramię z tatuażem przedstawiającym wieloryba czy spreparowane zwłoki Angela Solimana.

Jeśli już wcześniej stwierdziłam, że żywiołem *Biegunów* jest ruch, to stałość i niemalże niezniszczalność preparatów zdaje się mu przeciwstawiać. Rysuje się tu pewien paradoks, który jest jednym z głównych motywów przewodnich *Biegunów*. Człowiek dąży do utrwalenia śladów swojego istnienia. Najpełniejszym spełnieniem tego pragnienia byłaby nieśmiertelność, jednak z powodu niemożności jej osiągnięcia stara się zapęlić jak najdłuższe życie swemu ciału. Zgłębia jego tajemnice i w rezultacie życie ulega redukcji do poszczególnych organów zabezpieczonych przez zgniciem w roztworze formaldehydu. W ten sposób człowiek pozbawia się jednak możliwości ruchu, który oznacza życie. Taka jest cena za złudzenie nieśmiertelności. Z drugiej strony, w ten sposób *pielgrzym w częściach* staje się celem podróży. Nie tylko on, ale też to, co sobą reprezentuje – trwałość, nieprzemijalność, pamięć. W ten sposób podróż wraca do punktu wyjścia, zostaje zatoczony krąg, po to tylko aby podróż móc rozpocząć od nowa.

Literatura

Tokarczuk, Olga (2007) *Bieguni*, Kraków, Wyd. Literackie.

Sławiński, Janusz – Głowiński, Michał (1976) *Słownik terminów literackich*, Wrocław, Ossolineum.

Cirlić – Straszynska, Danuta (2008) Kolejny „boarding”, *Nowe Książki*, 1, 52 – 53.

Fliszewska, Olga (2005) Przestrzeń w twórczości Olgi Tokarczuk, *Acta Universitatis Lodzianensis*, 7, 515 – 532.

Rybacka, Elżbieta (2006) Geopoetyka (o mieście, przestrzeni i miejscu we współczesnych teoriach i praktykach kulturowych). In: *Kulturowa teoria kultury: główne pojęcia i problemy*. Kraków, Universitas.

Syntaktické formy vyjadrenie existencie v slovenčine

ABSTRACT: In the paper we focused on the specific types of Slovak sentences expressing Existence. These sentences can be delimited by special distinctive features based on specific constitution of semantic participants. We delimitate main participants: bearer of existence, bearer of existence changing, benefactor, locus, time, aspect and cause and we describe two main subtypes of existence sentences: somebody\something exists, somebody\something arises\vanishes. Each semantic sentence types we specify by its semantic, grammatical and contextual meaning.

Key words: existence, sentence types, semantic role, participant

Nemožno pochybovať že na jednej strane je jazyk zložitý fenomén, no na strane druhej na jeho používanie netreba žiadne osobitné predpoklady. Jazyk sa vo svojej systémovej komplikovanosti v reči premieňa na prirodzený, jednoduchý komunikačný nástroj. Najpevnejšie miesto malo v doterajších prácach o povahe vety chápanie vetného typu ako formálnej štruktúry, resp. ako formalizovaného zápis takejto štruktúry. Jednostranné zdôrazňovanie formálneho zloženia vety však podľa nás nepostačuje na jej typovú charakteristiku.

V našom príspevku sme si za základ typologického vymedzenia vety zvolili sémanticko-rolový model. Východiskom pre tento model sú isté jazykové mikrosituácie vyčlenené z jazykovej reality na základe súboru relevantných jazykovo-sémantických vlastností. Tieto vlastnosti nevyčleňujeme na základe gramatických, ale situačno-sémantických kritérií, ktoré sú založené na tom, že špecifický typ jazykovej mikrosituácie si vyžaduje aj špecifické jazykové stvárnenie, resp. špecifickú konfiguráciu sémantických prvkov – participantov, ktoré sa vyjadrujú ustálenou jazykovou formou. Vychádzame z koncepcie, že komunikácia prebieha vo viac-menej typizovaných situáciách, pre ktoré sú príznačné isté sémantické participanty. Jazykovú mikrosituáciu definuje P. Karlík (Grepl – Karlík 1998: 57) ako výsek z mimojazykovej situácie. Je samozrejme, že vzhľadom na mimojazykovú a jazykovú realitu musí byť tento výsek istým spôsobom výberový, ako píše P. Karlík, nemôže ísť o fotografický opis určitej situácie so všetkými jej účastníkmi, súvislosťami a vzťahmi.

Vyjadrenie existencie v slovenčine

Význam slova existencia je každému intuitívne jasný, hoci definovať ho nie je až také jednoduché. V najvšeobecnejšom chápaní by sa dalo povedať, že existencia je bytie, jestvovanie v časových a priestorových dimenziách, hoci bytie sa nemusí vzťahovať len na osoby či materiálne objekty, o bytí môžeme hovoriť aj pri abstraktách. Existencia sa vyjadruje relatívne malou skupinou predikátorov, keďže ide o špecifický typ mikrosituácie s ustálenou podobou. Najčastejšie sa v pozícii predikátora vyskytuje sloveso *byť*, okrem neho slovesá ako *existovať*, *jestvovať*, *uskutočniť sa*, *prebehnúť*, *vyskytnúť sa* a pod.. Obmedzené je aj intencné pole takýchto predikátorov – vyžadujú si len jeden participant, a to nositeľa existencie. Základná schéma elementárnej štruktúry a jej sémantický vzorec majú podobu:

niekto/niečo – existuje/neexistuje/vzniká/zaniká

Nositeľ^{existencie/ zmeny existencie} – existencia – (benefaktor/čas/miesto/zreteľ/príčina)

Gramatická štruktúra má formu:

S_N – VF – (S_D/pre S_A /ADV_{loc/temp/asp/kauz})

Charakteristika jednotlivých participantov:

a) **Nositeľ^{existencie}** je základný participant tejto elementárnej štruktúry a je neaktívny. Vyjadrujú sa ním reálne i nereálne živé bytosti, zvieratá, hmotné predmety, ale i abstraktné pojmy, pri ktorých sa dá konštatovať, že sú, existujú či nie sú, neexistujú. Formálne môže byť vyjadrený:

- nominatívom: *Yeti je a Lochneská príšera nie je? Musia byť aj iné svety podobné Zemi.*

- partitívnym genitívom: *Veľa nádeje už nám nezostalo. Ľudí je ako maku.*

- akuzatívom: *Máš známky, ktoré si nikdy nekúpiš. Máte otázky, na ktoré nikdy nenájdete odpoveď.*

b) **Nositeľ^{zmeny existencie}** je participant, ktorý sa vyskytuje vo vetách vyjadrujúcich vznik či zánik existencie niekoho/niečoho. Podobne ako nositeľ existencie je sémanticky neaktívny, no na rozdiel od neho prechádza mutačnou zmenou – nadobúda či stráca existenciu. Formálne môže byť môže byť vyjadrený:

- **nominatívom**: *Susedovi vykapali všetky sliepky. Zem vznikla približne pred 4,5 miliardou rokov. Vzplanul spravodlivý hnev utlačaných.*

- **partitívnym genitívom**: *Rodí sa viac dievčat ako chlapcov. Postupne sa vytvorilo niekoľko koncepcií. Zaniklo mnoho kultúrnych inštitúcií. Zatiaľ nevzniklo žiadne funkčné perpetuum mobile.*

c) **Benefaktor (be)** je, v terminológii E. Tibenskej (2012: 98), treťoplánový participant. Tibenská (ibid.) konštatuje, že benefaktor sa môže vo vetných štruktúrach vyskytnúť z hľadiska úplnosti vety, nie z hľadiska potreby zmeniť objektívny spôsob stvárnovania skutočnosti na subjektívny. Benefaktorom sa vyjadruje, vzhľadom na koho jazykovo stvárnované vyjadrenie existencie platí. Vyjadriť sa môže:

- datívom: *Veľa nádeje už Ivanovi nezostalo. Možností vám existuje habadej.*
- nominatívom: *Ivan nemá veľa nádeje na úspech. (Vy) Máte habadej možností.*
- akuzatívom + predložkou pre: *Veľa nádeje už pre nás neexistuje. Jestvuje pre Vás habadej možností.*

V intenčnom poli teda zodpovedá gramatická forma S_N nositeľovi existencie. Určitý slovesný tvar je najčastejšie vyjadrený slovesom *byť*, pravda v existenčnom význame. Sloveso *byť* môže totiž vo funkcii predikátora *byť* jadrom viacerých mikrosituácií. Za relevantné považujeme rozlíšiť najmä tri typy jazykových mikrosituácií, v ktorých sa sloveso *byť* používa:

- (1) Vyjadrenie existencie: *Strašidlá sú.*
- (2) Vyjadrenie polohy: *Strašidlá sú v sklade.*
- (3) Vyjadrenie vlastnosti či stav: *Strašidlá sú hrôzostrašné, deti sú vystrašené.*

(1) **Byť ako existovať v ontologickom význame.** V takejto funkcii sloveso *byť* vyjadruje existenciu bez ohľadu na vonkajšie okolnosti, dá sa stotožniť s čírym konštatovaním, že niečo je alebo nie je. Z lexikálneho hľadiska ide o plnovýznamové sloveso, ktoré môže byť nahradené synonymnými plnovýznamovými ekvivalentmi (*existovať, jestvovať*). Zo syntaktického hľadiska ide o syntagmatické slovo, ktoré vo vete môže plniť funkcie typické aj pre iné plnovýznamové slovesá, teda najčastejšie ide o funkčnú, teda sémantickú syntaktickú pozíciu predikátu.

Mimozemšťania nie sú. Musia byť i iné svety. Myslím, teda som. Niečo je a niečo nie je. Súťaže boli, no vyhlásenie už sa nestihlo.

(2) **Byť v priestorovom chápaní,** teda *vyskytovať sa, nachádzať sa niekde* či *pochádzať odniekiaľ*. Nejde teda o vyjadrenie existencie v ontologickom chápaní. Nevyhnutnou zložkou je v takomto spojení so slovesom *byť* okolnostné určenie miesta. Toto určenie je gramaticky neväzobné, no sémanticky obligatórne, pretože sloveso *byť* si ho vyžaduje. Z lexikálneho hľadiska ide o plnovýznamové slovo, ktoré môže byť nahradené synonymnými výrazmi ako *nachádzať sa, žiť, vyskytovať sa* a pod.. Zo syntaktického hľadiska ide o syntagmatické slovo, teda vetný člen. Predikátor *byť* v takýchto vetách vyjadruje spolu s príslovkovým určením miesta polohu, existenciu v priestorovom chápaní, a nie existenciu v ontologickom zmysle:

Syn je/žije už dvadsať rokov v USA. Mama je/nachádza sa v záhrade. Komáre sú/sa vyskytujú najmä pri vode. Kniha je/nachádza sa na stole. Štefan je/pochádza z Novohradu.

Súhrne možno konštatovať, že v tomto význame slovesa *byť* nejde o vyjadrenie ontologického bytia, ale nachádzania sa, výskyt vzhľadom na istý priestor či miesto.

(3) **Sloveso byť ako pomocné slovo,** spona, ktorá sa vo vete spája s plnovýznamovým slovom – podstatným menom, prídavným menom, zámenom, číslovkou, príslovkou či prídavným. Lexikálne ide o neplnovýznamové slovo bez obsahovej náplne, syntakticky ide o synsyntagmatické slovo, ktoré sa spája so syntagmatickým členom a tvorí s ním jeden syntaktický prvok:

Žofia je učiteľka. Peter bol nervózny. Starí ľudia sú už takí. Alonso bude prvý. Vonku je teplo.

Existenciu chápeme podobne ako P. Karlík (Grepl – Karlík 1998), ktorý pri nej rozlišuje tri možné stavy: niekto/niečo existuje/neexistuje, niekto/niečo vzniká/zaniká, niekto/niečo spôsobuje, aby niekto niečo vzniklo/zaniklo. Podobné členenie má aj J. Nižníková (2001: 108). Vetné modely existenčných slovies delí podľa použitého slovesa na existenčné, vznikové a zánikové.

1. typ – niekto/niečo existuje/neexistuje

Zo sémantického hľadiska sú zložkami tohto typu nositeľ existencie a samotná existencia, resp. ontologické bytie týkajúce sa nositeľa existencie. Nositeľom môže byť v podstate hocičo, čo jestvuje, či už v konkrétnom alebo abstraktnom zmysle, v reálnom alebo nereálnom chápaní. Môžu to byť ľudia, zvieratá, veci i abstraktne chápané javy.

Existencia sa dá vyjadriť:

a) v absolútnom chápaní, teda všeobecne bez ohľadu na okolnosti:

Vlkolaci nie sú. Duša je. Veľký tresk možno prebehol.

V tomto prípade ide o všeobecné konštatovanie, ktoré sa neviaže na žiadne okolnosti, vyjadruje číru existenciu/neexistenciu niečoho, preto je jediným participantom v takýchto vetách nositeľ^{existencie} a predikátor si nevyžaduje žiadne iné obligatórne doplnenie.

Sémantická štruktúra týchto viet má podobu:

Nositeľ^{existencie} – existencia

J. Nižníková (2001) bližšie špecifikuje sémantickú rolu v tejto podskupine ako procesuál nositeľ existencie, my budeme používať len termín nositeľ^{existencie}, pretože sa domnievame, že holá, ontologická existencia nevyjadruje procesne chápané deje. Gramatická štruktúra má najčastejšie formu:

$S_N - VF$

V rámci 1. typu sa dajú vyčleniť dve podskupiny:

a1) Existencia sa vzťahuje na celú triedu objektov či abstraktné javy:

Mimozemšťania sú. Škriatkovia nie sú. Hlupáci boli, sú a budú. Spravidlivosť neexistuje.

Ide často o nositele, o ktorých existencii sa pochybuje – môžu to byť bytosti, miesta či javy s nadprirodzeným, fantastickým základom. Nositeľ je väčšinou v množnom čísle, abstraktne chápané javy sú však bezpríznakovo v jednotnom čísle.

a2) Existencia sa vzťahuje na konkrétny objekt:

Myslím, teda som. Boh je. Peklo nie je. Veľký tresk sa uskutočnil. Existujú dva druhy iónov – anióny a katióny.

V tejto skupine ide o špecifikované vyjadrenie nositeľa existencie, ktoré sa nevzťahuje na celú triedu objektov, no najčastejšie iba na jednu konkrétnu bytosť, miesto či jav, preto je nositeľ väčšinou vyjadrený singulárom. Predikátor je v pluráli, ak sa vyjadruje počet druhov nositeľa existencie.

Špecifickú podskupinu tvoria vety, v ktorých sa existencia spája s prítomnosťou vlastnosti nositeľa, ktorá je vyjadrená vedľajšou vetou či zhodným alebo nezhdným prívlastkom. Špecifikom týchto viet je to, že sa zvyčajne nespájajú s nereálnou existenciou, ale v rámci existencie reálnych objektov a javov bližšie konkretizujú platnosť ich existencie vzhľadom na danú výpoveď:

Sú ľudia, ktorým nikdy nevyhovieš. Boli aj nevysvetlené prípady. Existuje aj svet bez závidi. Neexistuje nápoj, ktorý by nevedel namietať.

Sémantická štruktúra týchto viet je modifikovaná prítomnosťou prívlastku:

(nositeľ^{existencie} + atribút) – existencia

Sloveso *byť* v takýchto vetách môže byť často nahradené slovesom *mať* čím sa zmení gramatická štruktúra vety. Pribudne do nej formálny konštrukčný člen v pozícii podmetu, ktorý však v povrchovej štruktúre vety zostáva nevyjadrený, keďže sa vyjadruje v 2. osobe singuláru a v 1. a 2. osobe plurálu (*máš, máme, máte*), ktoré sa bezpríznakovo používajú bez vyjadrenia podmetu určitým zámenom:

Máš ľudí, s ktorými sa nikdy nedohodneš. Máte prípady, keď sa nedá nič robiť

Podobný prípad predstavuje fakultatívne použitie datívu vo vetách typu *Sú ti krajiny, kde zjedia rôzne potvory*. Hoci formálne sa môže zdať, že ide o vetný člen, sémanticky slúži len na zdôraznenie obsahu vety, čiže má časticový význam, čo je zrejme aj z nižšie uvedených príkladov. Avšak takéto vyjadrenie nie je obmedzené len na vety s vyjadrením existencie, ale vyskytuje sa v rôznych situáciách a má expresívnu funkciu. (*Ten Vám bol hladný. Ani ti mi nenavariť* Pravda, takéto syntaktické konštrukcie sú zriedkavé, obmedzené najmä na hovorový štýl. Uvádzame niekoľko príkladov na ich použitie v existenčných vetách:

Žijú ti ľudia, s ktorými sa nikdy nedohodneš. Sú Vám prípady, keď sa nedá nič robiť.

Treba si však uvedomiť, že v niektorých vetách treba odlišiť expresívne, časticové použitie zámena v datíve a vyjadrenie participanta benefaktor pomocou datívu:

(1) *Existujú ti zákazníci, ktorí sa vždy hádajú.*

(2) *Existujú nám zákazníci, ktorí sa vždy hádajú.*

Vo vete (1) sa zámenom *ti* nevyjadruje vzhľadom na koho existencia platí. Slúži len na kontextové vyzdvihnutie, zdôraznenie a vetu nemožno transformovať do podoby *Existujú aj takí tvoji zákazníci, ktorí sa vždy hádajú*. Vo vete (2) sa zámenom *nám* vyjadruje, že ide konkrétne o našich zákazníkov, teda obsah vety platí vzhľadom na participanta **benefaktor** vyjadreného zámenom v datíve. Vetu možno zmeniť do podoby *Existujú aj takí naši zákazníci, ktorí sa vždy hádajú*. či *My máme zákazníkov, ktorí sa vždy hádajú*. Vety s participantom benefaktor však už patria do typu relatívne chápaných existenčných viet.

Uvádzaciú funkciu majú vety typu: *Bol raz jeden kráľ. Bola raz jedna rodina.*

Ako konštatuje P. Karlík (Grep – Karlík 1998: 59): „Výpovede založené na takých vetách majú funkciu prezentácie nejakého objektu na scéne, jeho uvedenie do diskurzu.“ Vzhľadom na aktuálne vetné členenie je nositeľ existencie jadrom výpovede, a preto stojí vždy za uvádzacou časťou vety, ktorá je východiskom výpovede. Takéto vety sú typické najmä pre rozprávací slohový postup, kde sa používajú ako úvodné vety vyšších textových jednotiek

b) **Existenciou v relatívnom chápaní** rozumieme také bytie, ktoré je vyjadrené vzhľadom na nejakú časovú, miestnu či zreteľovú okolnosť, príp. vzhľadom na participanta, ktorého sme označili ako benefaktor, ktorý je z funkčného vetnočlenského hľadiska tiež príslovkovým určením zreteľa, no z hľadiska sémantickej štruktúry vety ho vyčleňujeme ako životnú substanciu, na ktorú sa jazykovo zobrazovaná situácia vzťahuje. Súhrne možno povedať, že v tejto skupine viet nejde o vyjadrenie holej existencie, ale existencie niečím limitovanej či bližšie určenej.

Príklady na jednotlivé obligatórne doplnenia v rámci tejto podskupiny:

- **Časové** okolnosti (**temp**): *Jery ešte v 10. storočí boli. Prvá svetová vojna zúrila v rokoch 1914 – 1918. Ničivý mor sa vyskytol medzi rokmi 1348 a 1350. Vojny sú už odpradáva.*

- **Miestne** chápané okolnosti (**loc**): *Život niekde vo vesmíre musí existovať. Taký zákon je len v Číne.*

- **Zreteľovo** chápané okolnosti (**asp**): *Pravda existuje len v rozprávkach. Plány jestvujú zatiaľ len v jeho hlave. Taká fonéma v slovenčine nie je.*

- **Benefaktor**: *Taký neurčitý pojem súcna existuje len pre filozofov. Možností ti existuje veľa. Existujú nám zákazníci, ktorí sa vždy hádajú.*

Platnosť/neplatnosť existencie v takýchto vetách sa vždy vyjadruje vzhľadom na uvedenú okolnosť či benefaktor. J. Nižníková (2001) označuje sémantickú rolu nositeľa v tejto podskupine ako statuál nositeľ existencie, no my nepovažujeme za potrebné rozlišovať pozíciu nositeľa pri absolútne a relatívne chápanej existencii. Od absolútne chápanej existencie je sémantická štruktúra tohto typu rozšírená o obligatórne pravoistenčné doplnenie okolnosti či benefaktora.

Sémantická schéma týchto viet vyzerá takto:

nositeľ^{existencie} – existencia – benefaktor/čas/miesto/zreteľ

Gramatický vzorec má podobu:

S_N – VF –S_D/pre S_A /ADV_{loc/temp/asp}

Najčastejšou gramatickou formou pre rolu nositeľa je nominatív, no môže sa vyskytnúť i genitív, ktorý sa ako pád s partitívnym významom v pozícii podmetu v slovenčine bežne využíva aj v iných prípadoch, napríklad v spojení s vyjadrením množstva či záporu. Pre jeho použitie v existenčných vetách je typické to, že sa v prítomnom čase zvyčajne spája so záporom slovesa *byť* v príznakovej podobe *niet/nieto*.

Na svete niet pravdy. Niet iného východiska. ďalšej šance už nieto.

Popritom možno použiť i podobu s nominatívom:

Na svete nie je pravda. Nie je iné východisko. Ďalšia šanca už nie je.

Pre vyjadrenie toho, že niekto zomrel, už neexistuje, je typický práve genitív:

Starého otca už niet. Tej tu už dávno niet.

Vety ako *Peter tu už nie je. (Odišiel domov.)* nechápeme ako existenčné, keďže v nich ide o priestorové umiestnenie súvisiace s polohou a nie existenciou v ontologickom význame. Rozdiel medzi existenčným a priestorovým významom sme vysvetlili v úvode tejto kapitoly.

Zvláštnym prípadom sú vety typu:

Nie je čo čítať. Je na čo sa pozeráť. Nebolo koho voliť. Niet komu veriť. Niet s kým chatovať.

Ich zvláštnosťou je to, že existencia sa vzťahuje na nositeľa vyjadreného zámenom (čo, koho, komu, s čím) a neurčitkom slovesa sa vyjadruje okolnosť vzhľadom na ktorú dej platí či neplatí. Tieto vety vyjadrujú existenciu/neexistenciu vzhľadom na činnosť špecifikovanú neurčitkom slovesa. Neurčitok možno niekedy nahradiť aj slovesným podstatným menom: *Niet nič/ničoho na čítanie. Nie je nikto/nikoho na chatovanie.*

2. typ - niekto/niečo vzniká/zaniká

V predchádzajúcom type sa vyjadrovala existencia niekoho či niečoho, teda bytie v ontologickom zmysle. V tomto type sa vyjadruje, že niečo svoju existenciu „nadobúda“ či „stráca“. Treba však odlíšiť vznikanie a zánikanie v ontologickom zmysle a zámerné vytváranie niečoho vedomou činnosťou, napr. *Výrobok vznikol v továrni. Pytlíaci vybili chránené druhy zvierat.* Predikátory vyjadrujúce zmenu existencie sa vyznačujú mutačným charakterom, čo znamená, že v ich význame je prechod z jedného stavu do iného, resp. nadobudnutie existencie či jej zániknutie. Predikátory sa realizujú slovesami ako vznikáť, narodiť sa, zanikať, zomrieť, stratiť sa, vytrácať sa a pod:

- **vznik existencie:** *Ja sa nikdy nenarodilo a nerodí, rodí sa iba telo. Vznikla celá spleť komplikovaných problémov. V ostatnom čase vzplanul záujem o vyhotovovanie rodinných erbov. Presne v tej chvíli prišiel na svet nový človečik. Na prelome storočí sa zrodil nový literárny smer – romantizmus.*

- **zánik existencie:** *Mnohé rastlinné a živočíšne druhy sa postupne vytrácajú. Absolútna viera v pozitivizmus sa v tej dobe vytratila. Bohužiaľ zomrel a už ho niet. Mamuty vyhynuli v období pred 13 000 a 11 500 rokmi – okrem reliktného stavu mamutov srstnatých. Hokejová eufória rýchlo utíchla.*

Aj v rámci tohto typu môžeme vyčleniť dva podtypy:

a) zmenu absolútnu,

b) zmenu relatívnu.

a) **Absolútna zmena**, podobne ako pri vyjadrení holej existencie, vyjadruje, že niečo vznikne alebo zanikne bez ohľadu na sprievodné okolnosti. Zmena teda nie je viazaná na žiadnu časovú, miestnu či zreteľovú okolnosť:

Neustále vznikajú nové choroby. Čo sa zrodí, musí zaniknúť. Niektoré druhy už vyhynuli, iné sa podarilo zachrániť. Les zhorel do tla. Celá násada pstruhov vykapala. Rímska ríša zanikla.

Sémantická štruktúra má podobu:

nositeľ^{zmeny existencie} – existencia

Gramatický vzorec má formu:

S_N – VF

b) **Relatívna zmena** sa viaže na isté okolnosti, ktoré s ňou súvisia. Vyjadrenie okolnosti (miesta, času, príčiny) je v týchto vetách obligatórne, rovnako ako pri vetách vyjadrujúcich holú existenciu. Uvádzame príklady na vety s jednotlivými typmi obligatórných okolností.

- **Časové okolnosti (temp):** *Svet vznikol pred dávnymi vekmi. Postmoderna nastúpila v druhej polovici 20. storočia. Slovenský štát vznikol v roku 1939. Narodil som sa v septembri.*

- **Miestne okolnosti (loc):** *Zo sveta sa vytráca radosť. Jeden náš známy sa narodil v sanítke. Naturalizmus vznikol vo Francúzsku.*

- **Príčinné okolnosti (kauz):** *Kultúrne spolky väčšinou zanikajú pre nedostatok financií. Africké deti často zomierajú pre zlú potravu a nedostatočnú zdravotnú starostlivosť.*

Aj v tomto type existenčných viet sa v niektorých prípadoch dá vyjadriť participant **benefaktor**, ktorým sa vyjadruje, že niekto či niečo ja na zobrazovanej situácii zainteresovaný, teda stváraný obsah sa na benefaktora priamo vzťahuje:

Narodil sa mi syn. V lietadle sesternici zahynul blízky priateľ. Zomrel nám jeden z najlepších hokejistov.

Sémantická štruktúra tejto mikrosituácie má podobu:

nositeľ zmeny existencie – **existencia - benefaktor/čas/miesto/príčina**

Gramatický vzorec má podobu:

$S_N - VF - S_D / ADV_{loc/temp/kaus}$

V nasledujúcej tabuľke súhrnne uvádzame sémantické a gramatické osobitosti elementárnej vetnej štruktúry **existencia**:

Vyjadrenie existencie			
1. niekto/niečo existuje/neexistuje	a) v absolútnom chápaní	- existencia sa vzťahuje na celú triedu (<i>Strašidlá nie sú. Hlupáci boli, sú a budú.</i>) - existencia sa vzťahuje na konkrétnu substanciu (<i>Boh je. Peklo nie je?</i>)	SŠ: Nositeľ _{existencie} – existencia GŠ: $S_N - VF$
	b) v relatívnom chápaní	- benefaktor (<i>Možnosť ti existuje veľa.</i>) - čas (<i>Jery ešte v 10. storočí boli.</i>) - miesto (<i>Taký zákon je len v Číne.</i>) - zreteľ (<i>Taká fonéma v slovenčine nie je.</i>)	SŠ: nositeľ _{existencie} – existencia – benefaktor/čas/miesto/zreteľ GŠ: $S_N - VF - S_D / ADV_{loc/temp/asp}$ pre S_A
2. niekto/niečo vzniká/zaniká	a) v absolútnom chápaní	<i>Neustále vznikajú nové choroby.</i>	SŠ: nositeľ _{zmeny existencie} – existencia GŠ: $S_N - VF$
	b) v relatívnom chápaní	- benefaktor (<i>Narodil sa mi syn.</i>) - čas (<i>Slovenský štát vznikol v roku 1939.</i>) - miesto (<i>Naturalizmus vznikol vo Francúzsku.</i>) - príčina (<i>Kultúrne spolky väčšinou zanikajú pre nedostatok financií.</i>)	SŠ: nositeľ _{zmeny existencie} – existencia – benefaktor/čas/miesto/príčina GŠ: $S_N - VF - S_D / ADV_{loc/temp/kaus}$

Prínos našej práce pri opise sémantickej stránky vety vidíme v tom, že sme jednak nadviazali na domáce výskumy v oblasti intencie slovesného deja a jednak sme pri výskume použili metódy, ktoré sa pri opise sémantickej stránky vety používajú pri výskume iných jazykov (metóda sémantických rol, komponentová analýza, opisná špecifikácia slovesa.) Praktické využitie vidíme aj v aplikácii získaných poznatkov v pedagogickej praxi, napríklad pri komunikačnom vyučovaní slovenského jazyka, ktoré je okrem iného zamerané na funkčné využívanie jazykových prostriedkov. Získané poznatky by sa dali využiť aj pri vyučovaní slovenčiny ako cudzieho jazyka, keďže sémantická valencia je v značnej miere univerzálna, to znamená, že jednotlivé sémantické roly sa dajú vyčleniť viac-menej vo všetkých jazykoch. Na základe tematickej univerzálnosti by sa tak dali konfrontovať rozličné gramatické konkretizácie sémantických rol v jednotlivých jazykoch.

Zoznam bibliografických odkazov

Grepl, Miroslav – Karlík, Petr (1983), *Gramatické prostředky hierarchizace sémantické struktury věty*. Brno.
Grepl, Miroslav – Karlík, Petr (1998), *Skladba češtiny*. Olomouc, Votobia.

- Mrázek, Roman (1972), Hierarchizace větných typů slovanských spisovných jazyků pro srovnávací syntézu. *Slavica Slovaca*. 1972, roč. 7, č. 3, s. 202 - 207.
- Nižníková, Jolana (2001), *Vetné modely v slovenčine*. Prešov, Prešovská univerzita.
- Tibenská, Eva (2012), *Sémantická štruktúra slovenskej vety*. Trnava, Filozofická fakulta UCM v Trnave.

Marko Hadžić

University of Belgrade, Belgrade, Serbia
marko.hadzic@filoloski.rs

O splošnih diferencah med slovenščino in ostalimi južnoslovanskimi jeziki

ABSTRACT: The paper investigates the differences between Slovenian language on the one side and the common characteristics of all the other South-Slavic languages on the other. It further analyses the most typical phonological, grammatical and lexical divergences, based mostly on modern language usage. The shared characteristics between Slovenian and the other South-Slavic languages remain of the secondary importance. As a general description of the topic, it is hoped for give good insights for further researches in this field.

Keywords: Slovenian, South-Slavic languages, comparative analysis, modern Slavic languages

Uvod

Namen tega članka je vpogled v najbolj pomembne in najbolj zaznamujoče razlike na glasoslovni, slovnični in leksikološki ravni, ki jih slovenščina kaže ne v razmerju s posameznim jzsl. jezikom (npr. s srbsščino, o čemur sta aktualne in kvalitetne prispevke dala M. Đukanović in P. Piper), temveč v razmerju z vsemi ostalimi jsl. jeziki. To ni vzporedna slovnica, in v tem članku ne more biti ne detaljnega ne celotnega opisa slovničnih struktur.

V današnjih sociolingvističnih in političnih razmerah se je zanimanje za kontrastivno analizo s slovenščino kot glavnim predmetom spet zvišalo, ampak tudi obremenilo s številnimi problemi, pogosto zelo praktičnega značaja – некоč so govorili o treh živih jsl. jezikih, danes lahko govorimo celo o sedmih. V izogib tovrstnim težavam se načeloma bom vodil s stališčem Cenke Ivanove, da lahko vzamemo srbsščino in bolgarščino kot vzorca za predstavljanje določenih jezikovnih pojavov zahodnega oz. vzhodnega jsl. območja. Kot argumente za ta pristop, je C. Ivanova našela »бројност говорника, историјски релативно дуга егзистенција са унифицираном књижевнојезичком праксом, структурно-типолошке одлике услед већ поменуते различите чињенице [razdelitev na makedonsko-bolgarsko in srbsko-hrvaško-slovensko območje].« (Иванова 1998: 137). Pri analizi se vendarle bom oziral tudi na specifičnosti makedonskega jezikovnega standarda.

Glasoslovna ravnina

1. Slovenščina pozna 8 samoglasnikov: sprednji /i/, /e/, /ɛ/, srednja /ə/, /a/ in zadnji /u/, /o/ in /ɔ/. Med njimi sta samo za slovenščino značilna ozka /e/ in /o/, oz. ločevanje med ozkimi in širokimi samoglasniki. Neweklowsky (2010: 25) omenja to lastnost kot slovensko specifičnost tudi v razmerju z Balkansko jezikovno zvezo (kateri priključuje slovenščino kot periferni člen).

2. Alofonija soglasnika /v/ je zelo razvita: [v] kot v primeru *voda*, [w] kot v *vzhod*, [ʌ] v primeru *vstop*, in [ʉ] v primerih *stavba*, *volk* (pravopisno reprezentiran tudi s črko *l*).

3. Dvoglasnik [əɾ] na mestu srbohrvaškega in makedonskega vokalnega /r/ oz. bolgarskih skupin *ръ*, *ър*: *prst*, *prva* (bg.: *пръст*, *първа*)

4. Palataliziranost soglasnikov opada proti zahodu jsl. območja – glasov kot sta srbska in makedonska *љ*, *њ* oz. bolgarska /*ль*/, /*нь*/ v sl. pred samoglasniki ni. Slovensko glavno mesto je, torej, /ljub'ljana/ (v transkripciji na srbsko cirilico: *љубљана*). Pred soglasniki predvideva sl. pravorečna norma dvojno realizacijo: *Poljska* se lahko izgovori bodisi /*po:lska*/ bodisi /*po:ɫska*/.

5. Samo slovensko pravorečje dopušča uporabo obeh jakostnega in tonemskega naglaševanja. Distribucija naglaševanjskih sistemov med govorcji je izključno teritorialno pogojena.

6. Pozicijske morfonološke spremembe soglasnikov *k, g, h* : *č, ž, š* in *k, g, h* : *c, z, s*, kot jih poznajo srbsščina, bolgarščina in makedonščina, (*војник* : *војниче* : *војници*, *орак* : *ораси*, *ръка*: *ръце*, *нога* : *нозе*) so v slovenščini na stopnji izjem. V sodobnem jeziku je relevanten primer *otrok* : *otroci* : *otročih*.

Slovnična ravnina

Pri ugotavljanju slovničnih razlik med jsl. govorimo samo o razlikah znotraj kategorij.

7. Med slovanskimi jeziki je slovenščina znan primer za prisotnost dvojine in namenilnika (supin). Dvojina je lastnost vseh besednih vrst, pri katerih je prisotna kategorija »števílo« (npr. *Sinovoma bosta podarili knjigi*, sr. *Синовила ће поклонити књиге*; *Midva z Mojco sva ju srečala*, sr. *Мојца и ја смо их срели*). Dvojine se ne uporablja pri leksemih, ki se navadno pojavljajo v paru, npr. *Noge te bolijo* (bg. *Мене ме болят краката*, sr. *Боле ме ноге*) in ne **Nogi te bolita*, kar je različno od uporabe dvojine v zgornjem lužiškosrbskem jeziku, edinem slovanskem jeziku, v katerem je poleg sl. prisotna (lsr. *Mje nozi boltej* – primer prevzet od Пипер 2002).

Toporišič (2004: 402) navaja dve slovnični rabi namenilnika: a) ob glagolih premikanja in b) kot izražanje cilja, če »sta vršilca določenega glagola in namenilnika različna«. V preostalih js. jezikih se za a), kot pri vseh ostalih glagolih, uporabi nedoločnik oz. konstrukcija *da+sedanjik* v močnejše balkaniziranih območjih in

jezikih, za b) pa lahko pride do nadomeščanja z drugačnimi strukturami. Npr. a): sl. *Grem spat*, sr. *Идем спавам/Идем да спавам* bg. *Отивам да спя*; b) *Dal je hčer študirat*, sr. *Послао је кћер на студије*.

8. Slovenščina je edini južnoslovanski jezik, ki (vsaj v svoji knjižni podobi) ni štokavski.

9. Glede na komajdane popolno odsotnost sklonov v vzhodnih jslov. jezikih, se razlike v skloni morfosintaksi skoraj v celoti omejujejo na razlike med slovenščino in srbsščino/hrvaščino. Ozirajoči se na celotno območje jslov. jezikov, lahko kot diferentna lastnost slovenščine pride v poštev izginutje oblike za vokativ (npr. *Prijatelj!*).

10. Bolgarski in makedonski pridevniki se stopnjujejo analitično: bg. *хубав – по-хубав – най-хубав*. Srbski pridevniki tendirajo stopnjevanju z obrazili, posplošeno po vzorcu *влажан – влажнији – највлажнији*. Pri slovenskih pridevniki srečamo oba načina. Opisno stopnjevanje s prislovom tipa *muhast – bolj muhast – najbolj muhast* je edino mogoče pri pridevniki, ki pomenijo barvo, ki so nastali iz deležnikov ter ki ne ločujejo določene od nedoločene oblike in pri številnih drugih manj sistematičnih primerih.

11. Slovenščina ima od vseh južnoslovanskih jezikov najmanjše možnosti izražanja opozicije določenost : nedoločeno. »Razlika med nedoločeno in določeno obliko se izraža glasovno le v imenovalniku in enako se glasečem tožilniku edine oblike za moški spol [pridevnika] (*lep-lepi*), redko tudi v osnovi« (Toporišič 2004: 320). Kot značilnost nekknjižnega pogovornega jezika, ki vdira v knjižnopogovorni, je Toporišič opredelil uporabo nepregibnega določenega člena *ta* (*ta lep fant, ta lepih punc*). Srbsčina ima precej bolj razvito opozicijo med določenimi in nedoločenimi pridevniki, Neweklowsky opazuje v zvezi z (ne)določenostjo še naslednje: »Im Serbokroatischen entwickelt sich eine Art unbestimmten Artikel mit dem Zahlwort *jedan* „ein“.« (Neweklowsky 2010: 27). Bolgarščina ima popolnoma gramatikaliziran in v standardni jezik sprejet postpozitivni določeni člen (*дете – детето – малкото дете, децата*). Še bolj razvito izražanje kategorije določenosti s pomočjo členov ima makedonščina: *душа : душава : душата : душана*.

12. Slovenščina pozna naslonsko obliko zaimka *sebe* tudi v dajalniku: *Vzel sem si vročo zemljo in jogurt*. Naslonska dajalniška oblika v srbsščini praktično ni v uporabi (*Узео сам (себу/за себе) врућу земичку и воћни јогурт*), v hrvaščini pa je običajna, dokler se v vzh. jsl. jezikih sreča s precej drugačnimi skladenjskimi lastnostmi. Po drugi strani slovenščina ne pozna svojilnega dajalnika, ki je v ostalih jezikih v pogosti rabi. Npr.: bg. *Мајка му е Българка*, sl. *Njegova mati je Bolgarka*.

13. Ločilnih in množilnih števnikov ni v ostalih jslov. jezikih, tako kot slovenskega načina štetja, v katerem so na prvem mestu enice, potem desetice, v njih tudi ni srečati: 22 *dvaindvajset*, sr. *двадесет (u) два*, bg. *двадесет/двайсет и два*.

14. Poleg sedanjika (praesens), prihodnjika (futurum), preteklika (perfectum) in predpreteklika (plusquamperfectum), pozna srbsčina še naslednje tri čase: aorist, imperfectum in futurum exactum; bolgarščina pa poleg le-teh še futurum exactum praeteriti in futurum praeteriti. Maldžijeva (2009: 54-57) opisuje v bolgarščini poleg velelnika in pogojnika še načina *умозаклучение* (conclusivus) in *преизказване* (indirectivus, pri drugih avtorjih tudi *narrativus* ali *renarrativus*). »Die bulgarische Kategorie des Narrativs ist ansatzweise auch im Serbischem vorhanden, in der Form des Perfekts ohne Kopula [sr. *крњи перфекат*], z. B. typisch in Eingangsformeln des Märchens, serb. *био један цар „es war einmal ein König“*. (Neweklowsky 2010: 28)

Pomembna tipološka razlika nastane tudi pri tvorjenju prihodnjika. V slovenščini ga tvorimo od deležnika na *-l* in pomožnika *biti*, v ostalih jezikih pa od naslonskih oblik pomožnika *hoteti* (srbski *ћу, ћеу, ће...*, makedonski nepregibni členek *ќе*, enako bolgarski *ще*) in nedoločnika v srbsščini oz. sedanjika v makedonščini in bolgarščini (za slednja velja ta vzorec le v trdilni obliki).

Glede vzorcev tvorjenja deležij in deležnikov je slovenščina v veliki meri podobna srbsščini. Glede uporabe pa se v določeni meri približuje bolgarščini, zaradi česa je ni mogoče postaviti v jasno nasprotno razmerje do drugih jslov. jezikov.

Specifična je nikalna oblika sl. glagola *hoteti*: *nočem, nočeš*.

15. Pri prostorskih prislovih ločuje slovenščina dosledno mestovne, ciljnostne ter prislove poti in razmeščenosti. Tako imamo konsekventne trojne oblike vprašalnih (*kje, kám, kod*), drugostnih (*drugje, drugam, drugod*), nikalnih (*nikjer, nikamor, nikoder*) in drugih prostorskih prislovov. Ohranjevanje tovrstnega ločevanja se slabi idoč proti vzhodu južnoslovanskega območja. Dokler v posameznih delih Hrvaške še vedno ločujejo med *gdje, kamo* in *kuda*, je prislov *kuda* na območju Srbije popolnoma prevzel funkcijo prislova *kamo*, dodatno pa se še razlika med *gde* in *kuda* hitro izgublja v korist prislova *gde*, za kateri lahko predvidevamo, da bo postopoma v celoti nase prevzel označevanje cilja in poti in se s tem funkcijsko izenačil z bolgarskim prislovom *къде*.

Slovenska modalna konstrukcija s prislovom *lahko* je tudi lastnost, ki je v ostalih jslov. jezikih ni: *lahko berem*, sr. *Могу читати/да читам*, bg. *Мога да чета*.

16. Vprašalnega členka *li* ni v slovenščini. Odtod pozna sl. inverzijo kot način zastavljanja vprašanj, npr.: *Je brat doma?*, bg. *Брат ли е вкъщи?*. Namesto členka *neka* ima sl. *naj*: *naj ne ve*, bg. *нека (да) не зна*, sr. *нека не зна*.

17. Veznik *in* se v vseh ostalih jslov. jezikih pojavlja v podobi *i*, zastareli in iz žive rabe umaknjeni *ako* je v preostalih jezikih prva izbira na mestu slovenskega *če*.

18. Slovenska nezaznamovana stalna stava kaže nekaj posebej očitnih samosvojih lastnosti zgolj pri zaporedju v naslonskem nizu. Jasno nasprotje je beseda *se*, ki načeloma vedno stoji za prvim stavčnim členom: *Predstavite se mi proti sr. Predstavite mi se ali bg. Представете ми се.*

Leksikološka ravnina

19. V primerjavi z drugimi jslov. jeziki ima slovenščina občutno nižje število helenizmov in turcizmov (nekateri frekventni primeri so *džezva, klobuk, žep*), pa tudi hungarizmov, razen v prekmurskem narečju, ki je bilo v dolgih in močnih stikih z madžarščino. Po drugi strani je število germanizmov precej višje, in ne samo v neknjižnem jeziku (*opica, škof, skedenj, pek, barva, žaga*; slovenski način štetja je slovnični germanizem, kakor tudi uporaba nedoločnika tipa *Videla je ptico peti*). Skubic (2007) ugotavlja, da so stiki s furlanščino prinesli v zahodno slovenščino dosti besed in izrazov (*balin, izražanje časa pet in pow* itn.), ki večinoma niso sprejeti v knjižni jezik.

20. Slovenščina je ostala zunaj semantičnih približevanj tipičnih za Balkansko jezikovno zvezo, v katera pa so v večji ali manjši meri vključeni vzhodnejši jslov. jeziki. Oba leksema *ura* in *vreme* sta v sr., mak. in bg. zajeta z leksemom *време* (primerjaj rusko *время : погода*). Različno od slednjih jezikov imamo v slovenščini kolokacijo *imeti rad* in glagol *vedeti*, kar jo približuje skupini zahodnoslovanskih jezikov (sr., ukr. *знати*, mak. *знам*, bg. *знам/зная*, rus. *знать*, sv. *vediet'*, čš. *vědět*, pl. *wiedzieć*, čeprav blrs. *vedaць*, poleg *знаць*).

Viri

Maldžijeva, Vjara et al. (2009), *Јужнословенски језици: граматичке структуре и функције*. Београд, Београдска књига.

Neweklowsky, Gerhard (2010), *Die südslawischen Standardsprachen*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaft.

Skubic, Mitja (2007), Jezika v stiku: Slovenščina in furlanščina. Prevzete besede in kalki. *Slavistična revija*, jan.-jun., 19-29.

Торгишић, Јоже (2004), *Slovenska slovnica*. Maribor, Založba Obzorja.

Иванова, Ценка (1998), „Ред“ и „неред“ код негираних облика у јужнословенском језичком ареалу. *Научни састанак слависта у Вукове дане*. 27, 137-147.

Пипер, Предраг (2002), Граматичке структуре горњолужичкосрпског и српског језика. *Увод у сорабистику: Хрестоматија за српске слависте*. Dostop na <http://www.rastko.rs/rastko-lu/uvod/>, 18.6.2012

Присуството на зборот БОГ во фразеолошките изрази во македонскиот и во унгарскиот јазик

ABSTRACT: *In all religions, regardless of whether we are talking about the Orthodox, Catholic, Muslim, Buddhist and any other religion, God fulfills the most important role. In relation to this, God in all languages is presented in different areas, for example in linguistics, literature and folklore. In linguistics mostly we can notice its presence in idioms and in phraseological expressions. This paper deals with Macedonian and Hungarian phraseological expressions in which appears the word God. These expressions many times have the same or similar meanings, but there are different ones as well, thanks to the difference between the two cultures.*

Keywords: God, religion, Phraseology, idioms, phraseological expressions, Macedonian, Hungarian, comparison, metaphorical conceptualization, person, almighty, death, above

Во сите религии, без оглед на тоа дали се зборува за православната, католичката, муслиманската, будистичката и сите останати религии, Бог ја исполнува најважната улога. Во однос на тоа, во сите јазици Бог се појавува во различните области, на пример во лингвистиката, во литературата и во фолклорот. Во лингвистиката најчесто се сретнуваме со него во фразеолошките изрази, во пословиците, во поговорките итн. Овој реферат обработува тема за македонските и унгарските фразеолошки изрази во коишто се сретнува зборот Бог.

На почетокот треба да објасниме што се фразеолошки изрази и значењето на зборот Бог во македонскиот и во унгарскиот јазик.

Како што Катерина Велјановска вели во својата книга „Фразеолошките изрази во македонскиот јазик“:

„фразеолошките изрази се неслободни зборовни состави кои не се создаваат во говорниот процес, туку се репродуцираат во готова форма која се зацврстува со долгата употреба. Составните компоненти на фразеолошките изрази покажуваат поголем или помал степен на десемантизација, така што значењето на ФИ не е соодветно со значењата на одделните компоненти што го сочинуваат. Во таквите зборовни состави, врската меѓу одделните компоненти е цврста и составот и редот на зборовите обично е непроменлив. ФИ во речениците се јавуваат како еквиваленти на реченичните членови.“ (Велјановска 2006:21)

Според „Толковниот речник на македонскиот јазик“ зборот Бог има 3 значења:

1. «Создател и господар на светот во монотеистичките религии»
2. «Во митологијата – бесмртно натприродно суштество, олицетворение на природните сили или на дел од природата и од животот»
3. (прен.) «Тој, таа што има голема моќ, власт, влијание»

Во „Толковниот речник на унгарскиот јазик“ истиот збор има само 2 значења (кои се преведени од унгарски на македонски од страна на авторот):

1. «Во митологијата – измислено натприродно суштество, кој олицетвори некоја појава на светот»
2. «Во монотеистичките религии: создател и задржувач на светот, најсовршена личност»

Како што преку дефинициите видовме, во двата јазика Бог ја исполнува истата улога.

Анализата на фразеолошките изрази ја направивме преку метафоричната концептуализација, која што ни докажува дека човечкиот поимски систем е еден систем конструиран на фигуративен начин. Во однос на тоа можеме да ги поделиме фразеолошките изрази на следните групи: Бог како семоќен отец, Бог и смрт, Бог како личност и Бог е горе.

Бог како семоќен отец

Бог како натприродно суштество сè гледа и сè знае. За тоа најдовме докази во фразеолошките изрази и во македонскиот и во унгарскиот јазик, на пример:

Бог знае до кога = Isten tudja meddig; Бог знае каде = Isten tudja hol; Бог знае каков = Isten tudja milyen; Бог знае кога = Isten tudja mikor; Бог знае кој = Isten tudja ki; Бог знае колку = Isten tudja mennyi; Бог знае од каде = Isten tudja honnan; Бог знае од кога = Isten tudja mikortól; Бог знае што = Isten tudja mi; Бог ми е сведок = Isten a tanúm; Бог свети знае/Еден Бог знае = Csak a jóisten a megmondhatója.

Како што гледаме сите македонски изрази имаат свој еквивалент во унгарскиот јазик, освен изразот *Прашај го Бога од каде* со значењето дека незнајно од каде е нешто.

Има фразеологизми кои ја изразуваат моќта на Бог, а тие се:

Ако даде Бог = Ha Isten is úgy akarja; Да би дал Бог / Да даде Бог = Adná Isten; Дaj, Боже = Adja Isten.

Моќта на Бог ја гледаме кога сме во тешка ситуација или имаме голем проблем и не можеме сами да го решиме проблемот, значи нашата судбина не зависи само од нас. Во таква ситуација кажуваме дека *Во божја рака е / Во божјите раце е / Во раката божја е = Isten kezében van.*

Во унгарскиот јазик постојат такви фразеологизми кои се однесуваат на тоа дека Бог ја има најголемата моќ, ако тој не може нешто да направи, тогаш тоа е невозможно. Такви изрази се: *az Isten se győzi (pénzzel)* [букв.прев.: ниту Бог не може да издржи (со пари)] со значење дека некој троши премногу пари; *az Isten se mos le valakiről valamit* [букв.прев.: ниту Бог не може да исчисти нешто од некој] што значи дека ако некој направил нешто многу лошо, тоа секогаш ќе се поврзува со него, секогаш ќе биде негова вина. Има уште такви како: *az Isten se találná meg* [букв.прев.: ниту Бог не би го нашол] со значењето дека толку добро е криен некој што никој не може да го најде; *az Isten se tehet eleget* [букв.прев.: ниту Бог не може да го задоволи] што значи дека некој постојано има некаква желба со што ги малтретира останатите итн. Во македонскиот јазик такви изрази не постојат.

Бог како личност

Луѓето го измислиле Бог како да е една личност. Поради тоа во фразеолошките изрази Бог многу пати има такви карактеристики какви ги имаат луѓето. Олицетворение на Бог има повеќе начини.

Првиот начин е тоа, кога во фразеологизмите Бог е претставен со некој дел од човечкото тело. Примери кои постојат и во македонскиот и во унгарскиот јазик:

Богу зад грб = Isten háta mögött; Го фаму Бога за брада / очи = Megfogja az Isten lábát; И Бог дигнал / кренал рака (од некого) = Isten is levette róla a kezét; божји прст = Isten ujjá; Во божја рака е = Isten kezében van.

Има неколку примери со кои се сретнуваме само во еден од тие јазици, на пр.:

Бог му дал и со левата и со десната (рака); Бог прво себе брада си направил; а на унгарски: *Kinótt az Isten markából* [Израснал од божја грст] со значење дека растел голем.

Другиот начин за олицетворение на Бога е дека и тој може да биде сопственик на неколку работи, постојат следниве примери во кои се појавува придавката од именка Бог во македонскиот јазик, доколку во унгарскиот тие се изразуваани со именката Бог.

Божја куќа = Isten háza, то ест црква; *Бич божји = Isten ostora* значи голема општа несреќа или казна; *Божја рака = Isten keze;* *Божји прст = Isten ujjá* со значење божја волја, неизбежна судбина или казна; *Божји слуга = Isten szolgálja,* то ест свештеник *Пијалок на боговите = Az istenek itala* со значење на нектар или на фино вино; *Стои пред божји суд = Isten ítélőszéke előtt áll* што кажуваме кога некој веќе не е жив.

Во унгарскиот јазик Бог е сопственик на уште неколку работи, на пример: *Isten malmai lassan őrlnek* [Божјите воденици мелат полека] значи дека можеби малку подоцна, ама лош човек некогаш сигурно ќе ја добие својата казна; *Isten országa* [божја држава] со значење на рај итн.

Тоа дека Бог се однесува како личност потврдуваат фразеолошки изрази во кои Бог прави нешто, во кои се употребуваат секојдневни глаголи, на пр.:

Ако даде Бог = Ha Isten adja; Бог го даде = Isten adja; Бог да чува = Isten őrizz; Бог знае = Isten tudja; Кoj се чува и Бог го чува = Segítség magadon, Isten is megsegít.

Има примери кои не можеме да ги најдеме во двата јазика, на пример:

Бог да го убие што е клетва; *Бог не му делил* со значење дека не е способен за ништо; *И Бог го заборавил* што значи дека се задржал некаде многу долго или дека никој не се грижи за него; *Како што рекол Бог* то ест како што треба да биде, како што е нормално да се случи.

А во унгарскиот јазик има уште повеќе такви фразеологизми, на пр.: *Isten áldjon meg* [Бог да те благослови]; *Isten éltesse* [Бог да те оживее] што кажуваме кога некој има роденден или именден; *Isten fizesse meg* [Бог да го плати] со тоа изразуваме благодарност; *Isten irgalmazzon neki* [Бог да го сожали]; *Isten is megpihent a hetedik napon* [И Бог се одморил на седмиот ден] со значење дека после работата треба да се одмориме; *Isten látja lelke* [Бог да ми види душата] што е тврдење на невиност; *Isten nem börtöl ver* [Бог не удира со стап] што кажуваме кога лоша работа се случи со еден лош човек; *Isten tartsa meg a jó szokását* [Бог да го задржи неговиот добар обичај] што е израз за благодарност и за тоа дека повторно некој е толку добар итн.

Бог и смртта

Во оваа група ќе се сретнеме со такви фразеологизми во кои се појавува смртта како појава, то ест Бог не само ни го даде животот, туку на крајот го зема од нас. Тие фразеологизми изразуваат факт дека некој умре или формула за почит кон умрен, која што се кажува на денот на погребот или при спомнување на името на умрен, на пр.:

Бог го зеде = Elveszi az Isten; Бoгу душа даде / На Бога душа даде / Предаде Бoгу душа / Си даде Бoгу душа = Istennek adja a lelkét / A lelkét Istennek ajánlja; Замина кај Бога; Му даде на Бога што му имаше за давање; Бог да го прости = Isten nyugosztalja; Бог дал, Бог зел = Isten adta, Isten elvette; Бог на исповед.

Бог е горе

Во религиите Бог секогаш има повисок ранг, секогаш е на повисоко ниво отколку луѓето и има неограничена моќ. Во мислите на луѓето, Бог живее на небото, во рајот што означува дека стои над сите.

Како што Золтан Кевечеш пишува во својата книга за метафорите: „*црквите покажуваат кон небото, кон претпоставениот дом на Бога, која што представува дека е основа на метафората Бог е горе.*“ (Kövecses 2005:70 – цитатот е преведен од унгарски на македонски преку авторот)

За тоа гледаме такви примери во македонската фразеологија како:

Бог високо, цар далеку; Ги симина сите богови од небото; а во унгарската: *Ha van Isten az égben* [Ако има Бога на небото] со значење на надежта и на вистината; *Letagadja az Istent is az égből* [И Бога од небото го негира] што значи дека некој сè негира; *Olyan igaz, mint ahogy Isten van az égben* [Толку е вистина, колку има Бога на небото] то ест без сомнение е вистина; *Van Isten az égben* [Има Бога на небото] што се служи за изразување на задоволство.

Како што видовме има многу фразеолошки изрази кои се појавуваат во двата јазика, кои имаат свој еквивалент во другиот јазик. Вреди да се спомне дека неколку од тие фразеологизми не се изразувани со истите зборови, ама имаат исто значење, на пример: Го фати Бога за брада/очи = *Megfogja az Isten lábát*, ама буквалниот превод на унгарскиот фразеологизам би било Го фати Бога за нога, или во неколку случаи додека во македонскиот фразеолошки израз употребуваме придавка од зборот Бог (божји, божја), во унгарскиот еквивалент се појавува именката Бог, на пр. *Божји прст* = *Isten ujjá* шти можеме буквално да преведеме на македонски како Прст на Бог.

Преку фразеолошките изрази во македонскиот и во унгарскиот јазик видовме дека во двете култури Бог е оној, кој ги чува луѓето, кој им помага, им го даде и го земе животот, кој има неогранична моќ над сите и над сè.

Користена литература

Forgács Tamás (2007), *Bevezetés a frazeológiába, A szólás- és közmondáskutatás alapjai*. Budapest, Tinta Könyvkiadó.

Kövecses Zoltán (2005), *A metafora, Gyakorlati bevezetés a kognitív metaforaelméletbe*. Budapest, Typotex.

Велјановска Катерина (2006), *Фразеолошките изрази во македонскиот јазик со осврт на соматската фразеологија*. Куманово, Македонска Ризница.

Велковска, Снежана (2002), *Белешки за македонската фразеологија*. Скопје, Институт за македонскиот јазик „Крсте Мисирков“.

Речници:

Bárdosi Vilmos (2009), *Magyar szólások, közmondások értelmező és fogalomköri szótára*. Budapest, Tinta Könyvkiadó.

Димитровски, Тодор – Ширилов, Ташко (2003), *Фразеолошки речник на македонскиот јазик. Том први А-Ј*, Скопје, Огледало.

Forgács Tamás (2003), *Magyar szólások és közmondások szótára, Mai nyelvünk állandósult szókapcsolatai példákkal szemlélítve*. Budapest, Tinta Könyvkiadó.

Конески, Кирил (1999), *Правописен речник на македонскиот литературен јазик*. Скопје, Просветно дело.

Ширилов, Ташко (2008), *Фразеолошки речник на македонскиот јазик. Том втори К-П*, Скопје, Огледало.

Ширилов, Ташко (2009), *Фразеолошки речник на македонскиот јазик. Том трети Р-Ш*, Скопје, Огледало.

Tomasz Zoltán Heffler

Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
heffler.tomasz@enternet.hu

Obraz szlachty polskiej w „Panu Tadeuszu” Adama Mickiewicza

ABSTRACT: The aim of the work is to find out how does Adam Mickiewicz portray the polish szlachta in his epic poem entitled “Pan Tadeusz, czyli Ostatni zajazd na Litwie” which is regarded as the national epic of Poland and is considered by many to be the last great epic poem in European literature. The work also discusses the historical circumstances under which the poem was written, the poets relation to the szlachta and his personal views concerning this class. The work ends with a summary of the gathered information and some final thoughts on the topic.

Keywords: szlachta, Pan Tadeusz, Adam Mickiewicz, national epic, romanticism, November Uprising.

Powstanie listopadowe, narodowe powstanie Polaków przeciwko Imperium Rosyjskiemu, wybuchło w roku 1830 i zakończyło się w 1831. Brało w nim udział Królestwo Polskie oraz część zabranych przez Rosjan prowincji, między nimi też Litwa. Po upadku powstania, w ramach *Wielkiej Emigracji*, Królestwo opuściło ponad 10 tysięcy osób, których większość należała do szlachty. Trzeba zaznaczyć, że wielu z nich emigrowało z całą rodziną, co wykluczyło powrót do ojczyzny. Uczestnicy powstania uciekali za granicę z powodu obawy przed represjami ze strony władz carskich. Ich wyjazd wyrządził wielką szkodę polskiemu społeczeństwu, bo byli to ludzie o wielkim autorytecie – przywódcy, członkowie rządu i sejmu oraz duża część inteligencji polskiej – którzy byłiby w stanie kierować dalszymi losami narodu polskiego.

Uczestnikiem pierwszej fali *Wielkiej Emigracji* był też Adam Mickiewicz, który najpierw trafił do Drezna, a następnie, w roku 1832, osiedlił się w Paryżu, w głównym ośrodku emigracji popowstaniowej, gdzie działały polskie organizacje polityczne, społeczne i kulturalne. Reszta emigracji uważała Mickiewicza za wieszczą, najwybitniejszego polskiego poetę i geniusza skazanego na wygnanie z ojczyzny. Właśnie tutaj, w stolicy Francji, został napisany poemat pt. „*Pan Tadeusz*”, między 1832–1834, a pierwszy raz wydany w roku 1834, również w Paryżu. Trzeba tu dodać, że niestety dzieło w porze pierwszego wydania nie osiągnęło oczekiwanego przez Mickiewicza sukcesu. Z tego i kilku innych powodów życiowych, poeta uciekł w religię i mistycyzm.

Z *Epilogu* kończącego utwór, wydanego pośmiertnie (1860) wynika, że Mickiewicz napisał dzieło z tęsknoty za ojczyzną, z chęci do ucieczki z emigracji do „*kraju lat dziecięcych*”. Pierwotnie „*Pan Tadeusz*” miał być szlachecką powieścią napisaną na wzór *Hermana i Doroty* Goethego, lecz podczas pisania utwór rozszerzył się i przeistoczył w epopeję o narodowej historii i sile tradycji, która tkwi w bycie szlacheckim. Poemat utrwala wizję odchodzącego świata szlachty polskiej. Mickiewicz przedstawia ten świat w sposób idylliczny: jest to świat porządku, gdzie wszystko da się przewidzieć i wszystko dzieje się według wielowiecznych wzorców. Równocześnie jest też w stanie zauważyć wady szlachty, więc nie idealizuje swoich bohaterów, a przedstawia ich takimi, jakimi są. (Sam Mickiewicz był szlacheckiego pochodzenia; jego rodzice wywodzili się ze szlachty drobnej.)

Warto zadać pytanie, czym była szlachta polska i skąd pochodzi jej nazwa? Słowo to pochodzi od niemieckiego słowa *Geschlecht*, o znaczeniu *ród, pokolenie*, ale do polskiego trafiło na przełomie wieku XIV–XV poprzez język czeski wraz z innymi słowami charakterystycznymi dla tamtych czasów, np.: *pan, król, sejm, obywatel, herb*.

Na pytanie zaś, czym była szlachta, odpowiedź brzmi w następujący sposób: „*szlachta była stanem społecznym, wywodzącym się z rycerstwa. W Polsce wyodrębniła się w XIV–XV w. Podstawowym obowiązkiem szlachty była służba rycerska (pospolite ruszenie). Dziedziczne prawo feudalne własności ziemi oraz uzyskiwane od władców prawa i przywileje zapewniły jej przewagę w społeczeństwie feudalnym. W ramach stanu szlacheckiego wyróżniły się grupy: magnateria, szlachta średnia, szlachta zagrodowa i szlachta gołota (bez ziemi). W XIX wieku szlachta utraciła swoje pozycje.*” (Łąkowski 1982)

Trzeba zauważyć, że w *Panu Tadeuszu* jesteśmy świadkami bardzo ciekawej zmiany, ponieważ charakterystycznym bohaterem pierwszej połowy romantyzmu był bohater bajroniczny, lecz z upływem czasu ideałem bohatera romantycznego został później bohater zbiorowy. W „*Panu Tadeuszu*” jesteśmy świadkami spotkania tych dwóch światów.

Bohaterem bajronicznym utworu jest *Jacek Soplica*, który za młodości żyje życiem indywidualisty i buntownika. Jest zakochany w córce Stolnika Horeszki, lecz dostaje „czarną polewkę”, właśnie od jej ojca, swego byłego sprzymierzeńca. Po tym wydarzeniu zeni się z niekochaną kobietą. Z małżeństwa rodzi się jedyny syn Jacka, Tadeusz. Małżeństwo Jacka jest nieszczęśliwe; z rozpaczyny posuwa się do zbrodni i z powodu zbiegu okoliczności (atak Rosjan na zamek Horeszki) zabija Stolnika. Nie mogąc pogodzić się ze swoim postępkami, przeszłością i wyrzutami sumienia zostaje bernardynem, by odkupić swoje winy. Zmienia dotychczasowy tryb życia, lecz w głębi duszy nadal ukrywa swój dawny, gorący temperament. Postanawia pomagać społeczeństwu i ludziom w potrzebie. Przybiera imię *Robak*, co symbolizuje jego nicość, pokorę i uniżenie w stosunku do reszty

ludzi. Z jego przedśmiertnej spowiedzi wynika, że po morderstwie uciekł za granicę, by walczyć za ojczyznę. Po powrocie, zgodnie z francuskimi falami rewolucjonizmu, organizuje powstanie na Litwie.

Natomiast bohater zbiorowy to zespół postaci występujących w utworze i reprezentujących określone środowisko czy grupę społeczną. Postacie te nie są traktowane jako indywidualności, lecz jako przedstawiciele grupy.

U Mickiewicza postacie tworzący szlachtę tworzą w pewnym sensie zamkniętą grupę społeczną, której członkowie posiadają wspólne cechy i reprezentują Soplicowo. Mimo to możemy je pod pewnym względem potraktować jako indywidualności, ponieważ autor opisuje każdego z przedstawicieli szlachty w bardzo szczegółowy sposób.

Natomiast jako całość, szlachta została przedstawiona jako grupa ludzi poczciwych, gościnnych, pielęgnujących własne tradycje i przestrzegających ich w takim stopniu, że w Soplicowie nawet przechadzka po grzybobranii i jedzenie obiadu ma swoje utrwalone z czasem zasady, których każdy przestrzega i to dla własnego dobra, a nie z przymusu. Nad porządkiem czuwają „strażnicy tradycji” – „chodzące kodeksy” niepisanych, szlacheckich zasad życiowych. Ich postępowanie i zachowanie nacechowane są patriotyzmem i troską o ojczyznę, nawet jeśli dane osoby fascynują się zagranicznymi modami lub poglądami.

Aby być w stanie dostosować się do niniejszych zasad i ich się nauczyć, wystarczyło dokładnie przyjrzeć się zachowaniu tych ludzi i je naśladować. Jeżeli któryś ze „strażników” zauważył, że ktoś nie przestrzega tradycyjnych norm, przypominał otoczeniu owe zasady. Przykłady takich przemów możemy znaleźć w *Księdze I*, pt. *Gospodarstwo*, gdzie podczas wspólnej uczy trzej „strażnicy” zwracają uwagę szlachcie, jak powinna się zachować, lub kogo nie powinna naśladować.

„Stolnik, Sędzia, Wojski (...) to przedstawiciele świata odchodzącego w przeszłość; w życiu narodu kończy się epoka dominacji szlachty, sprawowania przez nią rządów w państwie. Oczywiście szlachta nie znika z dnia na dzień, ale zmienia się jej rola i znaczenie – władzę przejmują urzędnicy obcych mocarstw. Hrabia, Tadeusz Soplica (...) są nowym pokoleniem, które będzie musiało dostosować się do nadchodzących zmian.” (Włodarczyk 2010)

Ten fragment podkreśla ważny element „*Pana Tadeusza*”, który z resztą jest jedną z podstawowych cech epopei: przedstawia ważny moment dziejowy w życiu danego narodu. W utworze tym utrwalonym momentem są zmiany stosunków ekonomicznych i społecznych w Rzeczpospolitej. Kończy się okres społecznej przewagi szlachty, której sposób bycia i tradycje stają się anachronizmami; nadchodzi przecież XIX wiek, czas nowych technologii, pary i elektryczności.

Trzeba też dodać, że w utworze utrwalone zostały również niektóre wady szlachty. Przykładem niechęci do zgody między szlachtą jest *Rada* opisana w *Księdze VII*. Dobrzyńscy (przedstawiciele szlachty drobnej) chcą zaatakować Sopliców. Spotykamy się tutaj z dysfunkcjonalnością „złotej wolności” szlachty, czyli *liberum veto*.

Widać, że się rozdziela rada na dwie strony.

Buchman krzyknął: „Ja zgody nigdy nie pochwalam!

To mój system”! – Ktoś drugi wrzasnął: „Nie pozwalam!”

(ks. VII, w. 217–220)

Z opisu wynika, że szlachta w pewnych sytuacjach bywała kłótniwa i nie potrafiła podjąć jednogłośnie decyzji. Mimo to Mickiewicz przedstawia wady szlachty w humorystyczny sposób; nie usiłuje być ostrym satyrykiem i nie idealizuje swoich bohaterów. Ich wady (np. chęć do procesowania się, dbanie wyłącznie o własne interesy, przesadną pewność siebie i zarozumiałość, bezmyślność, awanturnictwo, kłótniwość i sobiepaństwo) łagodzi humorem.

Na koniec chciałbym podsumować, że w Panu Tadeuszu widzimy szlachtę, jako klasę społeczną typową dla Polski, która wolno przechodzi w przeszłość wraz ze swoimi tradycjami, światopoglądem i znaczeniem w kraju z przyczyn politycznych, społecznych i ekonomicznych. Duża część szlachty, z powodu utraty ziemi i chłopów, była zmuszona do przeniesienia się do miast i do przystosowania się do nowych warunków życiowych. Z biegiem czasu ukształtowała się z nich nowa warstwa społeczna składająca się z urzędników i innych przedstawicieli inteligencji.

Mimo to, że Mickiewicz wiedział o późniejszych losach szlachty polskiej, nie napisał o nich w swoim utworze, ponieważ usiłował utrzymać optymistyczny klimat dzieła. Chciał w nim uwiecznić i pokazać rodakom żyjącym na emigracji i w niewoli wartość patriotyzmu i siłę więzi społecznej.

Bibliography

- Davies, Norman (2006), *Lengyelország története*. Budapest, Osiris.
 Łąkowski, Rafał (1982), *Encyklopedia Popularna PWN*. Warsaw, PWN.
 Mickiewicz, Adam (ed. Włodarczyk, Barbara) (2010), *Pan Tadeusz*. Cracow, Greg.
 Popławska, Anna (2004), *Słownik terminów literackich*. Cracow, Greg.
 Witkowska, Alina (1986), *Literatura romantyzmu*. Warsaw, PWN.

Anna István

Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
istvananna@gmail.com

Jozef Ignác Bajza a feministická literárna kritika

ABSTRACT: Although Jozef Ignác Bajza's perception of women does not wholly fit the central theme of the conference, I still believe it is important to deal with this issue. The woman, or rather the mother figure as a symbol, has always played a dominant role in the Slovak literature from the beginning to the present day. This system of motives, which has developed around this feminine subject matter over the centuries, is quite complex and rich. In my presentation, I would like to highlight a couple of themes from this system of motives. I am addressing, among others, the role of Woman at the dawn of the Enlightenment, or to be more exact, how Bajza's female characters promote and even give birth to a new Slovak national identity.

Keywords: postmodernism, Age of Enlightenment, Feminist theory

Jozef Ignác Bajza sa narodil v roku 1755, v období, kedy sa zmenil filozofický podklad spoločenského myslenia celej Európy. Prehodnotil sa zatiaľ jednoznačný spoločenský hodnotový systém, zasiahol napríklad aj také jednoznačne chápané pojmy ako čas a priestor.¹ Zmena ponímania týchto pojmov súvisela s tým, že sa zmenil obraz okolitého sveta. V Európe došlo k prudkému demografickému vzrastu, k rozvoju techniky, zvýšil sa počet kolonizovaných uzemí z čoho vyplýva väčšia mobilita ľudí. Spoznávanie nových krajov pestrých spoločenských a náboženských pomerov malo na rozmyšľanie vážny dosah, vyvolalo nové sebareflexie nielen u jednotlivcov, ale aj v rozličných spoločenských vrstvách a v neposlednom rade fundovali formovanie sa moderných národov. Nový filozofický smer, osvietenstvo, je hranicou, alebo začiatok modernej doby, ktorej jednou z najvážnejších čŕt je vznik národnej identity v dnešnom zmysle.

Článok sa sústreďuje na problematiku vytvárania národnej identity v Bajzovom románe. Počas analýzy románu sa snažím nájsť vedomé a podvedomé komponenty, mocenských mechanizmov, ktoré súvisia so zmenami rozmyšľania o úlohe ženy v spoločnosti.

Slovenská národná identita v dnešnom zmysle sa začala sformovať v osemnástom storočí, paralelne s formovaním sa národných identít ďalších národov Uhorska, napríklad Maďarov a Chorvátov.

Slovenská národná identita sa formovala podľa modelu východnej Európy, treba však dodať, že pojem Východnej a Západnej-Európy, - v tom zmysle, ako ich používame v súčasnosti- sa vytvorili tiež v období osvietenstva². Tieto pojmy vychádzajú zo Západnej-Európy, ich semantickú náplň určovalo najmä francúzske spoločenské zmýšľanie: pojem Západná-Európa patril k ich sebaidentifikácii, kým pojem Východná-Európa tvoril k nemu protiklad.

Vo vyšších spoločenských vrstvách, ktorých konverzačným jazykom bola francúzština a podobne vo vrstve inteligencie, zakorenili Voltairovská idea *la grande république*, a na druhej strane Sullyho idea *respublica Christiana*. Tieto dve idey spájali predstavy o spoločnosti kresťanských národov, ktorá by sa jednotne disštancovala od Habsburskej ríše. Realita je taká, že došlo práve k opačným zmenám, Európa sa pomaly sekularizovala a tento fenomén mal dosah na miesto kresťanstvo v hodnotovom systéme.

Nové politické zariadenia t.j. mocenské mechanizmy spochybnili dovedy pevné hodnoty, ktoré nadobudli v niektorých prípadoch ráz dogiem, odpovede v súvislosti s ponímaním sveta fundované na kresťanskej viere nepostačovali, sem patria napríklad otázky dovedy klasických pohlavných úloh v spoločnosti. Popri zmeneného ponímania času a priestoru došlo k novej forme ponímania ľudského tela, najmä tela ženy.

Uvedené fakty vyvolali nové potreby, a s nimi súvisiace hľadanie nových aspektov na ponímanie na skutočnosti, v ktorej sa človek mohol identifikovať, nájsť svoje nové miesto v nej, a reflektovať na seba. Do obdobia osvietenstva základom formovania identity jednotne bolo náboženstvo, v osvietenstve však náboženstvo stratilo túto svoju rolu, na novoobjavené otázky, ktoré boli produktom doby, už nedávalo uspokojivé odpovede. Formovaniu novej identity jedinca ako člena spoločnosti a spoločnosti ktorá sa formovala v jednotný národ, zodpovedala miesto náboženstva nová nová idea. Samozrejme tieto zmeny, ktoré prinášalo v osvietenstvo boli výsledkom dlhého procesu.

Bajza sa narodil v búrlivom období, keď sa mocenské sily konfrontovali a pracovali proti sebe, myslím tu na rôzne aspekty: rýšske rozdelenie Európy, dedičné vojny, rozsah Osmánskej ríše v Európe atď.

Funkciu dominantného znaku identity čoraz viac nadobúdala národný jazyk, mladá inteligencia sa snažila nájsť svoje miesto v Európe a v novej realite a sebaidentifikáciu tiež na zklade svojho národného (materinského) jazyka v takom období, v ktorom ako to bolo vyššie spomenuté - bol francúzsky jazyk dominantným. Foucault

¹ Porov. M.Foucault

² Halecki, Oscar (2000), *A nyugati civilizáció peremén*. Budapest, Osiris-Századvég, 26., Dnes je tiež aktuálna otázka: kde patrí slovenská, ale aj maďarská spoločnosť, kde patríme. Či je to Východná-Európa, Stredná-Európa, či Stredno-Východná Európa. Západno-Europania pripadája tento región jednoznačne k Východnej-Európe.

hovorí o obrate v písaní a v nímaní jazyka³, ktorého výsledok viedol k tomu, že v Európe začali písať gramatiky, síce na latinskom základe, ale autori sa snažili aplikovať systém latinčiny na svoj materinský jazyk.⁴

Vytváraníu modernej slovenskej identity teda prekážal v prvom rade silný vplyv francúzskej identity, z druhej strany zase rakúske mocenské ašpirácie, a v neposlednom rade paralelné mocenské snahy, maďarské a chorvátske. Slovenská inteligencia bola v kolonializovanej situácii z viacerých strán, tento fenomén sa dá rukolapne sledovať na životnom osude a diele J. I. Bajzu.

Počiatky Bajzovej literárnej tvorby sa nesú v znamení peripetií spôsobených činnosťou miestnej cenzúry, ktorou bol najskôr ignorovaný, neskôr prenasledovaný. Ako 27 ročný dokončil svoju prvú literárnu zbierku, zbierku epigramov - *Rozličných veršov knižka prvňa*. Túto zbierku miestny cenzor odmietol vytlačiť, no Bajza ich viacmenej zakomponoval do svojho románu, ktorý bol prvým románom vôbec napísaným po slovensky. Prvú časť románu *Reného*, pôvodným názvom *René Mládenca Príhodi, a Skusenosti; které widal Jos. Ign. Bajza. Stránka prvňá*⁵ Bajza dokončil v roku 1782, kvôli problému s cenzúrou bol vydaný až v roku 1784 v Bratislave, vydavateľom bol Ján Michal Landerer. Na druhú časť, originálnym titulom *René Mládenca Príhodi, a Skusenosti. Stránka druhá* dostal Bajza imprimaturu videnskej ústrednej cenzúry v roku 1785 a ten istý bratislavský typograf začal dielo okamžite tlačiť. No v priebehu tlačenia ešte prvej časti sa vtedajší cenzor Trnavy dozvedel o antiklerikálnom, bohorúhačskom charaktere druhej časti a okamžite rozhodol o zákaze jeho ďalšieho tlačenia. Z tohto dôvodu nakoniec druhý zväzok nevyšiel. Rukopis diela sa stratil a známe sú len dva nedotlačené výtlačky. Druhá časť zostala nedokončená, aspoň doteraz nebol jej koniec nájdený. Dielo dostalo dnešnú podobu len v 70. rokoch 20. storočia, keď bolo pripravený jeho preklad do súčasnej slovenčiny.

S epigramami a románom J. I. Bajzu sa najmä od devätnásteho storočia zaoberali mnohí jazykovedci, historici a literárni vedci. Ide napríklad o Viliama Marčoka⁶ a jeho dlhšiu štúdiu z roku 1968, a monografiu Imricha Kotvana⁷ z roku 1975. Ich monografie a štúdie sa zaoberajú osobnosťou J. I. Bajzu, jeho životom, románom. O charaktere ženských postáv v Bajzovom románe a jeho epigramoch sa takmer nič nenapísalo.

Podľa klasických slovenských literárnych historikov Bajza nadviazal prvý slovenský román na jednej strane na tradíciu ľubostných románov v európskej literatúre a na strane druhej na tradíciu pikareskného románu a na Voltair-a, napríklad v rovine humoru, satiry, ktorá je satírou voltairovskou – ostrou, odvážnou, vtípnou. Dielo nadväzuje i na Montesquieuho, ale najmä na Fénelona a jeho *Les Aventures de Télémaque*, alebo *Príhody Telemachovy*, ktoré preložili do nemčiny v roku 1762.

Som tej mienky, že okrem vyššie uvedených prác, Bajzovo dielo, ovplyvnila aj Fénelonova druhá, po francúzsky napísaná práca, *Traité de l'éducation des filles*⁸, ktorá bola v svojej dobe veľmi populárna. Bola preložená do viacerých jazykov⁹ Rakúskeho cisárstva a uhorského kráľovstva, čo znamená, že mohla byť pre vzdelaného Bajzu dostupná.

Dve časti románu sa vzájomne odlišujú najmä v štruktúre a náplni. Hlavné postavy prvej časti aktívne participujú na rozvíjaní deja. Oni udalosti prežívajú, kým v druhej len sledujú, voltairovsky reflektujú na okolnosti a na kontext. Tu sa jednotlivé epizódy, v porovnaní s prvou časťou, len veľmi voľne spájajú v podobe „príhoda a skúsenosti“ nadväzujúc na tradíciu pikareskného románu.

Dejovou kostrou prvého zväzku je cesta Reného, hlavnej postavy románu, z Benátok do Tripolisu. Reného cieľom je spoznať svet, spoznať barbarický Východ a tajne domov priviesť sestru Fatimu, jeho dvojča, od ktorej ho ešte ako chlapca za tragických okolností odlúčili. Konveniuje to z jednej strany s tradíciou západoeurópskeho pikareskného románu, z druhej strany je to zase alúzia na historické udalosti, na tureckú okupáciu Strednej-Európy.

Moslimský kontext poskytuje podnet samozrejme na porovnanie. Podľa môjho názoru by chcel Bajza patriť k západnej Európe, k modernej západnej Európe, chcel by byť považovaný za Západoeurópana. Tento predpoklad potvrdzuje fakt, že hlavný hrdina René, z istého hľadiska vnímaný ako alterego Bajzu, pochádza z Benátok. V kontexte týchto úvah nie je náhodným faktom, či hlavný hrdina cestuje na Západ alebo na Východ. Pre jednu, práve rodiaču národnú identitu je nevyhnutne dôležité že kde je umiestnená v Európe, v tom čase,

³ Foucault, Michel (2000), *A szavak és dolgok*. Budapest, Osiris, 54.

⁴ http://szlavintezet.elte.hu/szlavtsz/slav_civil/documents/szllovak-nyelv.pdf

⁵ Iné, skoršie texty: Bajza, Jozef Ignác (1955), *René mládenca príhodi a skusenosti*. Bratislava, SAV, Bajza, Jozef Ignác (1976), *Príhody a skusenosti mladika Reného*, Bratislava, Tatran.

⁶ Marcok, Viliam (1968), *Počiatky slovenskej novodobej prózy*, Bratislava, SAV.

⁷ Kotvan, Imrich (1975), *Literárne dielo Jozefa Ignáca Bajzu*, Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo.

⁸ Fenelon, François (1739), *De l'éducation des filles, Instruction pour une jeune princesse, La Chetardye*, Amsterdam, L'Honore. , po nemecky: Fenelon, François (1823), *Über Mädchen-Erziehung nebst einem Briefe des Verfassers an eine hohe Dame über die Erziehung ihrer einzigen Tochter*, Wien, Leop. Grund.

⁹ Do nemčiny v roku 1762, v roku 1814 do češtiny (Fenelon, François de Salignac de la Mothe, *Prjbehové Telemacha, syna Vlysowa, sepsaný od Frantisska Fenelona* ; z gazyka Francauzského přeložený od Josefa Liboslawa Ziegleram, W Praze : W České nowinářské expedycy, 1814), v roku 1755 a do maďarčiny (Fénelon, François de Salignac de la Mothe, *Telemakus bujdosásának története, melyeket ... ír Fenelóni Saligniák Ferenc* ; magyarra ford. Hallerkői Haller László ; most pedig ... költségével ki-nyomatattott szalai Barkóczi Ferencz, Kassán, az akadémiái betűkkel, 1755. ; Klaniczay Tibor (1964), *A magyar irodalom története 1600-tól 1849-ig.*, Budapest, Akadémiai Kiadó, 548–550.)

rovnako ako i dnes¹⁰. Tento cestujúci subjekt musí v tomto prípade cestovať na Východ, aby sa poukázalo na skutočnosť, že je človekom zo Západu. V opačnom prípade, teda ak by cestoval na Západ, by sa zdalo že je človek z Východu. Toto je jedna z jeho autorových metód na uztváranie identity. Druhú predstavuje sebadefinovanie prostredníctvom vymedzovania sa voči ženám. V tomto kontexte je Východ tou druhou – the other¹¹ –, a zdruhej stránky žena tvorí identitu mužovi.

V súčasnosti veľmi populárne a rozšírené trendy postmodernej literárnej vedy, spoločným menom poskultúrna kritika: kultúrny materializmus, nový historizmus, postkoloniálna literárna veda, a najmä feministická literárna kritika, sa opierajú o klasickú a modernú tradíciu hermeneutiky a často používajú metódu opätovného čítania klasických románov. Jeho podstatu tvorí skutočnosť, že čitateľ, prijímateľ číta zaostrovane. Zameriava sa na jednu cieľovú skupinu. K takejto atitúde tvorí pozadie taký spôsob zmyšľania, že štruktúru literárneho diela modifikujú latentné, skryté kontextuálne a kultúrne účinky, počas vytvárania jeho zmyslu. Tieto účinky majú charakter túžob a mocenských snáh.¹² Napriek spoločným črtám rozličných postmoderných literárnokritických škôl, sa k analýze Bajzových ženských postáv najviac hodí feministické literárna kritika.

Feministická literárna kritika sa zaoberá ženským subjektom v zmysle ženského princípu. Delí sa na rôzne smery a prúdy, pričom tie používajú rôzne metódy. Analyzuje špecifickosť pozície ženy v role čitateľky, alebo spisovateľky atď. Z feministického výkladu si vyberám tie momenty, metódy, ktoré mi pomôžu odpovedať na otázky, ktoré som si stanovila. Počas interpretačného procesu sa nekonštruuje interpretácia, alebo výklad, ktorý by bol definitívny, štruktúrne dokončený. Stále sa objavujú nové otázky a výklady. Cieľom je, aby sa do popredia dostali stáročiami zaužívané stereotypy, patriarchálne a mocenské mechanizmy. Otázka identity v kontexte národnej identity a základné okolnosti jej zrodu súvisia s postavou ženy a matky. Ako to odráža aj skutočnosť vzniku Matice slovenskej „Matky Slovákov“ a s ňou súvisiace názory romantizmu o úlohe matky v kontexte reprodukcie slovenskej kultúry a jazyka. Pretože primárne jazyk túto národnostnú identitu determinuje a vytvára. Tieto súvislosti potvrdzuje u Bajzu ako tvorcu fakt, že jeho román sa zrodil z dôvodu, aby varieta jazyka, ktorú Bajza mal v úmysle povzdvihnúť za spisovnú, bola reprezentovaná zábavným románom, ktorý by prispel k rozšíreniu tejto formy štandardizovaného jazyka. Žáner pikareskného románu sa v tej dobe ukazoval za vhodný na popularizovanie slovenského jazyka, paralelným príkladom je román Ignáca Mészárosa Kardigám, ktorý sa v krátkom čase dožil štyroch vydaní.¹³

V prvom slovenskom románe vyznieva zobrazenie žien veľmi lichotivo. Hoci, ako o tom hovorí aj história literatúry, Bajza čerpal námety z európskych ľubostných románov, v ktorých úcta k žene vlastne ozdobuje opäť muža – je jednou z rytierskych cností, ako prejav mužskej veľkorysosti silnejšieho voči slabšiemu – teda nie ako rovnocenné ľudské partnerstvo.

Ako literárny historik Kusý píše: „Pred ňou – Timravou – bola žena v slovenskej literatúre iba ideálom muža, objektom jeho lásky, príveskom jeho činnosti udržiavateľom rodinného kozuba a na starosť dobromyselnou či hádavou tetuškou.“¹⁴

Bajzove ženské postavy sa delia na dve skupiny. Do prvej patria tie dve ženy ktoré dostali meno, sú pomenované, konkrétne Hadixa a Fatima, do druhej patria tie ktoré nedostali, ich mená sú zamlčané, sú to substantíva so širšou sémantikou ako matka, vdova, mníška.

Najprv by som chcela rozoberať prvú skupinu, a chcela by som nájsť odpoveď - alebo aspoň pokúsiť sa - na nasledujúce otázky: prečo je Fatima ale najmä Hadixa taká vzdelaná? Prečo vybral Bajza tieto dve mená, Hadixa a Fatima, respektíve, prečo vybral meno Mohamedovej, ženy a meno jeho najobľúbenejšej dcéry?

Bajza podobne charakterizuje svoje dve hlavné ženské postavy, teda Fatimu a Hadixu. Obidve sa socializovali a boli vychovávané v mohamedánskom prostredí, s tým rozdielom, že Hadixa je pôvodom mohamedánka, ale chce bývať, existovať v kresťanskom prostredí, a Fatima je pôvodom kresťanka.

Fatima, Reného sestra bola vychovávaná v mohamedánskom prostredí, na Východe. Ženy, v tom čase ako už v súčasnosti známe, bez ohľadu na ich pôvod ženy na Východe vzdelávali, mali učiteľov. Učili ich jazyky, činnosti potrebné pre každodenný život a najmä umenie lásky (špeciálne potreby pre hárem).

Z tohto hľadiska by nebolo prekvapujúce, že Bajzove postavy sú také vzdelané. Ale na druhej strane Bajzove postavy sú práve preto vzdelané, aspoň podľa mojho názoru, lebo sú pôvodom kresťanky, pochádzajú z kresťanského prostredia, alebo- a to je ešte dôležitešie - sa chcú stať kresťankami, lebo Bajza toto mohamedánske prostredie zobrazuje na podklade osvietenstva, presnejšie, z pozície katolíka s moderným zmyšľaním, ktorý je proti mohamedánstvu. Bajza sa ich charakteristikou v uvedenom zmysle prejavuje ako

¹⁰ O tom podrobnejšie: Wolff, Larry (1994), *Investing eastern Europe, The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*, California, Stanford, Stanford University Press.

¹¹ Pojem the Other používam vo význame akom ho chápu Simone de Beauvoir a Edward Said. Používanie anglického výrazu je vhodnejšie, pretože umožňuje vyhnúť sa úskaliam, ktoré prináša práca s jeho slovenským variantom, t. j. napr konotácie rodu.

¹² *A háttérben az a meggyőződés áll, hogy az irodalmi mű struktúráját a jelentésképzés során rejtett kontextuális, kulturális behatások módosítják. Ezek a hatások vágy és hatalomtermészetűk.* Bókay Antal (2006), *Bevezetés az irodalomtudományba*, Budapest, Osiris, 273.

¹³ Mészáros Ignác: *Buda várának viszszavételekor a' keresztények fogságába esett egy Kartigam nevű török kis-aszszonyak ... történeti, mellyeket ... fel-jegyzésekből magyar nyelvre foglalta Mészáros Ignác.* Posony : Landerer Ny., 1772.

¹⁴ Kusý, Ivan (1971), *Timrava je prameň poznania človeka*, in *Timrava*, Zlatý fond, Bratislava, Tatran, 14.

osvietený racionalista a osvietenec stúpenec jozefínskych reforiem. Práve preto nie je prekvapujúce, že jeho ženské postavy sú vzdelané, zodpovedajú totiž osvietenskému obrazu žien.

Obidve, ako hovorí narátor, podobne rozmyšľajú o svete, obdivujú cudzích, cestovateľov, zaujímali ich jazyky, veda. Takto sa dostal napr. René do dvoru pašovej dcéry, ktorá ho hneď spoznala. *"Panna si už v detstve natoľko obľúbila cudzincov, najmä Európanov, že sotvaktorý za návštevy Tripolisu nebol by hosťom aj v dome jej otca. Ona si už vymyslela dajakú zámienku, aby mohla pozvať k sebe každého cudzinca. S veľkou záľubou totiž počúvala ich rozprávania o mnohých našich pekných obyčajach a pritom sa čudovala i pohoršovala, že jej krajanovia ešte stále hnijú v hlúposti a divosti, hoci už aj nie takej ako kedysi. No čo všetkých najväčšmi udivovalo, bola jej dobrota voči vyznavačom inej viery."*¹⁵ Narátor sa podobne vyjadruje aj o Hadixe, dcéry mufti-ho, spája ich aj fakt, že obidve pochádzajú z bohatej, vysoko postavenej rodiny: *"Nech už vplývalo na muftiho čokol'vek, určite patril medzi takých, ktorí sa usilujú svoje deti povzniesť z neznesiteľnej hlúposti predkov. Dcéru mal už síce dosť vzdelanú na jej postavenie, takže sa René nemálo čudoval, čo chce ešte vedieť a čo túži dosiahnuť. ...nepobadal ani u nej, ani u iného nijaké očividné podkušovanie, nik mu neublížil ani len krivým pohľadom, čo v takom dome znamenalo veľa."*

Samozrejme, ani v jednom prípade sa nevyskytla tá možnosť, že dievčatá by zasvätili otca do pravdy, napr. Fatimin otec zomrie bez odhalenia klamstva, že vychoval nevlastné deti. Alebo Hadixin otec zase vďaka hlúposti, radšej veril dervišovi, ako svojej dcére. Bez rozmyšľania by obetoval jej život pre mohamedánsku vieru.

Reného sestra, ako charakter lešie vyhovuje obrazu ženy osvietenstva, poslúcha najprv otca, potom brata napr. keď následkom udalostí sa rozhodnú Fatima s Reném o úteku z Východu. Fatimu nakoniec uniesol jeden falošný pútnik, Aboris. Fatima v presvedčení, že útek zorganizoval René, utiekla s ním. V skutočnosti ju uniesol Aboris z lásky. *"Za celý tento čas panna sa ničomu neprotivila, ba tešila sa zdarnému splneniu svojej túžby v domnienke, že to René z nedočkavosti podnikol všetko skôr, múdro vymyslel spôsob a poslal po ňu preoblečených služobníkov. Ale keď sa na lodi rozhladela, videla okolo seba miesto prestrojených námorníkov skutočných musulmanov s oholenými hlavami. Keď sa dopytovala na Reného, pristúpil k nej ten istý mužský, čo ju na rukách odnášal z mesta, no teraz vošiel vyobliekaný, ako sa svedčí na zbojníckeho harambašu. ... Nikoho nechcela ani vidieť, z celej sily každého odsacovala a neprestávala sa vyhrážať, že radšej sa zmární vlastnou rukou, než by pristala na takého lotra ako ženícha a nehanebného milenca."*¹⁶

Dôležité je zdôrazniť, že sa jej nikto nepýtal, čo chce ona sama. Ona bola presvedčená, že ju uniesol René, preto bola poslušnou ženou, utiekla s ním. Fatima bola príveskom jeho činnosti. Fatima sa pomocou Van Stiphouta dostane domov, k vlastnému otcovi, do Benátok. Ako kresťanka od malička sa správa ako žena z Benátok, splňa očakávania. Nakoniec sa Fatima chce vydať za Van Stiphouta, keďže je on kňaz, nie je to možné.

Ďalšia hlavná postava, Hadixa je najkomplexnejší ženský charakter. Hadixino meno, podľa literárnej vedy pochádza z Koránu, prvá žena Mohameda bola totiž Khadidzsa. Bola členkou bohatej rodiny. Mala viac mužov. Ako vdova sa stretla s mladým Mohamedom, a ponúkla mu prácu. Mohamedovi bola verná. Ona, Hadixa, bola jeho prvá veriaci, prvá muzulmánka. Fatima bola prvá Mohamedova a Khadidzsina dcéra. Podľa tradície Fatima bola jeho najmilšou dcérou. Ona figuruje v románe ako najaktívnejšia postava, je dôrazne prítomná v dejí a výraznejšie riadi udalosti. Často počujeme jej hlas a myšlienky. Literárni historici o nej napísali, že je cieľavedomá, múdra, šikovná a žena *"krv a mäso"*¹⁷. Hadixa sa zaľúbila na prvý pohľad, *"...lámala si preto hlavu, vyhutovala a neprestávala vo dne v noci premýšľať, ako by ho čo najpreľikanejšie a najľahšie vohnala do nastaveného osídla."*¹⁸ Keď vysvitne, že René je Ibrahim, syn belgerbega, jej snúbenec z detstva, a on, znovuzrozený René sa nechce stať mohamedánom, rozhodne sa, že utečie. Ďalšími príkladmi sú, keď Hadixa odkryje masku falošného doktora, ktorý je do nej zaľúbený a aj šarlatána derviša. Ona zachráni Reného život, keď sa odhalí ich vzájomná láska atď.

Na tomto bode by som sa chcela vrátiť k spomenutej štúdiu, Felonona o vychovávaní dievčat. Hoci Bajza možno nepoznal túto štúdiu, európska tradícia ju zdedila. Bola všeobecne známa vo francúzskom a nemeckom prostredí. Felonón hovorí, že čím sú dievčatá slabšie, tým viac potrebujú zmocniť, lebo majú povinnosti, ktorými zabezpečujú budúcnosť a základ ľudstva. Ženy, matky zabezpečujú rodinu, najmenšiu jednotku spoločnosti. Čestná, skromná, pobožná žena-manželka je dušou rodiny. Drží poriadok rovnako pre tunajší ako aj pre záhrobný a posmrtný život. Ak za mužom nestojí takáto žena, nespraví na svete nič dobré, hovorí Felonon. Podľa Felonóna je isté, že nesprávne vychovávanie dievčat a zapríčiní viac škody, ako zlé vychovávanie chlapov, lebo chyby chlapov pochádzajú obyčajne z chýb žien, ktoré ich vychovávali, alebo ich obklopovali. Ergo, pri koreni chýb a dobroty mužov sú ženy. Táto naratíva upozorňuje, ako má žiť žena, aby vyhovovala obrazu osvietenstva o ženách

¹⁵ Bajza Jozef Ignác (1976), *Príhody a skúsenosti mladíka Reného*, Bratislava, Tatran, 30-31.

¹⁶ Bajza, Jozef Ignác (1976), *Príhody a skúsenosti mladíka Reného*, Bratislava, Tatran, 58.

¹⁷ Tibenský, Ján, *Oslobodenie znovuzrozeného Reného*, in Bajza, Jozef Ignác (1976), *Príhody a skúsenosti mladíka Reného*, Bratislava, Tatran, 14.

¹⁸ Bajza, Jozef Ignác (1976), *Príhody a skúsenosti mladíka Reného*, Bratislava, Tatran, 61.

Prečo sformoval Bajza takto ženu? Prečo je Hadixa taká múdra, vzdelaná a tvorí kontrast k iným ženám, ktoré sú vykreslené opačným charakterom?

Otázky sa vnučujú aj preto, lebo krásna a múdra, príliš vzdelaná žena je podľa Bajzu nebezpečná ako diabol. Nemožno zabudnúť na iné dobové okolnosti: na reformy Márie Terézie a Jozefa II. Status žien sa začal veľmi pomaly meniť. V roku 1760 v Bratislave založili mníšky školu Notre Dame, v Trnave Uršulínky zabezpečovali chod internátu pre dievčatá šľachtického rodu. Mária Terézia v roku 1770 založila v Budíne meštiansku školu, ktorú mohli navštevovať už aj dievčatá, ktoré sa tu učili francúzštinu, nemčinu, hudbu, atď. Pragmatica sanctia zaisťovala nástupníctvo na trón i po ženskej línii a tento zákon mal aj širšiu platnosť, platil nielen pre panovnícky rod, zabezpečoval dedičné právo ženám v celej krajine. Je to závažný moment, ktorý prispel k postupnej zmene postavenia žien. Zúžiac problematiku na jej literárny odraz, na tradície pikareskného románu, vrátane Mészárosov román Kartigám, podobné ženské postavy nie sú jedinečným javom, vynálezom Bajzu. Začleňujú sa do dobového trendu.

Úlohu ženy, ktorú Fenelon určil ako správnu výchovu nasledujúcej generácie, a ako sa to javí u stúpcov osvietenstva, vidia podobne aj v období romantizmu. Model obrazu ženy a rodiny, ktorý prevzala generácia romantizmu, má svoje racionálne aspekty, žena je tá, ktorá sa stará o dieťa v útľom veku, opatruje ho, vytvára jeho identitu. Reprodukujú sa takto z generácie na generáciu aj nerovnosť medzi pohlaviami, t.j. ďalšia zložka osvietenskej ideológie.

Vyššie som uviedla ako príklad symbol Matice slovenskej ako matky, pôvodný osvietenský vzor rozšírila generácia romantiky a prispôsobila požiadavkám doby. Na začiatku národného obrodzenia plní Matica slovenská (podobne aj Matica iných slovanských národov) funkciu matky, ktorá zaručuje identitu ďalších generácií. V Maticе slovenskej ako symbole sa realizuje patriarchálna moc na úrovni štátu.

Som tej mienky, že Hadixa nereprezentuje modernú ženskú emancipáciu, naopak, stelesňuje tradíciu, prenejšie mám tu na mysli kresťanskú tradíciu: Panna Mária ako darkyňa matérie duši, prostredníctvom ktorej sa definuje duch ako konkrétum, stáva sa ohraničeným ako hmota, t.j. ako telo. Podľa feministickej kritiky, žena je tým subjektom, ktorý je potrebný k vytvoreniu celku. Žena je vtomto chápaní symbolom tela, je materiálnym princípom. Ona je tá druhá, the other, fenomén, proti ktorému sa muž interpretuje a definuje, spĺňa jeho sebareflexiu. Analogicky, ako Západ proti Východu. Ak by som chcela ďalej rozvádzať túto myšlienku, na základe literárno-vednej disciplíny Trauma a Gender by som dospela k záveru, ktorý vedie ďaleko: na spoločenskej rovine je žena (Matica slovenská ako symbol matky) riešením, rozuzlením traumatického stavu, ktorý vyplýva z historickej situácie, že Slováci nemajú v tom čase samostatný štát. Snahu na národnú svojbytnosť predstavuje u Bajzu názov „Uhro-slovák“,¹⁹ ako sa sám identifikuje, t.j. uvedomuje si svoju slovenskú národnosť v rámci Uhorska. Krížia sa tu dvojaké identity, patričnosť k štátu a modernejšia, patričnosť k národu, k jazyku.

Patrí sa stručne charakterizovať aj druhú skupinu žien a najmä jednu ženskú postavu, matku dvojčiat, ktorá v románe nie je pomenovaná. V druhom zväzku Reného, Van Stiphout a ich sprievodca cestujú rôznymi krajinami. Dej sa odohráva v severnom Taliansku, Rakúsku a najmä na dnešnom Slovensku, obsahuje hodnoverné vystihnutie konkrétnej skutočnosti. V druhej časti sa vôbec nenachádzajú ženy, ktoré vystupovali v prvej časti. Keďže Bajza svoj román nedokončil, nevieme akú rolu určil ženám z prvej časti románu, či sa René sa vráti k Hadixe, vezme si ju za ženu atď. Ženské charaktery druhého zväzku románu, keďže nemajú vlastné meno, závažný identifikačný znak, „sú nemé“. Literárna veda túto metódu zobrazovania postavy pomenúva ako *Rhetorik des Schweigens*, alebo *The Muteness Envy*, resp. *Languages of the Unsayable*. Fenoménu venovali hlbšiu pozornosť Culler, Iser, Susan Sontag atď. Nemám v úmysle zoširoka rozoberať tento problém a jeho filozofický, literárno-teoretický kontext, chcela by som sa o ňom zmieniť len stručne. Podľa môjho názoru sú tieto postavy prítomné v románe len ako sociálne role: mníška, žena-manželka, vdova. Sú nositeľkami spoločenských problémov svojich sociálnych vrstiev ako symboly. Nevytvárajú nosnú os deja a nedotvárajú ideál ženy podľa osvietenského modelu, sú epizódmi obrazu doby a spoločstva.

Na základe teórie a *Thomasa Laqueura*²⁰ sa obraz ženy a ponímanie jej úlohy v spoločnosti začal meniť práve v dobe osvietenstva, kedy najzávažnejším formujúcim sa javom bol vznik národnej identity. Analýzou Bajzových ženských postáv som sa snažila poukázať na aspekty ako tieto dva fenomény súvisia. Môj uzáver je taký, že Bajzove zobrazenie ženy, a takisto aj jeho nasledníkov z tohto netradičného pohľadu môže byť základným kľúčom k ďalším výskumom národnej identity, najmä k literárnemu odrazu tejto problematiky.

¹⁹ Porov.: Škultéty, Jozef (1928), *O Slovákoch*. Turócszentmárton : [Matica Slovenska], 54. „...keď sa jeho [Bernolák] starší druh Bajza pomýlil a napísal: „Uhro-Slováci“...“

²⁰ Laqueur, Thomas (2002), *A testet öltött nem, Test és nemiség a görögöktől Freudig*, Budapest, Új Mandátum Könyvkiadó.

Literatúra

- A bécsi Pázmáneum*, szerk. ZOMBORI, István, Budapest, METEM, 2002.
- Bajza, Jozef Ignác (2009), *Dielo*, Bratislava, Kalligram.
- Bajza, Jozef Ignác (1976), *Prihody a skusenosti mladika Reneho*, Bratislava, Tatran.
- Bajza, Jozef Ignác (1955), *René mláďenca príhodi a skúsenosti*, Bratislava, SAV.
- Kotvan, Imrich (1941), *J. I. Bajza a slovenská reč*. Bratislava, SAV.
- Kusý, Ivan (1971), *Timrava je prameň poznania človeka*, in *Timrava*, Zlatý fond, Bratislava, Tatran.
- Laqueur, Thomas (2002), *A testet öltött nem, Test és nemiség a görögöktől Freudig*, Budapest, Új Mandátum Könyvkiadó.
- Magyarországi jezsuita könyvtárak 1711-ig, 2. Nagyszombat, 1632-1690*, szerk. Keserű Bálint (1990-1997), Szeged, Scriptum.
- Marčok, Viliam (1968), *Prvý slovenský román*, in *Počiatky slovenskej novodobej prózy*. Bratislava, Vydavateľstvo SAV.
- Maros Andor, *A cenzúra*, Budapest, Népszava Könyvkiadó, [1947].
- Müller Lajos (1926), S.J., *A római index, Nevezetesebb tiltott könyvek jegyzéke*, Budapest, A „Magyar Kultúra” kiadása.
- Wolff, Larry (1994), *Investing eastern Europe, The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*, California, Stanford, Stanford University Press.
- Schermann, Egyed (1928), *Adalékok az állami könyvcenzúra történetéhez Magyarországon Mária Terézia haláláig*, Budapest, Stephaneum Nyomda és Könyvkiadó R. T..
- Tibenský, Ján (1955), *Jozef Ignác Bajza*. Bratislava, Vydavateľstvo SAV.
- Tibenský, Ján (1966), *K sporu a polemikám J.I. Bajzu s bernolákovcami*, in *Bernolákovské polemiky*. Ed. Imrich Kotvan Bratislava, Vydavateľstvo SAV.

Analogije u filmu *Spaljivač leševa* Juraja Herza

ABSTRACT: *The paper examines the question and the function of analogies as author's (subjective) stylizations in Juraj Herz's film The Cremator. In The Cremator we can notice two types of analogies, which are both similar to paralogy: (1) simple analogies and (2) extended analogies. This paper explores how they influence on our experience of watching the movie and how they provoke specific moods and emotions in the film viewer. Keywords: The Cremator, Juraj Herz, analogy, stylization, Czech New wave*

1. Uvod

Film *Spaljivač leševa* Juraja Herza snimljen je 1968. godine u vrijeme čehoslovačkog filmskog novog vala te utjelovljuje nove tendencije koje su u čehoslovačkoj kinematografiji zamjetne od ranih 1960-ih i koje su trajale sve do 1968. godine. Ključno obilježje čehoslovačkog novog vala – što potvrđuje i Herzov film – jest to da redatelji koji su doprinijeli njegovoj međunarodnoj afirmaciji napuštaju zahtjev iz 1950-ih za ideološkim imperativima tzv. «angažiranog filma», a u prvi plan dopijeva autorsko, subjektivno viđenje svijeta (Ptáček 2000: 233). To je rezultiralo potiskivanjem važnosti zapleta u drugi plan, a od sukcesivnih narativnih nizova (odnosno pobjedničkih herojskih priča koje postaju paradigmatičke u kontekstu vladajuće ideologije) važniji postaju atmosfera trenutka i emocionalna stanja pojedinaca (Ptáček 2000: 234). Da bi to realizirali na što inovativniji način, novovalni redatelji nerijetko su pribjegavali različitim nekonvencionalnim narativnim strategijama i stilizacijama (Turković 2008) u izlaganju filmske priče.

Svrstavanje filma *Spaljivač leševa* u navedeni filmski korpus može se lako opravdati. Dovoljno je obratiti pozornost na neke od autorski obojenih (subjektivnih) postupaka koji se u filmu pojavljuju, kao što su korištenje ribljeg oka ili ekstremnih i deformiranih detalja, kojima se gledateljeva pažnja održava u pojačanoj budnosti i kojima se u njemu izazivaju osjećaji straha, nelagode ili šoka. Ipak, u središtu naše pozornosti bit će jedan drugi tip autorske intervencije, a to je filmska analogija koja u *Spaljivaču leševa* nosi pečat stilizacije.

2. Analogije

Radnju filma *Spaljivač leševa* možemo sažeti nekoliko rečenica: zaposlenik praškog krematorija Karel Kopfrkingl u osvit Drugog svjetskog rata postupno prelazi na stranu nacizma te mu se u želji za moći i karijerom pomrači um. Budući da mu je supruga napola Židovka, čime i njegova djeca imaju židovske krvi, Karel naposljetku ubija suprugu i sina, dok njegova kćer uspijeva pobjeći i spasiti se od pomahnitalog oca. Na kraju filma po Karela dolazi automobil koji ga odvođa u nepoznato. Kao što vidimo, kostur radnje prilično je jednostavan. No njegova „dubina“ i semantička kompleksnost leže u minuciozno razrađenoj psihologizaciji te uvjerljivom prikazu duševnog kraha glavnog lika. Kako bi što vjernije dočarao njegovu mahovitost, Herz je, između ostaloga, u filmu koristio i brojne postupke analogija. Želeći pojednostaviti njihovu analizu, podijelit ćemo ih u dvije skupine:

- (1) Jednostavne analogije (analogije na razini jezika)
- (2) Proširene analogije (analogije na razini jezika i slike)

Pokušat ćemo ova dva modela razjasniti na odabranim primjerima iz filma.

2.1. Jednostavne analogije (analogije na razini jezika)

Uz izuzetak SS-ovca Reinkea koji mijenja njegov svjetonazor iz negacije nasilja u njegovu afirmaciju i realizaciju, jedini lik koji u *Spaljivaču leševa* zaista govori jest Karel Kopfrkingl, a svi ostali uglavnom šute. Na planu verbalnoga iskaza film se većinom i sastoji od Karelovih ispraznih monologa uz prijetvorno osmjehivanje. Kopfrkingl kao da ima svojevrsni monopol na planu jezika, dok su ostali prava na nj lišeni (Kovalčik 2006: 97). Njegovi su hipnotički monolozi beznačajni: oni vrve pukim frazama i pitanjima na koje on ne očekuje odgovore, a niti njegovi sugovornici (zapravo tek pasivni slušatelji) imaju namjeru na njih odgovarati.

Ono što Kopfrkinglove besmislene monologe čini neobičnima jest neprestana uporaba «uvrnutih» usporedaba koje u svijesti glavnoga lika figuriraju kao analogije. Dva člana koji čine njegove usporedbe, to jest analogije, nisu kompatibilni, oni su nespojivi – a upravo je to njihovo ključno obilježje. Ali Kopfrkingl ih svejedno združuje u cjelinu (analogiju), bez obzira što „normalan“ čovjek između njih po svoj prilici ne bi prepoznao neke dublje i čvršće logične poveznice, već bi ih okarakterizirao kao morbidne ili groteskne. Takve analogije shvatljive su jedino ako se uzme u obzir cjelina (čitav film, odnosno naše cjelokupno iskustvo gledanja filma), dok bi izvan te cjeline prije bile bliže paralogiji. Mi ih možemo razumjeti u kontekstu Karelova ludila, a izvan tog konteksta one bi predstavljale nešto poput logičkog nesporazuma.

Navest ćemo nekoliko primjera iz filma. Karel je zaposlen u krematoriju i u potpunosti je zaokupljen smrću i svojim „voznim redom smrti“. U svojim monolozima on neprestano dovodi u analoški odnos krematorij ili nešto što je s njime tijesno povezano s jedne strane te svoj privatni, obiteljski život s druge strane. U sceni u kojoj se nalazi u krematoriju s novim zaposlenikom Dvořákom, Karel krematorij odnosno osjeća koji ga obuzimaju kada ulazi u njega uspoređuje s vlastitim brakom. Mi „osjećamo“ da između ta dva člana analogije nema čvrste poveznice koja bi ih združila po načelu sličnosti, budući da je krematorij (smrt) u našoj svijesti tradicionalno

nosilac negativnog, a brak pozitivnog predznaka, osim ako nismo skloni morbidnom humoru. No Karel to izgovara s krajnjom ozbiljnošću, što izaziva efekt začudnosti ili nas barem zbunjuje. Naše nam iskustvo govori da je tu nešto čudno i neprirodno; no s aspekta ludila glavnoga lika ova je analogija i više nego na mjestu.

U Kopfrkinglovu opsesivnu pričanju o krematoriju, smrti i spaljivanju morbidne usporedbe ovakvog ili sličnog tipa vrlo su česte. Sve oko sebe – svoju svakodnevnicu i obiteljski život – on dovodi u vezu sa smrću, krematorijem, grobljem: božićne svijeće za stolom povezuje sa svijećama na groblju, peći za kremiranje podsjećaju ga na peći u kojima se peče „kruh naš svagdašnji“ itd.

2.2. Proširene analogije (analogije na razini jezika i slike)

Druga skupina analogija koje se pojavljuju u *Spaljivaču leševa* kompleksnija je od onih koje se realiziraju jedino na razini jezika. Ove analogije su proširene – ne ostvaruju se isključivo na razini verbalnog iskaza, već njegovim kombiniranjem s kadrovima koji ga prate ili slijede nakon njega. Vizualni aspekt ove analogije često predstavlja negaciju verbalnog aspekta, a to je – kako smo već uočili – slučaj i s verbalnim sastavnicama jednostavnog tipa analogije. Gledatelja to navodi da Karelovim iskazima pristupa s rezervom, da se spram njih distancira ili dodatno preispita njihovu istinitost.

Kao primjer nam može poslužiti uvodna scena filma koja prethodi špici, a u kojoj se Karel s obitelji nalazi u zoološkom vrtu. Stojeći ispred paviljona grabežljivih zvijeri, Karel se obraća svojoj ženi. U jednom od brojnih monologa, on moralizira o ljudskoj sklonosti osuđivanju drugih bez sagledavanja vlastitih mana, da bi zatim izjavio kako neprestano ima osjećaj da premalo čini za obitelj i da bi za nju trebao bolje brinuti. Ovaj Kopfrkinglov govor prate detalji njegova lica koje isprijecaju kadrovi (često također detalji) analognih dijelova tijela zvijeri u kavezima. Tako se izmjenjuju detalji Karelova oka, uha, usta ili čela s pretjeranim detaljima očiju, ušiju ili čeljusti raznih grabežljivih životinja. Kada Karel govori što je sve učinio za svoju obitelj (misleći na kupnju stana), slijedi kadar u kojem se pojavljuje razjapljen čeljust krokodila s velikim predatorskim zubima; drugi puta kada govori o istome u kadru se pojavljuje glava tigra iza rešetaka.

Naše gledalačko iskustvo govori nam da s ovim analogijama „nešto nije u redu“ i da funkcioniraju po drukčijim načelima od onih na koje smo mi navikli u našoj zbilji. Situacija u kojoj Karelov moralizatorski govor o ljudskom licemjerju prate kadrovi u kojima su prikazani analogni detalji pojedinih dijelova Kopfrkinglove i životinjskih glava, načelno ne idu jedno s drugim. Osim što u nama izazivaju nelagodu, oko leoparda ili razjapljen čeljust krokodila upućuju i na opasnost, na što upozorava i Kovalčik (2006: 93) kad razmatra istoimeno djelo Ladislava Fuksa, koje je poslužilo kao predložak filmu. Oni mogu imati funkciju upozorenja gledatelju da ne nasjedne na njegovu Karelovu lažnu masku predanog obiteljskog čovjeka bez poroka i da bude na oprezu u vezi njegovih demagoških govora (Kovalčik 2006: 96).

Analogije na razini jezika i slike (a to vrijedi i za one koje se ostvaruju samo na razini jezika) u filmu su na neki način *iznevjerene* u odnosu na analogije koje su nam logične na temelju našega iskustva. U filmu one funkcioniraju po principu sličnosti, koji postaje faktor združivanja, ali radi se o sličnostima iz „različitih razina zbilje“ i različitih predznaka. Uzimamo za primjer Kopfrkinglov govor u krematoriju: kad govori o patnji i smrti, citirajući riječi iz knjige o Tibetu „Patnja je zlo koje treba eliminirati ili barem ublažavati“, prikazuju se kadrovi pojedinih detalja slike koja se nalazi iza njega. Riječ je o apokaliptičnim, naturalističkim ili uznemirujućim detaljima prestravljene konjske glave, kostura, obnaženih ženskih tijela, dakle nečega što ne bismo očekivali u situaciji u kojoj Karel govori o „uzvišenim“ stvarima ili višim idealima čovječanstva. Drugim riječima, ti su kadrovi u koliziji s onime što je sadržaj njegova govora.

Isto vrijedi i za one analogije u kojima je naglasak stavljen na vizualno povezivanje susjednih kadrova, odnosno njihovoj montaži. No zanemarit ćemo analogije koje su montažom postignute unutar jedne scene i okrenut ćemo se onim međuscenskim analogijama koje se ostvaruju kombinacijom posljednjeg i prvog kadra dviju susjednih filmskih scena te govora glavnog lika, a koje imaju funkciju stilizacije.

Posebnost takvih analogija sastoji se u tome što verbalni iskaz prati montaža na način da se jedan dio posljednjeg kadra prve scene direktno prenosi u početni kadar sljedeće scene, pri čemu se Herz ponovo vodi principom sličnosti. U određenim slučajevima takvi postupci isprva u nama izazivaju zbunjenost, začudnost i nesnalaženje u praćenju filma, no vrlo brzo sposobni smo se orijentirati u odnosima kadrova koji su obuhvaćeni takvim analogijama. Nakon što, primjerice, Kopfrkingl u krematoriju Straussu pokazuje knjigu o Tibetu, u sljedećem kadru mi ga vidimo kako i dalje drži tu knjigu i govori o njoj. Budući da nije prikazano okruženje u kojem se Kopfrkingl nalazi, mi i dalje očekujemo da priča sa Straussom. No pokazuje se da Kopfrkingl stoji za govornicom, započinjući svoj govor o prednostima kremiranja. Premda nas ovakvo povezivanje susjednih kadrova u prvom trenu zbunjuje i poigrava se s našim očekivanjem (jer mi u tome trenutku očekujemo da se Kopfrkingl i dalje obraća Straussu, a ne cijelom auditoriju), ubrzo smo sposobni mirno nastaviti pratiti izlaganje filmske priče.

No ono što nas u većoj mjeri zbunjuje, ali i potiče da razmišljamo o prirodi takvih postupaka koji odudaraju od naših očekivanja, jesu one analogije koje su isključujuće jedna spram druge. Takvo analoško prenošenje elemenata (dijelova kadrova) iz jedne scene u drugu Herz opet „opravdava“ principom sličnosti, no situacije u kojima se oni pojavljuju u potpunosti su različite i međusobno isključujuće. Motiviranost ovakve analogije čini se nelogičnom i ničime opravdanom, jer naše nam iskustvo govori da element koji se prenosi iz jednog kadra u

drugi ne može biti faktor povezivanja dviju scena čiji bismo odnos mogli nazvati konfrontacijom. Herz krši upravo to načelo, postićući tako snažan efekt začudnosti, a zadržavajući pritom stabilnost logične sukcesivnosti filmskih scena.

Objasniti ćemo to na primjeru Kopfrkinglova posjeta stanovitoj gospođici Dagmar u bordelu: odjeven u košulju i bez hlača, on uzima u ruke primjerke muhe *drosophila funebris*, i u posljednjem kadru scene u bordelskoj sobi (mi tada, dakako, još ne znamo da se radi o posljednjem kadru te scene) staje na stolac kako bi uramljene muhe objesio na zid, uz riječi „Imamo taj naš divan blagoslovljen dom“. Gledatelj je u nedoumici: jer zašto bi Karel prostitutki u bordelu govorio te riječi? U kadru koji slijedi vidimo Kopfrkingla odjevenog u istu košulju kako uramljene primjerke muha stavlja na zid. Uvjereni smo da se to odvija u bordelu, budući da su tapete na zidu iste, a i Karel je prikazan u planu blizu (doduše s leđa), pa ni ne možemo znati da nosi hlače. Ovaj kadar prate njegove riječi „Moram se još više brinuti za vas“. Još u istome kadru mi vidimo da se nalazi u dnevnom boravku svoga stana i da riječi koje izgovara ne upućuje više prostitutki, već svojoj supruzi. Posrijedi je početni kadar nove scene koja je isključujuća spram one prethodne. Konfrontirane su tako dvije suštinski različite scene – Karelov posjet prostitutki u bordelu i intima obiteljskog života unutar zidova obiteljskog stana.

4. Zaključak

Za film *Spaljivač leševa* karakterističan je odmak od neutralnog, objektivnog filmskog pripovijedanja, što je vidljivo u brojnim autorskim stilizacijama ili otklonima u filmu. Te su stilizacije, u koje se ubrajaju i analogije, vrlo sugestivne, a imaju funkciju pojačivača određene atmosfere ili pokretača negativnih, tjeskobnih emocija prilikom gledanja filma. Usto, one usmjeravaju našu pažnju u određenom smjeru, računaju na gledatelja kao na onoga tko će propitkivati istinitost i vjerodostojnost onoga što gleda. Dakle, stilizacije u obliku analogija u *Spaljivaču leševa* u funkciji su implicitnih komentara zbivanja, likova i njihovih postupaka u filmu, a to iziskuje naš gledalački angažman i opreznost kako bismo uspjeli doprijeti do pravoga smisla.

Literatura

Hames, Peter (2008), *Československá nová vlna*. Praha, KMa.

Kovalčík, Aleš (2006), *Tvář a maska: postavy Ladislava Fukse*. Jinočany, H&H.

Peterlić, Ante (2000), *Osnove teorije filma*. Zagreb, Hrvatska sveučilišna naklada.

Ptáček, Luboš (2000), *Panorama českého filmu*. Olomouc, Rubico.

Turković, Hrvoje (2008), *Retoričke regulacije: stilizacije, stilske figure i regulacija filmskog i književnog izlaganja*. Zagreb, AGM.

Žalman, Jan (2008), K vývoji filmové veselohry a komedie. In: *Umlčený film*. Praha, Národní filmový archiv.

Analizirani film

Spaljivač leševa (Spalovač mrtvol), Čehoslovačka, 1968., režija: Juraj Herz; scenarij: Ladislav Fuks (roman), Juraj Herz (scenarij); producent: Věra Kalábová; glazba: Zdeněk Liška; snimatelj: Stanislav Milota; montaža: Jaromír Janáček; scenografija: Zbyněk Hloch; 35 mm film c/b, trajanje 96 min.

Uloge: Rudolf Hrušínský (*Karel Kopfrkingl, zvan Roman*); Vlasta Chramostová (*Marie, zvana Lakmé*); Jana Stehnova (*Zina*); Miloš Vognič (*Milivoj*); Ilja Prachař (*Walter Reinke*); Zora Božinová (*Erna Reinke*) i dr

Mgr. Agáta Karčová

Ludovít Štúr Institute of Linguistics Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia
agatak@korpus.juls.savba.sk

Frekventované bohemizmy v slovenčine – substantíva s formantom *-tko*

ABSTRACT: *The article points out the continuous impact of Czech on the Slovak language and the penetration of the Czech lexemes into the contemporary Slovak. We discuss several reasons for frequent occurrence of substantives with the -tko suffix in written and spoken language. The level of establishment of these terms is confirmed by the completeness of their paradigm, as well as the existence of derived terms. It is obvious that nouns with the -tko suffix are mostly used in the spoken and journalistic styles. Additional information on the frequency of use of selected Czech loanwords comes from the Slovak National Corpus and the Corpus of Spoken Slovak.*

Keywords: relation of Slovak and Czech, Czech loanword, nomina instrumenti, nouns with -tko suffix

1. Blízkosť slovenčiny a češtiny

Slovenčina a čeština patria do západoslovenskej skupiny jazykov, pričom ich blízkosť nie je len genetická a typologická, ale aj historická, geografická a kultúrna. Vzájomná blízkosť týchto jazykov naďalej pretrváva aj po rozpade spoločného štátu Čechov a Slovákov v r. 1993 a jej základom sú neustála kultúrna výmena, ekonomické vzťahy, politicko-spoločenské okolnosti atď. Zároveň je faktom, že kontaktové pôsobenie češtiny na slovenčinu je intenzívnejšie než kontaktové pôsobenie slovenčiny na češtinu, čo je dané aj historickými okolnosťami, pretože čeština bola na Slovensku prakticky od 15. až do 19. storočia spisovným jazykom (porov. Sokolová 1991: 3 – 4).

Juraj Dolník (2002) v tejto súvislosti hovorí o osobitnom modeli prijímania spisovného jazyka, ktorým sa kompenzovala absencia jazykového útvaru vhodného na plnenie funkcie spisovného jazyka. Akceptovaný jazyk mal dvojsmerný vplyv – integračný, smerujúci k jazykovému a národnému zjednoteniu príbuzných etníc, a na druhej strane diferenciatívny, ktorý sa prejavoval ako tendencia k zvýrazňovaniu sebaidentifikácie v pomere k príbuznému etniku. V konkurencii týchto dvoch smerov sa presadila druhá tendencia. Môžeme dodať, že až podnes sa táto diferenciatívna tendencia presadzuje v rôznej miere.

Aj v súčasnej situácii, po 20 rokoch od rozpadu česko-slovenskej federácie, vnímame prítomnosť tzv. pasívneho bilingvizmu, ktorý umožňuje bezproblémovú aktívnu komunikáciu, čítanie a štúdium literatúry v druhom jazyku. Ide teda o prototypické blízkopříbuzné jazyky, ktoré môžeme definovať ako geneticky a typologicky blízke jazyky so značnou dávkou zrozumiteľnosti (porov. Štefánik, Palcutová, Lanstyák 2003: 284). „Vzájomná zrozumiteľnosť, ktorá vyplýva z genetickej príbuznosti, štruktúrnej podobnosti a dlhodobého intenzívneho kontaktu a prelínania jazykových spoločností, predstavuje prirodzený predpoklad percepčného bilingvizmu a od neho sa odvíjajúcej dvojazykovej komunikácie, pri ktorej každý z komunikantov používa svoj jazyk“ (Nábělková 2008: 14).

Objektívne určenie miery blízkosti závisí od stanovenia si kritérií, ktoré lexémy dvoch národných jazykov pokladáme za totožné formálne aj významovo, ktoré za čiastočne zhodné a ktoré za odlišné. Jeden z odhadov poskytuje F. Uher (1990: 8), ktorý pri stanovovaní blízkosti vychádzal z porovnania slovenského textu a jeho českého prekladu. Porovnanie ukázalo, že významovo a formálne zhodné slová predstavujú v slovenčine a češtine 38 % slovnej zásoby, slová zvukovo a graficky rozdielne do takej miery, že umožňujú bezproblémové porozumenie, predstavujú 46 %, a slová, ktorým by Čech nemusel porozumieť alebo by im nerozumel, tvorili 16 %. Je všeobecne známe, že Slováci rozumejú lepšie češtine ako Česi slovenčine, preto by pri porovnaní porozumenie českých textov zo strany používateľov slovenčiny bolo pravdepodobne omnoho bezproblémovjšie.

1.2 Niektoré javy prevzaté z češtiny a pretrvávajúce v slovenčine

Blízkosť slovenčiny a češtiny sa prejavuje hlavne v oblasti slovnej zásoby, ale aj na ostatných jazykových rovinách. V oblasti výslovnosti je to napríklad ovplyvnenie výslovnosti a nesprávna asimilácia (*diskuzia* namiesto *diskusia*; *gdo* namiesto *kto*). Na morfolologickej rovine sa často stretávame napríklad so zamieňaním rodovej príslušnosti pri substantívach pod vplyvom českých ekvivalentov (*variant* vz. *varianta*; *snímk* vz. *snímka*; *rad* vz. *řada* atď.). Častým javom je tiež kríženie väzieb, z ktorých mnohé sa dajú takisto vysvetliť prevzatiami z češtiny (*vzhľadom k* namiesto *vzhľadom na*, *zúčastniť sa niečoho* namiesto *zúčastniť sa na niečom*). Vplyvy češtiny na slovenčinu sa dajú demonštrovať mnohými príkladmi na všetkých jazykových úrovniach.

Do slovenčiny neustále prenikajú české výrazy, slovné spojenia, termíny a takisto sa revitalizujú staršie prevzaté bohemizmy. Niektoré lexémy alebo ich varianty sa používajú napriek intervenciám niekoľkých kodifikácií, ktoré neustále upozorňujú na ich nespisovnosť a odporúčajú synonymá slovenského pôvodu. Ide o lexikálne výpožičky typu *výdaje* namiesto *výdavky*; *dopis* nam. *list*; *tlačítka* nam. *tlačidlo*; *dosažitelný* nam.

dosiahnuteľný; savý nam. *pijavý; horko* nam. *teplo; vzpomätať sa* nam. *spamätať sa; nevedí* nam. *neprekáža* a pod. Do tejto kategórie patria aj slová s formantom *-tko*, ktorým sa budeme venovať podrobnejšie.

2. Formant -dlo verzus formant -tko

Naznačenú tému, ktorá sa týka konkurencie spisovného formantu *-dlo* a nespisovného variantu *-tko*, budeme analyzovať z viacerých hľadísk. Poukážeme na funkciu formantu *-dlo* (ktorý sa v podstate sčasti prekrýva so sémantickou funkciou formantu *-tko*), budeme sa zaoberať výskytom a distribúciou konkurujúcich si tvarov v písaných textoch i hovorených prejavoch. Zhodnotíme postoj kodifikačnej praxe a opis vybraných slov v slovenských slovníkoch a Pravidlách slovenského pravopisu. Napokon uvedieme mieru podobnosti slov s formantom *-tko* s ich českými ekvivalentmi a tiež charakterizujeme štýlové zameranie textov, v ktorých sa dané slová s nespisovným formantom *-tko* vyskytujú.

2.1 Sufix -dlo a jeho funkcia

Podrobnú charakteristiku slov s formantom *-dlo* poskytuje monografia *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny* (1989), v stručnej podobe ich uvedieme v tejto podkapitole.

Sufix *-dlo* sa používa pri tvorení názvov nástrojov a prostriedkov (nomina instrumenti) a v rámci tejto skupiny patrí k menej produktívnym sufixom (oproti produktívnejším sufixom *-č, -čka, -or, -ér*). Pomocou neho sa tvoria hlavne názvy jednoduchých ručných nástrojov a mechanických zariadení (*razidlo, strúhadlo, viazadlo, hmatadlo, zachycovadlo, šmýkadlo, spriahadlo, snovadlo, lemovadlo, ohýbadlo*). V tejto skupine sa nachádzajú prevažne motivované slová, ktoré vznikli mutáciou od nedokonavých slovies so slovotvornou štruktúrou *slovesný základ + formant -dlo*, prípadne aj motiváty tretieho stupňa, ktoré vznikli od slovesa, ktoré bolo predtým motivované substantívom (napr. *poloha* → *položiť* → *polohovadlo*). Do tohto slovotvorného typu sa zaraďujú aj desubstantíva *zubadlo, baranidlo* vďaka využitiu sémanticky špecializovaného slovotvorného formantu, a to aj napriek tomu, že nie sú odvodené od slovies ako väčšina slov tohto slovotvorného typu. „Je tendencia používať sufix *-dlo* aj pri tvorení neurčitých, nešpecifických názvov nástrojov: *hrabadlo, česadlo, písadlo* (= niečo na hrabanie, česanie, písanie)“ (*Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny* 1989: 87). Sufix *-dlo* sa využíva aj pri tvorení názvov látok a chemických činidiel (*práškovadlo, stužovadlo*).

2.2 Nespisovný formant -tko?

Používatelia slovenčiny často zastávajú názor, že slová s formantom *-tko* sú nespisovné a že sa tento formant vo väčšine prípadov používa nenáležite namiesto formantu *-dlo*. Je to naozaj tak? V tejto podkapitole uvedieme prípad, v ktorom je formant *-tko* použitý v spisovnom slove (*pravítko*), a tiež príklady, v ktorých sa vyskytuje formálne podobný formant *-atko* (v niektorých zdobneninách), a tiež formálne podobné slová so sufixom *-k* (*ubytko*), kde sufix nasleduje po spoluhláske *t* (ktorá je súčasťou koreňovej morfémy), pričom vzniká spoluhlásková skupina *tk*, ktorá je formálne zhodná so skupinou spoluhlások vo formante *-tko* v nami skúmaných deverbatívach.

Formant *-tko* je formálne podobný sufixu v deminutívach neutier, kde má sufix spolu s gramatickou relačnou morfémy v nominatívnej podobe *-atko*. Ide o slová, ktoré sa skloňujú podľa vzoru *dievča* a ide predovšetkým o lexémy označujúce nedospelé osoby a mláďatá zvierat, napríklad *dievčatko, dieťatko, bábätko, zvieratko*. Mohli by sme tu zaradiť tiež substantívum stredného rodu *pútko*, ktorého deminutívnosť (formálne vyjadrená sufixom *-k* a kvantitatívnym predĺžením základu) a motivácia od slova *puto* už nie je zo synchronného hľadiska priezračná a uvedomovaná.

Ďalšou skupinou slov so zakončením *-k-o* sú slangové slová, ktoré vznikli nahradením dlhšieho slovotvorného formantu kratším sufixom *-k* a relačnou morfémy *o*, napríklad neutrá *ubytko, stretko, vyučko*. Tieto slová sú v slovenčine frekventované a sú viazané na hovorový štýl.

Deverbatívam s formantom *-tko* je formálne podobné slovo *lýtko*, v Morfematickom slovníku slovenčiny (Sokolová, Moško, Šimon, Benko 1999) uvedené len ako [lýtk-o]. Má odlišnú etymológiu ako vyššie uvedené slová, pochádza pravdepodobne z praslovanského slova *glyda*, substantíva ženského rodu, pričom je príbuzné s germánskym už nezachovaným slovom *klauta*.

Lexéma s formantom *-tko*, ktoré je podľa súčasných kodifikačných príručiek spisovné, je *pravítko*. Podobne ako pri bohemizmoch, ktoré vznikli rovnakým slovotvorným postupom (*rovnítko, krivítko*), aj pri tomto slove boli snahy nahradiť ho iným synonymom, hoci aj s prevzatým základom (*lineár*), ktoré by neobsahovalo formant *-tko*. Napokon sa presadila v kodifikácii táto lexéma, aj keď uvádzaná spolu so synonymom *lineár* (KSSJ, SSS aj SSJ). Preferenciu slova *pravítko* potvrdzuje frekvencia jeho výskytu (v základnom tvare sa vo verzii Slovenského národného korpusu prim-5.0-snk-all vyskytuje 293-krát) oproti frekvencii slova *lineár* (v tej istej verzii korpusu je 34 výskytov, pričom treba prihliadať aj na to, že niektoré texty, v ktorých sa hľadaný výraz našiel, patria do slovenskej beletrie vydané pred rokom 1955).

Všetky tieto lexémy s formantom *-tko* alebo jemu podobnými formantmi naznačujú, že tento formant sa v slovenčine bežne používa a nevníma sa ako cudzí, neslovenský, nezrozumiteľný alebo nevhodný na komunikáciu.

3. Distribúcia slov s formantom -tko

Slová s formantom *-tko* zo sémantickej triedy jednoduché nástroje (väčšinou na ručné použitie) majú vzhľadom na celkový počet členov tejto triedy pomerne vysokú frekvenciu. V tabuľke 1 udávame absolútnu frekvenciu lexém s formantom *-tko* s uvedeným sémantickým príznakom nástroja, na ktoré by platila definíčná parafráza: *predmet, ktorý slúži na robenie toho, čo označuje verbum, alebo predmet, ktorým sa napomáha nejakej činnosti alebo s ňou priamo súvisí* (na kľakátku sa kľáči, na lehátku sa leží, pomocou sluchátka sa počúva, tlačítko sa stláča atď.) v Slovenskom národnom korpuse (ďalej SNK), konkrétne v jeho najrozsiahlnejšej verzii prim-5.0-snk-all s rozsahom 719 miliónov textových jednotiek.

Do zoznamu sme zaradili výlučne deverbatíva ako motiváty 2. stupňa, z tohto dôvodu boli z našej vzorky vylúčené napr. frekventované slová pomenúvajúce pomôcky na rysovanie (*pravítko, kružítko, krivítko*) a vylúčené tiež bolo slovo *lízatko*, ktoré sa nedá interpretovať uvedenou parafrázou (aj keď priamo súvisí s verbum, od ktorého je utvorené). Do štatistiky sme nezaradili slová *šumítko* (2 x), *podtržítko* (2 x), *zátržítko* (1 x), *lomítko* (13 x), *rovnítko* (21 x) a *rovnátko* (1 x, strojček na vyrovnávanie [zubov]), ktoré nie sú deverbatívami 2. stupňa alebo sú odvodené od sloviac, ktoré sa v slovenčine nepoužívajú.

Zo zoznamu slov sme vylúčili aj tie, ktoré boli súčasťou českých textov a zväčša obsahovali typické české grafémy, dve dlhé slabiky za sebou alebo typickú českú koreňovú morfému (*dělítko, měřítko, ořezávatko, míchatko*). Dôsledne sme vylúčili zo štatistiky i také výskyty deverbatív s formantom *-tko*, ktoré splňali naše kritériá, ale boli použité ako citátové výrazy:

Deklarovaná ochota (vôľa?) ponúknuť niečo zo zvyšných 120 miest kandidátky aj osobám nemaďarského pôvodu je finta, ktorú najlepšie vystihuje české „šidítko na zaváděnou“. (Východoslovenské noviny - Korzár 2002/05)

Do celkového počtu sme nezaradili výskyty, ktoré boli v metajazykovom kontexte, neboli použité v bežných kontextoch, ale slúžili len ako objekty lingvistických polemík o správnosti ich používania (napr. *kašlátko*, v príspevku I. Masára (Kultúra slova 1999) sa namiesto neho navrhuje termín *prerušovacie tlačidlo*). V charakteristike lexiky severného Šariša sme sa stretli so substantívom *prižíratko* (Buffa 1998), ktorého spisovný ekvivalent je *zrkadlo*. Toto nárečové slovo svojou etymológiou vystihuje činnosť, ktorá sa realizuje pri používaní daného predmetu (v zrkadle sa obzerá) oproti sémantike slova *zrkadlo*, ktoré zdôrazňuje iný aspekt predmetu: schopnosť zrkadla odrážať, zrkadliť výsek priestoru.

Treba poznamenať, že aj keď výskyty lexém s formantom *-tko* použitých ako súčasť citátových výrazov, nárečovej lexiky alebo aj v metajazykových textoch o jazyku v celkovom prehľade neberieme do úvahy, svedčia tiež o používaní lexém s formantom *-tko* v súčasných slovenských písaných textoch.

Deverbatíva s formantom *-tko* a zvoleným sémantickým príznakom sme utriedili podľa počtu výskytov, pričom varianty sme nezjednocovali, ale uviedli s údajom o frekvencii v abecednom poradí. Uvedené výskyty sme sčítali len v prípade výskytu totožnej lexémy s veľkým a malým začiatočným písmenom. Vzorka obsahuje lexémy vyhládané v základnom tvare (N sg.), ktorý je homonymný s tvarom A sg. (Tabuľka 1).

3.1 Analýza lexém s formantom -tko

Na prvý pohľad je zjavné, že niektoré lexémy s formantom *-tko* sú vysoko frekventované (*tlačítko, vodítko, merítko, razítko, kukátko, lehátko, sluchátko*). Na druhej strane osi frekventovanosti je pomerne veľa slov, ktoré majú len jeden alebo dva výskyty, prípadne sa vyskytujú viackrát, ale len v texte jedného autora (*tešítko*). Toto konštatovanie zakladajúce sa na frekvencii slov s formantom *-tko* zároveň naznačuje, že niektoré slová sú vžitá a často používané, etablované v systéme slovenčiny a konkurujú spisovným ekvivalentom (presné porovnanie výskytov uvádzame ďalej), iné majú okazionalny charakter, sú teda zriedkavé, silne viazané na kontext, náhodné alebo príležitostné. Význam spomínaného okazionalizmu *tešítko* opísal jeho autor takto:

Kamarát ma naučil mať rád „tešítko“. Sú všade okolo nás, len.... **Tešítko** je čosi, čo teší, čo poteší. (Ivan Brožík, SME blog)

Okazionalne príležitostne vytvorené lexémy s formantom *-tko* sa nemusia začleniť do aktívneho úzu hovoriacich slovenčiny, na druhej strane ich prítomnosť naznačuje, že deverbatíva tohto typu sa ľahko vytvárajú, sú sémanticky priedračné a zrozumiteľné aj pri jednorazovom použití.

Ďalšou zjavnou črtou týchto slov je ich motivovanosť českými výrazmi, s ktorými sú zhodné alebo podobné. S prispôbovaním českých lexém slovenskému hláskovému a gramatickému systému súvisí aj variantnosť zápisu týchto slov. Prispôbovanie na ortografickej úrovni (vyplývajúce z prispôbenej výslovnosti) prebieha nahrádzaním typicky českých grafém slovenskými (ř → r, ě → e), napr. *ořezávatko* → *orezávatko*, *měřítko* → *merítko*, a tiež ich adaptáciou slovenskému hláskovému systému (eliminácia za sebou idúcich dlhých slabík v zhode s pravidlom rytmického krátenia v slovenčine, nahrádzanie skupiny samohlások *ou* samohláskou *ú*, resp. *u* a pod.), napríklad pri slovách *párátko* → *špárátko*, *šoupátko* → *šupátko*, *mávátko* → *mávatko*. Kolísanie v kvantite vidieť na variantoch *sluchátko* vz. *slúchatko*, *krmítko* vz. *křmítko* a i.

Variantnosť sa prejavuje aj na slovotvornej rovine, kde sa opäť výrazne ukazuje súvislosť s českými motivantmi. Napríklad lexéma *sedátko* je od českého *sedět* (pričom nie je vylúčený pôvod od slovenského

sedieť), a *sadátko* od slovenského verba *sadať*. Český výraz *pojítka* sa používa popri výraze odvodenom od slovenského verba *spojítka*, *párátka* popri *špárátka*, *kvapátka* popri *kvapkátka*. Motivácia od českých slov je evidentná pri slovách *škrkátka*, *škrtátka*, *zaškrťavátka*, *zaškrtnútko* a *zátržítka*. *Cvakátka* / *cvikátka* je ekvivalentom slova *označovač*, slovenský variant by mal tvar *štikátka*, ktorý sme v SNK síce našli, ale nevyskytoval sa v základnom tvare (preto sa nenachádza v našom zozname). *Markovátka* je prevzaté v špecifickom význame v športovej terminológii, kde pomenúva označovač v golfe. Štyrom výskytom slova *orezávatko* (opäť z čes. verba *orezávat*) zodpovedá nulový výskyt slova odvodeného od zodpovedajúceho slova *strúhať* (*strúhatko*). Slová *drcátka*, *drcátka* (malý predmet používaný pri hre na strunové nástroje) nemá spisovný ekvivalent, v slovenčine sa používajú aj názvy *trsatko*, *brnkátka*, pričom všetky tieto lexémy sú prevzaté bez úprav z češtiny.

Bez akejkoľvek zmeny v pravopise a v totožnom význame boli z češtiny prevzaté slová *lehátka*, *kukátka*, *nosútko*, *razítka*, *vodítka*.

Všetky lexémy s formantom *-tko* majú príznak hovorovosti, ide zväčša o slangové výrazy s väčšou mierou expresívnosti. Na hovorovosť nami nájdených výrazov odkazuje aj použitie týchto slov v písanom prejave bez diakritiky, a to v rôznych blogoch, chatoch, diskusiách a iných žánroch, ktoré majú charakter neformálneho (hovoreného) prejavu napriek ich písomnej podobe. Bez diakritiky sa vyskytujú napr. slová *tlacítka*, *vodítka*, *razítka*, *sluchátka*, *brnkatko*. Štylovému zaradeniu a kvalifikácii týchto slov z hľadiska expresívnosti sa ešte budeme venovať podrobnejšie.

Uvedené výskyt slov s formantom *-tko* sa nachádzajú v súčasných slovenských textoch s výnimkou výrazu *ležiátko*, ktoré sa nachádza v korpuse jedenkrát, a to v známom diele Mendík z pera slovenského spisovateľa 19. storočia Ľudovíta Kubániho. Vytvorené bolo mutáciou od verba *ležať* tak, že sa použil formant *-tko*, zachovala sa hláska *ž* v koreni slova (oproti v súčasnosti zdomácnenej *lehátka*), diftong *ia* namiesto tematickej morfémy *a* robí toto slovo akoby viac domácim oproti hypotetickým tvarom s krátkou alebo dlhou samohláskou (*ležatko*, *ležátko*). V takomto tvare sa uvedená lexéma (*ležiátko*) v súčasnosti nepoužíva a pôsobí zastaralo.

3.2 Porovnanie slovenských motivátov s českými motivantmi

„Názvy nástrojov sú väčšinou hláskoslovne aj slovotvorne zhodné, v oboch jazykoch existuje sufix *-dlo* (*umývať* → *umývadlo*, *lietať* → *lietadlo*), ale slovenský sufix *-dlo* zodpovedá často aj českému sufixu *-tko* (Č *tlacítka* – S *tlacídlo*, Č *sluchátka* – S *slúchadlo*, Č *párátka* – S *špáradlo*, Č *lehátka* – S *ležadlo*, Č *měřítka* – S *meradlo*), sufix *-dlo* korešponduje aj s českým *-ník* (*cediť* – *cedidlo* / *cedník*); český sufix *-dlo* korešponduje výnimočne s príponou *-ina* alebo *-eň* (v spojení s iným motivantom: Č *zavazadlo* – S *batožina*, Č *prádlo* – S *bielizeň*); sufix *-tko* je v slovenčine len v slove *pravítka*“ (Sokolová, Musilová, Slančová 2005: 123).

Naznačili sme, ako sa slovenské deverbatíva prevzaté z češtiny prispôbujú slovenskej výslovnosti i pravopisu. Ako fungujú tieto lexémy v pôvodnom – českom jazyku? Vnímajú sa ako slangové alebo neutrálne výrazy bez štýlového obmedzenia? Boli do slovenčiny prevzaté so všetkými ich pôvodnými významami, alebo len v niektorých špecifických významoch? Na zodpovedanie týchto otázok by bola potrebná dôkladná sonda na veľkom množstve textov.

Pri porovnávaní českých výrazov s formantmi *-tko*, ktoré sú motivantmi frekventovaných slovenských prevzatí, sme zistili, že všetky sa v pôvodnom jazyku vnímajú ako neutrálne alebo odborné výrazy. Ide o slová *kukátka*, *lehátka*, *měřítka*, *nosítka*, *párátka*, *razítka*, *šoupátka*, *těžítka* a *vodítka*. Zaujímavé bolo zistenie, že v češtine popri slove *kukátka* prevzatom do slovenčiny na označenie malého ďalekohľadu alebo priezoru na dverách, existuje aj slovo *kukadlo*, ktoré je však v češtine zastarávajúce a podľa Česko-slovenského slovníka (1981) mu zodpovedá slovenský ekvivalent *kukadlo: dítě si kukadlem prohlíželo obrázky* je tu preložené ako *dieťa si kukadlom prezeralo obrázky*. *Kukátka* ako odborný termín z oblasti techniky sa prekladá ako *priezor*, *zorné okienko*. V špecifickom význame *okienko v novinách* (v češtine vnímané v tomto význame ako zastaralá lexéma) sa do slovenčiny neprevzal. S rovnakým slovotvorným základom, ale odlišným významom tiež funguje slovo *kukadlo* (obyčajne používané ako pomnožné substantívum *kukadlá*) ako expresívne pomenovanie očí.

Podobne popri sebe fungujú v českej lexike slová *měřítka* a *meradlo*. Slovo *meradlo* sa v češtine používa ako odborný termín (napr. *délkové měřidlo*), slovo *měřítka* je polysémantické a do slovenčiny bolo prevzaté vo význame meradla ako ručného nástroja a meradla ako kritéria (*meradlo rozvoja*). *Měřítka* vo význame mierka sa v slovenčine neetablovalo.

Lexéma *razítka* v češtine zodpovedá spisovnému slovenskému ekvivalentu *pečiatka*. České *razidlo* nie je synonymom *razítka*, ale zodpovedá mu význam slovenského slova *razidlo*. České *těžítka* je nepríznakovým slovom a ekvivalentom slovenského slova *táždlo*.

Česká lexéma *lehátka* je neutrálna a zodpovedá významovo spisovnému slovenskému výrazu *ležadlo* (*ležadlo pre chorého*, *ležadlo vo vlaku*). Slová *nosítka* a *nosidlo*, ktoré sa vyskytujú zvyčajne ako pomnožné substantíva, sú v češtine synonymami, oba bez príznaku expresívnosti. V slovenčine sa slovo *nosútko* hodnotí ako nespisovný, zatiaľ čo *nosidlá* ako spisovný výraz.

Lexéma *párátka* je v českom jazyku neutrálna lexéma, v slovenčine sa odporúča používať tvar *špáradlo*. Synonymá *stykáčik*, *drievko* [na zuby], ktoré uvádza Česko-slovenský slovník (1981), sa v slovenčine neujal,

podobne ani výraz *šparchadlo* či zastaralé výrazy *šparák*, *šparcháč* a zriedkavo *stykáčik*, ktoré uvádza Synonymický slovník slovenčiny (2004).

Výlučne ako odborný termín sa v češtine používa slovo *šoupátko* (od verba *šoupat* = posúvať, premiestňovať), ktorý sa používa v technike, vodohospodárskej a automobilovej oblasti. V slovenčine sa ustálilo v podobe *šupátko*, pričom odporúčaným termínom je *posúvač*.

Slovo *vodítko* je bežným slovom významovo zodpovedajúcim slovu *vodidlo*, *smernica*, *návod*. V tomto význame nejde o ručný nástroj. V češtine funguje ako odborný termín v oblasti techniky a strojnictva (súčasť prístroja – výťahu alebo písacieho stroja). V tomto význame sa v slovenčine používa zriedkavejšie. Má tiež význam *vôdzka*, *retiazka*. Na nespisovnosť slova *vodítko* upozorňovali viaceré príspevky napr. v časopise Kultúra slova (Kálmánová 2009: 58 – 59; a ďalšie).

Z uvedeného porovnania českých výrazov, ktoré prenikli do slovenčiny, je evidentné, že viaceré z nich boli prevzaté len v niektorom z významov (*kukátko*, *merítko*), jednovýznamové zodpovedajú pôvodnému významu (*lehátko*, *nosítka*). V češtine popri sebe fungujú formanty *-tko* a *-dlo* (*kukátko* – *kukadlo*, *měřítko* – *meradlo*, *razítko* – *nosítka*, *nosídla*), pričom ich význam sa prekrýva zväčša iba čiastočne. Formant *-tko* je však v češtine frekventovanejší a z uvedených dvojíc sú práve slová s formantom *-tko* častejšie polysémantické.

Pri niektorých prevzatých slovách neboli v slovenčine potrebné pravopisné ani výslovnostné úpravy (*lehátko*, *nosítka*), iné sa pri preberaní sčasti upravili (*měřítko* – *merítko*, *těžítka* – *ťažítka*). Slová, pri ktorých bola pocitovaná strata motivácie, boli upravené vo väčšej miere (*párátko* od čes. *párat se* po prevzatí zmenené na *špárátko* od slov. *špárat sa*, aj keď zriedkavo sa v slovenských komunikátoch vyskytuje aj tvar *párátko*). Všetky prevzaté frekventované výrazy s formantom *-tko* hodnotené slovenskými kodifikačnými príručkami ako nespisovné sa po jednoduchých úpravách a zámene formantu *-tko* na *-dlo*, prípadne po jednoduchých úpravách v dĺžkach slabík, dali nahradiť formálne veľmi blízkymi spisovnými ekvivalentmi. Výnimku tvorí termín *šoupátko* (*šupadlo), aj keď Slovník slovenského jazyka (1959 – 1968) ho uvádza – zrejme v minulosti bolo používané. Slovenské sloveso *šupnúť* na rozdiel od českého *šoupnout* nemá jeden z významov posúvať, premiestňovať, preto sa v slovenčine odporúča termín so slovenským základom *posúvač*.

Na základe porovnania sa ukazuje, že zatiaľ čo v češtine deverbatíva s formantom *-tko* s významom ručného nástroja sú súčasťou neutrálnej a odbornej lexiky, v slovenčine sa všetky zmienené lexémy hodnotia ako nespisovné.

3.3 Lexikografické zachytenie a charakteristika slov s formantom *-dlo* a *-tko*

Základnú charakteristiku frekventovaných deverbatív s formantom *-tko* nám podávajú slovenské slovníky, a to Slovník slovenského jazyka (1959 – 1968), súčasný kodifikačný Krátky slovník slovenského jazyka (2003) a pravopisná príručka Pravidlá slovenského pravopisu (2000).

V Krátkom slovníku slovenského jazyka sú zachytené tieto lexémy: *kukátko*, *lehátko*, *merítko*, *nosítka*, *razítko*, *ťažítka*, *vodítko*, *špárátko*, pričom sú označené ako nesprávne výrazy, zároveň je pri nich uvedený spisovný ekvivalent slova, t. j. pri hesle *kukátko* 1. ďalekohľad, 2. priezor, pri *lehátku* ležadlo atď.

V Pravidlách slovenského pravopisu sa uvádza len jedna z nami skúmaných lexém, ktorá sa opisuje rovnako ako v KSSJ, a to uvedením heslového slova a jeho spisovnej podoby: *lehátko* správ. *ležadlo*. Táto lexéma ako jediná z našej vzorky sa nachádza aj v Synonymickom slovníku slovenčiny (2004), kde je tiež hodnotená ako nespisovná a je uvedená spolu so spisovným ekvivalentom.

Najpodrobnejšiu charakteristiku *deverbatív s formantom -tko* podáva Slovník slovenského jazyka (ďalej SSJ), vydaný v 6 zväzkoch v rokoch 1959 – 1968 pod vedením hlavného redaktora Štefana Peciaru. Uvádzame heslá z tohto slovníka aj s gramatickou informáciou, štylistickými kvalifikátormi, synonymami, definíciami a dokladmi:

kukátko, *-a, -tok str.* (čes.) kniž. zastar. *ďalekohľad* (Vaj., Vans., Jes.)

lehátko, *-a, -tok str.* (čes.) hovor. lepšie **ležadlo**

merítko, *-a -tok str., správ.*

1. **mierka** (pomer zmenšenia al. zväčšenia): „merítko 1: 10.000“, *správ. mierka*;

2. **meradlo** (merací nástroj, prístroj);

3. **rozsah** al. **rámec**: „v celoštátnom merítku“, *správ. v celoštátnom rozsahu, rámci*;

4. **miera**, *pren. kritérium*

nosítka, *-tok str. pomn. kniž. zastar. nosidlá* (Urb., Hviezd., Taj., Vans.)

razítko, *-a, -tok str. zastar. pečiatka*;

šupátko, *-a, -tok str. slang. zariadenie s posuvnou doštičkou na uzatváranie nejakého otvoru, potrubia ap., posúvač: posúvať š., uzavrieť ventil š.-om; š. vodného potrubia*;

ťažítka, *-a, -tok str. zastar. ťažidlo: Papiere boli ťažítkami prichlopené.* (Vaj.) *Gróf mu mramorovým ťažítkom prebil hlavu.* (Jégé)

Je prirodzené, že väčší rozsah slovníka, akým je SSJ, umožnil dôkladnejšie spracovanie jednotlivých hesiel. Každé z uvedených heslových slov bolo spracované podrobne, kvalifikátory pri každom z nich sú špecifické, od spisovných, ale podľa slovníka zastaralých výrazov (*kukátko*, *razítko*, *ťažítka*) cez zastaralé výrazy štýlovo obmedzené na knižnú sféru (*nosítka*), slangové (*šupátko*) a hovorové výrazy (*lehátko*) až po menej vhodné

výrazy s uvedením vhodnejšieho synonyma (*lehátko*) a nesprávne výrazy (*merítka*). Po vyše štyridsaťročnom období od vydania posledného zväzku Slovníka slovenského jazyka môžeme konštatovať, že aj tie lexémy, ktoré sa v slovníku hodnotili ako nevhodné a zastaralé, ako aj obmedzené z hľadiska štýlu na hovorové, slangové a knižné, sa v súčasnej slovenčine napriek ich nekodifikovanosti vyskytujú. V akom pomere oproti spisovným výrazom, to uvedieme v ďalšej podkapitole.

Pri prezeraní hesiel *ťažidlo* a *ťažítka* v SSJ sme si všimli skutočnosť, že doklad použitia pre oba výrazy bol z textov S. H. Vajanského, ide pritom o takmer totožné vety:

Papiere boli ťažútkami prichlopené. (Vaj.);

Na stolíku boli peniaze zrovnané, ťažidlami prichlopené. (Vaj.)

Ťažko sa dá zistiť, či išlo o zámer autorov slovníka, ale je na zamyslenie, prečo slovo, ktoré je hodnotené ako zastaralé (*ťažítka*) je ilustrované príkladom z diela toho istého spisovateľa ako jeho neutrálny spisovný náprotivok (*ťažidlo*). Prinajmenšom to opäť dokladuje preberanie tohto typu slov z češtiny a ich paralelné používanie u tých istých kultivovaných používateľov slovenčiny.

3.4 Porovnanie výskytov slov s formantom -tko a -dlo

Jednoduché porovnanie výskytov deverbatív s formantom *-tko* a ich náprotivkov s formantom *-dlo* (Tabuľka 2) poskytuje údaje o absolútnej frekvencii výskytov a percentuálny prepočet z celkového počtu výskytov nespisovného slova a jeho spisovného ekvivalentu (napríklad *lehátk.** (213) + *ležadl.** (1656)). Z prehľadu vidieť, že počet slov s formantom *-tko* oproti výskytu spisovných ekvivalentov nie je zanedbateľný. Pri všetkých uvedených dvojiciach prevažujú normované výrazy, treba však okrem iného brať do úvahy, že ide o písané a zväčša aj publikované texty, v ktorých sa norma prísne dodržiava.

3.5 Používanie frekventovaných deverbatív v slovenčine

Životaschopnosť a etablovanosť viacerých deverbatív s formantom *-tko* vo význame nástrojov a zariadení potvrdzuje ich používanie vo všetkých tvaroch paradigmy, t. j. ich výskyty v šiestich pádoch singuláru a plurálu. Ako príklad pars pro toto uvádzame prehľad o počte tvarov slova *lehátko* (Tabuľka 3), ktorý sme vytvorili na základe dokladov zo SNK (verzia prim-5.0-snk-all).

Zastúpenie všetkých tvarov paradigmy sme zistili aj pri ďalších frekventovaných lexémach, ako sú *nosítka*, *tlačítka*, *pečiatka* atď.

Ďalším znakom etablovanosti týchto prevzatých slov v slovenčine je existencia ich derivátov, a to prevažne sufixálnych desubstantívnych adjektív vyskytujúcich sa v prim-5.0-snk-al, napríklad:

kukátkový (divadelný priestor, javisko, divadlo, divadielko, aparát kineskopu, zariadenie, priestor)

lehátkový (vozeň, turisti, Mercedes, stolička, konštrukcia, turisti)

razítkový (pečatidlo)

tlačítkový (telefón, semafor, hlásič, spínač, menu, výťah, telefónna klávesnica).

Od niektorých substantív sa vytvorili nové slová prefixáciou pomocou prefixoidov *mikro-*, *stereo-*, napr. *mikrosluchátka*, *stereosluchátka*, *stereokukátko*. Od slova *razítka* sú často používané deriváty *razítkovať*, *orazítkovať*.

4. Lexémy s formantom -tko v Slovenskom hovorenom korpuse

V predchádzajúcich podkapitolách sme naznačili, že slová s formantom *-tko* sa v slovenčine vyskytujú primárne v hovorených prejavoch. To nám ukazuje jazyková prax a skúsenosť, na zachytenie tejto skutočnosti na dátach korpusu by sme potrebovali korpus hovorených prejavov v porovnateľnom rozsahu, ako máme k dispozícii v korpuse písaných textov. Hovorené korpusy sú oproti písaným špecifické tým, že obsahujú nahrávky konkrétnych prehovorov zo súčasnosti, stále sa pripravujú s výraznou pomocou ľudskej práce (manuálne prepisy). Získanie nahrávok a ich prepis je časovo omnoho náročnejší ako získanie licencie na použitie textu, preto aj *Slovenský hovorený korpus* je zatiaľ svojím rozsahom omnoho menší ako *Slovenský národný korpus*. Jeho aktuálna verejnosti prístupná 3. verzia *s-hovor-3.0* obsahuje približne 1 643 000 tokenov, čo predstavuje prepis asi 178 hodín nahrávok monológov a dialógov v slovenčine. S ohľadom na tieto rozsahové disproporcie treba hodnotiť aj údaje o počte výskytov hľadaných lexém v SHK a mať na pamäti množstvo dát, z ktorého boli excerpované.

V tabuľke 3 sa nachádzajú všetky deverbatíva s formantom *-tko* zo sémantickej triedy ručného nástroja alebo jednoduchého mechanizmu v *s-hovor-3.0*. Slová sú uvedené v konkrétnom tvare, v akom sa v prepisoch prehovorov vyskytovali. Ich výslovnosť s prislúchajúcimi výskytmi je uvedená v 3. a 4. stĺpci. V tabuľke 4 je sumár všetkých tvarov slov, ktoré sme sčítali a uviedli v základnom tvare, sú zoradené podľa spôsobu výslovnosti.

Z uvedených údajov môžeme vidieť, že malý rozsah SHK oproti SNK sa prirodzene odráža v počte výskytov slov s menej frekventovaným formantom *-tko*. Napriek tomu vidíme, že takmer všetky najfrekventovanejšie slová z písaného korpusu sa vyskytujú aj v SHK (*kukátko*, *lehátko*, *merítka*, *nosítka*, *razítka*, *sedátko*, *slúchatka*, *špáratka*, *vodítka*). Lexémy *hovoriťka* (= diktafón, ktorým sa zaznamenáva hovorenie) a *prdítko* (vo význame nástroj vydávajúci zvyky prdenia, so žartovným podtónom) sú použité ako okazionalizmy iba u jedného hovoriaceho.

Z hľadiska výslovnosti môžeme konštatovať to, na čo sme už upozornili pri výskytoch v prim-5.0-snk-all,

a síce rozkolísanosť v kvantite slabík pri slove *slúchatko* / *sluchátko*, v čom sa odráža snaha prispôbiť prevzatý bohemizmus do slovenskej lexiky a adaptovať ho na zvukovej rovine. Podobne ide o prispôsobenie pri slove *párátko* → *páratko* → *špáratko*, ako sme to už opísali vyššie.

Vo výslovnostných realizáciách jednotlivých slov sa nevyskytovali žiadne výrazné odchýlky oproti správnej výslovnosti, pri jednej realizácii slova *kukátko* bola samohláska *o* predĺžená (to je zachytené dvojbodkou za príslušnou samohláskou), podobne aj slovo *špáratko* bolo vyslovené s predĺženým *o*, čo je chybné naznačené aj pri slove (výslovnosť sa udáva iba za lomkou). Tvar *nosítkoch* je nárečový, ide o prejav unifikácie rodu všetkých substantív v pluráli vo východoslovenských nárečiach, čo sa odrazilo aj v prejave hovoriaceho z Levoče (aj keď v danom prejave nepoužíva iné nárečové slová ani tvary).

Z disproporcií zápisu slov pred lomkou (zachytáva slovo, nie výslovnosť) vidieť, že spisovným ekvivalentom bolo zaznačené slovo *sedadlo* (sedadlo/sedátko), z piatich výskytov slova *sluchátko/slúchatko* bolo raz zapísané spisovne (slúchadlami/slúchatkami). Podľa pravidiel prepisu nahrávok pre SHK by sa mal slovný tvar nahrádzať spisovným iba pri prevažujúcej tvarovej zhodnosti (napr. *vôbec/vóbec*), pričom je toto pravidlo ťažko uplatniteľné napr. pri spisovných a nespisovných ekvivalentoch *vodítka* – *vôdzka*, *páratko* – *špáradlo*, *razítka* – *pečiatka*, *kukátko* – *ďalekohľad* / *priezor* atď. Podobne je neprimerané hľadať spisovný ekvivalent pri okazionalizmoch, napr. *hovorítka* – **hovoridlo*, *prďátka* – **prďadlo*. To vysvetľuje nekonzistentnosť zápisov príslušných slov v SHK.

5. Štylistické obmedzenia výskytu slov s formantom -tko

Prevzaté slová s formantom *-tko* majú štylistický odtienok hovorovosti a slangovosti. Sféra ich použitia je obmedzená na hovorový a publicistický štýl, prípadne žánre, ktoré síce majú písomnú podobu, ale ich charakter sa takmer zhoduje s hovoreným prejavom – ide o rôzne úvahové útvary, blogy, diskusie, chaty a ďalšie texty, ktoré predpokladajú bezprostredné reakcie od prijímateľov. Často sa však slová s formantom *-tko* vyskytujú aj v inzerátoch a rôznych časopiseckých článkoch (SME, Korzár, Týždeň, Domino fórum a i.)

*Zistíte si, či bolo auto kupované na území SR alebo dovezené zo zahraničia. K tomu Vám pomôže servisná knižka s **razítkami** z autorizovaného servisu.* (SME 2009/02)

*Predpoklad to bol správny, a tak prvá polovica dovolenky plynula voľným tempom - víno, pizza, broskyne, bahnenie na **lehátkach** na pláži, večerný západ slnka pri fľaške mastiky a kartách v prútených kreslách na terase bungalova, vzdialený hukot nočných barov a diskoték, jazyková bariéra a svätý pokoj.* (Peter Lehotský, SME blog)

Slovo *vodítka* v Kynologickej revue, magazíne chovateľov a priateľov psov, prevažuje s počtom výskytov 245 nad výskytom všetkých svojich spisovných ekvivalentov (súčet je 168 výskytov, z toho 148 x *vodidlo*, 15 x *vôdzka*, 5 x *remienok*).

*Niekedy je dobré ak je pes pripútaný na dvoch **vodítkach**. Jedno **vodítka** je pripnuté na pevnom krúžku obojku a držíme ho pri rozdráždovaní. Druhé **vodítka** je upnuté na sťahovacom krúžku a použijeme ho pri púšťacke.* (Kynologická revue 1998/01)

Zriedkavo sa slová s formantom *-tko* vyskytujú aj v umeleckých prozaických dielach súčasných autorov a aj v prekladoch beletristických diel, ktoré môžu byť súčasťou priamej reči, ale aj súčasťou reči rozprávača:

*Vo vrátnici za lietajúcimi dverami a za sklenenými stenami viseli kľúče od jednotlivých izieb nad niekoľkými rozobratými mlynčekmi na mäso, pilníkmi, brúskou upevnenou na vnútorný pult vrátnice, hodinárskym **kukátkom**, zveráčikom, handričkami, dvoma bakelitovými lampami a ešte kadečím.* (Ján Johanides – Pochovávanie brata)

*V obsahu budú názvy v negatívne a zrkadlovo otočené – ako keby **razítka** vygumovalo farbu.* (Viliam Klimáček – Noha k nohe).

Nazdávame sa, že práve zaradenosť týchto lexém do hovorového a publicistického štýlu ich predurčuje na to, aby sa zachovali v aktívnej slovnej zásobe používateľov slovenčiny.

6. Zhrnutie

V našom príspevku sme charakterizovali slovotvorný typ s formantom *-dlo* a jeho nespisovný ekvivalentom *-tko*. Poukázali sme na distribúciu deverbatív s formantom *-tko* v písaných aj hovorených prejavoch slovenčiny. Tiež sme sa zaoberali tým, akým spôsobom prebiehala adaptácia týchto lexém do slovenčiny, v akých významoch sa prevzali a ako sú včlenené do slovnej zásoby slovenčiny (používanie vo všetkých tvaroch paradigmy, tvorenie derivátov od týchto slov). Venovali sme sa štylistickému zaradeniu týchto lexém aj ich zachyteniu v kodifikačných príručkách.

Na základe skúmania sme zistili, že slová s formantom *-tko* sa v súčasných hovorených aj písaných prejavoch slovenčiny neustále používajú, a to aj napriek tomu, že sa hodnotia ako nespisovné v súčasných kodifikačných príručkách (KSSJ, PSP) a jazykovedných príspevkoch, a zmienky o ich zastaranosti a odporúčaní používať spisovné ekvivalenty sú uvedené už v slovníku vydanému pred vyše polstoročím (SSJ).

Vzhľadom na to, že spisovný formant *-dlo* patrí k menej produktívnym sufixom pri tvorení názvov nástrojov a prostriedkov, deverbatíva s formantom *-tko* sa vyskytujú pomerne často (napr. slovo *lehátka* tvorí až 13 % výskytov zo súčtu spisovných a nespisovných tvarov, lexémy *merítka*, *tlačítka* a *ťažítka* 7 % z celkového počtu).

Udomácneniu týchto bohemizmov napomohlo bezproblémové zaradenie do slovenskej paradigmy (vzor *mesto*), pričom môžu byť rozkolísané z hľadiska kvantity (varianty *sluchátko* / *slúchatko*), čo poukazuje na prirodzenú snahu prispôbiť prevzaté lexémy slovenskému gramatickému systému. Často používané deverbatíva s formantom *-tko* sa vyskytujú vo všetkých tvaroch paradigmy, ich etablovanie v systéme slovenčiny dokladujú aj prefixálne a sufixálne, zväčša adjektívne slovotvorné deriváty (*lehátkový*, *tlačítkový*). Viaceré z nich majú odporúčané spisovné ekvivalenty s minimálnymi hláskoslovnými zmenami a zámenou formantu *-tko* za *-dlo* (*ležadlo*, *nosidlá*, *vodidlo*, *slúchadlo*, *špáradlo*). Niektoré z týchto slov spisovný náprotivok nemajú (*brnkátko* / *trsatko* / *drncátko*), ďalšie majú charakter okazionalizmov (*hovorátko*, *prďátko*, *rezátko*, *vypichovátko*, *pípatko*).

Deverbatíva s formantom *-dlo* vo význame ručných nástrojov a jednoduchých zariadení v češtine majú tiež vo viacerých prípadoch náprotivky s formantom *-dlo*, ktoré sú však významovo diferencované a menej časté ako s formantom *-tko*. Slová *kukátko*, *lehátko*, *měřátko* atď. sú súčasťou neutrálnej slovnej zásoby češtiny, niektoré sa v istých kontextoch hodnotia aj ako termíny (*kukátko*), iné fungujú len ako odborné termíny (*šoupátko*).

Štylisticky sa slová s formantom *-tko* v slovenčine viažu na hovorový štýl a na písané texty so znakmi hovorovosti (blogy, diskusie, chaty a pod.), ako aj na publicistický štýl, kde je evidentná konkurencia spisovných a nespisovných lexém (napr. prevaha výskytov slova *vodátko* oproti *vodidlo*, *vôdzka*, *remienok* v Kynologickej revue). Na potvrdenie výraznejšej distribúcie týchto slov v hovorených prejavoch je potrebný rozsahom väčší korpus hovorených prejavov, ale už aj v SHK (verzia s-hovor-3.0) sa vyskytovali všetky najfrekvencovanejšie slová s formantom *-tko* a niektoré okazionalne slová s touto štruktúrou.

Oproti snahe vykoreňovať bohemizmy v slovenčine sa ponúka aj iná stratégia, a tou je vykonávanie intervencií v jazyku na základe dopytu používateľov v prípadoch, keď dochádza k neporozumeniu a komunikačným problémom. Pestovanie jazykového povedomia totiž prebieha predovšetkým pri komunikácii, a v nej sa tiež vyhraňuje, čo je prijateľné pre jazykové spoločenstvo (porov. Dolník 2002). Bolo by užitočné ešte podrobnejšie analyzovať, prečo sa napriek kritickej pozornosti venovanej bohemizmom tieto stále vo výraznej miere používajú, aké komunikačné úlohy plnia a ako ich vnímajú používatelia slovenčiny v súčasnosti.

Bibliografia

- Buffa, Ferdinand (1998), Zo slovnej zásoby severného Šariša. *Kultúra slova* 32/1.
- Česko-slovenský slovník (1981), 2nd ed. Ružička, J., Horák, G. (Eds.). Bratislava, Veda, 790 p.
- Dolník, Juraj (1999), Spisovná slovenčina a čeština. *Studia Academica Slovaca*. 28. Mlacek, J. (Ed.). Bratislava, Stimul, p. 39 – 52.
- Dolník, Juraj (2002), Der slowakisch-tschechische Bilingualismus. *Bilingvizmus. Minulosť, prítomnosť a budúcnosť*. Bratislava, AEP, p. 37 – 42.
- Horecký, Ján & Buzássyová, Klára & Bosák, Ján et al. (1989), *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*. Bratislava, Veda, 434 p.
- Kálmánová, Katarína (2009), Venčíme psov či mladuchy? *Kultúra slova*, 43/1, p. 58 – 59.
- Krátky slovník slovenského jazyka* (2003). 4th ed. Kačala, J., Pisárčiková, M., Považaj, M. (Eds.). Bratislava, Veda, 985 p.
- Masár, Ivan (1999), Ani kašlátka, ani kašľadlo. *Kultúra slova*, 33/3.
- Nábělková, Míra (2008), *Slovenčina a čeština v kontakte. Pokračovanie príbehu*. Bratislava – Praha, Veda – JÚLŠ SAV – FF UK v Praze, 364 p.
- Pravidlá slovenského pravopisu* (2000), 3rd ed. Považaj, M. (Ed.). Bratislava, Veda, 533 p.
- Sokolová, Miloslava (1991), *Český jazyk (Diferenčné javy a cvičenia)*. Košice, FF UPJŠ, 128 p.
- Sokolová, Miloslava, & Moško, Gustáv, & Šimon, František, & Benko, Vladimír (1999), *Morfematický slovník slovenčiny*. Prešov, Náuka, 530 p.
- Sokolová, Miloslava & Musilová, Květoslava & Slančová, Daniela (2005), *Slovenčina a čeština. Synchronne porovnanie s cvičeniami*. Bratislava, Univerzita Komenského, 180 p.
- Slovenský národný korpus – prim-5.0-public-all. Bratislava: Jazykovedný ústav L. Štúra SAV 2011. Dostupný z WWW: <http://korpus.juls.savba.sk>.
- Slovenský hovorený korpus – s-hovor-3.0. Bratislava: Jazykovedný ústav L. Štúra SAV 2011. Dostupný z WWW: <http://korpus.juls.savba.sk>.
- Slovník slovenského jazyka* (1959 – 1968), Peciar, Š. (Ed.). Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.
- Synonymický slovník slovenčiny* (2004), 3rd ed. Pisárčiková, M. (Ed.). Bratislava, Veda, 998 p.
- Štefánik, Jozef & Palcútová, M. & Lanstyák, István (2003), Terminologický slovník. *Antológia bilingvizmu*.
- Štefánik, J. (Ed.). Bratislava, Academic Electronic Press, p. 283 – 294.
- Uher, František (1990), *Slovenština*. Brno, Fakulta pedagogická Masarykovej univerzity. 132 p.

Tabuľka 1: Frekvencia deverbatívnych substantív s formantom *-tko* v prim-5.0-snk-all

Lexéma	počet výskytov	lexéma	počet výskytov	lexéma	počet výskytov	lexéma	počet výskytov
Tlačítko	242	sedátko	7	klapátko	2	načúvatko	1
Tlacitko	8	krmítko	1	klepátko	2	nanosítko	1
Tlačítka	1	křmítka	1	kvapátko	2	nazúvatko	1
Tlacítka	1	pojítka	7	kvapkátka	1	pichatko	1
Vodítka	151	spojítka	7	napichovatko	2	pípatko	1
Voditka	2	potítka	6	napichovátko	1	prdítka	1
Merítka	97	špárka	6	písatko	2	rezátka	1
Razítka	81	ťážítka	6	stupátko	2	sadátka	1
Razitka	2	brnkátka	5	štikátka	2	stereokukátka	1
Kukátka	61	brnkatka	1	drcátka	1	ščikátka	1
Lehátko	56	kľakátka	5	drcéatka	1	škrabátka	1
Ležiátka	1	šupátka	5	flusátka	1	škrabkátka	1
Sluchátka	28	ukazovátko	5	hladítka	1	škrkátka	1
Slúchatka	6	hryzátko	4	kropítka	1	škrťatka	1
Sluchatka	1	orezávatko	4	leštítka	1	štekátka	1
Nosítka	26	trsátka	4	ložítka	1	šteklítka	1
Chodítka	17	kašlátka	3	markovátko	1	ťahátka	1
Pľuvátka	10	nosítka	3	mávatka	1	tvorítka	1
Pluvátka	1	vypichovátko	3	miesatka	1	váčšítka	1
Pľuvatka	1	cvakátka	2	miešatka	1	zaškrťavatko	1
Tešítko	10	cvikátka	2	mikrosľuchátka	1	zaškrtnítka	1
Vozítka	9	chrastítka	2	minivozítka	1		

Tabuľka 2: Frekvencie slov s formantom *-tko* a ich ekvivalentov s formantom *-dlo*

hľadaný výraz	počet výskytov	%	hľadaný výraz	počet výskytov	%
lehátk.*	213	13	ležadl.*	1 656	87
merítka.*	514	7	meradl.*	6 905	93
tlačítka.*	461	7	tlačidl.*	7 077	93
ťážítka.*	10	7	ťážidl.*	153	93
špár[áa]tk.*	18	3	špáradl.*	631	97
sl[uú]ch[áa]tk.*	112	2	slúchadl.*	7 631	98

Tabuľka 3: Zastúpenie slovných tvarov lexémy *lehátka*

sg.	Tvar slova	počet výskytov	pl.	tvar slova	počet výskytov
N	lehátka	17	N	lehátka	34
G	lehátka	11	G	lehátok	23
D	lehátku	7	D	lehátkam	3
A	lehátka	39	A	lehátka	36
L	lehátku	33	L	lehátkach/lehátkách	18/1
I	lehátkom	7	I	lehátkami	3

Tabuľka 4: Deverbatíva s formantom *-tko* v SHK s počtom výskytov a zachytením výslovnosti

slovo	počet výskytov	výslovnosť	počet výskytov	slovo	počet výskytov	výslovnosť	počet výskytov
hovorítka	1	hovorítka	1	slúchatká	2	sluchatká	1
Kukátka	2	kukátka	1			slúchatka	1
		kukátka:	1	slúchadlá	2	sluchátka	2
kukátkom	2	kukátkom	2	slúchadlami	1	sluchátkami	1
Lehátka	1	lehátka	1	stúpadla	1	stupátka	1
Merítka	2	merítka	2	špáratka	2	špáratka	2
nosítka	1	nosítka	1	špáratko	2	špáratko	2
Pojítka	1	pojítka	1	špáratko:	1	špáratko:	1
Pojítka	4	pojítka	3	špáratkom	1	špáratkom	1
		pojítka:	1	páratkami	1	páratkami	1
Pojítka	1	pojítka	1	vodítka	1	vodítka	1
Prďátka	1	prďátka	1	vodítka	1	vodítka	1
Razítka	2	razítka	2	vodítka	1	vodítka	1
rozprávka	1	rozprávka	1	vodítka	3	vodítka	2
Sedadlo	1	sedátka	1			vodítka:	1

Tabuľka 5: Deverbatíva s formantom *-iko* v SHK s celkovým počtom výskytov

Lexéma	počet výskytov	lexéma	počet výskytov	Lexéma	počet výskytov
hovorítko	1	prd'átko	1	Sluchátka	3
Kukátko	4	razítko	2	Stupátko	1
Lehátko	1	rozprávatko	1	Špáratko	6
Merítko	2	sedátko	1	Páratko	1
Nosítka	1	slúchatká	1	Vodítko	6
Pojítko	5	sluchatká	1		

Dob kao sociolingvistički faktor: perspektive proučavanja srpskog jezika

ABSTRACT: This paper deals with age as one of the key sociolinguistic factors of language variability. It deals with approaches to age as a sociolinguistic factor and to methodological issues and dilemmas arising in the course of its study. Special attention is given to the problem of dividing a lifespan into age classes, but also to their language characteristics, which is dealt with in sections three and four of the paper. The final chapter discusses perspectives of applying the insights regarding the age factor to the study of the Serbian language.

Key words: sociolinguistics, linguistic stratification factors, age, Serbian language.

1. Uvod

Svi prirodni jezici svijeta višestruko su raslojeni, što je rezultat utjecaja brojnih jezičnih i izvanjezičnih faktora. Ovaj rad se bavi sociolingvističkim faktorom dobi, o kojemu do danas još uvijek nisu rasvijetljena brojna pitanja, te kojemu u okviru proučavanja srpskog jezika nije posvećivana veća pažnja. Budući da je riječ o faktoru značajnom za razne aspekte jezičnog tumačenja, ukazat će se na moguće perspektive primjene dosadašnjih spoznaja o odnosu jezika i dobi u proučavanju srpskog jezika.

2. Pristupi dobi kao sociolingvističkom faktorom

Specifičnost dobi kao faktora jezične/govorne raslojenosti leži u njoj istovremenoj biološkoj i socijalnoj uvjetovanosti. Iz tog razloga Eckert (1997: 155) ukazuje na razlike između pojmova 'kronološka', 'fizička' i 'socijalna dob'. Kronološka dob odnosi se na broj godina koji je protekao od čovjekova rođenja. Fizička zrelost ne mora nužno korelirati s govornikovom kronološkom dobi, a isto vrijedi i za socijalnu dob, koja je uvjetovana životnim „prekretnicama“ poput primjerice promjene obiteljskog statusa, zapošljavanja, uspostavljanja novih društvenih mreža, promjene mjesta i načina života i sl. S obzirom na činjenicu da ovakvi događaji predstavljaju izvor radikalnih promjena u čovjekovu životu, malo je vjerojatno da se one ne odražavaju na planu sociolingvističkih varijabli. Ovakve životne promjene nisu uvjetovane isključivo kronološkom dobi, nego su usko povezane s fazama čovjekova života te su premerežene nizom drugih socijalnih, kulturnih i drugih faktora. Pojam socijalne ili kontekstualne dobi potreban je radi uspostavljanja razlike između odrastanja/starenja kao univerzalne pojave i kao čovjekova razvoja koji je kulturno specifičan, budući da promjene društvenih uloga ne nastupaju u svim kulturama u istoj životnoj dobi.

Dobna pripadnost i odrastanje/starenje čovjek proživljava kao individualno, zajedničko i historijsko iskustvo (Cheshire 2005: 1). Višestrukost perspektiva iskustva odrastanja/starenja nalažu pitanje metodološkog pristupa tom fenomenu. Dosadašnja sociolingvistička bavljenja faktorom dobi mogu se podijeliti na dvije skupine (Eckert, 1997: 153): istraživanja nad istim ispitanicima u različitim vremenskim presjecima koja odražavaju individualnu perspektivu jezičnog odrastanja/starenja, a istovremeno rasvijetljavaju i utjecaje povijesnih promjena koje su se odrazile u idiolektima ispitanika; te istraživanja zasnovana na usporedbi uzoraka prikupljenih od različitih ispitanika, predstavnika pojedinih dobnih skupina, koja jezično odrastanje/starenje odražavaju kao zajedničko iskustvo.

Još jedno važno metodološko pitanje tiče se podjele na dobne skupine o kojoj su se vodile brojne rasprave i nudila različita rješenja. Bez obzira na kriterije prema kojima se podjela vrši, nemoguće je odrediti stroge granice među pojedinim dobnim razredima. Ne bi li se postigla veća jasnoća jezičnog opisa s obzirom na faktor dobi, Cheshire (2005: 3) dijeli jezična obilježja na dobnu ekskluzivna i dobnu preferirana. Njihovo razgraničavanje je u mnogim slučajevima problematično, budući da su granice među dobnim razredima na jezičnom planu prilično fleksibilne i lako propusne.

3. Podjela na dobne razrede

Središnje pitanje koje se tiče odnosa jezika i dobi jest kako se odvija proces usvajanja jezika te jezičnog razvoja. William Labov (1964: 77-103), autor pionirskog rada o fazama jezičnoga razvoja, otvara to pitanje te postavlja tezu o 6 faza jezičnog usvajanja: (1) usvajanje gramatičkih osnova pod utjecajem roditelja i uže okoline; (2) usvajanje vernakulara pod utjecajem vršnjaka; (3) razvoj socijalne percepcije u dobi između 14. i 15. godine pod utjecajem odraslih; (4) razvoj stilskih varijacija od 14. godine kao prilagodba jezika društvenom kontekstu; (5) usvajanje standardnog jezika pod pritiskom obrazovnog sustava ili posla; (6) puno usvajanje jezika kao rezultat visokog obrazovanja ili posebnog interesa za jezik. Labovljev pionirski rad brzo nailazi na oštre kritike koje su se ticale niza spornih mjesta njegove teorije poput primjerice razdvajanja prvih dviju faza, poistovjećivanja standardnog jezika i jezika odraslih te mnoga druga „skliska“ mjesta teorije, koju i sam Labov ubrzo napušta.

Na temelju rezultata novih istraživanja s vremenom se počinju javljati nove teorije, a jednu od podjela na formativne periode usvajanja jezika uspostavlja Chambers (2000: 158-9), koji razlikuje četiri temeljne faze tog procesa: djetinjstvo; adolescenciju; mladu odraslu dob i srednju dob. Eckert (1997: 158-167) nudi još jednostavniju podjelu na tri faze: djetinjstvo; adolescenciju i zrelu dob, dok Coulmas (2005: 55-63) fazu zrele dobi dodatno dijeli na dva zasebna razreda: odraslu i stariju dob.

Na temelju prikaza pojedinih podjela vidljiva je tendencija pojednostavljivanja razdiobe životnog vijeka na dobne razrede, što je zasigurno rezultat izbjegavanja poteškoća koje nastaju prilikom pokušaja njihova razgraničavanja, a ne pretpostavke da je jezik pripadnika pojedinih dobnih skupina homogen i stabilan.

4. Dobni razredi i njihove jezične specifičnosti

Iako dobnih razredi nisu jezično homogeni, u ovome poglavlju slijedi opis najvažnijih općih jezičnih tendencija ustanovljenih među pripadnicima pojedinih dobnih skupina.

4. 1. Djetinjstvo. Nakon razdoblja ranog djetinjstva u kojem je dijete izloženo isključivo jezičnom utjecaju roditelja i uže obitelji, počinje socijalizacija s vršnjacima. Pretpostavka da ljudi slične dobi, spola i klase imaju jači međusobni utjecaj nego što je to u slučaju jezičnog utjecaja starijih na mlađe dokazana je nizom istraživanja koja su se provodila među doseljenicima i govornicima manjinskih jezika (vidi npr. Preston, 1989) i koja su pokazala da govornici mlađih generacija imaju tendenciju jezične prilagodbe svojim vršnjacima, što ujedno podrazumijeva jezično udaljšavanje od njihovih roditelja. Iako je Labov (1964: 77-103) u okviru svoje podjele na dobne razrede iznio stav da razvoj socijalne percepcije i stilskih varijacija nastupa tek u dobi adolescencije, danas je općeprihvaćen stav da se to događa znatno ranije jer priroda dječjeg jezičnog „inputa“ može dramatično varirati unutar pojedinih socijalnih okvira, što uzrokuje klasne i stilističke varijacije već u predškolskoj i ranoj osnovnoškolskoj dobi (Eckert, 1997: 161-2).

4. 2. Adolescencija. Razdoblje adolescencije podrazumijeva čovjekovo osamostaljšivanje od obiteljskog nukleusa, udaljšavanje od pripadnika mlađih i starijih generacija te solidariziranje s vršnjacima (Chambers 2000: 169). Doba adolescencije se na jezičnom planu odlikuje inovativnošću govornika uvjetovanom njihovom potrebom za solidarizacijom s vršnjacima (koja se na jezičnom planu odražava u vidu prikrivenog prestiža) i naglašenijom sklonošću izmjeni stilova, koje su podržane izostankom socijalnih pritisaka i normi s kojima se susreću govornici odrasle dobi.

4. 3. Rana odrasla dob. Treća formativna faza podrazumijeva razdoblje života u kojemu mlada osoba stječe potpunu autonomnost i postepeno usmjerava svoj život u određenom pravcu. Nakon završenog školovanja mladi ljudi uspostavljaju nove društvene mreže, susreću se s novim društvenim pritiscima i normama te jezičnim tržištem koje zajedno s drugim socijalnim faktorima bitno utječe na jezično oblikovanje govornika. Utjecaj jezičnog tržišta dokazuje da pojedinčeva socijalna/klasna pripadnost nije nužno temeljni faktor koji određuje njegov jezični razvoj, već da to može biti i priroda njegova posla. Uvođenjem ovoga pojma olabavljen je u prošlosti prilično fiksno zamišljen sustav faktora koji određuju jezični razvoj govornika. Na temelju dosadašnjih istraživanja može se zaključiti da nakon adolescentske faze slijedi jača ili slabija tendencija prema upotrebi standardnog jezika te oblikovanje markera koji indiciraju govornikovo porijeklo i druge podatke o njegovu životu.

Labavljenju fiksno zamišljenog sustava socijalnih faktora doprinijelo je i uzimanje u obzir govornikova društvenog života te društvene mreže ljudi među kojima se svakodnevno kreće. Dosadašnja istraživanja pokazuju da socijalizacijski obrasci uvelike utječu na jezični razvoj, te da je društveni život pojedinca iznimno važan sociolingvistički kriterij.

4. 4. Zrela dob. Prema prikazanim podjelama na dobne razrede, ova faza nastupa između dvadesete i tridesete godine života, a uglavnom se definira kao period kada dolazi do konačnog oblikovanja govornikova idiolekta, koji u prosječnim okolnostima ostaje relativno stabilan sve do kraja životnog vijeka, što se izravno povezuje s razvojem refleksa jezične konzervativnosti podržane jačanjem društvenih normi te istovremenim slabljenjem kapaciteta za učenje (Chambers, 2000: 184-5). Eckert (1997: 162) dovodi u pitanje tumačenje zasnovano na predodžbi zrele dobi kao homogene i statične dobne skupine, a kao argument ističe rezultate istraživanja koji potvrđuju da životne promjene koje se događaju odraslim govornicima imaju odraza na njihov jezični razvoj. Dodatan problem predstavlja poistovjećivanje jezika odraslih sa standardnim jezikom, što je rezultat poimanja jezika odraslih kao jezičnog razvojnog cilja.

Uvođenjem pojmova jezičnog tržišta i društvenih mreža te rasvjetljavanjem složenih odnosa između standardnog jezika i nestandardnih idioma u sklopu zajednice u kojoj djeluju razni socijalni i kulturni faktori, sve je jasnije da pretpostavka o jeziku pripadnika srednje dobi kao homogenom i statičnom sustavu nije zasnovana na čvrstim temeljima.

4. 5. Starija dob. Dosadašnja malobrojna lingvistička istraživanja ove dobne skupine pokazuju tendenciju porasta upotrebe lokalnih vernakulara nauštrb upotrebe standardnog jezika, koja je potaknuta slabljenjem pritiska društvenih normi. Jeziku/govoru starijih ljudi do sada je dominantno pristupano iz kliničke perspektive, no rezultati takvih istraživanja nisu predmet užeg sociolingvističkog interesa. Coulmas (2005: 63) ističe da je jedno od ključnih pitanja koja se tiču ovog dobnog razreda međugeneracijska komunikacija s govornicima starije dobi

tj. istraživanje registra pod nazivom 'elderspeak' (govor starijih) – posebnog registra prilagođenog za komunikaciju sa starijim sugovornicima. Njegove temeljne karakteristike su spora produkcija, simplificirana sintaksa, izbjegavanje složenih leksema i sl. Spoznaje o jeziku/govoru govornika starije dobi primjenjive su i u određivanju metodologije lingvističkih istraživanja koja se vrše uz pomoć starijih kazivača (primjerice u slučaju bilježenja vernakulara i jezika kojim se pripadnici mladih generacija više ne služe).

Iz ovog sažetog pregleda općih obilježja osnovnih dobnih razreda može se zaključiti da su mnoga pitanja još uvijek otvorena, te da izučavanje dobi kao sociolingvističkog faktora zadaje brojne metodološke probleme od kojih je na prvom mjestu njegova istovremena biološka i socijalna uvjetovanost te višestruka premoreženost s drugim sociolingvističkim faktorima, zbog čega je dob nerijetko nemoguće promatrati izolirano kao samostalnu stavku. Drugi problem predstavlja podjela na dobne razrede te određivanje kriterija njihova razgraničavanja, budući da je podjela na socijalnu/kontekstualnu dob kulturno specifična te iziskuje visok stupanj generalizacije.

5. Perspektive proučavanja srpskog jezika

Spoznaje o dobi kao sociolingvističkom faktoru visoko su primjenjive u kontekstu proučavanja brojnih srbističkih pitanja iz područja bavljenja višejezičnošću, manjinskim jezicima, jezičnom ekologijom, dijalektologijom, jezicima u kontaktu te jezičnim posuđivanjem. Budući da raznovrsni povijesni, kulturološki, politički i socijalni faktori u okviru pojedinih povijesnih razdoblja uvjetuju različite čovjekove društvene i ekonomske uloge, utjecaj temeljnih socijalnih varijabli različit je među pripadnicima pojedinih generacija (Cheshire 2005: 11). Osim toga, dobna pripadnost nalaže određene vrste jezičnih sklonosti, ponašanja i tendencija tipičnih za pojedine dobne razrede, što omogućava predviđanje daljnjeg razvoja jezične situacije.

Istraživanje odnosa pripadnika pojedinih dobnih razreda u odnosu na jezičnu normu i njihove sklonosti prema inoviranju ili konzervativnosti može biti korisna u kontekstu provođenja jezične kulture i jezičnog planiranja. Odnos jezika i dobi nužna je stavka i u okviru proučavanja jezičnih inovacija, budući da podaci o različitim dobnim razredima mogu poslužiti kao znakovi aktualnih jezičnih promjena. Faktor dobi važan je i u slučaju proučavanja izvanjezičnih promjena koje su se odrazile na jezičnom planu.

U konačnici valja istaknuti da zanemarivanje dobi kao jednog od ključnih sociolingvističkih faktora može rezultirati pogrešnim ili simplificiranim tumačenjima drugih faktora s kojima je u interakciji, kao i samih predmeta jezičnog proučavanja.

Popis literature

- Bugarski, R. (1986), *Jezik u društvu*. Beograd, Prosveta, Biblioteka XX vek.
- Chambers, J.K. (1997), *Sociolinguistic Theory : linguistic variation and its social significance*. Oxford – Cambridge, Blackwell.
- Cheshire, J. (2005), *Age and Generation-specific Use of Language*.
<http://webpace.qmul.ac.uk/jlcheshire/sociolingx%20and%20age.pdf> (1.4.2012.)
- Coulmas, F. (2005), *Sociolinguistics: The Study of Speakers' Choices*. New York, Cambridge University Press.
- Eckert, P. (2000), Age and a Sociolinguistic Variable, u: *The handbook of sociolinguistics*. Oxford, Blackwell, 151-167.
- Labov, W. (1964), Stages in the acquisition of standard English, u: *Social dialects and language learning*. Illinois, National Council of Teachers of English, 77-103.
- Llamas, C. (2007), Age, u: *The Routledge Companion to Sociolinguistics*. London, Routledge, 69-76.
- Preston, D.R. (1989): *Sociolinguistics and Second Language Acquisition*, Basil Blackwell, Oxford.
- Radovanović, M. (2003): *Sociolingvistika*, Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, Sremski Karlovci – Novi Sad.

Hanna Kebenko

University of Vienna, Vienna, Austria
Hanna.Kebenko@gmx.de

Zum Verständnis von Europa in Tymofij Havrylivs Roman „Wo ist dein Haus, Odysseus?“

ABSTRACT: The article analyses theme of „Europe“, and compares, through its global perception, the awareness of the situation of Ukrainian nation with the EU-states in Tymofij Havryliv's novel Where is your home, Odysseus? The following issues are examined: the spatial setting, the references to European literature, the question of a mixed code and the influence of the global consumption on European mentality and culture.

Keywords: Odysseus, European literature, European mentality, culture

Tymofij Havryliv ist einer der Repräsentanten der zeitgenössischen ukrainischen Literatur, der sich in seinen Werken mit der europäischen Problematik auseinandersetzt. Er stammt aus Ivano-Frankivsk in der Westukraine und gehört wie sein literarischer Kollege Jurij Andruchovyč dem „Stanislauer Phänomen“ an (das zwischen 1989 und 1996 entstanden ist), einer Gruppe von Schriftstellern und Malern, die postmodernistische Techniken bevorzugen und in ihren Arbeiten anwenden.

Havrylivs Roman *Де твій дім, Одиссею?* (*Wo ist dein Haus, Odysseus?*), der 2006 in ukrainischer Sprache und 2009 in deutscher Übersetzung erschienen ist, weist einen eindeutigen Europa-Bezug auf, auf den in diesem Aufsatz eingegangen wird. Dabei wird lediglich der erste Teil des Romans *Місто над річкою* („Die Stadt am Fluß“) analysiert.

Zunächst einmal ist festzuhalten, dass der Europadiskurs in diesem Text nicht auf der Ebene einer thematischen Diskussion verläuft, sondern auf der Ebene der Komposition und der intertextuellen Bezüge zu suchen ist. Dazu kommt eine spezifisch ukrainische Perspektive, aus der der Erzähler Europa wahrnimmt – die Reflexion vom Standpunkt einer ukrainischen Identität führt zu einem häufigen Vergleich der europäischen Wirklichkeit mit der Realität im eigenen Land, der Ukraine.

Europa ist im Text von Havryliv auf unterschiedliche Weise präsent: im sprachlichen Code seines Romans, in den zahlreichen intertextuellen Anleihen bei der europäischen Literatur wie auch bei der Massenkultur sowie im räumlichen Setting der Handlung, die übrigens auf ein Minimum reduziert ist. So fehlt diesem Texte eine geschlossene Story und die Handlung beschränkt sich auf eine vage Bewegung zumeist zu Fuß im beschriebenen Raum.

Das räumliche Setting des ersten Kapitels des Romans deutet auf Wien hin, obwohl der Schriftsteller sich dazu im Text nicht eindeutig bekennt. Im Roman sind jedoch Straßennamen: „Radetzkystraße“ (S. 34)¹, Namen von Personen wie „Sigmund Freud“ und „Victor Adler“ (S. 64), „Wolfgang Amadeusz Mozart“ (S. 47), „Kaiser Franz Joseph“ u. a. eine Fülle von Ausdrücken aus dem österreichischen Deutsch bzw. Wiener Dialekt („Pezi, Pezi, na komm schon“ S. 23, „Ja, ja, das kriegen wir schon hin“ S. 40, „servus“ S.70), vorhanden. Die österreichische Namen dienen auch als Ausgangspunkt für die fiktive Konstruktionen: so versteckt sich hinter dem „Doktor Bernhard Bernhard“ (S. 37) der berühmte österreichische Autor Thomas Bernhard und mit „Kopa Kagrana“ (S. 76) ist eine Kontamination von span. Copa Cabana und dem Wiener Stadtteil Kagran gegeben. Bildungen solcher Art zeigen, dass das räumliche Setting zwar von Wien ausgeht, sich aber nicht darauf beschränken lässt.

So haben räumliche Elemente im Text wie „Wasser“, „Fluß“ (z.B. „Die Stadt am Fluß“), und „Brücke“ auch eine symbolische Bedeutung, umfassen allgemein europäischen Elemente und deuten auf den größeren Raum einer europäischen kulturellen Topologie hin. So könnte Wien in diesem Sinne auch die aus der Geschichte bekannte Schlüsselrolle zwischen Ost und West erfüllen und in metaphorischer Hinsicht eine Brücke darstellen. Mit dem Bild der Brücke wird aber auch eine literarische Assoziation geweckt, die schon im Zitat „Міст над Дріною“ (S. 11) angesprochen ist – es geht aber nicht nur um den bekannten Roman von Ivo Andrić, wie aus dem folgenden Textfragment deutlich wird:

[...] *Одного разу він [Кара Гасан] вивів мене на міст. Його побудували в одинадцятому сторіччі, сказав він. Який міцний камінь, чуєш? Я сперся на парапет. Унизу клекотіла й пінилася вода. Знаєш, скільки він витримав завойовників, запитає він. Знаєш, скільки пройшло тут біженців? Жодний завойовник його не зруйнував. Усі вони знали, що колись доведеться вертатися, - байдуже, на якому*

¹ Alle weiteren Seitenverweisen im Text beziehen sich auf die ukrainische Originalausgabe: Гаврилів, Тимофій, *Де твій дім, Одиссею?* Літературна агенція піраміда, Львів, 2006.

березі стояли. І щойно зараз його зруйнували. Його немає. Але ж на чому ми тоді стоїмо, захвилювався я. На мості, якого немає. Який більше нічого не з'єднує (Havryliv 2006:11).²

Mit „Kara Hasan“ ist niemand anderer als der zeitgenössische bosnische Autor Dževad Karahasan gemeint, der den Ich-Erzähler nun über jene Brücke in Mostar (oder anderswo) führt, die während des Bosnien-Kriegs zerstört wurde. Hier wird europäische Geschichte aus der jüngsten Zeit angesprochen, hier werden die Ereignisse des Krieges in Ex-Jugoslawien in ihrer Bedeutung für Europa thematisiert, auch wenn es diese Brücke für den Erzähler – im physischen Sinn – nicht mehr gibt, besteht sie doch weiter im übertragenen Sinn, als eine intertextuelle Konstruktion: dort, wo der ukrainische Autor mit dem bosnischen kommuniziert, werden Verbindungen zwischen europäischen Regionen hergestellt. Wien scheint ein Ort zu sein, der dafür besonders geeignet ist.

Auch das Wort *Schlüssel* funktioniert im Text wie eine Leitmetapher, welche eine symbolische Bedeutung des Schlüssels zum Tor ins Paradies nahe legt. Ist mit dem Paradies vielleicht die Europäische Union gemeint, mit dem Schlüssel dazu die Möglichkeit eines Beitritts? An welchen Schlüssel ist der Beitritt der Ukraine in die EU gebunden? Zumindest gibt der Erzähler, nach vielen Erwähnungen dieses Wortes im ganzen Text, Ansätze einer symbolischen und zugleich ironischen Deutung:

Я завжди пам'ятатиму їхні погляди, погляди на вході до Раю. „Наме, беріть ключі“, - хотілося сказати їм і кинути в'язку, скріплену іржавим кільцем, але я не був уповноважений цього робити, я не мав ніяких ключів, крім ключа до татового гаража, [...] (Havryliv 2006:127).³

Die Bezüge auf die europäische Literatur wie schon am Beispiel der Reminiszenz ans Andriács Roman gezeigt, haben eine besondere Bedeutung für den Diskurs mit Europa. Auf der Ebene der Sprache kommen zahlreiche Eigennamen vor, die ähnlich wie andere lexikalische Entlehnungen Vertrautheit mit der mitteleuropäischen Kultur und Literatur suggerieren; Anspielungen auf Kafkas *Briefe an Milena* (S. 27), auf seinen Roman *Das Schloß* (S. 43), Namen wie Emir Kusturica (S. 30) und Alfred Hitchcock (S. 17), wie auch die schon erwähnten Zeitgenossen Thomas Bernhard (S. 38) und Dževad Karahasan (S. 25) funktionieren als Universalien einer zeitgenössischen europäischen literarischen Kultur, deren Kenntnis beim Leser so weit vorausgesetzt wird, dass auch die parodistische Deformation solcher Namen noch verständlich ist.

Eminent europäisch sind die zahlreichen Anspielungen auf die klassische Antike und die biblische Tradition, die zumeist nur in kurzen Namensnennungen angesprochen ist („Andromeda“, „Kassiopeia“ S. 7, „Orest“ S. 27, Peloponnesischer Krieg S. 55) – es geht hier nicht um die Auseinandersetzung mit den entsprechenden Topoi im Sinn eines klassischen Zitats, sondern um Marker, die eine Vertrautheit mit einem kulturell geprägten Code beweisen. Ähnlich verhält es sich mit biblischen Anspielungen wie etwa auf Judith und Holofernes (S. 34), Sodom und Gomorra (S. 57) und die Arche Noa (S. 56-57). Hinzu kommen gesamteuropäische Bezüge z.B. die Hängenden Gärten des Semiramis (S. 12), *Ruslan und Ljudmila*, ein Poem von A.S. Puškin (S. 33) als auch der transilvanische Graf Drakula (S. 37), welche zu einem Bild von Europa beitragen, das über ein gemeinsames kulturelles Erbe erschlossen sind.

Schon der Titel selbst stellt einen Rückgriff auf die griechische Antike dar und gibt zugleich Hinweise auf die Interpretation des Romans. Mit dem „Haus des Odysseus“ könnte ein Europa gemeint sein, in das der ukrainische Wanderer am Ende seines Weges gelangt, wo er endgültig zu Hause sein könnte. Jedoch ist der zeitgenössische ukrainische Odysseus ein Suchender, der, mehr noch als sein antiker Prototyp, im Gewirr unzähliger europäischer Elemente herumirrt. Europa ist in unzählige Teile aufgespalten, mit denen der Erzähler auf Schritt und Tritt seiner Wanderung konfrontiert wird, über die er quasi stolpert; er ist im Labyrinth des postmodernen Romans gefangen, eine lineare, zielgerichtete Bewegung ist auch aufgrund der fehlenden Fabel nicht mehr möglich.

Havrylivs Roman erinnert an einen Reisebericht, es gibt aber keine lineare Bewegung von Ausgangspunkt der Reise bis zu deren Ziel aufgrund der Komposition des Textes. Dieser nach außen nicht gegliederte Text ist von sprunghaften Übergängen zwischen einzelnen Situationen, zwischen Erzählermonolog und Figurenrede, Beschreibung und Reflexion gekennzeichnet, die einander ständig ablösen.

Im Hintergrund des Europadiskurses wird die Position der ukrainischen Heimat des Schriftstellers, innerhalb der europäischen Grenzen klarer und deutlicher. Die ukrainische Realität wird von Havryliv neu reflektiert und mit der EU-Lebensqualität und deren Standards verglichen. Beispielsweise schildert der Autor die Ängste und täglichen Überlebenskämpfe der Ukrainer, indem er eine Szene aus dem Naturleben beschreibt, die er aus dem

² [...] Einmal führte er [Kara Hasan] mich auf eine Brücke. Sie wurde im elften Jahrhundert gebaut, erklärte er mir. Was für ein mächtiger Stein, hörst du? Ich stürzte mich auf das Geländer. Unten brauste und schäumte das Wasser. Weißt du, wie viele Eroberer sie ausgehalten hat, fragte er. Weißt du, wie viele Flüchtlinge über sie gegangen sind? Kein Eroberer hat sie zerstört. Sie alle wußten, daß sie eines Tages zurückkommen müssen, ganz gleich, auf welchem Ufer sie standen. Jetzt aber, kürzlich, ist sie zerstört worden. Es gibt sie nicht mehr. Worauf aber stehen wir dann, entfuhr es mir aufgeregt. Auf der Brücke, die es nicht gibt. Die nichts mehr verbindet (Havryliv 2009:12).

³ Ich werde mich immer an ihre Blicke erinnern, die Blicke von Menschen, die am Tor zum Paradies um ihren Verstand kommen. „Da, nehmt die Schlüssel“, wollte ich ihnen schon zurufen und dabei den Eisenring mit dem Schlüsselband zuwerfen, aber ich war dazu nicht befugt, ich hatte auch gar keine Schlüssel, außer dem Schlüssel zur Garage meines Vaters [...], (Havryliv 2009:121).

Fenster seiner Wohnung beobachtet, welche eine symbolische und direkte Anspielung auf die ukrainische Realität aufweist:

В парку водилася, звичайно, незліч жуків, хробаків, кусьок і короїдів, останнім отруював життя дятел, вишпортовуючи з-під кори. Чуючи перший стук, вони панічно кидалися врозтіч, бігали й метушилися, ховалися і тремтіли, панікували і непритомніли. Дятел добував їх, паралізованих від страху, і тоді на мить залягав спокій, через хвилю стукіт поновлювався, відповідно поновлювався і процес кидання врозтіч, біганини і метушині, ховання і тремтіння, паніки і непритомності. І це все повторювалося і тривало вічно, день у день. Популяція невпинно скорочувалася, не так через з'їдених родаків, як через вічний страх, в якому доводилося жити, через постійну напругу, яка збільшувала кількість інфарктів і передчасних смертей, псувала насолоду розмножування, вимушувала емігрувати, спричинивши врешті масовий екзодус, чорними літерами вписаний у книгу буття рекордів (Havryliv 2006:16).⁴

Ebenfalls eine Anspielung auf die ukrainische Realität findet sich in der Szene mit dem Wasserhahn (S. 10). Was im Roman banal, primitiv, für den Leser unverständlich und verwirrend erscheint und viel Platz im Text einnimmt, verbirgt jedoch ein Beispiel aus dem Alltagsleben jedes Ukrainers, aus einer „harten ukrainischen Realität“, wenn man das Wasser im Hahn nicht immer und selbstverständlich hat. Umgekehrt gehört ständig fließendes Wasser zu den selbstverständlichen Dingen, die im Westen eine erhebliche Lebensqualität jedes Bürgers darstellen, die jedoch auf Grund dieser Selbstverständlichkeit nicht mehr wahrgenommen werden:

Продовжуючи тему радості з нагоди води, я проробляв процедуру піднімання крана в різні періоди доби, сподіваючись заскочити порожній кран, та це мені не вдалося, вода текла, однакового кольору й однакового тиску, щось, що виходило за межі мого розуміння. Не переконаний, я побіг у ванну, підняв кран там, обидва крани, над вмивальною мушею і над ванною, я підставляв руку, пробував воду пальцями, так ніби текла нафта, так ніби я міг стати нафтовим шейхом і приятелювати з Америкою, я бігав туди-сюди, з кімнати у ванну і з ванни у кімнату, доки не задзеленчав телефон і я не провисів півгодини на слухавці (Havryliv 2006:10,11).⁵

Im Gegensatz zu den Europäern stellt das Wasser aus der ironischen Sicht des Autors für die Ukrainer einen ähnlichen Reichtum dar, wie das Öl für die Europäer. Das politische Thema des ukrainischen Staates bildet insgesamt eine intertextuelle Schicht im Roman und spiegelt das Dilemma, die Identitätssuche und Zerrissenheit der jungen ukrainischen Generation von Intellektuellen wider, die sich in der heutigen ukrainischen Realität wie ein antiker Odysseus vorkommen. Sie wollen die Hoffnung auf ihr Ithaka nicht aufgeben und durch die Analyse ihrer Erfahrungen eine plausible und zukunftsüberzeugende Erklärung für das eigene Land finden. Diese ukrainische Thematik erscheint im Roman immer in enger Verbindung mit europäischen Phänomenen, sodass die Ukraine in Extremfall überhaupt nur als gedanklicheres Produkt erscheint:

Мені навіть здається, що ти народилася у Франції, що Ти мені казала, що народилася у Франції, якщо мені не зраджує пам'ять, Ти казала, що народилася на Заході департаменту Юкрен, префектура Ліїон, [...] (Havryliv 2006:29).⁶

Der Leser, der auf diese Odyssee mitgenommen wird, ist vom Gedankensturm des Autors, den sprunghaften Übergängen und deren codierten Verschlüsselungen bisweilen überfordert und verwirrt. Die Handlung des Romans ist in der Tat undurchschaubar, geht immer wieder in den eingeschobenen Rollen verloren und für den einfachen Leser unverständlich. Das betrifft aber auch die komplexe Sprache des Textes, die ständig zwischen verschiedenen natürlichen Sprachen pendelt – deutsche, französische, englische und seltener lateinische Einschüben finden sich in großer Menge – ein solcher hybrider Code setzt auf Seiten des Lesers große Kompetenzen voraus.

⁴ Im Park kamen natürlich eine Unmenge Insekten, Käfer, Gewürm und Holzbohrer vor; letzteren machte der Specht das Leben zur Hölle, indem er sie unter Rinde herauspickte. Beim ersten Klopfen ergriffen sie in Panik die Flucht, rannten und wuselten hin und her, versteckten sich und zitterten und fielen zuletzt vor lauter Grausen in Ohnmacht. Von Angst gelähmt, wurden sie vom Specht geschnappt, und da trat für einen Augenblick Ruhe ein; eine Minute später ging das Klopfen wieder los, und dementsprechend auch der Vorgang des Auseinanderlaufens, das Gerenne und Gewusel, Verstecken und Zittern. Und all das wiederholte sich Tag für Tag. Die Population nahm unaufhaltsam ab, weniger wegen der aufgefressenen Verwandten als wegen der ewigen Angst, in der man lebte, der ständigen Spannung und dem Frevel, der die Zahl der Infarkte und Todesfälle im besten Alter in die Höhe trieb, die Lust an der Fortpflanzung vergällte, zur Emigration zwang und schließlich einen Massenexodus auslöste, der in schwarzen Lettern in den in Rinde gehauenen Annalen der Borkenkäfer verzeichnet bleibt (Havryliv 2009:17).

⁵ Um beim Thema der Freude über das Wasser zu bleiben: Die Prozedur des Hahn Anhebens vollzog ich zu unterschiedlichen Tageszeiten, in der Hoffnung, den Hahn einmal zu überraschen und ohne Wasser anzutreffen, aber es gelang mir nicht, das Wasser rann und rann, von gleicher Farbe, von gleichem Druck, etwas, was mein Vorstellungsvermögen überstieg. Ungläubig rannte ich ins Badezimmer, hob den Wasserhahn auch dort an, beide Wasserhähne, beim Waschbecken und bei der Badewanne, hielt die Hand darunter, prüfte das Wasser mit den Fingern, als wäre es Erdöl – ich könnte Ölscheich werden und wäre mit Amerika befreundet - , ich lief hin und her, aus dem Zimmer ins Bad und aus dem Bad ins Zimmer, bis das Telefon läutete und ich eine halbe Stunde am Hörer hing (Havryliv 2009:11).

⁶ Mir kommt sogar vor, Du bist in Frankreich geboren, wenn mich nichts täuscht, hast Du gesagt, Du bist im Westen des Departements Youkraine, Préfectur Lyon, geboren (Havryliv 2009:29).

Das Spiel mit dem Code wird dadurch kompliziert, dass deutsche, englische und französische Worte nicht in lateinischen, sondern in kyrillischen Buchstaben geschrieben sind und damit deutlich verfremdet werden: Або з'їсти шніцель [Schnitzel], скажімо, кордон блю фом швайн [Cordon bleu vom Schwein], у шніцельгаус [im Schnitzel-Haus] напроти піцерії [Pizzeria] суходрабового італійця, дьонер кебаб [Döner Kebab] „міт шарф, міт зер шарф“ [„mit scharf, mit sehr scharf“] перед апетитною хлібарнею⁷, це цілий вік-енд [weekend] просидіти без води⁸, „Бонжур тужур сіль ву пле“ [„Bonjour toujours, s'il vous plaît“] – розлігся голос Абд Ар Агмана. „Сіль ву пле бонжур тужур“ [„S'il vous plaît, bonjour toujours“], – захвилювалося море і розтупилося⁹, Тоді я сказав „мерсі, тенк'ю, данке“ [„merci, thank you, danke“], коли ж аплодисменти були бодай трохи щедрішими, я додав „боку“, „вері мач“ [„beaucoup“, „very much“, „schön“] або „шьон чи зер“ [„schön“ oder „sehr“] відповідно¹⁰. Ein derart komplizierter „europäischer“ Code spielt auf eine Situation der Globalisierung an, in der ein jeder Mensch mehrere Sprachen versteht, in der diese aber auch austauschbar geworden sind und ihre Besonderheiten verloren haben.

Das Reisekonzept im postmodernen Text deutet auf den Wunsch des Protagonisten hin sein eigenes „Ich“ in einer Situation der generellen kulturellen Krise zu finden (Zaporožčenko 2009:11). Durch eine pointiert eingesetzte Mehrsprachlichkeit und Assoziierungselemente im Roman betont Tymofiy Havryliv diese Suche und den kulturellen Mangel innerhalb europäischen Grenzen. Alle diese Anspielungen in seinem Text tragen zu einem ständigen Diskurs mit bekannten europäischen Topoi bei, auch wenn diese nicht thematisiert werden.

Nach V. Zusman, ist dieses Konzept durch seine Dynamik, Unstabilität und Unausgeglichenheit bezeichnend, aber auch durch spezifische Wissensausstattung, Elemente des Bewusstseins, Bedeutungskonzentrat des Phänomens gekennzeichnet, die eine Gesamtheit von den Vorstellungen, Ideen, Assoziationen und Erinnerungen in Bewegung setzt. Dazu gehört auch die im Kontext der Postmoderne umfassende Bestimmung des Ziels, die durch eine ziellose Reise des Protagonisten ersetzt wird und anstatt Lösungen neue Zusammenhänge hervorbringt (Zaporožčenko 2009:11, 12).

Deshalb ist es auch für den Leser eine enorme Herausforderung textuellen Ebenen auseinanderzuhalten, intertextuellen Zwischengedanken zu berücksichtigen und den Text als Ganzes zu entziffern und zu verstehen. Hinzu kommen Phänomene wie die erwähnte Mehrsprachigkeit und der Wechsel der Schriftarten. Ein Sprachwechsel an sich ist innerhalb eines Textes als ein textstrategisches, stilistisches Verfahren zu verstehen und kann auch als ein Faktor der Verfremdung verstanden werden oder als Versuch des Autors seine sprachliche Virtuosität zu zeigen (Kremnitz 2004: 14). Diese Faktoren sind auch für Havrylivs Roman *Де твій дім, Одиссею?* einschlägig, obwohl die Identitätsfrage hier der Sprachwahl und Codewechsel eine Vorrangstellung einräumen könnte. Der Effekt der Collage wird auch vom Autor im Text eingesetzt, die auf der Ebene der Sprache unter anderem darin besteht, dass die Sprachbruchstücke in Textfiguren, mit ihren isolierten, zerbrochenen und verwischten Bedeutungsrelikten, den Leser auffordern neue Sinnzusammenhänge zu suchen (Eid 1979:45).

Dabei steht aber das wörtliche Verstehen nicht im Vordergrund – so mancher ukrainischer Leser wird weder die Vielzahl der Anspielungen, noch die diversen verwendeten Sprachen genau verstehen, er wird aber daran Assoziationen knüpfen. Damit wird der Text auf semantischer Ebene teilweise entleert, er wirkt aber in semiotischer Hinsicht: unverständene Bedeutungen werden zu Zeichen, die etwas suggerieren, nämlich: europäische Globalisierung, Vermischung und Austauschbarkeit, aber auch Verstehen und Kommunikation.

Dazu kommt eine weitere Vorstellung: Europa als eine Summe von Konsumgütern aus dem Alltag, die das Gefühl einer globalen, oberflächlichen, europaweiten Konsumgesellschaft vermitteln und die durchgehend im Text zu finden sind: „пріль“ [Pril], „гембл енд гембл“ [Procter & Gamble] (S. 13), „самсунг“ [Samsung] (S. 17), „серфінг“ [Surfing] (S. 24), „клей угу“ [Uhu-Kleber] (S. 53) und bis einschließlich zum internationalen „Макрональдс“ [eine Kontamination aus „Makro“ und „McDonalds“] (S. 77). Diese Gedanke wird u.a. durch das vom Autor eingeführte Verfahren der „Inventaraufnahme“ („Інвентарізацією інтер'єру“, S. 12) vertieft, die eine Menge von Konsumgegenständen einschließlich der Aufschriften auf deren Verpackungen zutage bringt:

Інвентарізацією інтер'єру.

Чого там тільки не було в тих шафках. Пральний порошок і реитки соняшникової олії, рис, і сіль, яка мене здивувала [...]. А це були чорний перець грубого помолу, початий пакет рису, соляні палички, темний соєвий соус (інгредієнти: вода, боби сої (20%), борошно, сіль, цукор, барвник Е 150с, смакотизатори Е 631 і Е 627, додавати за потребою), праска і чимало іншої всячини (Havryliv 2006:13).¹¹

⁷ Oder auch ein Schnitzel zu essen, ein *Cordon bleu vom Schwein*, im *Schnitzel-Haus*, gegenüber der Pizzeria des dürren Italieners, ein Döner Kebab „mit scharf, mit sehr scharf“ vor der appetitlichen Bäckerei (Havryliv 2009:9).

⁸ ein ganzes Wochenende ohne Wasser dazusitzen (Havryliv 2009:11).

⁹ „Bonjour toujours, s'il vous plaît“, dröhnte Abd Ar Rahmanov. „S'il vous plaît, bonjour toujours“, geriet das Meer in Bewegung und teilte sich (Havryliv 2009:19).

¹⁰ In diesen Fällen sagte ich „merci, thank you, danke“, wenn er aber etwas großzügiger ausfiel, setzte ich noch ein „beaucoup“, „very much“, „schön“ oder „sehr“ dazu (Havryliv 2009:22).

¹¹ Inventaraufnahme Interieur.

Das Bild von einer europäischen Massenkultur wird von Havryliv im nächsten Zitat deutlich gemacht, und schon am Anfang des Romans wird auf Globalität und Vermischung hingewiesen:

Це означає: вештаються між бароко і рококо, між ренесансом і кока-колою, романськими аркадами і парасольками вуличних столиків на тротуарах з рекламою мальборо, нескафе, пелмелу, з'їсти кусник піци в італійця на розі, який щоразу своєю суходрабістю руйнує мій стереотип про те, як виглядає справжній італієць. Маю підозру, що цей несправжній. [...] Або з'їсти шніцель, скажімо, кордон блю фом швайн, в шніцельгаусі напроти піцерії суходрабого італійця, дьонер кебаб "міт шарф, міт зер шарф" перед апетитною хлібарнею, де я, перш ніж повернутися додому, купую дві хрумки булочки, одну на вечерю (вона дійсно буде хрумкою), іншу - на сніданок (Havryliv 2006:8).¹²

Einerseits strebt die Ukraine danach, der EU-Ländern gewachsen zu sein und westliche Standards anzustreben, um in das von Havryliv erwähnte „Paradies“ zu kommen, andererseits wird jedoch der westliche Mangel an europäischer Kultur, die auf Konsumgesellschaft reduziert wird, kritisiert. Die folgende Äußerung des Autors im Text offenbart diese Zerrissenheit und Verzweiflung einen Osteuropäer:

Я заберу тебе, раз і назавжди. Ми вертатимемося назад, розтягуючи східний кордон Євросоюзу, мов тягиву, мов презерватив. Ми причепимо його до нашої корсиканської колісниці, й він зупиниться там, де зупинимося ми. Але ми не зупинемося. Ми помчимо. Ми понесемося оскаженілим вихором. Наш перепочинок буде не раніше, ніж проминемо останні солом'яні стріхи хутора Михайлівського. Можливо, ми помчимо далі, до Владивостока і Вудстока, Мельбурна й Антананаріву. Ми перетворимо маленький європейський міф на великий союз непорушних шістьох континентів. Це означає, що ми не зупинимося ніколи (Havryliv 2006:70).¹³

Ausgehend von den EU-Grenzen im Osten, die einmal mehr Gegenstand ironischer Beschreibung sind, wird hier zu einer Gegenbewegung angesetzt – nicht nach Westen, sondern nach Osten, wie zu einer Europa-Flucht, die aber auch über Asien („Wladiwostok“) hinausgeht und einen weltweiten Raum führt. Europa wird als Mythos entlarvt, aber diese globale Alternative ist von ebensolcher Ironie geprägt, vgl. das Wortspiel „Wladiwostok-Woodstock“. Auch in der Phrase vom „großen Bund der unzerstörbaren sechs Kontinente“ („великий союз непорушних шістьох континентів“ S. 70) ist die Anspielung auf die ehemalige Hymne der Sowjetunion nicht zu übersehen. Damit führt die Flucht aus Europa nicht nur nach Osten, sondern auch in die Vergangenheit eines zerfallenen Imperiums – und damit in die Sinnlosigkeit. Das erste Kapitel des Romans ist noch dazu mit einem Gedichtzitat von Taras Ševčenko's bekanntem Gedicht *Зановим* („Vermächtnis“) abgeschlossen („Як умру, то поховайте“, „На Україні милій“ S. 89), was darauf hindeutet, dass weder der ukrainische Odysseus, noch seine Heimatland auf dem Weg zum ersehnten Ithaka, einem festen Platz in Europa, sind. Die Parallele zu Odysseus, der sein Ithaka noch nicht erreicht, wird einmal mehr deutlich.

Bibliographie

- Eid, Klaus, 1979: *Collage und Collagieren*. München: Don Bosco Verlag.
 Kremnitz, Georg, 2004: *Mehrsprachigkeit in der Literatur*. Wien: Ed. Praesens.
 Havryliv, Tymofiy, 2006: *De tvij dim, Odyseju? L'viv*: Piramida.
 Havryliv, Tymofiy, 2009: *Wo ist dein Haus Odysseus?* Zürich: Ammann Verlag & Co.
 Simonek, Stefan, 2009: Beobachtungen zur regionalen Ausdifferenzierung der zeitgenössischen ukrainischen Literatur. In: *Wo liegt die Ukraine?* Höhne, Steffen, Ulbrich, Justus. H (Hg.). Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, S. 109-126.
 Schmitz-Emans, Monika, 2004: *Literatur und Vielsprachigkeit*. Heidelberg: Synchron.
 Zaporozhchenko, Julija, 2009: Konzept podorožy v súčasnomu postmodernists'komu teksti (Ju. Andruchovyč, A. Stasjuk). In: *Slovo i Čas*. № 7, Kyjiv, S. 11-18.

Was sich nicht alles in diesen Schränken fand! Waschpulver und Reste von Sonnenblumenöl, Reis, und Salz, das mich verblüffte, [...]. Dann gab es da noch grob gemahlene schwarze Pfeffer, ein aufgerissenes Päckchen Reis, Salzstangen, dunkle Sojasauce (Bestandteile: Wasser, Sojabohnen 20%, Mehl, Salz, Zucker, Farbstoff E 150c, Geschmacksverstärker E 631 und E 627, nach Bedarf beizumengen), ein Bügeleisen und allerlei anderen Kram (Havryliv 2009:14).

¹² Es bedeutet, zwischen Barock und Rokoko, zwischen Renaissance und Coca-Cola, romanischen Arkaden und Marlboro-Nescafé-Sonnenschirmen von Straßencafés flanierend, ein Pizzastück zu essen beim Italiener an der Ecke, einer Bohnenstange, die meine Vorstellung von dem, wie ein echter Italiener auszusehen hat, zum Kippen brachte. [...] Oder auch ein Schnitzel zu essen, ein *Cordon bleu vom Schwein*, im *Schnitzel-Haus*, gegenüber der Pizzeria des dürren Italieners, ein Döner Kebab „mit scharf, mit sehr scharf“ vor der appetitlichen Bäckerei, in der ich mir vor dem Heimgehen zwei knusprige Semmeln kaufe, eine fürs Abendessen (die wird tatsächlich knusprig sein), eine fürs Frühstück (Havryliv 2009:9).

¹³ Ich werde dich mitnehmen, ein für allemal. Wir werden zurückkommen und die EU-Grenzen Osten wie einen Bogen dehnen, wie ein Präservativ spannen. Wir werden sie an unseren korsischen Radwagen heften, und sie wird erst dort zum Stehen kommen, wo wir stehen bleiben. Wir werden aber nicht stehen bleiben. Wir werden weitersausen. Ein außer Rad und Bandgeratener Sauserwind. Halt werden wir nicht eher machen, als wir die letzten Strohdächer des Grenzweilers Michailivske hinter uns gelassen haben. Vielleicht rasen wir weiter, bis Wladiwostok und Woodstock, Melbourne und Antanariva. Wir werden den kleinen europäischen Mythos in einen großen Bund der unzerstörbaren sechs Kontinente verwandeln. Wir werden also nie stehen bleiben (Havryliv 2009:68).

Анель Кобпаева

L.N.Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
akunya24@mail.ru

Некоторые проблемы диалектной лексикографии в трудах В.И. Даля

ABSTRACT: In the article "About dialects of Russian language", written by Dahl, considered concerns about the design of the lexical part of speech. Classification of Russian folk dialects have been developed by Russian scientists such as M. Maksimovich, N. Nadezhdin. The works of these scientists have been critical understood by V.I. Dahl. Later, he developed his own classification of Russian dialects. In this work first represented an extended territory of distribution of Russian dialects.

Keywords: dialects of Russian language, classification of Russian dialects, dialect, speech

В.И. Даль является не только автором известнейшего словаря, но и автором целого ряда работ, посвященных теории языкознания. Наиболее известными его работами являются: «Напутное слово» к словарю, доклад «О русском словаре», статьи «О наречиях русского языка», «Ответ на приговор», «Полтора слова о нынешнем языке».

В частности, в своих научных работах В.И. Даль писал о развитии русского литературного языка, борьбе против иностранного лексического наслоения на русский язык, нормах литературного языка и окказионализмах в словоупотреблении, системе русского словообразования, методах и приемах в определении значения слова, соотношении лексического значения слова и реально-энциклопедического, этнографического, об этимологии слова, грамматической характеристике слова и ее отражении в словарной статье, фразеологии, ее границах, о живой устной речи и лексикографической практике и мн. др.

Нужно отметить, что все языковедческие проблемы затрагивались В. И. Далем только в связи с лексикографической практикой, и его выводы имеют прямое отношение к составлению словаря.

В статье «О наречиях русского языка», написанной В.И. Далем как рецензия на «Опыт областного великорусского словаря» под редакцией А.Х. Востокова, были рассмотрены некоторые проблемы лексикографического оформления данной части речи. В.И. Даль рассматривает проблемы фонетического варьирования слова в говорах, выбора основного фонетического варианта, который можно было бы поместить в качестве заглавного слова словарной статьи. Критикуя отдельные места рецензируемого издания, В.И. Даль приходит к выводу о необходимости предпослать диалектному словарю очерк фонетических особенностей русских говоров, который бы снимал с лексикографа необходимость приводить в словаре различные фонетические варианты и позволил бы ему дать заглавным слово, записанное в соответствии с правилами современной ему орфографии.

Классификация русских народных говоров уже была разработана российскими учеными М.А. Максимовичем, Н.И. Надеждиным. Работы этих ученых были критически осмыслены В.И. Далем. В дальнейшем, он разработал свою классификацию русских говоров:

- все говоры он делит на акающие и окающие;
- затем окающие подразделяет на северные и восточные, а акающие – на южные и западные;
- далее выделяет сибирское, новороссийское и донское;
- затем уже дается более подробная характеристика на уровне уездов и даже отдельных населенных пунктов.

В статье впервые представлена расширенная территория распространения русских говоров, где они выделяются из восточнославянских (ср. с системами М. В. Ломоносова, Н. И. Надеждина, М. А. Максимовича и др.), классификация охватывает всю территорию распространения русского языка (чего не делала ни одна классификация до него; например, М. А. Максимович отбрасывал весь юг России и т. д.). Это и является главной особенностью его классификации наречий.

В.И. Даль ясно осознавал необходимость выработки научной терминологии для обозначения различных языковых территориальных единиц. Им предложена следующая терминология: «наречие», «говор» (употреблялись и до него) и «мольвь» и «речь» (В.И. Даль), которые не прижились в языке; нужно заметить, что в своей статье Владимир Иванович их не употреблял и территорий для этих двух языковых категорий не выделял. Под «наречием» В.И. Даль понимал «язык не довольно самостоятельный», «все уклонения от языка письменного, образцового», «за самостоятельный по развитию и обращению язык должно принимать тот, у которого есть своя грамматика и письменность; за наречие - незначительное уклонение от него, без своей грамматики и письменности». Говор же - «еще менее значительное уклонение», «по пословице: что город, то норов, что деревня, то обычай, что двор, то говор».

Таким образом, наречие – это крупная единица диалектного членения языка, имеющая, свои признаки: 1) отсутствие кодификации, 2) местные отклонения от литературных норм, 3) относительное внутреннее единство. Говор, по мнению ученого, мельчайшая единица диалектного членения.

В других классификациях, создаваемых на недостаточном материале, было много непоследовательного, противоречивого, что обнаруживалось нередко уже при вычлениении самых крупных единиц диалектного ландшафта. Так, А. Шафонский весь украинский языковой массив разделил на пять наречий, К. Михальчук — на три, А. Соболевский — на два. В. Ганцов позже снова ограничился тремя наречиями, хотя сочленением, предложенным К.П. Михальчуком, эта классификация имела мало общего — лишь одно северноукраинское наречие. И.И. Срезневский объединил севернорусское наречие с “сибирским”, а южнорусское — с “донским”.

В.И. Даль же смотрел на донские говоры совершенно по-иному, выделив их в качестве самостоятельной единицы. Здесь проявилось в значительной мере языковое чутьё “В. Луганского”: говоры Дона в то время были изучены еще крайне слабо, наука располагала информацией лишь об отдельных “островках” этих говоров, но было ясно, что они позднего образования и возникли как результат взаимодействия элементов различных более северных говоров, носители которых в разное время пришли на Дон.

Неосомненно, полезными для науки XIX в. были представления В.И. Даля о границах между говорами восточнославянских языков, прежде всего русского. С замечаниями о “переходных” и “смешанных” говорах мы встречаемся еще в 1-й половине XIX в. К примеру, И. Вагилевич писал о переходном характере курских и орловских говоров от украинского языка к русскому, овруцкого говора - от украинского языка к белорусскому. И. И. Срезневский несколько позже отметил особые, смешанные говоры на границах трех восточнославянских языков.

В.И. Даль также в своих работах использовал определения, хотя и менее терминологичные по отношению к говору, “смешанный” и “переходный”. В упомянутой выше рецензии на “Опыт областного великорусского языка”, ставшей впоследствии вступительной статьей “О наречиях русского языка” к “Толковому словарю живого великорусского языка”, В.И. Даль стремился определить характер диалектного разграничения. «Пермская губерния, — писал автор рецензии, — по наречию западной части своею вполне принадлежит Вятке, северною сближается с Архангельском (по р. Колве, Вишере), южною к смеси северного и восточного говоров». И далее: «здесь (в зауральской области) постепенно новгородский и суздальский говоры сливаются». Описывая вологодское наречие, В. И. Даль сообщал о говоре, что он “переходит в суздальский”, принимая особенности костромского и вятского говора. Характеризуя говоры Заволжья, исследователь квалифицировал их как принадлежащие “еще на половину к наречию новгородскому”, а южную часть Новгородской губернии считал примечательной, по переходу владимирского наречия в рязанское. В системе схождения и расхождения говоров, представленной Далем, нашлось место и говору Ельца. Как считал автор, Трубчевск Орловской губернии “принадлежит более Малороссии, а Елец — Тамбову”. Есть и менее удачные места в характеристике перехода говоров, так пишет Владимир Иванович о переходе говора в определенный уезд, «Меленковский уезд еще более замечателен как переходный: в примуромской половине говор муромский, но в южной - наречие рязанское, акающее, но со странной примесью».

В тот период говоры были изучены в незначительной степени, и любое утверждение могло быть опровергнуто каким-нибудь новым исследованием, новым фактом. В.И. Даль впервые представил совокупности переходных говоров, сопровождаемой попыткой указать некоторые особенности местной речи, подтверждающие ее переходный характер, стремление определить степень проникновения, степень схождения говоров друг с другом.

Почему и в современной лингвистике нужно уделять внимание данной части речи? Мы считаем, что это необходимо, особенно для русистов, так как изучение местных территориальных говоров важно и для понимания многих литературных произведений писателей прошлых веков. В школе также немаловажно отвести некоторое время для изучения этого раздела: школьникам это нужно по той же причине.

Также данная работа дает возможность увидеть границы между наречием как частью речи и наречием как местным территориальным говором.

Таким образом, научные исследования В.И. Даля на много лет опередили большинство разработок ученых 19 века. Положительно то, что он попытался указать не только на «положительный» признак наречия, диалекта, говора, наличие в них того или иного признака, но и на «отрицательный», т.е. отсутствие такого признака в изучаемом говоре. Его деятельность заключалась в изучении различных сторон русских говоров, в попытках их классификации и установления границ между ними. И.А. Оссовецкий писал, что по своему материалу статья Даля «О наречиях русского языка» значительно превосходит все другие работы этого типа.

В своих работах В.И.Даль показал выразительность живого русского слова, создал энциклопедию быта, нравов, обычаев, ремесел, игрищ, обрядов прошедших столетий, которые нашли и свое лексикографическое отражение в «Словаре живого великорусского языка».

Литература:

- Виноградов В.В.(1978), Русская наука о русском литературном языке. Москва, «Высшая школа».
- Бабкин А.М. (1955), Толковый словарь В. И. Даля. Москва.
- Даль В.И. (1852), О наречиях русского языка. По поводу «Областного великорусского словаря». Москва, 2-ое отделение Академии Наук.
- Срезневский И.И. (1850), Мысли об истории русского языка. Санкт-Петербург.
- Михальчук К.П.(1872), Наречия, поднаречия, говоры южной России в связи с наречиями Галичины, Санкт-Петербург.
- Соболевский А.И.(1892), Очерк русской диалектологии. Санкт-Петербург.
- Самотик Л.Г. (1984), Русское народное слово в историческом аспекте. Красноярск.

Paulína Kováčová

Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia
paulina.slosarova@gmail.com

Osobnosť novinára v masmediálnej komunikácii

ABSTRACT: Study which name is Personality of journalist on mass media communication deals with communication skills of news text author and there is many facts such as: social, economic, politic, ethic, which have influence on his work. It points out author as a subjective actor in communication process. The work is focused on pragmatic intent and persuasion of news text. Author ponders over presentation possibilities of a journalist's individuality and creativity in news text.

Keywords: journalist, slovak mass-media sector, communication, news

Úvod

Masmédiá, bulvár, spravodajstvo, novinárska etika, sloboda slova, právo na informácie... Pojmy, na ktoré v súčasnosti narážame takpovediac z každej strany. Je samozrejmé, že na ne reflektujú viaceré vedné oblasti od filozofie, cez semiotiku, politológiu... až po lingvistiku. Zohľadniac moderné trendy sa leitmotívom tohto príspevku stáva masmediálna komunikácia. Predkladáme v ňom teoretické zázemie i osvetlenie východísk, na báze ktorých sa realizuje výskum slovenskej tlače, koncipovaný v súlade s orientáciou pôsobiska, o ktorom sa v slovenskom kontexte hovorí ako o banskobystrickej sociolingvistickej škole. Pozornosť sa zo sféry masmédií zužuje na expedienta mediálnej komunikácie – novinára, konkrétnejšie autora spravodajského textu a jeho (ne)schopnosť komunikovať. Sústrediť sa na komunikačné zručnosti a majstrovstvo komunikácie v slovenskej masmediálnej sfére je atraktívne nielen pre svoju interdisciplinárnu povahu, osciláciu medzi mediológiou a lingvistikou, ale aj preto, že pohľad na novinára z takéhoto zorného uhla zostáva opomenutý.

Umenie komunikácie

Pozorovať život spoločnosti, zachytávať jej obraz, pretaviť ho do slov, a pritom ho nepokryť, je naozaj majstrovstvom. Novinár realizuje tento zámer prostredníctvom svojich komunikačných zručností, od kvality ktorých závisí celkové vyznenie a dosah jeho práce. Novinárova schopnosť komunikovať sa však nepretavuje iba do jazyka, do voľby adekvátnych verbálnych (lexikálnych a syntaktických) a neverbálnych prostriedkov, ale aj do vhodného výberu témy a miery oslovenia zadaného alebo zvoleného čitateľa vzhľadom na uvedené skutočnosti a spôsob, akým informáciu sprostredkuje. Najdôležitejšou súčasťou umenia komunikácie (akéhokoľvek expedienta) je, bezpochyby, úspešne zrealizovať svoj zámer. Zvoliť si „dobrú“ tému, uchopiť ju vecne, objektívne, neopomenúť fakty a všetko jazykovo stvárniť, je hlavným poslaním novinára.

Novinár a...

Český esejista G. Laub povedal: „*Novinár je spisovateľ, jehož tvůrčí fantazie je poněkud omezována skutečností.*“ Vychádzajme z druhého významu tohto aforizmu a pozrime sa na to, aké faktory skutočného sveta ovplyvňujú novinársku prácu. Pozíciu novinára tvorí systém jeho vzťahov k spoločnosti, k práci, k recipientom, ale aj k sebe samému. Predpokladáme, že vzťah novinára k ostatným novinárom funguje, tak ako v mnohých iných povolaniach, na báze konkurencie. Dokazuje to jav, pri ktorom sa rovnaké správy objavujú v rôznych médiách, pričom novinári publikujúci v jednotlivých periodikách majú snahu priniesť čitateľovi tieto správy jednak v predstihu pred konkurenciou, a zároveň bohatšie o fakty a súvislosti, ktoré do zverejnenia zvyčajne držia v utajení. Popri tomto konkurenčnom, v podstate dezintegrujúcom fenoméne vnútri novinárskej obce, existuje zároveň tendencia integrujúca, ktorá odráža spoločenskú funkciu a potrebu vyššie spomínaných priorít práce novinára. Formálne novinárov pracujúcich v tlači, rozhlase, televízii a tlačových agentúrach na Slovensku združuje Slovenský syndikát novinárov (od r. 1990).

Z ekonomických faktorov ovplyvňujúcich prácu novinára uveďme vzťah k zamestnávateľovi, t. j. charakter pracovného pomeru (v súčasnosti hlavne na živnosť) a finančné ohodnotenie. V širšom meradle ide o vzťah mediálneho systému k politickej moci a pohľad na činnosť médií ako na ekonomický proces, ktorého výsledkom je vznik určitej komodity (implicitne obsiahnutý zisk). Autorská dvojica D. C. Hallin a P. Mancini (2008) identifikovala modely prepojenia mediálneho a politického systému. Pozorovanie povahy vzťahu medzi médiami a štátom ponechávame bádateľom z iných spoločenských vied. Akcentujeme iba to, že politické a ekonomické činitele majú značný vplyv na realizáciu mediálnej komunikácie, majú za následok orientáciu na čo najväčšie trhy, vyhýbanie sa rizikám, obmedzovanie investícií do menej výnosných mediálnych aktivít (investigatívna žurnalistika a zahraničné spravodajstvo), prehládanie menších a chudobnejších segmentov potenciálneho publika a u spravodajských médií často politicky nevyvážený záber spravodajstva.

Etické zásady novinárskej profesie sú však jej nediskutovateľnou súčasťou. Prináleží k nim požiadavka prinášať pravdivé informácie, byť čestným, rešpektovať právo iných na slobodu prejavu a rešpektovať ľudskú dôstojnosť, zodpovedať za svoje skutky a ich dôsledky a slúžiť verejnému záujmu (Remišová 2010: 88). Hodnoty a pravidlá novinárskej práce sú zachytené v Etickom kódexe novinára vytvorenom Slovenským syndikátom novinárov.

Novinár ako subjektívny faktor

Zmeňme na moment zorný uhol a pozrime sa na novinára z hľadiska spravodajského textu. Novinár sa považuje za subjektívny komunikačný činiteľ participujúci na jeho vzniku. V súčasnosti, v súlade s požiadavkou objektívnosti (strohosti) spravodajstva, sa autorova osobnosť výrazne neexponuje (na rozdiel od 19. storočia, viac pozri Ch. A. Dana 2006). Svojrásnosť, individualita a kreativita novinára vplyvajú na podobu textu, ho odlišujú od ostatných. Rozmenciac individualitu na drobné, ide o tieto faktory: intelektuálne danosti, úroveň vzdelania, povahové a mentálne vlastnosti autora, temperament, momentálny fyzický a psychický stav, záľuby, biologické faktory atď. V súvislosti s individuálnymi danosťami expedienta treba ešte spomenúť komunikačnú kompetenciu, vymedzovanú ako „*schopnosť používateľa jazyka používať jazykové prostriedky v súlade s danou komunikačnou situáciou. Komunikačná kompetencia v sebe zahŕňa sociálne a lingvistické znalosti a interpretačnú schopnosť, ktorá spočíva v tom, že používateľ jazyka dokáže identifikovať, ktoré sociálne a lingvistické znalosti sú v danej situácii relevantné*“ (Dolník 1993: 117).

Faktorom ovplyvňujúcim prácu novinára môže byť i typ média. Vychádzame z myšlienky M. McLuhana, ktorý typu média sprostredkujúceho komunikáciu pripisoval zásadný význam: „*Každé komunikačné médium predstavuje jedinečnú umeleckú formu, ktorá zdôrazňuje určité ľudské schopnosti na úkor iných schopností*“ (McLuhan 2000: 67). Hoci McLuhanova úvaha je orientovaná na perцепčnú zložku komunikácie, na základe povedaného sa nazdávame, že niektorý expedient môže byť schopnejší v pozícii novinára, rozhlasového či televízneho redaktora.

Pristavme sa pri problematike pragmatickej intencie, pod ktorou sa rozumie „*úmysel hovoriaceho v komunikačnom procese*“. J. Dolník ďalej zdôrazňuje, že „*za základné, rozhodujúce pri vyriešení istej vety v komunikácii sa považuje to, čo mieni (má na mysli) hovoriaci touto vetou...*“ (Dolník 2009: 255-256). Zaostriac pozornosť na expedienta v komunikačnom procese nás zaujíma nielen to povedané, ale aj to mienené. Prvotným úmyslom novinára je čitateľa informovať. V súčasnom spravodajstve nie je výnimkou ani prítomnosť persúázie v explicitnej alebo latentnej podobe. Myslíme si, že novinári ťažia z existencie toho, čo J. Dolník nazýva tzv. persúázivnou klímou (2009). Vhodnou príležitosťou na uplatnenie hĺbkovej persúázie je obdobie predvolebnej kampane, keď novinári v textoch, ktoré vydávajú za správy, zdôrazňujú za účelom ovplyvniť a presvedčiť napríklad vzdelanostný a profesijný profil voliča istej časti politického spektra alebo politickej strany. S latentnou persúáziou môže súvisieť i novinárska technika mediálneho rámcovania (tzv. framing) čiže zasadzovania do kontextu, interpretovania izolovaných faktov a predstavovania udalosti s dôrazom na niektoré aspekty, príp. prezentácie stereotypu (v Dolníkovom ponímaní). Novinár má teda moc formovať čitateľa v duchu myšlienky: „*Médiá vám nutne nepovedia, čo si myslieť, ale povedia vám na čo myslieť a ako na to myslieť*“ (McChesney 2009: 16). Z formulácie však vyplýva aj úloha novinára vyberať udalosti, ktoré majú predpoklad na to, aby sa stali správami, primeraným spôsobom ich dosadiť do kontextu a adekvátne jazykovo stvárniť.

Pripomíname, že v texte sa popri význame denotatívnom môže vyskytovať i význam konotatívny. Tento prístup k analýze textu demonštroval R. Barthes a myšlienku rozvinul zavedením koncepcie mýtu. Barthes považuje mýtus za prehovor definovaný oveľa viac intenciou ako doslovnosťou. Neúplnosť umožňuje autorovi ponechať nevysslovenú interpretáciu spravodajskej udalosti v kompetencii čitateľa a pracovať tak s jeho schopnosťou konotácie na základe poznania kultúrneho pozadia.

Treba dodať, že aj keď novinár zohľadní všetky relevantné faktory komunikácie, kultúrne prostredie, možnosti a účinky média, bude pracovať so slovom i obrazom, v konečnom dôsledku musí počítať s tým, že interpretácia čitateľa už nie je v jeho rukách.

Individuálny štýl novinára a spravodajský text?

V súčasnosti, na rozdiel od počiatkov novinárstva, je jednou z najexponovanejších požiadaviek spravodajstva (spravodajskou hodnotou) úsilie o objektívnosť (viac pozri McQuail 2009, Michalewski 2001, Westerstahl 1983). V súvislosti s požiadavkou smerujúcou k objektívnosti, vecnosti a nestrannosti vyvstáva otázka, kde zostáva priestor pre prejavy tvorivosti autora. Myslíme si, že novinárovo umenie komunikovať sa v texte môže manifestovať v rovine tematickej, jazykovej a v rovine informačnej kvality. Uchopenie každej roviny podlieha autorovmu zámeru, závisí od jeho osobnostných, vzdelanostných dispozícií, etických preferencií a komunikačnej kompetencie. Ak ide o rovinu tematickú, novinár sa môže prezentovať prostredníctvom výberu témy (ak mu nie je zadaná), zasadenia do kontextu i spôsobu spracovania (seriózne vs. bulvárne). Individuálnou záležitosťou je úroveň poznania témy, osobité videnie reality i chápanie udalosti, ktoré sa stvární výrazovými prostriedkami. Voľba témy/udalosti je úzko spätá so spravodajskými hodnotami. Na pleciah autora spočíva rozhodnutie, či sa pri nej bude orientovať podľa spravodajských hodnôt, či bude postupovať na základe kategórií ľudí, čas a miesto, alebo či sa pokúsi o vytvorenie tzv. mediálnej udalosti. Ťažisko novinárovoho umenia komunikovať sa nachádza vo výrazovej oblasti, pretože pri výbere výrazu musí zohľadniť jeho pragmaticko-sémantickú i štylistickú hodnotu. Pričom nejde iba o vhodné lexikálne, ale aj syntaktické prostriedky. V závislosti od zámeru sa súčasťou novinárskej práce môžu stať rôzne prostriedky a techniky manipulácie prejavujúce sa v úrovni kvalitatívnej, napríklad v zastieraní faktov, alebo jazykovej.

Autor môže demonštrovať svoje umenie komunikovať a pozitívny obraz seba ako novinára vytvárať tak, že sa neoddeliteľnou súčasťou jeho práce stanú relevantné fakty, presnosť a transparentnosť v zobrazovaní,

vecnosť, vyváženosť a dodržiavanie novinárskej etiky. Vzhľadom na rôznu povahu periodík si autori zámerne volia odlišné uhly pohľadu v spracovaní rovnakej udalosti, zameriavajú sa na rozdielne fakty alebo si vyberajú iné témy. Rovnako je to i vo sfére jazykových prostriedkov. Svoj podiel na tom nesie diferencovaná čitateľská obec, funkcia jednotlivých spravodajských textov i osobné preferencie. Tieto skutočnosti poskytujú rozmanitú vzorku komunikačných kompetencií novinárov a odzrkadľujú rozsah ich komunikačných zručností.

Na záver

Na to, aby komunikácia novinára s čitateľom nebola iba výsledkom rutiny, ale prejavom istého majstrovstva, novinárovi nestačí osvojiť si iba schopnosť používať jazykové prostriedky. Musí vedieť zvoliť také, ktoré korešpondujú s komunikačnou situáciou a, čo je najdôležitejšie, s jeho zámerom. Ako sme už naznačili, novinárovo umenie komunikovať sa nepretavuje iba do jazyka, do voľby adekvátnych verbálnych (lexikálnych a syntaktických) a neverbálnych prostriedkov, ale aj do vhodného výberu a stvárnenia témy a spôsobu, akým informáciu sprostredkuje. Predkladáme teda zmenu výskumnej paradigmy od sledovania „čo“ novinár hovorí, k tomu „ako“ to hovorí. Výskum je o to zaujímavejší, že všetci novinári zohľadňujú rovnakú funkciu komunikácie, pri výbere témy rovnaké alebo podobné spravodajské hodnoty, ale pri voľbe zorného uhla (spracovaní témy) a voľbe výrazových prostriedkov už každý novinár zohľadňuje rôzne očakávania čitateľa.

Literatúra

- Dana, Charles Andrew (2006), Novinárska profesia. In: *Otázky žurnalistiky*. 49/3-4, 225-234.
- Dolník, Juraj (2009), *Všeobecná lingvistika: Opis a vysvetľovanie jazyka*. Bratislava, VEDA.
- Dolník, Juraj (1993), *Všeobecná lingvistika: Sémantika a pragmatika*. Bratislava, Univerzita Komenského.
- Etický kódex novinára Slovenského syndikátu novinárov*. [online].[cit. 2011-07-01]. Dostupné na internete: <<http://www.ssn.sk/?id=51&num=10&xns=20&lang=sk>>
- Hagen, Lutz (2004), Informačná kvalita a její měření. In: *Analýza obsahu mediálních sdělení*. Praha, Karolinum.
- Hallin, Daniel C. – Mancini, Paolo (2008), *Systémy médií v postmoderním světě*. Praha, Portál.
- McChesney, Robert W. (2009), *Problém médií*. Všeň, Grimmus.
- McLuhan, Marshall (2000), *Člověk, media a elektronická kultura*. Brno, Jota.
- McQuail, Denis (2009), *Úvod do teorie masové komunikace*. Praha, Portál.
- Michalewski, Kazimierz (2001), Obiektiwizm informacji. In: *Jazyková komunikácia v 21. storočí*. Banská Bystrica, Fakulta humanitných vied, 50-65.
- Remišová, Anna (2010), *Etika médií*. Bratislava, Kalligram.

Wtórna imperfektywizacja czasownika w języku rosyjskim i polskim w świetle koncepcji aspektu słowiańskiego

ABSTRACT: This paper investigates the phenomenon of the secondary imperfectivisation in Russian and Polish. The essence of this phenomenon is the occurrence of so called 'aspectual trios' – the imperfective verb, the perfective verb, and the secondary imperfective verb (Rus.: *есть - съестъ - съедать*; Pol. *jeść-zjeść-zjadać*). The status of 'aspectual trios' is often questioned, that's why it's important to define the aspectual characteristics of the secondary imperfective verb.

Keywords: verb, verbal aspect, secondary imperfectivisation, aspectual pairs, aspectual trios

Zjawisko tzw. wtórnej imperfektywizacji czasownika należy do zagadnień wyjątkowo zaniedbanych przez lingwistów. Istota tego zjawiska polega na występowaniu **trójek aspektowych** czyli czasownika niedokonanego, czasownika dokonanego i derywowanego od niego wtórnego imperfektywu, np. ros. *есть – съестъ – съедать*; pol. *jeść – zjeść – zjadać*. Członki trójki aspektowej powiązane są stosunkiem derywacyjnym i posiadają wspólne znaczenie leksykalne, co stanowi również warunek istnienia pary aspektowej. W związku z tym trzy czasowniki, takie jak: ros. *писать – переписать – переписывать*, pol. *pisać – przepisać – переписывать* nie stanowią trójek aspektowych, gdyż wymienione czasowniki różnią się semantycznie. Wśród nich, zgodnie z tradycyjną koncepcją aspektu, wyróżnić należy 2 „pojedyncze” czasowniki ros. *писать*, pol. *писать* oraz 2 pary aspektowe: ros. *переписать – переписывать* i pol. *преписать – переписывать*.

Występowanie tzw. trójek aspektowych (ros. видовые тройки) wcale nie jest zjawiskiem peryferyjnym, a wręcz opiera się na tym samym mechanizmie, dzięki któremu tworzone są pary aspektowe (Зализняк, Микаэлян 2007: 463). W wyniku operacji formalnej polegającej najczęściej na przyłączeniu tzw. sufiksu imperfektywizacji - pol. *-iwa/-ywa-*, ros. *-ива/-ыва-* do podstawy werbalnej czasownika dokonanego otrzymujemy czasownik niedokonany złożony – wtórny imperfektyw, np. pol. *kopać – wykopać – выкопывать*; ros. *нуть – вынуть – вынимать*. Przy pomocy tego samego środka niektóre czasowniki tworzą tylko parę aspektową, np. *опоздать – опаздывать*. Zdaniem takich badaczy jak A.A. Zalizniak (А.А. Зализняк), I.L. Mikaeljan (И.Л. Микаэлян) istnienie trójek aspektowych nie neguje pojęcia pary aspektowej, konstytuującej aspekt jako kategorię gramatyczną. Podobnego zdania jest również V.S. Chrakowskij (В.С. Храковский) twierdząc, iż obecność wtórnego imperfektywu nie wpływa negatywnie na stosunki aspektualne zachodzące między członami pary aspektowej: czasownikiem niedokonanym i dokonanym. Z kolei L. Jasai (Л. Ясаи) dochodzi do wniosku, iż czasownik dokonany tworzy parę aspektową zarówno z czasownikiem niedokonanym prostym, jak i z wtórnym imperfektywem (Ясаи 2001: 106).

Istotną rolę odgrywa relacja łącząca prosty czasownik niedokonany i wtórny imperfektyw.

Z jednej strony, wtórny imperfektyw, użyty w rozumieniu czynności niejednokrotnej i uzualnej, występuje z czasownikiem niedokonanym (prostym) w relacji kwazi-synonimii, np. pol. *On pije/wypija dwie szklanki mleka codziennie*; ros. *Он пьет/выпивает три стакана молока каждый день* (Зализняк, Микаэлян 2007: 464). W języku rosyjskim bywa, że zamiana wtórnego imperfektywu przez czasownik niedokonany prosty niesie istotną różnicę pragmatyczną, np. zdanie wypowiedziane przez lekarza: *Больному лучше, он уже каждый день съедает по тарелке супа* (Зализняк, Шмелев 2001) (tłum. pol. *Chory poczuł się lepiej, codziennie zjada talerz zupy*) jest całkowicie neutralne. Użycie formy *ест* wprowadziłoby do wypowiedzi zbyt dużą poufałość (op. cit.). Do ciekawych wniosków prowadzi porównanie kontekstów z użyciem imperativu i imperativu z negacją, np. *прочитай записку!* vs. *не читай записки!* / **не прочитывай записки!* (Храковский 2005: 51). Przy negacji używany jest czasownik prosty, a nie wtórny imperfektyw, co według niektórych badaczy świadczy o opozycji binarnej czasowników *читать – прочитывать* jako pary aspektowej. Użycie wtórnego imperfektywu jako imperativu z negacją niesie ze sobą dodatkowe znaczenie wykonania czynności do samego końca, np. **A:** *Я выпью сок* **B:** *Только не выпивай весь сок!* (op. cit.). Co ciekawe, wtórny imperfektyw jest tu rozumiany jako wyrażenie czynności jednokrotnej, chociaż zwyczajowo traktuje się tego rodzaju konstrukcje jako iteratywne i habitualne.

Z drugiej strony, wtórny imperfektyw zachowuje semantyczne i syntaktyczne właściwości czasownika dokonanego, od którego został utworzony (Храковский 2005: 56). Porównajmy zdania w praesens historicum: *Он берет записку, читает ее и выбегает из комнаты* vs. *Он берет записку, прочитывает ее и выбегает из комнаты*. Na owych przykładach widoczna jest cienka granica semantyczna, jaka dzieli dwa imperfektywy: „pierwotny” i wtórny. Forma *читает* nie niesie informacji o tym, że czynność dobiegła końca, w odróżnieniu od formy *прочитывает*, która to „odziedziczyła” część perfektywności po dokonanym czasowniku *прочитать*. Z tego właśnie powodu niektórzy aspektolodzy skłonni są uznać czasowniki

прочитать – прочитывать za parę aspektową (por. Зализняк, Шмелев 2001). Co więcej wtórny imperfektyw w przeciwieństwie do prostego czasownika niedokonanego wymaga wypełnienia pozycji argumentowej w postaci dopełnienia bliższego, np. *Я не умею кроить ф. vs. Я не умею выкраивать рукава* (Петрухина 2000: 96).

Szczególnie interesujące wyniki badań dostarcza analiza formy niedokonanej i formy imperfektywizowanej pod kątem ich łączliwości z określnikami temporalnymi. Czasownik ros. *съедасть*, pol. *zjadać* wykazuje ograniczoną łączliwość z określnikami typu: *долго* (*долго*), *теперь* (*сейчас*), *са́мый ве́чер* (*целый вечер*) itp. zarówno w czasie teraźniejszym, jak i przeszłym, np.: ros. *Я сейчас *съедаю/ем курицу*, pol. *Теперь *zjadam/jem kurczaka*; ros. *Я долго *съедала/ела обед*, pol. *Долго *zjadałam/jadłam obiad*, ros. *Он целый вечер *выпивал/пил одну чашку чая*, pol. *Са́мый ве́чер *wypijał/pił filiżankę herbaty*. Nawet gdy w zdaniu występuje wykładnik habitualności, łączliwość wtórnego imperfektynu z określnikami czasu trwania czynności stoi pod znakiem zapytania: ros. *Каждый день она так долго ?съедала \ ела свой завтрак, что мы опаздывали на занятия*, pol. *Codziennie tak długo ?zjadała/jadła swoje śniadanie, że spóźnialiśmy się na zajęcia*. Zdaniem E.W. Pietruchiny (E.B. Петрухина) takie ograniczenia dotyczą jedynie tych wtórnych imperfektywów, które w żaden sposób nie werbalizują znaczenia przestrzennego, takiego jak: 1) znaczenie łączliwości (ros. *клеить – склеить – склеивать*, pol. *kleić – skleić – sklejać*), 2) znaczenie ruchu w dół (ros. *рвать – сорвать – срывать*, напр. *фрукты*, pol. *рwać – zerwać – zrywać*, np. *owoce*), 3) znaczenie usunięcia z powierzchni (ros. *брить – сбрить – сбривать*, напр. *бороду*). W przeciwieństwie do czasownika prostego, wtórny imperfektyw „dziedzicząc” po czasowniku dokonanym znaczenie rezultatywności występuje w kontekstach sygnalizujących moment graniczny wykonania czynności, np. ros. *Всю картошку мы выкапывали/*копали к середине дня; К семи часам вечера она полностью съедала/*ела все, что ей оставляла мама* (Петрухина 2000: 97).

Z uwagi na przedstawioną złożoność zjawiska wtórnej imperfektywizacji kolejnym ważnym zagadnieniem jest określenie przynależności aspektualnej wtórnego imperfektynu. Zgodnie z tradycyjną koncepcją reprezentowaną przez takich uczonych jak N.C. Awiłowa (H.C. Авилова), A.N. Tichonov (A.H. Тихонов), A.W. Bondarko (A.B. Бондарко) aspekt jest kategorią gramatyczną opartą na opozycji niedokonaności i dokonaności, będącą centrum tzw. Aspektualności, w ramach której rozróżnia się rodzaje czynności (Aktionsarten, aspekt leksykalny), czyli - cytując za J. Stawnicką - „klasy semantyczno-słowotwórcze czasowników z obligatoryjnymi środkami (formantami słowotwórczymi) modyfikującymi charakter przebiegu akcji wyrażonej podstawą werbalną” (Stawnicka 2009: 21). W świetle tradycyjnej koncepcji aspektu, wtórny imperfektyw to czasownik o aspekcie gramatycznym niedokonanym, chociaż z uwagi na niektóre właściwości semantyczne i syntaktyczne (patrz wyżej) przyznaje mu się miejsce na peryferii niedokonaności (Храковский 2005: 56). W klasycznej teorii aspektu słowiańskiego nie ma więc miejsca dla wtórnego imperfektynu jako osobnej kategorii aspektualnej. Co więcej status tzw. trójek aspektowych nie doczekał się, jak dotąd, normalizacji, gdyż stanowią one „zagrożenie” dla binarnej opozycji niedokonaności i dokonaności. Wtórne imperfektywy rozpatrywane są wprawdzie pod kątem aspektu leksykalnego jako konstrukcje odnoszące się do czynności multiplikatywnych (Cockiewicz 2007: 12), iteratywnych (Stawnicka 2009: 250-251), wielokrotnych (Авилова 1976: 272) (w zależności od stosowanej terminologii). Nie zmienia to jednak faktu, iż przypisywanie wtórnemu imperfektywowi „czystego” aspektu niedokonanego jest nieadekwatne, gdyż zbyt upraszcza jego semantyczną charakterystykę.

Całkowicie nowe perspektywy badań aspektologicznych otwiera semantyczna koncepcja aspektu autorstwa Stanisława Karolaka (2001). Autor dokonuje w niej krytyki tradycyjnego ujęcia aspektu, jako teorii mającej charakter hybrydalny, formalno-semantyczny, tj. opierającej się równocześnie na kryterium formy i znaczenia. Lingwista opowiada się za pojęciową tożsamością aspektu gramatycznego i rodzajów czynności. Zgodnie z semantyczną koncepcją S. Karolaka aspekt „(...) ma dwie techniki reprezentacji. Wbudowany w pojęcia szczegółowe jest na powierzchni reprezentowany przez semantem (morfem leksykalny, rdzeń werbalny), natomiast „uwolniony” od pojęć szczegółowych ma za wykładnik morfem gramatyczny”, który „różni się od morfemu leksykalnego tak, jak pojęcie ogólne różni się od pojęcia szczegółowego” (Karolak 2001: 467-468). Wyróżnia on dwie jednostki aspektualne proste: aspekt ciągły (równoznaczny z pojęciem continuum temporalnego) i aspekt nieciągły (równoznaczny z pojęciem chwili, momentu o niemierzalnym trwaniu). Obydwa aspekty proste są wbudowane w pojęcia szczegółowe, odpowiednio ciągłe i nieciągłe. W koncepcji Karolaka zostaje zakwestionowana zasada monoaspektualności form werbalnych, zgodnie z którą jeden czasownik posiada jeden aspekt: dokonany, bądź niedokonany. Zgodnie z nowym ujęciem czasownikom prostym jako wykładnikom pojęć prostych właściwy jest jeden aspekt prosty: ciągły lub nieciągły. Z kolei czasowniki złożone, będące derywatami od czasowników prostych, reprezentują wielokrotność pojęć i wielokrotność aspektów czyli aspekt złożony, który jest iloczynem aspektów prostych. Ponieważ podstawa werbalna zachowuje swoją naturalną wartość aspektualną, w wyniku zespolenia aspektów prostych uwikłanych w pojęcia szczegółowe z odpowiednim aspektem o postaci czystej otrzymujemy konfiguracje dwu-trój-czteroaspektowe.

Semantyczna koncepcja aspektu ma istotne znaczenie dla analizy zjawiska wtórnej imperfektywizacji. Wtórny imperfektyw jest bowiem czasownikiem złożonym, w związku z czym reprezentuje wielokrotność pojęć

Mgr. Anežka Krausová

Ludovít Štúr Institute of Linguistics Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia
anezka.krausova@juls.savba.sk

Aspektualizácia jazykovej politiky na Slovensku

ABSTRACT: *The study deals with the aspects of Slovak language policy. It emphasises its influence on language situation in Slovakia, which can be seen in the comparison of results of the last three censuses in 1991, 2001 and 2001. The author also deals with the language legislation, namely with the two important acts on languages in Slovakia i. e. Act on the state language and Act on use of minority languages and their interpretations by common people.*

Keywords: language policy, language situation, language act.

Kryštalizácia jazykovej politiky ako samostatnej oblasti lingvistického výskumu súvisí s formovaním sociolingvistiky v 60. rokoch 20. storočia. Na slovenskej jazykovednej pôde sa jej výraznejšie začala venovať pozornosť o dvadsať rokov neskôr, dôkazom čoho bola prvá konferencia venovaná jazykovej politike a jazykovej kultúre v Smoleniciach 17. – 19. apríla 1985, ktorej príspevky o jazykovej a jazykovednej politike J. Horeckého a J. Krausa formovali vtedajšie lingvistické chápanie tejto jazykovednej disciplíny. V súčasnosti na nich nadväzuje S. Ondrejovič a J. Dolník, ktorý upozorňuje na uplatňovanie pojmu *jazyková politika* predovšetkým v kontexte stredo- a východoeurópskej lingvistiky, zatiaľ čo v západoeurópskej a americkej jazykovede sa pracuje s pojmom *jazykové plánovanie* (pripisuje to aj odlišnému vnímaniu jazyka danými spoločnosťami.)

Podľa R. B. Kaplana a R. B. Baldaufa (1997: 3) je jazyková politika sumár myšlienok, právnych noriem, zákonov, regulácií, ktoré zároveň podnecujú zmeny v individuálnom alebo spoločenskom používaní jazyka. Jazyková politika je súčasťou politiky všetkých krajín, no najvýraznejšie prejavuje práve v krajinách, kde je ukotvená v oficiálnych dokumentoch krajiny: ako zmienka v ústave alebo dokonca v jazykovom zákone. V Európe disponuje jazykovým zákonom 8 krajín (Slovensko, Francúzsko, Litva, Lotyšsko, Estónsko, Poľsko, Fínsko a Slovinsko), pričom tieto zákony majú rôznu povahu – sporným elementom jazykových zákonov je najmä ich *sankčná časť* (názory: zákon bez sankcií nemá platnosť zákona – na druhej strane problematickosť ukladania pokút), ktorú nájdeme len jazykovom zákone Francúzska, Slovinska, Estónska a Slovenska.

Aktuálna jazyková situácia na Slovensku

CH. A. Fergusson (1977: 9) zdôrazňuje potrebu interpretovať sociodemografické ukazovatele pri skúmaní jazykovej politiky a implementovaní určitého jazykového manažmentu. Dynamika sociodemografických údajov získaných v najnovšom sčítaní obyvateľov domov a bytov (ďalej len SODB) v máji 2011 s SODB z rokov 2001 a 1991 odráža zmeny v slovenskej jazykovej politike.

S rozlohou 49 036 km² sa vzhľadom na pomerne veľký počet menších zaraďuje Slovensko k najheterogénnejším krajinám strednej Európy. Podľa posledného SODB z roku 2011 tvorí majorita 80,7 %, teda v porovnaní s rokom 2001 poklesla o vyše 5 %. Najpočetnejšou národnostnou menšinou na Slovensku je *maďarská menšina* (porov. Tabuľka 1), ktorú predstavuje 458 467 obyvateľov, ďalej *rómska menšina* 105 738, *rusínska* s počtom cca 33 000, *česká* 30 000 obyvateľov, *ukrajinská* zaokrúhlene 7000, *nemecká* 4600, *moravská* 3200, *poľská* 3000, *moravská* 0,04 %, *ruská* 1900 (status menšiny udelený v roku 2006), o pár desiatok predbehla v počte obyvateľov *bulharská menšina chorvátsku*, pričom počty oboch sa pohybujú okolo 1000, nasleduje *srbská menšina* (oficiálny status menšiny získaný 3. februára 2010). a *židovská*, počty ktorých sa pohybujú okolo 600 obyvateľov (statistics.sk). Novými rastúcimi minoritami sa už v súčasnosti stávajú *vietnamská, čínska, ruská, afganská, arménska* a *arabská menšina* a čoraz výraznejšími sa v spoločenskom živote stávajú aj *afro-Slováci*.¹

Z jazykového hľadiska je podľa výskumov S. Ondrejoviča pre väčšinu obyvateľstva typický úplný bilingvизmus (teda v danom prípade ovládanie menšinového aj majoritného jazyka), v niektorých prípadoch (maďarská, rómska menšina a novšie menšiny) jednotlivci/skupina menšiny slovenský jazyk neovláda vôbec alebo ho ovláda len slabo. Príslušníci týchto menšín sa medzi sebou dorozumievajú jazykmi príslušných materských krajín (Ondrejovič 2008: 16). Výnimkami z daného pravidla, teda bez materskej krajiny, sú rómska minorita komunikujúca v rómčine, ktorá bola na našom území aj kodifikovaná (na základe karpatskej rómčiny) a taktiež rusínsky hovoriace obyvateľstvo. Právny systém SR vytvoril podmienky pre existenciu škôl s iným vyučovacím jazykom ako majoritným, a to menovite s vyučujúcim jazykom maďarským (celoplošne vyše

¹ Potomkovia zmiešaných africko-slovenských párov, v ktorých je otec zvyčajne Afričan a matka Slovenka.

130 základných a stredných škôl, s najväčším zastúpením v Nitrianskom samosprávnom kraji²) a rómskym (2 stredné školy).

Regulácia používania jazykov národnostných menšín a dezinterpretácia právnych noriem týkajúcich sa jazyka majú pravdepodobne svoj osobitý podiel na poklese počtu obyvateľov hlásiacich sa k *maďarskej* národnosti. Nepriamym sociologickým faktorom sú aj zmiešané maďarsko-slovenské manželstvá, ktoré svojim deťom určujú slovenskú národnosť v záujme lepšieho uplatnenia sa na slovenskom pracovnom trhu. Na druhej strane, pokles 20 % limitu, ktorý bol potrebný pre uplatňovanie jazyka menšiny v obci v úradnom styku, na 15 % môže byť podporným činiteľom pre zvýšený nárast *rómskej* menšiny, ku ktorej sa v poslednom SODB z roku 2011 prihlásilo doteraz najviac obyvateľov. U oboch menšín má majoritný jazyk oveľa slabšie postavenie (L. Kralčák, 2009, s. 43), čo si u rómskej menšiny vysvetľujeme nízkou úrovňou integrácie a všeobecne nízkou vzdelanostnou úrovňou, zatiaľ čo u maďarskej menšiny je príčinou hlavne uzavretosť jazykového prostredia (existencia obcí s čisto maďarsky hovoriacimi obyvateľmi), výučba slovenčiny učiteľmi s nedostatočnou kvalifikáciou, ako aj pokles prestíže slovenčiny. Argument navyše podporuje aj zistenie, že oveľa viac obyvateľov si zvolilo maďarčinu za svoj materinský jazyk, ako sa prihlásilo k svojej národnosti. Silnejšiu pozíciu (L. Kralčák, 2009, s. 43) má slovenčina v rusínskej a ukrajinskej komunite, kde používanie minoritných jazykov závisí od komunikačnej situácie. Špecifické postavenie v rámci jazykovej politiky (aj jazykového zákona) má *čeština*, ktorá spĺňa podmienku zrozumiteľnosti a hoci sa česká menšina stala štvrtou najpočetnejšou minoritou, od roku 1991 zaznamenávame jej výrazný pokles.

O jazykovej situácii z hľadiska oblasti používania jazykov môžeme veľa vyčítať z porovnávacej tabuľky 2 porovnávajúcej materinské jazyky, jazyky používané na verejnosti a jazyky domácnosti na území SR v roku 2011. Nevýhodou zozbieraných dát je pomerne veľká odchýlka, ktorá vznikla neuvedením požadovaných jazykov počas vypĺňania formulárov, ktorá je v tabuľke označená pod označením „nezistený“. Zaujímavé je pozorovanie maďarského jazyka, ktorý označilo za svoj materinský jazyk vyše 500 000 obyvateľov, čo preyšuje počet ľudí, ktorí sa pokladajú za príslušníkov maďarskej menšiny (cca 450 000). Na verejnosti pritom hovorí maďarsky 391 000 občanov a v domácnosti ním komunikuje 472 000 ľudí (tento počet viditeľne preyšuje počet ľudí oficiálne sa hlásiacich k maďarskej minorite). Podobné rozdiely v používaní môžeme sledovať aj v prípade rusínskeho jazyka, ako aj jazyka českého, kde sú rozdiely v praktickom používaní tohto jazyka a v hlásení sa k češtine ako k materinskému jazyku ešte markantnejšie. Pomer medzi používaním rómskeho jazyka v domácnosti a na verejnosti je najvýraznejší: zatiaľ čo v domácnosti ním komunikuje viac občanov ako sa k nemu hlási ako k materinskému jazyku, vyše 128 000, na verejnosti ním hovorí len 36 000 týchto občanov, teda takmer jedna štvrtina hovoriacich. Príčiny treba hľadať v dlhodobjších sociologických pozorovaniach a v komplexnom pohľade na špecifickú rómsku minoritu.

Právne normy regulujúce používanie jazyka(ov) na Slovensku

Na Slovensku sa v súčasnosti jazyková politika prejavuje pomerne vypuklo, a to hlavne vďaka samotnej existencii zákonov regulujúcich používanie štátneho jazyka a jazykov národnostných menšín, menovite Zákona NR SR č. 270/1995 Z. z. o štátnom jazyku (ďalej len „zákon o štátnom jazyku“) a Zákona NR SR č. 184/1999 Z. z. o používaní jazykov národnostných menšín (ďalej „zákon o menšinových jazykoch“), ktorý vznikol ako protívaha k prvému zo spomínaných zákonov počas pôsobenia politickej strany zastupujúcej práva maďarskej menšiny na Slovensku, Strany maďarskej koalície (SMK). Zmienku o používaní štátneho jazyka nájdeme aj v prvej hlave Ústavy SR v článku 6:

„(1) Na území Slovenskej republiky je štátnym jazykom slovenský jazyk.

(2) Používanie iných jazykov než štátneho jazyka v úradnom styku ustanoví zákon.“

Právo na jazyk je tu chápané ako jedno zo základných ľudských práv a akákoľvek diskriminácia na základe jazyka sa odmieta, čo potvrdzuje aj čl. 12 hl. 2 Ústavy SR, kde sa zároveň v odseku 3 zakazuje akýkoľvek nátlak smerujúci k odnárodnovaniu občanov SR. Podobne sa diskriminácia národnostných menšín alebo etnických skupín vylučuje aj v čl. 33 Ústavy SR, ktorým dokonca štát garantuje možnosť „rozvíjať vlastnú kultúru, právo rozširovať a prijímať informácie v ich materinskom jazyku.“ (hl. 2 čl. 34) za podmienok stanovených zákonom. Pred druhým extrémom diskriminácie ostatného obyvateľstva SR chráni čl. 34 odsek 3 Ústavy SR: „Výkon práv občanov patriacich k národnostným menšinám a etnickým skupinám zaručených v tejto ústave nesmie viesť k ohrozeniu zvrchovanosti a územnej celistvosti Slovenskej republiky a k diskriminácii jej ostatného obyvateľstva.“ Zvyšné zmienky o jazyku v ústave sa týkajú povinnosti orgánov verejnej moci poskytovať informácie o svojej činnosti v štátnom jazyku: „Orgány verejnej moci majú povinnosť primeraným spôsobom poskytovať informácie o svojej činnosti v štátnom jazyku“ (tamže čl. 26 ods. 5) a práva na tlmočníka počas súdneho konania v prípade, že subjekt neovláda jazyk, v ktorom sa pojednávanie vykonáva.

Charakteristickým elementom jazykovej politiky na Slovensku je príliš veľký dôraz na národnoreprezentatívnu funkciu majoritného slovenského jazyka, ktorý neraz zatláča do úzadia potrebu zrozumiteľnosti. Po vzniku Slovenskej republiky 1. 1. 1993 bol o dva roky neskôr v roku 1995 prijatý zákon o

² <http://www.nucem.sk/>

štátnom jazyku SR (s platnosťou od 1. 1. 1996), ktorý stanovuje prednosť štátneho jazyka pred ostatnými jazykmi používanými na území Slovenskej republiky, ako aj povinnosť štátu vytvárať pre každého občana v školskom, vedeckom aj informačnom systéme podmienky na osvojenie si a používanie štátneho jazyka slovom a písmom. Vychádza zároveň z neustále pretrvávajúcej ideológie vnímania slovenského jazyka ako najväčšiu kultúrnu a národnoreprezentatívnu hodnotu, ako sa spomína hneď v úvode tohto zákona: „*Slovenský jazyk je najdôležitejším znakom osobitosti slovenského národa, najväčšou hodnotou jeho kultúrneho dedičstva a výrazom suverenity Slovenskej republiky, aj všeobecným dorozumievacím prostriedkom jej občanov, ktorý zabezpečuje ich slobodu a rovnosť v dôstojnosti a právach na území Slovenskej republiky.*”. Veľký dôraz na národnoreprezentatívnu funkciu majoritného slovenského jazyka, ktorý neraz zatláča do úzadia potrebu zrozumiteľnosti, je dôležitým špecifikom slovenskej jazykovej politiky, ktoré ako výsledok dlhoročne vydobýjaného autonómneho postavenia Slovenska a slovenčiny, neustále treba brať v ďalšom výskume do úvahy.

Akýmsi rezíduom minulých „zápasov o slovenčinu“ je pravdepodobne aj paragraf 2 zákona o štátnom jazyku s nadpisom *Štátny jazyk a jeho ochrana* (na ktorý poukazuje aj J. Dolník v monografii *Teória spisovného jazyka*), ktorý evokuje akúsi potrebu ochrany jazyka. (Dolník 2010: 251) Otázne zostáva, či je táto ochrana skutočne potrebná a nakoľko zasahuje jazykovú kultúru slovenského spoločenstva. Pre porovnanie odlišného vnímania ochrany rozdielnymi národnými spoločenstvami uvádzame poľský jazykový zákon, v ktorom sa ochrana vidí v „rozširovaní úcty pre nárečové výrazy a nárečia, ako aj v úsilí o ich zachovanie“ (Ondrejovič 2009: 4), vo Fínsku sa ochrana vzťahuje na obchodné rokovania, ktoré sa „v prípade, že aspoň jeden účastník nie je Fín, konajú v angličtine“ (Ondrejovič 2009: 4).

Tento 13 paragrafový zákon o štátnom jazyku prešiel počas svojho 16 ročného pôsobenia viacerými novelizáciami. Najväčší ohlas vyvolalo hlavne opätovné rozšírenie zákona o § 9, ktorý tvorí sankčnú časť zákona a v roku 1999 bol vypustený. Zmeny na vtedajšej slovenskej politickej scéne, angažovanosť médií a nespokojnosť verejnosti podnietila ďalšiu, najnovšiu novelizáciu tohto zákona z 1. marca 2011, ktorý zúžil okruh sankciovatelných povinností a znížila sa dolná aj horná hranica pokút za jeho porušenie (ide o sumu v rozsahu 50 až 2500 eur). Doteraz však podľa najnovších informácií nebola udelená pokuta žiadnej právnickej osobe (keďže zákon vymedzuje podľa § 1 ods. 5 udeľovanie pokút len štátnym orgánom, orgánom územnej samosprávy, iným orgánom verejnej správy, právnickým osobám a fyzickým osobám podnikateľom).

V roku 1999 k tomuto zákonu pribudol ako istá protiváha zákon o používaní jazykov národnostných menšín, ktorý stanovuje oblasti a práva používania jazykov národnostných menšín. Novinkou je novelizácia z 26. mája 2011 znižujúca súčasnú 20 % hranicu zákonného kvóra používania národnostných jazykov na 15 %³ a rozširuje tak právo používať jazyk menšín v úradnom styku. Nové znenie požaduje na priznanie dvojjazyčného statusu prekročenie 15 % hranice podľa výsledkov v dvoch po sebe nasledujúcich sčítaniach ľudu. Na odňatie dvojjazyčnosti bude zasa potrebné, aby podiel príslušníkov národnostných menšín v obci v troch po sebe nasledujúcich sčítaniach obyvateľov, domov a bytov klesol pod 15 %”

Právne normy SR teda upravujú používanie jazyka v médiách, jazykovú stránku kultúrnych inštitúcií, no zasahujú aj do výberu mena dieťaťa alebo do spôsobu jeho zápisu do matriky. Známa je kauza „Hurvínek“ z roku 2005, ktorú sociolingvisticky podrobne spracovala vo svojej štúdií M. Nábělková. Verejnoprávna slovenská televízia STV zaradila do večerníčkového vysielania pre deti rozprávkový seriál s notoricky známymi postavkami Hurvínka a Spejbla v pôvodnom znení – teda v češtine, čím vlastne porušila zákon o štátnom jazyku, bola jej udelená pokuta 20 000 Sk a vysielanie rozprávky bolo stiahnuté (presunuté mimo času vysielania večernička). Napriek novelizačným snahám stále platí, že programy pre deti do 12 rokov, a to aj pôvodné české, majú byť vysielané v slovenskom dabingu, a to aj napriek dostatočnej zrozumiteľnosti češtiny pre slovenské deti (a taktiež výhode prirodzeného rozvíjania bilingvizmu u slovenských detí). Obdobne svojským až absurdným spôsobom bola tlakom jazykového zákona vyriešená aj rozprávka Šmolkovia, ktorá sa na videokazetách nachádzala len v českej verzii, a preto bol na VHS kazetách určených maličkému divákovi uvedený text „*Rozprávka určená pre deti od 12 rokov a pre celú rodinu*“.

Otázkou zostáva, či je existencia takýchto zákonov potrebná aj dnes a či takéto vymedzenie podmienok používania jazyka (vrátane hrozby pokutami) nemá negatívny dopad na ďalší jazykový vývin? Vzhľadom na laickú *dez/interpretáciu* zákonov bežnými používateľmi jazyka a vzhľadom na *pretrvávanie* niektorých ich *stereotypných postojov* si dovoľujeme konštatovať, že dopad je viac negatívny ako pozitívny. Mnoho občanov si napríklad dlho myslelo, že odo dňa prijatia zákona sa musí na verejnosti rozprávať len spisovne. Zástupcovia maďarskej menšiny sa obávali pokút za nedokonalé ovládanie slovenčiny, dokonca za maďarskú komunikáciu na verejnosti. V prípade zrušenia sankcií sa ľudia obávajú hrozby maďarizácie z juhu alebo zániku slovenčiny pod vplyvom čechizmov a anglicizmov.

³ V porovnaní s limitom v Chorvátsku (pôvodne 50 %, dnes 33 %) nepatríme medzi krajiny s nepriateľsky určenou hranicou kvóra voči menšinám.

V príspevku sme si posvietili na potrebu intencionálnych legislatívnych úprav týkajúcich sa postavenia a používania slovenského jazyka (a iných minoritných jazykov) v súčasnej slovenskej jazykovej situácii, ktorá ja poznačená interlingválными faktormi (dynamikou jazykových kontaktov s minoritnými, susednými jazykmi, ale aj s jazykmi nekontaktnými). Jazyk ako hodnota sa nám čoraz výraznejšie javí ako spoločenský konštrukt modernej spoločnosti, ktorá na začiatku kodifikuje a zámernou činnosťou kultivuje svoj spisovný jazyk. Dnes, po vyše 160 rokoch existencie spisovného slovenského jazyka je však potreba ochrany a regulácie tohto samostatne fungujúceho, autonómneho organizmu markantne spochybniteľná.

Bibliografia

- Dolník, Juraj (2010), *Jazyk – človek – kultúra*. Bratislava, Kalligram.
- Dolník, Juraj (2010), *Koexistencia majority s minoritami v SR s dôrazom na jazyk*. (Konferencia). Dostupné: http://www.watson.sk/index.php?option=com_content&view=article&id=315:juraj-dolnik-koexistencia-majority-s-minoritami-v-sr-so-zreteom-na-jazyk&catid=38:default&Itemid=58
- Fergusson, Charles A. (1977), Sociolinguistic settings of language planning. In: *Language Planning Processes*. The Hague/Paris/New York, Mouton Publishers.
- Horecký, Ján (1990), Jazyková politika v r. 1948 – 1988. *Kultúra slova* 24, 259 – 265.
- Horecký, Ján (1985), Jazyková politika v socialistickej spoločnosti. n: *Jazyková politika a jazyková kultúra*. Bratislava, Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV.
- Kaplan, Robert B. – Baldauf, Richard B. Jr (1997), *Language Planning from Practice to Theory*. Clevedon, Multilingual Matters.
- Kralčák, Ľubomír (2009) *Dynamika súčasnej slovenčiny*. Nitra:, UKF.
- Nábělková, Míra (2011), *Slovenská jazyková politika, deti, médiá a čeština*. (Rukopis. Pripravuje sa v rámci zborníkovej publikácie.)
- Onrejovič, Slavomír (2008), *Jazyk, veda o jazyku, societa: sociolingvistické etudy*. Bratislava, Veda.
- Onrejovič, Slavomír (2008), *Slovenský jazyk, jazyky na Slovensku*. Bratislava, ÚV SR.
- Onrejovič, Slavomír (2009), Súčasný jazykovo-politické iniciatívy na Slovensku a živý jazyk. *Slovenská reč*, 74/1, 3-6.
- Zákon NR SR č. 270/1995 Z. z. o štátnom jazyku*.
Dostupné: <http://www.culture.gov.sk/posobnost-ministerstva/statny-jazyk/zakon-o-statnom-jazyku-c2.html>
- Zákon NR SR č. 184/1999 Z. z. o používaní jazykov národnostných menšín*.
Dostupné: <http://www.nrsr.sk/web/Default.aspx?sid=zakony/zakon&MasterID=3616>
- Ústava Slovenskej republiky*.
Dostupná: http://www.nrsr.sk/web/Static/sk-SK/NRSR/Doc/zd_ustava.pdf

Prílohy

Tabuľka 1. Dynamika národností na území SR od roku 1991 – 2011.

Národnosť	2011	2001	1991
slovenská	4 352 775	4 614 854	4 519 328
maďarská	458 467	520 528	567 296
rómska	105 738	89 920	75 802
česká	30 367	44 620	52 884
rusínska	33 482	24 201	17 197
ukrajinská	7 430	10 814	13 281
nemecká	4 690	5 405	5 414
poľská	3 084	2 602	2 659
chorvátska	1 022	890	XXX
ostatné	9 825	5 350	2 732
nezistené	382 493	54 502	8 782

Tabuľka 2. Porovnanie materinských jazykov, jazykov používaných na verejnosti a jazykov domácnosti na území SR v roku 2011.

Jazyk	Materinský jazyk	Jazyk používaný na verejnosti	Jazyk domácnosti
slovenský	4 240 453	4 337 695	3 954 149
maďarský	508 714	391 577	472 212
rómsky	122 518	36 660	128 242
český	35 216	18 747	17 148
rusínsky	55 469	24 524	49 860
ukrajinský	5 689	1 100	2 775
nemecký	5 186	11 474	6 173
poľský	3 119	723	1 316
chorvátsky	1 234	383	932
ostatné	13 585	58 614	34 992
nezistený	405 261	515 312	728 910

Jelena Krunic

University of Novi Sad, Novi Sad, Serbia
krunic.j@gmail.com

Uticaj elektronskih medija na srpsku književnost

ABSTRACT: In these paper we will write about new medias in Serbian literature in the novels and stories which are published in eletronic form (CD) and at the Internet. Two writers we wrote about are Milorad Pavic and Sava Damjanov. First works which are conected with new medias, in Serbian literature, are published in the midle of 20th centuare. Electronic medias give author more posibilites than printing. Until now wilters could combine only words and picture, now they have possibility to put sound, animations, videos in his work.

Key words: Electronic medias, Internet, Hypertext, Nonlinear

Poslednjih decenija 20. veka elektronski mediji su postali sve zastupljeniji u svakodnevnom životu. Samim tim, počeli su da utiču i na umetnost. Elektronski mediji pružaju piscu puno više mogućnosti nego što je bio slučaj sa štamparskom tehnologijom. Dok je do sada pisac mogao da kombinuje samo reč i sliku, sada je u mogućnosti da u delo uključi i zvuk, animacije, video sadržaje. Takođe, pisci su u mogućnosti da upute na drugo delo ubacivanjem linkova u tekst i čitalac jednostavnim klikom, ukoliko ima pristup Internetu, može u sledećem trenutku da čita delo na koje ga je pisac uputio i sl. Linkovi bi na taj način mogli da zamene fulsnote, ali i da pruže čitaocu mogućnost da svu lekturu i literaturu na koju pisac upućuje pronađu na CDu ili na Internetu.

Na početku 20. veka, u periodu avangarde, pisci su se okretali različitim mogućnostima kombinovanja različitih umetnosti. Pre svega, u ovom periodu pojavio se film, što je inspirisalo pisce da neke od filmskih tehnika primene i na književnost. Slike i kolaž su postali sastavni deo književnih dela. Pisci su se poigravali formom i dekonstruisali postojeće žanrove. Na kraju 20. veka pojavio se hipertekst koji je omogućio piscu i čitaocu da delu priđu na potpuno drugi način.

Prvi pravac, u okviru neovagarde, u okviru kog se javilo interesovanje za nove medije u srpskoj književnosti bio je signalizam. Autori signalizma, a pre svega osnivač i teoretičar ovog pravca Mirosljub Todorović, u novim medijima vide izvor inspiracije. Prvi put u istoriji sprske književnosti mašina postaje sredstvo pomoću kog se stvara. Značajna u ovom periodu je kompjuterska poezija Mirosljuba Todorovića, video radovi Andreja Tišme, kao i intermedijalnost.

Pisci koji uključuju nove medije u stvaranje dela najčešće književnost shvataju kao neku vrstu igre ili poigravanja, ne samo temama, nego, pre svega, formom dela. U elektronskom izdanju *Porno-liturgije arhiepiskopa Save Sava Damjanov* u odeljku *CABAret ДАМЈАНОВ* kaže

Važno je samo da se igra odigra na nov, različit i drugačiji način, da se od već postojećih, poznatih sastojaka napravi neprepoznatljiva smesa... (Damjanov 2010)

Nov, različit i drugačiji način pisanja podrazumeva i drugi način čitanja dela. Hipertekst, video sadržaji i prezentacije traže aktivnog čitaoca koji može da razume njihov značaj, ali i koji odlučuje kada i kako će nastaviti čitanje dela.

...Nova proza traži i novog čitaoca, nova književna praksa – novu recepcijsku praksu... (Damjanov 2010)

Milorad Pavić i Sava Dajanov spadaju u grupu pisaca koji su spremni da postave izazov čitaocu i da se poigraju mogućnostima koje mu pružaju prilikom čitanja dela.

Većina pisaca i kritičara danas shvata da promena medija ne znači kraj književnosti nego drugi način pisanja, čitanja i prezentovanja dela. Međutim, i pored te svesti, pisci se još uvek retko opredeljuju za objavljivanje elektronskih izdanja dela, kao i za istraživanje mogućnosti novih medija. Postavlja se pitanje koji je razlog ovome.

...ne treba da strepimo, treba da umetnički iskoristimo sve mogućnosti novih medija, svesni da oni koji su bili nikad zauvek ne nestaju. Uostalom, tokom epohe štampe paralelno je postojala moćna usmena i pisana kultura (postoje i dan danas!), pa će i u vizuelno-znakovnom razdoblju digitalnih medija i Intrneta paralalno postojati i knjiga, pisani tekst i usmena reč. Živimo, dakle, u doba kada imamo bezbrojne mogućnosti, naše je samo da budemo smeli i izaberemo one koje našoj individualnoj viziji najviše odgovaraju. (Damjanov 2010)

Najinovativnija forma književnog dela, usko vezana za elektronske medije, jeste hipertekst. Za njega je, pre svega, vezan pojam nelinearnosti, kao njegove glavne odrednice. Nelinearnost menja način čitanja ustaljen hiljadama godina. Ovo je jedna od najradikalnijih promena u istoriji književnosti. Pojava hiperteksta u svetskoj književnosti vezana je za sedamdesete godine 20. veka. U srpskoj književnosti prvi hipertekst objavio je Milorad Pavić, i to hipertekst romana *Hazarski rečnik*. Na primeru ovog romana možemo sagledati razlike između štampanog izdanja i hiperteksta, s obzirom na činjenicu da je Pavić za objavljivanje hiperteksta preveo štampano izdanje u hipertekst. Pavić je i sam naglašavao da je uvek pisao tako da se njegova dela mogu čitati na oba načina, odnosno na kompjuteru i u štampanom izdanju.

U opusu Milorada Pavića imamo nekoliko hipertekstova: romane *Hazarski rečnik* i *Zvezdani plašt* i priče *Damaskin* i *Stakleni puž*. Sva navedena dela pružaju čitaocu mogućnost da sam bira način čitanja, s tim da u

obzir treba uzeti da u *Zvezdanom plaštu* samo poslednje poglavlje, objavljeno na Internetu, možemo smatrati hipertekstom. Za hipertekst je naznačajnija sloboda izbora koju hipertekst pruža čitaocu, mogućnost da sam odlučuje na koji način će sklopiti priču, odakle će početi čitanje i gde i kako će završiti. Sloboda izbora načina čitanja najznačajnija je odlika hiperteksta. Čitalac ovim dobija slobodu da sam odlučuje o tome kako će čitati delo, što i sam Pavić naglašava u esejima:

Sušтина je u tome da naš hiljadama godina uvreženi i već pomalo oveštali način čitanja možemo da izmenimo. I to na taj način, što ćemo sa čitaocem podeliti posao dajući mu ravnopravnije mesto u stvaranju književnog dela. Dajući mu mogućnost da sam krči sopstveni put kroz roman, pesmu ili priču, čija će se sadržina menjati u zavisnosti od toga koju mapu čitanja je čitalac izabrao[...] Međutim, onaj ko hoće da menja način čitanja jednog romana, mora da menja i način pisanja tog romana. (Pavić 2005: 14-15)

Na ovaj način čitalac u izvesnom smislu postaje koautor. Hipertekstovima koje je objavio Pavić je uveo srpsku književnost u najnovije tokove svetske književnosti, ali i približio dela novijim generacijama. Hipertekst *Hazaraskog rečnika* značajan je i zbog činjenice da je to multimedijalni roman, odnosno da su u delo uključeni i slika i zvuk. Slika u zvuk u sadejstvu sa tekstom stvaraju drugi utisak, pa recepcije nelinearnog multimedijalnog romana u svakom slučaju ne može biti istovetna sa recepcijom tradicionalnog književnog dela.

U *Predgovoru Porno-liturgiji arhiepiskopa Save* Sava Damjanov žanrovski određuje svoje delo kao: zbirku pripovedaka, knjigu pesama, novinsku kritiku. Međutim puno je značajnija svest koju autor ima o tome da njegovo delo sadrži inovacije i eksperimente u okviru srpske književnosti, kao i to da *Porno-liturgiju arhiepiskopa Save* određuje i kao hipertekst. Upravo zbog svesti o značaju inovativnosti autor uvodi elektronsko izdanje, Power Point prezentacije, video sadržaje u svoje delo.

Video sadržaji mogu uključivati kratke filmove ili snimke koje autor kombinuje sa tekstom. Milorad Pavić u sklopu romana *Hazaraski rečnik* ima tri kratka video zapisa na kojima čita odlomke romana, zatim u sklopu elektronskog izdanja romana *Veštački mladež* nalazimo intervju koji je sniman za grčko tržište. U okviru *Porno-liturgije arhiepiskopa Save* imamo, takođe, nekoliko video zapisa sa promocije knjige.

Objavljivanje književnih dela u elektronskoj formi pruža piscu mogućnost da se direktno obrati čitaocima, tako što u delo uključuje video sadržaje, i na taj način ukaže na neke od najznačajnijih tema dela, kao i da izdvoji autopoeitičke iskaze koji bi čitaoca spremnog da menja način čitanja uputili na autorovu poetiku. Sa stanovišta recepcije ovo je značajno i samim tim što je pisac sada u mogućnosti da se *živom rečju* obrati čitaocu i da *stane* pred njega u momentu čitanja dela.

Milorad Pavić je ovo učinio u tri video sadržaja koja je uključio u hipertekst *Hazaraskog rečnika*, kao i prilikom objavljivanja dokumentarnog filma u sklopu elektronskog izdanja *Veštačkog mladeža*. S druge strane Sava Damjanov video sadržaje uključuje u dve prezentacije koje objavljuje na CD-u u sklopu knjige *Porno-liturgija arhiepiskopa Save* (na početku, kada čitalac otvara CD i u odeljku *CABaret DAMJAHOB*).

Kod Milorada Pavića u sklopu romana *Hazaraski rečnik* tri video zapisa upućuju na tri najznačajnije teme romana. Sava Damjanov se opredeljuje za jedan citat i dva (autopoeitička) iskaza koji otkrivaju prirodu njegovih dela. Na kraju prezentacije *CABaret DAMJAHOB* autor se opredeljuje za snimak sa promocije knjige u kome govori ne samo o promenama u književnom stvaralaštvu na početku 21. veka, nego i o svim civilizacijskim promenama u poslednjih sto godina koje (još uvek) menjaju svet čineći da jedna civilizacija nestaje dok se druga rađa. U književnom stvaralaštvu Damjanova možemo da pronađemo spojene elemente te dve civilizacije, što na odličan način upućuje na prelaz sa jednog na drugi civilizacijski kod. Oba autora se u video zapisima bave temama značajnim za sopstveno stvaralaštvo i upravo po tome šta su izdvojili u okviru ovih sadržaja vidimo koliki značaj pridaju određenim temama. Shodno ovoj činjenici možemo odrediti i značaj svakog video zapisa.

Milorad Pavić već hipertekstom *Hazaraskog rečnika* upućuje na budućnost književnosti, ali se opredeljuje da u video zapisima čitaocu skrene pažnju na teme koje su obeležile njegovo stvaralaštvo: odnos prema čitaocu, motiv sna i preplitanje književnosti i života. U intervjuu objavljenom uz elektronsko izdanje knjige *Veštački mladež* Pavić govori o načinu pisanja, čitanja, autopoeitici.

Sava Damjanov je u sklopu *Porno-liturgije arhiepiskopa Save*, na priloženom CD-u objavio i dve prezentacije u Power Point-u, koje su značajne sa poetičkog stanovišta. Ovo je prvi put u srpskoj književnosti da je jedan autor uključio ovakve sadržaje u književno delo. Na njima se nalaze slike koje su u štampanom izdanju knjige, kao i one koje u delu ne možemo pronaći, a koje doprinose značenju. U prezentacije je uključen i tekst: od autocitata do citata autora poput Liotara i Borhesa ili Vudi Alena.

Prezentacijama, Damjanov na inovativan način uvodi u srpsku književnost nove tehnologije, nudeći čitaocu izazov otkrivanja značaja slika i (auto)citata u okviru prezentacija. Autor slike nudi i odvojene od teksta kako bi im čitalac posvetio više pažnje. Prvi deo prezentacije sastoji se od slika bez teksta, dok su u drugom delu prezentacije iste slike kombinovane sa tekstom. Prezentacija čitaocu daje bolji uvid u autorovu poetiku, način poigravanja formom i temama koje nalazimo u elektronskim izdanjima dela ovog autora. Autori koje citira Damjanov neki su od najznačajnijih teoretičara (post)moderne književnosti i kulture (Liotar), umetnici (Vorhol, Vudi Alen) itd.

Slike čine značajan deo *Porno-liturgije arhiepiskopa Save* i kroz način na koji su uklopljene sa tekstem, kao i način na koji se autor poigravao nekim od poznatijih slika. Ovde možemo sagledati kakav je odnos Damjanova prema savremenoj kulturi i umetnosti. *Rat u Međunožju* počinje rečima

Kažu da slike svedoče snažnije od ljudske reči [...] (Damjanov 2010: 93)

Samim tim što rečenicu počinje rečima *kažu da* autor naglašava da je u njegovom stvaralaštvu reč važnija od slike, ali da i slika daje doprinos značenju dela dopunjujući ga i dajući čitaocu mogućnost poigravanja.

U 21. veku sve manje može da se govori o epistolarnosti na onaj način, na koji se o njoj govorilo do sada. Prepiska se danas, najvećim delom, svodi na elektronsku poštu (e-mail), dok se razmena pisama sve manje praktikuje. Ovu promenu možemo pratiti i u (srpskoj) književnosti.

Milorad Pavić u romanu *Zvezdani plašt* poglavlje *Ribe* zasniva na epistolarnoj formi, ali je menja na taj način što likovi koje srećemo u ovom poglavlju razmenjuju e-mailove, a ne pisma. Pored ovoga, dva poglavlja romana, odnosno dva e-maila, nalaze se na Pavićevom sajtu i čitalac u knjizi može da pronađe jedino Internet adresu na kojoj ih može pročitati. Na taj način Pavić elektronsku poštu smešta u njoj prirodno okruženje, još jednom se poigravajući kombinovanjem različitih načina čitanja (štampanog izdanja i elektronskog teksta). Pored toga ovakav način objavljivanja pisma stvara iluziju verodostojnosti emailova koji su sastavni deo romana.

Na kraju bi trebalo naglasiti da Milorad Pavić i Sava Damjanov predstavljaju dva stvaraoca koji su na inovativan način, poigravajući se formom dela i motivima, uveli elektronske medije u savremenu srpsku književnost. U okviru njihovog dela pronalazimo elektronska izdanja, video sadržaje, Power Point prezentacije, hipertekst. Ovakvim odnosom prema književnom delu ovi autori pokazali su i inovativan odnos prema čitaocu koji više nije pasivni konzument nego aktivni čitalac, a u slučaju hiperteksta o čitaocu možemo govoriti i kao o koautoru. Odnos prema čitaocu koji dolazi otkrivanjem novih medija jedan je od najznačajnijih doprinosa nove civilizacije savremenom književnom stvaralaštvu. Čitalačka publika dobila je i mogućnost komunikacije sa autorima, kao i mogućnost slobodnije interpretacije i čitalačke staze.

Iako elektronski mediji još uvek nisu dovoljno zastupljeni u srpskoj književnosti na primeru stvaralaštva Milorada Pavića i Save Damjanova možemo videti da autori koji im se okreću čine to sa velikim uspehom. Takođe, možemo zaključiti i da je sa stanovišta recepcije, odnosno približavanja savremenog čitaoca književnom stvaralaštvu, uvođenje novih medija u srpsku književnost takođe veoma značajno.

Bibliografija

Damjanov Sava (2008), *Istorija čitanja kao istorija čitanja srpske književnosti i kulture*, Apokrifna istorija srpske postmoderne, Beograd, Službeni glasnik, 207-217.

Damjanov Sava (2002), *Srpska postmoderna proza na kraju 20. veka*, Polja, God. XLVII, Br. 421, Novi Sad, <http://polja.eunet.rs> (konsultovano 06.01.2008)

Pavić Milorad (2000), *Bik i vaga*, Projekat Rastko, http://www.rastko.rs/knjizevnost/pavic/bikivaga/index_c.html (konsultovano 11. 02. 2012)

Pavić Milorad (1998), *Damaskin*, Projekat Rastko, http://www.rastko.rs/knjizevnost/pavic/damaskin/index_c.html (konsultovano 11. 02. 2012)

Pavić, Milorad (2002), *Hazarski rečnik: multimedijalno izdanje*, Beograd, Multimedia Center Group.

Pavić, Milorad (2003), *Hazarski rečnik: roman leksikon u 100.000 reči: androgino izdanje*, Beograd, Dereta.

Pavić Milorad (2005), *Roman kao država i drugi ogleđi*, Beograd, ПЛИАТΩ.

Pavić Milorad (1998), *Stakleni puž*, Projekat Rastko, <http://www.rastko.rs/knjizevnost/pavic/puz/index.html> (konsultovano 11. 02. 2012)

Popović Tanja (2007), *Rečnik književnih termina*, Beograd, Logos Art.

Damjanov Sava (2010), *Porno-liturgija arhiepiskopa Save*, e-book, Beograd, Agora.

Pavić Milorad (2010), *Veštački mladež*, Novi Sad, Matica srpska.

Sylvia Kurowska

Jagiellonian University, Kraków, Poland
s.kurowska@uj.edu.pl

Spółeczeństwo i jednostka w państwie utopijnym – *Civitas Solis* T. Campanella i *Mł* Je. Zamiatin

ABSTRACT: *This thesis contains analysis of two literary works about utopian country. It's "The City of the Sun" written in XVII century by Italian monk T. Campanella and Russian novel of Ye. Zamyatin "We" (1921). Countries described in both these novels fulfill all formal requirements of utopia as a place isolated from the rest of the world, perfectly guarded, self-sufficient. Civitas Solis but also One State fully control all aspects of procreation, education and work of their citizens. However, there are differences between situations of single individuals – in Civitas Solis there are no disagreement against the government and authorities contrary to One State where almost all main characters are willing to rise in revolt. Ale these points come to a conclusion that Zamyatin's novel is an example of negative utopia, despite of fact that One State is build on the same rules as Civitas Solis.*

Key words: Campanella, Zamyatin, dystopia, utopia

Pisarze-utopiści musieli zmierzyć się z dylematem: jak przedstawić idealne państwo, by było ono pociągające? By zachwycili się nim wszyscy, począwszy od zwykłych szarych mieszkańców, przez ludzi nauki i kultury, aż po elity kościelne i polityczne? J. Talmon (1971: 96) słusznie zauważa, że

[...] utopizm zakłada jednocześnie swobodną ekspresję jednostki i absolutną zwartość społeczeństwa. To połączenie jest możliwe tylko pod tym warunkiem, że wszystkie jednostki się zgadzają. Jednostki wszakże nie zgadzają się. Jeśli więc oczekujecie jednomysłności, nie macie w końcu innej ucieczki niż dyktatura.

Wyróżników gatunkowych utopii literackiej jest sporo, wiele utworów powiela ten sam, modelowy schemat powieści: bohater-podróżnik, pochodzący ze świata realnego, znajduje się nagle w odległym miejscu, zastaje tam wysoko rozwiniętą cywilizację i zachwyca się nią. Nowatorskie rozwiązania uznawane są za warte przeszczepienia na grunt świata realnego i dlatego po powrocie bohater dzieli się swoimi odkryciami i wrażeniami z innymi, a poprzez to utwór zyskiwał charakter dydaktyczny.

Nieraz utwory te przerysowywały prawa rządzące utopijnym społeczeństwem i przyjmowały odcień parodystyczny, groteskowy, a więc stawały się dystopią, czyli utworem

[...] który pokazuje społeczeństwo pozornie doskonale zorganizowane, działające zgodnie z najnowszymi osiągnięciami nauki i techniki, w którym jednak władza ma charakter totalitarny, a tradycyjny system wartości i norm etycznych ulega destrukcji (Pyszny, Zawada, 1999).

Utopie dążą do maksymalnej unifikacji swoich mieszkańców, co doskonale widać na przykładzie Miasta Słońca i Państwa Jedynego. Służą temu nie tylko te elementy systemu, mające na celu ujednoczenie społeczeństwa pod względem budowy ciała, usposobienia, wyznawanej ideologii i posiadanej wiedzy, ale także państwową polityka równości, która objawia się na każdym poziomie życia społecznego.

Mieszkaniec utopii nie może się wzbogacić, ponieważ system pracy w państwie nie przewiduje wynagrodzenia materialnego – pracujący wykonują swoje obowiązki za darmo. Wyeliminowany został nie tylko obrót towarowo-pieniężny, ale także system jednostkowych wymian towaru za towar, usługi za usługę. Obywatele dzielą się bowiem sprawiedliwie wytwarzanymi przez siebie w zależności od zawodu dobrami, które stanowią wspólną własność – nie można ich komuś odsprzedać.

Obywatele utopii zasiadają jednakowych ubraniach wspólnie do stołu, jedzą dania przygotowane przez kucharzy z wyhodowanych przez rolników produktów (bądź też, jak to ma miejsce w *My*: wspólnie przeżywają w skupieniu naftowe kostki), a po dniu pracy udają się na spoczynek do prawie identycznych pokoi i zasypiają w poczuciu szczęścia, ponieważ niczego im nie brakuje i nie znają głodu. Budzą się wiedząc, że wszyscy współobywatele posiadają dokładnie taki sam majątek i wielbią swoje państwo, któremu udało się wyeliminować nierówność i niesprawiedliwość społeczną.

Mylą się jednak bardzo. Zapominają, że tak naprawdę nie posiadają nic, cały ich majątek należy do państwa. W tej kwestii władze są konsekwentne i nieustępliwe: wszystkim po równo oznacza wszystkim po NIC. I nie chodzi tu tylko o dobra materialne, bo przecież Solariusze i numery nie mają nawet rodziny, nie znają własnych dzieci, pozbawieni są prywatności i prawa do indywidualności. Państwo Jedyne posuwa się nawet do odbierania swoim mieszkańcom duszy – symbolu człowieczeństwa, uczuć.

Civitas Solis pozostawia mieszkańcom większą swobodę w planowaniu swojego życia. Tak naprawdę zabiera im tylko cztery godziny na dobę, które muszą poświęcić przymusowej pracy. Pozostały czas mogą spożytkować według własnego uznania, ograniczeni są tylko porami wspólnych posiłków, z których (jak możemy się domyślać) nie można zrezygnować – umacniają one wspólnotę, poczucie więzi i braterstwa.

Uczyły się także czasem wyróżniania *równiejszych* spośród równych, bo chociaż z założenia każdy Solariusz jest tak samo ważny, to jednak całość społeczeństwa jest zhierarchizowana. Posiadający pewną władzę mogą z

kolei wyróżniać pozostałych, według własnego uznania, jak czynią to funkcjonariusze względem dzieci. Programowa równość nie jest realizowana także w Państwie Jedynym, o czym świadczy przykład D-503, który jako konstruktor Integrału jest traktowany przez lekarzy bardziej pobłażliwie niż zwykłe numery.

Chyba najistotniejszym elementem kontroli nad jednostką, odróżniającym od siebie analizowane w tej pracy utopie, jest system sądowniczy – za każdą winę wymierza się karę. Czas od zatrzymania do stracenia (bądź uniewinnienia) jest wyjątkowy dla obywatela utopii – po raz pierwszy staje on naprzeciwko maszyny państwowej *sam*, jego sprawa rozpatrywana jest indywidualnie. Odzyskuje podmiotowość, nie jest już częścią masy; jest *jednostką*.

Jakie możliwości obrony w zunifikowanym społeczeństwie utopii posiada jednostka? W *Civitas Solis* (Campanella, 2004: 67-70) oskarżony ma prawo do obrony, jednak musi sam siebie reprezentować. W swojej mowie powinien wyjaśnić, dlaczego nie zasługuje na karę, oraz podać występkę innych mieszkańców, udowadniając, że są gorsi od niego. Jeśli mu się to uda, zostanie, co prawda, wygnany ze szczęśliwego miasta, zachowa jednak życie.

Jak widać, Miasto Słońca potrafi dać swoim mieszkańcom drugą szansę, wierzy też w ich prawdomówność (popartą opiniami świadków i funkcjonariuszy). Stopniuje dotkliłość kary w zależności od przewinienia, nie pozwala na fałszywe oskarżenia. Jak na tym tle przedstawia się sądownictwo Państwa Jedynego?

Tu właściwie nie występuje coś takiego jak przewód sądowy. Numery są aresztowane bądź od razu na miejscu popełnienia wykroczenia, bądź też na podstawie donosów do Urzędu Opieki. Oskarżony właściwie nie może się bronić, a zeznania wymuszano na nim za pomocą tortur. Kara mogła być tylko jedna – Maszyna Dobroczyńcy, która za pomocą prądu dokonywała błyskawicznego rozszczepienia atomów ciała skazańca, po którym zostawała tylko kałuża *chemicznie czystej wody* (Zamiatin, 1994). Mimo stosowania tak drastycznych środków nie jest w stanie zapobiec wykroczeniom poszczególnych jednostek, ani tym bardziej rewolucji wywołanej przez antypaństwową organizację MEFI.

Każdy bunt w środowisku utopii jest próbą odzyskania indywidualności. To chęć pokierowania swoim życiem według własnych przekonań i wartości, odrzuconych przez państwo. Takie próby sprzeciwu są w *Mieście Słońca* praktycznie niewidoczne. Dowiadujemy się co prawda, w jaki sposób karze się przestępstwa, muszą więc być też przestępcy, ale większy nacisk kładzie się na podkreślenie praworządności Solariuszy, ich troski o ten wielki organizm, który wspólnie tworzą. Natomiast w *My* buntownikami okazują się wszyscy główni bohaterowie, nie brak ich także pośród pozostałych postaci.

W zacytowanej we wstępie konkluzji Talmona zwracają uwagę dwa określenia: „swobodna ekspresja jednostki” i „absolutna zwartość społeczeństwa”. Wykluczają się one wzajemnie – jeśli chcemy otrzymać jednolite społeczeństwo musimy powstrzymać indywidualne zapędy jednostek. By powieść utopijna faktycznie pociągała, musi więc kłaść nacisk na społeczeństwo, pokazywać tylko dobre strony kolektywnego życia. Pisarze-utopiści nie zastanawiali się nad położeniem jednostki w wykreowanych przez siebie krainach, zakładali bowiem, że wszyscy bohaterowie w takim samym stopniu pragną powszechnego szczęścia.

Pozostaje nam tylko zastanowić się nad tym, co z dziełami przedstawiającymi doskonale społeczeństwo, w których idealny świat obserwujemy oczyma jednostki. Do takich utworów niewątpliwie zalicza się *My*. Czy Zamiatin, podobnie jak Campanella, jest piewą stworzonego przez siebie państwa? A. Gildner (1993: 116-117) konstatuje:

*Utopia prezentuje zawsze porządek i wartości aprobowane przez autora. Funkcjonowanie społeczeństwa, podział dóbr – dla wszystkich jednakowo, stosunek ludzi, a przynajmniej narratora, do państwa są rodem z utopii. Jednakże w *My* sprawne funkcjonowanie systemu zostaje naruszone, pojawiają się niezadowoleni z istniejącego porządku.*

Czym w takim razie jest powieść Zamiatina? Badacze nazywają ją utopią negatywną, ponieważ zawiera wiele wyróżników formalnych, właściwych klasycznej utopii, natomiast brak w niej wiary w możliwość stworzenia *wysp szczęśliwych*; rodzą się pytania o cenę, jaką jednostki muszą ponieść w imię dobra ogółu. Zamiatin pokazuje, jak władza niszczy swoich poddanych, dławi w nich indywidualność; pisarz koncentruje się na próbach walki z dyktaturą Dobroczyńcy, osiłą utworu stają się działania antypaństwowej organizacji MEFI.

Na przykładzie analizowanych utworów widzimy więc, że takie same chwytły literackie mogą służyć różnym celom. Chociaż i Miasto Słońca i Państwo Jedne odpowiadają wyróżnikom cechującym utopie – są niedostępne, doskonale zorganizowane, dobrze prosperujące, symetryczne – to do czytelnika trafia zupełnie inny przekaz. Campanella, wierzący w możliwość zbudowania na ziemi Królestwa Bożego, pokazuje nam społeczeństwo, które analizowane jako masa może odnaleźć w utopii szczęście. Zamiatin prezentuje nam jednak jednostki, dla których wszelkie przejawy dyktatury będą zawsze złem; utopia jako miejsce szczęśliwe nie może więc istnieć.

Bibliografia

- Campanella, Tommaso (2004), *Miasto Słońca*, opr. R. Brandwajn, tłum. L. i R. Brandwajnowie. Warszawa, De Agostini Polska.
- Gildner, Anna (1993), *Proza Jewgienija Zamiatina*. Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Parniewski, Witold (2000), *Szkice z dziejów myśli utopijnej (od Platona do Zinowjewa)*. Łódź, KLiKR Uniwersytet Łódzki.
- Pyszny, Joanna; Zawada, Andrzej (1999), *Literatura XX wieku*. Wrocław, Wydawnictwo Szkolne PWN.
- Szacki, Jerzy (1980), *Spotkania z utopią*. Warszawa, Iskry.
- Talmon, Jacob Leib (1971), *Utopianism und Politics*. In: G. Kateb, *Utopia*. New York.
- Замятин, Евгений Иванович (1994), *Мы*. Paris, Bookking International.

«Несклоняемые» имена существительные и прилагательные русского и хорватского языков

ABSTRACT: This paper examines the case of indeclinable nouns and adjectives in Russian and Croatian. It underlines the need of more thorough analysis of that specific group of nouns and adjectives in Slavic languages. In grammar books they are mostly described as the types of nouns and adjectives that do not belong to any declination type and are thus indeclinable. What this paper tries to demonstrate is the need for the zero declination for those nouns and adjectives. Since nouns and adjectives as lexical categories in the Slavic languages of our interest are inherently declinable the paper suggests that the term indeclinable nouns and adjectives should be replaced with nouns and adjectives with zero morpheme.

Key words: russian language, croatian language, morphology, syntax, indeclinable nouns, indeclinable adjectives, zero morpheme

Именам существительным и прилагательным с одной словоформой, хотя представляют часть языка, чье число в современном обществе быстро увеличивается, в хорватской филологии не уделяется много внимания. В русском языке, с другой стороны, о этой части существительных и прилагательных пишется много, но об их статусе еще не нашлось окончательного решения. Можно сказать, что «несклоняемые» существительные и прилагательные в русском и хорватском языках выступают как «незванные гости». Такой статус виден, когда они определяются как существительные, которые «не могут быть отнесены ни к какому типу склонения» по словам Виноградова (1960: 132), или «вне системы склонений» по словам Тихонова (2002: 259). В *Краткой русской грамматике* «несклоняемые» существительные и прилагательные определяются – как «слова, имеющие во всех употреблениях только одну форму, в которую заключены разные числовые и падежные значения» (Белоусов et al. 2002: 200, 270). Данная работа попытается показать, что эти значения заключены не в одной и той же форме, а в одной и той же – нулевой морфеме.

Под влиянием иностранных языков число «несклоняемых» существительных и прилагательных в русском и хорватском языках увеличивается. По данным словарей, «в современном русском языке таких существительных более 1000 (не включая сокращения и собственные имена)» (Ibid.: 259). Хотя не все «несклоняемые» существительные иноязычного происхождения (русские по происхождению – фамилии, застывшие формы родительного падежа, и аббревиатуры), большинство из них – заимствования. В том числе, часть «несклоняемых» имен существительных представляют многие топонимы (Токио, Чили), фамилии на гласный, кроме гласного –а (Отто, Гете); фамилии и имена на твердый согласный, обозначающие лиц женского пола (Шмидт, Жаклин); иноязычные по происхождению слова на гласные -о, -у, -ю, -и, -е и ударное á (радио, алиби) (ср. Белоусов et al. 2002: 201-3). В хорватском языке «несклоняемых» существительных намного меньше, чем в русском. Можно сказать, что хорватский язык показывает более сильную склонность к адаптации существительных, независимо от их конечной буквы. Но, если посмотрим «несклоняемые» прилагательные, увидим, что их число в рассматриваемых языках почти одинаковое. В хорватском языке имеется около 50, а в русском около 35 (ср. Marković 2010b: 45), но их число, несомненно, увеличивается больше всего из-за влияния английского языка.

В грамматиках хорватского и русского языка существительные определены, как «часть речи, обозначающая предмет и выражающая это значение в словоизменяемых морфологических категориях числа и падежа, а также в несловоизменяемых категориях рода и (не)одушевленности». Ни одна из грамматик упомянутые категории не разделяет на неотъемлемые и конфигурационные категории и категорию согласования, а именно это покажется важным для цели данной работы. Неотъемлемые категории – род и число, вместе с размером, определенностью, отчуждением и типами склонения. Это в дальнейшем значит, что они являются внутренними характеристиками присущими самой форме слова. В отличие от неотъемлемых, конфигурационные категории определяются местом, занимаемым формой слова в синтаксической конструкции. Именно такую категорию представляет собой падеж, обусловлен напр. управлением глагола, синтаксической роли дополнения и тд. Падеж – это не морфологическая категория, а семантико-синтаксическая категория, которая может – но это не обязательно – осуществляться морфологически. Третья категория – это категория согласования, которая определена свойствами другого слова в синтаксической конструкции. (ср. Marković 2010a)

В большинстве грамматик прилагательные определяются одинаково: их основное значение – это непроцессуальный признак, их грамматические категории – род, число и падеж. Их категории тоже не разделены на упомянутые категории. Категории неотъемлемые прилагательному – это категория степени сравнения и возможность образования парных прилагательных, обозначающих существительных

мужского и женского рода. Типы склонения – это конфигурационная категория, она зависит от синтаксического окружения. Как категория согласования выступает согласование прилагательного с существительным и местоимением, причем неотъемлемые категории существительных переносятся на категории прилагательных.

Об этом свидетельствует и тенденция к адаптации некоторых «несклоняемых» прилагательных, напр. *roza*. Хотя в хорватских словарях оно считается «несклоняемым», в разговорном языке изменяется по категориям рода, числа и падежа, в то время как прилагательное *fin* успешно прошло процесс адаптации, и в современном хорватском языке склоняется. В русском языке некоторые «несклоняемые» прилагательные одновременно появляются и в адаптированных формах, как напр. *беж, бежевый*. Явление «склоняемых» форм прилагательных, которые сначала заимствованы как «несклоняемые», подтверждает, что они воспринимаются говорящим так же, как и «склоняемые».

В связи с активным заимствованием из иностранных языков некоторые ученые ввели отдельный тип склонения для «несклоняемых» существительных и прилагательных. В хорватском языке, следовательно, установлен пятый тип склонения существительных с грамматическим нулевым морфом во всех падежах. Тот же морф определен и как морф «несклоняемых» прилагательных, как амальгама по отношению к категориям рода, числа и падежа в рамках третьего типа склонения. В справочнике *Современный русский язык* утверждается, что «внутри субстантивного склонения выделяется еще и так называемый нулевой тип» (Белошапкива et al. 1989: 438). Значит, словоформа существительного и прилагательного в парадигме остается одинаковой. Но то, что падежная форма часто «выступает как своего рода омоним» (Ibid.: 425) уже известно. Как пишут Белошапкива et al.: «если принять за основание звуковую форму существительных, то мы должны будем сказать, что одни существительные имеют меньше падежей, чем другие (...)» (Ibid.: 424). Имя числительное *сорок*, например, имеет только две словоформы, которые выражают значения шесть падежей.

Из этого исходит, что одну из проблем представляет определение существительных и прилагательных с одной словоформой как «несклоняемых». Если мы считаем, что они образуют отдельный тип склонения с нулевым морфом, не значит ли это, что они являются – склоняемыми? Сам термин «несклоняемый» фиксировал их определение, как слов «вне системы склонений». Но система склонений очень легко может усвоить и решить эту, относительно новую, языковую проблему. Поэтому предлагаем название – *имена существительные и прилагательные с одной словоформой*, которое, хотя более длинное, более точно определяет их характер.

В синтаксических связях существительные (также те, с одной словоформой), могут выступать в роли всех членов предложения: в роли подлежащего, части именного сказуемого, дополнения, обстоятельства, приложения и определения. Прилагательные чаще всего выступают в роли определения, а также и как часть именного сказуемого. Все эти роли выполняют и прилагательные с одной словоформой. То же можно сказать и о третьей роли прилагательных – когда они берут на себя значение существительного, и выполняют его роль.

Белошапкива et al. утверждают, что синтаксическая роль как принцип очень важен при классификации таких словоформ, лексемы которых состоят из одной-единственной словоформы (Ibid.: 395). Именно поэтому было важно показать, что существительные и прилагательные с одной словоформой могут выступать тем же членами предложения как и те «склоняемые».

Помимо того, что как зависимое слово в словосочетании находятся в постпозиции, прилагательные с одной словоформой появляются и перед существительным, причем часто пишутся с дефисом. Но, дефис не обозначает словосочетание, а *сложное слово*, результат словообразования. В хорватском языке, похожие элементы (напр. *portabl-* в *portabl-televizor*) не считаются прилагательными, потому что у них нет самостоятельного значения и поэтому, они не могут выступать как члены других связей. У некоторых из русских «несклоняемых» прилагательных также можно обнаружить такой статус. «Несклоняемое» прилагательное *гала*, например, употребляется только как часть сочетаниях *гала-концерт* и *гала-представление*, а «несклоняемое» прилагательное *томат* в примерах, приведенных в грамматиках, появляется только в связях с дефисом – *томат-паста*, *томат-пюре* (ср. Белоусов et al. 2002: 87). Также нужно заметить, что в разговорной речи элемент *томат(-)* появляется и в адаптированной форме, а если пишется с дефисом, первый элемент этой связи часто склоняется (*побольше томатного пюре, соус сметанный с томатом-пастой*), и таким образом его статус прилагательного с одной словоформой поколебался. Такие заимствованные слова, которые в хорватском языке не определяются как прилагательные, не могут выступать в роли именной части сказуемого, в отличие от прилагательных с одной словоформой. Им также невозможно добавить усилительные частицы (*много, очень, jako, vrlo*), а прилагательным с одной словоформой – можно. Следовательно, в Интернете невозможно найти примеров, которые показали бы, чтобы эти части словосочетаниях и сложных слов типа *гала-*, *томат-*, *какао-*, даже в постпозиции (*какао-порошок, порошок какао*), выступали частью именного сказуемого или в связи с усилительной частицей. Мы видели в выше приведенном предложении, что элемент *томат-* иногда склоняется. Почему в таком случае сочетания

типа *какао-порошок* и *томат-пюре* не считаются сложными словами (как напр. диван-кровать, пила-рыба, оба компонента которых склоняются)? Интересные аргументы, связанные с этим, изложены в статье Л. В. Кнорины – *Анализ неизменяемых определителей к существительным*. В ней речь идет о том, что большинство прилагательных с одной словоформой на самом деле является существительными. Такая идея покажется интересной, когда заметим, что в список «несклоняемых» прилагательных включены и слова *цеце* (*муха цеце*) и *цунами* (*волна цунами*) (ср. Белоусов et al. 2002: 87), причем ни одно из этих слов не появляется в других связях, а слова *цеце* и *цунами* в словаре определяются как существительные женского и среднего рода (ср. Ушаков 2008: 1171, 1173). Поэтому, в этих словосочетаниях слова *цеце* и *цунами* можно понять как существительные в роли приложения. Хотя уже их орфографическая разнообразность доказывает нормативный беспорядок, кажется, что заимствованные слова в грамматиках слегка включаются в список «неизменяемых» прилагательных.

Рассмотрим теперь и существительные с одной словоформой. В русских грамматиках как «несклоняемые» существительные определяются и «топонимы, выступающие в качестве приложения при словах *город, станция, река* и др.», как напр. *озеро Лубень, город Москва* (Белоусов et al. 2002: 202). Здесь надо обратить внимание на то, что как «несклоняемое» имя существительное определен *член предложения*. Такая неизменяемость слов обусловлена именно специфической синтаксической ролью – приложением – которая неизменяемость проявляет и в таких случаях, когда речь идет о названиях учреждений, продуктов, произведений и т.д., а приложения находятся в кавычках как напр. *гостиница «Космос», роман «Преступление и наказание»*. Но, такие существительные «защищены» кавычками и своей синтаксической функцией, потому что в других окружениях они, конечно, склоняются, а как топонимы часто одновременно могут и склоняться и не склоняться (*в городе Москва, в городе Москве*). Такое синтаксически фиксированное название в определенном контексте расширяется и на морфологический уровень и является причиной неизменяемости, но это только синтаксическое явление. Поэтому существительные, выступающие в роли приложения, не могут включиться в список «несклоняемых» существительных. Тот же аргумент можно употребить, и когда речь идет о приложениях в препозиции, напр. *Урал-река*. Но существует группа похожих сложных существительных с несклоняемой первой частью (*жар-птица, премьер-министр*), причем их первые части не считаются «несклоняемыми» существительными. Такой случай, где *река Москва* переходит в форму *Москва-река*, напоминает переход из формы *порошок какао* в форму *какао-порошок*. Это значит, что и примеры как *какао* могут считаться приложениями. Следовательно, статус многих из «несклоняемых» прилагательных и некоторых из существительных весьма сомнительный.

Как мы видим, морфология и синтаксис в грамматиках часто переплетаются, результат чего не всегда ясные и обоснованные свойства для определения существительных и прилагательных с одной словоформой. Именно поэтому подчеркивается надобность в дальнейших исследованиях, особенно в рассмотрении соотношения синтаксиса и морфологии и его влияния на их перечень в русском языке. Также надеемся, что данная работа успела доказать, что имена существительные и прилагательные с одной словоформой заслуживают отдельного склонения и тот же статус какой у их склоняемых братьев.

Литература:

- Marković, Ivan (2010a), *Pridjev*. снято с: http://omega.ffzg.hr/file.php/913/Morfologija_HR_-_07_-_Pridjev.pdf (15.7.2011)
- Marković, Ivan (2010b), *Uvod u pridjev*. Zagreb, Disput.
- Белошাপкова, Вера Арценьевна; Елена Андреевна Брызгунова; Елена Андреевна Земская (1989), *Современный русский язык*. Москва, Высшая школа.
- Белоусов, Вячеслав Николаевич; Ирина Ильинична Ковтунова- Ирина Николаевна Кручинина; Владимир Владимирович Лопатин и др. (2002), *Краткая русская грамматика*. Москва, Институт русского языка имени В. В. Виноградова.
- Виноградов, Виктор Владимирович (1960), *Грамматика русского языка. Том 1. Фонетика и морфология*. Москва, Академия наук СССР.
- Кнорина, Лидия Владимировна (1996), *Анализ неизменяемых определителей к существительным* (под ред. В. А. Успенского). *Грамматика, семантика, стилистика*. Москва, Институт русского языка, снято с: <http://lidiaknorina.narod.ru/analiz.htm> (29.8.2011).
- Тихонов, Александр Николаевич (2002), *Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология*. Москва, Цитадель-трейд.
- Ушаков, Дмитрий Николаевич (2008), *Большой толковый словарь современного русского языка*. Москва, Альта-принт.

Безславне життя Слави - літературна ономастика (на матеріалі роману Юрія Андруховича „Московіада”)

ABSTRACT: Jurij Andruhovych (1960-) is a contemporary Ukrainian poet, writer, translator. His novel „Moskoviada” deconstructs the Soviet reality, life of Ukrainian poet Otto von F. in postsoviet Moscow. Jurij Andruhovych pays special attention to the literary onomastics: hero's names in the novel are strictly connected to the Soviet, Russian and Ukrainian culture, everyday's reality. The article is devoted to the problem of name as the building element of narrative construction, to the connotations evoked by the name.

Keywords: literary onomastics, connotation, culture, name as the building element of narrative construction

Юрій Андрухович - сучасний український поет, прозаїк, есеїст, перекладач, лауреат премії імені Гердера - народився у 1960 році в Івано-Франківську. У 1982 році закінчив редакторське відділення Українського поліграфічного інституту у Львові, потім у 1991 році Вищі літературні курси при Літературному інституті в Москві. З 1991 року до 1995 року очолював відділ поезії івано-франківського часопису «Перевал». У 1985 році разом з Олександром Ірванцем та Віктором Небораком заснував літературне угруповання «Бурлеск-Балаган-Буфонада» (Бу-Ба-Бу), яке й принесло йому широку популярність.

Творчий шлях Андруховича розпочався з поезії, поетичні збірки «Небо і площі», «Середмістя», та «Екзотичні птахи та рослини» вийшли друком у 1985, 1989, 1991 роках. Цикл оповідань «Зліва, де серце» з'явився у 1989, а шість романів автора – «Рекреації», «Московіада», «Перверзія», „Дванадцять обручів», «Тасмниця. Замість роману», «Лексикон інтимних міст» між 1992 та 2011 роками. Романи Юрія Андруховича ввірвалися в сучасну українську літературу, публіка не залишилась байдужою. У читачів романи викликали водночас захоплення і обурення. Есеїстика Андруховича виникла як результат його подорожей за кордон та мандрювань Україною. Блукаючи світом автор спостерігає «співіснування культурних просторів». В дорозі він шукає самого себе: «Я ж і надалі просто блукатиму – Світом, Галичиною й самим собою – в пошуках самого себе, Галичини і світу» (Див.: Андрухович 1999). Саме ці переживання мандрівника лягли у основу роману «Лексикон інтимних міст», в якому автор описує 111 міст.

Творчому стилеві Юрія Андруховича притаманне змішання різних мовних стилів, яке спостерігається навіть на рівні одного речення. «Андрухович однаково легко переходить з урочистого стилю на сленг і навпаки, послуговуючись універсальною зв'язкою – іронією, яка балансує на межі кітчу» (<http://sumno.com/article/moskoviada-yuriya-andruhovycha-mizh-zhyttjepsom-i/>). Герої його романів живуть у світі культурних реалій. Відбувається характерне для постмодернізму змішування дійсності та фантастики, простір міфологізується. Романи, мов колажі, будуються з окремих картин.

Роман Юрія Андруховича «Московіада» за визначенням самого автора є «романом жажів», це пародія на пізнототалітарну імперію та її символи. Постмодерністський роман охоплює події одного дня, однак у ньому багато спогадів про минуле. У тексті багато іронії, сарказму, мовної гри. Андрухович широко використовує елементи інтерконтекстуальності: у «Московіаді» можна знайти цитати, ремінісценції та алюзії як класиків української літератури, так і сучасних авторів. Автор часто звертається до біблійних мотивів. Ремінісценції та безпосередні цитати збагачують символічну багатозначність твору.

(Див.: <http://www.ukrlib.com.ua/sochin/printout.php?id=78&bookid=0>)

«Московіаду» Андруховича можна вважати своєрідним субкультурним героїчним епосом на кшталт «Іліади» Гомера, адже для головного героя роману, українського письменника Отто фон Ф., Москва – це своєрідна школа виживання.

У творі Юрія Андруховича «Московіада» можна виявити декілька символічних шарів. Одним з них є символіка імен. Імена поглиблюють семантику закодованих у творі значень, виконують сюжетотворчу функцію.

У літературному гуртожитку живуть письменники та поети з «усього кінця Радянського Союзу»: дві поетеси «зегзиці-лебедиці» (цитата-перефрази з плача Ярославни «Слова о полку Ігоревім»), російський поет Єжевікін (рос. «ежевика», тобто «ожина» + російський патронімічний суфікс -ин), затятий п'яниця Вася Мочалкін (мочалка + -ин /«мочалка», українською існує ще варіант «мачулка»), який мав звичку «наливатися бухлом аж до самої зав'язки», Іван Новаковський alias Ваня Каїн, Новокаїн - «гнаний і упосліджений літератор, видавець, культуролог», «сімнадцятилітній ліричний юнак» Слава, «національні» кавказькі поети, які завжди тримаються разом і постійно щось продають або міняють, дівчата-«мандрюхи», десантник Руслан та інші.

Розглянемо, як «грає» Андрухович у тексті зі значенням імен на прикладі одного з цих персонажів роману «Московіада». Образ «потопаючого у безславному» Слави Юрій Андрухович будує на основі значення цього імені та пов'язаними з ним конотаціями, які відводять нас до радянської дійсності.

Слава – може бути пестливою формою імен В'ячеслав, Святослав, Ярослав, Мирослав, Славомир тощо. Але в слов'янських мовах лексема «слава» відповідно тлумачному словнику означає також «широку популярність як свідчення загального схвалення, визнання чийось заслуг, таланту, доблесті».

Квазі-термін «слава» - це один із найважливіших атрибутів радянської дійсності. Досить згадати завжди і усюди присутні лозунги: «Слава комуністичній партії!», «Слава народу!», «Вічна слава героям!» тощо. У гімні СРСР також оспівується слава вітчизни:

«Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!
Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Партия Ленина - сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет.
В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны,
И красному знамени **славой** отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны!»

У «Московіаді» Слава талановитий, сімнадцятирічний, юний поет, що прибув з Партизанська чи Мухоморська або хто його знає звідки у Москву в «семиповерховий лабіринт посеред жахної столиці» (Андрухович 2006: 19), у Літературний гуртожиток.

Ім'я юнака ніби пророкує йому славу та велич. Але доля амбітного поета виявляється повним протиставленням, контрастом до значення його імені. З вершин юних надій він потрапляє на самий низький рівень суспільного буття.

Ось 5 стадій повного деградування та душевного розпаду Слави:

- «Сімнадцятилітній ліричний юнак, назвімо його Слава, вкладає римовані строфи (...)» (Андрухович 2006:18) мріє про те, що буде вчитися у Москві.
- Потім «(...) довідується, що успішно пройшов творчий конкурс» (Андрухович 2006:18) і їде у столицю.
- «Але на цьому й закінчується вся поезія. Далі - навіть не проза. Вірші пішли геть (...)» (Андрухович 2006:18).
- Через деякий час «Слава вже нагадує розтоптаного долею педераста з болючим тілом і вичерпаною душею. Іноді він викрадає шмат м'яса з чужого баняка на спільній кухні. Від нього струмусь стійкий запах сечі і найдешевшого тютюну» (Андрухович 2006:19).

- «Настає день, коли він готовий різати собі вени» (Андрухович 2006:19).

Вихід з цього становища, з майже тваринного рівня життя один: самогубство.

В характеристиці Слави змішуються високий літературний стиль і низька розмовна лексика:

«Сімнадцятилітній ліричний юнак, назвімо його Слава, вкладає римовані строфи, які списує до загального зошита і переховує в секретному місці під унітазним бачком. Вірші, як правило, носять назви, похідні від романтичних жіночих імен: «Аеліта», «Консуела», «Анготея», «Айседора», «Лоліта». Безперечно, що тут криється одна й та сама істота, переважно Люся або Нюся, однокласниця, котра й не здогадується про існування в природі таких речей, як сублимація» (Андрухович 2006:18).

Оригінальний контраст повстає між жіночими іменами вищенаведеної цитати. А «романтичні» жіночі імена можна ототожнити з іменами відомих літературних героїв та митців. Контраст побудований на протиставленні широко відомих імен видатних постатей з якимись там нікому невідомими Люсями та Нюсями, які блукають у Радянському Союзі тисячами.

• Ім'я **Аеліта** - може бути запозиченим із фантастичної повісті Олексія Миколайовича Толстого про подорож землян на Марс, що була написана в 1923 році. Існує класичний радянський німий художній фільм, знятий за одноіменною повістю «Аеліта» Яковом Протазановим у 1924 році. Значення імені головної героїні повісті розкривається в перекладі з вигаданої марсіанської мови: «Теперь, когда Лось произносил имя – Аэлита, оно волновало его двойным чувством: печалью первого слова АЭ, что означало – «видимый в последний раз», и ощущением серебристого света – ЛИТА, что означало «свет звезды»».

• Ім'я **Консуела** можна ототожнити з мексиканською піаністкою, композитором Консуелою Веласкес Торрес (1916 (чи 1924) – 2005), що набула світової слави в першу чергу, як автор пісні «*Bésame*

ticho», написані в жанрі болеро у 1940 році, що стала однією з найвідоміших музичних композицій XX століття.

- **«Анготея»** – це героїня з оповідання відомого російського письменника-символіста Олександра Гріна (1880-1932) **«Елда и Анготея»**, написаного у 1928 році.

- **«Айседора»** - це **Айседора Дункан (Данкен)** (1877—1927), дружина російського поета Сергія Єсеніна (1895-1925), американська танцівниця - основоположник вільного танцю, передтечі танцю модерн. Айседора мала великий успіх не лише в США та Європі, а і в Росії. Фахівець прикладної культурології Тетяна Сідоркіна у своїй кандидатській дисертації **«Творческая личность Айседоры Дункан в культурном контексте конца XIX - первой трети XX вв.»** зазначає: «Влияние Дункан на русскую культуру, на русский балет, ее роль в утверждении новых стандартов вкуса и эстетических норм очевидна. Она принадлежит к тем западным художникам, которые стали неотъемлемой частью духовной культуры России» (<http://www.dissercat.com/content/tvorcheskaya-lichnost-aisedory-dunkan-v-kulturnom-kontekste-kontsa-xix-pervoi-treti-xx-vv>).

- Ім'я **«Лолита»** асоціюється із одноіменним романом Володимира Набокова (1899-1977), написаним у 1955 році спочатку англійською мовою, і перекладеним самим же автором і виданим у 1967 році російською.

Високопарним, всесвітньовідомим, романтичним іменам у «творчості» Слави протиставляється його справжня «муза», проста дівчина, ймовірно нікому невідома однокласниця молодого поета з буденним, повсякденним ім'ям Люся або Нюся. Безумовно, автор **«Московіади»** використав співзвучні імена Люся та Нюся з метою мовної гри - характерної риси мовного стилю Юрія Андруховича.

Люся – це пестлива форма імені Людмила, тобто «людям мила». Це жіноче ім'я слов'янського походження (Скрипник, Дзятківська 1996: 155). В Росії воно було дуже популярним в епоху романтизму. Щодо значення імені Павел Флоренський писав: «Каждый знает из жизненного опыта, что люди с чересчур явно благочестивыми фамилиями — редко бывают благочестивыми. Точно так же или даже еще более Людмила — и в отношении своего имени: — Немил я, хоть и мил, а ты, хотя Людмила, Но людям не мила, и им не станешь мила».

(Цит.

по:

<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%8E%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%B0>).

Нюся – це пестлива форма імені Анна. Біблійне ім'я Анна походить від єврейського Channah. Воно означає «він (Господь) був милостивий, виявляв ласку» (Скрипник, Дзятківська 1996: 128).

Імена Людмила та Анна широко використовуються в російській культурі та літературі. Досить згадати роман Л. Толстого **«Анна Кареніна»**, видатну російську поетесу Анну Ахматову (1889-1966), ім'я якої Андрухович теж згадує у тексті свого роману, або поему О. С. Пушкіна **«Руслан і Людмила»**. У літературній ономастиці роману **«Московіада»** ім'я Руслан також обігрується.

Отже такий вибір імені Слава можна назвати навмисним, свідомим «авторським втручанням» (Див.: Фагуно 1991: 129), адже Андрухович зв'язав ім'я з масою конотацій, описаних вище. Ім'я Слава функціонує, як своєрідний епітет. Головні асоціації викликає лексичне значення слова, а конотації, пов'язані з радянською дійсністю, та безславний життєвий шлях юнака створюють різочий контраст.

Гоголь дуже слушно зазначив: «каркнет само за себя прозвище и скажет ясно, откуда вылетела птица» (Никонов 1971: 418).

Література

Фагуно, J. (1991), *Введение в литературоведение*. Варшава

Андрухович, Ю. (1999), *Дезорієнтація на місцевості*, Івано-Франківськ

Андрухович, Ю. (2006), *Московіада*, Івано-Франківськ

Никонов, В. (1971), Имена персонажей. В кн.: *Поэтика и стилистика русской литературы*. Ленинград

Скрипник, Л. (1996), Дзятківська Н.: *Власні імена людей*. Київ

Сидоркіна, Т. (2000), *Творческая личность Айседоры Дункан в культурном контексте конца XIX - первой трети XX вв.* Кандидатская диссертация. Саранск. <http://www.dissercat.com/content/tvorcheskaya-lichnost-aisedory-dunkan-v-kulturnom-kontekste-kontsa-xix-pervoi-treti-xx-vv>

<http://www.ukrlib.com.ua/sochin/printout.php?id=78&bookid=0>

<http://sumno.com/article/moskoviada-yuriya-andruhovycha-mizh-zhyttjepsom-i/>

Ana Mihaljević

University of Zagreb, Zagreb, Croatia
amihalje@ffzg.hr

Slavenska imena na latinskim epigrafskim spomenicima prvih stoljeća hrvatske pismenosti

ABSTRACT: Names from epigraphic monuments from Dalmatia and southern Bosnia are analysed in this paper. The names are divided into categories and statistic data on their frequency of occurrence are given. The etymology and etiology of anthroponyms are given. The language features are commented on and their importance for the research of language and culture is stressed. On epigraphic monuments the names of Slavic origin occur most often, followed by the names of Greek and Hebrew origin. In the notation (orthography) of the names one can notice many characteristics of Vulgar Latin language (monophthongation of diphthongs, variation in the recording of geminates, mixing of case endings...).

Key words: Latin epigraphic monuments, onomastics, anthroponymy, demonymy, ethnonymy

1. Uvod

Hrvati su u 7. stoljeću ušli u ozračje latinske kulture. Tijekom dvaju stoljeća nepismenosti sustavno dolaze u dodir sa svim vidovima rimske kulture pa tako i s latinskim jezikom i pismom. Prihvatanjem kršćanstva pojavljuje se potreba za što intenzivnijim poučavanjem latinskomu jeziku koji je prikladan za bogoslužje. U 9. stoljeću počinju se pojavljivati prvi epigrafski spomenici na kamenome crkvenome namještaju i arhitektonskim elementima na latinskome jeziku, dok će se prvi epigrafski spomenici na slavenskome jeziku pojaviti tek u drugoj polovici 11. stoljeća. U 9. su stoljeću ti natpisi lapidarni, šturi te nerijetko tek fragmentarno očuvani, dok se u 10. stoljeću počinju javljati složeniji, monumentalniji, jezično urešeniji natpisi. Natpisi nastali na latinskome jeziku u prvim stoljećima hrvatske pismenosti iznimna su građa za proučavanje društvenoga života te kulturnih i duhovnih tekovina civilizacije ranoga srednjeg vijeka. Za proučavanje hrvatske povijesti ranoga srednjeg vijeka osobito su vrijedni spomenici koji donose podatke o hrvatskim vladarima te oni koji uz ime vladara donose i podatke o dataciji. Međutim na epigrafskim je spomenicima sačuvan čitav niz hrvatskih imena koja svjedoče o povijesti i razvoju hrvatskoga jezika, oblikovanju književnoga jezika i svijesti o jeziku te o fonološkim i morfološkim osobitostima te su u njima vidljivi odrazi društvenih promjena, pokršćavanja i jezičnih dodira s drugim narodima.

Cilj je ovoga rada popisati imena koja se nalaze na latinskim epigrafskim spomenicima iz sjeverne i srednje Dalmacije i južne Bosne iz prvih stoljeća hrvatske pismenosti od 9. do 12. stoljeća, izdvojiti imena slavenskoga podrijetla te objasniti njihovo podrijetlo. Korpus je imena za ovaj rad ekscerpiran iz izbora epigrafskih spomenika iz knjige Vedrane Delonge *Latinski epigrafički spomenici u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj* (Delonga 1996.).

2. Ženska imena

Na epigrafskim je spomenicima sačuvano pet ženskih imena. To su:

1. [M]ARTHAE
2. MAR(ia)E – M[ariae] – MARIE – [M]ARIE – MARIE – M[ari(a)]E
3. CE[ciliae]
4. NEMIRA
5. HELENA

Od ženskih imena samo je ime Nemira slavenskoga podrijetla, ime Marta aramejskoga je podrijetla, Marija hebrejskoga, Cecilija latinskoga, a Helena grčkoga podrijetla. Ime Nemira u sebi sadržava plodni imenski formant *-mir*.

3. Muška imena

U tablici su navedeni svi zabilježeni oblici muških narodnih i stranih imena, strana su imena razvrstana s obzirom na jezik iz kojega ime potječe.

Narodna imena	Strana imena		
	Imena iz latinskoga	Imena iz grčkoga	Imena iz hebrejskoga
1. [Br]ANIME[ro] (vel [...])ANIME[...]) – BRANIMIRI – BRANIMIRO – B[ra]NNIMERO – [Br]ANNI[mero] – [Br]ANIMERO	1. GRA(tianus) – GRA(tiosus) – 2. MA[rcvs] – 3. FLOR[iani] – 4. LAURENTII – 5. MAR[tini] vel tyres] – MARTINI	2. STEFA[ni] – STEFANI – STEFANI – 3. LVHA – 4. PETRUS – PETRI – PETRI – PETRE – PETRVS – PETRI – PETRI – 5. NICOLAI	1. [IOH(?)]ANIS – [I]OH(anne) – IOH(annes) – 2. IOH(ann)IS BAPTISTE – 3. [Michael]IS – [Micha]ELIS – MIHAELI MI(c)H(ae)L – MICHA[elis] – 4. GABRIHE[elis]
2. LVBIMIRO			

3. [Svetos]CLV 4. DRZISCLV 5. PRIBI[me]RIVS – [Prib]IMIR (vel [Trp]IMIR) 6. [Trp]IMIR (vel [Prib]IMIR) – TREPIME[ro] 7. [...]MERI[...] – 8. [...]m]IR – 9. DABRVs 10. D[omagoi?] 11. MUNCIMYR 12. ...OISCL[avus (avo?)] 13. [B]VDIMER[ius] 14. [Go?]DIDRAGO 15. VVISSASCLAVO 16. GODEČAI 17. C[ede]DRA[go] 18. [R]ASTIMIR 19. [...]OYAS[clavus] 20. PRISTI[na] (?)	6. FVSCO	6. GEORGII – GEORGII 7. STEFATON 8. AL[exandrum] 9. ANESTASI 10. COSME – CO[smae] 11. DAMIANI 12. GRISOGONI	5. [Ma]TEVS – MAT[heus] 6. CHR(ist)O – [Ch]R(ist)EM –CHR(ist)E – CHR(ist)I – CHR(ist)O – CHR(ist)I – [Christ]I – CHR(istu)M 7. IES[vs] – IESVS 8. IESU CHR(ist) I 9. I(e)HV CHR(ist)I 10. MOYSES – MOISE[s] 11. [I]ACOBI
---	----------	---	---

U pregledanome je korpusu 21 narodno muško imena te 30 stranih. Od stranih je imena najviše grčkoga (11) i hebrejskoga (11) podrijetla te zatim latinskoga (6) i germanskoga (2). Germanskoga su podrijetla dva imena – Teudebert i Gumpert.

3.1. Ostatci imenskih formanata

Na epigrafskim je spomenicima sačuvano nekoliko hrvatskih imenskih formanata. Imena nisu u potpunosti čitljiva, međutim jasno su prepoznatljivi formanti hrvatskih imena.

[...]MERI[...] – [...]m]IR – Imenski formant koji je nastao od praslavenskoga **mir*̅. U korpusu je potvrđen petnaest puta. Potvrđene su inačice *-merus*, *-mirus*, *-miro*, *-merius*, *-mir*, *-myr*.

...OISCL[avus (avo?)] – [...]OYAS[clavus] – Imenski je formant nastao od imenice *slava*, međutim u latinskome je jeziku taj formant izjednačen s etnonimom *Slaven*, lat. *Sclavus*. U korpusu je potvrđen pet puta. Potvrđene su inačice *-sclv* i *-sclavus*.

3.2. Dvočlana imena

Na epigrafskim su spomenicima prisutna imena s formantima *-mir*, *-slav*, *-čaj*, *-goj* i *-drag*.

a) imena s formantom *-mir*

[Br]ANIME[ro] (vel [...]ANIME[...]) – BRANIMIRI – BRANIMIRO – B[ra]NNIMERO – [Br]ANNI[mero] – [Br]ANIMERO – Od glagola *braniti*. Značenje se imena izjednačava s *onaj koji ima mjeru u ratu* ili *onaj koji se u ratu suzdržava*.

LVBIMIRO – Od glagola *ljubiti*. Značenje se imena izjednačava s *onaj kojemu je mir drag*.

PRIBI[me]RIVS – [Prib]IMIR (vel [Trp]IMIR) – Od 3. 1. jd. aorista glagola *pribiti* (= dobiti) Značenje se imena izjednačava s *onaj koji je dobio mir, koji miruje*.

[Trp]IMIR (vel [Prib]IMIR) – TREPIME[ro] – Od glagola *trpjeti*. Značenje se imena izjednačava s *onaj tko je i u patnji miran ili onaj tko je u patnji uzdržljiv*.

MUNCIMYR – Od *mōt̅* (stsl. *mōt̅* = *pomutnja*, grč. *ταρχή*, lat. *turba*). Ime je u hrvatskoj praksi na različite načine prilagođavano latinskome jeziku (potvrđeni su oblici Montemer, Muncimir, Muntimer, Muntimerus, Montemerus, Muntimir). Značenje se imena izjednačava s *onaj tko u nemirima ili u ratu ima mjeru ili onaj koji se u ratu suzdržava*.

[B]VDIMER[ius] – Od glagola *buditi*. Značenje se imena izjednačava s *onaj tko je pri buđenju miran*.

[R]ASTIMIR – Od glagola *rasti*. Značenje se imena izjednačava s *onaj tko je pri rastu miran*.

b) imena s formantom *-slav*

[Svetos]CLV – Ime se tumači kao *onaj koji ima čvrstu slavu*, Vitezović je u svojim djelima pogrešno tumačio kao *svet* (lat. *sanctus*) i *slavan* (lat. *gloriosus*) ili kao *slava svijeta* (lat. *mundi gloria*), pridjev *svēt̅* prvotno je značio *jak*, *čvrst* (lat. *fortis*, *firmus*, grč. *ἰσχύς* prvotno također znači *jak*, a tek sekundarno *svet*).

DRZISCLV – Ime je nastalo od glagola *držati* i imenice *slava*. Značenje se imena izjednačava sa *zadrži ili stekni slavu*.

VVISSASCLAVO – Ime je nastalo od komparativa priloga *više* i imenice *slava*. Značenje se imena izjednačava s *onaj tko je slavniji*.

D[omagoi?] – Ime je povezano s indoeuropskim ablativom **domōt*, koje je sačuvano i u riječi *doma* te u imenima *Domagoj̅* i *Domagost̅*, i s riječi *goj̅* (= mir). Značenje se imena izjednačava s *koji je kod kuće zdrav*.

c) imena s formantom *-drag*

C[ede]DRA[go] – Ime je nastalo od glagola *zdjelati* (lat. *confecit, perfecit*) i pridjeva *drag*.

[Go?][DIDRAGO] – Ime je nastalo od praslavenskoga **godB* (godina, godište) i pridjeva *drag*.

d) imena s formantom -čaj

GODEČAI – Ime se tumačilo kao *Godežav, Godečav, Godečaj i Godesav*, međutim ovdje se donosi etimologija inačice Godečaj. Ime je nastalo od praslavenskoga *godB*, i *čaj-* (lat. *expectatio*). Ime je vjerojatno nadimačkoga podrijetla.

3.3. Pokraćena imena

DABRVS – Latinizirani je oblik hrvatskoga *Dobre*. Riječ je o pokraćenome imenu od *Dobroslav* ili *Dobrislav*. Značenje se imena izjednačava s *onaj tko ima dobru slavu*.

PRISTI[na] – Vjerojatno je riječ o hipokoristiku imena *Pribislav*.

4. Jezične osobitosti

Jezično je stanje na latinskim epigrafskim spomenicima odraz tadašnjega latinskog jezika te učenosti pisara i klesara, međutim latinski epigrafski spomenici odraz su i hrvatskoga jezičnog stanja i to iz razdoblja iz kojeg ne postoje drugi jezični dokazi. Za povijest hrvatskoga jezika osobito je važna onomastička građa jer se u njoj često nalazi hrvatski sloj koji prodire u latinski. U onomastičkoj su građi vidljive nedosljednosti u pisanju dvoglasnika *ae*. Dvoglasnik se *ae* u govornome latinskome monofongizirao u *e* te ga pisari tako učestalo i bilježe. U onomastičkoj se građi nalaze dva načina pisanja dvoglasnika *ae* – kao *ae* i kao *e*, primjeri su za to: [M]ARTHA^E, ali i MARIE i CE[cilie]. Grčko se *φ* u latinskome prenosi kao *f* (STEFAN[us], STEFATON), dok nema potvrda za *ph*. Grčko se *θ* prenosi kao *t* ([M]ARTHA^E) ili *th* ([M]ARTHA^E). Grčko se *χ* prenosi kao *h* (MIHAELI) ili kao *ch* (MICHAELI). Hrvatsko se *h* u latinski prenosi kao *h* (HROATOR(um)) ili kao *c* (CRVATORUM, GASTICA), ali nema potvrda za prenošenje kao *ch* premda je to bilo uobičajeno pri prilagođivanju hrvatskoga latinskomu (usp. Skok 1952: 236), ali latinsko se *ch* pojavljuje kao zamjena za grčko (razni oblici imena Mihael i Krist) te kako bi se spriječio hijat (GABRIHE[us], MICHAELI). Na epigrafskim je spomenicima nedosljedno pisanje geminata, ta je nepostojanost osobito zanimljiva u pisanju geminata u hrvatskim imenima. Skok u studiji o jeziku Supetarskoga kartulara iznosi teoriju da se geminiranjem suglasnika u hrvatskim riječima želi istaknuti da je prethodni slog bio naglašen (Skok 1952: 237). Na epigrafskim su spomenicima imena pri čijim su zapisima bilježene geminate ime Branimir koje se javlja sa zapisanom geminatom (B[ra]NNIMERO, [Br]ANNI[mero]), ali i bez zapisane geminate (BRANIMIRI) te ime Višeslav (VVISSASCLAVO). Hrvatsko se *z* u latinski prenosi kao *ce* (C[ede]DRA[go]). Hrvatsko *ž* prenosi se kao *z* (DRZISCLV), kao *i* (IVPPANO, IVPANVS) ili kao *h* (HUPPANUS), dok se *š* piše geminiranim *s* (VVISSASCLAVO). Hrvatsko *j* zapisuje se u latinskome kao *i* (GODEČAI). Samoglasnik *i* piše se kao *i*, ali i kao *y* (MUNCIMYR). Palatalni se lateral *lj* zapisuje kao *l* (LVBIMIRO) te u zapisu imenā nema tragova utjecaja talijanske grafije (*gli* za *lj*). Hrvatsko *o* zamjenjuje se u imenima s *a* (DABRVS i GASTICA) što možda svjedoči o pomaknutome izgovoru toga vokala u odnosu na današnji izgovor. Hrvatsko se *č* zapisuje s pomoću *repatoga c*, lat. *c caudata* (npr. GODEČAI). Stari se samoglasnik *jeri* (*y*) u latinski prenosi kao dvoslov *ui* (primjer je za to grafija imena Višeslav VVISSASCLAVO koja je bila predmetom brojnih znanstvenih rasprava i polemika). Slogotvorno se *r* uglavnom piše uz popratni vokal *e*, međutim za razliku od učestale prakse pisanja slogotvornoga *r* kao *er* popratni se vokal piše nakon slogotvornoga glasa (TREPIME[ro]). Suglasnička se skupina *sl* u latinskome prenosi kao *scl* (u jednome primjeru (SLCAVORUM) dolazi do naknadne metateze *scl* > *slc*), ali postoje i primjeri u kojima se skupina *scl-* naknadno pojednostavnjuje u *cl-* (CLAVITNORUM). Pri prilagodbi narodnih imena latinskomu jeziku česta je pojava nominativa na *-o* (BRANIMIRO, LVBIMIRO), na *-us* (DABRVS, BRANIMIRI) ili *-ius* (PRIBI[me]RIVS). Neka su imena u latinskome jeziku nesklonjiva (DRZISCLV, GODEČAI, [R]ASTIMIR, MUNCIMYR, DRZISCLV). U hrvatskim je imenima vidljiv fonološki inventar hrvatskoga jezika toga vremena te stari formanti praslavenskoga podrijetla. U deklinaciji imena učestale su zamjene padeža (npr. zamjene dativnoga i ablativnoga oblika u trećoj deklinaciji) te težnja unifikaciji sklonidbenih tipova.

5. Zaključak

Iz svega navedenoga vidljivo je da su u analiziranim zapisima imena veoma česta. Mnoga od imena nisu u potpunosti čitljiva sa spomenika. Mnogo je više muških nego ženskih imena što se lako može objasniti patrijarhalnošću društva. U pregledanome je korpusu 46 imena muških osoba i pet imena ženskih osoba. Najčešće su zabilježena imena domaćega podrijetla, zatim grčkoga i hebrejskoga zbog važnosti tih jezika u kršćanskoj tradiciji. Najčešća su imena svetaca, zatim vladara i velikaša te tek iznimno pripadnika puka. Vladarska su imena najčešće narodnoga podrijetla. Na epigrafskim su spomenicima prisutna narodna imena s formantima *-mir*, *-slav*, *-čaj* i *-drag*. U zapisima imena vidljive su mnoge značajke latinskoga jezika epigrafskih natpisa. Imena su često zapisana kraticama preuzetim iz ranije strane prakse. Usporedimo li imena na ovim natpisima s antičkim rimskim natpisima, vidljiva je promjena rimske troimenske formule (*praenomen, nomen, cognomen*) u jednoimensku, promijenjen je repertoar imena te imenska semantika. Latinski epigrafski spomenici iz prvih stoljeća hrvatske pismenosti izniman su izvor za proučavanje najranijega hrvatskog jezičnog stanja.

Literatura

- Blaise, Albert (1975.), *Lexicon Latinitatis medii aevi*. Turnhout, Brepols.
- Boisacq, Emile (1916.), *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: étudiée dans ses rapports avec les autres langues indo-européennes*. Heidelberg, Paris, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, Librairie C. Klincksieck.
- Chantraine, Pierre (1977.), *Dictionnaire étymologique grec*. Pariz, Les Éditions Klincksieck.
- Delonga, Vedrana (1996.), *Latinski epigrafički spomenici u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj*. Split, Muzej hrvatskih arheoloških spomenika.
- Du Cange (et al.) (1883. – 1887.), *Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Niort, L. Favre. <http://ducange.enc.sorbonne.fr/>
- Frisk, Hjalmar (1954.), *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag.
- Hofmann, Johann Baptist (1950.), *Etymologisches Wörterbuch des Griechischen*. München, Verlag von R. Oldenbourg.
- Kostrenčić, Marko (ur.) (1973. – 1978.), *Lexicon Latinitatis medii aevi Iugoslaviae*. Zagreb, Izdanje Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti.
- Lewis, Charlton; Short, Charles (1879.), *A Latin Dictionary*. Oxford, Clarendon Press.
- Niermeyer, Jan Frederik; van de Kieft, C. (1976.) *Mediae Latinitatis lexicon minus*. Leiden, E. J. Brill.
- Rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika* (1880. – 1976.) Zagreb, JAZU.
- Senc, Stjepan. (1910.) *Grčko-hrvatski rječnik*. Zagreb, Naprijed.
- Skok, Petar (1952.) *Lingvistička analiza kartulara Jura S. Petri de Gomai u Novak, Viktor; Skok, Petar Supetarski kartular*. Zagreb, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
- Skok, Petar. (1971. – 1974.) *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*. Zagreb, JAZU.
- Walde, Alois. (1955. – 1956.) *Lateinisches etymologisches Woerterbuch 1 – 4*. Heidelberg, Carl Winter'sUniversitaetsbuchhandlung.

Orsolya Németh

Pázmány Péter Catholic University, Budapest, Hungary
orsolya.nemeth@yahoo.co.uk

Długi marsz solidarności – solidarność i wydarzenia polskie w węgierskiej gazecie samizdatowej „Beszélő” w czasie stanu wojennego

ABSTRACT: How was the Hungarian reception of the Polish events which happened at the beginning of the 80's and of the „Solidarność” movement? What and in what form came to Hungary of this? How was the role of the contemporary samizdat press? How it proved to keep in life the traditional Polish-Hungarian friendship and solidarity in those years when the the Hungarian policy led a real campaign against Poland? These questions come into head if we analyze the „Solidarność” and the Polish events of these years in the Hungarian samizdat press.

Keywords: Solidarity movement, Polish-Hungarian friendship, samizdat press, martial law

Jakie było przyjęcie wydarzeń polskich lat 1980-83 oraz Solidarności na Węgrzech? Co, i w jakiej formie dotarło na Węgry z tego, co działo się w Polsce? Jaką rolę w tym przekazie odegrała prasa? W jaki sposób próbowała ona wpływać na opinię publiczną i z jakim skutkiem? Jak działała prasa samizdatowa (a szczególnie najważniejsza gazeta drugiego obiegu - *Beszélő*) na Węgrzech w latach siedemdziesiątych-osiemdziesiątych? Jaką miała rolę w opisaniu Solidarności, stanu wojennego, oraz ówczesnej sytuacji w Polsce?

Jak wiadomo, w tym okresie, czyli głównie na początku lat osiemdziesiątych i po wprowadzeniu stanu wojennego (13 grudnia 1981 r.) na Węgrzech toczyła się ostra kampania przeciw Polsce, a dokładniej, przeciw społeczeństwu polskiemu i Solidarności (oczywiście nie przeciw władzy kraju zaprzyjaźnionego). W tej kampanii najważniejszym środkiem propagandowym w rękach władz węgierskich był prasa oficjalna. W przeciwieństwie do niej, prasa samizdatowa, w tym *Beszélő*, którego pierwszy numer przypadkowo ukazał się właśnie koło 13 grudnia 1981, kiedy w Polsce wprowadzono stan wojenny, próbowała równoważyć negatywną kampanię władz. Celem prasy drugiego obiegu było ożywienie przyjaźni i solidarności polsko-węgierskiej, w prasie tej temat Polski jest priorytetem.

W tym czasie władza i propaganda oficjalna gloryfikowały władze polskie, rząd generała Wojciecha Jaruzelskiego i przede wszystkim samego generała-premiera, oczerniając Solidarność jakby to ona była odpowiedzialna za złą sytuację gospodarczo-społeczną kraju; ruch ten prawie od samego początku pojawia się w prasie oficjalnej jako synonim sił kontrrewolucyjnych, jako grupa która uniemożliwia rozwój Polski i która stanowi zagrożenie dla niepodległości i suwerenności kraju (choć nie wiadomo o jaką niepodległość chodzi w okresie kiedy nie tylko Polska ale cała Europa Środkowo-Wschodnia była zależna od Związku Radzieckiego). Można byłoby pomyśleć, że prasa drugiego obiegu, jeśli jej celem było ożywienie przyjaźni polsko-węgierskiej i pokazanie jaka naprawdę jest Solidarność, robiła to samo, co prasa oficjalna tylko kierunek jej działań był odwrotny do dążeń tejże, czyli próbowała równoważyć kampanię władz gloryfikując Solidarność i ukazując rząd PZPR w złym świetle. Takie spojrzenie byłoby dużym uproszczeniem, gdyż w tym przypadku mamy do czynienia z prasą dosyć obiektywną, w której ma miejsce analiza wydarzeń, możliwości, i jeśli trzeba, to również krytyka nie tylko władz, ale również samej Solidarności. Czyli nie jest to klasyczna polityka kontrataku, nikt nie myśli o Solidarności, że jest niewinna i nikt nie chce za wszelką cenę, bez celu i powodu oczernić instytucji państwa reżimowego. Najbardziej prawdopodobnym powodem tego stylu jest to, że przedstawiciele węgierskiego samizdatu pozostawali w ciągłym kontakcie z opozycją polską i mieli bezpośredni dostęp do prawdziwych informacji, nie musieli stawiać hipotez.

Jeśli chodzi o węgierski samizdat, to jego początki sięgają drugiej połowy lat sześćdziesiątych (pierwsza gazeta samizdatowa ukazała się w roku 1968, pod tytułem *Eszmélet <Zmysły>*), ale ruch zaczął się rozwijać dopiero na przełomie lat siedemdziesiątych i osiemdziesiątych. W tym rozwoju ważną rolę ogrywał polski ruch samizdatowy, bo jak powszechnie wiadomo, w Polsce istniał największy taki ruch w całej Europie Środkowej, tam wychodziło najwięcej czasopism i wydawnictw drugiego obiegu. Natomiast zdecydowanie najsłabszy ze wszystkich ruchów regiony był węgierski ruch samizdatowy. Obok *Beszélő* istniało zaledwie kilka tytułów i one wszystkie wychodziły tylko przez krótki czas, albo były to czasopisma wydane przez Węgrów żyjących w Siedmiogrodzie lub na Słowacji o ograniczonym zasięgu oddziaływania. Najważniejsi przedstawiciele tak zwanej węgierskiej opozycji demokratycznej byli w kontakcie z opozycją polską, z takimi postaciami jak Adam Michnik albo Jacek Kuroń, dostawali od nich wsparcie, pomoc i pomysły do stworzenia gazety samizdatowej (Barát, Kószeg, Vince, 2004). W pierwszym okresie istnienia węgierskiej prasy samizdatowej czasopisma te były pisane odręcznie, dopiero *Beszélő* był pierwszą gazetą drugiego obiegu która ukazała się w druku i regularnie; to było jej najważniejszą zaletą.

W gazecie tej nie było redaktora naczelnego, *Beszélő* redagowało kilka osób m.in: Haraszi Miklós, Kis János, Kőszeg Ferenc, Petri György, którzy byli ważnymi członkami całego ruchu samizdatowego i opozycji demokratycznej. Co było nowością w ówczesnej rzeczywistości przeciętny czytelnik miał wpływ na redagowanie tej gazety. Mógł wysłać informacje, czy własne artykuły, itd. Na końcu artykułów zawsze jest zaznaczone kto jest ich autorem, choć czasami nazwiska autorów publikowane są pod pseudonimami.

Beszélő było wydawnictwem samizdatowym, którego celem było poruszanie takich tematów nieobecnych na łamach prasy oficjalnej, a były to są przede wszystkim rewolucja 1956 roku, sytuacja mniejszości węgierskiej w Słowacji, w Rumunii lub na Ukrainie. Już sam tytuł wskazuje na to, że w tym czasopiśmie będzie się pisać o tym co na innych forach jest zabronione (węgierski czasownik „beszél” znaczy „mówić”, i „beszélő” to ktoś lub coś co mówi).

W gazecie był dział pod tytułem *Térségünk* (Nasz obszar), w którym pisano o krajach Europy Środkowo-Wschodniej, czyli o krajach kolonizowanych przez ZSRR, i ze względu na ówczesne wydarzenia, Polska bardzo szybko znalazła się w centrum zainteresowania autorów tego działu. Jak już wspomniano, pierwszy numer *Beszélő* wyszedł tuż po wprowadzeniu stanu wojennego (13 grudnia 1981), co - jak można się dowiedzieć od jednego z redaktorów - Ferenc Kőszega - jest tylko zbiegiem okoliczności. Potwierdził to zresztą w późniejszym wywiadzie: „Pierwszy numer gazety ukazał się absolutnie przypadkiem w tych dniach kiedy w Polsce został wprowadzony stan wojenny, i skończył się okres Solidarności. Aż do tego momentu cała opozycja demokratyczna wierzyła w to, że polski ruch będzie miał bezpośredni wpływ na kraje bloku radzieckiego”. (Barát, Kőszeg, Vince, 2004). Więc to tylko przypadek, a nie jest tak, jak myślą niektórzy, że ta gazeta była reakcją węgierskiej opozycji na stan wojenny w Polsce.

Jeśli chodzi o źródła informacji, *Beszélő* nigdy nie korzystało z źródeł oficjalnych, nigdy nie powoływało się na raporty agencji prasowych, nie korzystało z doniesień węgierskiej agencji (MTI), polskiej (PAP), czy radzieckiej (TASS). Redaktorzy albo mieli informacje bezpośrednio z Polski (od lat siedemdziesiątych byli w kontakcie z ważnymi postaciami opozycji polskiej), albo przez Radio Wolna Europa, albo - jak to też czytamy w wywiadzie z Kőszegiem Ferencem - węgierscy redaktorzy spędzali jakiś czas w Polsce, albo dostawali materiały od gazet polskich (oczywiście samizdatowych). Mówiąc o profilu gazety, to trzeba powiedzieć, że jest ona w miarę obiektywna. Jest jedna ciekawa rzecz: tu też pisano „stan wyjątkowy” (szükségállapot) zamiast „stanu wojennego” (hadiállapot). Jest to nieco zaskakujące, bo to, że w prasie i w propagandzie oficjalnej używało się wyrazu „stan wyjątkowy” jest zrozumiałe i logiczne - rząd Kádára nie chciał wzbudzać paniki używając tak ostrych wyrażen jak „stan wojenny”, i oczywiście nie chciał również, żeby czytelnicy węgierscy dowiedzieli się co właściwie działo się w Polsce. Ale jeśli celem gazety *Beszélő* był pokazanie tego, czego oficjalnie nie było wolno, to niezrozumiałe jest, dlaczego nie używano określenia „stan wojenny”. Jedynym logicznym powodem mogło być to, że węgierskie prawo nie zna terminu „stan wojenny”, (tłumaczenie dosłownie), tylko na określenie takiego stanu prawnego używa niefunkcjonującego w języku potocznym, archaicznego terminu - *stan obłączenia* (ostromállapot). (Mitrovtsis, 2010., 283)

W badanym okresie, czyli od 1981 do 1983 roku w każdym numerze można znaleźć długi artykuł dotyczący Solidarności, choć trzeba wyraźnie powiedzieć, te artykuły są raczej analizami, nie podają jedynie suchych faktów, ale przeprowadzają szczegółowe analizy aktualnej sytuacji politycznej, opisując wydarzenia, zastanawiają się nad powstającymi możliwościami. Zastanawia fakt, że autorzy tych tekstów nigdy nie piszą o konkretnych wydarzeniach, o tym co się stało, teksty rozpoczynają się jakby „in medias res”, od razu od analizy. Poza tym, skąd węgierski czytelnik miał wiedzieć, co się właściwie w Polsce dzieje? Informacje drukowane w prasie oficjalnej, czyli docierające do wszystkich, to delikatnie mówiąc były bardzo dalekie od prawdy. Tematyka tych artykułów jest bardzo różna: od wzmianki o rozmowie toczonyj w Polsce o sytuacji kraju, analizy porównującej sytuację Polski i Węgier, po reportaż o codzienności polskiej.

Już w pierwszym artykule o Polsce, opublikowanym w pierwszym numerze *Beszélő* widzimy dosyć ostrą krytykę Solidarności. Ruch ten krytykują nawet sami Polacy. Wzmiankowany artykuł jest zapisem pewnej rozmowy, która toczyła się w redakcji gazety *Robotnik*. Brali w niej udział: Ryszard Bugaj, ekonomista, Zbigniew Bujak, były robotnik, Bronisław Geremek, historyk, Jacek Kuroń, ważny członek KORa, Jan Lityński, redaktor gazety, i Jerzy Milewski, sekretarz rady robotniczej. Widząc te nazwiska, od razu rzuca się w oczy, że to są takie nazwiska osób nieobecnych w prasie oficjalnej lub obecnych w niej w absolutnie innym kontekście. Zatem w *Beszélő* dostają głos tacy ludzie, którzy w oczach komunistycznej władzy są kontrewolucjonistami. Wszyscy są członkami Solidarności a i tak krytykują ruch, mówiąc że: „Solidarność już straci punkty, bo nie spełni oczekiwań społeczeństwa.” (*Beszélő*, 1981/1). Mimo, że tekst ukazał się w pierwszym numerze, który wyszedł równoległe z wprowadzeniem stanu wojennego, to sama rozmowa miała miejsce jeszcze wcześniej, czyli z tego też można wywnioskować, że gazeta nie jest reakcją na to wydarzenie historyczne.

Następne dwa artykuły (z 1982 roku) są reakcją na wprowadzenie stanu wojennego: w długich analizach debatuje się nad przyszłością Polski, nad możliwościami, porównuje się je z z węgierskim rokiem 1956 i z wydarzeniami czechosłowackimi z roku 1968. Ale w Polsce największy problemem jest gospodarka: „Kryzys Polski pochodzi z gospodarki, dlatego leczenie symptomatyczne nie wystarczy”. (*Beszélő* 1982/3), czyli Jaruzelski, chociaż bardzo chce, nie będzie mógł rozwiązać wszystkich problemów przy zastosowaniu metody

Jánosa Kadara. Autorzy widzą też, że paralele między Węgrami a Polską, które nie mogą być adekwatne tylko dlatego, że na Węgrzech po roku 1956 i przed okresem tzw. komunizmu gulaszowego stosowano twarde represje, i jak pisze się w tym samym artykule, nikt nie życzy tego samego Polakom (Beszélő, 1982/2). I poza tym nie wolno zapomnieć, że Kádár był politykiem a Jaruzelski był strategiem wojskowym, dlatego też nie miał szansy rozwiązać problemów tak samo, jak jego węgierski kolega.

Następnie znajdziemy w gazecie szczegółowy opis pism samizdatowych dotyczących Polski: są tu artykuły, które zostały opublikowane w innych węgierskich czasopismach samizdatowych, ukazały się jako samodzielne biuletyny, albo zostały wydane przez węgierskie samizdatowe wydawnictwo (Wydawnictwo Niezależne AB)

Wśród autorów znajdziemy zarówno Polaków, jak i Węgrów, mamy tutaj również podane źródła informacji - są to inne gazety samizdatowe (nigdy nie powołuje się na gazety oficjalne tak jak to robi prasa oficjalna). W pismach samizdatowych znajdziemy następujące pozycje: *Brumaire 18 Wojciecha Jaruzelskiego* (zbiór pism 12 węgierskich autorów, tytuł odnosi się do puczu Napoleona), *Cicha Europa* słynnego węgierskiego filozofa, Tamása Gáspára Miklósa, jest to trzyczęściowy esejem o losie Europy Środkowej, *To co chcieliśmy i to, co jest możliwe* od Adama Michnika, *Rewolucja samoograniczająca*, której autorem jest Jadwiga Staniszkis i trzy zeszyty wydane przez samizdatowe wydawnictwo AB pod tytułem *Dokumenty niewoli i opory*. Szczegółowo opisywano treść tych pism, które już bez wyjątku są owocami pucza Jaruzelskiego, we wszystkich reaguje się na wprowadzenie stanu wojennego.

Ostatni artykuł z tego okresu to rozmowa z pewnym młodym polskim nauczycielem. Autor wywiadu twierdzi, że jest potrzeba rozmowy z takimi osobami „codziennymi” bo na Węgrzech nikt nie wie nic o tym, jak wygląda polska codzienność. I tutaj też widzimy przykład tego, że udziela się głosu takiemu człowiekowi, który w prasie oficjalnej nie miałby na to najmniejszej szansy. Ten młody człowiek, który jest podmiotem wywiadu jest umiarkowanym optymistą i widzi szansę na to, że sytuacja w Polsce wkrótce będzie lepsza, i Polacy będą mogli spokojnie pracować. I co jest najważniejsze, on też nie oczernia władzy i nie gloryfikuje Solidarności, więc znów można zauważyć, że *Beszélő* stara się być obiektywną. Wydrukowanie wywiadu z osobą ostrzej krytykującej rząd i partię komunistyczną nie byłoby żadnym problemem. Ten wywiad ma również znaczenie w obalaniu powszechnego na Węgrzech lat osiemdziesiątych stereotypu o Polakach. Propaganda komunistyczna skutecznie wmówiła Węgom, że Polacy są leniwi, nie chcą pracować i sami są odpowiedzialni za dramatyczną sytuację gospodarczą kraju.

Konkludując można stwierdzić, że w badanym okresie gazeta *Beszélő* dużo i szczegółowo zajmowała się fenomenem Solidarności i szeroko pojętą tematyką polską. Z lektury tych tekstów wyłania się zupełnie inny obraz Solidarności, niż ten znany z prasy oficjalnej. Autorom publikującym w *Beszélő* udało się ożywić tysiącletnią przyjaźń polsko-węgierską. Stąd zastanawia fakt, że Solidarność - antykomunistyczny ruch o niespotykanej w historii skali tak bardzo słabo funkcjonuje w węgierskiej świadomości społecznej.

Beszélő jest jedyną węgierską gazetą samizdatową, która nieprzerwanie ukazywała się aż do upadku komunizmu, co więcej istnieje nadal (choć oczywiście nie jest już wydawnictwem samizdatowym), niestety jedynie w wersji internetowej.

Bibliografia

Źródła

Válság közepén - választás előtt. Varsói kerekasztal beszélgetés, in: *Beszélő*, 1981/1

Kis János: *Gondolatok a közeljövőről*, in: *Beszélő* 1982/3

A Titanic fedélzetén?, in: *Beszélő*, 1982/2

A Szolidaritás hosszú menetelése – Lengyelország a december utáni magyar szamizdatban, in: *Beszélő*, 1982/5-6

Beszélő-beszélgetés egy fiatal lengyel tanárral, in: *Beszélő*, 1983/7

Literatura

Barát József, Köszeg Ferenc és Vince Mátyás a rendszerváltás médiájáról, Médiakutató, 2004. ősz

Kókay György, Buzinkay Géza, Murányi Gábor: *A magyar sajtó története*, Sajtóház kiadó, Budapest, 2001. s. 244-247

Mitrovits Miklós: *A remény hónapjai...A lengyel Szolidaritás és a szovjet politika 1980-1981*, Napvilág Kiadó, Budapest, 2010. s. 283

Ольга Окунева

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
okuneva.olya@mail.ru

Переводы русских песенников XIX в.: репрезентация представлений о народности и изменение функциональности текстов

ABSTRACT: This article is dedicated to the issue of the text function modification through translation and adaptation in the other culture. The subject of the research is some 19th-century Russian folk song collections translated into the Czech and German languages. In the Russian sources folk songs appear to be alienated, they are often edited and selected in terms of town readers' taste. The translators F.L. Čelakovský and P.O. von Goetze withdraw these songs from collected works, introduce the new context and translate them for the new readership. As a result, Russian folk songs undergo double modification in the process of their adaptation to Czech and German cultures.

Keywords: folklore, translation, function, context, conception.

Как известно, перевод способствует диалогу культур, даже во многом его осуществляет. Его значение для культуры огромно: «То, что перевод является определённым признаком развития международных литературных связей, – самоочевидный факт. <...> Наличие литературных связей, характеризующихся отбором произведений для перевода из других литератур, а также масштаб переводческой деятельности определяются более широкими потребностями и интересами, нежели потребности и интересы отдельных художников. А это означает, что они определяются также и коллективными общественными потребностями национальной литературы, хотя при этом нельзя упускать из виду и индивидуальные интересы переводчиков» (Форст 1968: 67).

Однако временами этот диалог осуществляется довольно причудливым образом, текст при переводе значительно меняет свой облик, а вместе с новым обликом обретает и новую аудиторию, и новый контекст, и другую роль и функцию в этом контексте. Примеры этому мы встречаем повсеместно со времён античности вплоть до XIX века. Если говорить о фольклорном материале, то, например, в первых переводах русских былин на немецкий язык былинные богатыри предстают средневековыми рыцарями, совершающими галантные подвиги (Хексельшнайдер 1962).

В центре внимания данной статьи – описание механизма изменения не только самого облика, но и функциональности текстов при их переводе и попадании в другую культуру. Данную проблему мы изучаем на примере переводов сборников народных песен первой половины XIX века. Выбор такого промежутка времени и такого материала обусловлен тем, что именно тогда во многих европейских странах развивается интерес к фольклору – своей страны и других стран, появляются как многочисленные записи и издания фольклорных текстов, так и их переводы на другие языки. В славянских странах, которые находятся в фокусе нашего внимания, на это влиял, конечно, процесс Национального возрождения, пристальный интерес к культуре своей страны. Кроме того, славянское Национальное возрождение неотделимо от романтизма, господствующего в этот период в литературе. Многие собиратели и переводчики фольклора были одновременно и романтическими поэтами. Это, безусловно, накладывало отпечаток на их переводческую деятельность. К сожалению, в настоящее время роль таких песенных сборников в контексте эпохи, а тем более, их переводов изучена недостаточно (см., напр.: Гусев 1965, Копанева 1983, Марков 1917, Матхаузерова 1975, Никольский 1949). Между тем их изучение могло бы значительно расширить наше представление о сущности взглядов поэтов эпохи романтизма на фольклор и его значение для литературы в то время.

Перевод фольклорных текстов с другого языка и составление сборника для этнически «своей» аудитории является способом интерпретации этих текстов, попыткой освоить другую культуру и в определённом ключе донести её до соотечественника. В соответствии с этой задачей переводчик разрабатывает свою стратегию перевода, производит отбор текстов, возможно, в какой-то мере редактирует их, формирует композицию сборника, готовит вступительную статью и комментарии. Таким образом, он стремится создать у своего читателя определённое представление о чужой фольклорной традиции.

Итак, рассмотрим два сборника переводов русских фольклорных песен: сборник Ф.Л. Челаковского «Славянские народные песни» (1822:27) и сборник Петера Отто фон Гёце «Голоса русского народа в песнях» (1828). Если первый автор хорошо знаком любому богемисту, то П.О. фон Гёце гораздо менее известен и нуждается в представлении. По происхождению прибалтийский немец, он служил в различных государственных учреждениях Российской империи, был высоким чиновником. Он был переводчиком и писателем, публиковал разные работы в российской и прибалтийской периодике, но главная его заслуга – перевод русских и сербских народных песен на немецкий язык. Как и Челаковский,

Гёце планировал создать антологию славянского фольклора, но собрания сербских и русских песен – единственное, что увидело свет из этого замысла. Подробнее о Гёце см.: Немцы России 1999, 2004; РБС 1999, РБС 1995, Никольский 2000, Fischer 1932.

Источниками переводов как для Гёце, так и для Челаковского стали песни из русских песенников – собраний песен разного содержания, крайне популярных в XIX в. В них, по большей части, публиковались сентиментальные романсы, написанные известными поэтами того времени, пасторали, арии из популярных опер, но были и песни, выдержанные в стилистике народных (однако нельзя с уверенностью утверждать, бытовали ли эти песни в народе, или также были сочинены известными поэтами). Как бы то ни было, именно они стали для Гёце и Челаковского образцом подлинного народного творчества, что и послужило причиной их использования названными авторами.

Песенники были адресованы средним слоям городского населения, поэтому все тексты были ориентированы на вкусы именно этой аудитории. Это объясняет обилие романсов о неразделённой любви; главные персонажи которых – влюблённый юноша и его жестокая безразличная избранница.

Переводы же Челаковского и Гёце были адресованы прежде всего людям их круга – учёным – филологам, переводчикам, будителям. В соответствии с представлениями этого круга и отбирались тексты, разрабатывалась переводческая стратегия, создавалась композиция сборников. Итак, какой путь из русской культуры в чешскую и немецкую проходят песни из песенников?

Во-первых, если мы примем за отправную точку рассуждений то, что всё-таки эти песни не сочинялись, а были записаны в народе, то прежде всего они попадают из устной крестьянской культуры в печатный песенник. При этом:

1) Изменяется канал трансляции традиции: теперь песни не передаются устным путём. После попадания в песенник их, конечно, могли разучивать и при исполнении, но чаще их просто переписывали в альбомы. Кроме того, одна и та же песня, иногда – с незначительными расхождениями – могла снова и снова перепечатываться в разных песенниках.

2) Как было сказано выше, меняется целевая аудитория: теперь это не крестьяне, а городские жители. А городская культура – это особый мир, со своей культурой, вкусами и запросами.

3) Меняется контекст бытования песен: народные песни начинают соседствовать с текстами совершенно другого рода – теми самыми романсами, пасторальями, ариями из опер и формируют вместе с ними единое содержательное пространство сборника. Песни в песенниках чаще всего делились по тематическим разделам («Песни нежные», «Песни пастушеские», «Песни простонародные», «Песни солдатские» и т.д.), но есть случаи, когда песня попадала «не в свой» раздел – то есть происходило смешение авторских стихотворений и народных песен.

4) Кроме того, с большой долей уверенности можно утверждать, что перед публикацией тексты редактировались составителями песенников. Это происходило и по цензурным соображениям (например, казаческие песни нередко нелестно отзывались о царе, и присутствие таких обличительных моментов в песенниках, конечно, было недопустимо), и по эстетическим: как известно, народные песни отличались и сниженными подробностями, и ругательствами, и грубым юмором, наличие которого в сборниках, рассчитанных на утончённые вкусы горожан, также было крайне нежелательным.

5) Помимо собственно редактуры, издатель производил определённый отбор текстов в соответствии со своими задачами. В разделе народных песен во всех песенниках большинство составляют песни о несчастливой или неосуществимой любви. Такие песни прекрасно вписываются в общую концепцию песенных сборников с преобладанием в них сентиментальных романсов на ту же тему.

Перейдём ко второй части – переводам этих песен из песенников на чешский и немецкий языки. Как мы можем убедиться, переводчики, фактически, проделывают все те же операции, которые проделывал издатель перед публикацией народных песен:

1) Также производится отбор текстов, теперь уже в соответствии с новыми задачами. Задача обоих переводчиков, по-видимому, состояла в том, чтобы как можно более полно представить русскую песенную традицию и осветить её с разных сторон. Они выбирают песни самых разных жанров: любовные, солдатские, хороводные, шуточные, исторические, балладные, даже обрядовые – святочные, свадебные. Также в задачу переводчиков входило заинтересовать читателей русским фольклором, поэтому они выбирали, с их точки зрения, самые интересные тексты, например, с красочными образами, со стройной композицией, яркими средствами выразительности.

2) Во-вторых, по-новому организуется композиция сборников. Гёце и Челаковский отказались от разделения песен по разделам и формировали композицию своих сборников, ориентируясь на изменение тональности песен. Чередовались жанры песен: после пары любовных песен шла былина, потом шуточная заводная песня, потом вновь протяжная и т.д.

3) В-третьих, они также редактировали тексты: пропускали или добавляли строки, заменяли имена персонажей... Результат мог быть крайне любопытным. В качестве примера можно привести перевод песни из «Собрания разных песен» М.Д. Чулкова (в 4-х частях, 1770 – 1774), озаглавленной Челаковским «И в могиле любовь» («Славянские народные песни», Т.1, № 15).

М.Д. Чулков (Ч. I, № 171)

Ты рябинушка ты кудрявая,
 Ты когда вошла, когда выросла,
 Ты когда цвела, когда вызрела.
 Я весной вошла, летом выросла,
 Я зарей цвела, в полдень вызрела.
 Под тобой ли под рябиною,
 Что не мак цветет, не огонь горит
 Что горит сердце молодецкое,
 По душе ли той красной девице,
Красная девица переставилась;
 Ой вы ветры, ветры теплые,
 Перестаньте дуть, вас не надобно,
 Потяните вы ветры буйные,
 Что со той стороны северной,
 Вы развейте мать сыру землю,
 Вы разкройте гробову доску.
 Вы пустите меня проститься,
 И в последний раз поклонится.

F.L. Čelakovský I v hrobě láska

Kdy jsi, řeřabinko pokadeřavělá,
 kdy jsi vzešla, kdy jsi vyrostla,
 kdy zakvétala, a kdy vyspěla?
 „Jarem jsem vzešla, letem vyrostla,
 na jitře kvetla, v poledni dožrála.“
 Pod tebou to tam, pod řeřabinkou
 nekvete máček, neboří oheň,
 ale hoří tam srdce mládenecké,
 hoří po milé, po krásné dívce.

Hoj vy větrové, větrové teplí,
 přestaňte váti, nejste k platnosti;
 procítněte, vy větrové bujní,
 od strany povstaňte tam od severní,
 v půl rozpolte vlhkou zemi-matku,
 roztrhněte hrobovou rakev,
 ven mne vypust' te rozloučit se,
 a poslední pozdravení vzdát.

Как мы видим, при переводе Челаковский пропустил основное смысловое звено (в тексте выделено полужирным шрифтом) – мотивировку печали причитающего героя («Красная девица переставилась», т.е. умерла). Поэтому при чтении чешского текста читатель до самого конца не может осознать, что же произошло. Пропуск лишь одной строки придает тексту загадочность и напряжение, которое достигает своего максимума в финале, что заставляет читателя активнее сопереживать. Если в русском варианте это классический плач, причитание, то в чешском варианте текст фактически становится балладой (благодаря недосказанности, которая в него вносится). Так при переводе меняется сам жанр текста. Это очень показательно, особенно если вспомнить, что баллада в европейском романтизме – самый популярный жанр, и Чехия – не исключение. Таким образом, при работе над переводами Челаковский учитывает и вкусы своего читателя, знакомого с балладой.

4) Вновь меняется целевая аудитория: как говорилось выше, переводы Челаковского и Гёце были адресованы прежде всего людям их круга – учёным. Для них во многом разрабатывался научный аппарат: например, Гёце снабдил свой сборник большой статьёй о различных аспектах русского песенного творчества, комментариями, примечаниями.

5) В конце концов, меняется прагматика песен: если в песенниках песни предназначались непосредственно для исполнения (в некоторых песенниках даже печатались ноты, примечания, на какой голос и с каким инструментом следует петь песню), то в сборниках Челаковского и Гёце песни предназначались для чтения. Их следовало читать, наслаждаться ими, изучать, обнаруживать сходство между ними и песнями других славянских традиций.

Переведённые сборники, таким образом, начинали иллюстрировать представление переводчиков о том, что такое народность, каковы её маркеры и пределы. И вновь обратимся к примеру. Во-первых, и Гёце и Челаковский переводят не только песни, выдержанные в фольклорной стилистике, но и авторские стихотворения. С одной стороны, это романсы. Приведём романс (авторство приписывается российскому актёру Ф.Г. Волкову), который приковал внимание обоих переводчиков:

Ты проходишь мимо кельи, дорогая,
 Мимо кельи, где бедняк-чернец горюет,
 Где пострижен добрый молодец насильно,
 Ты скажи мне, красна девица, всю правду:
 Или люди-то совсем уже ослепли,
 Для чего меня все старцем называют?
 Ты сними с меня, драгая, камилавку,
 Ты сними с меня, мой свет, и черну рясу,
 Положи ко мне на груди белу руку
 И пощупай, как трепещет мое сердце,
 Обливаясь всё кровью с тяжким вздохом;
 Ты отри с лица румяна горьки слезы,
 Разгляди ж теперь ты ясными очами,
 Разглядев, скажи, похож ли я на старца?

*Как чернец, перед тобой я воздыхаю,
Обливаясь весь горькими слезами,
Не грехам моим прощенья умоляю,
Да чтоб ты меня любила, мое сердце!*

Возможно, чувства героя, о которых идёт речь в таких текстах, показались обоим переводчикам близкими народному духу. Но возможно и следующее: как мы помним, песни о трагической любви хорошо вписывались в общую сентиментальную концепцию русских песенников, поэтому там они доминируют. В переводах Челаковского и Гёце также доминируют народные песни о несчастливой любви, но ровно ту же функцию начинают выполнять романсы: они также вписываются в новую линию сборников – романтическую. Очевидно, что авторы переводов хотели привнести дух романтизма в свои собрания, поэтому выбирали песни «высокого стиля», где речь шла о «высоких» чувствах. С другой стороны, переводчики не обошли вниманием и песни из раздела «Весёлые и цыганские». Эти песни тоже авторские, но весёлой, мажорной тональности. Их, возможно, переводили для того, чтобы как-то разнообразить протяжные и минорные песни весёлыми нотками.

Во-вторых, вновь вернёмся к балладам. В русской традиции баллады – это песни с ярко выраженным семейным конфликтом, чаще всего заканчивающиеся смертью одного и более персонажей. Наиболее распространённые русские балладные сюжеты: братья-разбойники берут в плен родную сестру, не узнав её, и убивают её мужа и детей; сестра убивает брата; свекровь изводит невестку. Основная же черта европейской баллады – наличие мистического, фантастического элемента. В связи с этим показателен следующий момент: Челаковский перевёл былинку «Поток Михайло Иванович», в сюжетном плане уникальную для русского эпоса. Сюжет былинки таков: герой женится на девушке, способной превращаться в лебедь. После свадьбы она умирает, Михайло борется со змеем в её могиле, после чего его жена оживает и они живут вместе. Как мы видим, эта былина как раз близка по сюжету западноевропейским балладам. Все эти явления также вписываются в тенденцию романтизации содержательной линии сборников. А у читателя между тем может сложиться впечатление, что в русском фольклоре распространён фантастический эпос.

Суммируем всё вышесказанное: русские песни меняют свою функцию (да и облик), как минимум, дважды: сначала при перенесении из устной народной среды в городскую печатную среду и потом при извлечении этих песен из сборников и их переводе на чешский и немецкий языки с целью продемонстрировать первозданность, красоту и величие русского фольклора. Ведь несмотря на то, что песни в песенниках были искажены и пребывали в чуждом для них контексте, переводчиками они были восприняты и преподносились как первозданный фольклор, подлинное «выражение русской народной души». Они создали новый контекст бытования для этих песен, сделав их частью содержательного пространства сборника иного рода – собрания фольклорных песен. А всё, что переводчики при этом делали с текстами – и отбор, и правка, и расположение в композиции – способствовало стереотипизации восприятия русской фольклорной традиции у их читателей.

Литература:

- Fischer 1932: Fischer, Otakar (1932), *K ohlasu písní ruských*. Praha, Učená společnost Šafaříkova v Bratislavě.
 Гусев 1965: Песни и романсы русских поэтов / Вступ. ст., подг. текста и прим. В.Е. Гусева (1965). Москва-Ленинград.
 Копанева 1983: Копанева Н.П. (1983), Песенники для народа в XIX веке. In: *Русские библиотеки и их читатель*. Ленинград, Наука.
 Марков 1917: Марков А.В. (1917), Чулковский песенник и его значение для изучения великорусских народных песен. In: *Изв. ОРЯС, XXII, кн. 2*. Москва.
 Матхаузерова 1975: Матхаузерова, Светлана (1975), «Собрание разных песен» Чулкова и «Славянские народные песни» Челаковского. In: *XVIII век. Сб. 10 : Русская литература XVIII века и ее международные связи*. Москва-Ленинград, Изд-во АН СССР.
 Немцы России = Die Deutschen Russlands: Энциклопедия / Редкол. В. Карев и др. (1999, 2004). Москва, ЭРН; ОАО Тип. Новости.
 Никольский 1949: Никольский С.В. (1949), К вопросу о знакомстве Ф.Л. Челаковского с русской фольклористикой начала XIX века. In: *Ученые записки Института славяноведения. Т. I*. Москва-Ленинград.
 Никольский 2000: Никольский С.В. (2000), Петер Отто фон Гёце и славянско-немецкие литературные связи. In: *Славяно-германские исследования*. Москва, Индрик.
 РБС 1995: Русский биографический словарь. Т. 5. (1995) / [Под ред. Н.П. Чулкова]. Москва, Аспект-пресс.
 РБС 1999: Русский биографический словарь: В 20 т. (1999) / [Сост. П. Каллиников, И. Корнеева ; Ред. А. Лещенко, С. Бабушкин]. Москва, ТЕРРА-Кн. клуб.

Форст 1968: Форст В. (1968), Связи как фактор развития национальных литератур. In: *Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (конец XVIII – начало XX в.)*. Москва.

Хексельшнайдер 1962: Хексельшнайдер, Эрхард (1962), К истории изучения русского фольклора в Германии в первой половине XIX в. In: *Русский фольклор: материалы и исследования, Т. VII*. Москва-Ленинград, Изд-во АН СССР.

Some remarks on the character of Old-Russian active participles

ABSTRACT: This article deals with interpretation of temporal meaning of Old Russian participles. It introduces currently accepted hypotheses, confronts them with each other and based on this confrontation presents its own hypothesis. In doing so, it draws particularly on analogical methods, whereby participial and verbal systems are confronted with analogical system of Turkic languages. On the basis of this analysis its author maintains that at least participles may have been in the Proto-Slavonic as well as in the Old-Russian period organised on the basis of contrast of terminativeness : interminativeness of action, in other words that suffixes belonging to category of participles A may have fulfilled the role of shifters between these two temporal-aspectual meanings.

Keywords: Old-Russian; Old-Greek; participles, *-nt/-us*-suffix; morphosyntactical value

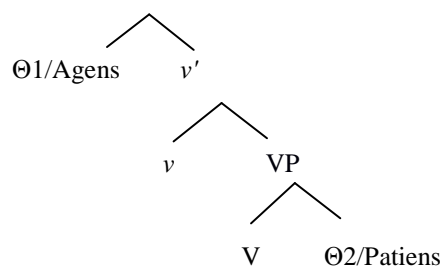
The notion of participles in Indo-European languages was accorded an extensive attention in the past, as they have been at the forefront of linguistic interest since the beginning of twentieth century. The Old-Russian participles are no exception. In this article the primary objective is to challenge the well-established assumption about the Old-Russian (OldRus) participles (Part) representing adjectival-verbal forms with relative or absolutely temporal value and instead new framework for interpretation will be suggested.

Our assumptions are based mainly on excerpted literature and verified by the referential sample of 200 OldRus and Old-Greek (OldGr) part., excerpted from the translational OldRus manuscript *The Life of St. Andrew the Fool* (Молдован 2000).

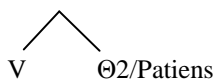
1 Starting Premises

Part. is to be understood as a deverbal derivative (not as a denominal one). Verbal structure is to be understood in accordance with Johnson (1997), Karlík (2003) and Veselovská (Karlík — Veselovská 2004) as a structure made up of minimum two components – root and suffix (*нуса/нуше-ть*), where root is the carrier of lexical features +V -N and further T (time) and A (verbal aspect). T parameter can only be discerned in the structure when it is saturated by personal suffix of 1-3rd person sg. or pl. Feature A is in modern Slavonic languages expressed as a grammatical opposition of perfective and imperfective verbal aspect and as a lexical opposition of (*Aktionsart*) durativum : faktitivum, respectively process/state: achievement/accomplishment (Vendler 1957). Syntactic structure of verb is interpreted in accordance with model of Generative Grammar (Johnson 1997):

a) vP *разработать (A1 кто? - A2 что?)*

б) VP *идти (A1 кто?)*

At the same time we accept the premise of Chomsky (2000) that a) the presence of structural position A1 is in the phrase conditioned by the presence of a verb (*θ-grid*), b) the presence of structural position A2 in the phrase is conditioned by the presence of *v'*, c) *v'* assigns case to A2 & T assigns nominative to A1.

For Part in general we will assume that they are representatives of syntactic structure, i.e. structure emerging during syntactic derivation by neutralisation (inhibiting) of verbal features due to nominal suffix (Wasow 1977). Their resulting closeness or distance from lexical unit (adjective) is determined by the height of the level on which the Part structure originates. As a departing structure proposed for Part, therefore, we accept the structure

c) [N_i [VP [e_i Part]]]

where *Part* refers to participle and *e* marks an empty structural position created by verbal stem, which cannot be lexically realised (fulfilled), since it lacks case ending (nominative cannot be assigned as the *head* T is blocked by nominal *and* ?participial suffix.

Remaining hitherto unanswered question is a) what character (function) fulfils suffix of Part.Act. (it is known that *n*-suffix Part.Pass. plays the part of inhibitor of structural position *patiens*), b) whether it is possible in OldRus to identify verbal feature A with the corresponding feature in modern Slavonic languages, or, whether it is necessary to expect an absence of the verbal aspect opposition – perfective : imperfective aspect (i.e. presence of only so called lexical aspect). These, and in particular the latter question have a direct relationship to model of verbal structure in OldRus or even Proto-Slavonic language, and are therefore of the utmost importance to us. For the time being, we shall propose a working hypothesis, that grammatical verbal aspect in OldRus was not fully developed (Dostál 1954) and as such is to be discounted from our further considerations.

2 Against the Hypothesis of Temporal Value of Participles

If we were to demonstrate, that the OldRus Part had the same, i.e. relative temporal value as the modern Slavonic Part (e.g. Czech ones: comp. *Petr zpívající píseň včera/dnes/zítřa* – *Peter, singing a song yesterday/today/tomorrow*), it would be necessary to identify OldRus Part structure with the above mentioned structure (c). Challenging this view, though, are instances of use of Part in Old Church Slavonic (ChSlav) as well as other ancient Slavonic languages – we are concerned predominantly with Russian language – comp. Part having different subjects:

(i) OldRus **приехавъ** в Белев, **нам** попалась хорошая квартира (Mrázek 1982: 93)
ChSlav *i bě anna proročica. dъšti fanuil'leva. oтъ kolěna sūrova. si zamaterěvši. vъ dъnechъ mnodzěchъ. živъši sъ možemъ 7 lět. oтъ děvъstva svoego. i ta vъdova do somi desěť. i čtyry lět.*¹ (L 2.36-37 Z, M, A, S – according to Večerka 1961: 93).

where the employment of Part implies nominative agent represented by a noun. In this particular case, as follows from our scheme (a) it is necessary to anticipate an active head T in the given participial structure. Likewise, similar example from OldRus may be presented:

(ii) OldRus *не бо суть суетнаго сего мира якоже ты менши*_{/PPA/}. (ЖАЮ 90 – OldGr ...οὐ γάρ εἶσι τοῦ οὐ γάρ εἶσι τοῦ ματαίου κόσμου τούτου, ὡς ὑπενόησας_{/VfaoT/}...).

It is self-evident that these examples demonstrate a transition of participles to the category of transgressives and the number of these structures has been steadily increasing over centuries (although they are still rather rare – comp. Sedláček (1954)). It is also symptomatic that in this context appear mainly PptA. However, in spite of some uncertainty in interpretation of some examples, as remarked by Večerka (1961), caused by ambiguous segmentation of texts in the oldest manuscripts, it is vital to state that their existence may be traced back to the earliest times, which entails, that the above-discussed structures (i) & (ii) must have been structurally codified as far back as the end of Proto-Slavonic period or at the latest after its disintegration. The following structure is of a similar character

(iii) OldRus *и сидящу ему, узре Василко торчина*_{/acc/} *остря*_{/nom/} *нож* (Лавр. 173 – Barnet 1961: 71)

the participial part of which may be interpreted along the lines of Chomskyan small clause (Chomsky 1973), i.e. *узре Василко [торчина остря нож]*, or, more likely, as a control phrase, i.e. *узре Василко торчина_i [PRO_i остря нож]*: there are two crucial moments to note here: when interpreting this sentence the Part must have an active T, expressing tense, since it creates nominative pronoun position, denoted by concord with Part, participial structure, therefore, must differ from (c) , i.e. for instance

(d) [N [VP [PRO Part]]]

this PRO however, must differ from an infinitive PRO, as it is (although non-obligatorily) expressible, as we have seen in the above-mentioned examples.

We are led to similar conclusion also on the basis of arguments of purely semantic nature: as far back as OldRus texts are cases, where the logical level of a temporal sequence does not correspond to theoretical relative time, which is ascribed to the given Part, comp.

(v) OldRus **повелѣ** вести его въ церковь святыя мученица анастасия. юже есть създавъ благовѣрныи левъ мясникъ. и ужи желѣзны привязати его тамо. **пославъ** и сребреникъ голѣмо. служѣ церковному. на сего потребу и угодие. (ЖАЮ 164 – OldGr ...ἐκεῖσε αὐτόν ἀπενεχθῆναι_{/aor.inf/} προσέταξεν καὶ δεσμοῖς ἀλύτοις δεθῆναι, ἀποστείλας_{/PaoT/} ἀργύρια πλεῖστα τῷ προσμοναρίῳ πρὸς τὴν τοῦτου θεραπείαν.)

→ first ordered and then sent away.

Similarly:

(vi) OldRus *мене бо наряди богъ. повелѣвъ ми. да промышляю*

¹ We preserve graphic symbols in the same form they appear in the excerpted source.

Similar examples are presented also by Isačenko (Исаченко 1960: 533, 538-359) for new Russian.²

Apart from the above mentioned facts when interpreting temporal value of participles as a relative one another problematic problem logically emerges in cases, when Part subordinates to “non-temporal” verbal forms – infinitives, Part and imperative (provided that we maintain that these forms lack any temporal category, and such we will contradict Lasnik (1998):

OldRus *сими же словесы укрѣпивъ*_{/PptA/} унаго. *приимъ*_{/PptA/} его красныи. онъ уноша. яко *творяся*_{/PpA/} братися. с нимъ *хотя*_{/PpA/}. *учаше*_{/Vfaor/} его како ся бы ему противити_{/inf/} ефиону. (ЖАЮ 104)

OldRus *пришед*_{1→2} же ефион дыша и *грозся*₁ въсхытити андрѣа. и *нача*₂ имъ *вѣртѣти* на многы часы. (ЖАЮ 111)

(vii) OldRus *милу ему быти*_{/inf/} господину своему. и *госпожи* своеи. и *от* всихъ *сущихъ*_{/PpA/} в дому ихъ. (ЖАЮ 34)

OldRus «*шедше*_{/PptA/} *покажете*_{/imper/} себе отцю своему сотонѣ. любо ли ему се *будеть*» (ЖАЮ 243)

Due to the fact that these *non-finite* forms *do not denote*, at least according to proponents of hypothesis of relative temporal meaning of participles, *time*, it logically follows that the relative temporal meaning of Part cannot be indexed since the indexation is linked to an action denoted by finite verb, as such it should be unclear, to what action is the action denoted by Part indexed, which does not happen. Therefore we are forced to concede that Part did indeed possess temporal value different than relative one.

3 Against the Hypothesis of Temporal Value of Participles in the Sense of Finite Verbs

As we have seen in the preceding chapter, identification Part suffix with relative temporal value may not possibly be the best solution. On the other hand it is rather problematic to identify temporal meaning denoted by participles with temporal meaning of finite verb as well. Yet, there are some arguments supporting the thesis, such as the fact that finite verb could be interchanged for Part as early as in Old Church Slavonic texts, comp. *въниди въ клѣтъ твою. и затвори двѣри твоје. помолѣ се отъсју твоету* (Mt 6.6 Z) x *затвори двѣри твоје. помолѣ се* (M) (Večerka 1961: 126) and the use of imperfective aspect PptA in the past and future:

(viii) OldRus *Хамъ и Афетъ раздѣливше землю жребьи метавше... живяхо кождо въ своеи части* (Лавр. 4 – Barnet 1965)³

i.e. temporal interpretation of participial form (viii) must be inherent in the form itself (?suffix) and must be in correlation with the overall context.

Among other things in relation to the already discussed facts it is also noteworthy that, unlike PpA PptA have never in the course of their existence formed any complex participial forms (i.e. with suffix *-jъ*) and have never been subject to adverbialisation, which possibly testifies to their more pronounced action meaning

(ix) OldRus *Чресъ день же весь праведникъ творяся несмыслень. словеса глаголаше. якоже похабъ* (ЖАЮ 170 — OldGr *παραφρονῶν*_{/PpA/}) → pres.

OldRus *недалече бо ти будетъ и пуцень будеши. и ходити начнеши по своеи воли* (ЖАЮ 253) → fut.

OldRus *да единъ бѣаше украшень златомъ чистомъ и каменьемъ чьстьнымъ.* (ЖАЮ 72) → impf.

4 Interpretation of Old-Russian Participles on the Basis of Analogy

In the previous text we suggested possible state of participial system PartAct in OldRus. At the same time we assume that all the above mentioned examples fully reflect status quo of their time and also all the changes that this system has undergone throughout the course of development of Russian language were not primarily brought on by changes in verbal aspects, i.e. constitution of grammatical verbal aspect, as claimed by Barnet (Barnet 1965: 122), but by transformation of old temporal verbal system with time correlations – [*present : past*] – [*pret : perf*] – [*aor : impf*]. to the current system. At the same time participles, as can be seen from the above mentioned examples, correspond rather to verbal correlation aspects, the analogy of which may be found in Turkish languages, e.g. Kazakh, Uzbek, with which OldRus is linked by many significant analogies in the verbal system, e.g. the use of Part in the place of infinitive – comp. OldRus *заутра же приде ко мнѣ недостоинуому и дерзнувъ исповѣда ми бывшее видинье свое.* = OldGr *Ἐρχεται /pres/ οὖν πρὸς με πρῶτας τὸν ἀνάξιον καὶ θαρραεῖ /impf/ μοι τό πρᾶγμα καὶ τὴν ὄρασιν.* (ЖАЮ 132), absence of verbal synthetic passive (as it is in Latin or Old Greek). Based on that we may predict that suffixes PpA & PptA are derivational verbal suffixes, that carry the meaning of *terminativeness* (us-suffix; action perceived by the speaker as a complete whole with certain final

²We purposefully avoid the term *contemporary Russian*. The term *new Russian* is to be understood to refer to Russian language of the period from the end of nineteenth century up to the 1970's.

³Apart from the already mentioned “future perfect participle” there are also PpA derived from verbs with perfective aspect with meaning of prematurity. These forms however are neologisms tied to constitution of grammatical verbal aspect, which is evidenced by their wide use in manuscripts dated later than beginning of 15th century and the increase in occurrence of these forms in the subsequent centuries (Barnet 1965: 114).

limit) and *interminativeness* (nt-suffix; action perceived by the speaker as incomplete, repeated, enfolding in time, often with a known point of reference *post quem* but an unknown referential point *ante quo*) (Johanson 1998: 43-45).

Literature

- Barnet, Vladimír (1965), *Vývoj systému participií aktivních v ruštině*. Praha, Univerzita Karlova.
- Chomsky, Noam (1973), Conditions on transformations. In: Anderson, S. R. – Kiparski, P. (eds.), *A Festschrift for Morris Halle*. New York, Holt, Rinehart and Winston, 232-286.
- Chomsky, Noam – Lasnik, Howard (1977), Filters and control. *Linguistic Inquiry*. 8, 425-504.
- Chomsky, Noam (2000), Minimalist Inquiries: The Framework. In: Martin R. & Michaels, D. & Uriagereka, J. (eds.), *Step by Step: Essays on minimalist syntax in honour of Howard Lasnik*. Cambridge, Mass., MIT Press, 89-156.
- Dostál, Antonín (1954), *Studie o vidovém systému v staroslověněštině*. Praha, SPN.
- Johanson, Lars et al. (1998), *The Turkic Languages*. London, Routledge.
- Jacobsson Gunnar (1963), The Slavic Active Participles: Original Structure and Interference. *Scando-Slavica*. 9:1, 123-138.
- Johnson, Kyle (2007), *Introduction to Transformational Grammar*. Fall.
- Karlík, Petr (2003), K vnitřní struktuře českých participií. In: *Linguistica Brunensia*. A51, 2003, 133-146.
- Karlík, Petr – Veselovská, Ludmila (2009), Infinitive Puzzle. In: *Czech in Formal Grammar*. München, Lincom Europa, 197-213.
- Lasnik, Howard (1998), Exceptional Case Marking: Perspectives old and new. In: Bošković, Ž. - Franks, S. ad. (eds.): *FASL 6. The Connecticut Meeting*. Ann Arbor, Michigan Slavic Publications, 187-211.
- Mrázek, Roman (1982), *Historický vývoj ruštiny*. Brno, Univerzita J.E. Purkyně v Brně.
- Sedláček, J. (1954), K otázce slovanských participií praes. act. a praet. act. I. *Slavia*, XXIII, 509-526.
- Večerka, Radoslav (1961), *Syntax aktivních participií v staroslověněštině*. Opera Universitatis Purkynianae Brunensis, 75. Brno, SPN.
- Vendler, Zeno (1957), Verbs and times. *Philosophical Review*. 56, 143-160.
- Wasow, Thomas (1977), Transformations and the Lexicon. In: Culicover, Peter & Wasow, Thomas & Akmajian, Adrian (eds.), *Formal Syntax*. New York, Academic Press.
- Исаченко, Александр Васильевич (1960), *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. II*. Bratislava, Vydavateľstvo SAV.
- Молдован, Александр Михайлович (2000), *ЖАЮ = Жизнь Андрея Юродивого в славянской письменности*. М., Азбуковник.

This article was made as a part of a specific research at the Masaryk University – project Slavs and Slavonic Studies in the areal concept (MUNI/A/0789/2011).

Mgr. Dana Palecková

University of Ss. Cyril and Methodius, Trnava, Slovakia
d.palecka@hotmail.com

Intencia slovesného deja ako špecifikum slovenskej lingvistickej teórie a dynamika prístupov k nej

ABSTRACT: The paper deals with the theory of verb intention, which constitutes specific theory in Slovak linguistics. We compare different approaches of Slovak linguists to this theory and we confront it to the theory of verb valency. We focus to the intention types of verbs and other participants, clause members, involved to this structure.

Key words: verb intention theory, intention verb types, valency.

Vo svojom príspevku sa zaoberáme teóriou intencie slovesného deja. Táto teória predstavuje špecifický prístup slovenských jazykovedcov, ktorý aplikovali pri skúmaní slovesného deja.

Začiatky teórie intencie slovesného deja položil už Ľudovít Štúr v práci *Nauka reči slovenskej* (1846), hoci za základnú považujeme prácu Eugena Paulinyho *Štruktúra slovenského slovesa* (1943). Teóriou intencie slovesného deja sa v slovenskej jazykovede ďalej zaoberajú práce Jána Oravca (*Väzba slovies v slovenčine*, 1967), Jozefa Ružičku (v práci *Morfológia slovenského jazyka*, 1966), Jána Kačalu (*Sloveso a sémantická štruktúra vety*, 1989). Z novších prác sa intenciou, resp. jej pendantom vo svetovej lingvistiky, slovesnou valenciou, zaoberajú práce Miloslavy Sokolovej *Sémantika slovesa a slovesný rod* (1993), *Kapitolky zo slovenskej morfológie* (1995) a v spoluautorstve s Jolanou Nižníkovou aj *Valenčný slovník slovenských slovies* (1998).

Prístup k teórii intencie nie je v slovenskej jazykovede jednotný a nie je jednoduché kompletne zmapovať viac ako 150 rokov existencie tohto prístupu v slovenskej lingvistickej teórii. V príspevku sa zaoberáme predovšetkým uplatnením teórie intencie/valencie na rôznych úrovniach jazykového systému, rozsahom prvkov intencnej štruktúry a súborom slovies zahrnutých do intencnej/valenčnej teórie.

1. Intencia slovesného deja a valencia slovies

Obsah pojmu **intencie slovesného deja** má v slovenskej lingvistickej teórii viaceré modifikácie. Pre potreby nášho príspevku ju môžeme definovať ako vnútornú, sémantickú vlastnosť slovies, ktorá vyjadruje zameranie slovesného deja na substantíva.

Pendantom tejto teórie vo svetovej lingvistiky je teória slovesnej **valencie**, ktorej zakladateľom bol francúzsky lingvista Lucien Tesnière, (1959, *Éléments de syntaxe structurale*). Podľa neho je centrálnou jednotkou slovesných viet určité sloveso, ktoré na seba viaže určitý počet substantív vo funkcii subjektu alebo objektu, ktoré vyjadrujú aktanty, čiže osoby alebo veci, ktoré sa nejakým spôsobom podieľajú na slovesnom dejí. Tesnière tým nadradil sloveso všetkým ostatným vetným členom. Schopnosť slovesa viazať na seba určitý počet substantív v roli aktantov nazýva Tesnière pojmom **valencia**. Teória slovesnej valencie sa neskôr začala uplatňovať aj v slovenskej lingvistiky.

2. Extenzia pojmu intencie v slovenskej jazykovede

Extenziu pojmu intencie/valencie tu rozumieme jej uplatňovanie na rôznych subsystémoch jazykového systému.

Kým Ľudovít Štúr pristupuje k intencii slovesného deja ako k **významovej kategórii** (1846: 71), Eugen Pauliny pridáva syntaktické hľadisko a chápe ju ako **lexikálno-syntaktickú kategóriu** (1943: 17). Tým, že pri klasifikácii vetných typov na základe intencie berie do úvahy aj okolnosti, za ktorých dochádza k vynechaniu agensa z vetnej stavby (vôľa hovoriaceho – agens je neznámy), berie do úvahy aj **komunikačné hľadisko** - komunikačný zámer hovoriaceho.

O ďalšiu jazykovú rovinu, na ktorú má intencia slovesa dosah, rozšíril jej vymedzenie Jozef Ružička. Intenciu chápe ako **lexikálno-gramatickú kategóriu** (1966: 389), ktorá vyjadruje formálnu závislosť jednotlivých členov intencnej štruktúry (dej je závislý od riadiacej substancie a závislá substancia od deja). Tým posúva chápanie rozsahu intencie do oblastí morfolologickej roviny, pretože závislosť je vyjadrená formálnymi prostriedkami na tvare jednotlivých členov intencnej štruktúry.

Intencia slovesného deja sa postupne chápe nielen ako významová kategória patriaca do lexikálnej roviny jazyka, ale aj ako kategória formálna, prejavujúca sa na syntaktickej a morfolologickej rovine jazyka.

Vo svojom prístupe si mnohorozmernosť tejto slovesnej kategórie uvedomuje aj M. Sokolová, čo v jej koncepcii ústi do rozlišovania **sémantickej valencie** (na úrovni lexikálneho významu), **syntaktickej valencie** (na úrovni morfolologickej a syntaktickej) a **logickej valencie**. Logická valencia vyčleňuje počet logických argumentov bez ohľadu na to, či sa jazykovo realizujú ako samostatné participanty (1995: 61).

Bokom od prezentovaných názorov stojí hľadisko Jána Horeckého, ktorý sa ku kategórii intencie slovesného deja vyjadril časopisecky (1990: 343-352). Napriek tomu, že intencii chýba ustálené formálne vyjadrenie, považuje ju za čisto morfológickú kategóriu.

3. Prvky intencnej/valenčnej štruktúry

Rozličný je aj pohľad autorov na prvky intencnej štruktúry. Ľ. Štúr vyčleňuje intencné typy na základe polohy prísudku k podmetu, tieto dve jednotky sú z jeho hľadiska relevantné. Od vzniku teórie intencie E. Paulinyho sa intencná štruktúra rozširuje o pravú stranu a všeobecne sa chápe ako trojčlenná.

Na rozdiel od počtu participantov intencnej štruktúry sa mení ich význam a rozsah. Kým E. Pauliny na ľavej strane intencie rozoznáva iba **agensa dejania** a na pravej strane **zásah dejania** (1943: 16), J. Oravec, ktorý na neho priamo nadväzoval, do úvahy berie aj sémantickú stránku participantov. Sémantické hľadisko sa prejavuje v diferenciácii agensa a **nositeľa**, ale aj v tom, že predovšetkým v prvom intencnom type sloves, kam patria tranzitívne slovesá, rozlišuje viacero variantov na základe významu vzťahu deja k predmetovej substancii (zásahový, výsledkový, perspektívny, obsahový, vzťahový predmet) (1984: 127).

Jozef Ružička pri vymedzení prvkov intencnej štruktúry slovesa vychádza z dvoch základných charakteristík slovesného deja - sloveso je pomenovaním nesamostatného dynamického príznaku a slovesný dej má tranzitnú povahu. V súvislosti s prvou vlastnosťou slovesného deja vymedzuje **riadiacu substanciu** a **závislú substanciu** a na základe druhej vlastnosti slovesného deja rozlišuje agensa deja a paciensa deja (1966: 390). Prístup J. Ružičku k vyčleňovaniu prvkov je formálny, nedochádza uňho k ich diferenciácii zo sémantického hľadiska.

Diferenciácia participantov intencnej štruktúry zo sémantického hľadiska sa uplatňuje v klasifikácii Evy Tibenskej (2004: 241-245). Ľavo-intenčný a pravo-intenčný participant delí najskôr na základe príznaku aktívnosti a ďalej podľa ich sémantickej špecifikácie.

U M. Sokolovej dochádza k sémantickej špecifikácii a následnej diferenciácii všetkých členov valenčnej štruktúry (1998: 8-47). V prvom pláne delí slovesá na plnovýznamové (predikáty) a neplnovýznamové (funktory). Pri plnovýznamových slovesách ďalej pracuje so štyrmi sémantickými príznakmi sloves - akčnosť (A), dynamickosť (D), mutačnosť (M) a rozčlenenosť (R) – a na základe ich prítomnosti/nepřítomnosti vo význame slovesa delí slovesá na akčné, procesné a statické. Analogicky k tomuto členeniu rozlišuje tri skupiny ľavovalenčných participantov – agens, procesuál a statuál (a ich ďalšie sémantické skupiny). Pravovalenčné participanty delí na väzobné, neväzobné a komplementy a ďalej vyčleňuje ich sémantické podtypy.

Popri intenzii participanta na pravej strane slovesa vidíme dynamiku aj pri jeho morfológickej a slovnodruhovej extenzii. Kým v Paulinyho koncepcii môže byť objektom iba predmet v akuzatívne (resp. genitíve), Oravec proti tomuto ohraničeniu argumentuje, tvrdiac, že „*predmetové slovesá tvoria pevnú väzbu aj s inými (holými, predložkovými) pádmí, ktoré nutne vyžadujú na doplnenie svojho obsahu*“ (1967: 17-18).

J. Kačala na zadnej (pravej) strane intencnej štruktúry okrem substanciálnych charakteristík, ktoré môžu byť v rôznych pádoch, predložkových aj nepredložkových, rozlišuje aj **nesubstanciálne záväzné vlastnosti a okolnosti**. Nimi sú najčastejšie príslovky vyjadrujúce spôsob, miesto alebo čas a sú tiež prvkom intencnej štruktúry, pretože vyplývajú z intencie slovesného deja a tvoria jadro vety (1998: 64-65). Rovnako postupuje aj E. Tibenská, ktorá okrem **obligatórneho objektového participanta** v pravo-intenčnej pozícii uznáva aj **obligatórny komplementový participant**, a to locus, tempus alebo modus (2004: 242-243). Aj vo *Valenčnom slovníku slovenských sloves* sú okolnostné určenia a obsahové doplnenia považované za záväzné a preto je už pravovalenčný participant (doplnenie) trojaký (**väzobný, neväzobný a komplement**) a takto je zahrnutý priamo vo valenčnej štruktúre slovesa ako predikátu alebo funkтора (1998: 44-47).

4. Extenzia sloves zahrnutých do intencnej štruktúry

S extenziou uplatnenia intencie na rôznych úrovniach jazykovej stavby a extenziou rozsahu prvkov intencnej/valenčnej štruktúry súvisí aj extenzia okruhu sloves, ktoré sú do intencnej štruktúry zahrnuté. Ľ. Štúrovi jeho chápanie intencie ako *rozličnej polohy prímetu k podstavňíku* (1846: 71) neumožňovalo do svojej teórie zahrnúť neosobné slovesá, E. Pauliny, ktorý chápe centrálnu jednotku intencnej štruktúry ako dejanie, smerovanie slovesného deja na substantívum, nemôže obsiahnuť neplnovýznamové a statické slovesá. Neplnovýznamové slovesá nie sú zahrnuté ani v intencnom systéme J. Ružičku a J. Oravca, ktorí chápu intenciu ako lexikálno-gramatickú kategóriu.

Až dôsledné uplatňovanie formálneho prístupu umožnilo, aby J. Kačala do intencnej štruktúry zahrnul všetky slovesá: plnovýznamové aj neplnovýznamové, dynamické aj statické, osobné aj neosobné. Všetky slovesá sú zahrnuté aj v teóriách E. Tibenskej a M. Sokolovej, ktoré rozlišujú intenciu a valenciu a oba tieto faktory uplatňujú pri vydeľovaní intencných/valenčných typov sloves.

5. Morfológicko-syntaktický, sémantický a logický prístup

Intencia slovesného deja ako kategória slovesa má svoju významovú aj výrazovú stránku. Z hľadiska rozdielu obsahového a formálneho zamerania môžeme rôzne prístupy k intencii a valencií sloves rozdeliť na sémantické, ktoré vychádzajú z významu samotného slovesa a na základe neho delia slovesá do intencných tried (Ľ. Štúr, E. Pauliny, J. Oravec), a formálne, ktoré uplatňujú formálne kritérium pri vyčleňovaní jednotlivých intencných typov sloves (J. Ružička, J. Kačala).

Prístup ku skúmaniu intencie z hľadiska formy sa pohybuje na úrovni syntaktickej a morfolologickej. Na rovine syntaktickej sa intencné typy vyčleňujú na základe prítomnosti/nepřítomnosti pravointenčného a ľavointenčného participanta. **Morfologické hľadisko** pri skúmaní intencie pracuje s formálnou (tvarovou a slovnodruhovou) charakteristikou participantov.

Sémantický prístup vychádza zo sémantickej **diferenciácie** slovesa v predikátovej funkcii a z nej vyplývajúcej diferenciácie členov intencnej štruktúry.

Spojenie sémantickej a syntaktickej stránky pri vydeľovaní intencných typov plnovýznamových slovies ponúka už teória Eugena Paulinyho a Jána Oravca, za najprepracovanejšiu však považujeme teóriu Miloslavy Sokolovej. Sokolová primárne vychádza zo sémantiky slovies, ktoré na základe štyroch príznakov delí do sémantických skupín. Tým potom priraduje zodpovedajúcu valenčnú štruktúru na úrovni formy.

Jedným z možných prístupov ku skúmaniu intencie alebo valencie slovies je aj prístup z hľadiska **logickej sémantiky a syntaxe**. Hoci sa logika sústreďuje prevažne na skúmanie umelého jazyka, výsledky tohto výskumu sa dajú uplatniť aj pri skúmaní prirodzeného jazyka ako ideálneho systému znakov. Z definície Pavla Cmoreja, v ktorej hovorí, že „logika skúma prirodzený jazyk najmä z kognitívneho aspektu, s ktorým úzko súvisí a čiastočne s ním splyva jeho komunikatívna funkcia“ (2001: 13), je zrejmé, že komunikačná, emotívna a estetická funkcia jazyka nie sú pri tomto pohľade na jazyk prvoradámi. Naproti tomu logika chápe jazyk ako systém znakov daný **pravidlami**, pomocou ktorých jednotlivé znaky vyčleňujeme a pomocou ktorých určujeme ich vzťahy k tomu, čo označujú.

Štruktúrou viet sa zaoberá predikátová logika, ktorá za základné jednotky vetnej skladby považuje indivíduové mená (indivíduá) a predikáty. **Indivíduové mená** tvoria univerzum jazyka a sú konkrétnej i abstraktnej povahy. **Predikátmi** sú potom výroky, ktoré vyjadrujú buď **vlastnosti** indivíduí, alebo **vzťahy** medzi nimi. Podľa toho, s koľkými indivíduovými výrazmi (**argumentmi**) sa predikáty spájajú, delia sa na jednoargumentové, dvojargumentové, trojargumentové až *n*-argumentové predikáty. Počet argumentov, s ktorými predikát utvára výrok, sa v terminológii logiky nazýva **aritou** (árnosťou). Arita predikátov nie je vlastnosťou konštantnou, mení sa v závislosti od kontextu. P. Cmorej ako príklad použitia jedného predikátu ako jedno- až trojargumentového uvádza výraz „píše“: X píše, X píše list, X píše matke list (2001: 38).

Takýto prístup ku skúmaniu slovesného deja má svoje logické opodstatnenie, keďže vychádza zo základnej definície slovesného deja ako nesamostatného príznaku deklarovanej v slovenskej jazykovede. Pri tomto prístupe sa však predpokladá, že každý slovesný dej je viazaný aspoň na jednu substanciu (argument), ktorej vlastnosť alebo vzťah vyjadruje.

Logický prístup, ktorý pracuje s logickým subjektom a objektom bez ohľadu na jeho jazykové stvárnenie, sa uplatnil v poľskej syntaxi (porovnaj Sokolová 1995: 61).

Záver

Intenčná či valenčná štruktúra sa dá skúmať z viacerých hľadísk – sémantického, morfologicko-syntaktického či logického. Možnosť diferentných pohľadov a prístupov v sebe implikuje záver, že k tejto slovesnej kategórii je potrebné pristupovať ako komplexu javov na rôznych úrovniach jazykového systému.

Bibliography

- Cmorej, Pavel (2001), *Úvod do logickej syntaxe a sémantiky*. Bratislava, Iris.
- Horecký, Ján (1990), Intencia slovesného deja ako gramatická kategória. In: *Slovenská reč*. 1990/55, 343 – 352.
- Kačala, Ján (1968), Intencia slovesného deja a stavba vety. In: *Jazykovedný časopis*. 1-2/19, 57-64.
- Kačala, Ján (1972), Spôsoby zmeny intencnej hodnoty slovesa. In: *Jazykovedný časopis*. 2/23, 153 – 158.
- Kačala, Ján (1988), Sémantika slovesa a intencia slovesného deja. In: *Jazykovedný časopis*. 2/39, 129-143.
- Kačala, Ján (1989), *Sloveso a sémantická štruktúra vety*. Bratislava, VEDA.
- Kačala, Ján (1996), Vývin názorov na základnú sémantickú črtu slovenského slovesa. In: *Studia Academica Slovaca*. 1996/25, 98 – 105.
- Kačala, Ján (1998), *Syntaktický systém jazyka*. Pezinok, FORMÁT.
- Kačala, Ján (1998), *Systém jazykových kategórií*. Bratislava, Vydavateľstvo UK.
- Morfológia slovenského jazyka* (1966). Red. Jozef Ružička. Bratislava, Vydavateľstvo SAV.
- Nižníková, Jolana - Sokolová, Miloslava a kol. (1998), *Valenčný slovník slovenských slovies*. Prešov, Filozofická fakulta v Prešove.
- Oravec, Ján - Bajžíková, Eugénia - Furdík, Juraj (1984), *Súčasný slovenský spisovný jazyk. Morfológia*. Bratislava, SPN.
- Oravec, Ján (1967), *Väzba slovies v slovenčine*. Bratislava, Vydavateľstvo SAV.
- Pauliny, Eugen (1981), *Slovenská gramatika*. Bratislava, SPN.
- Pauliny, Eugen (1943), *Štruktúra slovenského slovesa. Štúdia lexikálno-syntaktická*. Bratislava, SAV.
- Ružička, Jozef (1968), Valencia slovies a intencia slovesného deja. In: *Jazykovedný časopis*. 1-2/19, 50-56.
- Sokolová, Miloslava (1995), *Kapitolky zo slovenskej morfológie*. Prešov, SLOVACONTACT.
- Sokolová, Miloslava (1993), *Sémantika slovesa a slovesný rod*. Bratislava, VEDA.

Štúr, Ľudovít (1846), *Nauka reči slovenskej*. Prešporok, Tatrin.

Tibenská, Eva (2004), Eugen Pauliny a rozvíjanie jeho teórie intencie slovesného deja. In: *Studia Academica Slovaca*. 2004/33, 230 – 246.

Tibenská, Eva (1998), Objektový participant sémantickej štruktúry vety. In: *Slovenská reč*. 1998/63, 198 – 209.

Medeja in Urška: Motiv detomorilke v antičnem izročilu in slovenski ljudski pesmi

ABSTRACT: *The infanticide motif is found in ancient mythological tradition, as in literature and folk poetry and prose, where the subject is worded in different ways. For treatment we have selected a motive of ancient Medea in comparison with the slovenian folk ballads *Nevesta detomorilka* (Infanticidal mother bride) and *Obsojena detomorilka* (Condemned infanticidal mother). Analysis of ancient and folk traditions will try to show, that the motive of infanticide in a unique and special way connecting the two traditions, although their theme is different.*

Keywords: Euripides, Medea, infanticidal mother, slovenian folk ballads

1. Uvod

Ker v antični mitologiji obstaja kar nekaj različic zgodbe o Medeji, smo za glavno izhodišče vzeli znano Evripidovo tragedijo *Medeja*, ki je nastala 431 pr. n. št. Ker je ljudsko pesništvo velikokrat zrcalo resničnega življenja, je toliko bolj zanimivo opazovati motiv detomora tudi na tem področju. Prisoten je v slovenski in evropski ljudski pesmi. Za nadaljnjo obravnavo smo izbrali slovenski ljudski baladi *Nevesta detomorilka* (SLP V¹/286) ter *Obsojena detomorilka* (SLP V/287). Analiza motiva detomorilke v antičnem izročilu in slovenski ljudski pesmi bo skušala prikazati podobo dveh detomorilk, ki izhajata iz različnega prostora in časa, čemur sledi primerjava mitologije in resničnega zgodovinskega obdobja, v katerem je živela Urša Mandlovka. V sklepni ugotovitvi bo prikazana komparativna primerjava antičnega izročila in slovenskega ljudskega pesništva, kjer bomo skušali utemeljiti predpostavko, da motiv detomora povezuje obe izročili.

2. Medeja

Medeja kot nosilka demoničnih in božanskih lastnosti ter vloga bogov

Pri Evripidu je Medeja predstavljena kot ženska z nadnaravnimi močmi in demoničnimi lastnostmi. V sami tragediji je to pogosto nakazano. Že na začetku, ko doživlja poroča o nesrečni Medeji in njeni usodi, sluti nesrečo, zato opozarja otroka: *Ne bližajta se ji, temveč pazita se / pred divjim značajem, pred mrzko naravo / samovoljnega duha.* (I: 102–104)² Medeja je bila vnukinja Helija, božanske poosebljenosti sonca. Od njega je prejela tudi peplos in zlat diadem, ki ju je podarila princesi. Tudi Medeja sama nakazuje svojo nadnaravno, »čarovniško« moč, ko premišljuje, kako bi pokončila svoje tri sovražnike (Jazona, Kreona in njegovo hčer). Najprej razmišlja, da bi jih v spanju pokončila z mečem, vendar se boji, da bi jo zalotili in bi bila tako še mrtva v posmeh sovražnikom. Tako na koncu sklene: *Ne, ravno pot uberem, ki po njej/ najboljše se spoznam: na strup jih ujamem./ Tako se zgodi.* (V: 384–386) V sklepnem delu tragedije Medeja zbeži iz Korinta na letočem vozu deda Helija z vpreženim zmajem: *Ker oče Helios mi dal je voz:/ na njem sem varna pred sovražno roko.* (XIV: 1323–1324)

Pomemben podatek je, da so v celi tragediji prisotni tudi bogovi, vendar konkretno ne posegajo v samo zgodbo in ne vplivajo na Medejin dejanja. Medeja ni žrtev kakšne prerokbe ali jeze bogov, nanje se samo sklicuje in jih kliče na pomoč. Kljub temu da Medeja v sebi nosi božanske in demonične lastnosti, pred umorom otrok občinstvo in zbor pravzaprav sočustvujeta z njo, saj se jim obupana in zapuščena ženska smili. Takrat v Medeji ni nič božanskega, je le človeško bitje v stiski in pred težko odločitvijo.

Motiv detomora in vloga Jazona

Glavni motiv, ki je Medejo gnal v detomor, je bilo maščevanje Jazonu zavoljo njegove nezvestobe. Vedela je, da ima Jazon otroke iskreno rad in da ga bo s tem prizadela bolj, kot če bi naredila karkoli drugega. »Neplodnost in izguba potomcev sta med najpogostejšimi oblikami božje kazni ter zlasti v herojskem kontekstu pogosto nastopata v formulah priseg in prekletstev.« (Marinčič 2000: 169) Medeja je zaradi ljubezni veliko žrtvovala (izdala očeta, zapustila domovino, ubila brata ...), Jazon pa teh stvari ne ceni toliko, da bi bil pripravljen do konca življenja ostati z Medejo, saj mu več pomeni poroka s princeso in s tem posledično kraljevo potomstvo, kot pravi sam: *Vedi, da nisem se zaradi ženske/ v kraljevsko hišo ženil, temveč v želji,/ kot sem že rekel, da bi rešil tebe/ in svojima otrokoma zaplódil/ kraljevske brate za stebèr družini.* (VI: 593–597) Prav tako Jazon omeni, da je Medejo pravzaprav vzela zaradi koristi: *Ko iz dežeje Jolka sem prišel,/ brezupa tovor vlekel sem za sabo./ Bi kot begunec si lahko želel kaj več,/ kot da dobim kraljevo hčer za ženo?* (VI: 551–554) Vendar pa vseeno ne moremo mimo opazke, da je Jazon v tej tragediji prikazan kot pravi mehkužnež in njegova prizadevanja, da bi opravičil svoja dejanja, ne priletijo na plodna tla. Vse do umora otrok je tudi zbor na

¹ SLP V = Golež Kaučič, Marjetka (et al., ur.) 2007.

² Evripid (2000), Vse poznejše citate navajamo iz te izdaje.

Medejini strani in Jazonu očita: *Besede, Jazon, res lepo obračaš;/ a – naj se zdi predržno – tole mislim:/ ni bilo prav, da si prevaral ženo.* (VI: 576–578)

Umor odraščajočih otrok

Glede na nadaljnjo primerjavo je pri Evripidovi Medeji pomembno to, da ni ubila dojenčkov, ampak že odraščajoča otroka, ker so jo gnali drugačni impulzi kot detomorilki v slovenskih ljudskih pesmih *Nevesta detomorilka* in *Obsojena detomorilka*. Treba je poudariti, da je Medeja svoja otroka ljubila in sta bila le sredstvo maščevanja in ne kakršnakoli ovira v njenem življenju. To dokazujeta Medejina dva odgovora. Prvi je odgovor zboru, ko jo le ta vpraša, ali ima pogum ubiti svojo kri: *Tako moža še najbolj bom ranila.* (XIII: 817) Drugi pa v sklepnem delu tragedije, ko na Jazonov očitek, da ju je umorila, odvrne: *Sem, da bi prizadela tebe.* (XIV: 1398)

3. Urška

V drugem delu naše razprave se bomo posvetili slovenskima ljudskima pesmima *Nevesta detomorilka* in *Obsojena detomorilka*, kjer bomo skušali na podoben način kot pri Medeji pokazati motive in okoliščine detomora.

Kratek zgodovinski pregled detomora do 18. st.

V starih plemenskih skupnostih in v antiki je bil umor otrok eden od načinov nadzorovanja rojstev. Leta 318 n. št. Konstantin Veliki prepove uboj otroka po očetu (Noonan 1969: 100; navajata Heinsohn in Steiger 1993: 51). Navedeno je tudi (prav tam: 57), da poznoantičnih zakonov od krščanskega cesarja Konstantina Velikega naprej niso odpravljali, vendar pa za praktično nadzorovanje rojstev v srednjem veku velja, da so detomor prakticirali in ga uporabljali tudi relativno neprikrito. Od približno 16. st. naprej pa je detomor postal resen zločin, ki je bil tudi kazensko preiganjan.

V začetku 19. st., leta 1803, je bil kot detomor definiran samo umor otroka, ki se je zgodil med porodom ali neposredno po njem, ker je bil posledica materine psihične in fizične šibkosti ob porodu. Takšno definicijo detomora vsebujejo tudi moderni kazenski zakoniki (Čeč 2007: 417–434).

Nevesta detomorilka

Na začetku tega poglavja se bomo navezali na Zmago Kumer, ki v predgovoru knjige *Balada o nevesti detomorilki* piše:

»Slovenska pripovedna pesem o nevesti-detomorilki spada med balade, ki jim je snov vzeta neposredno iz vsakdanjega življenja in se skozi stoletja ohranijo žive in sodobne prav zato, ker prikazujejo človeško usodo, ki se lahko ponovi tudi v drugačnih razmerah, kot so bile ob nastanku pesmi.« (Kumer 1963: 5)

Balade *Nevesta detomorilka* ne moremo natančno časovno datirati, vendar nam dosedanje raziskave kažejo, da je zelo stara in da jo je mogoče celo umestiti v razvojno dobo prehoda družbe iz matriarhata v patriarhat (Kumer 1963: 57–58 in Golež Kaučič 2007: 712).

V slovenskem ljudskem izročilu je motiv detomorilke uporabljen v štirih baladnih obrazcih. V prvem nezakonska mati stori kaznivo dejanje, da bi šla v zakon kot devica. Na poročni dan pride njen otrok in jo obtoži zločina. Mati se ne spokori, ampak na pomoč pokliče nadnaravne sile, ki jo pogubijo. V drugih treh obrazcih gre za lahkomišelnost dekleta, ki se za svoj zločin različno pokori. Najpogosteje ji rabelj odseka glavo ali pa se pokori v ječi. Poznana pa sta tudi še dva redka obrazca. Pri prvem detomorilka med plesom prizna svoj zločin dragemu, ki ji v eni varianti odseka glavo, v drugi pa se konča srečno. V zadnjem obrazcu je detomorilka spokornica (v Ljubljani je vrgla dva sinka), ki odvezo išče pri papežu, škofu ali menihu, vendar se ta varianta konča z obglavljenjem (Kumer 1963: 7–8 in Golež Kaučič 2007: 712).

Včasih je bilo nezakonsko materinstvo velika sramota. Sergij Vilfan piše, da so bile v zelo slabem položaju tako nezakonske matere kot njihovi otroci. Proti tem materam so se uporabljale cerkvene sramotilne kazni, kakor zapiranje v kostnico ali postavljanje ob križ pri cerkvenem vhodu. Otrokom so župniki običajno dajali pri krstu neobičajna imena. Nezakonsko rojstvo je po tedanjih nazorih oviralo tudi pristop k mnogim poklicem in službam (Vilfan 1996: 415–416). Iz vsega tega lahko sklepamo, da so bile glavni motiv detomora neugodne socialne okoliščine, ki so žensko silile v sramotno zaznamovanost ali v detomor.

Ob tem pa se lahko še dotaknemo vprašanja neenakopravnosti med moškim in žensko, ki je bila izpričana tako v vsakdanjem življenju kot v ljudski pesmi. Zmeraj je bila obtoževana in obtožena samo ženska, medtem ko otrokov oče ne igra nobene vloge.

Obsojena detomorilka

Naša zadnja obravnavana balada je zanimiva predvsem zato, ker je nastala po resničnih dogodkih v prvi polovici 18. st., ki jih izpričujejo zgodovinski viri. Zmaga Kumer v razpravi »Odsev resničnosti v baladi o obsojeni detomorilki« piše, da je bila 22. oktobra 1766 v Ljubljani obglavljena Urša Mandlovka, ki je bila obsojena zaradi detomora. To med drugim potrjujejo podatki iz računskih knjig mestnega sodišča v Ljubljani ter omemba kraja sredi njiv s kamnitim križem, kjer so obešali ali obglavljali zločince. Kraj se je imenoval Friškovec (iz nem. Freistate = morišče) (Kumer 1990: 406–407). Da je bil dogodek resničen, potrjuje tudi članek »Kapelica na Friškovcu« Frana Podkrajška – Harambaše, ki pravi, da je njegova babica Josipina Švelc skupaj s svojo sestro Nežo pela o lepi Urški, »katero so na Friškovcu ob glavo dejali.« Sinka je umorila, ker se ja bala tedanjih strogih cerkvenih kazni (Podkrajšek – Harambaša 1895: 516–517). Tudi ta balada ima veliko števil

variant, ki se razlikujejo le po začetkih besedila, pri vseh pesmih pa je vsebinsko jedro enako (Urška je obsojena detomora, za svoj zločin se spokori, na koncu pa je obglavljena).

Po tedanjem pravu bi si Urška lahko rešila življenje, če bi se poročila s svojim krvnikom – frajmanom. Marjetka Golež Kaučič navaja, da Urška tega ne stori zato, ker je krvnik »t. i. 'persona turpis' (ostudna oseba), po ljudskem verovanju tudi povezana s hudičem, se detomorilka za to rešitev ne odloči, pač pa tudi zaradi kesanja nad svojim dejanjem raje nastavi glavo na tnalno.« (Golež Kaučič 2001: 169)

Tudi v tej baladi vidimo odsotnost otrokovega očeta, ki naj bi bil hlapec Jurij. Res je, da je v nekaterih variantah omenjen, vendar nima aktivne vloge. Kljub temu da imata baladi o nevesti detomorilki in obsojeni detomorilki različni vsebinski jedri, sklepamo, da je bil pri obeh baladah glavni motiv detomora strah pred družbeno izobčenostjo in krutimi kaznimi. Močan vpliv je imela tudi cerkev, saj je bil detomor eden redkih neodpušljivih grehov.

4. Sklep

Ugotovili smo, da je oblikovanje motiva detomora v antiki in slovenskem ljudskem slovstvu precej različno.

Pri Medeji, ki posebej demonično in fatalno žensko, je bil umor otrok sredstvo maščevanja Jazonu, ki jo je zapustil zaradi druge ženske. Kljub temu, da je bil v antiki detomor očitno sredstvo nadzovanja rojstev, pa je bil umor starejših otrok kaznivo zločinsko dejanje, vredno obsojanja. Medeja je bila kraljevskega porekla, v življenju materialno dobro preskrbljena, zato so jo v detomor gnala čustva sovraštva in jeze. Pomembno je dejstvo, da se je za umor otrok odločila sama in da to dejanje ni imelo fizičnih posledic, ki bi kakorkoli vplivale nanjo ali na Jazona. Z dejanjem je povzročila Jazonu le hudo čustveno bolečino. Tudi, če bi otroka ostala živa, Jazona nikdar več ne bi dobila nazaj. Do svojih sinov je sicer gojila materinsko ljubezen, vendar jo je premagala želja po maščevanju. Kljub hudemu zločinu je Medeja na koncu tragedije zmagovalka bitke z Jazonom, vendar izgubi sočutje zbora in občinstva, ki se jim do dejanja detomora prevarana ženska smili. Medeja za svoj zločin ni nikoli kaznovana, ampak le obsojana.

Pri baladi *Nevesta detomorilka* je dekle storilo detomor zato, ker je želelo ostati deviška nevesta (kar kaže venec na glavi), pri *Obsojeni detomorilki* pa je zločin povzročil strah pred tedanjimi strogimi kaznimi in zasramovanjem zaradi nezakonskega materinstva. V nasprotju z Medejo je pri njiju otrokov oče odsoten oz. ne igra nobene vloge (kar potrjuje zgodovinski podatek, da očetje teh otrok niso bili kaznovani), na koncu pa sta obe detomorilki poraženi in kaznovani s smrtjo. Ta primera nam kažeta, da se detomorilki za svoj zločin nista odločili čisto sami ampak so botrovale tudi stroge družbene norme. Če bi otroka obdržali, bi to poleg negativne zaznamovanosti in obsojanja pustilo tudi fizične posledice (kazen, nemožnost ponovne možitve ...). Pri obeh baladah pa je različna vloga sočutja in kesanja obeh mater. Nevesta detomorilka je prikazana kot zločinska mati izrazito negativno in obsojanja vredno, za svoje dejanje se tudi ne kesa. Poslušalec balade sočustvuje z zapuščenim otrokom tako kot z obsojeno detomorilko Urško, ki je kljub zločinu prikazana nežnejše in se zasmili celo rablju, ki ji ponudi rešitev. Za svoje dejanje se kesa in ga obžaluje.

Kljub razliki v transformaciji motiva detomora v antičnem in ljudskem izročilu smo v obeh zaznali določene podobnosti, ki ju povezujejo. Najbolj bi izpostavili prav motiv zavržene in zaznamovane matere, ki zavrže tega stori zločin. Za to dejanje ni bilo krivo sovraštvo do samega otroka, ampak drugi dejavniki, ki so bili prvotni vzrok za zločin. Na Medejo je vplival predvsem Jazon, na detomorilki iz ljudskih pesmi pa stroge socialne okoliščine. Poudariti moramo, da vendarle Medeja ne samo, da izhaja iz antičnega izročila, iz drugačnih družbenih in zgodovinskih okoliščin kot Urška, nosi v svoji podobi še mitološko podstat, medtem ko je slovenska detomorilka, še posebej pa Urška, ki je zgodovinsko izpričan lik, te podstati nima. Zato je zločin videti enak, pa vendarle ni, še posebej zato, ker gre na eni strani za novorojenca in na drugi za starejše otroke. Tako lahko glede na pravno definicijo, ki za detomor opredeli samo dejanje, ki se je zgodilo med porodom ali neposredno po njem, dekleti iz obeh izpričanih ljudskih balad lahko opredelimo kot pravi detomorilki, Medejo pa le kot morilko svojih otrok.

Obe izročili sta na podlagi motivov ogledalo preteklosti, ki nam odslikava položaj ženske in njenih odločitev v prelomnih življenjskih situacijah, na katere moramo gledati celostno in upoštevati tudi druge dejavnike, ki so bili vzrok nekaterih, morda nam nerazumljivih, odločitev tudi v današnjem času, ko je detomor v svetu še vedno pogost pojav.

Tako lahko zaključimo tudi z dejstvom, da obe izročili, antično in ljudsko, kljub starosti povezuje še vedno aktualna problematika tako v literarnem kot resničnem svetu, ki se sicer različno oblikuje in transformira, vsebina zločina pa vendarle ostaja ista.

Literatura

Čeč, Dragica (2007), Nasilne detomorilke ali neprištevne žrtve? Spreminjanje podobe detomora v 18. in začetku 19. stoletja. V: *Acta Histriae*. Letn. 15, št. 2: 415–440.

Evripid (2000), *Medeja. Ifigenija pri Tavrijcih*. Prev. Marko Marinčič. Ljubljana: Založba Mladinska knjiga. (Knjižnica Kondor: izbrana dela iz domače in svetovne književnosti; zv.292).

- Golež Kaučič, Marjetka (2001), Odsev pravnega položaja in življenjskih razmer žensk v slovenskih ljudskih družinskih baladah. Poskus zasnove orisa ženske kot subjekta pesmi v povezavi z nosilko pesmi. V: *Etnolog* 11: 157–175.
- Golež Kaučič, Marjetka (et al., ur.) (2007), *Slovenske ljudske pesmi V*. Družinske pripovedne pesmi. Ljubljana: Založba ZRC in Slovenska matica. [= SLP V]
- Heinsohn, Gunnar in Steiger Otto (1993), *Uničenje modrih žensk: Prispevki k teoriji in zgodovini prebivalstva in otroštva*. Ljubljana: Študentska organizacija Univerze. (Knjižna zbirka Krt; 51).
- Kumer, Zmaga (1990), Odsev resničnosti v baladi o obsojeni detomorilki. V: *Zbornik občine Slovenska Bistrica*. Skupščina občine – Kulturna skupnost. Zv. 2: 403–409.
- Balada o nevesti detomorilki*. (1963), Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti.
- Marinčič, Marko (2000), Tradicija in modernost v dveh Evripidovih dramah. V: Evripid: Medeja, Ifigenija pri Tavrijcih. Ljubljana: Založba Mladinska knjiga. (Knjižnica Kondor: izbrana dela iz domače in svetovne književnosti; zv. 292): 149–206.
- Noonan, J. T. (1969), *Empfängnisverhütung. Geschichte ihrer Beurteilung in der katholischen Theologie und im kanonischen Recht*. Mainz.
- Podkrajšek – Harambaša, Fran (1895), Kapelica na Friškovcu. *Ljubljanski zvon*. Letn. 15, št. 8: 516–517.
- Vilfan, Sergij (1996), *Pravna zgodovina Slovencev*. Ljubljana: Slovenska matica.

Mgr. Markéta Pavlasová

Masaryk University, Faculty of Arts, Institute of Slavic Studies, Brno, Czech Republic
marketa.hoferkova @seznam.cz

The Theme of Betrayal in Biblical Phrases in Russian and Czech (on Examples of Phraseological Units with Proper Names in Russian and Czech)

ABSTRACT: This paper deals with history of biblical idioms in Russian and Czech. It also discusses the division of idioms in terms of semantics. Attention is paid to phrases expressing emotions - betrayal. There are presented practical examples of these phrases.

Keywords: phraseology; language of the Bible; biblical idioms; Russian and Czech

"I think that names have great influence on destiny. Name – it is the most detailed substance which determinates the spiritual essence." (Pavel Florensky)

Scripture was the first written text of many nations. With its translation into national languages are closely associated the formation and development of national culture, literature and philosophical tendencies and ethical concepts (Kolesov, 1994: 28-29). S. N. Bulgakov¹ adds to this: *Bible is not only „scripture“, the banner of Christianity, set of rules of life, „phenomenon of higher spiritual values“, but the historical record, an outstanding monument of literature.*

The oldest Slavic variant of the Bible is related to names of missionaries, monks Cyril and Methodius (9th century). Their translations did not preserve, but they, undoubtedly, had a great influence on culture of Slavic nations, and they were widespread among them. The history of the current Russian Bible dates back to 1816, when the Russian Bible Society by order of Emperor Alexander I. began with translation of the New Testament into Russian language, but the first full translation of Bible in Russian language appeared only in 1976. Since that, this translation, commonly referred to as the Synod, sustained tens of editions, it became the standard text of the Bible for all Christians in Russia. The Czech translations Bible started to appear in 13th century, in the early 15th century John Hus² made a new translation from the Vulgate.

Despite the breakthrough in the translation of the Bible, in connection with the Reformation, the Bible was mostly a European book, as the majority of translations were done into European languages. The current Russian literature language is a unique “fusion” of the Church Slavonic language and the Russian national language. The formation of biblical aphorisms in European languages is connected with centuries of domestic use of the Scripture.

Phraseological units of biblical origin are a part of cultural and historical heritage of European nations. The language of the Bible is “a language in itself”, a kind of unique spiritual progress, and uniting nations of the Christian culture (Lilich, Mokienko, Stepanova 1993: 51).

The term *biblistm* is still „understood rather intuitively“ (Chlebda 1997 - *Библия в языке - язык в Библии*). Ann M. Komornicka avoids the term *biblistms* and uses the „biblical allusions“ which are divided from a formal point of view in epithets, similes, metaphores, proverbs, words with Biblical-religious „aura“. P. Ouředník defines *biblistm* as „an expression or proverb borrowed from the Bible“ (Ouředník 1994: 31). Jana Skladaná allocates phraseological *biblistms* under which she understands phraseological units of Christian origin, dated back to the Bible (Skladaná 1998: 134).

Under *biblistms* are understood „linguistic units, characterized by number of features: semantic completeness, reproduction (with possible options), semantic and stylistic markedness (figurative meaning, enhanced expressiveness, often belongness to literary layer of language)“. *Biblistms* are so numerous and diverse that they can be explored from very different points of view. Some *biblistms* represent exact or more or less exact quotations from the Bible, e. g. *Alpha and Omega, the stumbling block, to wash his hands like Pilate, to be a pillar of salt, etc.*

Subject of biblical phraseology and winged words has been actively studied by scientists of Slavic and other countries. The study of *biblistms* of different European languages showed that phraseological units of Biblical

¹ Sergei Nikolaevich Bulgakov (16 (28) June 1871, Livny, Oryol guberniya, Rossia – 15 January 1944, Paris, France) – Russian philosopher, theologian, Orthodox Christian priest.

² The Czech national hero, preacher, philosopher and ideologist of the Czech Reformation movement. He was a priest and for some time a rector of Prague University. On 6 July 1415 he was burned together with his works in Constance. The execution of Hus provoked Hussite wars (1419-1434).

origin are present in all European languages. But with all the closeness of a common source, in each language the biblical phraseological fund differs from each other by specific language uniqueness. The mere collection of biblical stories, which became sources of phraseological units, is specific to each language and the national specifics of each language takes place in this selectivity.

Slovak linguist Ferencová (1996) divides the biblical phraseology into several subgroups:

1. **Religious phraseology** – all phraseological units from any religious works, e. g. *holy war*.
2. **Christian phraseology** – phraseological units associated with the Christian religion and the spiritual hierarchy – in Czech language – *šedá eminence* (*Éminence grise* – very important person).
3. **Biblical phraseology** – a group of phrases which originate from the Bible. Their appearance may be quoted specifically in the Bible. Ferencová divides these phraseological units further into:
 - a) **Idioms which are in the Bible in an unchanged form**, e.g. *the Alpha and Omega, the profligate son*.
 - b) **Idioms which are related to the specific situation in the Bible**, e.g. *the fig leaf, the scapegoat, the resurrection of Lazarus*.
 - c) **Idioms, in part of which there is a name of the biblical character**, e.g. *the kiss of Judas, as old as Methuselah, doubting Thomas*, etc.

In my report, I am interested in phraseological units which contain a name³ of biblical characters. They are also connected to particular event in the Bible. These phraseological units can be divided into several thematic groups. Most often can be found group of phraseological units related to mental human life, but groups human and his appearance, financial status and rights, family relations, physiological condition of human, and also time and understanding of time, will be dealt with.

See an excerpt from semantic field of „mental life of man“ – group of „Betrayal“:

Betrayal is a violation of allegiance to anyone or failure of fulfillment of duty to someone. Betrayal is universally discussed by most religions as sin or violation of a taboo, and it is condemned to moral and ethical laws of society. As betrayal are often referred: leaving a friend in trouble or high treason. Betrayal may pursue some benefit, but it is not necessary.

In the cultural framework of Western civilization the symbol of betrayal is definitely name of Judas, Judas Iscariot⁴. This phenomenon is reflected in phraseology of Russian and Czech. In quantitative point of view, Czech forms with name Judas (and its numerous variants) predominate. Also some Czech archaic forms were found.

See excerpted phraseological variants:

In Russian	In Czech	In English
<i>И(у)дин поцелуй; поцелуй Иуды</i>	<i>jidášský políbek; Jidášův políbek; políbek Jidáše</i> * <i>po jidášsku; myslí tě po jidášskau políbítí</i> ⁵	<i>the kiss of Judas</i>
<i>И(у)дино лобзание</i>	<i>Jidášovo políbení</i>	<i>the kiss of Judas</i>

This group of phraseology recalls *the Last Supper* of the Lord Jesus Christ and his disciples celebrating Easter, when Jesus broke the bread and gave to his students a cup of wine. During the dinner, he washed feet of his disciples, and it is a symbolic name for humility and brotherhood. At the same time they announced that one of them would betray him. It happened in the Garden of Gethsemane. Referring to the leader of the crowd, he said: „*Whomsoever I shall kiss, that is he: take him.*“ (Matthew 26).

Therefore, *the kiss of Judas* stands for betrayal or insincere expression of love. Kissing Jesus, Judas pointed him out to the soldiers during the arrest. *The kiss of Judas* has become an idiom indicating the highest degree of cunning.

In Czech language, versions with capital letter of name of Judas can be met with the same frequency as with small letter (possessive adjective): *jidášský políbek*, Russian idiom is analogical; there is also a variant *поцелуй Иуды*. In Czech sources, there were found equivalent forms of *поцелуй Иуды*, but they were not so frequent. This probably Czech form is used most often in publicistic style.

³ Personal name (in the Old Russian language also – *назвище, призвище, название, прозвание, проименование*) – is a special word that served to identify an individual person. The name was given to him in order to be able to address him, or to talk about him with others.

⁴ Judas Iscariot – in Christian, Judas, son of Simon – one of apostles of Jesus Christ, who betrayed him. Among apostles, Judas was in charge of their money (and stole them from the money bag), and then, deceived in hope that Jesus Christ would be the founder of Great Kingdom on the Earth, betrayed him for 30 pieces of silver (shekels or tetradrachms). After Jesus Christ was sentenced to crucifixion, Judas repented and returned 30 pieces of silver to the chief of priests and elders, saying: „I have sinned, I have betrayed innocent blood.“ And they said to him: „What is that to us?“ Then he threw down the pieces of silver in the temple and departed, and went and hanged himself. (Mat. 27:5).

⁵ Archaic and today not used Czech forms.

In Russian the form of *Иудино лобзание* is archaic. The Czech and Russian variants of phraseological units are practically identical from the point of view of semantics and graphics, in addition, the Czech archaic form of noun *Jidášovo políbení* was found (in Russian *И(у)удино лобзание*).

See the Russian variant from the New Testament: (Mt, 26, 48-49)

„Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его и ведите осторожно. И, придя, тотчас подошел к Нему и говорит: Равви! Равви! и поцеловал Его“.

See the Czech variant from the New Testament:

„Koho políbím, ten to je; toho zatkněte a pod dozorem odved'te.“ Když Jidáš přišel, ihned k Ježíšovi přistoupil a řekl: „Mistře“ a políbil ho. Ježíš mu řekl: „Jidáši, políbením zrazuješ syna člověka?“

See the English translation of the example given above:

Now His betrayer had given them a sign, saying: „Whomever I kiss, He is the One; seize Him.“ Immediately he went up to Jesus and said, „Greetings, Rabbi!“ and kissed Him.

See the written out phraseological units:

In Russian:	In Czech:	In English:
<i>Иуда;</i> <i>иуда</i> http://slovník.seznam.cz/sound/wav/ru_cz/ru-012963.wav		<i>Jidáš(e); jidáš; Juda;</i> <i>Judas; Judášenec</i>
<i>как Иуда</i>	<i>jako Jidáš</i>	<i>a traitor like Judas</i>
<i>предать (продать) как Иуда Христа</i>	<i>zradit (jako) Jidáš</i> <i>Krista</i>	<i>to betray Jesus like Judas</i>
<i>Искарриот</i>	<i>Iškariot; ty jidáši</i> <i>iškariotský</i>	<i>Iscariot</i>
<i>быть как Иуда</i>	<i>to je Jidáš</i>	<i>to be like Judas</i>

Judas Iscariot was the apostle who betrayed Jesus to the hands of the priests (in Matthew) for thirty pieces of silver. Judas led soldiers patrol to the garden called Gethsemane, the place on the Mount of Olives which was visited by Jesus. In the Gospel of John, Judas did not play any role, but in gospels of other Evangelists Judas betrayed Jesus with a kiss. All agree that there was a short scuffle, in which one man of group of Jesus, who was identified as Peter, cut off ear of one of the servants. When the priests condemned Jesus, Judas repented and threw away silver coins and hanged himself. Judas was a prototype of a traitor, and also an inspiring personality in arts.

Judas „enriched“ vocabulary of Czech gastronomy and botany, e.g. *jidášky*, *jidáše* (a special kind of bread, it can be eaten with honey on *Good Friday*, in order not to be bitten by snakes; from dough, sometimes it had a shape of coiled rope or noose-shaped rope on which Judas hanged himself after betrayal of Jesus Christ), *Jidáš* (wood burnt by fire – holy wood cinder), there are also *Jidášův strom*, *Jidášový strom*; *strom Jidášův*, that is a tree on which Judas hanged himself; in nature there also grow *Jidášovo ucho*⁶, *Jidášovy oči*; *Jidášovy penízky*, *Jidášův peněz*⁷.

Czech and Russian phraseological variants designates *Judas* as a traitor, an apostate, a man who betrayed Jesus because of money. In Czech language he can be entitled by other names, e.g. *Juda* or in older versions of so called *Bible of Kralice*⁸ *Judas* – in Russian *Иуда*, sometimes marked with a lowercase letter – *jidáš* or *iškariot*. Czech phraseological fund shows several variants of proper name *Jidáš* (Judas), the Russian fund is more modest – *Иуда*, *Искарриот* (Judas, Iscariot).

See an extract from fiction: *Предатель! Переметчик! Иуда ты!* (A. K. Tolstoy. *Tsar Boris*)

See excerpted phraseological variant:

In Russian:	In Czech:	In English:
<i>И(у)удины деньги</i>	<i>Jidášův peněz; jidášský peněz</i> <i>*Jidášův groš (troníček);</i> <i>Jidášský groš; jidášská odměna;</i> <i>prodat někoho za Jidášův (jidášský</i> <i>groš/ peněz); prodat se za jidášský</i> <i>groš; prodat koho za Jidášův</i> <i>(jidášský) peněz; prodat za jidášský</i>	<i>Judas's money</i>

⁶ This plant grows in Czech conditions, mainly on the dead and broken trunks of trees, on branches of elderberry tree, it can be also found on beech or willow.

⁷ Judas became popular in the Middle Ages as „a hero“ of Green Thursday when children played a game „Catch the Judas“, and in churches a tow called „Judah beard“ was hung. In Czech there is an idiom: *nebyl, kde Krista zrazovali*, with meaning „not to be a traitor“, which fell into disuse.

⁸ *The famous six-volume Bible of Kralice of „Bohemian Brethren“ (1579 - 1593).*

	<i>groš; získat jidášskou odměnu; kdo zamiluje zisk, Jidášovu píseň zpívá; zpívat jako Jidáš; zpívat Jidášovu píseň; jednat po jidášsku; jidášská služba; Jidáš ho uhodil váčkem (měšcem); Jidáš ho uhodil vačkem; Jidáš ho uhodil měšcem; uhodil ho Jidáš váčkem; Jidášův opasek; nekousal Jidáše v koleno</i>	
--	---	--

Judas „had a money bag“, he was a sort of cashier of apostles, but he was stealing from it for himself. He betrayed because of money-grubbing closely before Jewish Easter. Jesus with his disciples stopped for staying overnight in Jerusalem. They decided to capture Jesus unobtrusively and it was task of Judas. „What will you give me, if I betrayed him?“ — „We agreed on thirty silver coins“. An idiom *jidášský groš* (Judas's money) indicates money, obtained by betrayal. All variants of phraseological units mark a traitor, who betrays for advantage, bribe or privilege somebody, friendship with somebody, or his trust treacherously, cynically without qualms of conscience.

In Russian language there are much fewer variants with proper names of Judas, e.g. forms without proper name: *продать за тридцать серебрянников, предательство, тридцать серебрянников; плата за предательство* (to sell for thirty pieces of silver, betrayal, thirty pieces of silver, payment for betrayal) - in Czech language *prodat (zradit koho) za třicet stříbrných (stříbrňáků)* (to sell sb. (to betray sb.) for thirty pieces of silver).

In Czech language, phraseological units appear in connection with possessive adjectives and verbs (*prodat někoho za Jidášův (jidášský groš/ peníz); prodat se za jidášský groš; získat jidášskou odměnu*). To Russian expressions of *деньги* (money) correspond Czech archaic forms *groš, peníz, (groschen, coin)* but also neutral (used to this day) nouns *odměna, zisk* (rewards and profit).

See the phraseological analogues:⁹

In Russian:	In Czech:	In English
<i>И(у)дины деньги</i>	<i>prodat jako Josefa (E)gyptským (Egypt'anům); prodán jako Josef egyptský; Josefova suknice</i>	<i>to be sold like Joseph to Egyptians</i>

Joseph, son of Jacob, was beloved son of his father. His elder brothers were jealous of him, they even wanted to kill him, but coincidentally passing caravan of Ishmaelites solved his destiny in other way: they sold him for twenty silver coins to Egypt. Brothers soaked clothes of Joseph in goat's blood so that Jacob (his father) believed in his son's death. In Egypt, Joseph was imprisoned because of slander of wife of his master Poliphar, with whom he did not want to share a bed. In Old Testament, Hebrew name Joseph sounds Joasaph, and probably stands for „the receipt, distribution“. This name did not spread only in Christian world, but also among Muslims where it sounds Yusuf.

The Czech idiom *prodat jako Josefa egyptským* („продать как Иосифа египтянам“, „to sell sb. like Joseph to Egyptians“) carries the meaning to get rid of an unpopular or inconvenient person. In Russian language, there is no such equivalent, but it is semantically connected to the previous group of phraseological units, e.g. *продать за тридцать серебрянников; Иудины деньги*, that means to get rid of someone and be given money. In Czech there is also a form *Josefova suknice*¹⁰ („одежда Иосифа" - Joseph's kilt) which symbolizes betrayal and treachery of his brothers. In Russian language analogical form to this phraseological unit was not found.

The topic of betrayal is part of phraseological field Mental life of man; in this field there are groups of phraseological units with different meaning; there can be found groups, e.g. „deception“, „faith-infidelity“;

⁹ Phraseological analogues – in our research phraseological units with the same meaning and stylistics, they have analogical meaning, but different proper nouns are used as phraseological unit.

¹⁰ See Czech and Russian versions: „Tu vzali bratři **Josefovu suknici**, porazili kozla a suknici namočili v krvi. Tu pestře tkanou suknici pak dali donést otcí se vzkazem: „Tohle jsme našli. Pozorně si to prosím prohlédni: Je to suknice tvého syna nebo není? Když si ji prohlédl, zvolal: „Suknice mého syna! Sežrala ho divá zvěř! Rozsápán, rozsápán je Josef!“ (Gn, 37, 31-33).

„И взяли **одежду Иосифа**, и закололи козла, и вымарали одежду кровью; и послали разноцветную одежду, и доставили к отцу своему, и сказали: мы это нашли; посмотри, сына ли твоего эта одежда, или нет. Он узнал ее и сказал: это одежда сына моего; хищный зверь съел его; верно, растерзан Иосиф“. (Книга Бытия, 37:31–33 - Синодальный перевод).

English version: “Then they got **Joseph's robe**, slaughtered a goat and dipped the robe in the blood. They took the ornamented robe back to their father and said, “We found this. Examine it to see whether it is your son's robe.” He recognized it and said, “It is my son's robe! Some ferocious animal has devoured him. Joseph has surely been torn to pieces.”

„wisdom-deceit-stupidity“, „conciliation“, „hopelessness“, „revival“, „deceit and hypocrisy“, etc. In total, thirty groups of this field can be found in my thesis.

Literature

Bible. Písmo svaté Starého a Nového zákona včetně deuterokanonických knih. Podle ekumenického vydání z roku 1985 (1991). Praha, Česká biblická společnost, Zvon.

Čermák, F.; Hronek, J. (et al.) (1994), *Slovník české frazeologie a idiomatiky: Výrazy slovesné A-P*. Praha, Academia.

Čermák, F.; Hronek, J. (et al.) (1994), *Slovník české frazeologie a idiomatiky: Výrazy slovesné R-Ž*. Praha, Academia.

Ferencová, M. (2006), *Kresťanské a biblické frazémy a ich miesto vo vyučovacom procese*. Prešov, Prešovská univerzita, 90-97.

Martinková, M. (1953), *Rusko-český frazeologický slovník*. Praha, SPN.

Mokijenko, V.; Wurm, A. (1995), *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci.

Nettelhorst, R.P. (2008), *Sto postav z Bible: Příběhy ze Starého a Nového zákona*. Bratislava, Slovart.

Stěpanova, L. (2007), *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci.

Лилич, Г.А.; Мокиенко, В.М.; Степанова, Л.И. (1993), *Библеизмы в русском, чешском и словацком литературных языках*. Санкт-Петербург, Вестник Санкт-Петербургского университета, 51-59.

Степанова М.И. (2008), *Фразеологический словарь русского языка*. Москва, Виктория плюс.

Степанова, Л.И. (2003), *Очерки по истории чешской фразеологии*. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета.

Суслова, А.В. (1991), *О русских именах*. Ленинград, Лениздат.

<http://azbyka.ru/biblia/?Gen.37:31-33>

<http://www.bible.com.ua/bible/r/40/24#42>

<http://centerhope.info/archives/1185>

Imaginarij Svetlane Makarovič: Analiza pesmi Sojenice

ABSTRACT: The paper discusses the creative work of Svetlana Makarovič and reveals the main conceptual and thematic as well as structural procedures in her poetry. The article is based on the interpretation of the poem The Fates which represents some key motifs and links to Slavonic mythology, characteristic of the poetical opus of Makarovič in general. Svetlana Makarovič is widely recognized as the greatest Slovenian female poet, as well as a prolific fairy tale writer, chanson singer and actress.

Key words: Slovenian literature, Slovenian poetry, Slavonic Mythology, The Fates, Makarovič, Svetlana

Trodelna pesem *Sojenice* (glej prilogo) spada v avtoričino tretjo pesniško zbirko z naslovom *Volčje jagode* (1972), ki jo sestavlja šestnajst trodelnih pesmi. Strukturo trodelnosti pesnica ohrani tudi v drugi pesniški zbirki *Kresna noč* (1968).

V mitologiji, ki je bila pesnici že od nekdaj blizu, se sojenice pojavljajo kot tista mitološka bitja, ki „slehnemu človeku ob rojstvu odmerijo njegov del na tem svetu: dolžino življenja, porcijo sreče in nesreče, način, kako bo končal svojo življenjsko pot.“ (Goljevšček, 1988: 45). Njihova beseda naj bi bila nepreklicna. Po tradiciji so sojenice oz. rojenice tri (v skladu s tem je potrebno opozoriti na tročlenskost pesmi v drugi in tretji pesniški zbirki) – tukaj pa se njihova vloga od izročila do izročila razlikuje – Stari Grki so, denimo, Usodo (Móiro) poosebili v podobi treh sester, ki neprestano predejo. Tako Atropos, po Alenki Goljevšček (1988: 46), vsakemu smrtniku naprede življenjsko nit, Kloto jo navija, Lahezis pa jo prestriže, ko pride čas za to. Izročilo o sojenicah prevzamejo tudi Rimljani, in sicer tri sestre v njihovem izročilu nastopajo kot parke in sodijo: prva rojstvo, druga poroko, tretja smrt. V našem (slovanskem) izročilu se sojenice, kot ugotavlja Goljevšček (1988: 46), imenujejo Čestitke, pri čemer je potrebno izpostaviti dvojnost njihove vloge; medtem ko so marsikje verjeli, da so omenjena bitja zavetnice rodovitnosti in naj bi kot takšne opozarjale kmeta, kaj in kdaj naj seje, se je drugod utrdilo prepričanje, da sodijo tudi človeške krivice in nalagajo kazen zanje.

Gre za vidik, ki je v izpostavljeni pesniški zbirki izjemno prisoten neodvisno od sojenic, predvsem v pesmih *Oklepnik*, kjer prihaja „hrošč Oklepnik“ kaznovat kolektivno krivdo (v slogu Zajčeve znane pesmi *Za vse boš plačal* ali tragične postavke „kriv brez lastne krivde“), *Volčje jagode* in *Zeleni Jurij*, v kateri pa se mitološki znanilec pomladi vrača, da bi ljudi kaznoval za krivico, ki jo je skusil. V omenjeni pesmi se izraža še ena konstanta poezije Makarovičeve in sicer konflikt med posameznikom in družbo, ki se navadno kaže kot nasilje brezoblične/gluhe/brezčutne gmote skupnosti (ali, kot razloži v pesmi *Mravljišče* (Makarovič 1972: 13): „Prelepi gumbi so njihove oči.“) nad posameznikom, ki je drugačen/izjemen.

Na omenjeno problematiko naletimo tudi v pesmi *Lunina žival*, ki „se v teh krajih ne spozna.“ (Makarovič 1984: 34). Pesem v prvem delu prinaša občutenje tujosti do sveta, občutenje, ki ga srečamo že v pesničinem prvencu *Somrak* (1964), hkrati pa se srčika tujosti subjekta skriva v nesprenvedanju in pogumu, ki pa ga okolica ni zmožna in ga ne sprejema, kar se na eni strani kaže s težnjo po „učreditvi“ posameznika, po drugi pa z ignoranco nad takim početjem – ignoranca nad takim početjem pa na neki kozmični ravni pomeni sokrivdo.

Občutenje tujosti, ki že prerašča v izgnanstvo, prinaša tudi pesem *Desetnica* – gre za verjetno osrednji lik poezije Makarovičeve nasploh, ki poleg izgnanstva prinaša tudi sprijaznjenost s „prostovoljnim trpljenjem“ oziroma prehod v samost torej prehod v prostovoljno odmaknjenost, ki je ne smemo razumeti kot osamljenost, temveč kot držo, s katero se posameznik sprijazni – ali pa, če želite, kot Usodo.

Na tak način bi torej lahko razumeli tudi pesem *Sojenice*: v prvi kitici tako izvemo, da je prva sojenica, ki sodi rojstvo, v danem primeru sodila „kazen“:

„Gledati s suhimi očmi

in videti skozi stvari.

Sodile so te v prežečo samoto,

storile so ti same predsmrtne dni.“ (Makarovič 1998: 31).

V imaginariju Makarovičeve imajo oči izjemno pomembno vlogo – omenili smo že, da imajo ljudje v smislu množice namesto oči gumb (o ignoranci in zatiskanju oči pred „kruto resničnostjo“ se je avtorica razpisala tudi v kolumni *Zaprte oči*), na drugi strani pa so oči posameznika oči, ki ne samo gledajo, ampak tudi *vidijo*. Prva verzja torej razumem v kontekstu posameznika, ki stvari *opazi*, ki mora videti in je zato zaradi svoje *daljnovidnosti* ali pa, še bolje, *pre-vidnosti* obsojen na „prežečo samoto“ in „same predsmrtne dni“ (Makarovič 1998:31). S podobami oči so povezane tudi živali, in sicer glede na mesto, ki jim ga pesnica odmerja v svojem pesniškem svetu – tako, denimo, na zgoščenci svojih šansonov *Namesto rož* poje o mačkah takole:

„Kdor gleda ljudi skozi mačje oči,

jih morda še najbolje pozna,

saj mačke vedo, da z ljudmi je tako,

*da jim radi prinašajo zlo,
hinavski, zahrbtni, pretkani,
navidez ljubeči in vdani,
kdor gleda ljudi skozi mačje oči,
ta ve, da so mojstri laži“ (Makarovič 1999).*

Pozitivne lastnosti v pesničinem živalskem svetu srečamo tudi pri kači, za katero ravno tako velja, da na njenem obrazu ni krinke (pesmi *Kača*, *Kresna noč*). V drugem delu pesmi *Lov*, ki je kasneje v izboru poezije *Izštevanja* objavljena kot samostojna pesem, pa smo priča nagovarjanju ljubimca z „moj jelen z robidovimi očmi“ (Makarovič 1984: 15), vendar se ljubimcema v pesmi *Lov* ne obeta nič dobrega, saj je za jelena nož že nabrušen.

Druga sojenica sodi poroko, pri čemer izvemo, da novorojenki tudi v tem primeru ni bila dosojena sreča. Nasploh je ljubezenska tematika v poeziji Makarovičeve na eni strani zaznamovana s končnostjo oziroma minljivostjo, po drugi pa z opozicijo tujost/samost; tako, na primer, v pesmi *Grm* iz pesniške zbirke *Tisti čas* (1993) pesniški subjekt ugotavlja, da „nihče nikogar ne pozna/nikjer na tleh tega sveta.“ in v zadnji kitici „ko bi me ranil do krvi,/bi šele vedela, kdo si.“ (Makarovič 1998: 114), hkrati pa v pesmi *Poroka* od rdečega cukrenega srca, ki ga žena da možu, na koncu ostaneta le še dve dihanji, ki „režeta gosto meglo“ in „dve miši strmita v jutranjo meglo.“ (Makarovič 1998: 53). Od ljubezni torej tudi v primeru vrbe-kraljeviča ostane samo spomin, ki ga zavdaja vrbov sok in ga voda ne more odnesti.

Naslednja podoba, pomembna za razumevanje pesmi *Sojenice*, je kačja riba, mitološko kompleksna figura. Kača po Alenki Goljevšček (1988: 48) predstavlja najbolj razširjeno podobo umrlih, poleg tega pa je soudeležena pri stvaritvi in uničenju sveta. Že v najstarejših mitologijah je z izvirom življenja, pa tudi z njegovim koncem, povezana voda. V slovenski mitologiji pa po neizmernem vodovju plava riba Faronika, ki na hrbtu nosi svet – na tak način je torej tudi kačja riba povezana z večnostjo oz. usodo. Kača pa je bila poleg tega tudi varuhinja hišnega praga, v zvezi s katerim je, kakor ugotavlja Goljevšček, povezanih mnogo tabujev (če se navežemo nazaj na prvi del pesmi, izvemo, da ob rojstvu deklice niso zasadili noža v prag). Bleščeče ikre v očeh torej razumem kot solze, katerih vzrok je neprijazna usoda (oz. kačja riba).

Nasplošno za solze v poeziji Makarovičeve ni veliko prostora, predvsem ne v prvih treh pesniških zbirkah, kjer je vsakršno občutje podano izjemno objektivizirano (vendar zato nič manj učinkovito) oziroma, kot pesnica zapiše v ciklu *Volčje jagode*:

*„Žalost je trda kot granit.
Žalost je pretrda za solzo.
Moj brat po zelenem gozdu hodi,
granitno solzo v grlu nosi.“ (Makarovič 1998: 30).*

Bolečina se torej pojavlja kot dejstvo, katerega odlog je možen samo v smrti, kar velja tudi za zaključek pesmi *Pot* iz sicer kasnejše pesniške zbirke *Tisti čas* (1993: 53):

*„Daj vrč. Nalij le toliko,
da čiste solze stečejo.
Zapri oči, desetnica,
izjoči se. Tu si doma.“*

Tretji del pesmi prinaša glas tretje sojenice oz. sodbo smrti, kjer zopet ni odloga groze, saj, kot pravi pesnica, „ne moreš zamižati“ (Makarovič 1998: 31), kačji pastirji pa postanejo nosilci te grožnje. Na tem mestu se moramo ponovno vrniti k ekskurzu o živalskem vrtu Makarovičeve, o čemer je marsikaj pomenljivega povedala v Hofmanovih *Pogovorih s slovenskimi pisatelji*; na Hofmanovo vprašanje, katere živali so ji posebno blizu, je odgovorila: „Mačke, zajci, psi, veverice, ježi, kuščarji, miši, kače, lisice – preveč, da bi naštevala vse...“ (Hofman 268: 1978).“ Kot v svojem eseju ugotavlja tudi Josip Osti (1998: 135), nastopa v njeni poeziji mnogo ptic – sov, kukavic, grlic, vrabcev. In obilica žuželk, med katerimi najdemo hrošče, kačje pastirje, bramorje kobilice, metulje in mravlje, itd. Medtem ko se pesnica do ptic ne opredeljuje posebej, pa žuželke v njeni poeziji navadno nosijo negativno konotacijo; tako na primer prva pesem v ciklu *Mravljišče* prinaša podobo –znova– ljudi kot skupnosti, ki ni sposobna lastne refleksije (ljudi kot mravlje, ki tekajo za mrvico sanj, vidi recimo tudi pesnik Minatti). Poleg hrošča Oklepnika je hrošč povezan z grožnjo nevarnosti oziroma vojne že v drugi pesniški zbirki *Kresna noč*, kjer v prvi pesmi cikla *Hrošč* beremo takole:

*„Zbežati, zbežati po dlakastih tleh,
zbežati na obalo in še naprej,
kdor noče imeti črnih pokrovk na hrbtu.“ (Makarovič 1984:32)*

Še bolj izrazita pa je navezava na vojno v pesmi *Bramor*. Žuželke torej v imaginariju Makarovičeve predstavljajo nekakšne robote, brezdušne stroje ali, kot temu pravi v pesmi *Rožmarin*: „Med žuželkami živi/bela muha brez oči (podčrtala Z.P.).“ (Makarovič 1998: 42). V pesmi *Gora Limbarska*, ki predstavlja pesniško upodobitev, če uporabimo pesničin kritični izraz, slovenčeljstva, pa so ljudje v svoji pasivnosti in breznačajnosti enakovredni žuželkam.

Tako bi lahko kačje pastirje brez najmanjšega dvoma imeli za znanilce (predsmrtne) groze, pred katero se človek ne more skriti, kot tretje „kačje bitje“ v pesmi pa grozo zaključujejo kačje sojenice. Pridevnik „kačji“ namreč znova lahko tolmačimo v kontekstu Kaosa – tokrat predvsem v kontekstu uničenja sveta.

Literatura

- Goljevšek, Alenka (1988): *Med bogovi in demoni: Liki iz slovenske mitologije*. Ljubljana, Mladinska knjiga.
 Lunder, Mojca (2003): *Strupene razhudnikovke. Delo in dom*. Ljubljana. str. 15–17.
 Makarovič, Svetlana (1964): *Somrak*. Ljubljana, Cankarjeva založba.
 -- (1968): *Kresna noč*. Ljubljana, Državna založba Slovenije.
 -- (1972): *Volčje jagode*. Maribor, Obzorja.
 -- (1973): *Srčevvec*. Ljubljana, Cankarjeva založba.
 -- (1980): *Sosed gora*. Maribor, Obzorja.
 -- (1993): *Tisti čas*. Ljubljana, Mladika.
 -- (1998): *Bo žrl, bo žrt*. Izbrana poezija. Ljubljana, Mladinska knjiga.
 -- (1999): *Namesto rož*. CD. Ljubljana, Vinylmania.
 -- (2004): *S krempljem podčrtano*. Ljubljana, Center za slovensko književnost.
 -- (2010): *Deseta hči*. Čitanka. Ljubljana, Cankarjeva založba.
 -- (2010): V Sloveniji je težje uvesti knjigo kot tank. *Sobotna priloga*. Ljubljana: Delo. str. 27–30.
 Osti, Josip (1998): Memento mori ali kristalizacija teme smrti v poeziji Svetlane Makarovič. Svetlana Makarovič. *Bo žrl, bo žrt*. Ljubljana, Mladinska knjiga. str. 129–158.
 Verbinc, Franc (1971): *Slovar tujk*. Tretja izdaja. Ljubljana, Cankarjeva založba.

Priloga 1: Sojenice

I

Tisto noč, ko si se rodila,
 niso zasadili noža v prag,
 zato so priletele nore sojenice.
 Lebdele so, bolščale in sodile kazen:
 Gledati s suhimi očmi
 in videti skozi stvari.
 Sodile so te v prežečo samoto,
 storile so ti same predsmrtne dni.

II

Vidiš vrbo- kraljeviča,
 ki ti ni bil sojen,
 vrbjo glavo z ozkimi očmi,
 odsev, ki ga voda ne more odnesti.
 V očeh ti kačja riba
 pušča bleščeče ikre. Odhajaš,
 z vrbovim sokom zavdana,
 ko se ikre strahu izlegajo.

III

Padla bo noč sredi živega dne,
 vrisnil bo glas tretje sojenice.
 V temi te vihti gugalnica groze,
 ne moreš zamižati. Vidiš:
 Gugalnici sledi kačji pastir,
 kačji pastirji prihajajo,
 kačji pastirji, kačje pastirice,
 kačje pastirice, kačje sojenice.

Krisztina Pecznik

Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
pecznikkrisztina@citromail.hu

Stereotypy narodowe w polskich i węgierskich związkach frazeologicznych

ABSTRACT: My essay focused on the national stereotypes of the Polish and Hungarian phraseological relations. From the many European nations I selected only a few. Those nations, which the Polish and Hungarian folk history more closely correlated with and met. These nations: Russian, German, Slovak, Czech, Roma. A number of previous research and phraseological dictionary helped in my work.

Keywords: stereotypes, phraseology, Polish, Hungarian, phrase

Język polski należy do grupy języków słowiańskich, będącej jedną z gałęzi indoeuropejskiej rodziny językowej, język węgierski natomiast należy do uralskiej rodziny językowej i jest jednym z języków ugrofińskich. Dzięki rekonstrukcji i analizie tych języków dochodzimy do wniosku, że różnią się one nie tylko pod względem gramatycznym i leksykalnym, ale także posiadają różne sposoby wartościowania i kategoryzowania rzeczywistości obiektywnej.

Tematem niniejszego artykułu są stereotypy narodowe w związkach frazeologicznych języka polskiego i węgierskiego, celem zaś porównanie systemu wartościowania utrwalonego w obu językach. W badaniach nad stereotypami narodowymi szczególną uwagę warto zwrócić na podobieństwa i różnice zarejestrowane w związkach frazeologicznych obu języków, gdyż frazeologizmy nie są niczym innym jak odzwierciedleniem głęboko zakorzenionych u nosicieli języka „obrazów w głowach” na temat innej grupy etnicznej.

Językowy obraz świata jest tematem, który już od wielu lat nurtuje językoznawców z wielu krajów. Duże zainteresowanie tematyką wartościowania i konceptualizacji rzeczywistości wśród uczonych spowodowało, że w ostatnich latach ukazało się wiele prac, w których dokonano analizy tego pojęcia. Przytoczę tu tylko niektóre z teorii językowego obrazu świata powstałe w językoznawstwie polskim i węgierskim.

Według Bartmińskiego językowy obraz świata „jest zawartą w języku, różnie zwerbalizowaną interpretacją rzeczywistości dającą się ująć w postaci zespołu sądów o świecie. Mogą to być sądy „utrwalone” w gramatyce, słownictwie, w kliszowych tekstach np. przysłowia, ale także sądy „presupowane”, tj. implikowane przez formy językowe utrwalone na poziomie społecznej wiedzy, przekonań, mitów, rytuałów” (Bartmiński 2006: 12) oraz „pewien zespół sądów mniej lub bardziej utrwalaony w języku, zawartych w znaczeniach wyrazów lub przez te znaczenia implikowanych, który orzeka o cechach i sposobach istnienia obiektów świata pozajęzykowego” (Bartmiński, Tokarski 1986: 72).

Grzegorzczkowska pisze, że językowy obraz świata to: „struktura pojęciowa utrwalona w systemie danego języka, a więc jego właściwościach gramatycznych i leksykalnych (znaczeniach wyrazów i ich łączliwości), realizuje się, jak wszystko w języku, za pomocą tekstów” (Grzegorzczkowska 1999: 41).

Tokarski językowy obraz świata definiuje „jako zbiór prawidłowości zawartych w związkach gramatycznych i strukturach leksyki, pokazujących różne sposoby widzenia i rozumienia świata” (Tokarski 2001: 366).

Na gruncie węgierskim Bańcerowski językowy obraz świata określa jako „podmiotową interpretację rzeczywistości obiektywnej, jej metaobraz” (Bańcerowski 2008: 140).

Tak jak pojęciem *językowy obraz świata*, tak i zdefiniowaniem pojęcia *stereotyp* zajmowało się wielu uczonych, między innymi Lippmann, Puttman, Tokarski.

Termin stereotyp (z greckiego stereós - stanowiący bryłę, stężały + typos - odbicie, obraz), wprowadził do socjologii Lippmann w 1922 roku w pracy *Public opinion*.

Pod definicją stereotypu rozumiemy funkcjonujący w świadomości społeczeństwa uproszczony, skrótowy i zabarwiony wartościująco obraz rzeczywistości, odnoszący się do grup społecznych, osób, sytuacji, instytucji, utrwalaony wielokrotnym powtarzaniem. Według Lippmanna stereotyp to cząstkowy, jednostkowy i przede wszystkim schematyczny obraz, który powstaje w umyśle człowieka, odnoszący się do jakiegoś faktu lub zjawiska społecznego. Stereotypy jako wytwory kulturowe zostają jednostce narzucone i z góry podsuwają jej sposób widzenia określonych faktów i zjawisk społecznych.

[<http://portalwiedzy.onet.pl/17752,,,stereotyp,haslo.html>]

W każdej grupie etnicznej rodzą się także *autostereotypy* i *heterostereotypy*. Autostereotypy informują o życiu, tradycjach, obyczajach, historii tejże grupy, heterostereotypy natomiast dają charakterystykę odmiennych językowo i kulturowo społeczności.

Stereotypy ściśle związane są z wartościowaniem i kategoryzacją na zasadzie „*swój-obcy*”/”*my-oni*”, gdyż człowiek jest istotą, która przez całe swoje życie porównuje i ocenia otaczającą go rzeczywistość. Głęboko zakorzeniona w ludzkich umysłach stereotypizacja niezwykle często oparta jest na ksenofobii, która polega na przypisywaniu cech pejoratywnych wszystkiemu czego nie znamy, co jest nam „obce”. Ksenofobia często jest

wynikiem kompleksu niższości, poczucia odrębności oraz niedowartościowania tego co „moje i swoje”.

Utrwalone w umysłach i zakodowane w języku, przekazywane z pokolenia na pokolenie w postaci związków frazeologicznych, przysłów, metafor, sentencji itp. stereotypy, często mają zabarwienie pejoratywne i rzadko ulegają modyfikacjom.

Stereotypy najczęściej budowane są w odniesieniu do grup etnicznych, zawodowych, klasowych lub związanych z określoną płcią.

Analizowany przeze mnie materiał składał się ze związków frazeologicznych i przysłów, w których jednym z komponentów były takie nazwy narodowości jak: Niemcy, Słowacy, Czesi, Rosjanie, Cyganie, Węgrzy i Polacy.

Zarówno w języku polskim jak i w języku węgierskim istnieją związki frazeologiczne, które Niemca charakteryzują jako głupiego i skąpego, np.:

- *Głupi jak Niemiec;*
- *Németnek 40 éves korában jön meg az esze* (Niemcowi dopiero po czterdziestce przychodzi rozum do głowy);

- *Przy Polaku i Niemiec się pożywi, a przy Niemcu ani pies;*
- *A német is szokásból eszi a levest* (Niemiec z przyzwyczajenia je zupę)

oraz takiego, który nic nie rozumie:

- *Gadaj tu nam, kiedy to Niemiec = Akár a részeg németnek beszélj.*

Obydwa języki w wyrażeniu *Niemiecka solidność = Német alaposág, szolidáság* zarejestrowały pozytywną cechę Niemców 'solidność'.

Interesującym jest fakt, że użytkownicy języka polskiego w mowie potocznej często Niemców nazywają *prusakami* lub *Geringami*.

Pomimo tego, że **Słowacja** i Polska są krajami sąsiadującymi ze sobą, to w języku polskim zarejestrowane zostały tylko dwa archaiczne wyrażenia dotyczące Słowaków. Być może powodem jest brak wspólnych punktów w historii. Oto przykłady:

- *Hóczy, jak Słowak, do godzin;*
- *Już mu Słowiok kurzy w oczy* (Bańcerowski 2008: 266).

Tę samą sytuację obserwujemy odnośnie **Czechów**. Język polski utrwalił tylko kilka zwrotów na ich temat. Wyrażenia te nacechowane są pejoratywnie, na przykład:

- *Co za Czech słowo trzymać*
- *Za każdym Czechem stoi czart*

Wśród Polaków utrwalił się wizerunek Czecha, który lubi zabawiać się, imprezować oraz Czecha bojaźliwego i niemającego wiary.

Tak jak i w przypadku Niemców, nosiciele języka polskiego, swych południowych sąsiadów Czechów w mowie potocznej nazywają inaczej, niż nakazuje styl oficjalny, a mianowicie: *Pepipi, Pepiczki*.

W języku węgierskim wizerunek **Słowaka** jest bardzo pejoratywny. Słowak, w języku potocznym to inaczej Tot, który jest: brudny, podstępny, nieuczciwy, słaby, płaczący, dużo pije, lubi pogacze i kwaśne mleko. Opinię tę potwierdzają poniższe przykłady:

- *Szereti, mint tót az aludttejet* (Lubi jak Tot kwaśne mleko);
- *Tótnak délig esze* (Tot ma rozum tylko do południa, później jest już pijany).

Na temat **Czechów** w języku węgierskim, podobnie jak i w języku polskim, znajdziemy niewiele związków frazeologicznych. Wszystkie z nich nacechowane są negatywnie:

- *Csehiül áll valaki/valami* (Stoi po czesku);
- *Csehiül érzi magát* (Czuje się po czesku) w znaczeniu 'bardzo źle'.

Wizerunek **Rosjanina** w obu językach jest bardzo negatywny. Rosjanin, to ktoś chytry, uparty, głupi, ktoś kto nie umie się zachować i dużo krzyczy:

- *Chytry jak Rusin;*
- *Uparty, jak Rusin;*
- *Okos orosz ritkaság* (Mądry Rosjanin to rzadkość);
- *Ordít, mint orosz az ólban* (Krzyczy jak Rosjanin w chlewie).

Nazwa Rosjanin w polskiej mowie potocznej to: *robol/robole, moszkal/moszkale, rusak/rusacy*, a w języku węgierskim np.: *Ruszki, medve*.

W obu językach bardzo negatywnie został zarejestrowany obraz **Cygana**. Przyczyną jest ich głośny tryb życia, kłótnie, lenistwo, kłamstwa, kradzieże. W przysłowiaich został zarejestrowany następujący obraz Cygana:

- *Ucieka jak Cygan na kradzionym koniu;*
- *Cygan jesteś i już; Kogo ty cyganisz – mnie czy siebie?;*
- *Nikomiu nie można ufać. Świat teraz okrutnie cygański;*
- *Húzza-halasz tjá, mint a cigány az akasztást* (Przedłuża, przekłada jak Cygan powieszenie);
- *Meztelen, mint a cigánygyerek* (Nagi jak cygańskie dziecko);

- *Nem úgy verik a cigányt* (Nie tak biją Cygana).

Sugerując się przysłowiem *Polak Węgier dwa bratanki, i do szabli i do szklanki = Lengyel-magyar két jó barát, együtt harcol s issza borát* wydawałoby się, że obraz Węgra w oczach Polaka i Polaka w oczach Węgrach jest tylko pozytywny. Potwierdzają to też takie przykłady jak:

- *I na Węgrach nie położą chleba na węglach* (Magyarország sincs ingyen a kenyér, tehát itt is dolgozni kell).

- *Kto węgierskie piwo pije, po śmierci nie gnije* (Aki magyar bort iszik, halála után nem rothad el).
- *Stary Węgrzyn dobry, ale stary kochanek diabła wart* (Őreg magyar jó, de őreg szerető semmit sem ér)

W obu językach znajdziemy jednak frazeologizmy, które odzwierciedlają negatywne cechy obu narodowości, na przykład polskie wyrażenie:

- *Węgrzynowi wierzyć nie trzeba, ażeby miał trzy oka* (Magyarnak hinni nem érdemes, akkor sem ha 3 szeme van) i węgierskie
- *Lengyel lopó* (polski złodziej).

Analizując zebrany materiał zwróciłam także uwagę na te frazeologizmy, w których zarówno Polacy jak i Węgrzy utrwalili swój własny wizerunek. Polacy twierdzą, że:

- *Dobra Francja, chwalebna Hiszpania, bogate Niemcy, ale najlepsza Polska;*
- *Czego inny uczyć się musi, z tym się Polak rodzi* (Amit másnak tanulni kell, a lengyel azzal születik);
- *Polskie serce każdemu otwarte* (A lengyel szív mindenki előtt nyitva van)
- *U Polaka: co w sercu, to i na języku* (A lengyelnél: ami a szívén, a nyelven is)
- *Polak jak małpa: co ujrzy, to chce mieć.*

Polacy często widzą samych siebie jako naród: odważny, dobroczynny, religijny, utalentowany, gościnnie. Nie ukrywają, że lubią alkohol i niekiedy potrafią być wulgarni.

Węgrzy w ten oto sposób tworzą swój wizerunek:

- *A magyar embernek vásár után jön meg az esze/okos a magyar a harc után* (Węgrowi po jarmaraku przychodzi rozum/mądry Węgier po bitwie);

- *Ha két magyar együtt van, háromfelé húz* (Dwóch Węgrów ciągnie w trzy strony)
- *Magyar volt az apja* (Węgrem jest ojciec) w znaczeniu 'silny';
- *Magyarnak helyén a szíve / ingét is odaadja a magyar* (Węgier ma serce na miejscu/Węgier nawet swoją koszulę odda) w znaczeniu 'zawsze pomoże'.

Węgrzy twierdzą, że są: szlachetni, odważni, silni, dobroczynni, gościnni, dotrzymujący słowa, niekiedy wulgarni i szybko się złością.

Z powyższych przykładów wynika, że użytkownicy języka polskiego i węgierskiego zarejestrowali w języku zarówno pozytywne jak i negatywne cechy swych narodów.

Interesującym jest także fakt, że w obu badanych językach znajdziemy podobne lub identyczne frazeologizmy, na temat różnych narodowości, na przykład:

- *angol humor = angielska flegma;*
- *angolosan távozni = wyjść po angielsku;*
- *Kopasz, mint a török = Goły, jak Turecki;*
- *német alaposság = niemiecka solidność;*
- *Ravasz, mint az olasz = Chytry jak Włoch.*

Badania nad stereotypami są bardzo istotne, gdyż bardzo często pod wpływem stereotypów nie dostrzegamy zmieniających się realiów. Zakodowane w języku, głęboko zakorzenione w umysłach, przekazywane z pokolenia na pokolenie stereotypy często komplikują samodzielny proces myślenia i wpływają na nasze opinie bez dokładnego zbadania rzeczywistości.

Analiza materiału wykazała, że niezależnie od różnic występujących w systemie gramatycznym czy zasobie leksykalnym badanych przeze mnie języków, opinie na temat różnych narodowości utrwalone w polskich i węgierskich frazeologizmach w większości przypadków są do siebie bardzo podobne. Ich charakterystyki na ogół są emocjonalnie naładowane i mają pejoratywny charakter.

Bibliografia

- Bąba, Stanisław – Liberek, Jarosław (2002), *Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny*. Warszawa.
- Bañcerowski, Janusz (2008), *A világ nyelvi képe*. Budapest, Tinta.
- Bartmiński, Jerzy (2006), *Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin.
- Błukowski, Jan (2003), *Stereotypy narodowe w świadomości Polaków*. Elpisa, Warszawa.
- Dziewońska-Kiss Dorota (2007), *Stereotypy narodowe w związkach frazeologicznych i przysłowiach w języku polskim i rosyjskim./Nemzeti sztereotípiák a lengyel és az orosz frazeológiai kapcsolatokban és közmondásokban*. (Praca dyplomowa).

- Forgács Tamás (2003), *Magyar szólások és közmondások szótára. Mai nyelvünk állandósult szókapcsolatai példákkal szemlélítve*. A magyar nyelv kézikönyvei VI. sorozat, Budapest, Tinta.
- Humboldt, von Wilhelm (1907), Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues, *Gesammelte Schriften*. Berlin, Bd. 6. 1. 179–80
- Hunyady György (2001), *Sztereotípiakutatás, hagyományok és irányok*. Budapest, ELTE Eötvös.
- Jarco, Jerzy–Dolińska, Grażyna (2002), *Polskie stereotypy i uprzedzenia*. Wydawnictwo Wyżej Szkoły Zarządzanie, Wrocław, Triada.
- Krzyżanowski, Julian (1975), *Mądrej głowie dość dwie słowie*. Warszawa. t. I-III.
- Nowa Księga Przysłów i wyrażeń przysłowiowych Polskich*, Warszawa. 1969. t.I-IV.
- O. Nagy Gábor (1999), *Magyar szólások és közmondások*. Budapest, Talentum, 8. kiadás.
- Skorupka, Stanisław (1974), *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa.
- Tokarski, Ryszard (1990), Językowy obraz świata w metaforach potocznych. In: *Językowy obraz świata* (szerk. J. Bartmiński), Lublin, 68–86.
- Walas, Teresa (1995), *Narody i stereotypy*. Kraków.

Vytvoření odborného názvosloví a terminologických slovníků v 19. století

ABSTRACT: With the spreading of the ideas of the Enlightenment, there came a need in Central Europe to reform the national languages of the region. Movements were brought to life one after another with the goal of - besides of the reviving of the national literature and the forming of the language standard - creating the terminology for the various professions. These movements were very similar to each other in the various countries of Central Europe, both in their guiding principles and their practical methods – the way of creating new words and terms and in the way of creating dictionaries for the new vocabulary. The model for the dictionaries made in the region was the Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs. That's why almost the same expressions are present in the dictionaries that were made in Central Europe in the 19. century for for the judiciary and political terminologies.

Key words: language reform, terminology, dictionary, calque, Pavel Josef Šafařík, Ferenc Toldy

Rozšíření osvícenských myšlenek ve střední Evropě podnítilo snahy o obnovu národních jazyků. Cílem vědomého rozvoje jazyka se stalo oživení literatury, standardizace spisovného jazyka a vytvoření odborného názvosloví. Způsoby, jimiž tento proces v různých evropských zemích probíhal, vykazují navzdory jistým odlišnostem mnoho společného. České, chorvatské, maďarské, srbské i slovenské hnutí za jazykovou reformu bylo iniciováno v zájmu vědomého rozvoje daného jazyka v době od konce 18. století do třetí třetiny 19. století, kdy se utvářely moderní evropské národy. Národní obrození, osvícenství, rozvoj mezinárodního vědeckého života, úsilí jednotlivých národů o samostatnost aj. – to vše mělo vliv na postupné upouštění od užívání latiny a němčiny a zavádění národních jazyků ve školství, vědě a v hospodářství. Cílem hnutí za jazykovou reformu bylo vytvořit jazykové normy, očistit, obohatit a rozvíjet jazyk.

Vznik a rozvoj vědeckého a odborného jazyka byl úzce spjat s používáním národních jazyků při výuce, soudních řízeních a právních úkonech. Do té doby se na českém a uherském území k tomuto účelu užívaly cizí jazyky (nejprve latina a později němčina). Každodenní potřeba iniciovala snahu, aby terminologie obsáhla také národní jazyky a soustředila se do slovníků. Terminologické slovníky v tomto období plnily dvojí roli; jejich hesla upravovala použití netradičních i ustálených odborných termínů; mimoto bylo jejich úkolem sledovat nové odborné výrazy a nacházet odpovídající tvary v národních jazycích. K přípravě slovníků byly vytvořeny redakční komise, které do své práce zapojily odborníky z různých oblastí.

Při tvorbě nových výrazů sloužila za vzor převážně němčina, avšak prvotním výchozím bodem byla latina, jelikož latinskou odbornou terminologií v morfologicky adaptované formě nebo formou překladu převzala také němčina. V němčině i maďarštině je neobvyklé užití opisů, neboť tyto jazyky raději používají složená slova {např. něm. *Grundbuch*; maď. *telekkönyv* (TOLDY 1858)}. Ve slovanských jazycích je ovšem nutné základní znaky daného pojmu vyjádřit popisem, přívláskem či dalšími gramatickými slovy {např. něm. *Grundbuch*; čes. *pozemná kniha* (ŠAFAŘÍK 1850) / dnes *pozemková kniha*, což ale ztěžuje jejich zařazení do věty. To byl zřejmě i důvod, proč ŠAFAŘÍK a TOLDY upozorňovali, že není dobré již zdomácnělá slova nahrazovat novotvary.

Vytváření a šíření nové terminologie brzdil taky rychlý rozvoj vědy a potřeba jasné komunikace na poli mezinárodní spolupráce. Nahrazení již zavedených cizích výrazů slovy mateřštiny v řeči inteligence by jen bránilo duchovnímu spojení se vzdělanou Evropou. Jazyk užších oborů si proto ponechal mezinárodní terminologii, ovšem pro pojmy užívané v každodenní komunikaci se v mateřštině následně vytvořily výrazy nové, nejčastěji ve formě kalků. Výsledky jazykové reformy nejdříve a nejtrvanlivěji přijal odborný jazyk, protože v jeho případě má přednost věcný obsah před estetickými kritérii, nebo vztahu k jazyku jako celku, či vztahu jazyka k jazykovým tradicím. Mluvený jazyk převzal slova a výsledky jazykové reformy od spisovného jazyka. Jako zdroje pro obohacení jazyka sloužily:

- starší literární památky
- novější literatura
- lidový jazyk (nářečí)
- příbuzné jazyky
- tvoření slov přejímáním a skládáním, resp. používáním afixů a sufixů
- tvorba kalků.

Při tvorbě nových slov byla primární snaha o jednoduchost, úspornost, o co nejstručnější způsob vyjádření, a proto mohly mezi psaným a mluveným jazykem nastat určité rozdíly. Užití kalků vytvořených opisem se často omezovalo pouze na psaný jazyk, zatímco v mluveném jazyce přežívala i nadále cizí slova. Konstrukce, které byly pro jazyk neobvyklé, dříve či později zmizely a „přesné“/doslovné překlady, které však nebyly v souladu

s mluvnickým systémem daného jazyka, byly časem nahrazovány „nepřesnými“ překlady, jež nicméně odpovídaly struktuře cílového jazyka. (NYOMÁRKAY 1993: 186)

Pro rozvoj literárních jazyků, obohacování jejich výrazových prostředků, regulaci užívání jazyka a jejich kodifikaci a také při vytváření odborné terminologie měly největší význam slovníky. Ústava ze 4. března roku 1849 (tzv. olomoucký manifest ~ oktrojovaná ústava) vyhlásila všechny národy žijící na území monarchie za rovnoprávné (národy měly např. právo užívat mateřtinu na úřadech, ve školách a na soudech) a stanovila, že státní správa a zákonodárství musí respektovat také národní jazyky. Následně ministerstvo spravedlivosti nařídilo vydat společně sbírky zákonů v národních jazycích jednotlivých zemí. Za tímto účelem vyšla série slovníků pod názvem *Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs*, což byl bezesporu významný počín nejen pro jazyky slovanských národů žijících na území monarchie.

Za účelem sepsání uvedeného slovníku ministerstvo jmenovalo odbornou komisi, která při sestavování slovníku vycházela jednak ze starších právnických pramenů, jednak používala stávající právní terminologii jednotlivých jazyků. V případě, že určitý výraz v daném jazyce nebyl k dispozici, vycházelo se z doslovného překladu, resp. v případě, že existovalo více výrazů, zvolil se ten, který již v jazyce kdysi existoval, ale byl zapomenut. Nejprve byly přeloženy aktuální právní předpisy, pak následovaly starší a po nich právníká nařízení, výnosy a patenty nižšího stupně. Slovní zásoba, která byla během tří měsíců označena a přeložena z platných zákonů do různých slovanských jazyků, obsáhla 8000 pojmů v každé řeči. Základní premisou bylo, aby terminologie pěti slovanských národů v monarchii (česko-moravsko-slovenského, polského, rusínského, slovinského, chorvatsko-srbského) vycházela ze stejného slovního kmene a tvaru. Tímto způsobem se usilovalo o přiblížení a sblížení odborného názvosloví a následné vytvoření celoslovanské terminologie. S chorvatštinou a srbštinou se zacházelo jako s jediným jazykem, zároveň se reflektoval odlišný (latinský a cyrilský) způsob psaní. Slovenština se brala v úvahu jen tehdy, když se její slovní zásoba odlišovala od české.

Vzorem pro ostatní slovanské jazyky se stalo první německo-české vydání, a to s ohledem na historický vývoj a současný stav jednotlivých jazyků a literatur. Bylo třeba vytvořit nejen v praxi použitelnou právníko-politickou terminologii na základě slovanské kultury a jazyka v dané řeči, ale také přeložit několik tisíc odborných výrazů z němčiny. Z takového jazyka, ve kterém tato slova byla již dlouho používána v různých idiomech, výrazech i v ustálených slovních spojeních.

Zvláštní **německo-české** vydání *Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs* (*Deutsch-böhmische Separat-Ausgabe*) vyšlo roku **1850** ve Vídni, **německo-rusínské** (*Deutsch-ruthenische Separat-Ausgabe*) v roce **1851** a **německo-chorvatsko-srbsko-slovinské** (*Deutsch-kroatisch-serbische und slovenische Separat-Ausgabe*) v roce **1853**. Zvláštní **polské** vydání mělo vyjít v roce 1852, taktéž ve Vídni, ale nakonec vyšlo až roku **1862** v Krakově.

Slovník *Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs* se stal vzorem pro další odborné slovníky, které vycházely z jeho principu i korpusu. Například v Pešti roku **1853** vyšel slovník **Györgye Rátha** pod názvem **Německo-maďarský a maďarsko-německý odborný slovník pro nové zákonodárství** (*Német-magyar és magyar-német műszótára az új törvényhozásnak*), na jehož základě byl pak roku **1870** v Subotici publikován slovník **Ambrozija Šarčevića Maďarsko-jihoslovanský slovník pro státní správu a zákonodárství** (*Magyar-délszláv közigazgatási és törvénykezési szótára*).

Pro potřeby škol, které měly povznášet rakouského ducha, a jelikož vyučování probíhalo částečně v němčině, vyšly z nařízení rakouské vlády další terminologické slovníky zahrnující různé obory národních jazyků. V Praze roku **1953** byl pod vedením **Pavla Josefa Šafaříka** sepsán **Německo-český slovník vědeckého názvosloví pro gymnasia a reálné školy**. Tento slovník měl mimořádný význam nejen pro maďarský jazyk, ale také pro další slovanské jazyky, a to zvláště jihoslovanské. S použitím Šafaříkova korpusu vyšel v Pešti za stejným účelem roku **1858** *Német-magyar tudományos műszótár a csász. Kir. Gymnásiumok és reáliskolák számára* (**Německo-maďarský slovník vědeckého názvosloví pro c. a k. gymnasia a reálné školy**) od **Ference Toldyho**, dále v roce **1875** od **Bogoslava Šuleka** *Horvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenoga nazivlja* (**Chorvatsko-německo-italský slovník odborného názvosloví**) a v roce **1880** od Slovince **Mateja Cigaleho** *Znanstvena terminologia s posebnim ozirom na srednja učilišča* (**Vědecká terminologie se zvláštním zřetelem na střední školy**).

Srovnání střeoevropských terminologizačních tendencí a terminologických slovníků je nasnadě, neboť tato doba byla érou vzájemných německo-maďarsko-slovanských vlivů, obdobím vytváření kalků. Cíle maďarské a české jazykové reformy mají mnoho společných rysů, jak v principech, tak v konkrétních metodách při tvorbě slov i termínů. Jejich realizace, teoretické práce, slovníky a gramatiky předběhly o několik desetiletí podobně organizované snahy jižních Slovanů, přičemž maďarština a čeština paralelně s němčinou, či nezávisle na ní, sloužily jako vzor pro vytváření chorvatských, srbských a slovinských neologizmů – mnoho termínů bylo převzato a přizpůsobeno těmto místním jazykům, vzniklo rovněž mnoho doslovných překladů.

Při srovnání české a maďarské jazykové reformy je již na první pohled zřejmá jejich provázanost a značná podobnost jazykového obrazu světa (BAŇCZEROWSKI 2006), inklinace k napodobování (kalky a vytváření pojmů), neboť pojmy používané výlučně v kruzích nejvzdělanějších nebylo možné národními jazyky ani vyjádřit. Vycházelo se ze stejných základních principů a metody obohacování slovní zásoby i metody inovace

byly podobné. Při vzniku názvosloví a slovní zásoby moderní civilizace měla v maďarském i českém jazyce zásadní vliv latina a v návaznosti na ni také němčina, která si sice morfologicky přizpůsobovala latinské výrazy, ale němečtí puristé je často zaměňovali. Při zavádění nových slov byla velmi důležitá srozumitelnost, ekonomičnost a přesnost, odvážnější novotvary přijala jen terminologie (např. lékařská) užívaná pouze odborníky, názvosloví (např. právnícké) používané v širších vrstvách ne. Nová terminologie, vytvořená souběžně se sociálním rozvojem, se brzy stala běžnou součástí slovní zásoby. Její slova – kromě cizojazyčných odborných termínů – vycházela z mluvy širokých vrstev. Jazykové vyjádření pojmů vznikalo podle cizích vzorů, přesto ale čerpalo z obecného jazyka. Svou terminologickou povahu čerpalo hlavně z mezinárodně užívaných latinských výrazů. Díky relativní stálosti lexika státní a právní vědy, a zejména trestního a procesního práva, se mohou fráze a slova vytvořená v 19. století k pojmenování všeobecných pojmů práva a ekonomie používat dodnes.

Bibliografie

- Bañcerowski, Janusz (2006): A világ nyelvi, tudományos és kultúrképe mint a második valóság komponensei, *Magyar Nyelvőr*. 130, 187-197.
- Flajšhans, Václav (1924): *Náš jazyk mateřský. Dějiny jazyka českého a vývoj spisovné češtiny*. Praha, Unie.
- Nyomárkay, István (1993): A tükörfordításról, különös tekintettel a (szerb)horvátára, *Magyar Nyelvőr*. 89, 180-189.
- Nyomárkay István (1996): Egy XIX. századi Magyar-délszláv [bunyevec-szerb-horvát] műszótár, *Magyar Nyelvőr*. 120, 450-458.
- Nyomárkay István (2007): Nyelvújítások Közép-Európában a 19. században. Kísérlet az anyanyelvi terminológiák kialakítására a közép-európai nyelvekben, *Magyar Nyelvőr*. 131, 185-195.
- Ráth György (1853): *Német-magyar és Magyar-német műszótára az új törvényhozásnak*. Pest.
- Šafařík, Pavel Josef (1850): *Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs*. Wien.
- Šafařík, Pavel Josef (1853): *Německo-český slovník vědeckého názvosloví pro gymnasia a reálné školy*. Praha.
- Toldy Ferenc (1858): *Német-magyar tudományos műszótár a csász. Kir. Gimnásiumok és reáliskolák számára*. Pest, Heckenast Gusztáv.
- Tolnai Vilmos (1929): *Nyelvújítás. A nyelvújítás elmélete és története*. Budapest, MTA.

Natalia Płachta

University of Silesia in Katowice, Katowice, Poland
nataliaplach@gmail.com

Computer vocabulary as English borrowings in Bulgarian and Macedonian

ABSTRACT: The article consists outline of the history of borrowings in Macedonian and Bulgarian. Discusses the graphic and phonetic adaptation of English computer vocabulary. Presents not an official lexicon but a few examples of words connected with computer and computer equipment. The topic focuses on Macedonian and Bulgarian, but there are also references to other languages.

Keywords: Macedonian, Bulgarian, computer vocabulary, English borrowings.

1. Zarys historii zapożyczeń w językach macedońskim i bułgarskim.

Bułgarski i macedoński, jak większość znanych dzisiaj języków, nigdy nie rozwijały się w izolacji od obcych wpływów. Procesy takie bywały spowodowane różnymi czynnikami. Wśród mających największe znaczenie można wymienić wymianę handlową, migracje ludności, wpływy kulturowe oraz religijne, wojny.

W czasie osiedlania się Słowian na terenie Półwyspu Bałkańskiego, i w latach występujących bezpośrednio po tym procesie, stykali się oni z żyjącą tam ludnością protobułgarską, wołoską, albańską i grecką. Plemiona Wołochów i Albańczyków podporządkowały się Słowianom. Językowe ślady tamtych wydarzeń są widoczne w zeslawizowanych nazwach miejsc jak na przykład Sredec, którego nazwa pochodzi jeszcze z języka Traków, a brzmiała *Serdika*. Z języka Protobułgarów zachowało się bardzo niewiele wyrazów, jednym z takich wyjątków jest najprawdopodobniej bg. *бѣбрек* 'nerka', mac. *бѣбрег* 'ts'.

W średniowieczu ziemie dzisiejszej Macedonii przez wiele wieków należały do państwa bułgarskiego i w tym okresie (do czasu podboju przez Turków) wszystkie te tereny znajdowały się pod przemożnym wpływem kultury i języka greckiego. Zakresem leksykalnym w którym najwyraźniej można zaobserwować występowanie zapożyczeń greckich jest słownictwo związane z cerkwią. Spowodowane jest to najczęściej brakiem słowiańskich ekwiwalentów danych pojęć, np.: bg. *епископ* 'biskup', mac. *епископ* 'ts', z gr. *ἐπίσκοπος* 'ts'. Proces ten był także pośrednim zapożyczaniem wyrazów łacińskich, które pojawiły się w grece w okresie panowania rzymskiego, co miało miejsce jeszcze przed kontaktami Bizancjum ze Słowianami. Przykładem mogą być nazwy miesięcy: gr. *Φεβρουάριος* 'luty', mac. *февруари* 'ts', bg. *февруари* 'ts', z łac. *februarius* 'ts'.

W XIV w. ziemie Macedonii i Bułgarii zostały opanowane przez państwo Turków osmańskich. Okupacja trwała kilka wieków, w przypadku Bułgarii do 1878 roku, natomiast z terenów Macedonii Wardarskiej Turcy wycofali się dopiero po wojnach bałkańskich, w latach 1912-1913. Tak długa koegzystencja Słowian z muzułmańskimi okupantami odzwierciedla się do dzisiaj bardzo wyraźnie na poziomie leksykalnym języka. Można także dodać, że z kolei język turecki pełnił funkcję pośrednią jeśli chodzi o zapożyczenia perskie i arabskie. Oto przykłady turcyzmów: mac. *тытун* 'tytoń', bg. *тютюн* 'ts', z tur. *tütün* 'ts'; mac. *мерак* 'chęć, ochota', bg. *мерак* 'silne pragnienie, ochota, pociąg, zamiłowanie', z arab. w tur. *merak* 'ciekawość, przejęcie, poruszenie'; mac. *пепцере* 'okno', bg. *пенџера* 'ts', z pers. w tur. *pencere* 'ts'.

Po wyzwoleniu się narodów południowosłowiańskich spod jarzma tureckiego, wydzieliły się na tym obszarze osobne organizmy państwowe i od tego czasu można coraz wyraźniej obserwować różnicowanie się języków bułgarskiego i macedońskiego. Ma to także związek z różnymi od tej pory źródłami zapożyczeń. Macedonia wchodzi w skład Jugosławii dostając się pod wpływ języka serbsko-chorwackiego. Po II wojnie światowej Bułgaria zaciska stosunki dyplomatyczne ze Związkiem Radzieckim i w 1946 roku powstaje Bułgarska Republika Ludowa. Jeszcze przed tymi wydarzeniami, język bułgarski jest oczyszczany z turcyzmów, a od początku kształtowania się ulegał wpływom rosyjskim i cerkiewnosłowiańskim.

W nowszych czasach, tj. w XX w., do języka macedońskiego oraz bułgarskiego dostają się także zapożyczenia z języków zachodnioeuropejskich (w przypadku bułgarskiego przeważnie ma to miejsce za pośrednictwem języka rosyjskiego), najczęściej dotyczy to wyrazów francuskich: mac. *суфлер* 'sufler', bg. *суфлѣор* 'ts', z fr. *souffleur* 'ts'; niemieckich: mac. *харинга* 'śledź', bg. *херинга* 'ts', z niem. *Hering* 'ts', oraz, najbardziej interesujących nas w tej pracy, angielskich: mac. *тренира* 'trenować', bg. *тренирам* 'ts', z ang. *to train* 'ts'; mac. *танкер* 'tankowiec', bg. *танкер* 'ts', z ang. *tanker* 'ts'. Szczególne natężenie przyswajania anglicyzmów możemy zaobserwować od początku lat 90-ych XX w. Ma to związek z jednej strony ze zmianami ustrojowymi w państwach komunistycznych, jak i z szybko postępującą globalizacją i komputeryzacją. Do powodów takiego stanu rzeczy można zaliczyć także szczególny status języka angielskiego jako języka międzynarodowego, a także ważne miejsce Stanów Zjednoczonych i Wielkiej Brytanii w dzisiejszym świecie. Państwa te odgrywają ważne role polityczne, ale dla przeciętnego odbiorcy języka niebagatelne znaczenie ma także rozwój i popularność amerykańskiego i angielskiego show-biznesu.

1.1. Graficzna i fonetyczna adaptacja angielskiej leksyki komputerowej.

Angielskie leksemy przyjmowane do języka macedońskiego i bułgarskiego przystosowywane są do nowych alfabetów. Już na tym poziomie, szczególnie jeśli chodzi o zapożyczenia właściwe, można zauważyć pewne różnice spowodowane odmiennością tych dwóch alfabetów cyrylicy. Oto litery które odróżniają alfabet macedoński od bułgarskiego: *í, s, j, љ, њ, к, џ*. Natomiast znakami które występują w bułgarskiej cyrylicy, a brak ich w macedońskiej są: *ѝ, џ, њ, њ, ю, я*. Alfabet angielski liczy 26 znaków, bułgarski – 30, macedoński – 31. Poniższa tabela przedstawia konkretne przykłady:

ang.	mac.	bg.
<i>computer</i>	<i>Компјутер</i>	<i>компютър</i>
<i>byte</i>	<i>Байт</i>	<i>байт</i>
<i>installation</i>	<i>Инсталација</i>	<i>инсталација</i>

Niektóre wyrazy, przeważnie nazwy własne, zachowują swoją oryginalną pisownię w alfabecie łacińskim: *Windows, Java, QuickTime*. Przyczyną takiego stanu rzeczy jest funkcjonowanie tych nazw także jako zastrzeżone znaki firmowe. W sieci można także spotkać takie postacie wspomnianych wyrazów jak: mac. *Јава / Цава, КуикТайм*, bg. *јава / джава, КвикТайм*.

Zapożyczenia ulegają także adaptacji na poziomie fonetycznym. System fonemów w języku angielskim składa się z 24 spółgłosek, 12 samogłosek i 9 dyftongów, język bułgarski ma do dyspozycji 39 spółgłosek i 6 samogłosek, macedoński – 26 spółgłosek i 5 samogłosek, a także dźwięk [r], który może pełnić funkcję zgłoskotwórczą. Poniżej podano zapożyczenia właściwe w których, po adaptacji występują (poza graficznymi) różnice fonetyczne:

ang.	mac.	bg.
<i>blogger</i>	<i>Блогер</i>	<i>блогър</i>
<i>software</i>	<i>Софтвер</i>	<i>софтуер</i>
<i>web</i>	<i>Веб</i>	<i>уеб</i>

2. Leksyka związana z budową komputera i sprzętem komputerowym.

Na wstępie tego rozdziału przedstawiam tabelę, która w przejrzysty sposób pokazuje odpowiedniki wyrazów angielskich w języku macedońskim i bułgarskim. Są to rzeczowniki używane przy nazywaniu najbardziej podstawowych i powszechnie znanych części komputera jak i sprzętu komputerowego przeznaczonego do użytku domowego.

ang.	mac.	bg.
<i>computer</i>	<i>компјутер / сметач</i>	<i>компютър</i>
<i>hard disk</i>	<i>цврст диск / тврд диск / диск</i>	<i>тврд диск / хард диск / хард</i>
<i>mainboard / motherboard</i>	<i>матична плоча / системска плоча</i>	<i>дънна платка / дъно</i>
<i>mouse</i>	<i>Глувче</i>	<i>мишка</i>
<i>printer</i>	<i>Печатач</i>	<i>принтер</i>
<i>processor</i>	<i>процесор / обработувач</i>	<i>Процесор</i>

Pierwszym wnioskiem, który nasuwa się po zapoznaniu z powyższą tabelą jest tendencja do zastępowania w języku macedońskim wyrazów angielskich słowiańskimi odpowiednikami, a właściwie używania kalek leksykalnych. W Bułgarii natomiast przyjęły się wyrazy angielskie, przystosowane jedynie do alfabetu i wymowy, będąc tym samym zapożyczeniami właściwymi.

Jak możemy zobaczyć w tabeli, wyraz używany w języku macedońskim w odniesieniu do ang. ‘*computer*’ to *сметач*. W słowniku macedońsko-polskim (wydanym na progu ery komputeryzacji, w 1990 roku) leksem ten tłumaczony jest jako pl. ‘rachmistrz’. Zgodne jest to z wcześniejszym znaczeniem wyrazu angielskiego czyli: ‘*one who calculates*’. Wyraz ten występujący wcześniej tylko i wyłącznie jako *nomen agentis*, od 1897 roku, w języku angielskim, zaczął być używany także w odniesieniu do rzeczy. Należy podkreślić, że wyraz mac. *сметач*, występuje obok wyrazu mac. *компјутер*, i to ten drugi cieszy się większą frekwencją. Jednak w języku bułgarskim jedynym leksemem nazywającym to urządzenie jest bg. *компютър*. Funkcja liczenia, jako główna cecha komputera występuje w polsko-bułgarskim słowniku technicznym (wydanym w 1982 roku), gdzie znajdujemy następującą definicję: *електронна изчислителна машина*. Ta cecha semantyczna związana z liczeniem jest oczywiście konsekwencją pierwotnego przeznaczenia komputerów, co, jak już zostało wspomniane, nie znajduje odzwierciedlenia we współczesnym języku bułgarskim.

Angielski wyraz *hard disk* ‘dysk twardy’ posiada zarówno w języku macedońskim, jak i bułgarskim, kilka odpowiedników. Po macedońsku możemy to urządzenie określić jako *цврст диск* albo *тврд диск*, obydwa warianty są złożone z przymiotnika, w postaci dosłownego tłumaczenia z angielskiego (*цврст / тврд*) i zapożyczenia *диск*. Znaczenie wyrazu ‘dysk’ ulegało przesunięciom już dawniej i zazwyczaj oznaczało różne przedmioty których cechą wspólną jest okrągły i płaski kształt. Tak więc sam mac. *диск*, bg. *диск* jest nowym

zapożyczeniem związanym z leksyką komputerową i jest to już któreś z rzędu zapożyczenie tego wyrazu, ale pożyczki te za każdym razem odnoszą się do różnych przedmiotów i nie zawsze pochodzą z tego samego języka, bo starsze przykłady będą pochodziły bezpośrednio z greki. Jeśli chodzi o wspomniane przymiotniki macedońskie to posiadają one zbliżone znaczenia, w pewnych wypadkach mogą być synonimami: mac. *тврѝд* '1. twardy, 2. stały (o stanie skupienia w sensie fizycznym), 3. mocny, niewzruszony (o charakterze, wierze, przekonaniach) oraz mac. *цврст* 'mocny, silny, twardy'. W języku bułgarskim w tym miejscu używa się wymiennie wyrazu słowiańskiego lub anglicyzmu: bg. *тврѝд* 'twardy, stały' lub bg. *харѝд*. W obydwu językach, bułgarskim i macedońskim, w mowie potocznej powszechnie jest skrótowe nazywanie dysku twardego. Używane są w tym celu odmienne leksemy, a nawet, z pochodzenia, różne części mowy, w każdym z omawianych języków są to wyrazy obce. W języku macedońskim użyjemy rzeczownika *диск*, a w bułgarskim przymiotnika *харѝд*. Określenia te powstały w wyniku uniwerbizacji. Jeśli chodzi o leksem bg. *харѝд*, nie można bez komentarza pozostawić stwierdzenia, iż jest to przymiotnik, ponieważ jako takowy funkcjonuje on w języku angielskim, natomiast w bułgarskim, uległszy procesowi substancywizacji, jest przez użytkowników odbierany jako rzeczownik.

Szerszego omówienia wymaga adaptacja ang. *mainboard / motherboard* 'płyta główna'. Mac. *матична плоча* można dosłownie przetłumaczyć jako 'matczyna płyta', czyli dokładnie tak samo jak ang. *motherboard*. Natomiast mac. *системска плоча* 'systemowa płyta' nie będzie już dosłownym tłumaczeniem ang. *mainboard* 'główna płyta', nie jest to jednak rzucająca się w oczy różnica semantyczna w zestawieniu z analogiczną sytuacją z języku bułgarskim. Istnieje jeden oficjalny odpowiednik określenia angielskiego i jest to bg. *ѝнна платка*, co na język polski można przetłumaczyć jako 'płyta denna, umieszczona na dnie, w głębi'. Potocznie określana jest także jako bg. *ѝно*. Ludmiła Kirowa, autorka kilku artykułów na temat bułgarskiej leksyki komputerowej tłumaczy to następująco: *Мотивирацият признак за метонимията е местоположението на платката (...)*. Na pierwszy rzut oka nazwa ta, przynajmniej dla polskiego użytkownika komputera, wydaje się dość niefortunna, nienaturalna, ponieważ pierwszym skojarzeniem jest rodzimy odpowiednik 'dno'. Jednakże jednym z odcieni semantycznych wyrazu bułgarskiego 'ѝно' jest 'w głębi', jak podaje słownik: *в ѝното на двора* 'w głębi podwórza', *от ѝното на стаята* 'z głębi pokoju'. W tym wypadku nazwa tej części, bg. *ѝнна платка* umotywowana jest położeniem w obudowie komputera.

W przypadku ang. *mouse* 'mysz, myszka' w języku macedońskim i bułgarskim mamy do czynienia z zapożyczeniem semantycznym: mac. *злувче* 'ts', bg. *мишка* 'ts'. W języku angielskim określenie tego urządzenia powstało na zasadzie skojarzenia jego kształtu z kształtem żywej myszy. W języku macedońskim i bułgarskim postąpiono analogicznie i nie wymyślono nowego terminu, tylko używa się nazwy tego samego gryzonia. Jest to międzynarodowe zjawisko językowe, bo w wielu językach świata mysz komputerowa nazywana jest rodzimym określeniem zwierzęcia które przypomina.

Wyraz angielski *printer* 'drukarka' został zaadaptowany w języku bułgarskim bez żadnych (poza graficzną) zmian, bg. *принтер* 'ts', i nie używa się w tym znaczeniu żadnego wyrazu rodzimego. Sytuacja ta pokazuje bułgarską tendencję do przyjmowania i używania anglicyzmów. W języku tym istniał rozbudowany zasób leksemów odnoszących się do procesu drukowania, nie zostało to jednak wykorzystane przy pojawieniu się drukarki komputerowej. Przytoczmy kilka takich wyrazów: bg. *печатам* 'drukować', bg. *печатар* 'drukacz', bg. *печатарство* 'drukarnia'. Nastąpił za to proces odwrotny, tzn. jeszcze większej anglicyzacji języka poprzez powstanie nowego czasownika na określenie drukowania tj. bg. *принтирам* 'drukować' od ang. *printer* 'drukarka'. W języku potocznym wyrazem o tym samym znaczeniu jest bg. *принтя*, co można oddać polskim żargonowym czasownikiem *druknać*. W języku macedońskim występuje odwrotna sytuacja, tzn. ang. *printer* to mac. *печатач* 'ts' i powszechnie nie używa się w tym miejscu wyrazu o pochodzeniu angielskim.

W języku macedońskim istnieją dwa powszechnie używane odpowiedniki wyrazu ang. *processor* 'procesor', są to: mac. *процесор* 'ts' i mac. *обработувач* 'ts'. Poza nimi w literaturze specjalistycznej możemy spotkać określenie mac. *централна обработувачка единица* 'centralna jednostka przetwarzająca', co jest dosłownym tłumaczeniem angielskiego *central processing unit* 'ts', nazwa ta ujmowana jest także w skrócie literowym: mac. *ЦОЕ* (analogicznie do ang. *CPU*). Wyraz mac. *обработувач* to kalka ang. *processor*, jest to rzeczownik odczasownikowy od mac. *обработи* '1. opracować (~ywać), 2. (за земја) uprawić (~ać), 3. (за сурови материјали) obrobić (obrabiać). W odniesieniu do procesora, jako części komputera, nazwa ta była motywowana pierwszym słownikowym znaczeniem tego czasownika. Chociaż macedoński posiada rodzimy termin na określenie procesora, to, jeśli chodzi o frekwencję użycia, przegrywa on z anglicyzmem, wyraz mac. *процесор* używany jest częściej niż mac. *обработувач*. W języku bułgarskim nazwa tej części sprzętu komputerowego to bg. *процесор* 'procesor', jest to zapożyczenie bezpośrednie i nie posiada bułgarskiego odpowiednika. W Internecie spotykamy także nazwę bg. *централен процесор* 'centralny procesor', a w *Angielsko-bułgarskim ilustrowanym słowniku komputerowym* ang. *processor* przetłumaczono jako bg. *микрпроцесор* 'mikroprocesor', nie jest to rzetelnym tłumaczeniem. Co ciekawe, tak samo jak w języku macedońskim, w bułgarskim także funkcjonuje skrót literowy jako określenie procesora, nie są to jednak pierwsze litery nazwy bułgarskiej, tylko angielskiej, ale pisane cyrylicą: bg. *ЦПУ* od ang. *central processing unit*, czyli CPU. Zarówno w macedońskim jak i w bułgarskim języku, długo przed popularyzacją komputerów,

funkcjonował wyraz mac. *npouec* ‘proces’ i bg. *npouec* ‘ts’, z łac. *processus* ‘postępowanie’. W związku z tym możemy wnioskować, że wyraz ang. *processor*, jako nowe zapożyczenie, nie brzmiał i nie brzmi dla użytkowników tak obco jak np. wyraz ang. *scanner*, który nie posiada, pozornego nawet, umotywowania w językach słowiańskich.

Bibliography

- Wasilewski, Tadeusz (1970), *Historia Bułgarii*. Wrocław. Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo.
- Rusek, Jerzy (1984), *Studia z historii słownictwa bułgarskiego*. Wrocław. Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo.
- Budziszewska, Wanda (1969), *Zapożyczenia greckie w historii języka bułgarskiego*. Warszawa. PWN.
- Jašar-Nasteva, Olivera (2001), *Turskite leksički elementi vo makedonskiot jazik*. Skopje. Institut za makedonski jazik "Krstе Misirkov".
- Bozgunow, Michaił (1982), *Słownik techniczny polsko-bułgarski i bułgarsko-polski*. Warszawa. Wydawnictwo Naukowo-Techniczne.
- Puchała, Stanisław (1978), *Słownik Języka Polskiego*. Warszawa. PWN.
- Polański, Kazimierz (1999), *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław. Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo.
- Sławski, Franciszek (1987), *Podręczny słownik bułgarsko-polski*. Warszawa. PW Wiedza Powszechna.
- Perniška, Emilija (2010), *Rečnik na novite dumi v balgarskija ezik*. Sofija. NAUKA I IZKUSTVO.
- Pianka, Włodzimierz (1990), *Słownik macedońsko-polski i polsko-macedoński*, Warszawa. PWN.
- Ivančev, Nikolaj (2001), *Anglijsko-balgarski kompjutaren rečnik*. Sofija. LV Press.
- Murgoski, Zoze (2005), *Rečnik na makedonskiot jazik*. Skopje. Zoze Murgoski.
- Poimnik na makedonski zborovi od oblasta na informatičkata tehnologija*, Ministerstvo za informatičko opštество.
- Jaworska, Teresa (1998), *Nowoczesny słownik angielsko-polski i polsko-angielski*, Warszawa. Wydawnictwo Naukowo-Techniczne.

Gradacijske rečenice u hrvatskome jeziku

ABSTRACT: *This paper deals with gradation phrases in the Croatian language. An overview of the grammars of the Croatian language reveals that the status of these phrases has not been unambiguously determined as yet. This is caused by the use of two different criteria, syntactic and semantic, for determining gradation phrases. One of the differentiating factors between correlative and non-correlative gradation phrases is the type of linking device and it is dubious whether these phrases should be grouped into one phrase type/subtype at all.*

Keywords: gradations phrases, correlative phrases, non-correlative phrases, linking words

1. Uvod

Gradacijsko se značenje u hrvatskome jeziku izražava na više razina i različitim sredstvima. U ovome će se radu posebna pažnja posvetiti izražavanju toga odnosa na sintaktičkoj razini, gradacijskim rečenicama. Pregledom hrvatskih gramatika dolazi se do zaključka da se jezikoslovci ne slažu oko njihova statusa, kao ni oko kriterija prema kojima bi se one trebale svrstati u određenu grupu rečenica. Postavlja se pitanje treba li uopće te rečenice promatrati kao podtip složenih rečenica ili bi one, zbog svojih specifičnosti, trebale tvoriti poseban tip.

2. Vrste gradacijskih rečenica

Gradacijsko se značenje može izražavati leksički, leksičko-gramatički i gramatički, što obuhvaća različite razine (npr. morfološku, tvorbenu, sintaktičku). Na sintaktičkoj se razini taj odnos izražava posebnim (pod)tipom rečenica, gradacijskim rečenicama. Posebnost se tih rečenica može uočiti samim pogledom na njihova vezna sredstva – *ne samo ... nego/već i te a kamoli, a nekmoli*. Bitno je naglasiti da se gradacijske rečenice dijele na dva tipa. Prvi su tip korelativne rečenice čije je vezno sredstvo *ne samo ... nego/već i*, a drugi su tip nekorelativne u kojima su u službi veznoga sredstva izrazi *a kamoli, a nekmoli*. Vezna sredstva svakako su najuočljivija, ali ne i jedina razlika među tim rečenicama. Među njima ima i strukturnih razlika, unatoč tome što neki jezikoslovci nekorelativne rečenice smatraju samo sintaktičkom preoblikom korelativnih:

Bila je omiljena ne samo među kolegama nego i među studentima.

Bila je omiljena i među studentima, a kamoli među kolegama.

3. Gradacijske rečenice u gramatikama hrvatskoga jezika

Pregledom se hrvatskih gramatika dolazi do nekoliko zaključaka. Gradacijske su rečenice u njima nedovoljno objašnjene i opisane, a u nekim ih se gramatikama ni ne spominje. U svim su gramatikama te rečenice svrstane u određene vrste nezavisnosloženih ili zavisnosloženih rečenica, a nigdje se ne smatraju posebnim tipom. S obzirom na posebna vezna sredstva, trebale bi se izdvojiti barem kao poseban podtip složenih rečenica, ali ni to nije česta praksa. U većini se gramatika vezna sredstva gradacijskih rečenica navode kao primjer veznih sredstava određenih složenih rečenica, bez ikakva daljnjeg objašnjenja. Kriteriji su po kojima ih se pokušava svrstati u određenu skupinu različiti, neki jezikoslovci daju prednost semantičkim, a neki sintaktičkim kriterijima. Gradacijske se rečenice tako smatraju podtipom načinskih, sastavnih ili suprotnih rečenica.

J. Florschütz (2002) gradacijske rečenice određuje kao poredne ili komparativne. Ako su povezane veznim sredstvom *ne samo ... nego/već i*, radnja zavisne surečenice izražava pojačavanje prema radnji osnovne surečenice; ako je vezno sredstvo *a kamoli, a nekmoli*, radnja je u osnovnoj surečenici jača, veća i sl. od radnje u zavisnoj. Time Florschütz na neki način otvara temu preoblike nekorelativnih gradacijskih rečenica u korelativne, no navođenjem razlika između tih dvaju tipova ne objašnjava njihovo svrstavanje u poredne. Težak i Babić (1996) spominju samo rečenice s veznim sredstvima *a kamoli, a nekmoli* također ih svrstavajući u načinske uz objašnjenje da se u načinskim rečenicama sadržaj jedne rečenice uspoređuje sa sadržajem druge. Tomo Maretić (1963) ne obrađuje posebno vrste složenih rečenica, *nekmoli* navodi kao poredbeni veznik. Pitanje je koliko je opravdano gradacijske rečenice svrstavati u načinske. Semantički gledano moguće je da je u njima riječ o nekoj vrsti usporedbe između radnje u prvoj i radnje u drugoj surečenici. Međutim, zavisnosložene rečenice dijele se po funkciji zavisne surečenice, zavisna surečenica nalazi svoje mjesto u ustrojstvu osnovne, funkcionira kao neki njezin dio, a to se ne može reći za gradacijske rečenice. Adolfo Weber Tkalčević u svojoj *Skladnji ilirskoga jezika za niže gimnazije* ne obrađuje vrste rečenica, ali može se pretpostaviti gdje bi svrstao korelativne, a gdje nekorelativne gradacijske rečenice s obzirom na podjelu njihovih veznih sredstava. Vezno sredstvo korelativnih rečenica *ne samo ... nego/već i* svrstava u spojne (sastavne) veznike. Što se tiče nekorelativnih gradacijskih rečenica, vezna sredstva *kamo li, nekmo li* (koje jedino on piše odvajajući česticu *li*) smatra pogodbenima. Pogodbene su rečenice zavisnosložene rečenice u kojima se zavisnom surečenicom označuje uvjet pod kojim se ostvaruje radnja osnovne surečenice. Gradacijske rečenice po tome nikako ne mogu

biti podtip pogodbenih rečenica bez obzira na to po kojemu ih kriteriju pokušali odrediti. Po semantičkome kriteriju, ako je radnja druge surečenice na neki način pojačavanje radnje prve, riječ je o nekoj vrsti usporedbe. Po sintaktičkome kriteriju, kao što je gradacijske rečenice pogrešno svrstavati u načinske jer druga surečenica ne čini dio njezina ustrojstva, iz istoga je razloga potpuno pogrešno nekorelativne gradacijske rečenice smatrati pogodbenima.

U većini suvremenih gramatika hrvatskoga jezika korelativne su rečenice svrstane u sastavne, a nekorelativne u suprotne rečenice, i to bez posebnoga objašnjenja. Budući da nemaju posebnih veznika, ne može ih se promatrati kao poseban tip složenih rečenica. Korelativne se i nekorelativne rečenice smatraju dvama tipovima gradacijskih rečenica pa je upitno njihovo svrstavanje u različite skupine.

4. Semantički i sintaktički kriteriji u podjeli gradacijskih rečenica

Ustanovljeno je da gradacijske rečenice ne mogu pripadati nijednomu tipu zavisnosloženih rečenica jer jedna rečenica ne nalazi svoje mjesto u sintaktičkome ustrojstvu druge, ne funkcionira kao njezin dio. Korelativne rečenice svrstavaju se u sastavne po semantičkome kriteriju, s obzirom na značenje:

Ona je ne samo lijepa nego i pametna – Ona je i lijepa i pametna.

U navedenome je primjeru korelativna rečenica preoblikovana u rečenicu sastavnoga značenja, povezanu najtipičnijim sastavnim veznikom *i*. No ta se rečenica može preoblikovati i u suprotnu:

I pametna je, a ne samo lijepa.

Time se dokazuje da je moguće jednu rečenicu preoblikovati u rečenicu različitu po strukturi, ali jednaku po smislu, po značenju. Iz toga je primjera vidljivo da je suprotnost zapravo strukturalna, a ne semantička kategorija. Osim toga, pojam suprotnosti dovoljno je širok da u sebe primi različita značenja, pa tako i ona koja uopće nisu suprotna. Iz toga proizlazi zaključak da semantički kriterij nije najbolje rješenje pri određivanju i podjeli složenih rečenica.

Ne samo ... nego/već i i a kamoli, a nekmoli nisu veznici, nego vezna sredstva, što znači da im je glavna sastavnica veznik kojemu su dodane čestice i intenzifikatori. Vezni su u tim vezničkim izrazima *nego* i *a*, veznici suprotnih rečenica. Uostalom, kada bi gradacijske rečenice bile sastavne, glavni bi se veznici u veznim sredstvima *ne samo ... nego/već i i a kamoli, a nekmoli* trebali moći zamijeniti sastavnim veznikom *i*. Upotreba takvih izraza, **i kamoli, *i nekmoli*, nije potvrđena. Osim toga, suprotnost je u nekorelativnim gradacijskim rečenicama vidljiva i po suprotstavljanju predikata, jedan mora biti afirmativan, a drugi negativan. Dakle, ustrojstvo je tih rečenica, i korelativnih i nekorelativnih, jednako ustrojstvu suprotnih rečenica.

Zanimljivo je uočiti da se nekorelativne gradacijske rečenice spominju u svim korištenim gramatikama, za razliku od korelativnih. Vezno sredstvo *ne samo ... nego/već i* relativno je visoke frekvencije, povezuje ustrojstva na svim razinama – na razini nižoj od rečenične istovrsne rečenične dijelove, na rečeničnoj razini nezavisno i zavisnosložene rečenice, na tekstnoj razini funkcionira kao tekstni konektor. Iz tog je razloga neshvatljivo ignoriranje toga vezničkog sredstva u pojedinim gramatikama. Na razini nižoj od rečenične *ne samo ... nego/već i* povezuje istovrsne dijelove rečenice, bili to subjekti, objekti, priložne oznake ili atributi. Značenje je toga veznoga sredstva kada povezuje istovrsne rečenične dijelove sastavno.

Kada je riječ o nezavisnosloženim rečenicama, postoje teorije prema kojima *ne samo ... nego/već i* povezuje i sastavne i suprotne rečenice. Takve teorije počivaju na semantičkim kriterijima. Korelativne se gradacijske rečenice tako svrstavaju u dvije vrste nezavisnosloženih rečenica. O čemu to ovisi? O zanižekanosti/nezanižekanosti predikata te o antonimnome/neantonimnome odnosu sastavnica. Sljedeće rečenice sastavnoga su značenja:

Ne samo da je lijepa nego je i pametna. Ne samo da nije lijepa nego nije ni pametna.

S druge strane, sljedeća rečenica ima naglašeno suprotno značenje:

Ne samo da nije lijepa nego je ružna.

Kod korelativnih rečenica sastavnoga značenja oba predikata moraju biti ili afirmativna ili negativna, dok je kod korelativnih rečenica suprotnoga značenja u pravilu u prvoj surečenici predikat negativan, a u drugoj afirmativan. Njihova suprotnost između ostaloga počiva i na činjenici da su im predikati suprotna predznaka. Rečenični sadržaji kod korelativnih sastavnih rečenica nisu u antonimnome odnosu (lijepa – pametna), dok u korelativnih suprotnih to moraju biti (lijepa – ružna). U korelativne rečenice suprotnoga značenja mogu se uvrstiti izrazi poput *upravo suprotno, naprotiv, upravo obrnuto*, koji dodatno naglašavaju suprotno značenje. Osim po predikatima i antonimnosti/neantonimnosti sastavnica, u navedenim je tipovima korelacijskih rečenica različita i uloga restriktora *samo*. U rečenicama sastavnoga značenja on se ne može ispustiti, bitan je jer sužava opseg značenja; u rečenicama suprotnoga tipa, naprotiv, nema takvu službu pa se može i ispustiti. Kod korelativnih je rečenica česta elipsa, tj. prvi dio *ne samo* dolazi samostalno, dok se drugi podrazumijeva:

Jakov je odustao. I ne samo to, odlučio je otići iz grada.

Dakle, kod korelativnih je rečenica riječ o jednome sintaktičkom, ali dvama semantičkim ustrojstvima, sastavnome i suprotnome. Navedeni primjeri doista dokazuju da korelativne rečenice mogu imati različita značenja. Pitanje je gdje svrstati te rečenice. Svrstati ih u poseban tip ili ih smatrati podtipom nezavisnosloženih rečenica? Ako je rješenje svrstati ih u već poznate tipove rečenica, treba li ih smatrati sastavnima ili suprotnima ili i jednima i drugima s obzirom na njihovo značenje? Budući da je vezno sredstvo korelativne rečenice

sastavljeno od temeljnog veznika *nego*, negacije *ne*, restriktora *samo* i intenzifikatora *i*, dakle središte je veznoga sredstva veznik suprotne rečenice, nema govora o svrstavanju tih rečenica u poseban tip. Sintaktički gledano za to bi trebale imati poseban veznik. Također, prema sintaktičkome kriteriju te bi se rečenice trebale svrstavati u suprotne, o čemu je u ovome radu već bilo riječi. Svrtavati korelativne rečenice i u suprotne i u sastavne, ovisno o njihovu značenju, krajnje je nespretno i nepotrebno i otežava pokušaj usustavljanja. Semantički bi kriterij u sintaksi trebalo primjenjivati jedino u slučajevima u kojima sintaktički nije dovoljan. Osim toga, postavlja se pitanje što s interpunkcijom ako korelativne rečenice po semantičkome kriteriju svrstamo i u sastavne i suprotne. Suprotne se nezavisnosložene rečenice odvajaju zarezima, sastavne ne. Polazeći od te činjenice dolazi se do zaključka da bi se onda korelativne rečenice suprotnoga značenja odvajale zarezom, a korelativne rečenice sastavnoga značenja pisale bez zareza. To bi zasigurno prouzročilo dodatne probleme jer bi se u jednome tipu rečenica interpunkcija upotrebljavala na dva načina. Sintaktički se kriterij zbog svega navedenog čini opravdanim i jednostavnijim izborom.

5. Zaključak

Iz analize provedene u ovome radu primjećuje se da status gradacijskih rečenica još uvijek nije jednoznačno određen. Različiti pokušaji njihova određenja i svrstavanja u već poznate vrste složenih rečenica rezultat su različitih kriterija – neki jezikoslovci daju prednost semantičkomu, a neki sintaktičkomu kriteriju. Potrebno je usuglasiti se oko kriterija, oko toga trebaju li gradacijske rečenice tvoriti poseban tip ili biti uvrštene u neki od već postojećih te trebaju li korelativne i nekorelativne rečenice uopće pripadati istomu tipu.

Literatura

- Barić, Eugenija *et al.* (2005), *Hrvatska gramatika*. Zagreb, Školska knjiga.
- Florschütz, Josip (2002), *Gramatika hrvatskoga jezika*. Zagreb, Ex libris.
- Hudeček, Lana i Vukojević, Luka (2006), Ne samo ... nego/već i ustrojstva. *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. 32/1, 127–158. Zagreb, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- Katičić, Radoslav (1986), *Sintaksa hrvatskoga književnog jezika: nacrt za gramatiku*. Zagreb, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti: Globus.
- Maretić, Tomo (1963), *Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*. Zagreb, Matica hrvatska.
- Pranjeković, Ivo (2001), Gradacijske rečenice. In: *Druga hrvatska skladnja: sintaktičke rasprave*. Zagreb, Hrvatska sveučilišna naklada.
- Raguž, Dragutin (1997), *Praktična hrvatska gramatika*, Zagreb, Medicinska naklada.
- Silić, Josip i Pranjeković, Ivo (2005), *Gramatika hrvatskog jezika: za gimnazije i visoka učilišta*. Zagreb, Školska knjiga.
- Težak, Stjepko i Babić, Stjepan (1996), *Gramatika hrvatskog jezika: priručnik za osnovno jezično obrazovanje*. Zagreb, Školska knjiga.
- Tkalčević, Adolfo Weber (2005), *Skladnja ilirskoga jezika za niže gimnazije*. Zagreb, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

Julia Prowancka

Jagiellonian University in Krakow, Krakow, Poland
prowanckajulia@gmail.com

Theme: *Стиляги - narodziny subkultury i jej znaczenie dla rozpadu ZSRR*

ABSTRACT: Reasons how were create a youth subculture name Styliagy in the USSR (the fifties/sixties during the last century). I presented an important influence this subculture of the demise of The USSR. An analysis of particular reasons and manifestations which were perform by this group (a music, a clothing, a unique teenage argot). A fascination with western music and fashion would take soviet population to feel a freedom in a Soviet society. I also presented what was the main idea to organize a subculture like that.

Key words: subculture, Styliagy, The USSR, western fashion

Przedmiotem mojego referatu jest subkultura Стиляги (pol. *bikiniarze*). W niniejszym tekście zaprezentowane zostaną przyczyny powstania tego ruchu młodzieżowego na przełomie 50 i 60 lat ubiegłego wieku. Zostanie także przedstawiona teza znaczącego wpływu tej subkultury na losy Związku Radzieckiego. Tematowi temu jak dotychczas nie poświęcono wielu publikacji.

Pojęcie Стиляги, które w języku polskim posiada odpowiednik bikiniarze, w rosyjskiej żurnalistyce zostało po raz pierwszy użyte w krytyczno-agitacyjnym artykule zamieszczonym w czasopiśmie pt. Krakodil dnia 10 marca 1949. Artykuł autorstwa Dmitra G. Biel'ayewa nosił tytuł właśnie Стиляги. Człowiek określany w artykule tym mianem to młodzieniec, którego charakteryzuje osobliwe zachowanie, maniery, a także jaskrawy wielobarwny strój oraz stylizowana mowa.

Autor tekstu, który był uczestnikiem wieczorku literackiego w klubie studenckim, gdzie pojawił się Стиляга, opisuje dokładnie jak ubrany był ów młodzieniec i jak się zachowywał. Otóż chłopiec ten miał założoną jaskrawo-pomarańczową kurtkę o zielonych rękawach oraz szerokie spodnie kanarkowo-grochowego koloru. Стиляга miał również założone trzewiki które były kombinacją czarnej lakierkowej skóry z czerwonymi wstawkami z zamszu. Ponieważ chłopak nosił za krótkie spodnie doskonale spod nich było widać skarpetki we wzór flagi amerykańskiej. To co odróżniało tego młodzieńca od innych obecnych tam studentów to pomalowane usta, brwi i wąsik, a także tak zwana trwała ondulacja włosów. Na unikatowość tej postaci wpływało jeszcze coś – sposób poruszania się oraz zachowanie. Podczas tańca na przykład wraz z partnerką tworzyli różne figury – piruety, podskoki, wyrzuty, które nie przypominały, żadnego ze stylów tańca. Wspomniany tu już kilkakrotnie Стиляга szokował także okropnym, niechlujnym, niezgrabnym sposobem poruszania się, którego nie dało się określić (Беляев, 1949).

Taki i podobne opisy oczerniające oraz wyśmiewające subkulturę Стиляг pojawiały się na przełomie 40 i 50 lat ubiegłego wieku i miały duży wpływ na opinię publiczną. Kim więc zatem byli Ci rosyjscy bikiniarze?

Powołując się na powyżej streszczony artykuł, a także opierając się na kolejnym autorstwa Anny Kimerling o tytule w tłumaczeniu na polski *Platforma przeciw kaloszom, lub Stilyagi na ulicach sowieckiego miasta* można określić ten ruch jako grupę młodych ludzi, miastowych, których wiek dojrzenia przyszedł na sowieckie czasy 50 lat XX wieku. Nazwa tej subkultury - Стиляги jak podaje wiele źródeł pochodzi od rosyjskiego słowa стиль (pol. styl) co daje jasny przekaz, iż dominantą dla tego ruchu jest dbałość o styl w każdej sferze życia. Zamiarem rosyjskich bikiniarzy było wyróżnienie się z tłumu. Można ich nazwać czcicielami zachodniej z zwłaszcza amerykańskiej kultury, gdyż próbowali oni naśladować amerykańską modę ówczesnych lat, byli miłośnikami amerykańskiego jazzu oraz niestandardowych układów tanecznych. Стиляги komunikowali się poprzez stworzony przez siebie slang.

Styl tych młodych ludzi nie był tolerowany przez sowieckie władze. Wygląd zewnętrzny, czyli owa wielobarwność strojów, szerokie spodnie, które później zamieniły nienaturalnie wąskie, dziś nazwalibyśmy jej spodnie-rurki, kolorowe krawaty oraz niechlujne, niedbałe ruchy określane były jako skandaliczne w odniesieniu do podstawowych wartości jakie były predestynowane przez sowieckie władze. Przy tym wszystkim Стиляг odróżniała demonstracyjna apolityczność, cynizm i obojętność względem niektórych norm sowieckich. Subkultura ta była osobliwym i żywiołowym protestem przeciw narzucanym stereotypom zachowania, a także przeciw jednorodności w ubiorze, muzyce i stylu życia.

Anna Kimerling wyróżnia dwa etapy kształtowania się tej subkultury:

Lata 1949-1955 – to dzieci bogatych, wpływowych stołecznych urzędników, którzy kopiowali elementy stylu zachodniego (amerykańskiego, europejskiego), dzięki nabywaniu materialnych dóbr (tkanin, odzieży, obuwiu). Wtedy Стиляги tworzyli hermetyczną kontrkulturę wyższych sfer której członkiem nie mógł stać się każdy. Była ona jednak bardzo atrakcyjna i przyciągała próżniącą młodzież.

Lata 1956-1962 – okres w którym kontrkultura elit przekształcała się w młodzieżową subkulturę. Przeciw sowieckim wartościom kolektywizmu, pracy, ujednolicania w każdym względzie, zalecanym, a właściwie

nakazywanym przez władze cnotliwości i umiarkowania, wystąpiła chęć swobody, rozrywki, a zwłaszcza indywidualności (Кимерлинг, 2007).

U słuchaczy może zrodzić się pytanie, a skąd sowiecka młodzież mogła wiedzieć jak ubierają się ludzie na zachodzie, a co dopiero w Ameryce, jak brzmi prawdziwy jazz, albo jak należy chodzić czy tańczyć? Przecież wydawałoby się, że społeczeństwo radzieckie było skutecznie izolowane od zagranicznych wpływów.

Odpowiedź związana jest z historią Związku Radzieckiego. Otóż pierwszą możliwością zaobserwowania innej niż radziecka kultury mieli wojskowi, którzy wyzwali Berlin z władzy faszystów w 1945 roku. Wtedy to wojskowi zapoznawali się z innymi obyczajami, czy tradycjami. Ci, którzy powrócili z wojny do ojczyzny przywieźli ze sobą tak zwane „zdobyczne filmy”. Takie filmy, bądź też kroniki wojenne pokazywały nie tylko wojskowych, ale i ludność cywilną. Wnikliwy widz mógł wyłowić na przykład fasony modnych strojów lub nieznanne mu wcześniej figury taneczne. Oczywiście tylko niektóre filmy były dobrej jakości i były kolorowe, ale tu sprawdziła się innowacyjność Rosjan, a także wspomniane już czasopismo Krakadil, które chętnie zamieszczało kolorowe karykatury Стиляг, jednocześnie robiąc im reklamę.

Ale jedna sprawa to znaleźć wzór stroju, a druga uszyć sobie stylową odzież. Wielu szyło ubiory własnoręcznie, często młodzi ludzie kupowali sobie spodnie i przerabiali je na bardzo wąskie. Tych, których było stać, nabywali odzież u handlarzy zagranicznymi ciuchami. Jeszcze inni zamawiali kreacje w salonach krawieckich. Moda stała się bardziej dostępna dopiero po tym jak w 1957 odbył się Festiwal Młodzieży w Moskwie i kiedy rosyjskie teatry, opery i balety zaczęły występować gościnnie za granicami ZSSR. Dodatkowo tworzono wiele placówek dyplomatycznych, co jednocześnie zwiększyło liczbę rodzin żyjących w rzeczywistości innej niż sowiecka.

W połowie XX wieku wyszukanej mody w Związku Radzieckim można powiedzieć nie było. Otwierane były specjalne fabryki krawieckie, których zadaniem było szycie jednakowych fasonów ubrań dla wszystkich. Nie było też mowy o wielobarwności, dlatego też Bikiniarze mogli tak łatwo się wyróżnić, wyrzucić wrażenie swoim ubiorem (video pt. *Мода. Неготовое платье*, 2010).

Rosyjscy bikiniarze za sposobem ubierania się i umiłowaniem jazzowej muzyki, możliwe, że nawet nie w pełni będą tego świadomymi, manifestowali podstawowe prawa człowieka, obywatela do wolności i swobody swoich przekonań i opinii. Bikiniarzy jednak nie można uznawać za prekursorów w tym względzie. Już wiele lat wcześniej, bo aż w 18 stuleciu w Rosji pojawili się Dendy czyli mężczyźni-eleganci. Dla Dendy zgodność ubioru z dodatkami czyniła duszę spokojną, a moda była wykorzystywana podobnie jak u Стиляг jako osobliwy kod swojej indywidualności. Jednakowoż byli oni również nieakceptowani i postrzegani jako przejaw dziwactwa. Prawdziwi Dendy dużo uwagi przywiązywali do swojego stroju, ale surowo trzymali się zasady („conspicuous inconspicuousness”) „widocznej niewidoczności”. Ich celem było wyrzucić wrażenie elegancji z nutką pogardy, ale nie wyzywająco wyróżniać się z towarzystwa. Skrupulatność jaką udzielali „obrzedowi” ubierania się i higieny osobistej na tamte czasy wprost szokowała (Вайнштейн, 2005).

Po wojnie 1945 roku na ulicach sowieckich miast zaczęli pojawiać się młodzi ludzie, którzy w sposób wyzywający odróżniali się od pozostałych, byli to właśnie bikiniarze, kontynuatorzy ojczyźnianych Dendy. Historia Стиляг to wyjątkowa historia wolnych ludzi w państwie zniewolenia. Powojenną euforię zwycięstwa szybko zamienił sceptycyzm dnia powszedniego. Uporządkowany charakter życia przekształcił się w bezsensowną sztampowość. Ludzie wykończeni długoletnią wojną poddali się mechanizmom władzy, tylko niektórzy zwrócili się w stronę buntu, byli to młodzi ludzie, którzy wybrali swoją drogę – poprzez strój manifestować swoją niezależność. Możliwe, że nie chcieli oni czegokolwiek zmieniać wokół siebie, ale na pewno przyczynili się do kultywowania, a może nawet narodzin takich wartości jak wolność osobista, swoboda, zachowanie indywidualności (Литвинов, 2009).

Życie tych, którzy mieli odwagę na oczach wszystkich tańczyć „stylem”, nazbyt jaskrawo ubierać się, mówić i chodzić jakoś tak niezwykajnie, nieprzyzwoicie nie można nazwać prostym i bezproblemowym. Chociaż Стиляги mieli swoich przeciwników - pionierów tych którzy ich zwalczali, mieli również skrytych miłośników, którzy cicho marzyli o takim stylu życia.

Na temat bikiniarzy chodziło wiele mitów i choć część z nich nazbyt upiększała ich cudowne życie pomimo to, ich jawność oraz szczerść szokowała i zmuszała do rozważań na temat sowieckiej rzeczywistości. Lew Gumiljow w swojej książce „Od Rusi do Rosji”, pisze między innymi, o tym jak ważnym dla wielu cywilizacja także dla cywilizacji Starożytnego Rzymu było posiadanie jedwabiu. Jedwab był bardzo kosztownym materiałem, ale królowie, carowie, wielmożni panowie, kochankowie nie mogli się oprzeć jego urokowi, dlatego kupowali go za każde pieniądze u pośredników w Iranie i Syrii. Gumiljow wysnuwa taką teorię, iż kultywowanie mody, zachłanność i niepohamowanie w posiadaniu tego materiału, doprowadziła do wielu zadłużeń konsekwencji jak twierdzi handel jedwabiem okazał się zgubnym dla Imperium Rzymskiego (Гумилев, 2010).

I tak subkultura Стиляги, która potem ustąpiła takim ruchom jak hippie, beatlesomani i tym podobnym, była punktem zwrotnym w sowieckiej kulturze, która drogą najmniej inwazyjną i bezkrwawą doprowadziła do przebudzenia się świadomości sowieckiego obywatela i zmusiła do otwartego zaprzeczania tej irracjonalnej rzeczywistości. Tak jak kiedyś niewinna tkanina – jedwab spowodowała zrujnowanie tak wielkiego imperium

jakim było Imperium Rzymskiego, tak niewinna buntownicza kontrkultura Стиляг przyczyniła się do rozpadu Związku Radzieckiego.

Bibliography

Monography

Вайнштейн, Ольга (2005), *Денди. Мода Литература Стиль жизни*, Москва Новое литературное образование

Гумилев, Лев (2010) *От Руси до России*, Москва, Астрель

Литвинов, Георгий (2009) *Стиляги. Как это было*, Санкт-Петербург Амфора

Journals

Беляев, Дмитрий (1949), Стиляги, *Крокодил*, Москва № 12, s.8-9

Кимерлинг, Анна (2007), Платформа против калош, или стильяги на улицах советского города, *Теория моды. Одежда. Тело. Культура*, Пермь № 3. s. 81-99

Videos

Лурье, Лев (2010), Мода. Неготовое платье, *Культурный слой*, 5 Канал

Вања Прстојевић

University of Novi Sad, Novi Sad, Serbia
vanjaprstojevic@yahoo.com

Тема инцеста у две епске песме: Удаја сестре Душанове и Душан хоће сестру да узме

ABSTRACT: This work examines the status of woman in traditional community and her attitude to the culture she belongs to, in two epic poems: *Udaja sestre Dušanove* and *Dušan hoće sestru da uzme*. Female members of the community, although socially repressed, in this poems are providing harmony because they are keepers of cultural structure, and they are the ones who prevent potential regression and chaos. Not only does woman prevent ruin of individual but also she prevents collapse of the community because family crisis reflects on the social and cosmic dimension. Although socially repressed, woman in both cases, is on the side of law, harmony, holiness, while men are represented like those who enjoy everything that is instinctive, impulsive and physically.

Keywords: epic poem, incest, sin, community, brother, sister, initiation, inversion, family, Christianity

Свака традиционална заједница почива на одређеним правилима, друштвеној организацији и начелима. Правила унутар заједнице су строго утврђена и морају се поштовати да би заједница била у хармонији, јер у случају кризе опстанак читавог поретка се доводи у питање, а социјална криза увек прети да прерасте своје границе. Због тога се односи у породици идеализују и хармонизују, али постоје примети који одступају.

Тема инцеста (било да је реч о крвном или социјалном сродству које је еквивалент крвном) у фолклору је врло распрострањена (у лирским, епским и лирско-епским песмама) на читавом јужнословенском језичком подручју. Најчешће је реч о намерном или ненамерном инцесту између брата и сестре, а ређе између оца и кћери (види: Карановић 2002: 293).

О инцесту певају две песме из друге књиге *Српских народних пјесама: Удаја сестре Душанове* (СНП, II, 28) и *Душан хоће сестру да узме* (СНП, II, 29). Песма *Душан хоће сестру да узме* говори о намери цара Стефана да се ожени сестром чиме је наговештена прича о инцесту. Већ у првим стиховим сазнајемо битан податак да су њих двоје сирочад, они који немају родитеље:

Ев' оста двоје сирочади :

Једно јесте Српски цар Стефане

А друго је сирота Роксанда,

Родитељи су водичи, помагачи у сазревању, они који упућују на утврђена правила понашања. У овој песми Роксанда и цар Стефан су сирочићи, немају мајке ни оца (не постоји заштитник, патријархални ауторитет, под чијим окриљем расту), зато бивају угрожени. Позната је и чињеница да је неопходно да дође до превентивног раздвајања између брата и сестре у одређеном тренутку сазревања, јер ма колико блиски раздвајање је обавезно када за то дође време, тј. неопходно је да сестра удајом напусти дом (видети: Карановић 2001: 25-40). Неке народне баладе са крвавим крајем управо говоре о кобној изолацији брата и сестре када није дошло до њиховог раздвајања.

У овој песми цар Стефан има намеру сестру да узме сестру за жену због чувања богатства:

'Моја сестро сирота Роксандро!

Ходи мене узми господара ,

Да ми наше не харчимо благо'

Међутим, сестра се од првог тренутка одлучно супроставља брату. У њеним првим клетвама и заклетвама наговештене су страшне слике могућег хаоса, што упућује на величину царевог потенцијалног преступа:

Пређе би се небо проломило,

А на небо сунце погинуло

Но узела тебе господара.

Ипак, јунакиња није у могућности да се до краја супростави брату, који је *силни* цар, па покушава да изађе из ове ситуације стављајући пред њега низ, за обичног човека, немогућих и нерешивих задатака: да пошаље 300 неимара, а они да нађу 300 извора и да их на једну жицу саставе, направе три чаше златне из којих ће сиротиња пити, да сагради цркву од мермера, олова и туча, у њу стави 300 столова и доведе 300 калуђера, 12 владика, 4 патријарха и ђакон Јована са његових *триста ђеце луде* па да им он пресуде може ли се брат ожени сестром.

Пред Стефана се, као пред неофита у обреду прелаза, постављају тешки задаци. Можда је један од разлога што он пристаје да се окуша у решавању истих, чињеница да „иницијација, одваја полно сазрелог младића од мајке и сестара, од групе непосвећених жена и деце, и преводи га у групу одраслих мушкараца – ловаца са правом на женидбу (...) укључује физичке провере издржљивости“ (Мелетински 1983: 230).

Када цар успешно испуни све задатке он просипа *мито проклето* да би му, коначно, свештеници сестру дали за љубовцу. Стефан подмићује свештенство и господу јер зна да чини преступ и да му без мита неће дати очекивани благослов. На благослове подмићеног свештенства Роксандра одговара клетвом, она зна божији закон и по цену живота неће одступити од њега. Тако се једна жена показује морално супериорном у односу на српску господу и свештенство, она заузима позицију аналогна Антигоновој у односу на Креонта. Реч је о инверзији друштвених позиција, они који су друштвено високо, носиоци духовног поретка, досуђују лажно и падају ниско. Жена (која је у патријархалном друштву социјално нижа) спречава регресију у хаос, и тиме пропадање не само појединца, већ и заједнице, јер се породична криза преноси на социјални и космички план. О величини преступа и могућим фаталним последицама сведоче стихови Роксандрине клетве:

*Баволи ви понијели душу,
А огањ ве изгорио живи
Па ве мутна вода ћердосала*

Њене речи, на крају песме, стижу стиже калуђере, владике и патријархе који су се усудили да угрозе основни поредак у заједници и друштву.

Цар успева да учини све што је од њега захтевано, стога он овде делује као митски бог Перун, господар воде и плодности (видети: Карановић 2002: 293-305). Ово пак, указује на могуће рефлексе митске приче и позиције цара-бога, који може узети сестру. Не треба заборавити да су у древним митовима божанства неба, као први пар представљени као најближи сродници — брат и сестра који се као Зевс и Реја у грчкој, Ну и Кеб у египатској, односно Вид и Вида у словенској митологији тајно или јавно састају (Пејчић 2003: 175). Он је упоран и његова воља је несаломљива да учини оно што је наумио (иако је Роксанда царска сестра, она је само женско и нико не пита да ли она жели или не оно што је од ње захтевано, она је у могућности да одложи страшни тренутак, али не и да га спречи). Брат не попушта не пред њеним клетвама, већ пред страхом од виших сила које су се експлицитно умешале:

*А отиде Стефан на ћелију
Ал' ћелија бјеше изгорела,
Изгорела, те се протанула,
Па је вода ударила мутна,
Те је њине кости ћердосала.*

У завршним стиховима долази до поновног успостављања поретка који је кроз целу песму био нарушен и угрожен:

*Не смје узет сестру за љубовцу!
То је било кад се чинило,
А сад се тек приповједа.*

У овој песми женско је оваплоћење правичности, чуварица новог културног поретка у друштву, и једина која може да заустави регресију у хаос. На самом крају присутно је и временско дистанцирање од догађаја који су описани у песми (*То је било кад се чинило...*).

Ова песма се може тумачити и у кључу традиционалне представе о амбивалентној позицији жене, јер женско стоји на вратима *овог* и *оног* света и зато може да утиче на ослобађање демонских сила и на затварање граница између светова. У митовима неуспешни бракови проузрокују неуспехе заједнице у привредној делатности (види: Мелетински 1983: 283). Вероватно зато брат беспоговорно извршава задатке које му је сестра задала, јер све мора да прође у савршеном реду и женско мора да прихвати свој будући положај да би дошло до успешног везивања. Јасно је да управо сестра има могућност да оствари контакт са вишим силама, и да се у овој песми женско показује као биће повишених моћи чија се клетва остварује. Она није статична и пасивна, већ покушава да активно дела у правцу својих намера што није типично за жену у патријархалној средини у којој је главна реч мушкарца.

Друга песма са темом братско-сестринског инцеста, у којој су опет главни актер цар Стјепан (Душан) и његова сестра, јесте *Удаја сестре Душанове* (СНП II, бр. 28). Радња песме је локализована у Призрен — *место питомо*. Овај епитет можемо разумети кроз опозицију питомо–дивље, јер ако је нешто питомо значи да је подвргнуто дејству културе. Кроз даљи текст песме видимо да је реч о хришћанској култури. Песма почиње формулом пијења вина. Цар Стефан (Стјепан) српско свештенство и господу пију вино које им служи провизур-Мијајло, док сестра Кандосија у том тренутку светли раскошним накитом са недара:

*А свијетли сестра Кандосија
Са њедара драгијем камењем*

Брат Стефан, вероватно заслепљен том светлошћу која сија са њених груди и опијен вином, говори господи:

*Да ја узем сестру Кандосију,
Да је узем за љубу вијерну,
Да се царско не разлази лице,*

Да се царско не растура благо

И у овим стиховима, као у стиховима претходне песме, потенцијални разлог за инцест јесте очување блага царског, али и очување чистоте лозе која је на престолу: *Да се царско не разлази лице*, истовремено у подтексту се слуги да је сестра једини прави физички и статусни пандан брату — „царско лице“. С друге стране, само венчање „подразумева прелаз из света детињства или адолесценције у друштво зрелих људи, из једног клана у други, из једне породице у другу, често и из једног села у друго. Такво одвајање појединца од одређених средина чини те средине слабијим, а ојачава неке друге. Овај губитак је истовремено и бројчан (дакле динамички), економски и емотивни“ (Генеп 2005: 143). Када је изрекао намеру да узме сестру за жену, господа му се поклањају али не одговарају. Иако знају закон они не стају на пут овој царској намери. Њихово поступање доводи у питање њихово господство, они се у моралном смислу понашају као слуге. Након тога, сестра са заклања иза провизур-Михаила, и тиме као да покушава и да заклони и светлост са недара која је побудила брата на грешне мисли, и да се симболички сакрије од Стјепанових речи. Она само у том тренутку бива активна, то је једини поступак којим ће се супроставити братовој одлуци. За разлику од сестре из претходе песме која све подузима да спречи могући грех. Сестру Кандосију карактерише само светлост са груди. Она се, мимо светла којим зрачи, не креће и не прича, и зато представља пасивни женски принцип који се нашао под снажним дејством мушког принципа. Кандосија стоји сама насупрот силној господи и моћном цару, припада јој статична позиција и затворен простор, и остаје у домену женских послова и након изречене братове намере. Она служи уместо провизур-Мијајла, што је у патријархалној заједници типично женска улога, али не одговара природи феудалног, српско-византијског церемонијала.

Стефан поступком сестре која се заклања иза слуге (слуга је на српским средњовековним дворovima био поверљива личност, млади племић и који је ритуално служио цара за трпезом (Види: Михаљчић 1976: 5-21)), бива расрђен, па се његов бес усмерава против Михаила. Ово можемо тумачити у Фројдовом кључу:

Сексуалне потребе не уједињују, већ раздвајају мушкарце. Ако су се браћа у древној заједници ујединила када је требало уклонити оца, сада су постали супарници када треба доћи до жена. Свако је, по узору на оца хтео да их има све за себе, а опити рат који би из тога настао довео би друштво до распада. Тако је браћи, ако у хтели да живе заједно, остало само једно, да превазиђу вероватно тешке несугласице и уведу забрану инцеста, тако би се сви истовремено одрекли жељених жена (Жирар 1990: 220).

Потенцијална деструктивност јуначког принципа огледа се у расапу и сукобу у породици и породичним односима што на крају може да доведе до пропасти закона на којима почива друштво па и свет (види: Мелетински 1983: 230). „У извесној је вези са иницијацијом и уобичајено истицање јунакове повећане еротичности (знак његове снаге и достигнуте зрелости), која понекад добија деструктиван карактер насиља и родоскврнућа“ (Мелетински 1983: 230).

Након божије службе у *белој* цркви свете Петке (света Петка је заштитница жена) господа и цар се враћају у дворе, за трпезу. Црква је сакрални, медијацијски простор у коме се успоставља однос са божанским, и зато боравак царев у домену хришћанског утиче на промену мишљења — укида грех. Могућу хришћанску симболику можемо слугити и у томе што је сестра Кандосија одређена кроз светлост драгог камења која јој сија са недара. У хришћанској култури драго камење је „богородичин симбол“ (Бидерман 2004: 254), оно по веровању не светли само од себе већ онда када га погоди зрак божанске светлости, а „светлост је универзални симбол божанског духовног елемента који је на почетку преплавио космос и ограничио таму“ (Бидерман 2004: 380).

Када господа са царем опет седају за сто цар Стјепан пита да ли је синоћ у пијанству нешто *лоше беседио*. Одговара му онај којег царске речи непосредно угрожавају— провизур Мијајло, а цар се правда пијанством:

*Чујете ли, сва српска господо!
Вино пити, а не опити се,
Нит' је било, нити може бити;*

Вино јесте пиће које буди пожуду и нагонско у човеку (Бидерман 2004: 117). Можда је вином пробуђени Ерос — сексуални нагон, али и нагон за самоодржањем који припада сфери несвесног и сфери Ида (Томић 2006: 32) — проузроковао Стјепаново понашање. Након трежњења, наговештава се осећање кривице (које је производ културе и антитеза људској природној агресивности):

*'Вино пити, а не опити се,
Нит' је било, нити може бити;*

Да би се оправдао цар поклања живот провизур Мијајлу и даје му сестру Кандосију за жену. Ово може да се тумачи накнадним раздвајањем брата и сестре успостављањем 'законске дистанце' која их раздваја и суштински спречава инцест.

У обе песме сведоци царева одлуке су господа и свештенство, можемо да претпоставимо да су они неопходан филтер који спречава да дође до крвавог решења или греха, међутим ту функцију не врше, па се тиме остварује изолована позиција брат и сестре и прилика за грех. Оно што је заједница дефинисала као грех мора да буде кажњено тј. спречено јер у супротном доводи се цео систем у питање. Ако узмемо у обзир баладе са темом инцеста јасно је да су у тим ситуацијама брат и сестра у изолованој позицији у односу на остале чланове заједнице, ту нема ко да се успротиви потенцијалном греху, па неминовно долази до крвавог расплета.

Женски чланови заједнице у овим песмама поштују културу којој припадају у коју мушки чланови као да нису још сасвим ушли будући под влашћу нагонског, жене иако окружене патријархалним ауторитетима и мушкарцима — носиоцима моћи, знају правила и успевају да успоставе неопходну хармонију. У обе варијанте песме о цару Стефану коначну превагу хармонизујућих аспеката доноси хришћанство — божије чудо у првој, или одлазак у цркву у другој.

Иако социјално потиснута жена у обе варијанте доноси превагу закона, хармоније, светог, док кроз мушкарце проговара нагонско, импулсивно, телесно. „Песме о инцестуозној царевој жељи колико год да говоре о томе како је цар Стјепан хтео да се ожени сестром, исто толико говоре и о томе како је инцест укинут. Инцест је, дакле забрањен. А прича о тој забрани ‘уоквирила’ се не само у ритуал и мит, већ и у епiku, која их овде на својеврсан начин реинтерпретира“ (Карановић 2002: 303).

Литература

- Генеп, ван Арнолд (2005), *Обреди прелаза*. СКЗ.
 Елијаде, Мирче (1980), *Свето и профано*. Замак културе.
 Жирар, Рене (1990), *Насиље и свето*. Књижевна заједница Новог Сада.
 Карановић, Зоја (2002), „Братско-сестрински инцест између хијерогамије и родоскрвног греха“. *Књижевна историја*. бр. 118, 293-305.
 Карановић, Зоја (2001), „Кобна симетрија у јужнословенским фолклорним баладама о инцесту између брата и сестре“. *Годишњак филозофског факултета у Новом Саду*. књ. XXIX, 25-40.
 Карацић, С. Вук (2006), *Српске народне пјесме*. Завод за уџбенике и наставна средства.
 Кулишић Ш, Петровић П.Ж, Пантелић Н(1970), *Српски митолошки речник*. Нолит.
 Лич, Едмунд (1989), *Клод Леви Строс*. Просвета.
 Мелетински, Елеазар (1983), *Поетика мита*. Нолит.
 Михаљчић, Раде (1976), „Ставилац“. *Историјски часопис*. 5-21.
 Пејчић, Предраг (2003), *Митолошке метафоре о жени код Срба*. Прометеј.
 Томић, Зорица (2007), *Мушки свет*. Чигоја штампа.
 Фрејзер, Џејмс Џорџ (1992), *Златна грана*. Алфа и Драганић.

Fonem /ž/ u hrvatskom jeziku

ABSTRACT: There is a question on the origin of phoneme /ž/ in Croatian language. Three theories explain how this phoneme might have entered into the consonant system of the Croatian language – phonemic importation (older theory), phonologisation and latent phoneme theory. Each of these theories puts forward the importance of the influence of a foreign language and linguistic interference. Nowadays some scientists say that /ž/ is an allophone and some believe it is a phoneme. Among three Croatian dialects, only Štokavian has /ž/ in its consonant system as a phoneme.

Keywords: phonemic importation, phonologisation, latent phoneme, affricates

Uvod

Fonem /ž/ se u hrvatskom fonološkom sustavu razvio/pojavio relativno kasno, odnosno kasnije nego ostali konsonanti, a najveće pitanje koje se veže uz njega je njegovo porijeklo. Postoje dvije osnovne teorije koje govore o nastanku toga fonema – jedni istraživači smatraju da je taj fonem došao iz stranih jezika putem sistema fonemske importacije. Drugi pak smatraju da je svaki fonološki sustav zatvoren sustav i da se sve promjene odvijaju unutar njega. Iz toga slijedi zaključak da se fonem /ž/ mogao razviti i razvio unutar sustava te da nije preuzet iz drugog jezika kao strani element.

Sljedeći problem povezan s fonemom /ž/ je njegov status unutar hrvatskoga fonološkog sustava i tu ponovo imamo dvije podijeljene struje. Neki znanstvenici tvrde da taj glas nema status fonema i javlja se samo kao izgovorna varijanta fonema /č/, a drugi opet izlažu svoje dokaze prema kojima je fonem /ž/ ipak fonem.

Teorije o nastanku novih fonema (teorija jezika u kontaktu)

U literaturi susrećemo pojam „prazno mjesto u sustavu“ koji se odnosi na „nepopunjene rupe“ u fonološkom sustavu nekog jezika (Tekavčić 1979: 44). Naime, svaki jezik teži ekonomičnosti, pa tako i svaki fonološki sustav teži da bude ekonomičan (Muljačić 1972: 128). U skladu s tim, ta prazna mjesta su svojevrsne „slabe točke sistema“ koje se zbog težnje cijelog sustava prema simetriji mogu popuniti.

Fonemska importacija

Importacija na fonološkoj razini, tj. fonemska importacija, u teoriji, donosi promjene u fonološkom sustavu jezika primaoca – moglo bi se zaključiti da zbog ove pojave nastaju novi fonemi u nekom jeziku. Ipak, u praksi je cijeli koncept nešto drugačiji. Usporedbom čak i vrlo različitih jezika očito je da importacija i nije tako česta i uobičajena pojava, već se ona svodi na vrlo mali broj primjera (fonema), dok se većina njih samo zamjenjuje već postojećim fonemima unutar sustava.

Importacija fonema /ž/

Iako veći dio novije literature odlučno pobija teorije o importaciji fonema /ž/ iz nekog drugog jezika, jedan dio (barem djelomično) prihvaća tu tezu.

I konsonant ž ušao je u jezik sa pozajmljenim rečima, najčešće turskim: hoža, žigerica. On se lako uklopio u jezik jer je došao da popuni prazninu koju je stvaralo nepostojanje zvučnog parnjaka glasu č. U malobrojnim primerima kao sržba<srčba, naružbina<naručbina razvilo se /ž/ jednačenjem po zvučnosti. (Brozović, Ivić 1988: 12)

Turcizmi

Hrvatski jezik i kultura stoljećima su bili u kontaktu s drugim jezicima i kulturama, pa je kao posljedica toga došlo do međusobnog utjecaja. Što se tiče jezičnoga utjecaja on je najevidentniji na leksičkoj razini. (Turk 2006: 423).

Fonem /ž/ javlja se pretežito u stranim, tj. posuđenim leksemima od kojih su najstariji turcizmi (odnosno orijentalizmi), a tek u novije doba (od polovice 20. stoljeća) dolaze i iz engleskoga (Turk 2006: 434). Do značajnijega kontakta između hrvatskoga i turskoga jezika došlo je u vrijeme prodiranja Osmanskih Turaka na Balkan (14.stoljeće), a područje koje je najviše bilo u kontaktu s tim jezikom i kulturom je područje prostiranja prvenstveno štokavskoga dijalekta (Hraste 1958: 49, 50).

Novije teorije – promjene unutar sustava

Fonologizacija

Ako se uzme u obzir teorija prema kojoj je fonološki sustav zatvoren sustav, može se zaključiti da takav sustav nije podložan primanju novih elemenata izvana, te da unutar samog sustava nastaju uvjeti pod kojima dolaze u obzir promjene u strukturi. Stoga se popunjavanje praznog mjesta u nekom fonološkom sustavu ne može objasniti importacijom fonema, ali ipak može biti potaknuta izvana (Filipović 1985: 78, 79).

Novi fonem unutar nekog sustava može nastati fonologizacijom, tj. alofon se može pretvoriti u fonem, a jezik davalac, tj. njegovi elementi mogu poduprijeti stvaranje novog fonema, ali nikada nisu glavni faktor.

Latentni fonem

Druga situacija prilikom koje dolazi do stvaranja novog fonema, tj. popunjenja praznog mjesta, uključuje aktiviranje latentnih fonema. Prema ovoj teoriji, na praznim mjestima nalaze se latentni fonemi koji nisu aktivni u sustavu, ali se aktiviraju ako su svi uvjeti ispunjeni. Ti uvjeti mogu biti ostvareni prilikom jezičnog posuđivanja, tj. zbog potrebe preuzimanja stranih leksema koji sadrže određen fonem aktivira se upravo taj latentni fonem i on postaje dio sustava (Filipović 1986: 82).

Teorija o latentnom fonemu i fonologizacija su vrlo slične. Obje imaju u svojoj osnovi pretpostavku o postojanju praznog mjesta u sustavu koje se može popuniti pod određenim uvjetima. Također, obje teorije pobijaju svaki pokušaj da se stvaranje novih fonema objasni utjecajem izvana, tj. jezičnim posuđivanjem. Zbog pretpostavke o zatvorenosti sustava, novi fonem može nastati samo unutar sustava. Strani utjecaji mogu biti samo poticaj.

Fonem /ž/ u okviru novih teorija

Fonem /ž/ u hrvatskom standardnom jeziku javlja se pretežito u stranim riječima, i to prvenstveno leksemima iz turskog i engleskog jezika. Ako uzmemo u obzir teoriju o importaciji fonema, lako bismo došli do zaključka da je taj fonem zapravo importiran iz tih stranih jezika i da nije dio hrvatskoga fonološkog sustava. No, pojava fonema /ž/ može se vrlo jednostavno dokazati kao nov razvoj.

Pojava fonema /ž/ u hrvatskome jeziku može vrlo lako objasniti uz pomoć fonologizacije. Alofon /ž/ se pojavljivao u nekim domaćim riječima u određenoj fonetskoj okolini – ako iza bezvučnog /č/ dolazi zvučni konsonant, ostvaruje se alofon /ž/. Primjer za to je imenica *svjedodžba* koja je nastala od glagola *svjedočiti*. Dakle, hrvatski fonološki sustav sadržavao je alofon /ž/, a zbog velikog broja stranih riječi s tim fonemom koje su ulazile u jezik, događa se fonologizacija i nastaje fonem /ž/.

Fonem /ž/ – razvoj hrvatskoga jezika

Ako pogledamo inventar praslavenskoga fonološkog sustava, uočiti ćemo da fonem /ž/ ne postoji, a fonem /č/ nema svog zvučnog parnjaka. Istu pojavu uočavamo i u sustavu prazapadnojužnoslavenskog jezika (Matasović 2008: 113, 157–158). Dakle, fonem /ž/ u hrvatskom se jeziku razvio nešto kasnije.

R. Matasović (2008: 165) spominje da je /ž/ rezultat ozvučivanja glasa /č/ ispred zvučnih okluziva, ali isto tako naglašava: *U hrvatskom su nastali novi suglasnici f i dž djelomično i zbog posuđivanja velikog broja riječi s tim glasovima* (Matasović 2008: 164).

B. Jurišić (1992: 119) naglašava kako je ovaj glas vrlo rijedak u hrvatskom, u domaćim riječima nastaje asimilacijom po zvučnosti, a istu glasovnu promjenu koja utječe na suglasnički inventar hrvatskoga jezika spominje i D. Malić (Barić i dr. 1997: 620). Teoriju fonologizacije novih fonema u hrvatskom jeziku podržava i M. Turk (Turk 1992).

Velik broj istraživača podupire teoriju o nastanku novih fonema unutar sustava, a strani utjecaj vidi ponajprije kao faktor koji to stvaranje pospješuje, ali nije presudno.

Fonem /ž/ u starijim gramatikama

Napomenuto je da se fonem /ž/ pojavio u sustavu nešto kasnije, pa bi logična pretpostavka bila ta da je popisivan kao dio fonemskog inventara također nešto kasnije. Potrebno je obratiti pozornost na starije gramatike, pogotovo one iz razdoblja narodnog preporoda jer tada započinje razdoblje standardnosti hrvatskoga jezika (Moguš 1993: 138).

Gramatike preporodnog doba počele su uvrštavati fonem /ž/ u svoj konsonantski inventar. Ta se promjena u inventaru zbivala postupno jer je u Babukićevoj gramatici popisana, a u Mažuranićevoj Slovnici izdanoj desetak godina kasnije nema tog fonema.

Suvremeni pogled na fonem /ž/

Stavovi o statusu fonema /ž/ u novije se vrijeme mogu podijeliti – jedni istraživači smatraju da taj fonem u hrvatskome jeziku ne postoji, dok drugi brane njegov status fonema.

Tako imamo Škarićev stav o nepostojanju fonema /ž/ u sustavu koji se temelji na pretpostavci da se jezici tijekom svoga razvoja mijenjaju (Škarić 2006: 184). Dakle, on smatra da fonemu /ž/ nema mjesta u hrvatskom standardnom jeziku te da je do takve promjene došlo uslijed razvoja, odnosno evolucije unutar sustava.

Jedan od argumenata koje Škarić ističe je veći broj starijih djela koja su napisana bez razlikovanja *đ* i *dž* i činjenicu da fonem /ž/ ne postoji u kajkavskom i čakavskom narječju osim u nekim stranim riječima (Škarić 2006: 184).

S druge strane imamo stav Dalibora Brozovića o postojanju fonema /ž/ u hrvatskom konsonantskom sustavu, iako je to: *jedan od fonema koji je „ugrožen“, tj. u pitanje dolazi njegov status* (Brozović 1968: 23).

Jedna od poteškoća prilikom dokazivanja statusa fonema /ž/ je nepostojanje minimalnih parova (koji su zapravo ključni za dokazivanje statusa fonema) s opozicijom /ž/(fonem) ~ /dž/(slijed glasova) koji nisu na morfemskim granicama, pa se onda taj slijed glasova stavlja u opoziciju s /č/ (Babić i dr. 1991: 429).

Vidimo da postoje razlozi za i protiv uvrštavanja fonema /ž/ u konsonantski inventar hrvatskoga jezika. Neki istraživači smatraju da taj glas nije fonem i nikada nije bio, već je samo izgovorna varijanta (alofon), a drugi mu daju status fonema.

Fonem /ž/ u hrvatskim narječjima

Status fonema /ʒ/ u čakavskom i kajkavskom narječju

Za gotovo sve čakavske govore karakterističan je izostanak afrikata /ʒ/ i /ʒ/. Praslavensko dj se reflektiralo kao /j/, iako se u ponekom novijem govoru javlja /ʒ/, ali je ono mekše nego u štokavskom narječju. Nijedan čakavski govor u svom inventaru nema fonema /ʒ/, već se ostvaruje kao /ž/ (Moguš 1977: 63-65).

Ovaj fonem sa svojim fonetskim vrijednostima ne postoji u kajkavskom narječju, već se tu u nekim govorima na istoku javlja fonem /ʒ/ (po fonetskoj vrijednosti predstavlja srednju varijantu između /ʒ/ i /ʒ/) ili se na istom mjestu može pojaviti i fonem /ʒ/ (Lončarić 1996: 88 – 90).

Status fonema /ʒ/ u štokavskom narječju

Značajka kojom se konsonantizam štokavskog narječja bitno razlikuje od ostalih dvaju narječja hrvatskoga jezika je veći broj afrikata. Tako osim /ʒ/ i /ʒ/ u nekim sustavima postoji i /←/ (Lisac 2003: 21). Fonem /ʒ/ prisutan je u većini govora štokavskoga dijalekta, iako postoje neke iznimke, pa tako, primjerice u nekim govorima zapadnog dijalekta može prijeći u /ž/ ili /ʒ/ (Lisac 2003: 53).

Fonem /ʒ/ nije prisutan u konsonantskim inventarima svih triju narječja. U čakavskom ga uopće nema, a u nekim govorima kajkavskog se pojavljuje srednja varijanta između dviju zvučnih palatalnih afrikata – /ʒ/. U štokavskom narječju nalazimo veći broj afrikata i fonem /ʒ/ prisutan je u većini govora tog dijalekta.

Prilikom opisivanja određenih narječja, istraživači često napominju da je fonem /ʒ/ prisutan samo u nekim stranim riječima, dakle nailazimo na poveznicu tog fonema i stranih utjecaja.

Zaključak

Pregledom literature koja se bavi fonemom /ʒ/ uviđamo da postoje različite teorije koje se bave dolaskom u konsonantski sustav hrvatskoga jezika i podijeljena mišljenja koja problematiziraju njegov status.

Starija teorija – importacija fonema – temelji se na dugogodišnjim kulturnim, društvenim i političkim utjecajima koji su turska kultura i jezik imali na balkanskim prostorima.

Novije se teorije temelje na razvoju unutar sustava, bilo to fonologizacija alofona ili aktiviranje latentnog fonema. U hrvatskom je jeziku došlo do stvaranja tog fonema zbog određenih jezičnih mijena i zato što je u tom trenutku postojala potreba za tim fonemom.

Iako su ove dvije teorije različite, ipak postoji faktor koji ih povezuje, a to je upravo utjecaj stranog jezika. I dok se pri importaciji fonema stavlja veliki naglask na taj utjecaj, kod novijih se teorija on samo spominje kao faktor koji je stvaranje pospješio, ali nikako nije bio presudan.

Oko fonema /ʒ/ se i danas u hrvatskom jeziku vode rasprave jer mu jedni znanstvenici pridaju status fonema, a drugi ipak ne. Moj je cilj bio istražiti teorije koje se bave tim fonemom s obzirom da ni sama nisam naišla na literaturu koja bi na neki način obuhvatila sve aspekte fonema /ʒ/. Mogli bismo jedino zaključiti da je fonem /ʒ/ vrlo zanimljiv u hrvatskom jeziku zbog svog porijekla i zbog problematike koja se veže uz njega. Postoje mnoga podijeljena mišljenja i za svako možemo pronaći neke argumente.

Literatura

- Babić, Stjepan i dr. (1991), *Povijesni pregled, glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika: nacrti za gramatiku*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti: Globus.
- Barić, Eugenija i dr. (1997) *Hrvatska gramatika*. Zagreb: Školska knjiga.
- Brozović, Dalibor, Ivić, Pavle (1988) *Jezik, srpskohrvatski/hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski*. Zagreb: Jugoslavenski leksikografski zavod "Miroslav Krleža".
- Brozović, Dalibor (1968) *O fonološkom sustavu suvremenog standardnog hrvatskosrpskog jezika*. Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru, Razdio lingvističko-filološki; God. 7.,sv. 7. str. 20 – 39.
- Filipović, Rudolf (1986) *Teorija jezika u kontaktu: uvod u lingvistiku jezičnih dodira*. Zagreb: JAZU: Školska knjiga.
- Hraste, Mate (1958) *Strani elementi u hrvatskom ili srpskom narodnom i književnom jeziku*. Radovi Slavenškog instituta, sv. 2. str. 43 – 59.
- Hrvatski jezik u XX. stoljeću* (2006) Urednik: Jelena Hekman. Zagreb: Matica hrvatska.
- Ivšić, Stjepan (1970) *Slavenska poredbena gramatika*. Zagreb: Školska knjiga.
- Jurišić, Blaž (1992) *Nacrt hrvatske slovnice* (pretisak izdanja iz 1944). Zagreb: Matica hrvatska.
- Lisac, Josip (2003) *Hrvatska dijalektologija*. Zagreb: Golden marketing - Tehnička knjiga.
- Lončarić, Mijo (1996) *Kajkavsko narječje*. Zagreb: Školska knjiga.
- Maretić, Tomo (1963). *Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika* (3. nepromijenjeno izdanje). Zagreb: Matica hrvatska.
- Matasović, Ranko (2008) *Poredbenopovijesna gramatika hrvatskoga jezika*. Zagreb: Matica hrvatska.
- Mažuranić, Antun (2008) *Slovnica Hrvatska* (pretisak izdanja iz 1869). Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- Mihaljević, Milan (2002) *Slavenska poredbena gramatika*. Zagreb: Školska knjiga.
- Moguš, Milan (1977) *Čakavsko narječje: fonologija*. Zagreb: Školska knjiga.
- Moguš, Milan (1971) *Fonološki razvoj hrvatskoga jezika*. Zagreb: Matica hrvatska.
- Moguš, Milan (1993) *Povijest hrvatskoga književnog jezika*. Zagreb: Globus.

- Muljačić, Žarko (1972) *Opća fonologija i fonologija suvremenoga talijanskog jezika*. Zagreb: Školska knjiga.
- Škaljić, Abdulah (1985) *Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku*. Sarajevo: Svjetlost.
- Škarić, Ivo (2006) *Hrvatski govorili!* Zagreb: Školska knjiga.
- Tafra, Branka (1993) *Gramatika u Hrvata i Vjekoslav Babukić*. Zagreb: Matica hrvatska.
- Tekavčić, Pavao (1979) *Uvod u lingvistiku: za studente talijanskoga jezika i književnosti*. Zagreb: Liber.
- Turk, Marija (1992) *Fonologija hrvatskoga jezika: (raspodjela fonema)*. Rijeka: Izdavački centar; Varaždin: Tiskara Varaždin.

Olivera Radović

Faculty of Humanities and Social Sciences, Zagreb, Croatia
oliveraradovic@yahoo.com

Leksičko siromašenje srpskog jezika - Lexical impoverishment of the Serbian language

ABSTRACT: Constant change of language is natural and inevitable and caused by psycholinguistic and sociolinguistic factors. The changes in language can be seen as degradation, as progress or as progress and degradation that occur simultaneously. Due to the rapid spread of information and intense globalization, words of foreign origin (Anglicisms mostly) are flooding the language and suppressing the entire group of synonyms from the standard Serbian language. The number of words in use of Serbian is becoming smaller. Two, three or more different lexemes are usually replaced by one which takes on the meanings of others. This then leads to a reduction of active word fund of individual speakers, but also to the lexical impoverishment of language in general.

Key words: language change, purism, slang, Anglicisms, impoverishment of vocabulary

Uvod

Društvo, kultura i jezik su neraskidivo čvrsto povezani. Uslovljavaju jedni druge i u svim smerovima utiču jedni na druge. Sve društvene promene i istorijski događaji ostavljaju posledice u jeziku. Jezik je po definiciji živi organizam koji se menja, i to na svim nivoima – od glasova (fonologija), oblika (morfologija), ustroja rečenice (sintaksa), značenja (semantika) pa sve do reči (leksika, čija promena je i najuočljivija). Promene u jeziku su neminovne i nezaustavljive, ali do mnogih dolazi ne samo usled neizbežnih društvenih, istorijskih, civilizacijskih i drugih uzroka, već prosto iz nemara. Nameće se pitanje treba li promene usporiti i zaustaviti ili ignorisati; je li uopšte moguće odrediti koje su "dobre", a koje "loše" promene u jeziku. Ovom tematikom su se mnogi bavili i pri tom najčešće zastupali ekstremne stavove. Rezime svih proučavanja i posmatranja su tri različita stava: promene u jeziku mogu se posmatrati kao postupno raspadanje jezika (degradacija), kao postupna evolucija jezika (progres) ili progres i degradacija koji se događaju istovremeno. Sva tri moguća objašnjenja imaju svoje pristalice, kako među jezičkim stručnjacima, tako i među laicima.

Jezik kao osnovni vid komunikacije

Osnovna funkcija jezika jeste međuljudska komunikacija, razmena i prenošenje ideja, misli, osećanja itd. Podudarnost zamisli adresanta i percepcije adresata obezbeđuju određena pozitivna komunikativna svojstva govora: pravilnost, preciznost, logičnost, čistota, sažetost, jasnoća, izražajnost, bogatstvo, svršishodnost. Ove pozitivne karakteristike pospešuju potpuno i adekvatno razumevanje teksta. Njihova sveukupnost predstavlja komunikativne kompetencije autora, odnosno govornu kulturu pojedinca. Uspešna komunikacija je i jedan od osnovnih ciljeva kulture jezika. Međutim, određene karakteristike govora pojedinca mogu u većoj ili manjoj meri narušiti taj cilj. Sistem negativnih komunikacijskih svojstava govora čine sledeće pojave: jezičke greške (ortoepske, leksičke i gramatičke), komunikativno-pragmatičke greške, vulgarizacija, birokratizacija, dvosmislenost, neopravdana upotreba nestandardne leksike, neopravdana upotreba pozajmljenica, upotreba poštapalica, pomodne reči i izrazi. (Nikolić 2010.)

Autonomni vid jezika koji je normiran i funkcionalno polivalentan - standardni jezik, primenljiv je svuda i u svakoj situaciji. To je jezik koji je zajednički govornicima različitih dijalekata i drugih nestandardnih varijanata jezika. U manjoj ili većoj meri se razlikuje od njih, ali jezička politika i jezičko planiranje se bave teorijskim i praktičnim pitanjima vezanim za problematiku jezičke norme i standardnog jezika i pronalaze najbolja i najprihvatljivija rešenja. Jezičko osećanje govornika, napredak nauke, tehnike, promene u društvu, novi pravci u umetnosti, moda,... samo su neki od elemenata koji dovode do uvođenja novih pojmova u jednu sredinu. *Vremenom, sve se menja. Nema razloga zašto bi jezik izbegao tom univerzalnom zakonu.* (F. de Saussure). A jesu li sve promene prihvatljive?

Promene u jeziku

Pravilnost, tj. poštovanje normi standardnog jezika, prvi je i osnovni element govorne kulture pojedinca, ali je i temelj opšte kulture. Ali jezik je po svojoj prirodi i funkcijama društvena pojava, pa se i različite promene koje se u društvu zbivaju, u jeziku ogledaju i na jezik odražavaju, ponajpre i ponajviše na njegov leksički sastav. Tako su, na primer, raspad i nestanak patrijarhalnih porodičnih zadruga doveli do siromašenja našeg inače veoma razvijenog sistema naziva za rodbinu i njihovog svodenja samo na nekoliko najosnovnijih izraza: *majka, otac, deda, baba, sin, kći, unuk, unuka, zet, tašta i tast, snaha, svekar, svekrva* i sl. Nazivi za malo dalje srodničke odnose postepeno se gube, jer više ne postoje velike porodične zajednice pod jednim krovom, pa se tako umesto *ujak, tetak i stric* govori, naročito u gradovima, samo *čika*, umesto *ujna, strina i tetka* samo *tetka* itd. Ostale nazive, kao što su: *sinovac, pašenog, jetrva, šurnjaja, šuričić* i sl., retko ko u urbanim sredinama poznaje, a još ređe upotrebljava, pa se sve svodi na izraz „moj rođak”. Nazivi za dalje pretke (*navrnedel, askurdel, kundel, kurlbalo* itd.) su potpuno iščezli čak i u najzabačenijim selima.

Prevladavanje gradskog stanovništva nad seoskim uslovalo je odvajanje velikog broja ljudi od prirode i zemljoradnje, pa se i to odrazilo na jezik potiskivanjem iz upotrebe i gubljenjem mnogih naziva za pojave u prirodi, poljoprivredne radove, pribor za rad i drugo što je vezano za život na selu. Urbani čovek nema više ni potrebe da takve reči upotrebljava. Umesto njih tu je mnoštvo novih reči iz sveta moderne tehnike, sporta, zabave itd.

Civilizacijski razvoj društva, industrijalizacija i kompjuterizacija u najvećoj meri donose jezičke promene. Nove reči prodiru u jezik najčešće preko pojmova koje imenuju. Zbog ubrzanog širenja informacija i intenzivne globalizacije naviru izvedenice sastavljene od stranog korena i srpskog sufiksa (*lajkovati, apruvanje* i sl.). Unutar jezika rađa se novi, informatički žargon. Sam po sebi, žargon ne podrazumeva siromašenje jezika, naprotiv, sve dok ne postane isključivi vid komunikacije i van grupe u kojoj je nastao i gde je njegova upotreba očekivana i primerena.

Jezik je, dakle, sklon promenama. Dok su se neke tek pojavile, druge su već prihvaćene i ustaljene. Teško je suditi o njima i deliti ih na prihvatljive i neprihvatljive, jer se jezik mnogo brže razvija nego što jezički stručnjaci stižu da "blagoslove" i menjaju pravila.

Jezik pripada svim svojim govornicima

Pristalice teorije da jezičke promene predstavljaju progres u jeziku smatraju da se jezici nikad ne kvare, već se menjaju. Standardni nam je jezik u modernom društvu neosporno potreban, ali njega određeni stručnjaci smatraju samo jednom od različitih jezičnih varijanata koja je jednako vredna kao i sve druge – kao govorni jezik generalno, dijalekti, idiomi pojedinih društvenih grupa i sl. Mate Kapović, jedan od lingvista sa najekstremnijim stavovima, smatra da se o pravilnosti i nepravilnosti u jeziku uopšte ne može govoriti i da je sve što se uobičajeno govori - i pravilno. On tvrdi da, u slučaju da pojedini jezički oblici ne pripadaju u standardnom jeziku - to ne znači da su takvi oblici zato manje vredni ili neispravni.

Pristalice ove struje zameraju neravnopravnost dijalekata, govornog i razgovornog jezika u odnosu na standardni jezik. Vide problem u tome što se standard smatra vrednijim od govornog jezika koji se uvek podcenjuje i zapostavlja. Smetaju im percepcije govornog jezika kao "iskrivljenog", "nepravilnog", preplavljenog tuđicama, "osiromašenog". Govorni jezik, iako nejedinstven i raznolik, po njihovom shvatanju je *pravi jezik*.

Pozajmljenice u jeziku zagovornici "prograsa u jeziku" vide kao sastavni deo istorije svakog jezika koji ne treba osuđivati, premda se može događati u vrlo neravnopravnim odnosima između jezika tj. njihovih govornika. Reči i drugi elementi su se oduvek pozajmljivali između jezika i govornici se pri tome ne vode kriterijima "korisnosti". Fenomen jezičnog purizma pristalice ove struje u lingvistici smatraju u potpunosti negativnim. Oni afirmišu jezičku toleranciju, raznolikost i ravnopravnost. Ovi pojmovi kao takvi imaju pozitivnu konotaciju, ali kada se povezuju sa jednim od osnovnih stubova kulture jednog društva – sa jezikom – mogu značiti samo nemar prema jeziku.

Leksičko siromašenje srpskog jezika

Kada su u pitanju oni koji se opiru promenama u jeziku, odnosno oni koji smatraju da te promene idu u pravcu siromašenja jezika, treba naglasiti da čak i oni prihvataju promene u jeziku kao konstantne i neizbežne. Oko te činjenice nema spora. Ali promena u jeziku društveno je neprihvatljiva ako dovodi do poteškoća u komunikaciji. U srpskom jeziku, baš kao i u većini drugih jezika, sve je veći uticaj stranih reči (prvenstveno anglicizama). „Strane“ reči nikako nisu jednostavna skupina, imaju svoje klasifikacije i, u zavisnosti od njih, pravila prihvatanja. Osnovno pravilo prihvatanja stranih reči je da se, kad god je to moguće, reč stranog porekla zameni istoznačnom domaćom rečju. Jedino ukoliko u jeziku ne postoji kvalitetna zamena, strana reč je dobrodošla. Većina ovakvih pokušaja se najčešće poistovećuje sa jezičkim purizmom, i to u njegovom negativnom smislu. Rigidni purizam, koji se protivi bilo kakvim stranim izrazima, i jeste negativna pojava, ali isto tako i indiferentnost. Liberalni purizam, tj. izbegavanje nepotrebnih stranih izraza predstavlja zdravu i umerenu brigu o jeziku.

Teško je ne primetiti da je jezik mlađe populacije siromašan i sveden na ograničen fond reči. Fraze i reči pozajmljene najčešće iz engleskog jezika, čak i dodatno deformisane kombinovanjem sa nastavcima ili prefiksima iz srpskog jezika, danas su uobičajene. Sve je veća nemarnost i odsustvo brige o jeziku i jezičkoj kulturi, i to u područjima gde je ta briga najpotrebnija: u školskoj nastavi, u medijima, u izdavačkoj delatnosti, u administraciji. U školama se vrlo malo pažnje posvećuje kulturi usmenog i pismenog izražavanja. Pri tome se posebno zanemaruje bogaćenje učeničkog rečnika. Dve, tri pa i više različitih leksema obično se svodi na jednu tako da ona preuzima značenja ostalih. To onda dovodi do smanjivanja aktivnog rečničkog fonda pojedinih govornika, ali i do leksičkog siromašenja jezika u celini, pa se tako umanjuje i mogućnost jasnog, nijansiranog i preciznog izražavanja.

Sa fondom od nekoliko stotina reči mladi se međusobno savršeno razumeju, jedna reč menja i po 20 sinonima iz standardnog srpskog jezika. Jedno *ekstra* zamenilo je desetina sinonima - fino, lepo, odlično, izuzetno, neponovljivo, sjajno, divno, neopisivo, posebno, uzbudljivo, simpatično, originalno... Danas sve češće čujemo i čitamo reči kao što su: *fensi, kul, trip, sejl, sori, luk, šop, dejt, čet, daunloudovati, guglati, respektovati, gotiviti, apdejtovati, atačmentovati*. Skoro sve ove reči potiskuju već postojeće domaće: *parti - zabava, dejt -*

sastanak, *frend* - prijatelj, *random* - nasumično, *spika* - konverzacija, *stejdž* - pozornica, *ivent* - događaj, *selebriti* - slavan. Sve ove reči spadaju u žargonizme, ali se mogu naći i u svakodnevnom govoru u različitim, često neprimerenim prilikama (televizija, štampa, škole,...). Jedna reč često može zameniti celu sintagmu, pa tako *iskulirati* znači i prevazići neprijatnu situaciju bez mnogo štete i angažovanja, ignorisati nekoga ili nešto, pametno rešiti problem, itd. *Apruvati* bi značilo i odobriti, i prihvatiti, i dozvoliti, i složiti se sa nečim,... Ekonomično donekle jeste, ali čini da se mnoge reči standardnog srpskog jezika potiskuju i polako zaboravljaju.

Upadljivo je velika izloženost pisanim tekstovima na engleskom jeziku, te je veliki broj anglicizama koji se prihvataju bez neophodnog prilagođavanja. Osim samih leksičkih pozajmljenica, uticaj stranog jezika (engleskog) može se videti i u doslovnim prevodima sa stranog jezika, tzv. kalkovima. Tako se recimo u zadnje vreme odomaćuju izrazi kao: *na dnevnoj bazi* (svakodnevno) prema eng. *on a daily basis*, *pijaća voda* (voda za piće) prema *drinking water*, *svetski čuven* (čuven u svetu) od *world-famous*.

To što se generacije, koje nekad deli samo jedna decenija, u komunikaciji često ne razumeju i jeste suština žargona. Zato je i smišljen. Analiza načina građenja žanrovskih izraza čak otkriva zavidan nivo duha i maštovitosti njegovih tvoraca. Do određene mere je to prihvatljivo, zavisno od prilike i okruženja, ali nepotrebno je neke već ustaljene reči u srpskom menjati radi novopridošle engleske.

Zaključak

Potencijal srpskog jezika je veliki. Jezik nije samo najvažnije sredstvo komunikacije već i riznica kulture. Umetnost reči je ključni i dovoljni pokazatelj jezičkog potencijala. A srpska književnost je očiti svedok bogatstva srpske jezičke kulture.

Lingvisti se slažu da je bolje rangiran onaj jezik koji ima manje nepravilnosti, koji je ekonomičniji i transparentan. Ne može se precizno odrediti kakav je to savršen jezik, samo u kojem je šta jednostavnije i bolje. Jakobson je rekao: *Težnja za ravnotežom i istovremena težnja za rušenjem te ravnoteže čine celinu koja je jezik*. Nijedna od navedenih pretpostavki – ni ona da se jezik kvvari, ni ona da se jezik poboljšava i usavršava nije u potpunosti tačna i naučno opravdana. Jezik se menja, to je jedino neosporno. Ali prosta matematika vrlo lako može dokazati da, kada se sve sabere i oduzme (jedna nova, ustaljena reč daje doprinos leksičkom zbiru, ali pritom potiskuje najmanje nekoliko „starih“ reči), srpski jezik ostaje siromašniji nego što je bio.

Jedan od lingvista koji se bavi problemima jezičke i govorne kulture, Predrag Piper, da bi se loša situacija u jeziku popravila kaže da bi trebalo „izgraditi novi odnos većine govornika srpskog jezika prema sopstvenom jeziku [...] sa osećajem za pravu meru otvorenosti prema spoljašnjim uticajima i za utemeljenost na najboljim vrednostima autentične nacionalne tradicije, kako bi se srpski jezik razvijao kao dobro negovani slovenski i evropski jezik s bogatom tradicijom i jasnom samosvojnošću“. (Piper 2004.) Čišćenje jezika od dijalektizama, opscene leksike, funkcionalno neopravdanih pozajmljenica i ostalih ogrešenja o normu standardnog jezika osnovni je element jezičke kulture.

Literatura

- Aitchison, Jean (1991), *Language change: progress or decay?*, Cambridge, Cambridge University Press.
 Brozović, Dalibor (1970), *Standardni jezik*, Zagreb, Matica hrvatska.
 Bugarski, Ranko (1997), *Jezik i kultura*, Beograd, XX vek.
 Kaporić, Mate (2010), *Čiji je jezik*, Zagreb, Algoritam.
 Klajn, Ivan (1987), *Rečnik jezičkih nedoumica*, Beograd, Nolit.
 Nikolić, Marina (2010), *Teorija jezičke kulture*, Institut za srpski jezik SANU, Beograd
 Piper, Predrag (2004), *Srpski između velikih i malih jezika*, Beograd, Beogradska knjiga.
 Radovanović, Milorad, (2004) *Planiranje jezika (i drugi spisi)*, Sremski Karlovci – Novi Sad, Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića.

György Rágyanszki

Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
jurajragyanszki@gmail.com

Pašiové hry v Mlynkách a v Sarvaši

ABSTRACT: Holy Week is the most important part of the liturgical year. This time the believers are full of emotions and they would like to express them in their natives. I would like to present Good Friday traditions of Szarvas and Pilisszentkereszt, which still have Slovak ethnic population. Szarvas is a Lutheran town in Békés county, which was one of the most important cultural centres of Slovaks living in Hungary at the beginning of the 19th century. Szarvas had own printed biblical czech liturgical books but now they are not used in the local liturgy. Pilisszentkereszt is a Catholic village near Budapest, where the Slovak liturgical traditions have become bilingual.

Keywords: Slovak religious culture in Hungary, Slovak passion plays in Szarvas and Pilisszentkereszt, History of Lutheran and Catholic liturgy

I. Na úvod

Kresťanské liturgie, ktoré majú svoje korene v Starej zmluve, už od prakresťanstva hrajú dôležitú a mimoriadnu rolu v živote kresťanov, nezávisle od toho, či je niekto katolíkom alebo protestantom. Liturgia môže emocionálne naplniť veriacich pomocou slova a hudby a môže sa realizovať iba v spoločnosti. To vždy znamená dvojsmernú väzbu, pretože z jednej strany ide o stretnutie členov cirkevného zboru, teda o stretnutie príslušníkov jednej society, a na druhej strane zase o spirituálne stretnutie jedinca s Bohom.

Podľa kresťanskej odbornej literatúry je stále veľký záujem o cirkevný život a o liturgiu, lebo ľudia modernej doby cítia hlad po transcendentnosti, mystike a spoločnosti (Hafenscher 2010: 20-22). Kresťanské cirkvi teraz hľadajú svoju identitu, aby mohli nájsť riešenie na problém sekularizácie, ktorý môže ovplyvňovať viacej faktorov: premeny životného štýlu, kríza v nábožnej výchove, osobné podmienky cirkvi, forma bohoslužby, atď.

Tieto faktory musím brať do úvahy aj ja počas písania tejto štúdie, lebo sú závažné aj z hľadiska národnostných menšín žijúcich v Maďarsku. V centre mojej pozornosti je veľkopiatočná liturgia sarvašských a mlynčianskych Slovákov v Maďarsku. Chcel by som fokusovať iba na tieto dve maďarské osady, lebo obidve sú dôležitými kultúrnymi centrami Slovákov v Maďarsku, ale počas histórie sa v nich vytvorili odlišné kultúrne modely náväzené na slovenský jazyk. Mlynky majú katolícke a Sarvaš evanjelické obyvateľstvo, ale nielen odlišné vierovyznanie zavážilo vo vytvorení rozličných kultúrnych modelov. Keď preskúmame, ako tieto dve osady oslavovali a oslavujú Veľký piatok, môžeme si všimnúť, že okrem vierovyznania ešte aké ďalšie faktory vplývali a vplývajú na používanie slovenského jazyka a môžeme skoncipovať prognózu o budúcnosti slovenčiny v Sarvaši a Mlynkách. Vybral som si práve veľkopiatočnú liturgiu na ilustráciu uvedenej problematiky, lebo v kresťanskej kultúre je Veľký týždeň najdôležitejším sviatkom, vtedy je veriaci, používateľ slovenského jazyka plný emócií a v takej situácii je najviac evidentné, že svoje emócie vyjadrí vo svojom materinskom jazyku.

II. Mlynčianska pašia

Pred predstavením tradícií dvoch lokalít chcel by som podať niekoľko dôležitých údajov o histórii dvoch osád. Mlynky sa nachádzajú 30 kilometrov severne od Budapešti v Pilíšských horách. Lokalita má 2000 obyvateľov a považujú ju za „najslovenskejšiu“ obec v Maďarsku, lebo podľa posledného sčítania ľudu viac ako polovovica mlynčianskeho obyvateľstva sa hlásila k slovenskej národnosti. Prví Slováci do Mlyniek prišli v roku 1747 zo susednej dediny, Santova. V roku 1757 pavláni a miestni zemepáni postavili kaplnku na mieste dnešného kostola. Pavláni začali stavať kostol iba v roku 1765 a jeho vežu ukončili v roku 1803.

V Mlynkách som bol dvakrát na terénnom výskume. Podľa môjho informátora Jozefa Majniča Mlynky do štyridsiatych rokov 20. storočia mali farára, ktorý vedel a kázal po slovensky. Na základe tohto faktu sa môže konštatovať, že v Mlynkách sa v cirkvi uchoval slovenský jazyk dlhšie ako na iných katolíckych jazykových ostrovoch, ako o tom písala Anna Divičánová: „ku radikálnejším zmenám došlo po 1. svetovej vojne. Tieto zmeny sa môžu odôvodniť dvojakými príčinami. Vedenie maďarskej katolíckej cirkvi menej prihliadalo na jazykovú stránku liturgie a v slovenských zboroch, kde došlo ku generačným zmenám v 20. a 30. rokoch 20. storočia (staroba, smrť), biskupi diecéz už nerpohliadali na to, aby sa do danej lokality dostal farár, ktorý ovláda slovenský jazyk a na teológiách už neboli farári, ktorí by mohli dokázať omšu v národnostnom jazyku.“ (2011: 24)

V Mlynkách sú dnes omše bilingválne, kňaz káže po maďarsky, ale Mlynčania spievajú aj zo slovenského spevníka, modlia sa aj po slovensky. Podľa spomienok Jozefa Majniča v dedine neboli konflikty z toho, že mali zavádzať dvojjazyčnú liturgiu. Rešpektovali, že katolícka cirkev im nemôže zabezpečiť takeho kňaza, ktorý rozpráva po slovensky, boli spokojní s tým, že mohli zachovať svoje slovenské piesne. Bilingvizmus v liturgii počas príchodu prvého maďarského farára do dediny už nebol novým javom v živote Mlynčanov. Už aj predtým, ako mi o tom rozprával môj informátor: „boli takí farári, kerí vedeli aj po slovenski, fredi bola jedna maďarská omša – prvá bola vždicki maďarská- druhá bola slovenská, ale potom to bolo v štiricátich rokoch, potom došiel takí farár, čo ňvedel slovenski. Aj teraz máme takú omšu.“

Veľký piatok je dôležitým cirkevným sviatkom pre katolíkov rovnako aj pre evanjelikov. V Mlynkách mávali predpoludním omšu a mali príležitosť modliť sa pri Ježišom hrobe: „*ftedi bolo f kostele taká búda sa spravila z akého dreva. Tam boli hasiči, tam museli strážiť, držať pri tem hrobe. Tam museli každú hodinu druhí a druhí hasiči čo boli, tam mali strážať a tak sa modlél tam.*“ Ako pri príležitosti Kvetnej nedele, Mlynčania aj na Veľký piatok spievajú pašiu. Ako som už vyššie uviedol, mlynčianske omše sú bilingválne, aj v súčasnosti vždy spievajú slovenskú pašiu evanjelistu Matúša na Kvetnú nedeľu. Kvetná nedeľa je začiatkom veľkého týždňa a už pripomína veľkonočné mystérium. Pred reformami liturgie katolíckeho koncilu sa na Kvetnú nedeľu vždy spievalo Matúšovo evanjelium. V súčasnosti už evanjelistov zamieňajú, pevné miesto má iba Ján. Podľa oficiálnej liturgie jeho evanjelium sa spieva na veľkopiatočnej omši. Mój informátor je najstarší muž v Mlynkách a už od roku 1940 spieva rolu Ježiša Krista po slovensky a po maďarsky. Odtedy sa už určite nezmenil text slovenskej pašie. Mlynčianska pašia je tradičná zborová skladba, v ktorej narátor (evanjelista) spieva rečitatívne príbeh ukrižovania Ježiša Krista.

III. Sarvašská pašia

Druhá lokalita, ktorej sa moja štúdia týka, je dolnozemske mesto, Sarvaš. Vývoj cirkevného života Sarvaša išiel inou cestou z viacerých dôvodov. V dolnozemských kultúrnych modeloch podľa Márie Žilákovskej môžeme špecifikovať dva protikladné modely podľa pomeru k spisovnému slovenskému jazyku. V tzv. čabianskom modeli „v stupnici hodnôt týkajúcej sa jazyka sa drží na prvom mieste bibličina, celkom iná situácia sa dá zistiť v Sarvaši, kde sa ukázalo, že i jazykovo neškolení ľudia komunikujú spisovným jazykom, resp. jazykom, ktorý je veľmi blízky spisovnému, pritom tí, ktorí sú v úzkom styku s cirkvou, jasne odlišujú aj bibličinu.“ (2001: 103). V Sarvaši sú slovenské bohoslužby pravidelné, konajú sa ráno v predposlednú nedeľu mesiaca. Z tohto poriadku slovenských bohoslužieb vyplýva, že Veľký piatok sa neoslavuje. Evanjelické cirkevné zbory aj podľa dnešnej oficiálnej liturgie môžu mať vo veľký piatok špecifickú liturgiu, je to čítanie pašie. Farár číta evanjelium z Biblie a podľa liturgického poriadku, ktorý môžeme nájsť v maďarskom spevníku, veriaci spievajú cirkevné piesne.

Sarvaš bol od 19. storočia jedným z najdôležitejších evanjelických miest v Maďarsku a od konca 18. storočia prvým kultúrnym centrom dolnozemských evanjelických Slovákov. Mesto malo v 19. storočí evanjelické gymnázium, učiteľský ústav a čo je z nášho hľadiska dôležité, v roku 1847 Lipót Réthy založil tu prvú tlačiareň Békešskej župy, kde tlačili texty v bibličtine a v spisovnej slovenčine. Tu bola vytlačená v roku 1859 v bibličtine pašia s názvom: *Passiowá knižečka k nábožnému užjwánj zboru ewangelicko křestanskému*. Túto „knižečku“ pripravili podľa starších vydaní evanjelických paší.

Pašiové liturgické knihy, ktoré boli vytlačené v bibličtine v 19. storočí určite mali spoločnú predlohu, lebo v rozličných vydaniach si môžeme všimnúť niekoľko spoločných charakteristických črt. Ja som mal k dispozícii dve vydania, prvé je už uvedená sarvašská pašia z roku 1859 a druhá pašia je budapeštianske vydanie z roku 1882. Táto pašia má tiež podobný „barokový názov“: *We Enému Pána Ježiisse toho ukřižowaného Pořádek Swaté Passie gako I. W Neděli Kwětnau, II. We Wiliký Pátek w Cirkwi Evangelické Slowenské w Presspurku každoročně před Oltářem čtená býwá. Nowé ponaprawené Wydánj k obecnému y giných Cirkwi, které geg sobě obljbili užiwánj*. Predslov tohto prešporského vydania bol napísaný 12. 03. 1773, na konci predslova absentuje meno autora. Cieľom vydania prešporskej pašie bolo zabezpečenie potrebných liturgických kníh k bohoslužbám Veľkej nedele a Veľkého piatku. Prešporský slovenský zbor sa snažil o to, aby táto pašia bola používaná výlučne len pre vlastné potreby. Napriek tomu sa táto *Swatá Passia* dostala aj na Dolnú zem, na Sarvaš. Tento môj predpoklad môžem ľahko doložiť tým, že štruktúra dvoch paší je veľmi podobná. Obidve pašie sa začínajú s Božím slovom od proroka Izaiáša. „Pašiové knižečky“ majú rovnako tri hlavné časti: „*I. w Neděli kwětnau*“ (liturgický poriadok bohoslužby v Kvetnú nedeľu), „*II. we weliký Pátek*“ (veľkopiatočná liturgia) a III. časť je „*Přidawek*“ (=Prídavok), v ktorom môžeme nájsť tie cirkevné piesne a modlitby, ktoré boli ponúknuté veriacim na časť bohoslužby po prečítaní pašie.

Na Kvetnú nedeľu používali prvú časť knihy, vtedy kazateľ čítal o mučení Ježiša Krista podľa Matúšovho evanjelia. Čítanie pašie by sme mohli definovať ako dialóg kazateľa a veriacich, v ktorom zbor na slová kazateľa reaguje so spevom cirkevných piesní. Toutou črtou korešpondujú evanjelické bohoslužby s katolíckymi omšami, dialóg im dodáva charakter drámy. Nepochybne je však katolícka pašia atraktívnejšia, veď podľa obsadenia postáv spievajú evanjelium sólisti, pridáva sa k nim cirkevný zbor a toto zostavenie plastickejšie zvýrazní emocionálnu stránku pašie. Napríklad v Mlynkách, keď evanjelista zaspieva vetu: „*Ježiš ale zase zvolajúc hlasom, velikým vypustil ducha.*“ organ zamĺkne a zbor si kľakne na zem. Iba potom sa pokračuje spievanie pašie až do konca t.j. zavretia Ježišovho hrobu.

Sarvašské presbitérium sa v roku 1902 rozhodlo o maďarský preklad pašie. Aj maďarský preklad má viacej vydaní. Počas 20. storočia evanjelická cirkev v Maďarsku postupne zjednotila evanjelické liturgie a dnes sa už sarvašský variant pašie nepraktizuje. V meste roku 2004 založili slovenské divadlo, kde hrajú profesionálni herci. Prvá premiéra divadla bola inscenácia prepracovanej verzie sarvašskej pašie, ale odznela už v spisovnej slovenčine. Túto jazykovo modernizovanú pašiu hrali po celom Maďarsku, ale aj na Slovensku.

IV. Prognóza

Pri komparácii liturgických tradícií Mlyniiek a Sarvaša sme všímali dvojaký vzťah k slovenskej cirkevnej kultúre. Katolícke pašie viacej umožňujú zachovanie slovenského jazyka v cirkevnej kultúre. Spievanie pašie v katolíckych lokalitách, v našom prípade v Mlynkách, posilňuje spolupatričnosť komunity. Tento samotný faktor by nebol dostatočný k uchovaniu slovenčiny. Mlynkám žičili ich geograficko-ekologické, národnostno-geografické a hospodárske danosti. Tieto faktory tiež smerovali k upevneniu súdržnosti kolektívu, ktorý má kontakty s materským etnikom. Uvedené faktory v modernom období podľa mojej mienky sú sekundárne. Myslím, že budúcnosť slovenčiny zaručujú inštitúcie, z nich na prvom mieste cirkev, ktorá ako inštitúcia zohrala významnú rolu v minulosti, v dnešnej dobe však prežíva hlbokú krízu. V Mlynkách sa nachádza národnostná materská a základná škola, ale veľa Mlynčanov nevyužíva túto možnosť, zapisuje si deti do základnej školy v Pomáze alebo v Budapešti.

V prípade Sarvaša som upriamil pozornosť na proces výmeny jazyka, ktorý bol deklarovaný aj vydaním prekladu pašie. Aj o Sarvaši sa môže konštatovať, že jeho slovenská cirkevná kultúra je na ceste k zániku, hoci doteraz je Sarvaš z tých mála slovenských lokalít, ktorý má slovenskú farárku. Evanjelická cirkevná kultúra Slovákov v Maďarsku patrí k vysokej kultúre. Ich jazyk charakterizovala zložitnosť, mám na mysli otázku obradného jazyka a jeho vzťah k jazykovým variantám slovenskej society v Maďarsku. Bol to zložitý kultúrny model, ktorý je oveľa ťažšie odovzdať nasledujúcim generáciám.

Ak preskúmame faktory, ktoré pôsobili na uchovanie slovenského jazyka v cirkvi v dvoch analyzovaných lokalitách ukazujú sa protikladné výsledky. Kým Sarvaš z geograficko-ekologických a hospodárskych dôvodov bol prvým kultúrnym centrom dolnozemskej Slovákov, práve tieto faktory pôsobili v neskoršej dobe negatívne na udržanie slovenčiny v kostole. Mlynky nemajú tak výhodné hospodárske podmienky a ovplyvňuje ich blízkosť Budapešti a dochádzka do práce, predsa z pohľadu pozície slovenčiny v cirkvi dnes majú výhodnejšiu situáciu, aj keď nie je ideálna. Čo sa týka perspektívy slovenčiny mimo cirkvi, v iných pozíciách výhodnejšie postavenie má Sarvaš vďaka širšiemu spektru slovenských inštitúcií. Domnievam sa, že zavážia aj osobné faktory, Sarvaš má substilnejšie diferencovanú spoločnosť, vrátane uvedomelú vrstvu slovenskej inteligencie, ktorá je v Sarvaši aj čo do počtu širšia.

Použitá literatúra

Monografie

Divičánová, Anna (1999), *Jazyk, kultúra, spoločenstvo*, Békéška Čaba – Budapešť, Slovenský výskumný ústav Zväzu Slovákov v Maďarsku.

Hafenscher, Károly (2010), *Liturgika. A keresztesy istentisztelet protestáns megközelítésben, ökumenikus szellemben*, Budapest, Luther Kiadó-Liszt Ferenc Zeneművészeti Egyetem Egyházzene Tanszéke.

Krupa, Ondrej (1998), *Kalendárne obyčaje III. Predjarie-jar-letodni v týždni*, Békéška Čaba, Slovenský výskumný ústav.

Žilinský, Michal (2004), *Dejepis mestečka Sarvaš a opis jeho súčasných pomerov*, Békéška Čaba, Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku.

Štúdie

Divičánová, Anna (2011), Mozaika cirkevných dejín a cirkevnej kultúry Slovákov v Maďarsku. In: *Cirkevná kultúra Slovákov v Maďarsku*, Békéška Čaba. Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku.

Žiláková, Mária (2001), Sarvašania a slovenský jazyk. In: *245 rokov v Sarvaši. Sympózium o Slovákoch v Maďarsku*, (Red.: CHLEBNICKÝ Ján), Békéška Čaba, Slovenský výskumný ústav v Békéškej Čabe.

Cirkevná literatúra

Libreto mlynčianskej pašie (rukopis)

Passiowá Knižečka k nábožnému užjwánj ewangelicko křestanskému, Sarwaš, Cirkew. ewang. Sarwašskau, 1859.

We Enému Pána Ježíse toho ukřižowaného Pořádek Swaté Passie gako I. W Neděli Kwětnau, II. We Wiliký Pátek w Cirkwi Ewangelické Slowenské w Presspurku každoročně před Oltářem čtění býwá, Budapesst, Kníhtlačiarců Kolomana a Róža a jeho Manželky, 1882.

Мр Кармела Ракић

University of Novi Sad, Novi Sad, Serbia
karmelarakic@telrad.net

Англицизми у савременом српском језику – проблем или изазови

ABSTRACT: This paper deals with problem of anglicisms perception in standard Serbian, used in media language, so as the influence of media language on language of the young, pupils. It is supposed that the key problem of anglicisms perception is low level of donating language skills, as much as the low level of Serbian language skills. It is emphasized the need that in teaching of Serbian should be offered a functional model, which could support actual language influences. The aim is to emphasize lexicological and lexicographical issues in language teaching, so as an expert, lexicological and lexicographical text approach, in media discourse and teaching process.

Keywords: lexicology, anglicisms, media language, language teaching.

1. Увод

У овом раду представљен је један од проблема / изазова у савременом српском језику, а који се тиче односа према англицизмима у јавној употреби језика (електронским медијима) и у наставној пракси. Лексеме поријеклом из енглеског језика инфилтриране су у све функционалне стилове језика, а нарочито у језик у јавној употреби. Бабић тврди да је од живих језика некада као језик давалац предњачио њемачки, а данас је то енглески (1990: 17). Овај рад полази од претпоставке да је језик медија врло снажног утицаја у смислу креирања језичке културе и формирања језичких компетенција аудиторijuма. Циљ истраживања је да се једним мањим корпусом забиљежених англицизама илуструје проблем перцепције, и освијетли утицај који језик медија остварује на језик млађе популације, ученичке, те да се испита приступ изучавању англицизама у савременој наставној пракси. Бавићемо се чињеницом да су англицизми фреквентни у језику српских електронских медија, те консеквенцама ове појаве.

У свом раду о позајмљеницама Ињац говори да данас можемо поставити питање да ли је по сриједи лексичко позајмљивање, или убацивање кода једног језика у текст другог, с обзиром на присуство цијелих фраза и реченица у српским текстовима у медијима (2005: 125).

Претпоставка је да овакве услове омогућава недовољна језичка стручност посленика у медијима, а да то има значајне реперкусије на млађе говорнике, који нису у процесу изучавања матерњег језика добили потребно знање да би се адекватно односили према страним језичким наносима. При том су врло подложни свим, па и језичким, медијским утицајима. На основу тога намјеравамо да покажемо да ли је у питању проблем, или се ради о изазову, прије свега за савремену наставну праксу (свакако не посљедњем), која треба да пронађе функционалан модел и подржи савремене језичке токове.

Ранија истраживања су показала да српски језик никада није био пуритански, те да је увијек у извјесној мјери позајмљивао дио лексичког фонда у контакту са другим језицима, што није угрозило главнину српске лексике. О томе је писао Шипка истичући да су отвореност и прихватање различитих утицаја са стране, уз одсуство самоодбрамбеног чистунства, били одувијек обиљежје српског стандардног језика и одлика најистакнутијих његових корисника и истраживача. (2006: 169). Са друге стране издвојио је другачији поглед на проблеме у српском стандарду с обзиром на питање туђица, а то је неопходност подизања општег нивоа језичке културе, нарочито у јавној употреби, а не ригидан пуритански став (Шипка 2006 : 172). Бугарски тврди да је употреба туђица оправдана из стилских разлога, или ако немамо адекватну домаћу ријеч за неки појам (1996: 22).

2. Корпус и методе

Утицај енглеског језика на српски манифестује се и у правописном и у граматичком систему. Могу се испитивати сви језички нивои, али ми ћемо овдје скицирати неколицину проблема, док ће акценат у раду бити на лексичком нивоу.

Навешћемо само неке, најчешће, од многих примјера огрешења о норму. Када је у питању ортографска норма, неки од проблема су нпр. писање наводника, који се у српском језику у јавној употреби све више пишу на начин уобичајен за енглески језик, као дупли апострофи на почетку и на крају навода ” ... ”, а не као дупли зарез на почетку и дупли апостроф на крају навода „ ... ” како прописује норма српског језика. Затим у читању бројева, што се нарочито види у често помињаној Резолуцији 1244, гдје се број ишчитава по енглеском моделу 12 44, а не 1244.

У врло кратком временском раздобљу (свега неколико дана) ауторка рада је пратила телевизијске емисије различитог типа, и у тематском и у формалном концепту (политички, забавни, информативни), као и аудио и видео записе телевизијских емисија на Интернету. Затим су транскрибовани сегменти из којих је ексцерпиран мањи корпус англицизама потребних за анализу. На тај начин добијен је корпус од двадесетак лексема енглеског поријекла.

Урађена је и анализа лексике с обзиром на рјечничке дефиниције у адекватним рјечницима. Перцепција англицизама провјерена је код средњошколске ученичке популације. Сачињен је краћи упитник у коме се од ученика другог разреда класичне опште гимназије тражило да идентификују наведене примјере англицизама и то на сљедећи начин. Издвојени су англицизми, затим се тражило да их ученици маркирају с обзиром на то да ли их препознају и користе као дио сопственог лексикона; да објасне њихово значење и наведу одговарајућу лексему као замјену у српском језику. Резултате ћемо коментарисати у сљедећем одјељку.

3. Анализа лексичког корпуса

У овом одјељку представљен је ексцерпирани корпус. Табелом је приказан транскрибовани медијски дискурс, у коме су маркирани англицизми, издвојени у појавној форми у српском језику, упоређени са ликом у језику донатору, а затим коментарисани с обзиром на неке специфичности у српском језику.

Транскрибовани искази медијског дискурса	Забилежени лик англицизма у српском језику	Лексема у језику донатору	Дефиниција у рјечнику	Напомена
<i>Најгоре је кад те <u>хајдују</u>.</i>	Хајдовати	to hide	Лексема није потврђена у консултованим рјечницима српског језика.	
<i>Ако мисли поново да помиње бензин у серији, Синиша Павић ће морати да <u>апдејтује</u> ову информацију.</i>	Апдејтовати	to update	Иновирати, ажурирати текст.	
<i>Грађани тих земаља користе <u>бенефите</u> ЕУ.</i>	бенефит	benefit	Лексема није потврђена у консултованим рјечницима српског језика.	Лексема је у српском језику забилежена у истом лику као и у енглеском језику.
<i>Ако си <u>исхендловао</u> то, онда је то феноменална ствар.</i>	Исхендловати	to handle	Лексема није потврђена у консултованим рјечницима српског језика.	Од енглеског глагола to handle добијен је српски лик хендловати, а затим и његов свршени вид исхендловати.
<i>Они онда могу да <u>лајкују</u> фотографије, фејсбук језиком речено, а победник је она фотографија која има највише <u>лајкова</u>.</i>	лајковати, лајк	to like	Лексема није потврђена у консултованим рјечницима српског језика.	
<i>Зауоставите, сликајте, поставите на <u>фејсбук</u>, лајк, и то је све.</i>	Фејсбук	facebook	Лексема није потврђена у консултованим рјечницима српског језика.	Лексема је у српском језику забилежена у истом лику као и у енглеском језику.
<i>Медији <u>спинују</u> информације.</i>	Спиновати	to spin	Лексема није потврђена у консултованим рјечницима српског језика.	
<i>Ако вас то занима, могу вам <u>форвардовати</u> позив.</i>	Форвардовати	to forward	Лексема није потврђена у консултованим рјечницима	

			српског језика.	
<i>Иксирајте прво тај.</i>	Иксирати	Лексема није потврђена у енглеском језику.	Прецртати, поништити помоћу слова х.	Глагол је употребљен са значењем затворити прозор у систему Windows преко ознаке х, што упућује да је кованица из рачунарске терминологије.
<i>Предмети се могу изучавати на <u>хај левлу</u> и стандардном <u>левлу</u>.</i>	хај левл	high level	Лексема није потврђена у консултованим рјечницима српског језика.	Лексема је у српском језику забиљежена у истом лику као и у енглеском језику.
<i><u>Линкуј</u> као што говориш!</i>	Линковати	to link	Лексема није потврђена у консултованим рјечницима српског језика.	
<i>Тврдите да ће <u>твитер</u> одредити изборе.</i>	Твитер	twitter	Лексема није потврђена у консултованим рјечницима српског језика.	Лексема је у српском језику забиљежена у истом лику као и у енглеском језику.
<i>Поздравите <u>твитераше</u>!</i>	Твитераш		Лексема није потврђена у консултованим рјечницима српског језика.	Лексема није потврђена у енглеском језику, али је настала творбом од енглеске позајмљенице twitter.
<i>Твитер је 140 <u>карактера</u>.</i>	Карактер	character	Словни знак, симбол, идеограм.	Лексема је у српском језику забиљежена у истом лику као и у енглеском језику.
<i>Упознали смо се на <u>афтер партију</u> код Шабана Шаулића.</i>	афтер парти	after party	Лексема није потврђена у консултованим рјечницима српског језика.	Лексема је у српском језику забиљежена у истом лику као и у енглеском језику.
<i>А шта ћемо са <u>лав афер</u> у СПС-у.</i>	лав афер	love affair	Лексема није потврђена у консултованим рјечницима српског језика.	Лексема је у српском језику забиљежена у истом лику као и у енглеском језику.
<i>Поједина возила нису <u>улована</u>, тј. пријављена на систем.</i>	уловати се	to log on	Приступити неком компјутерском систему уносећи тражене податке о	

			кориснику; укључити се на Интернет.	
<i>Позвали смо <u>call центар Техноманије</u>.</i>	кол центар/call центар (забиљежено у најмање 2 лика, као српски транскрипт и као кмбиновани модел енглеске и српске ријечи)	call center	Служба која прима и прослеђује телефонске позиве, обично уз помоћ оператера.	Лексема је у српском језику забиљежена у истом лику као и енглеском језику.
<i><u>Must have детаљ</u> ове сезоне је свакако лептир, да ли у <u>принту</u>, или као детаљ.</i>	must have (конструкција је потврђена у рјечнику енглеског језика, овдје са значењем придејског типа – must is used with other verbs to show that the stated action is good to do) принт	must have print	Лексема није потврђена у консултованим рјечницима српског језика.	Лексема је у српском језику забиљежена у истом лику као и у енглеском језику.

Свака лексема је провјерена у рјечницима наведеним у библиографском попису и установљено је сљедеће. У забиљеженом корпусу од укупно 21 англицизма свега 6 је потврђено у рјечнику, и то рјечнику страних ријечи и израза. То значи да облици осталих англицизама који се користе у српском језику нису забиљежени у рјечницима српског језика. Поједини англицизми у српском језику показују способност грађења нових ријечи какав је примјер *исхендловати* и *твитераиш*, што је очекивано, јер велики број ријечи страног поријекла има ову особину.

У корпусу бисмо јасно могли издвојити неколико скупина лексема с обзиром на њихову семантику и сферу употребе. Може се уочити да се нарочито повећава број лексема које у јавни језик улазе из Интернет комуникације, прије свега као терминологија друштвених мрежа. Такве су сљедеће лексеме забиљежене у предметном корпусу: *хајдовати*, *андејтовати*, *лајковати*, *лајк*, *фејсбук*, *форвардовати*, *линковати*, *твитер*, *твитераиш*, *карактер*, *улововати*. Са овом групом лексема може се довести у везу и лексема *иксирати*, очито настала аналогно према осталим лексемама из сфере језика који се користи у Интернет и рачунарској комуникацији. Насупрот томе постоји и један низ лексема које су се већ уобичајиле у језику. Такве су лексеме *call center*, *love affair*, *after party*.

Поставља се и питање одговорности посленика преводилачке дјелатности, с обзиром на то да и они врло значајно утичу на формирање језичких компетенција. Дакако, ту је познавање српског језика подједнако важно као и познавање енглеског језика, а чини се да се у процесу образовања о томе не води довољно рачуна. У свом раду о постанку нових назива Бабић наводи да се преузета лексика само обликом и изговором прилагођава српском језику, без улагања труда у превођење (1990: 35). У нашем раду ми смо чак уочили да се у неким случајевима не улаже труд ни у изговорно или облично прилагођавање, већ се лексеме у изворном енглеском лику појављују у српском језику, као што су сљедећи примјери: *бенефит*, *лајк*, *фејсбук*, *хај левл*, *твитер*, *карактер*, *афтер парти*, *лав афер*, *кол центар*, *маст хев*, *принт*. Поставља се и питање транскрипције ових лексема с обзиром на то да нису англицизми већ оригиналне ријечи енглеског језика, а правопис је регулисао писање искључиво властитих имена из енглеског језика.

На узорку од 65 ученика оријентирно је контролисана перцепција наведених англицизама. Показало се да ученици препознају већину лексема и да су оне релативно фреквентне у њиховом вокабулару, што се и очекивало. Са друге стране, тек неколицина ученика успјела је да дефинише значење лексема или да наведе одговарајућу замјену у српском језику уколико постоји. Интересантно је да је значајан број ученика који су навели да употребљавају одређену лексему, а да не знају шта она значи. То указује да ученици усвајају стране ријечи некритички, те да празнине у познавању српског језика врло лако попуњавају страним наносима, у овом случају англицизмима. Закључак нас даље упућује на размишљање да долази до несређеног појмовног система у оквиру менталног лексикона ученика, за који је важно да буде функционалан, тј. да свака лексема буде јасна и употребљива у систему. О менталном лексикону говори Шипка, истичући да се ментални лексикон од општег разликује и по томе што су лексички елементи устројени тако да погодују брзом активирању и препознавању онога што је у одређеном тренутку потребно. Аутор наводи и то да је општи лексикон апстрахован из менталних и заједничких, па се за разлику од њих не отјелотворује у комуникацијском чину (Шипка 1998: 92/93). С

тим у вези за нас је значајан ментални лексикон, јер из њега издвајамо позајмљенице, наглашавајући значај њиховог адекватног формирања у оквиру самог менталног лексикона.

Такође је важно напоменути да ученици у настави српског језика на средњошколском нивоу (у гимназијама) имају свега неколико часова посвећених лексикологији, и то у трећој години, када се на једном часу говори и о саставу лексикона српског језика. Уџбеник граматике никако не прати актуелне промјене у језику. То даље значи да ученици у наставним оквирима не добијају потребне информације за овладавање лексичким језичким нивоом. Овдје треба нагласити чињеницу да млађа популација нема добре језичке узоре у медијима, тј. да немају пређашње искуство са dobrим говорницима, а да им актуелна језичка политика медијских кућа, као ни наставни план и програм, не нуде рјешење грађења доброг језичког израза. Он постаје овјештао, смањује се могућност иновација у језику, комбинација међу ријечима, оставља утисак монотоније, испразности, незнања, смањује изражајни лексички фонд. О утицају на развој мисли с тим у вези не треба ни подсећати!

4. Закључна разматрања и правци даљег истраживања

На основу кратке емпиријске анализе лексике, може се говорити о стварању новог језичког израза. Прћић говори и о језичкој англоглобализацији (2005: 15). У српском лексикону уочљив је лексички корпус англицизама, али се тај страни нанос углавном прилагодио правилима српског језичког система, што је и очекивано. Такви су примјери лексема *исхендловати твитераиш*, *хајдовати*, *апдејтовати*, *лајковати*, *форвардовати*, *линковати*, *улоговати*. То свакако не би био проблем да истовремено не говоримо и о врло ниском нивоу опште језичке културе, а с тим у вези и о тенденцији прекомјерне и неоправдане употребе англицизама.

Већ смо констатовали да су анализирани англицизми углавном из рачунарске терминологије, али је евидентно да су поједини од њих употријебљени и у контексту који не подразумијева ову област, што значи да се семантичко поље ових лексема очекивано шири, те да оне могу да потисну истозначну или блискозначну лексему српског језика. Такав је сљедећи примјер: *Ако мисли поново да помиње бензин у серији, Синиша Павић ће морати да апдејтује ову информацију*. Лексема *апдејтовати* употријебљена је као синоним за лексеме *обновити*, *преправити*, *исправити* или *промијенити*, а контекст се при том не односи на рачунарску функцију *update*.

Може се констатовати да англицизми имају два улазна комуникацијска канала у српском језику. Први је путем рачунара и Интернета те других средстава комуникацијске технологије, а затим ти исти англицизми добијају у медијима потврду своје вриједности, те на тај начин код аудиторјума бивају перципирани као исправан и пожељан дио лексичког фонда. Овакав некритички став не може се никако прихватити, прије свега јер није у складу са српским стандардом, а осим тога јер има далекосежне и сложене посљедице на формирање језичког израза уопште.

Желимо да истакнемо чињеницу да наведени лексички корпус није потврђен у најновијим рјечницима српског књижевног језика, што указује да наведене англицизме стандард још није верификовао. Такође их је врло тешко потврдити у рјечницима страних ријечи и израза, у којима смо потврдили тек неколицину. То индичира да је њихов уплив много већи него што лексикографска пракса може да забиљежи, што је и очекивано, али се поставља питање како је онда могуће да се користе у јавној ријечи медија, ако знамо да је публицистички стил један од стандарднојезичких. Даље то указује на опадање нивоа језичке компетенције у медијима, односно, на чињеницу да се не води рачуна о језичкој култури.

Показало се да су англицизми забиљежени у језику медија активан дио лексикона средњошколске ученичке популације. Томе доприноси са једне стране низак ниво језичке културе, а са друге чињеница да у настави српског језика ученици не добијају потребно знање за савладавање овог језичког изазова.

Даља истраживања могла би да теку у смјеру методичког и лексичког аспекта, те заједничког одговора овом проблему/изазову. Такође је важно да се говори о проблему језичке културе уопште, којој у наставном плану и програму није посвећено довољно пажње, те да се детаљније испита корпус англицизама у савременом српском језику, а посебно питање представља однос према српском стандарду у медијима и значају који се (не) придаје језичкој култури уопште. На крају се можемо позвати на питање из наслова, и казати да се свакако може једним одлучним стратегијским радом одговорити на указане неправилности у језичкој пракси, прије него што изазов постане проблем.

Библиографија

- Бабић, Стјепан (1990) Постанак нових назива. У *Научни састанак слависта у Вукове дане 18/1*, реферати и саопштења, Београд: Међународни славистички центар: 31-37.
- Бугарски, Ранко (1996) Стране речи данас: појам, употреба, ставови. У Ј. Планкош и др. (ур.). *О лексичким позајмљеницама*. Градска библиотека, Суботица; Институт за српски језик Српска академија наука и уметности (у даљем тексту САНУ), Београд: 17-25.
- Ињац, Горан (2005) Позајмљеница или промена кода? Енглески језик у српском и пољском писаном дискурсу. У *Прилози процавању језика* 36: 121-135.

Клајн, Иван (1998) Лексика, 37-86, *Српски језик на крају века*, (ред. М. Радовановић), Институт за српски језик САНУ, Београд.

Пешикан, Митар, Јерковић, Јован, Пижурџица, Мато (1994). *Правопис српскога језика*, Матица српска, Нови Сад.

Прћић, Твртко (2005) *Енглески у српском*, Змај, Нови Сад.

Прћић, Твртко (1997) *Семантика и прагматика речи*, Издавачка књижевница Зорана Стојановића, Сремски Карловци.

Радовановић, М.(1986) *Социоллингвистика*, Дневник, Нови Сад.

Шипка, Данко (1998) *Основи лексикологије и сродних дисциплина*, Матица српска, Нови Сад.

Шипка, Милан (2006) *Језик и политика, Социолонгвистичке анализе*. Београдска књига, Београд.

Рјечници

Вујановић, Милица и др. (2007) *Речник српскога језика*, Матица српска, Нови Сад.

Клајн, Иван и Шипка, Милан (2008) *Велики речник страних речи и израза*, Прометеј, Нови Сад.

Московљевић, Милош (2000) *Речник савременог српског књижевног језика с језичким саветником*, Гутенбергова галаксија, Београд.

Ћирилов, Јован (1982) *Речник нових речи*, Народна књига, Београд.

Cambridge International Dictionary of English (1995) CUP.

Brezosebki stavki v češčini in slovenščini

ABSTRACT: The paper examines subjectless sentences from the perspective of structural syntax. Based on an analysis of subjectless sentences in Czech and Slovene linguistics and on a comparison of Grepl and Karlík's Czech typology with Pogorelec's Slovene typology, is proposed a classification scheme for Slovene linguistics, as this has not yet been accomplished in any detailed way. This contribution also provides examples of differences between subjectless sentences in Czech and Slovene.

Key words: sentence, utterance, sentence elements, sentences with a subject, subjectless sentences, subjectless sentences with a verbal predicate, subjectless sentences with a verbal-nominal predicate.

Prispevek obravnava brezosebke stavke v češčini in slovenščini z vidika površinske/strukturne skladnje. Na podlagi raziskave brezosebkovih stavkov v češki bohemistiki in slovenski slovenistiki, primerjanja bohemistične tipologije Grepla in Karlíka in slovenistične razdelitve B. Pogorelec ter lastne analize je predlagana klasifikacija brezosebkovih stavkov za slovenski jezik, saj le-ta v slovenistični literaturi doslej še ni bila podrobno izdelana.

1 Brezosebki stavki

Glede na prisotnost ali odsotnost osebka ali povedka delimo stavke na enodelne (brezosebke) in na dvodelne (osebke) (Grepl, Karlík 1998; Toporišič 1982). Brezosebki stavki so »strukture, grajene na izrazih povedka, ki ne dopuščajo skladenjske pozicije osebka. Povedek teh stavčnih struktur je vedno samo nosilec povedkovih kategorij, ne pa kongruenčnih/ujemalnih. Tako ima obliko, ki se imenuje **impersonalna – neosebna – VF imp**. Oblikoslovno se praviloma ujema s 3. os. ed. sr. spola« (Grepl, Karlík: 1986). V slovenskem jezikoslovju se zanje uporabljata tudi izraza "brezosebkovni" (*Slovenska slovnica*) in "brezosebni" (*Enciklopedija slovenskega jezika*), v češki tradiciji pa se označujejo s terminom "bezpodmětové věty" ali "brezpodměté".

Brezosebki stavki se glede na vrsto povedka ločijo na a) brezosebke stavke z glagolskim povedkom in na b) brezosebke stavke z glagolsko-imenskim povedkom.

a) Brezosebki stavki z glagolskim povedkom so stavki, ki obsegajo polnopomenski glagol in jih lahko zapišemo s splošnim zapisom **VF imp**. Primer: *Prší. 'Dežuje.'; Zastesklo se mu po dětech. 'Stožilo se mu je po otrocih.'; Tady se nekouří. 'Tukaj se ne kadi.'; Svédilo ho v nose. 'Srbelo ga je v nosu.'; Už mi svitlo. 'Se mi je že posvetilo.'*

b) Brezosebke stavke z glagolsko-imenskim povedkom je možno zapisati s splošnim vzorcem **VF imp cop + PRED**, pri čemer je PRED lahko prislov, pridevnik, samostalnik ... Primer: *Je chladno, mlhavo. 'Je hladno, megleno.'* (Grepl, Karlík 1968).

2 Tipologija brezosebkovih stavkov v slovenščini

2.1 Tipi brezosebkovih stavkov z glagolskim povedkom

Ločimo 5 različnih tipov:

1. **Tip 1 s stavčnim vzorcem VF imp:** *Dežuje.; Piha.; Sneži.; Zmrzuje.; Shladilo se je.; Grmi.; Otoplilo se je.*

2. **Tip 2 s stavčnim vzorcem VF imp – ADV loc:** *V borih šumi.; V peči je ugasnilo.; V gorah buči.* Pri 2. tipu ločimo še 2 podtipa. **Tip 2a** s stavčnim vzorcem **VF imp – S dat – ADV loc:** *Dekletu se je zasvetilo v oĉeh.; V glavi mi je bobnelo.; Šlo mi je za nohte.* **Tip 2b** s stavčnim vzorcem **VF imp – S acc – ADV loc:** *Peklo me je v grlu.; Stisnilo me je pri srcu.; Tiščalo ga je v grlu.; Srbelo ga je v nosu.; Mamo je peklo v oĉeh.*

3. **Tip 3 s stavčnim vzorcem VF imp – S dat:** *Teknilo mu je.; Bolniku je odleglo.; Se mi je že posvetilo.; Petru se je zmešalo.; Proti jutru se je mami poslabšalo.* **3a.** Dajalnik + še druga nujna predmetna dopolnila: *Stožilo se mu je po otrocih.; Zahotelo se mu je bogastva.*

4. **Tip 4 s stavčnim vzorcem VF imp – preap S / že SENT:** *Šlo je za čisto nekaj drugega.; Prišlo je do spremembe.; Odvisno je od vremena.; Večinoma velja, da najstarejši sin dobi kmetijo.*

5. **Tip 5 s stavčnim vzorcem VF imp – S acc:** *Polomilo je drevesa. Brata je prizadelo. Odrezalo mu je prste.*

2.2 Tipi brezosebkovih stavkov z glagolsko-imenskim povedkom

Brezosebki stavki z glagolsko-imenskim povedkom so razvrščeni v skupine glede na to, katera sestavna komponenta se pojavlja v imenskem delu povedka (Grepl, Karlík 1986).

1. Predikativi imajo podobo pridevnikov: *Bilo je deževno, blatno, sončno, hladno, lepo., prislovov*: *Zunaj je hladno, lepo.* ali (redkeje) samostalnikov: *Bilo je mraz.; Bilo je škoda.*

2. Kot funkcionalni predikativi se lahko v teh stavkih pojavljajo tudi drugi izrazi, zlasti prislovni predložni izrazi s pomenom stanja: *Bilo je že čez polnoč.; Po šihu je.; Po njem je.; Gre mi na bruhanje.; Bilo je po žetvi.; Bilo je po zvonjenju.* Glede na svoj pomen spadajo sem tudi primeri tipa *Doba žetve je.; Počitnice so.; Božič je.*

3. V zvezah s faznim ali modalnim glagolom ima kopulativni glagol obliko nedoločnika: *Začelo je biti lepo.; Prenehalo je biti vroče.; Moralo je biti hudo.*

4. Stavki, ki izražajo določene prostorske ali časovne odnose, npr.: *Tega je že davno.; Od tukaj je daleč do Ljubljane.; Pet let je že tega.; Janezu je štirideset let.; Babici je bilo okrog sedemdeset.*

5. Konstrukcije, ki imajo za osnovo trpni deležnik. Pomen stanja imajo predvsem stavki z deležnikom od dovršnih glagolov: *Danes je zaprto. Tam je bilo pospravljeno in prezračeno.; Je že posejano.; Je zakajeno.* Redkeje je končni pomen izražen z deležniki nedovršnih glagolov: *Tukaj je sekano.; Tukaj je hojeno.* Te strukture s trpnim deležnikom je možno razumeti tudi kot sekundarne brezosebne stavke.

6. Poseben tip brezosebnih stavkov s kopulo so stavki z modalnim predikativom, pri katerih je pomensko jedro sestavljenega povedkovega izraza praviloma izraženo z nedoločnikom. Imajo slovnični vzorec VF imp cop + PRED mod + INF: *Neprestano se je treba učiti.; Potrebno se bo z njim pogovoriti o tej stvari.; Pomembno je izpolnjevati obljube.; Spet je možno kaditi.; Bilo je možno pravočasno vse urediti; Možno je potovati.; Lahko je govoriti.* **6a.** Pri predikativu 'lahko/gre' v sedanjski rabi se glagolska vez oz. kopula ne vstavlja: *Na to gre računati.* Modalni predikativi služijo za izražanje voluntativne modalitete. **6b.** K tipom brezosebnih stavkov s kopulo je možno uvrstiti tudi konstrukcije, v katerih imajo vlogo modalnega predikativa drugi izrazi imenskega dela: *Čas je oditi. Čas je diplomirati (= Čas je za diplomo); Prepozno je obžalovati.*

7. V skupini glagolov, ki označujejo vidna, slušna in čutna zaznavanja, imajo stavki naslednjo shemo: kopula + nedoločnik: *Videti je bilo gore.; Bilo ga je slišati.; Ni ga bilo (mogoče) razumeti.* **7a.** Kot arhaizem se je konstrukcija kopula + nedoločnik ohranila tudi v primerih, ko ima dejanje konkretnega vršilca. Večinoma gre za dejanje z odtenkom nujnosti; njegov povzročitelj je izražen v obliki logičnega osebka v dajalniku: *Vsem nam je umreti.; Vsem nam je delati za uspeh.* **7b.** Žive so konstrukcije kopula + vprašalni zaimek/prislov + nedoločnik v nikalnih stavkih tipa: *Ni bilo kam iti.; Ni bilo s kom spregovoriti.; Ni bilo kaj za jesti.; Ni bilo kaj za delati* itn. Imajo tudi svoja pozitivna nasprotja: *Je kaj za jesti.; Spet bo kaj za delati.*

3. Razlike med češko tipologijo brezosebnih stavkov Grepla in Karlíka in slovensko tipologijo B. Pogorelec

Bohemistična razdelitev loči 5 različnih tipov **brezosebnih stavkov z glagolskim povedkom**, slovenistična pa 6. Štirje tipi z naslednjimi stavčnimi vzorci so v obeh tipologijah enaki: VF imp, VF imp – ADV loc s podtipoma VF imp – S dat – ADV loc in VF imp – S acc – ADV loci, VF imp – S dat ter VF imp – praep.

B. Pogorelec, ki svoje tipologije ni nikoli objavila in je ta dostopna samo v obliki izročkov k njenim predavanjem, kot 3. tip brezosebnih stavkov z glagolskim povedkom navaja stavke s stavčnim vzorcem VF imp – S gen. Grepl in Karlík tega tipa v svoji razdelitvi ne razločujeta, saj se delni rodilnik (genitiv partitivni) v češki bohemistiki razume kot semantična varianta nominativa in so zato stavki z delnim rodilnikom interpretirani kot dvodelni (osebki). Slovenistika ta tip načeloma razlaga kot enodelne (brezosebne) stavke, ki jih Toporišič v *Slovenski slovnici* obravnava pod glagolskimi enodelnimi stavki, hkrati pa dodaja, »da so podobni enodelnim glagolskim stavkom stavki *Vode zmanjkuje, Šibe vam je manjkalo*, ki se dajo izraziti tudi dvodelno: *Voda je zmanjkala, Šiba vam je manjkala*« (Toporišič 2004: 630). Te stavke torej lahko razumemo kot dvodelne in jih zato v predlagani klasifikaciji brezosebnih stavkov za slovenski jezik ne bomo navajali več.

Pri tipu s stavčnim vzorcem VF imp – praep Grepl in Karlík za razliko od B. Pogorelec navajata še možnost z odvisnikom (VF imp – že Sent), npr.: *Jde o to, abys byl spravedlivý.* 'Gre za to, da bi bil pravičen.' in z nedoločnikom (VF imp – INF), npr.: *Jde o to být spravedlivý.* 'Gre za to biti pravičen.' K temu tipu smo tako tudi v slovensko razdelitev dodali primere z odvisnikom (VF imp – da Sent), saj so ti prisotni tudi v slovenskem jeziku, npr.: *Večinoma velja, da najstarejši sin dobi kmetijo.*

Bohemistična razdelitev razločuje tip brezosebnih stavkov s stavčnim vzorcem VF imp – S instr, ki v slovenščini ni prisoten, je pa tudi v češčini redek in semantično omejen samo na nekaj glagolov s konstitutivno komponento samostalnika v orodniku. Npr.: *Petrem trhlo.* 'Peter je trznil.' Prav tako slovenistična razdelitev dodatno (poleg že omenjenega tipa s stavčnim vzorcem VF imp – S gen) razlikuje še tip VF imp – S dat, ki pa ni prisoten v češčini. Zaradi preglednosti in lažje primerjave so tipi teh stavkov predstavljeni v spodnji tabeli.

Tabela 1: Primerjava tipov brezosebkih stavkov z glagolskim povedkom v češčini in slovenščini

Grepl, Karlík 1986: 113–116	B. Pogorelec 1981/82: 18–19
1. VF imp <i>Prší. 'Dežuje.'; 'Mrzne. 'Zmrzuje.'; 'Táhne. 'Piha.'</i>	1. VF imp <i>Zagrmelo je. Shladilo se je. Sneži.</i>
2. VF imp – ADV loc <i>V zámku zaskřípalo. 'V ključavnici je zaškripalo.'</i> 2a. VF imp – S dat – ADV loc <i>V hlavě mi hučelo. 'V glavi mi je šumelo.'</i> 2b. VF imp – S acc – ADV loci <i>Svědilo ho v nose. 'Srbelo ga je v nosu.'</i>	2. VF imp – ADV loc <i>V peči je ugasnilo. V gorah je bučalo.</i> 2a. VF imp – S dat – ADV loc <i>Dekletu se je zasvetilo v očeh.</i> 2b. VF imp – S acc – ADV loci <i>Peklo me je v grlu.</i>
	3. VF imp – S gen <i>Snega je napadlo. Vina je zmanjkalo.</i>
3. VF imp – S dat <i>Už mi svitlo. 'Se mi je že posvetilo.'</i>	4. VF imp – S dat <i>Teknilo mu je. Bolniku je odleglo.</i>
4. VF imp – preap S / že SENT/ INF <i>Jde o spravedlnost. 'Gre za pravičnost.'</i> <i>Jde o to, abys byl spravedlivý. 'Gre za to, da bi bil pravičen.'</i> <i>Jde o to být spravedlivý. 'Gre za to biti pravičen.'</i>	
5. VF imp – S instr <i>Petrem trhlo. 'Peter je trznil.'</i>	5. VF imp – preap S <i>Šlo je za čisto nekaj drugega. Prišlo je do spremembe.</i>
	6. VF imp – S acc <i>Polomilo je drevesa. Brata je prizadelo.</i>

Bohemistična in slovenistična tipologija **brezosebkih stavkov z glagolsko-imenskim povedkom** sta si zelo podobni. Glede na to, katera sestavina se pojavlja v imenskem delu povedka, so ti stavki v bohemistični razdelitvi razvrščeni v 8 skupin. B. Pogorelec v svoji tipologiji razločuje večino izmed njih. V zgoraj predlagani tipologiji za slovenski jezik smo jih razvrstili v 7 skupin.

5 Kontrastivna primerjava rabe brezosebkih stavkov v češčini in slovenščini

Kljub podobni tipologiji brezosebkih stavkov v obeh jezikih opazamo določene razlike v njihovi rabi oz. njihovem mestu v jezikovnem sistemu. Brezosebki stavki so v slovenskem jeziku pogostejši, medtem ko ima češčina večjo tendenco po izražanju osebkov. Češčina osebek pogosto izraža v obliki zaimka *to*, ki je dejansko pravi osebek, v slovenščini pa se na tem mestu pojavlja brezosebkov stavek (primer 1). Poleg tega se razlike pojavljajo tudi pri posameznih glagolih ali glagolskih oblikah (primer 2). Najbolj tipične tovrstne razlike med obema jezikoma bomo prikazali na podlagi ekscerpcije iz leposlovja, publicistike, vsakdanjega življenja ter vezljivostnih slovarjev obeh jezikov. Brezosebki stavki so v primerih enojno podčrtani, kjer pa gre v enem jeziku za osebkov stavek, je le-ta dvojno podčrtan.

Večja tendenca češčine po izražanju osebkov

Primer

Češ.

„A víte oč se jedná?“

„Nevím, ja se o to nestarám.“

„A přece by vás to mělo zájmat.“

Vir: (Hašek, Jaroslav, 1996: 22–24).

1:

Sln.

»Pa veste, za kaj gre?«

»Ne vem, jaz se za to ne brigam.«

»Pa vendar bi vas moralo zanimati.«

Vir: (Hašek, Jaroslav, 1982: 23).

Zaimek *to*, ki nima funkcije slovnicega osebkov

Brezosebki stavki z glagolskim povedkom s stavčnim vzorcem VF imp so v obeh jezikih izraženi na enak način, vendar je potrebno opozoriti, da stavki tega tipa v češčini pogosto vsebujejo tudi zaimek *to*, ki pa nima funkcije slovnicega osebkov, kot se zdi na prvi pogled, ampak funkcijo členka, ki večinoma izraža odtonek začudenja, presenečenja ali intenzifikacije.

Primer 2:

Češ.

Pořádně to fouká i na německých silnicích.

Sln.

Močno piha tudi na nemških cestah.

Vir: Internet 1

V češčini gre v tem primeru torej za brezosebkov stavek. V slovenščini je to prav tako brezosebkov stavek, uporaba zaimka *to* pa v podobnih primerih ni prisotna (npr. *Močno to piha tudi na nemških cestah; Kako to piha; Kako to lije* itd.).

Nedoločni osebek v češčini

Češčina v metodološko-teoretičnih opredelitvah dodatno (za razliko od slovenščine) razločuje še **nedoločni osebek** (*podmět neurčitý*), ki izraža nekaj, kar je neznano ali česar govorec noče določiti, ima pa prav tako vlogo pravega osebk. Včasih pa nedoločni osebek niti ni izražen. Npr. *V hodinách to hrklo; V hodinách hrklo 'V uri je zaropotalo'* (Havránek, Jedlička 1960). Nedoločni osebek je prisoten le v bohemistični literaturi, v slovenistični pa ga ne razločujejo od drugih. V slovenščini se na tem mestu pojavlja brezosebkov stavek.

Primer 3:

Češ.

„Ten je ale dneska vožralej,“ s plným uspokojením a radostí říkali před oltářem, „ten ji má. Toho to zas chytlo! To se jistě vožral někde u holek.“

Vir: (Hašek, Jaroslav, 1996: 89).

Sln., str. 98

»Ta je danes pa nažgan,« so s polnim zadovoljstvom in radostjo govorili pred oltarjem, »ta ga ima. Tega je pa spet zgrabilo! Gotovo se je nasekal kje pri dekletih.«

Vir: (Hašek, Jaroslav, 1982: 23).

Stavek *Toho to zas chytlo!* je v češčini osebkov, v slovenščini pa brezosebkov. V češčini je osebek izražen z zaimkom *to*. Gre za nedoločni osebek (*podmět neurčitý*).

Razlike pri izražanju posameznih glagolov ali glagolskih oblik

Primer 4:

Češ.

Lidem se už žije lépe.

Vir: (Rančigaj, Maja, 2012).

Brezosebkov stavek v češčini bi v slovenščino prevedli z osebkovim stavkom.

Sln.

Mudi se mi.

Vir: (Rančigaj, Maja, 2012).

Brezosebkov stavek v slovenščini bi v češčino prevedli z osebkovim stavkom.

Stavki, pri katerih med jezikovnimi tradicijama prihaja do razhajanj v njihovem opredeljevanju, vendar njihova podrobnejša obravnava v tem prispevku ni zajeta, so še stavki z logičnim in splošnim osebkom.

Zaključek

Iz primerjave tipologije brezosebkovih stavkov Grepla in Karlíka ter slovenske tipologije B. Pogorelec je razvidno, da sta si razdelitvi v veliki meri podobni, so pa v obeh prisotni tipi, ki v enem ali drugem jeziku niso mogoči ali pa se razlikujejo glede na svojo teoretično opredelitev. Iz analize zbranega gradiva je razvidno, da ima češčina nekoliko večjo tendenco po izražanju osebkov ter da so brezosebkov strukture v slovenščini v primerjavi s češčino pogostejše. Primerjava strokovne češke literature s slovensko, njeni zaključki ter ugotovitve na podlagi analize zbranega gradiva tako prinašajo preglednejši vpogled v tipologijo brezosebkovih stavkov, prikazujejo razlike in podobnosti ter odpirajo določene možnosti za nove dopolnitve.

Literatura

- Grepl, Miroslav, Karlík, Petr (1986), *Skladba spisovné češtiny*. Praha, Státní pedagogické nakladatelství.
 Grepl, Miroslav, Karlík, Petr (1998), *Skladba češtiny*. Praha, Votobia.
 Hašek, Jaroslav (1982), *Prigode dobrega vojaka Švejka v svetovni vojni*. Maribor, Založba Obzorja, Murska sobota: Pomurska založba.
 Hašek, Jaroslav (1996), *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války*. Praha, Nakladatelství Baronet.
 Havránek, Bohuslav, Alois Jedlička (1960), *Česká mluvnice*. Praha, Státní pedagogické nakladatelství.
 Pogorelec, Breda (1981/82), *Povzetek slovenske skladnje*. Ljubljana, tiskopis.
 Pogorelec, Breda (b. l.), *Povzetek slovenske skladnje*. Ljubljana, tiskopis.
 Rančigaj, Maja (2012), *Brezosebkov stavki v češčini in slovenščini*. Diplomsko delo. Ljubljana.
 Toporišič, Jože (1982), *Nova slovenska skladnja*. Ljubljana, Državna založba Slovenije.
 Toporišič, Jože (2004), *Slovenska slovnica*. Maribor, Založba Obzorja.

Internetni viri

Internet 1: http://www.rozhlas.cz/motozurnal/cestovani/_zprava/poradne-to-fouka-i-na-nemeckych-silnicich--1002574 (3. 1. 2012).

Nadija Rebronja

State University of Novi Pazar, Novi Pazar, Serbia
nadija_r@yahoo.com

Slovenska mitologija u romanu *Kućom čine lastavice* Ćamila Sijarića

Abstract: This paper is about Slavic mythology in subtext of the novel Kuću kućom čine lastavice (Swallows make a house be itself) by Ćamil Sijarić. This work will analyze inter-textual relations with mythological, religious and folk elements in Sijarić's novel Swallows make a house be itself and then, it will analytically show what ways Sijarić, through folk and traditional, addresses contemporary and modern. Characters in this novel are marked with ancient beliefs, connection to land and agriculture, still pass through drama of contemporary man. It also gives new context to the Slavic mythology and ancient beliefs inter-textually implicated in novel.

Keywords: Slavic mythology, Ćamil Sijarić, Swallows make a house be itself, subtext

Roman *Kuću kućom čine lastavice* drugi je Sijarićev roman, koji je objavio kao već proslavljen autor 1962. Grotesknu notu romana *Bihorci*, Sijarić zamenjuje melanholično-baladičnim tonom, i ponovo jezikom narodnog pripovedača savremenog izraza, priča priču o jednom prostoru sličnom onom bihorskom. Radnju romana autor je smestio u selu Bioči, ponovo između dva svetska rata, ali su sada njegovi likovi direktni učesnici ratova. Autor se, ipak, istorijom ne bavi. On se bavi sudbinom likova zarobljenih u tim ratovima, njihovim odnosom prema ratu, ali pre svega njihovim međusobnim odnosima. Priča prati porodicu Sejdić, a najviše dedu Agana i unuke Saltana, Amara i Rušku.

Ovaj roman prati odnos individualnog i kolektivnog. Ovde je kolektiv jedna porodica, a individue pokušavaju da se izdvoje iz njega, zbog čega svako plaća svoju cenu. Cenu na kraju plaća i kolektiv tj. porodica, svojim urušavanjem i rasulom.

Već prva rečenica romana najavljuje komunikaciju sa slovenskom mitologijom: „Pred kućom sejdićkom zaurloao je hrt. A ne valja kad hrt zaurlo pred kućom...“ (Sijarić 1981: 5). Time autor na samom početku najavljuje opasnost koja preti porodici Sejdić, oko čega plete radnju romana. U slovenskoj mitologiji je zabeleženo verovanje da zavijanje psa najavljuje nesreću: „U verovanjima, kada pas zavija, to je predznak smrti, pomora, bolesti, gladi, rata, požara, krađe, bede“ (Tolstoj-Radenković 2001 :418). To verovanje možda potiče iz verovanja o vezi psa sa đavolom i Paklom koje postoji u nekim slovenski predanjima: „U tom smislu ilustrativna je uloga p. u rus. predanjima: po jednom, njega je stvorio Bog od blata, kojim je đavo umazao čoveka, da bi ga zaštitio od đavola; po drugom - on je bio stražar na granici između pakla i raja“ (Tolstoj-Radenković 2001 :417).

Pas u mitologiji može imati i zaštitničku ulogu: „Muslimani ipak razlikuju običnog psa od hrta, koga plemenitost spoljašnjosti čini čistom životinjom. Danteov je poslanik, veltro, hrt; nalazimo ga i kod Direra (Durer), a može se poistovetiti s pretečom drugog Hristovog dolaska. Pas koji pljuje oganj je amblem svetog Dominika čiji su redovnici prozvani Dominicanses (Gospodovipsi), oni koji glasom štite kuću.“ (Gerbran - Ševalije Žan 2004 :671). Čini se da u Sijarićevom delu hrt ima dvostruku simboliku, i onu zloslutnu, te je time poznavalac sveta mrtvih, ali i onu čuvara kuće. On nevolju koja će snaći kuću koju čuva oseća, te i sam nosi tugu te kuće. Zato Sejdići veruju svom čuvaru da zna da će im se nešto zaista desiti. Već na samom početku romana, tradicionalno predskazanje da pas koji zavija najavljuje nesreću duboko utiče na psihi likova. Snaha od predskazanja pokušava da zaštiti svoje dete u kolevcu: „Zbunila se i učinila nešto još gore: odbacila je sa krila košulju koju je šila za sejdićkog to je značilo da mu više ne treba. Uzela je da ljulja dijete i da glasno trupka kolijevkom, misleći u sebi: „Nek umiru oni što su preči, a tebe ne da tvoja majka. Nije ono djeci hrt zaurloao, nego starima; ne da tebe tvoja majka“ (Sijarić 1981: 6).

Uverenje da je znak koji im donosi pas, toliko je duboko, da u porodici nastaje nemušta drama. Snažan zadatak smrti uvukao se u psihe likova romana, a najviše ga oseća ded. Zbog brige za dete, između deda i snahe nastaje nečujna psihološka borba oko toga na koga predskazanje treba da se odnosi:

U kući se čula samo kolijevka: traka, truka a djed sejdićki je to prevodio: „Hajde ti stari, hajde umiri, šta čekaš tu dokon“. I njemu se tako i učinilo da zbilja treba nekud da pođe, na put nekakav, i da ga tjera ta kolijevka, tim trupkanjem: hajde, hajde, ti stari... Misli su mu otišle na košulju, koja je — bijela, ležala pred njim, tu gdje je iz ruku ispustila snaha: „A ako ostane moja košulja, pa je ne obučem pa ja ne poderem..., nego je podere ono dijete! Ja pod zemljom i travom, a ono je nosi... Nosi moju košulju! I na njoj ista ona puca — a ja pod travom ... Ono je hrt meni zaurloao!“ (Sijarić 1981: 6).

Na samom početku romana bitan je još jedan simbol, koji je sadržan i u naslovu: „Stari Agan je odmah stao da odbraja zrna brojanice i u njih da šapće: „Sačuvaj ovaj dom ti koji si ga uvijek čuvao od zla i nesreće, amin!“ a otud s polja vjetar je donosio miris trava, i oko krova oblijetale lastavice, sve namotavale nekakvu crnu pređu, pa je zatim tkale, tkale, cijelo jutro.“ (Sijarić 1981: 5). Po mnogim verovanjima, ptice su uvek medijator između

dva sveta. Kod Slovena, lastavica je izuzetno poštovana ptica: „Svi Sloveni u poštovane, čiste i svete ptice ubrajaju i lastu. /.../ U nekim južnoslovenskim legendama lasta se javlja kao antipod zmije. Posle potopa, ona je spasla čoveka od krvoločne zmije. /.../ Motivi antagonizma sa zmijom /.../ ponavljaju se u južnoslovenskim legendama o suncu. Lasta je spasla sunce (ili jedno od sunaca) od zmije koja ga je proždiralala, sakrivši ga pod svoje krilo“ (Gura 2005: 462). Takođe, lasta na krovu kuće ima zaštitničku moć: „Lasti, kao i rodi, koja takođe svija svoje gnezdo pod strehom kuće ili štale, svojstvene su funkcije *zaštitnice kuće i stoke*. Svuda se smatra da lastino gnezdo pod strehom obezbeđuje domu sreću i blagostanje“ (Gura 2005: 463). Takođe, veruje se da razaranja lastinog gnezda donosi nesreću, a kazne za onoga ko to učini su ogromne (Vidi: Gura 2005: 464).

Sijarić na samom početku romana komunicira sa verovanjem o lastavicama kao zaštitnicama kuće. Lastavice obleću oko kuće i obavljaju svoju zaštitničku igru, no zloslutno preskakanje je već izrečeno lavežom hrta. Zato ove ptice, kao medijatori između ovog i onog sveta, namotavaju neku crnu pređu, pokazujući još jednom da se ovoj kući sprema neko zlo. Ovaj simbol se razvija dok traje nemušta borba između snahe i dede. Deda Agan sluša kolevku u kojoj snaha ljulja dete, čime želi da mu pokaže da je on taj koji bi trebao da umre, jer je najstariji. Deda se priseća stare uspavanke koja se uvek pevala u kući Sejdića:

Sjećao se jedne stare pjesme koju je neka od sejdičkih snaha nekad davno donijela u dom. Samo se ta pjesma, i nijedna druga, pjevala kada se uspavljaju djeca; „Gnijezdo vila lasta vica...“ Oči se tada malo pritvore, tijelo se malo zaljulja — onako kao što se ljulja kolijevka, i riječi odu o lastavici...

Toliko je puta otpjevana ta pjesma da se njemu činilo da iz svake stvari viri po jedna lastavica.

Zaljuljao se i zamislio kao da je dijete i kao da raste... Riječi su mu same otišle: „Gnijezdo vila ...“ A zatim su mu pošle suze.

„Onaj hrt je meni zaurlo!“ (Sijarić 1981:8)

Ovde tekst romana komunicira sa narodnom pesmom *Ropstvo Janković Stojana*, čime se simbol lastavice dalje razvija. Lastavica je u narodnoj poeziji jedna od ptica koja nosi pozitivnu simboliku, a u ovoj narodnoj pesmi metafora se gradi oko lastavice i sokola i razvijanja gnezda (Vidi: Kleut 2003: 40). U romanu lavežom hrta najavljena je opasnost porodici Sejdić, nečija smrt, ali i rasulo porodice koje će se tek kasnije tokom romana desiti. Razvijanje gnezda time u romanu dobija srodno značenje koje ima i u pesmi *Ropstvo Janković Stojana*. U pesmi je to mogući raspad porodice tj. bračne zajednice zbog dugog odsustva zarobljenog Stojana i preudaja njegove ljube. U romanu je razvijanje gnezda rasulo porodice, koje se još nije desilo, te je na ovom mestu u romanu iskazana samo zebnja i predosećanje. Narodna pjesma je u romanu pretvorena u uspavanku za decu iz porodice Sejdić, one najmlađe njene članove, naslednike i nastavljače. Ovde dobija prizvuk brige za njihovu budućnost i pitanje da li će savijano gnezdo opstati. Sve to ukazuje i na sam naslov romana, u kom je uloga lastavice kao magijske zaštitnice doma, prebačena na članove tog doma i porodice. Članovi porodice Sejdić, pre svega unuci, su lastavice koje bi trebalo da kuću učine kućom, da sačuvaju porodicu. Odnos između lastavice i gnezda je odnos između članova porodice i porodice same, kao i odnos između individue i kolektiva. Takođe, ovde postoji i opšta simbolika lastavica, kao ptica koje odlaze na jug ali se uvek vraćaju, što se očekuje i od članova porodice Sejdić i što je njihova neuspela težnja, da pronađu svoju individualnost i samostalni život, ali da ostanu vezani za porodicu.

Dok zloslutno predskazanje hrta muči Agana, on odlazi da sedne ispod javora:

Sejdići su pričali da je javor pred kućom zasadio nekada I njihov pradjed — i da je i umro pod tim javorom. I kad god bi I na put polazili, oni bi pod javor priveli konje, tu ih uzjahali i odatle kretali. Tu su se skupljali i kad zemlju dijelili, jer se tu ne smiju posvađati, a ne smiju se ni krivo zakleti —jer je gore nad njima drvo pradjedovo... Kada su nevjeste u dom uvodili — prvo su ih privodili pod javor. Mrtve su na groblje odatle nosili, a rođenu djecu tu prvi put kupali — neka se bace na pradjeda (Sijarić 1981: 7).

Ovim Sijarić uvodi još jedan simbol bitan za porodicu Sejdić:

U tome katalogu jedno od uglednih mesta pripadalo bi i javoru, koji ima veze sa mrtvačkim kultom, i kultom predaka, i nije slučajno što su se mrtvaci nekada često sahranjivani u izdubenim javorovim deblima; što se mrtvački kovčeg često pravi od javorovih dasaka (»Sine Konda, je l' ti zemlja teška, Il' su teške daske javorove« (Vuk, Pjesme, I, 368); i što su gusle, koje su instrumenat epske poezije, a epska poezija je u vezi sa kultom predaka, i jedan deo toga kulta, od javorovine (Čajkanović 1995: 171).

Javor na ovom mestu u romanu očito nosi simboliku porodice Sejdić i njihovog života, porodičnog jedinstva, patrijarhalnosti, veze sa precima. Za tu simboliku se Sejdići vezuju kada putuju, žene, a za nju je očito najviše vezan onaj koji je glava kuće, dakle Agan. No, sa drveta predaka i porodične stabilnosti padaju sleću dve vrane i padaju pravo pred Agana: „Sa račvastih grana javora pred kućom poletjele su dvije vrane i zabole se tamo u travu kao dva crna bačena ugljena“ (Sijarić 1981: 7).

Vrana u slovenskoj mitologiji takođe ima simboliku predskazanja smrti:

GAVRAN i VRANA - u narodnim predstavama nečiste i zloslutne ptice. Kao i druge ptice iz porodice gavranova (čavke, gačci), objedinjene su sličnim verovanjima i nazivima. G. je mudra ptica. On živi sto ili trista godina i vlada tajnama: predskazuje —» smrt, napade neprijatelja, /.../ Ptice iz ove porodice imaju crnu boju i suprotstavljaju se krotkim i svetim pticama, pogotovu golubu, kao zloslutne, uto se odražava i u predstavama o pićjem obličju ljudske duue, u narodnim legendama o svetskom potopu, itd. S druge strane, na suprotstavljanju

*belog (ili uarenog) i crnog (ružnog) perja zasniva se komika niza bajki o gavranu. U g. vide -» nečistu sidu. On je crn zbog toga uto ga je stvorio **đavo**. /.../ Ptice iz porodice vrana vezane su za smrt i svet mrtvih. /.../ Oglauavanje g. blizu **kuće** predskazuje skorbu smrt. Crni g. u snu i graktakanje vrane takođe predskazuju smrt. (Tolstoj - Radenković 2001 :109)*

Vrane na javoru porodice Sejdić, još jedan su zloslutni znak i predskazanje smrti. Agan dolazi pod drvo predaka, u pokušaju da nađe psihički oslonac, neko rešenje, jer je javor drvo pod koje su Sejdići uvek dolazili kada im se demavalo nemtvo važno. Umesto olakšanja, vrane koje vidi dodatno naglašavaju njegovo iščekivanje nevolje i pojačavaju njegovo mučno psihičko stanje.

Autor ukazuje na značaj zemlje za seoskog čoveka, što najbolje pokazuje Emrul. On je dobio zemlju i time doprineo rasulu porodice Sejdić, na njihovoj nevolji izgradio svoju sreću: „Polovinu zemlje i polovinu kuće otcijepio je Emrul i prevalio na svoju stranu, počinjući time da savija svoje gnijezdo — od granja, od ljuščica, od iverja već rasturena sejdićkog doma“ (Sijarić 1981: 41). Emrul je od sreće što je dobio zemlju izveo svoj vlastiti ritual: „Ustao je izjutra sa pijetlovima i, sit i jak, i oran da se uhvati za ralo, stajao na prag i od sreće svoje kukurijekao, zajedno tamo sa pijetlovima: Kukurijeku...! — zagledan u rani jutarnji sjaj neba i u zemlju poleglu među brdima. Kud god je išao i šta god je radio, on je vidio samo jednu sliku: silno povijanje zelenih trava i grdno ljuljanje zrelih žita, i mislio: zemlju imam, ženu imam, hoću i ja malo da proživim“ (Sijarić 1981: 41-42)

Simbolika petla u mitologiji može se povezati sa plodnošću: „Kokoš i petao imaju posebnu ulogu i u svadbenim običajima, gde dolazi do izražaja verovanje u njihovo delovanje na plodnost“ (Kuliši, Petrović, Pantelić 1970: 223). Petao kao simbol plodnosti, može imati i mušku simboliku, predstavljati potentnost. Emrul se oseća ostvaren kao čovek i muškarac, dobijena zemlja ga čini moćnim, te u naglo stečenom samopouzdanju, kukurike u horu sa petlovima. Ovde autor definiše šta jednog bihorskog čoveka čini srećnim i potpunim: žena i zemlja su dovoljni za srećan život. Dobijajući ženu, Emrul je dobio i zemlju, te se ovde autor zapletom ispletenim oko likova romana, poigrava sa ta dva simbola koji su inače povezani i često izjednačeni.

Ovaj roman prati odnos individualnog i kolektivnog. Ovde je kolektiv jedna porodica, a individue pokušavaju da se izdvoje iz njega, zbog čega svako plaća svoju cenu. Cenu na kraju plaća i kolektiv tj. porodica, svojim urušavanjem i rasulom. Elemente slovenske mitologije Sijarić koristi da izgradi likove kao ljude koji tradicionalna verovanja imaju duboko u svesti, no ipak su zatečeni problemima savremenog čoveka.

Literatura

- Sijarić, Ćamil (1981), *Kuću kućom čine lastavice*. Sarajevo, IRO Veselin Masleša, OO Izdavačka djelatnost.
- Tolstoj, Svetlana M, Ljubinko Radenković (2001), *Slovenska mitologija*, enciklopedijski rečnik. Beograd, Zepter book world.
- Gerbran, Alen, Ševalije Žan (2004), *Rečnik simbola*. Novi Sad, Stylos.
- Gura, Aleksandar (2005), *Simbolika životinja u slovenskoj narodnoj tradiciji*. Beograd, Brimo, Logos, „Globosino“ – Aleksandrija.
- Kleut, Marija (2003), *Narodna književnost*, fragmenti skripti. Novi Sad, izdanje autorke.
- Čajkanović, Veselin (1995), *Stara srpska religija i mitologija*. Beograd, Srpska akademija nauka i umetnosti, Srpska književna zadruga.
- Š. Kuliši, P.Ž. Petrović, N. Pantelić (1970), *Srpski mitološki rečnik*. Beograd, Nolit.

Slomškovo besedje med osrednje- in vzhodnoslovenskim jezikovnim prostorom

ABSTRACT: This article presents the vocabulary of selected sermons written by Slomšek in terms of spatial distribution between the central and eastern language area of Slovenia. The main focus is on how Slomšek participated in developing the Slovenian vocabulary of the middle 19th century and in accordance with the tendency of unification strived for the central Slovenian vocabulary. This vocabulary was enriched by Slomšek with the distinctive regional vocabulary of the eastern language area. Defined are his original vocabulary and loanwords. It is also pointed to the importance of dealing with synonymous expressions.

Kew words: A. M. Slomšek, central and eastern Slovenian vocabulary, loanwords, synonyms

1 Uvod

V prispevku je analizirano besedje iz izvornikov Slomškovih pridig, ki so v posodobljeni slovenščini izšle v knjigi *Krščanska beseda Antona Martina Slomška* (2000) (bibliografski podatki posameznih pridig so navedeni v tej knjigi). Besedje izbranih pridig kaže v svoji izrazni podobi – zlasti na glasoslovni in oblikoslovni ravni – mnoge poteze razpetosti med osrednje- in vzhodnoslovenskim prostorom (glej Jesenšek 2001: 669–682). V prispevku ne prikazujem teh variant, temveč opozarjam na leksikalne različice.

Osredotočam se na besedje, ki ga Slovar slovenskega knjižnega jezika (SSKJ) ne vključuje, najdemo pa ga še v Pleteršnikovem (Plet.) in v starejših slovarjih. Besedju dodajam pomen, razviden iz Slomškove rabe. Zgodi se namreč, da se pomeni ne ujemajo z navedenimi v Plet. ali SSKJ (npr. *babela* – Plet. in SSKJ v pomenu *navajata*, da gre za zaničljivo oz. slabšalno oznako ženske, Slomšek pa uporabi izraz v pomenu 'stara ženska'; *sinovci* – Plet. in SSKJ izrazu *sinovec* pripisujeta pomen 'vnuk, nečak', Slomšek pa 'sinovi'; *tepež* – v Plet. in SSKJ v pomenu 'pretep', pri Slomšku pa 'pretepač' itd.).

A. M. Slomšek je v svoja najrazličnejša dela spretno vključeval bogat slovenski besedni zaklad in tvorno sodeloval pri oblikovanju slovenskega besedišča v 19. stoletju. Skrb za ohranjanje in oblikovanje domačega izrazja je tesno povezana z njegovimi jezikovnimi nazori (Orožen 1991: 366–382), v katerih je nasprotoval pokrajinskemu separatizmu in se zavzemal za poenotenje oz. pokrajinsko prepletanje. Pri tem je vodilno vlogo priznaval osrednjeslovenskemu prostoru, vendar si je odločno prizadeval za upoštevanje vzhodnoslovenskih, torej štajerskih in prekmurskih značilnosti, ter značilnosti koroškega jezikovnega prostora (Jesenšek 2001: 669–682). Ob prizadevanjih za poenoteno pisavo in jezikovne oblike je združevalni most zavzel tudi pri rabi besedja.

Slomšek je poznal besedje vseslovenskega prostora. Še posebej mu je bilo blizu štajersko in koroško besedje, saj je v tem okolju večinoma živel in deloval. Ob potovanjih (Kovačič 1962) po drugih slovenskih pokrajinah je spoznaval tudi druge pokrajinske različice z značilno leksiko. V pokrajinskem besedju in v njegovih oblikah je prepoznaval bogastvo celotnega slovenskega besednega zaklada in se ob leksikalni pestrosti zavedal tudi pomenske:

»Tudi na besedah se spodtikajo, ino jim ne dopade, de bi mož ino žena bila človeka prav po volji božji (kakor dva božja voleka). Pa besede rade v drugim kraji tudi kaj drujiga pomenijo. Po Štajarjih se imenuje lepa rudeča pikasta žužica, ki rada otrokam po roci lazi ino mirno izletí: božji volek. Po tem ljudje pravijo: on je pohleven ko božji volek; ino dopade Štajercu, če ga tako pohvališ. Ravno enako pravijo po Krajskim ino po Štajarskim: gobec ima le pes. Na Koroškim pa ljudem na gobec gledajo, kakor pri nas na usta; ino se nihčer ne švara. Kakor se per nas jokamo, se po drugod derejo, ino vsaki kraj ima svoje. Ne zasmehvati, ne zaničvati ptujih zarekov ino besed – temuč povedati si jih hitimo.« (Drobtinice 1847: 5–6)

Zavzeto je spodbujal zbiranje slovenskega besedja, saj je v tem prepoznaval ohranjanje slovenskega jezika in narodnega blaga:

»Mnogotera slovenska beseda je že po hribih in samotnih dolih zaspala, ktere nihče za slovstvo pobral in shranil ni, marveč so se jih le smejali, ktere niso poznali. Tako se jezika zguba godi, ktira ni za popraviti. Zberajmo torej skerbno, podelimo si pa tudi po braterno najdeniga blaga, naj bo naša beseda čedalje bolj obilna, pa tudi razumljiva kakor svetla luč; ona je ključ k pravi vednosti in kreposti.« (Drobtinice 1857: 129–130)

Slomškovo besedje v Pleteršnikovem slovarju

Večino besedja, ki ga je Slomšek uporabljal, je vključenega v Pleteršnikov Slovensko-nemški slovar (1894/95). Med tem posebej izpostavljam tisto, ki je označeno s kvalifikatorjem Slom., kar pomeni, da ga je Pleteršnik prevzel po Slomšku (izpisoval ga je iz Zbranih spisov I–III, ki so izhajali med leti 1876–1879). S tem se potrjuje, da so bila Slomškova dela pomemben vir pri osnovanju slovenskega slovaropisja. Besede s kvalifikatorjem Slom. so npr. *braterna* (Plet. *bratna*) 'bratovščina', *čerstev* (Plet. *črstav*) 'čvrst', *darovnik* 'darovalec', *deklina* 'deklica', *družban* 'družabnik', *klubetni otrok* 'kljubovalen', *kmetiški* 'kmečki', *ljubej*

'ljubljenec', *oveselenje* (Plet. *oveseljénje*) 'razveseljevanje', *perburiti* (Plet. *priburiti*) 'pridivjati', *podvoj* 'podboj', *pogoje* 'pogosto', *ponidoma* (*denar p. tratiti*) 'po nepotrebem', *povegrati* 'uničiti', *povračnik* 'kdor daje povračilo', *rokodel* 'rokodelec', *serec* 'starec', *svetoželjni kristjan* (Plet. *svetožéljan*) 'kristjan, ki hrepeni po svetem', *svojost* 'samostojnost', *toževati* 'dolžiti', *ubožnica* 'zavod za ljudi brez dohodkov', *varož* (Plet. *varoš*) 'mesto', *varučka* 'varuška', *večerka* 'del popoldneva, ki je bližje večeru kot poldnevu', (*v*)*kročati* 'ukrotiti'. Nekaterne besede (npr. *hišvanje* (Plet. *hiševanje*) 'gospodarjenje', *izvrčati* 'izvrniti', *pismenka* 'črka', *zalezuh* 'lenuh, kdor dolgo spi') so označene s kvalifikatorjem Slom.-C., kar pomeni, da jih je Caf slišal pri Slomšku, Pleteršnik pa jih je prevzel iz Cafovega slovarja (1843–1874).

Med izbranim gradivom prevladuje središčno slovensko besedje, npr. *besedovati* 'jezikati', *bitstvo* 'bistvo', *bratinstvo* 'bratstvo', *brezden/brezdno* 'brezno', *čumnata* 'manjša soba', *dednik* 'dedič', *dereč* 'deroč', *hropati* 'hropsti', *izkojiti/izrediti* 'vzgojiti', *kakov* 'kakšen', *kde* 'kje', *klubost* 'kljubovalnost', *koji* 'kateri', *naprednik* 'naprednjak', *napuhnež* 'domišljavec', *nastopnik* 'naslednik', *nevaršina* (Plet. *nevarščina*) 'nevarnost', *opetje* 'okvara', *prediga* 'pridiga', *prešestni* (Plet. *prešestan*) 'prešušten', *pripodoba* 'podoba', *prihranljivost* 'varčnost', *priporočenje* 'priporočilo', *razdelenje* (Plet. *razdeljenje*) 'razdelitev', *razun* 'razen', *samiški* 'samski', *solnce* 'sonce', *stariši* 'starši', *tamo* 'tam', *temuč* 'temveč', *tenkota* 'tankost', *terdovratnik* (Plet. *trdovratnik*) 'trdovratnež', *tistokrat* 'takrat', *zapušenje* (Plet. *zapuščenje*) 'zapustitev', *zaslužilo* 'zaslužek', *zasramljiv* 'sramoten', *zdravitelj* 'zdravnik', *zgotoviti* 'dokončati', *zravno* 'zraven', *zvezdogledec* 'zvezdogled', *zvonaj* 'zunaj' itd.

Ob prevladujočem središčnem besedju je pogosto tudi štajersko, koroško in prekmursko izrazje. Slomšek ga je namenoma uporabljal, da bi z njim bogatil osrednjeslovenskega. Npr.: *davati* 'dajati', *deca* 'otroci', *dedej* 'ded', *deklina* 'neporočeno, mlado dekle', *dro* 'izraža pritrjevanje', *dveri* 'vrata', *gizdost* 'ošabnost', *gleštati* 'premoči, imeti', *gostokrat* 'dostikrat', *hčer* 'hči', *henjati* 'nehati', *homec* 'hrib', *inače* 'drugače', *izkapati* 'izkopavati', *izporočiti* 'izročiti', *jestvenik* 'jedilni list', *jestvina* 'jed', *kakti* 'kakor', *kložnja* 'odvečne stvari', *konči* 'končno, vsaj', *kuhla* (Plet. *kuhlja*) 'kuhalnica', *malički* (Plet. *máliček*) 'majhen', *mesenc* 'mesec', *mešnik* 'mašnik', *milostiven* 'milostljiv', *nicoj* 'nocoj', *nikaj* 'nič', *noša* 'nošenje', *ov* 'ta', *parna* 'prostor za shranjevanje krme, sena', *podučati* 'poučiti', *pokapanje* 'pokopavanje', *popevati* 'peti', *pripovedati* 'pripovedovati', *robstvo* 'suženjstvo', *sterd* (Plet. *strd*) 'med', *svetek* 'praznik', *učenica* 'učenka', *učiniti* 'narediti', *škrinja* 'skrinja', *štrija* 'čarovnica', *tersje* (Plet. *trjsje*) 'vinograd', *vigred* 'pomlad', *zarano* 'zgodaj zjutraj', *zveličanstvo* 'zveličanje', *žagred* (Plet. *žagrad*) 'zakristija' itd.

Slomšek je nasprotoval nepotrebemu vnašanju tujih besed v slovenski besedni zaklad, vendar se je zavedal, da je bilo v živem jeziku močno zakoreninjenih veliko popačenk. Zagovarjal je, da si je treba prizadevati za slovensko besedje, tujega pa prevzeti le, če nimamo ustreznega domačega izraza:

»Ne rabi po nemškutarsko ptujih nepotrebni besed; pa tudi previsoko v novokovani slovenščini ne letaj; včasih je dobro staro znane, podomačene ptuje besede rabiti, p. zakrament, ne pa svetstvo; muzika bolje kak glazba.« (Drobtinice 1862: 22–23)

Med Slomškovi besedjem je malo prevzetega, prevladujejo germanizmi, npr. *ajfranje* 'ljubosumnost', *farman(ce)* 'župljan(ke)', *gajžlati* 'bičati', *gliha* 'enakost', *gnada* 'milost', *henjati* 'nehati', *lampica* 'svetilka', *obrajati* 'ceniti', *ofer* 'dar', *peršone* 'osebe', *porajati* 'upoštevati', *rajtenga* 'račun', *špagan* 'napeljan', *špegel* 'ogledalo', *špital* 'bolnišnica', *štacijon* 'postaja', *šuntar* 'hujskač', *talenga* 'delitev', *zarajtovati* 'zaračunavati' itd. Pojavljajo se tudi posamezni primeri, kjer se kaže vpliv madžarščine (*jezer* 'tisoč', *kinč* 'okras', *kinčati* 'krasiti', *oroslan* 'lev', *dika* 'slava', *varož* 'mesto' itd.) in kajkavščine (*deca* 'otroci', *zvati* 'imenovati', *neznabog* 'nevernik', *platiti* (*Bog plati*) 'plačati', *iti pešec* 'peš', *nikaj* 'nič' itd.).

3 Slomškovo besedje, ki ni zajeto v Pleteršnikovem slovarju

Med besedjem izbranih pridig se pojavljajo tudi primeri, ki jih ne najdemo več v pleteršniku. Večinoma gre za časovne ali narečne različice, verjetno pa tudi za Slomškove izvirne tvorbe. Posamezne primere arhaičnega izrazja lahko najdemo še v starejših oz. Slomšku sočasnih slovarjih (npr. v Murkovem – Mur., v Gutsmanovem – Guts.). Npr.: *blagostan* 'blagostanje', *bučelica* 'čebelica', *čarenica* 'čarovnica', *čutota* 'budnost, čuječnost', *čuvavka* 'čuvajka', *darovnica* (Mur.) 'darovalka', *dekantija* 'dekanija', *denarč* (Guts. *denarič*) 'denar', *dremast* 'dremav', *duhovska* (Guts. *duhouska*) 'duhovščina', *enikateri* 'nekateri', *gostivnica* 'gostilna, prostor za goste', *grizeč* (Guts.) 'grizoč', *gromeč* 'grmeč', *izporočen* 'podarjen', *iztradanec* 'sestradan človek', *kderkolj* 'koderkoli', *kerv* 'kri', *maverca* (Plet. *mavra*) 'mavrica', *milošnja* 'miloščina', *minejoč* 'minljiv', *mladiško* 'mladostno', *nadleževanje* (Guts. *nadleževanje*) 'nadležnost', *nakitjen* 'okrašen', *nareta* 'narejena', *nasiten* 'nasičen', *nazočnost* 'navzočnost', *nerazkrušljiv* 'neuničljiv', *nikarte* (Mur.) 'nikar', *novozakonski* 'mladi zakonci', *odrašen* (Mur.) 'odrasel', *odreni* 'odrasli', *olišpna* (Plet. *olišpati*) 'olepšana', *osrečnik* 'kdor osrečuje', *ošpotvan* 'okregan, opravljan', *otrokomorka* 'detomorka', *pečovje* (Guts.) 'skalovje', *pobožba* 'pobožnost', *počastenje* 'počastitev', *podučiven* 'poučen', *pokračati* 'vkrotiti', *ponebesnjen* (Mur.), *posilim* 's silo', *posodev* (Mur. *posodva*) 'posoda', *poterdenje* (Mur.) 'potrditev', *potruplen* (Guts. *potrupati*, *potrupleenje* in *potrupleiu*) 'razbit', *pozemjski* 'pozemeljski', *pozidanje* 'pozidava', *predpostavlen* (Guts. *predpostauliu*) 'nadrejen', *predstareši* (Guts. *predstareiši*) 'prastarši', *prejmoliti* 'voditi molitev', *preklinvanje* 'preklinjanje', *prešestvanje* (Mur. *prešeštvanje*) 'prešustvovanje', *pričejoč* 'pričujoč, navzoč', *prikolehati* 'prilesti, priplaziti', *priložno* 'priložnostno', *raznavati*

'razlikovati', *sadunosnik* 'sadovnjak', *sadunosno drevo* 'sadno, rodovitno', *slada* 'naslada', *spijoč* 'speč', *sprehaj* (Mur.) 'sprehod', *sprideno* (Mur. *spriden*) 'pokvarjeno v moralnem smislu', *srotej* 'sirota', *stren* (Mur.) 'strt', *svojoglav* (Mur.) 'svojeglav', *svojoglavnost* (Mur.) 'svojeglavost', *tistopot* 'takrat', *tokati se* 'kotaliti se', *toževavec* 'tožnik', *trnjevat*, *trnovat* 'trnjev', *velikoter* 'veliko, raznolik', *višnjevato* 'vijoličasto modro', *vodila* 'vodnica', *vračto* (Plet. *vrašto*) 'zdravilo, zdravilstvo', *vroditi* (*dete se vrodi*) 'roditi', *vsigamogočen* 'vsemogočen', *zakonska* 'zakonca', *zakonski* (Guts.) 'zakonci', *zakonek* 'zakonec', *zakonsica* 'žena v zakonu', *zapazovati* 'opazovati', *žgeč* (Mur.) 'žgoč' itd. Opozarjam še na tvorbo lastnih imen, ki jih Slomšek tvori iz občnih imen glede na vsebinski poudarek (npr. *Dragomila*, *Krivobreza*, *Dobrolje*, *Grehovčani*).

4 Sopomenskost Slomškovega besedja

Pri Slomšku je zanimivo in pogosto soočanje sopomenskega izrazja, kar kaže na tvorno vlogo pri iskanju primernejšega slovenskega besedja. Iz želje po čim večji razumljivosti je uporabljal besedje, ki je bilo med preprostim poslušalstvom dobro poznano. Zavedal se je, da je bilo v jeziku preprostega ljudstva pogosto zakoreninjenih veliko popačenih tujih besed, zlasti germanizmov, ki so kvarili slovenski besedni zaklad. Zato je na preprost način – s soočanjem sopomenk – skušal doseči oboje: z navajanjem germanizmov ostajal razumljivejši, z domačo ustreznico pa opozarjal na bogastvo slovenskega izrazja. Manj primernejši izraz je običajno postavil na drugo mesto, npr. *ljubosumnost* (*ajfranje*), *bolnišnica* (*špital*), *rodbina* (*familija*), *vladati* (*vižati*), *delitva* (*talenga*) itd. Podobno je soočal tudi narečne ali novejšje besede z nevtralnimi oz. uveljavljenimi knjižnimi besedami, npr.: *knige alj bukve*, *iz korenine* (*rodu*), *domovnica* (*kerstni list*), *čutota* (*čujnost*), *svojoglavnost* – *huda terma*, *čarenice* (*štrije*), *zerkalo* (*ogledalo*), *jedilni list* (*jestvenik*), *hitreje* – *nagleje*, *hitra* (*zarana*) *pot*, *ostružki* (*oblanice*) itd. Soočanje sopomenskega besedja je razvidno tudi iz širšega sobesedila (podčrtala avtorica prispevka), npr.:

»Ti nevernež boš na perve v^{ra}t^{ta} svete vere pokluka, pa angel božji te bo z gorečim mečem zav^{er}nil /.../ Ti krivični skopec in odertnik /.../ boš poterka na dv^{er}j usmiljenja božjega; pa angel božje pravice te bo odpravil /.../ Ti pravdavec in sovražni sosed boš na v^{ra}t^{ta} lepe sprave poterka; pa angel božji bo te zapodil /.../ Ti zaničevavec in preganjavec svete čednosti, boš žalostno do nebeških v^{ra}t^{ta} prikolehal; /.../ Došel boš nečistnik, nečistnica terka na vrata kraljesta nebeškega /.../ Tudi ti pijanec in zapravljivec boš na nebeške v^{ra}t^{ta} kluka; /.../ Terka boš tudi ti prevzetni ošabnež na v^{ra}t^{ta} krotkosti in ponižnosti; /.../ Prilezel boš tudi ti mlačni kristjan /.../ ter boš terka na v^{ra}t^{ta} nebeške.« (Drobtinice 1863: 110)

5 Zaključek

Slomšek se je zavedal bogastva slovenščine, ki je odsevalo v pestrosti slovenskega izrazja. Ljubezen do materinščine in slovenskega naroda je uresničeval tudi v izbiri pristnega domačega besedja in se v skladu z združevalnimi težnjami zavzemal za bogatenje slovenskega besednega zaklada s pokrajinskim izrazjem, ki je bilo osrednjeslovenski knjižni tradiciji manj znano. Bil je odličen poznavalec slovenskega jezika, kar se kaže pri izbiri večplastnega besedja (prevladujoče osrednjeslovensko, pogosto štajersko, koroško in prekmursko; arhaično, narečno, prevzeto, izvirno), ki ga je tudi sopomensko soočal. Veliko je zajetega v Pleteršnikov slovar, opozarjam pa še na časovne in narečne različice, ki jih Pleteršnik ni vključil, ohranjene pa so še v starejših oz. Slomšku sočasnih slovarjih.

Viri in literatura

- Drobtince: učitelam ino učencam, starišam ino otrokam v podvučenje ino za kratek čas* (1846–1863). V Celovci. Gutsman, Ožbalt, Karničar, Ludwig (1789), *Deutsch-windisches Wörterbuch mit einer Sammlung der verdeutschten windischen Stammwörter, und einiger vorzüglichern abstammenden Wörter*. Graz, Institut für Slawistik der Universität.
- Jesenšek, Marko (2001), Slomškov jezikovni nazor in slog. V: *Slovenski knjižni jezik – aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje, Obdobja 20, Metode in zvrsti*. Ljubljana, Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri Oddelku za slovenistiko Filozofske fakultete.
- Kovačič, Franc (1962), *Služabnik božji Anton Martin Slomšek knezoškof lavantinski. Ponatis*. Buenos Aires, Baragovo misijonišče.
- Krščanska beseda Antona Martina Slomška* (2000). Maribor, Slomškova založba.
- Murko, Anton (1832), *Šlovénsko-Némshki in Némshko-Šlovénski Rózhni besédnik*. V' Grádzi.
- Orožen, Martina (1991), Teoretični in praktični jezikovni nazori Slomška. V: *130 let visokega šolstva v Mariboru: zbornik simpozija*. Maribor, Škofijski ordinariat. Celje, Mohorjeva družba.
- Pleteršnik, Maks (2006), *Slovensko nemški slovar*. Ljubljana, ZRC, ZRC SAZU.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika* (2000). Ljubljana, DZS.

Mgr. Věra Smejkalová

Masaryk University, Brno, Czech Republic
vera.smejkalova@yahoo.com

Nationalism in Serbian literature in 1980's

ABSTRACT: The social and political changes in SFRJ in 1980's were in a specific way blended with cultural life, especially with the fiction works. A wave of populist, or gradually even nationalistic topics, that tried to reinterpret history of particular nations in common state and deconstruct official myths of "brotherhood and unity" of the Yugoslav nations, stepped to the foreground of interest of many authors. Some texts actually became a tool of propagation of suspicion and impatience in the politically and socially tensioned atmosphere of the end of the 1980's.

Keywords: literature, nationalism, Serbia, Yugoslavia

Since late 1970's and especially in the first half of 1980's the Serbian literary production was defined by a number of publications, whose common factor became a critical classification of the Yugoslav state, new perspective on historical events and the question of Serbian nation's status in the federation.

Based on examples of selected novels I will try to introduce two basic topics of this production: disproportionate Serbian suffering in the creation of common state of Yugoslavia and reinterpretation the World War II events, focused on the war crimes committed on Serbian civilists by Ustasha Croats and Moslems.

The main source of tendencies to reinterpretation of the ideological basis of the Yugoslav state became the dissatisfaction with the decentralisation process and weakening status of Serbs in Yugoslavia. This process started with political fall of interior minister Aleksander Ranković and his centralistic policy in 1966 and was finished with enactment of a new constitution in 1974. With this constitution Yugoslavia became, in fact, a confederation and 40% of Serbs found themselves outside of territory in which their parent republic could fully execute its authority. After that the personality of president Tito remained the only element standing over the single Yugoslav republics. After his death, there was no more political institution left to obviate the disintegration (*Dějiny Srbska* 2004: 508). Such situation caused a feeling of menace to the national interests and in Serbian public opened a space for so called national resentment, which in Serbia in 1980's represented a platform for an increasing wave of nationalism. Shortly after Tito's death several novels occurred, that openly criticised regime, its stalinistic basis and even, until then, untouchable personality cult of passed away president. Bringing the main ideological basics of socialistic Yugoslavia into question was typical. First topic, that started a "break-down of myths" and which opened a way for hectic reevaluation of common history or more precisely nationalistic tendencies in Serbian literary production, was a critical evaluation of the state, created by the communist party after 1945. The question of historical legitimacy of the communist project was shortly followed by inter-ethnic relationships within the federation, which during 1980's became a central topic of Belgrade critical intellectuals.

Myths about Serbian suffering for liberty and creation of common state

The central subject became searching for the reasons of disproportionate status of Serbs in the SFRJ. This topic was elaborated already in 1970's in four-volume novel *Vreme smrti* (1972, 1975, 1979, A Time of Death) by Dobrica Ćosić. A significant milestone in this matter was the year 1985, when three important novels were published, in which their authors were dealing with the historical fate of Serbian nation, suffering of its people in sake of common state and betrayal of other Yugoslav nations. These were *Knjiga o Milutinu* (1985, A book about Milutin) by Danko Popović, *Očevi i oci* (1985, Fathers and Forefathers) by Slobodan Selenić and *Grešnik* (1985, Sinner; together with novels *Otpadnik* and *Vernik* later published as a trilogy *Vreme zla – A Time of Evil*) by above mentioned *Dobrica Ćosić*.

Not only was Ćosić very productive writer, who had in his novels his object to elaborate whole panorama of Serbian life, military and political, during the crucial years from mid-19th century to mid-20th century, its national psychology and historical milieu, he was also one of the crucial personalities of Belgrade intellectual circles and within Yugoslav environment he represents a real phenomenon, that could serve as an example for study of gradual increasing of Serbian national resentment. His personal evolution from a convinced communist and partisan to the system critics and after that to nationalistic statements represents an evolution of numerous contemporary Serbian intellectuals.

Ćosić's literary career started in 1950's with *Daleko je sunce* (1953, Far Away is the Sun), an autobiographical novel of the partisan resistance. In his following novels published till beginning of 1960's *Koreni* (1954, Roots) and *Deobe* (1961, Divisions) Ćosić provides a vast panorama of Serbian life from the mid-nineteenth century through World War II. In these novels he doesn't appeal overtly sympathetic to Serbian nationalist ideas yet, he rather expresses his deep love for traditional Serbian ways.

By the end of 1960's, however, after his break-up with the communist party for his outspoken criticism of the official national policy in Kosovo, Ćosić's cultural politics become overtly Serbophilic. Despite his loss of party

position, Ćosić remained a vocal figure on the Serbian cultural and political scene through the 1970's and 1980's.

A comparison of *Far Away is the Sun* with the four-volume epic *Vreme smrti* (A Time of Death) illustrates how Ćosić's perspective on the Yugoslav situation shifted in the course of some twenty years. We find many of the same building blocks, like war and psychology of people caught in it. In *A Time of Death* Ćosić, on the background of battles, Ćosić gives much more space to wide discussions among the main characters devoted to whether or not South Slavic unity should occur and if so, how. Also, Ćosić skillfully formulates an idea of a superior sense of Serbian nation existence, its moral power and sacrifice for its own and other nations' freedom and creation of a common state, which, later on, appears to be a fatal mistake.

These issues represent first clear steps towards impeaching one of the ideological basis that underpinned the afterwar Yugoslavia – the myth of brotherhood and unity among the Yugoslav nations. The same ideas were expressed in **Slobodan Selenić's** novel *Očevi i oci* (1985, Fathers and Forefathers). Selenić describes a tragedy of a traditional Serbian family before and during the World War II. Selenić sees communists just as an unscrupulous dogmatic horde, which destroys all standing customs and values. This base opens space for the question of national interests and a dilemma of creation of a common state under the communist rule. Selenić, just like Ćosić, through dialogue among his characters expresses the main message, that the other Yugoslav nations had never advocated of common state: "*Croats will not defend Yugoslavia, because they were always interested only in how to become and remain independent Croatia*" (Selenić 1985: 146). And just like Ćosić's title character Vukašin Katić, Selenić's title character prof. Medaković comes to the same conclusion, that the project of a common state destroyed Serbian political life and traditional values, therefore Yugoslavia should be seen as a fatal mistake of the Serbian nation.

Both author's novels won a massive popularity at their time. Since both of them aimed at more educated reader, the *Knjiga o Milutinu* (1985, A Book about Milutin) by **Danko Popović** brought very clear message to the wide population. The majority of the novel consists of a monologue by the title character, who tells his life story in a thick peasant dialect, which should approach common public. Milutin was imprisoned after World War II as a kulak, although an owner of a small farm, his father and Brother died in the Balkan wars, he fought in World War I himself, he describes his hard life as a farmer in interwar Yugoslavia and the loss of his only son in the World War II. Milutin's monologue provides plenty of arguments for the standard Serbian anti-Yugoslav claim, that the other Yugoslav nations are happy to let Serbs to fight for them, which the idealistic Serbs have continually done to their own detriment. Also *A Book about Milutin*, like the two above mentioned novels, is nothing more than a pretext on which to string a litany of complaints and questions, most of which have to do with Serbia's alleged tendencies to sacrifice its own interests for the sake of others and the ungratefulness of those for whose sake the sacrifices were made. (Wachtel 1998: 204) A latter part of the story brings to the surface even more inflammatory issue – the role of the Croatian Ustasas during the World War II – an issue, that became a permissible subject in Serbian fiction, which was used as a specific weapon in the arsenal of Serbian nationalism.

World War II, war crimes and deconstruction of the myth "brotherhood and unity among the Yugoslav nations"

The most complex treatment of the problem of inter-South Slavic national relationships in a novel of this period, however, is the reinterpretation of the historical events during the World War II. Numerous authors were concerned with the fate of Serbs in Independent State of Croatia (Nezavisna država Hrvatska, NDH) and the war crimes committed on Serbian inhabitants by Croats and Moslems. The style used to describe these events leads to bitterness of the betrayal, genocide and "*fatal victimization*" (Dragović-Soso 2004: 124) of Serbian nation. In this new concept Serbs were presented as victims of genocide committed by aggressive and violent Croats and Moslems. The interpretation, in which most of the members of these two nations belonged to Ustasas and were active in committing crimes against Serbian civilians contributed to latter inter-national tensions and blood-letting conflicts in Croatia and Bosnia and Hercegovina in 1990's. (Štěpánek 2011: 310) As the most representative fictions let's recall books by **Jovan Radulović** and Vuk Drašković

In 1980 a short story collection *Golubnjača* (Pigeon-hole) was published and two years later an eponymous play was performed. In Pigeon-hole Radulović describes an afterwar trauma of the members of Serbian community in Croatia in 1960's and in numerous retrospective texts he recalls the murdering of Serbian civilians, whose death bodies were thrown into a cave called Pigeon-hole by local Ustasha Croats. In Radulović's stories these experiences deeply divide Serbs and Croats even two decades after the war and represent unforgettable suffering and barriers between the two nations. In the beginning the play experienced particular problems – after ten repeats in Novi Sad it was banned for "*elements of Serbian chauvinism*" (Dragović-Soso 2004: 162), however after numerous protests of intellectuals and artists the performance was allowed in Belgrade Students Art Centre (Studentski kulturni centar).

In the same year when Radulović's play was performed, another author published a novel with very similar topic. A writer, later politician and after 2000 minister of interior **Vuk Drašković** elaborated quite complexly the issue of world crimes during the World War II and their consequences in afterwar decades in his novel *Nož*

(1982, *The Knife*). By a somewhat complicated narrative fabric Drašković presents human tragedies as a manifestation of historically ingrained animosity among the members of ethnical, or religious entities. In a naturalistic way he describes crimes committed by Croatian and Moslem Ustashes against Serbian civilists, recalls Serbian contribution to liberation of South Slavonic nations, pictures "historical betrayals" and other cases of inter-ethnic impatience and puts the national self-determination of South Slavonic Moslems into question (Moslems were in SFRJ recognised as an individual nation in 1961).

The book begins with a horrifying scene of a massacre by the Moslem Osmanovičes of their Serbian neighbours, the Jugovičes on Orthodox Christmas Day in 1942. The surnames of both families are purposely chosen to strengthen the symbolic connection with the mythological victim of nine sons of Serbian duke Jugović in the battle against Osman Turks on the Kosovo field in 1389, which was glorified in numerous poems of Serbian heroic epic poetry, or constantly repeated victim of Serbian nation. The only survivor of the massacre in a new-born baby, who is kidnapped by Osmanovičes and raised up as a Moslem boy Alija in a hate for Serbs, as a reference to South Slavonic inhabitants conversion to Islam under the Turkish rule. A controversial concept of the history of co-existence of South Slavonic nations and explicit expression of author's nationalistic attitudes lead to Drašković's exclusion from the communist party. (Bieber 2005: 115)

Above mentioned fictions from late 1970's and early 1980's represent Serbian literary production, which opened a question of legitimacy of the communist regime, the issue of relationships among nations in SFRJ, disproportionate suffering of the Serbian nation for the creation of common state and the status of Serbs in the federation. These messages mediated by Serbian authors by their fictions created the first public forum for the discussion about issues, that later on, in late 1980's flooded political life in the country. Literature could definitely not be the only factor leading to the changes of political climate in Yugoslavia, but in the case of Serbia – in the time of economical and social crises – it contributed considerable extent to discussion about the situation in federation and about the common state as convenient solution for the Serbian nation. By their subject matter, the way of presentation and the scope of topics, the authors definitely did influence the public opinion and the diversion from "Yugoslav identity" towards defensive nationalism, afterwards from late 1980's skillfully abused by political elites up to the blood-letting break-up of the federation.

Bibliography:

- Bieber, Florian (2005), *Nationalismus in Serbien vom Tode Titos zum Ende der Ära Milošević*. Lit Verlag, Münster.
- Composite authors (2004), *Dějiny Srbska*. Praha, Nakladatelství Lidové noviny.
- Čosić, Dobrica (1955), *Daleko je sunce*. Beograd, Prosveta.
- Čosić, Dobrica (1979), *Vreme smrti*. Beograd, Slovo ljubve.
- Dragović-Soso, Jasna (2004), *Spasioci nacije*. Beograd, Fabrika knjiga.
- Drašković, Vuk (1985), *Nož*. Beograd, Nova knjiga.
- Popović, Danko (1992), *Knjiga o Milutinu*. Beograd, IP Beograd.
- Radulović, Jovan (1980), *Golubnjača*. Beograd, Srpska književna zadruka.
- Selenić, Slobodan (1985), *Očevi i oci*. Beograd, Prosveta.
- Štěpánek, Václav (2011), *Jugoslávie – Kosovo – Srbsko. Kosovská otázka ve 20. století*. Brno, Masarykova univerzita.
- Wachtel, Andrew (1998), *Making a nation, breaking a nation: Literature and Cultural Politics in Yugoslavia*. Stanford, Stanford University Press.

Марија Стијепић

University of Novi Sad, Novi Sad, Serbia
stijepicmarija@yahoo.com

Живот и поезија Торквата Таса у дјелу „код хиперборејаца” Милоша Црњанског

ABSTRACT: The complex personality of Torquato Tasso was a topic of numerous literary and psychological discussions. During the Romantic era Tasso became the prototype of the misunderstood genius at odds with the society of his time and became the subject of many poems, novels, paintings and symphonic poems. In time, his work experienced various aspects of reception, translation, interpretation and staging. One of the greatest writers in the Serbian language, Miloš Crnjanski, gave his own view of the Italian poet in the famous novel Kod Hiperborejaca.

Keywords: melancholy, estrangement, travels, mother, Tasso, Crnjanski

Торквато Тасо, велики италијански књижевник, постао је инспиративан романтичарски мит, базиран прије свега на лудилу пјесниковом и насилном затварању: у њему је књижевна елита видјела модел генијалног, несхваћеног писца, изолованог од свијета, али слободног да сања и интерпретира вјечно присутни конфликт између збиље и идеала.

Занесени бурним, готово фантастичним животом Тасовим, многи су били ради да на свој начин прикажу његову судбину и да му одају поштовање, па настаје велики број пјесама, похвала, писама, епитафа на италијанском и другим језицима. Емоције су толико снажне да се рађа и неколико година живи једна врста микро књижевног жанра. Тасо, тако, суверено улази у европску књижевност, не само као величанствени поета, већ и као запажен књижевни лик, а његов гроб и болница Света Ана постају одређена континуираног ходочашћа.

Налазећи упориште у Тасовој биографији, славни романтичари (Гете, Бајрон, Леопарди) приписују другачије значење стању лудила, тумачећи га знаком супериорне генијалности, изласком из оквира реалног и утапање у свијет фантазије и страсти.

Много година касније, када је Тасо као фасцинантан књижевно-инспиративни модел већ почео да блиједи и да препушта своје мјесто неким актуелнијим пјесничким појавама, лик и поезија овог италијанског поете добијају ново рухо у српској књижевности, у необичном роману мемоарско-есејистичко-путописног карактера, како га је дефинисао Љубиша Јерemiћ (1972: 249), *Код Хиперборејаца*. Милош Црњански, учествујући у дјелу и као књижевни јунак и као аутор текста, одлучује да Торквату посвети читаво једно поглавље, а неријетко се Тасови стихови и алузије на његов динамичан живот провлаче и у другим дијеловима књиге.

Општепознато је да су меланхолија и урођени песимизам неке од основних црта Црњансковог стваралаштва, а сјетно расположење снажно је присутно и у *Хиперборејцима*. Сам књижевник нам исповједно у дјелу тумачи своју меланхолију знаком старости и замором живота. Не чуди, зато, његово готово опсесивно занимање и потрага за писцима и умјетницима крхког менталног здравља и несрећног животног пута, чије је стваралаштво и највише цијенио, а којима га вуче оно свјесно предавање тузи, које инспирише и надограђује.

По њему, истинска, велика поезија потиче из дубоко проживљених искустава грандиозних, необичних индивидуа који су знали своје несвакидашње животне епизоде и унутрашње битке да преточе у стихове. Нема бољег начина спознати разлоге Тасовог лудила и ући у тајне његове душе него читати његова дјела, нарочито оно које га у потпуности осликава, а то је *Ослобођени Јерусалим*. Сваки прави пјесник је испричао свој живот, или макар открио најзначајније моменте, а Торквато Тасо је један од оних који је највише волио да говори о себи. Управо из слике пјесника који виче и пјева о унутрашњим страховима, разочарењима, сталној борби између онога што може и треба и онога чему тежи настаје имиц лудог умјетника, крвавог, меланхоличног, нестабилног темперамента. Креатор таквог имица је сам Тасо, стављајући на видјело своју инфериорну позицију, и служећи као примјер конфликта између друштва и надарене индивидуе, закона и умјетности, правила и маште.

Поезија италијанског пјесника је снажно присутна у *Хиперборејцима*. Црњански је за читаоце издвојио стихове који најсликовитије пјевају о епизодама Тасовог живота, творећи несвакидашњу, личну антологију унутар дјела. Сегменти појединих пјесама неријетко се гласно и изражајно читају продубљујући магију давно ишчезлог времена. Магија обавија и читаоце и јунаке романа: *Заборавили смо, где смо, па слушамо као омађијани, речи, које су старе триста седамдесет година* (Црњански 2008: 215).

Црњански је, прије него је одлучио да пише о великом пјеснику, морао имати пред собом обимну документарну грађу о Тасовом животу, његов књижевни опус, дјела пјесника који су се бавили раскривањем узрока његове нестабилне личности и још понешто. Шта је од тога у *Хиперборејцима*

употребљено, шта можда свјесно занемарено, није лако одгонетнути. Интересантан је, међутим, идејни план вајања Таса као битне компоненте романа. Као његови славни претходници и Црњански одлази на Тасов гроб, овај пут у својству књижевног лика, наратора најављујући својеврсни растанак од Рима будући да је рат све јаче куцао на врата Италије. Друштво му праве римски познаници, њих петоро, а свако са посебног аспекта живо учествује у расправи о великом пјеснику који као да постаје нека врста обједињујуће константе међу овим супростављеним и карактерно разједињеним индивидуама.

Црњански нас у причу о Тасу уводи у поглављу *Монте Марио*, које претходи оном централном, а почиње безбрижним окупљањем и припремом за излет. Књижевно и едукативно обојен излет се наслућује од самог почетка. *Американски новинар* под сједиштем има свежањ књига, а читава атмосфера упућује на крајњу мету – манастир Сан Онофрио, *где се налази гроб песника који се звао Торквато Тасо* (Црњански 2008: 194). Посебно представљање великана италијанског XVI вијека као да има за циљ да српску читалачку публику поближе упозна са писцем о чијем се дјелу на овим просторима никада није претјерано разговарало и писало.

Шест саговорника који воде дискусију о Тасу, пружају на увид не само своје утиске и знања о пјеснику, него и своје особности. Линија слагања података о Тасовој судбини није равномјерна, информације се крећу у мањим круговима који се често сударају, поклапају, губе.

Полазна, обједињујућа тачка разговора је тумачење узрока пјесникове несреће.

Већ на самом почетку *американски новинар* чита биографију Таса и његових родитеља, пребацујући тежиште на одлучујућу улогу дјетињства у градњи стабилне, здраве индивидуе. Ако као претпоставку узмемо то да је читао најпознатије дјело о животу Бернарда Таса и Порције де Роси аутора Пјера Д. Пазолинија, јасно је да су Црњански и друштво имали пред собом обиман биографски материјал који на детаљан начин демистификује почетне године Торкватовог живота.

Мрачни, меланхолични темперамент у пјеснику, наслијеђен од оца и мајке, имао је огромну потребу за безбрижним и срећним дјетињством да би се те тамне, урођене црте карактера разведриле и прозриле. Оно што је добио, било је далеко од онога што му је заиста требало. Трбала му је родитељска љубав и брига, а задесио га је превремени разлаз са мајком и сестром и лутање у пратњи амбициозног оца из града у град, из палате у палату. Прерано је почело мучење његовог ума прекомјерним учењем, што је само потпомогло гомилању страхова, немира, привиђења. *Тасо је своју предестинацију добио у очевој судбини* – констатоваше Црњансков пријатељ, вјерујући да у пјеснику живи неки *виолентни очев имаго*.

Тема која доминира на почетку разговора је Тасов љубавни живот, односно могуће везе са сестрама дукe д'Еста. На темељима ове поетичне, љубавне легенде развија се жива дискусија у којој већина излетника узима учешће дајући свој допринос грађењу једне импровизоване драме једночинке. Редају се могући сценарији, који убрзо бивају или негирани или допуњени новим тезама.

Током разговора о утицају везе са госпођицом тј. госпођицама д'Есте на страдање и заточеништво Тасово, јавља се мисао о једном другом проблему: питању меценства у ренесансној и барокној Италији. Ако ћемо вјеровати Тасовим биографима, њему је живот на двору и зависност од дукине добре воље морала тешко пасти. Живот у сјенци владара за овог пјесника зараженог делиријем величине проузроковао је дјелимично дистанцирање од дворског миљеа, чији је простор сматрао лошом позоришном сценом аристократског свијета. Тасова заљубљеност у славу и моћ се не коментарише у *Хиперборејцима*. Говори се о свјесности пјесника властите величине и талента. Заиста, чини нам се да је јасна представа о сопственој класи доминантна црта Тасовог живота. Управо га мисао о ускраћеном поштовању тјера да лута по дворовима, тражећи мјесто достојно величанствених дјела.

Аутор *Хиперборејаца* тежи расвјетљавању два супростављена принципа. Први је представљен у моћној фигури властодршца, непоузданог заштитника умјетника, у коме друштво не проналази никакве трајне вриједности, а често је узрочник хаоса, неморала и незадовољства. Други је оличен у поетама, тумачима живота, надареним, њежним индивидуама који пјевају о универзалним, непролазним темама попут природе, пријатељства, љубави, откривајући човјеку њихову љепоту и вриједност. Јасно је за чију се страну опредељује српски писац.

Снажно присутна је и мисао о погубним религиозним двојбама на психу и понашање пјесника: *Тачно је да његова трагедија почиње са сумњом да све није у католицизму онако, како то траже у Ватикану* (Црњански 2008: 208).

Тасо је, заиста, у себи носио два свијета: један умирући, чији су обриси постајали све маргиналнији, и други још увијек у форми пупољка, неразвијен, али спреман да ускоро бљесне и процвјета. Тасо је син ренесансе, човјек страсне, паганске душе жељне слободе и уживања, а стварао је у вијеку све више обојеном у догму и педантну, оштру критику. Било је немогуће помирити двије зараћене епохе у једном, јединоме бићу, ма колико талентовано и маестрално било. Морало је бити жртва тог чудног времена препуног контраста, а једна од највећих је био сам Тасо, сензибилни поета.

Црњански ће у тексту управо то истакнути као одређујуће: *сви смо створења свога времена. Тасо, реформације и контрареформације, и хуманизма и барока. Меланхолије* (Црњански 2008: 209).

Занимљиво је спознати која од два пулсирајућа свијета у Тасу више прија Црњанском, мислиоцу и пјеснику. Чини се да у меланхоличном, трагичном осјећању живота помоћу којег се запажа, увиђа и долази до нових истина, српски писац донекле препознаје себе. У бароку, Црњански види искренији, оригиналнији, свеобухватнији начин сликања стварности и проживљених емоција, без репродуковања класичних узора и инсистирања на већ постојећим моделима.

У којој мјери је пјесник био свјестан да грандиозни еп *Ослобођени Јерусалим*, колико год писан у духу католицизма и дубоке религиозности, није био оно што су вјерски поглавари жељели чути, и како је такво размишљање утицало на њега, питање је које лебди у разговору јунака *Код Хиперборејаца: Требало је хитно дати знаке покајања, демантовати себе, понизити се* (Црњански 2008: 211).

Пјесник остаје заробљен у простору између спонтане креативности и ригидних правила, без могућности да пронађе излаз и умирујућу хармонију.

Црњански разумије спутаност умјетника, осјећа Тасово колебање и несигурност приликом стварања. Јавља се невидљива, снажна нит каква се рађа једино између два пјесника истанчане чулности и емотивности. Тако Црњански спознаје да је кључни моменат у саги о Тасу био онај када остаје без својих списа, па гласно и сликовито саопштава осталима своје мисли. Тасова немоћ и нечестан поступак дворских власти изазива у нашем књижевнику бијес, јер овакав развој ситуације још једном потврђује колико је умјетник, у свијету принчева, сенатора, грофова једна крхка и ломљива фигура.

Да ли је могућа борба? Може ли један пјесник изазивати моћнике и изборити се за достојанствен положај? *Млађи официр*, како га именује Црњански у тексту, инсистира на борби: *Шта кука? Имао је нож* (Црњански 2008: 219).

Трагичност Тасове ситуације најбоље је увидио Ђакомо Леопарди. Творац *Аминте* и *Ослобођеног Јерусалима* је за славног пјесника романтизма примјер парадокса: људи који природно нагињу ка узвишеној филозофији су обично превише неспретни и слаби да у складу са њом живе. То је онај страх од претјеране сензибилности и рањивости који људе чини стерилним у животу и писању, а Леопарди га добро познаје. Занимљиво је упоредити Таса, књижевног лика, у дјелима Леопардија и Бајрона. Везује их амбијент, идеја о опесивној љубави према Леонори д'Есте, али је Бајронов Тасо представљен као несавладив јунак, орао у кавезу, неко ко пркоси свим недаћама. Леопардијев Тасо је, са друге стране, меланхолични сањар, човјек који нема снаге да се супростави струјама које га носе у провалију.

Тасо, каквим га представља Леопарди, ближи је Црњанској перцепцији италијанског пјесника. Аутор *Код Хипербореје* налази у њему меланхолију генија у сукобу са свијетом и окрутном стварношћу, али без оружја уз помоћу којег би промијенио стање ствари. Основу идентификације између три велика умјетника: Таса, Леопардија и Црњанског, чини спознаја да човјек, као рањиво биће склоно илузијама, није у стању да усмјерава и контролише разорну бујицу живота, те се чини да је његово трајање на земљи узалудно и бесмислено.

Оно на чему Црњански инсистира у расвјетљавању Тасове судбине је комплексност пјесникове несреће која се не треба тумачити само као посљедица појединачног догађаја или атмосфере у којој је живио и стварао. Већ ће првом репликом у разговору о Тасу наговјестити своје виђење проблема: *Ја кажем да је несрећа, која је тог песника целог живота, пратила, фатална. Није ни социјална, ни религиозна, ни разумљива* (Црњански 2008: 199). Чини се да Црњански говори о својеврсној урођеној несрећи, узрокованој меланхоличним темпераментом која се да наслутити већ у почетним годинама живота. Она је Тасова, лична, таква да је не треба тражити нити у једном другом човјеку. Из ње се рађа нешто што ће наш књижевник назвати *комплексом несретног човјека*.

Мајка, као симбол континуираног обнављања живота и оличење стабилности и подршке, присутна је у *Хиперборејцима* као одређујући фактор судбине појединца. И у тумачењу Тасових тема и избора Црњански се ослања на тезу о важности ове родитељске фигуре, па сматра да је највећа пјесникова коб растанак од мајке. У Тасовом случају, аутор идентификује фигуру мајке са отацбином: *Мати, то је Соренто. Откуд је отишао и куд више не може да се врати* (Црњански 2008: 212).

Хиперборејце прожима мисао о непомирљивости двије у човјеку одвајкада присутне тежње. Горана Раичевић (2005: 156) ће то назвати сукобом одисејског и хиперборејског принципа. Прва је оличена у одласцима, истраживању непознатих предјела, препуштању даљинама. Друга, толико позната Црњанском, је тежња да се поново доживи завичај.

Трагична размишљања у пишевом животу управо су израз универзалне несаглашености човјекских захтјева да вјечно сазнаје нове истине и потребе за мирном луком гдје би се осјећао безбједно и спокојно.

Меланхолија лутања по туђини ће постати нит која спаја Таса и Црњанског, тако да наш писац размишљајући о жалосној судбини италијанског пјесника и његовим бесконачним, бесциљним селидбама далеко од мјеста рођена, види и своје нежељено одвајање од домовине.

Црњански примјећује да је узрок Тасове трагедије његова потреба да премјешта све што му припада у неки имагинарни, непостојећи Соренто и да зато и јесте несретан, ма гдје био: *Мени, странцу, чини се да је сасвим узалудно покушавати да се сазна, шта је било, овде, у прошлости. Једино је сигурно то, да је у Тасу остала, та мекота, меланхолија, која се среће на сваком кораку, у свако доба године у*

неаполитанском приморју, и песми. Тасо је страдао, јер се родно место не може на ђону понети. За мене, странца, чак није важан, ни садржај док читам Таса: Него магија језика у Тасу, магија тог најлепшег језика на свету. То је незаборавно (Црњански 2008: 211).

Није случајно Црњансково инсистирање на ријечи *странац*, којом аутор наглашава своју позицију и емотивне тежње, толико сличне Тасовим. Бесмислено је крстарити свијетом тражећи срећу која је неухватљива, када нам отаџбина, фамилијарна и драга територија, нуди мир и хармонију. Сан о срећи, чини нам се пратећи Црњанског у *Хиперборејцима*, у свијету оваквом какав јесте, осуђен је на пропаст. Прије или после, сјенка судбине надноси се над онима који маштају да ће једном, трагајући за неким далеким земљама, уловити радост.

Читајући *Хиперборејце* стиче се утисак да је ријеч *сјенка* једна од кључних у роману, а нарочито је снажно присутна у размишљањима о Тасу.

Слика Тасових посљедњих дана у манастиру Сан Онофрио, коју је скицирао својим биљешкама Стендал, нуди Црњанском идеју о пјеснику који пише опроштајне сонете у сјенци огромних храстова, изабравши сам да умре на једном тако усамљеном мјесту, обраслом дрвећем. На нашег писца та слика ће оставити упечатљив траг, толико да ће признати да га након читања Тасових дјела ништа не може у Италији лепше утјешити него дрвеће и сјенка дрвећа.

Мотив сјенке Црњански повезује у дјелу са мишљу о смрти и скорим доласком краја, а кроз *Хиперборејце* јасно живи теза да над сваким човјеком лебди тамна сјенка судбинске условљености, иста за сваког.

Сјенка за Црњанског постаје симбол меланхоличног односа према животу, симбол трошности и завршетака, али и уточиште од сурове реалности.

Тасо каже: ombra – а ја онда осећам да је то, једино, што нас прати (Црњански 2008: 230).

Утисак који остављају странице написане о Тасу у роману *Код Хиперборејца* је да су дјело, као и живот, италијанског пјесника Црњанском занимљиви, у првом реду, као свједочанство о нечему што далеко превазилази оквире научних, књижевних, уско практичних циљева и тежњи.

У специфичним, често скандалозним животима умјетника попут Таса, Микеланђела, Андерсена или Ибзена, огледају се неки битни, вјечито актуелни проблеми човјекове егзистенције. Српски писац тежи њиховом расвјетљавању, јер га управо они највише копкају и муче.

Шта је то код Таса привукло највећег српског романсијера очигледно је и јасно. Без обзира на вријеме и историјски контекст који их дијели, дошло је до судара двије пјесничке енергије, из чега су се родиле оне духовне, невидљиве везе присутне само између људи специфичног интелекта и сензибилитета. Препознао је Црњански у Тасу магију италијанске поезије и оно барокно језгро препуно оплакивања и крваве меланхолије, али толико искрено и јединствено.

Литература

Црњански, Милош (2008), *Код Хиперборејца I*, Београд, Штампар Макарије.

Црњански, Милош (2008), *Код Хиперборејца II*, Београд, Штампар Макарије.

Јерemiћ, Љубиша (1972), Књижевно дело Милоша Црњанског, *Код Хиперборејца – путопис, усромене, памфлет или роман?*, Зборник радова, Институт за књижевност и уметност, Књига IV, 247–268.

Раичевић, Горана (2005), *Есеји Милоша Црњанског*, Сремски Карловци - Нови Сад, Издавачка књижарница Зорана Стојановића.

Andrzej Strużyna

Opole University, Opole, Poland
andrzejstruzyna@gmail.com

Polskie kino kultu

ABSTRACT: Cult movies, because of the ambiguity of their concept, are very rarely taken as a main theme in Polish discourse of film. The most commonly cited Polish cult movies are comedies from the communist era, but also in contemporary cinema (in last twenty years) can found movies around which arose the phenomenon of cult. This article presents some definitions of cult movies. The context of American midnight movies is compared with a Polish cinematography in communist era. Article points the different situation and importance between the Polish comedies which were made before and after the 1989. The phenomenon of cult in Polish cinema was shown on the most popular comedies. Examples show that cult movies aren't only the historical fact, but are a still actually phenomenon in contemporary.

Keywords: cult movies, comedies, progressive movies, intertextuality, polish cinema

Kino kultowe jest jednym z pojęć, którego definicja nie została w dyskursie filmoznawczym jednoznacznie wyjaśniona. Samo określenie *kultowy* jest jednym z częściej stosowanych epitetów w celu podniesienia renomy lub wartości opisywanej rzeczy. Przy tej wieloznaczności i mglistości pojęcia pojawia się pytanie: czym właściwie jest kino kultu?

Podając za Andrzejem Pitrusem (1998: 9), źródeł tego gatunku upatrywać należy w amerykańskim kinie przełomu lat 40. i 50. XX w., kiedy to w opozycji do głównego nurtu pojawił się nowy system produkcji filmów, zwany *hit and run style*, charakteryzujący się niskim budżetem, udziałem młodych, nieznanych masowemu odbiorcy aktorów, umownością scenografii i efektów specjalnych. Oryginalny i tani sposób produkcji zapoczątkowany został przez Rogera Cormana. W anglojęzycznej literaturze naukowej tego typu produkcje określane są jako *midnight movies*. Pojęcie to zapożyczono jest od seansów organizowanych nocą, które stanowiły dla fanów dzieł wręcz rytualny czas odbioru filmów kultowych. Dalekie od doskonałości obrazy wchodzące w skład „kina o północy” w swym założeniu wymagają od widza nabrania odpowiedniego dystansu względem m.in. kiczowatej dekoracji, słabej gry aktorskiej czy niewysublimowanej fabuły.

W dyskursie naukowym (Godzic 1997; Pitrus, 1998) funkcjonuje podział filmów kultowych na dwie grupy. Pierwszy to tzw. „nieumyślne kino kultowe”, dla którego kultowy i „wspólnotowy” odbiór został naddany przez widzów. Do tego rodzaju filmów zalicza się produkcje, charakteryzujące się wykorzystywaniem utartych konwencji i stereotypów, które zyskały grono swych wielbicieli, oddających się przyjemności recepcji dzieła. Za przykład może posłużyć *Casablanca* Michaela Curtiza, którą Umberto Eco (1999) wlicza w poczet tego typu dzieł kultowych ze względu na operowanie znanymi motywami (archetypami) i ich niepowtarzalną organizację. Drugim rodzajem są tzw. dzieła programowo kultowe, czyli takie, które zostały świadomie stworzone w opozycji do dominującej wizji kina. Egzemplifikacją tego rodzaju kina kultowego są wspomniane wcześniej *midnight movies* (na czele z *Rocky Horror Picture Show* Jima Sharmana), których nazwa często używana jest także jako synonim programowego kina kultu. Warto przy tym podkreślić stanowisko Pitrusa (1998), który stwierdza, że kino kultu w znaczeniu, jakie posiadało w Stanach Zjednoczonych w połowie XX wieku, należałoby dziś uznać za zjawisko historyczne. Jednakże nowsze badania dowodzą, że zjawisko kultu filmowego nadal istnieje, jednak w innych wymiarach.

W rozważaniach nad zjawiskiem kultu kinowego podkreśla się także, że jednym z jego wyznaczników jest progresywność dzieł filmowych. Owa *progresja* oznacza zwrot filmu ku jakości, a nie nowości (Godzic, 1996: 111-112); ważniejsza jest forma, nie treść (Pitrus, 1996: 137). Nastawienie to zbliża widza bliżej samego dzieła, gdyż staje się on pewnym miernikiem dzieła kultowego. Reakcja odbiorcy posiada ogromne znaczenie. Progresywne kino kultu wiąże się z filmami programowo tworzonymi na zasadzie powtarzania i mieszania rozpoznawalnych konwencji kina gatunków. Powtarzalność to cecha umożliwiająca dziełu popularność i rozpoznawalność przez wiele pokoleń (Surmacz-Dobrowolska, 2008). Serwowanie odbiorcom czegoś, co składa się ze znajomych elementów, rozpoczyna grę pomiędzy widzem a filmem. Ludyczny charakter odbioru kultowego sprawia, że przyjemność, jaką osoba dokonująca recepcji czerpie z dzieła filmowego, jest swego rodzaju meta-przyjemnością. Denotacja kodu filmu kultowego wykracza poza sam obraz. Celem wspomnianej gry jest dekonstrukcja obrazu i zidentyfikowanie sieci powiązań, w jakie wpisane jest dzieło. Mowa tu oczywiście o przenikaniu się w filmie wielu poziomów odniesień, od historycznego, politycznego i społecznego na mitycznym, filozoficznym i intertekstualnym kończąc.

Odnosząc pojęcie kina kultowego do polskiej kinematografii napotkać można pewne trudności. O kinie kultu w Polsce należy mówić dopiero od lat 90. XX w. Panująca w czasach PRL cenzura uniemożliwiała swobodę twórczą, jaka cechowała wtenczas kinematografię zachodnią (amerykańską i europejską). Niemożliwym jest także odniesienie bliskich interaktywności „seansów o północy” do polskich realiów. Jak wskazała Monika Talarczyk-Gubała (2005), kult polskich filmów należy postrzegać nie tyle przez pryzmat elitarności dzieł, co silnego przywiązania i upodobania Polaków do nich. W takim znaczeniu można wyszukiwać i dokonywać

analizy dzieł, które świadomie, odgórnie wpisują się w intertekstualne sieci odniesień, także w kinie współczesnym.

Polska komedia czasów PRL ugruntowała swą popularność w latach 90. XX w. Filmy uznawane za kultowe sprzed 1989 roku są w swej istocie odpowiedzią na ówczesną sytuację społeczną i polityczną. Twórcy dostarczali widzom dzieła, które ukazywały szarą rzeczywistość PRL-u. Charakterystycznym jest to, że nie kontestują systemu otwarcie, lecz za pomocą groteski oraz absurdu. Wszechobecna cenzura wpłynęła na sztukę w ten sposób, że twórcy, aby umieścić w swych dziełach znaczenia czy komunikaty sprzeciwiające się polityce (w tym społecznej), zmuszeni byli używać metafor. Przenosząc to na sztukę filmową, tworzone groteskowe i absurdalne historie, pozornie nierealne, jednak były one odpowiedzią na irracjonalność działań państwa. Najbezpieczniejszą formą omijania cenzury była satyra. Co ciekawe, w dyskursie filmoznawczym najczęściej można spotkać się z wyróżnieniem komedii PRL jako dzieł, które analizować można w perspektywie kina kultowego (Talarczyk-Gubała, 2005; Surmacz-Dobrowolska, 2008). Podstawowym wyróżnikiem powstających wówczas filmów komediowych było *paradokmentalne rejestrowanie absurdów otaczającego świata* (Lubelski, 2009: 358). Za przykład posłużyć mogą m.in. komunistyczne hasła, które w dziełach sprzed 1989 roku często były parodiowane, zniekształcane i hiperbolizowane. W *Hydrozagadce* w reż. Andrzeja Kondratiuka z 1970 r. z ust superbohatera Asa kilkakrotnie padają tego typu hasła, w tym: *ważne jest przestrzeganie przepisów BHP, zwłaszcza na kolei*, który jednoznacznie jest parodią propagandowych sloganów. Podobnie w innych dziełach, np. w *Seksmisji* Juliusza Machulskiego z 1983 r., gdzie najbardziej wyeksponowanym hasłem było: *Liga broni, Liga radzi, Liga nigdy cię nie zdradzi*, posiadające jawnie polityczny kontekst.

Dzieła mogą obrosnąć kultem, gdy pomyślnie przejdą próbę czasu (Pitrus, 1998). Kult komedii sprzed 1989 roku posiada głównie podłoże nostalgiczne ^(Talarczyk-Gubała, 2005). Popularność tych filmów oraz ponadczasowość przesłania wskazują, że posiadają one kultowy kontekst. Warto przy tym wskazać *Seksmisję* Machulskiego, której kwestie dialogowe stały się na tyle rozpoznawalne, że najśłynniejszą z nich użyto w kampanii reklamowej jednej z największych stacji radiowych w Polsce. Chodzi oczywiście o słowa *ciemność, widzę ciemność, ciemność widzę* wykorzystane przez stację RMF FM w 2003 roku.

Seksmisja obrosła kultem także ze względu na fabułę. Obraz przedstawia postapokaliptyczną rzeczywistość. Futurystyczna wizja nadaje filmowi ponadczasowy kontekst. Akcja rozgrywa się w bliżej nieokreślonym miejscu, zaś fabuła ukazuje absurdy totalitaryzmu. Dodatkowo obraz określić można jako feminizujący, wyrażający karykaturalnie XX-wieczną obawę przed kobietą emancypacją ^(Talarczyk-Gubała, 2005). Bardzo ważnym aspektem w recepcji polskiego widza jest także kontekst polityczny. Liga Kobiet, czyli jedyna grupa stanowiąca o przeszłości i przyszłości kolonii, w swej istocie prowadzi totalitarny system rządów. W dodatku okazuje się, że tym światem rządzi przebrany za kobietę mężczyzna. W tym znaczeniu *Seksmisja* stała się jednym z wzorcowych i ważniejszych dzieł krytykujących dyktatorski reżim, co w odniesieniu do PRL posiada kolosalne znaczenie. Poza warstwą językową, film posiada także społeczny aspekt kultu: oznacza to, iż dzieła mogą posiadać ogromne znaczenie (w tym kultowe) dla określonych narodów.

Inną kultową komedią jest *Rejs* w reż. Marka Piwowskiego z 1970 r. To jeden z przełomowych polskich filmów, którego absurdalna fabuła do dziś odnajduje swe przełożenie na społeczną rzeczywistość. Film nie odnosi się i nie krytykuje bezpośrednio polityki, jednakże karykaturalnie ukazuje tzw. homo sovieticus, człowieka przesiąkniętego komunistyczną codziennością, stylem życia. Bohaterowie pomimo tego, że wybrali się na wycieczkę, tworzą własny kolektyw. Film zyskał swą wysoką rangę w polskiej kinematografii szczególnie za uwydatnienie uniwersalnych motywów. Związane jest to z powtarzalnością, cechą, która uznawana jest za najważniejszą w definiowaniu kina kultu (Pitrus, 1998). Można rzec, że ukazywanie społecznego marazmu znajduje swe odbicie w każdej epoce. Na tym w głównej mierze polega ponadczasowość dzieła Piwowskiego.

Reżyser stworzył ambitne i trudne w recepcji dzieło. Wykreował przepiękny absurdem świat, który stawia widzowi wysokie wymagania odbiorcze. *Rejs* to dzieło wymagające dekonstruktywnego spojrzenia, dzięki czemu staje się dla odbiorcy nieskończonym źródłem przyjemności. Film Piwowskiego, podobnie jak w przypadku innych kultowych komedii czasu PRL, na przestrzeni ostatnich dwóch dekad doczekał się własnych grup fanowskich, które badacze uznają za przejaw kultu ^(Talarczyk-Gubała, 2005). Podobnie z *Misiem* w reż. Stanisława Barei z 1980 r. oraz wspomnianą wcześniej *Hydrozagadką*. Obie komedie w absurdalnym tonie ukazują rzeczywistość PRL w krzywym zwierciadle, stając się dzięki temu istotnymi dziełami w perspektywie społeczno-narodowej. *Miś* w szczególności, gdyż był to ostatni pełnometrażowy film Stanisława Barei, reżysera, którego całą twórczość uznać można za kultową. Nagła śmierć aktora lub reżysera posiada swe przełożenie na wzrost zainteresowania jego dorobkiem, który może przerodzić się w kult osoby. Takie zjawisko można zaobserwować nie tylko w przypadku Stanisława Barei, ale m.in. Zbigniewa Cybulskiego (zwanego potocznie polskim Jamesem Deanem).

Nie tylko komedie rodem z PRL, lecz także i współczesne produkcje można analizować w perspektywie dzieł kultowych. W ich przypadku warto zauważyć dwa kierunki intertekstualnych odniesień: w stronę kultowych dzieł Zachodnich oraz, retrospektywnie, w stronę komedii sprzed 1989 r. Pierwszym przykładem, który chciałbym poruszyć, jest film Olafa Lubaszenki *Chłopaki nie płaczą* z 2000 roku. Obraz ten jest połączeniem wielu znanych motywów komediowych oraz filmów sensacyjnych. Można ponadto uznać, że jest to

szczytowe dzieło polskiej komedii z elementami filmu gangsterskiego (popularny typ komedii tworzonej w latach 90. XX w. i na początku kolejnej dekady). Bardzo wyraźne odniesienie odnaleźć można do popularnych komedii Juliusza Machulskiego, zwłaszcza do *Kilera*. Warto przy tym jeszcze nawiązać do analizy *Casablanki* Umberta Eco, gdyż *Chłopaki nie płaczą* również stanowią wielowarstwowy, złożony twór, w którym szczególna organizacja elementów składowych sprawia, że *szczyt banalności pozwala podejrzewać, że mamy do czynienia z czymś wzniosłym* (Eco, 1999: 262).

Film *Lubaszki* jest przykładem wykorzystywania znanych konwencji z Zachodnich filmów akcji. Innym przykładem filmu kultowego jest *Baśń o ludziach stąd* w reż. Władysława Sikory z 2003 r., która łączy w sobie wiele różnorodnych elementów, odnoszących film do kultowych dzieł z czasów PRL. Fabuła przedstawia uniwersalną historię krytykującą dyktaturę. Akcja umiejscowiona jest głównie poza przestrzenią miejską, dzięki czemu opowieść staje się ponadczasowa (nie jest zakorzeniona w określonym miejscu i czasie). Ponadto dzieło Sikory jest wypełnione po brzegi cytatami, nie tylko do filmów, ale także do mitów, literatury i historii. Wytworzenie opozycyjnych światów „Tu” i „Tam” staje się także krytyką konsumpcjonizmu, gdzie symbolem współczesności jest śmietnisko.

Film nie sprowadza się tylko do roześmiania widza. Jego realizacja w środowisku patologicznym porusza kwestie społeczne, a rozmowy o kondycji świata (i kultury) mają charakter filozoficzny. Odnosząc się do stanowiska Zygmunta Baumana (1995), człowiek ponowoczesny to kolekcjoner przeżyć, dla którego ważna jest przyjemność wynikająca z konsumpcji. Śmieci, czyli efekt uboczny doznawania przyjemności, muszą być wyrzucone poza obręb społeczności, poza miasto, w miejsce ukryte przed ludzkim wzrokiem. Sikora, wybierając wysypisko jako jedno z miejsc akcji, celowo wprowadza odbiorcę swego filmu w ową zakazaną, brudną i nieprzyjemną przestrzeń. Zmusza przez to widza do refleksji, choć nie każdemu odbiorcy się ten chwyt podoba. Umieszczenie akcji w brzydkich plenerach jest swego rodzaju grą pomiędzy reżyserem a widzem. Obraz pozornie nie przynosi przyjemności, gdyż – co jest typowe dla kina kultu – istotniejsze staje się pobudzenie widza do podjęcia wysiłku analizy filmu, czyli meta-odbioru komunikatów zawartych w dziele, aniżeli fundowanie odbiorcom biernego zadowolenia.

Baśń o ludziach stąd, poza swą misterną strukturą, posiada także inną płaszczyznę, która wskazywać może na zaprogramowany kult dzieła. W filmie występują aktorzy związani z Zielonogórskim Zagłębem Kabaretowym. W *Baśni* wystąpiło pięć z sześciu członków nieistniejącego już Kabaretu Potem. Słynna zielonogórska grupa zakończyła działalność w 1999 roku, zaś film stworzono trzy lata później. Jest to o tyle istotne, że grupa ta była jednym z najważniejszych kabaretów w Polsce, o której śmiało można rzec, że stała się kultowa. Dlatego ich udział w filmie posiada aspekt nostalgiczny, odnoszący się do czasu, gdy aktorzy tworzyli najważniejszą grupę kabaretową lat 90. XX w. Warto przy tym zaznaczyć, że nostalgia jest jednym z podstawowych wyznaczników zjawiska kultu (Pitrus, 1998).

Powyższe przykłady wskazują, że zjawisko kultu należy traktować wielowymiarowo. Tak jak stwierdził Pitrus, podejmowanie tej tematyki to stąpanie po niepewnym gruncie, gdyż miarą kultowego odbioru jest człowiek i specyficzna sytuacja odbiorcza, jaką on sam kreuje (Pitrus, 1998). Pomimo tego, że pojęcie kina kultowego jest kategorią szeroką i niejednoznaczną, można wykorzystywać jej elementy do analizy także współczesnych dzieł filmowych. Na koniec, odnosząc się do Umberto Eco (1999), należałoby stwierdzić, iż są filmy, które powtarzają znane motywy w sposób banalny i słaby, są też jednak takie, których przemyślana organizacja staje się prawdziwą ucztą dla widza. Takie sformułowanie, choć bardzo ogólne, definiuje istotę kina kultowego. I w tym rozumieniu zjawiska kultu filmowego nie należy traktować jako pojęcia historycznego.

Literatura

Bauman, Zygmunt (1995), *Ciało i przemoc w obliczu ponowoczesności*. Toruń, Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika.

Eco, Umberto (1999), *Semiologia życia codziennego*. Warszawa, „Czytelnik”.

Godzic, Wiesław (1996), *Oglądanie i inne przyjemności kultury popularnej*. Kraków, Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych „Universitas”.

Godzic, Wiesław (1997), *Widz filmowy w poszukiwaniu medium*. In: M. Hopfinger (Ed.), *Od fotografii do rzeczywistości wirtualnej*, Łódź, IBL PAN.

Lubelski, Tadeusz (2009), *Historia kina polskiego. Twórcy, filmy konteksty*. Chorzów, Videograf II.

Pitrus, Andrzej (1997), *Kino kultowe – w stronę widza wyzwolonego*. In: M. Hopfinger (Ed.), *Od fotografii do rzeczywistości wirtualnej*, Łódź, IBL PAN.

Pitrus, Andrzej (1998), *Kino kultu*. Kraków, RABID.

Surmacz-Dobrowolska, Barbara (2008), *Kino kultu wczoraj i dziś*. „ArtPAPIER”. 106/10, from <http://artpapier.com/?pid=2&cid=3&aid=1349>

Talarczyk-Gubała, Monika (2005), *Kino kultu po polsku*. „Kultura Popularna”. 3, 23-28.

Adrienn Szabó

Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
szabo.adrie@gmail.com

Charakter Mefistofelesa w literaturze

ABSTRACT: This essay is about the character of Mephistopheles in literature. There are a lot of work in which the main character sells his soul to the devil. This motif is most typical in Europe. I chose 3 works from different countries: the german drama Faust from Wolfgang Goethe, the polish ballad of Adam Mickiewicz Pani Twardowska and the hungarian drama of Imre Madách The Tragedy of Man. I collated the characters of the people, who sell his soul; of the people, who tempt, who have the character of Mephistopheles and finally the contract of these two people.

Keywords: Temptation, contract, God, forgiveness.

Powyższy temat zainteresował mnie w momencie, kiedy poznałam historię pana Twardowskiego, bohatera utworu Adama Mickiewicza. Celem mojej pracy jest porównanie niemieckich, polskich i węgierskich utworów, których tematem jest sprzedanie duszy diabłu, czyli zawarcie paktu z diabłem.

W literaturze znajdujemy wiele powieści i ballad, których cechami charakterystycznymi są powracające motywy typu dobro - zło, jasność - ciemność, poddawanie trzem próbom, a także interesujący mnie temat, spotkanie z diabłem, zawarcie z nim paktu i tym samym sprzedanie duszy. Ostatni z przykładów jest charakterystyczny dla literatury europejskiej.

Postać diabła i jego historie sięgają późnego średniowiecza. Źródłem tego motywu jest zły człowiek, który pojawił się w chrześcijańskich legendach i przypowieściach. Stąd też tak duża popularność diabła w poezji, gdyż księża wierzyli w istnienie diabła i utwierdzali w tym przekonaniu prostych ludzi. Motyw diabła często pojawia się także w folklorze.

Mówiąc o autorach i ich utworach, mam na myśli dramat Wolfganga Goethego pt. *Faust*, ballada Adama Mickiewicza pt. *Pani Twardowska* i dramat Imre Madácha pt. *Tragedia człowieka*.

Johann Wolfgang von Goethe, najwybitniejszy niemiecki poeta okresu romantyzmu, urodził się w roku 1749 we Frankfurcie nad Menem i zmarł w roku 1832 w Weimarze. Jego najbardziej znanym dramatem jest *Faust*. Dramat ma dwie części, został napisany w latach 1773-1832.

Tematem utworu jest zakład Boga z Mefistofelesem o duszę tytułowego doktora Fausta. Faust to wielki, uczony i już stary człowiek, ale ma poczucie niespełnienia. O tym mówi następujący cytat:

*Czego nie wiemy, potrzebne nam właśnie.
A to, co wiemy, nie przyda się na nic...* (Goethe 1808)

Albo:

*I jak ten głupiec u mądrości wrót
Stoję – i tyle wiem, com wiedział wprzód* (Goethe 1808)

Marzył, że odkryje mechanizmy rządzące światem, sens istnienia, a tymczasem, choć posiadał ogromną wiedzę, nie dociekł istoty rzeczy. W tej sytuacji diabeł zakłada się z Bogiem, że uda mu się opętać duszę uczonego. Przybywa do niego i proponuje podpisanie cyrografu. Faust odda swoją duszę diabłu, gdy pozna pełnię szczęścia i wypowie słowa: *trwaj chwilo, jesteś piękna*. Istotnym jest fakt, że na obszarach, gdzie ludzie mówią po niemiecku, przyjęło się kilka legend o Fauście. Legendy te ze swoimi charakterystycznymi motywami i elementami mają wpływ na inne literatury i na świat bajek, Faust stał się symbolem człowieka, który zawiera pakt z diabłem, aby poznać tajemnicę istnienia.

Podanie o panu Twardowskim zainspirowało wielu polskich, rosyjskich i niemieckich twórców do tworzenia dzieł jemu poświęconych. Chyba najbardziej znaną pracą podejmującą temat jest ballada Adama Mickiewicza pod tytułem *Pani Twardowska*.

Adam Mickiewicz urodził się w roku 1798 w Zaosiu lub Nowogródku i zmarł w roku 1855 w Konstantynopolu. Uważany jest za największego poetę polskiego romantyzmu. Spotyka się również opinie, w których Adam Mickiewicz nazywany jest największym poetą literatury polskiej w ogóle.

Ballada pod tytułem *Pani Twardowska* została wydana w 1820 roku. Utwór nawiązuje do znanej legendy o panu Twardowskim. Według legendy, Twardowski był szlachcicem, który mieszkał w Krakowie w XVI wieku. Zaprzedał duszę diabłu w zamian za wielką wiedzę i znajomość magii. Twardowski bardzo chciał oszukać diabła, więc w umowie wpisał dodatkowy paragraf, w którym określił, że diabeł może zabrać jego duszę do piekła tylko w Rzymie. Twardowski nigdy jednak nie planował podróży do Rzymu. W balladzie historia dzieje się w karczmie, która nazywa się Rzym (*co się Rzym nazywa*). Tam też dowiadujemy się, jak Twardowski przechytrzył diabła.

Imre Madách, znany węgierski dramaturg i autor, urodził się w roku 1823 w Alsósztegváry i zmarł w 1864 w tej samej wiosce.

Najbardziej znanym utworem Madácha jest *Tragedia człowieka* (węg. *Az ember tragédiája*). Dramat ten należy do głównych dzieł węgierskiej dramaturgii, został wydany w tysiąc osiemset sześćdziesiątym drugim roku (1862). Głównymi bohaterami są Adam, Ewa, Lucyfer i Pan Bóg. Po stworzeniu przez Pana Boga świata, Lucyfer domaga się części tego świata. Diabeł otrzymuje od Boga dwa drzewa, z których Ewa i Adam zrywają owoce i je jedzą. Po ich zjedzeniu Adam i Ewa zostają wydziedziczni z raju. Wówczas para i Lucyfer zaczynają podróżować w czasie i przestrzeni. Przechodząc przez ważne momenty historii, Lucyfer próbuje przekonać Adama, że życie człowieka nie ma sensu, że świat jest zły, a ludzkość jest skazana na potępienie.

Utwór Goethego miał duży wpływ na twórczość Madácha, stąd tak wiele podobieństw do *Fausta* w *Tragedii człowieka*. Należy do nich gatunek literacki, podobne motywy, podobni bohaterowie. Podobieństwem jest również to, że obydwa utwory zaczynają się rozmową między Bogiem i diabłem, chociaż Mefisto jest pokorny, a Lucyfer jest buntownikiem. Mefisto nie występuje przeciwko Bogu, a Lucyfer tak. Mefisto ma tylko jeden cel: pokazać Bogu, że potrafi skłonić Fausta do grzechu. Lucyfer widzi swoje zadanie w zniszczeniu całej ludzkości, w zrujnowaniu tego, co stworzył Pan.

Mefistofeles w balladach nie jest głównym bohaterem, dlatego niewiele wiemy na jego temat. W baśnich natomiast znajdziemy więcej informacji o diable, a przede wszystkim to, że zawsze nosi niemieckie stroje. Tak mówi frazeologizm: „*Zakochał się, jak diabeł w niemieckim stroju.*”

W każdej opowieści motyw jest bardzo podobny. Diabeł, chociaż ma ogromną siłę nie jest w stanie pokonać normalnego człowieka. Niby ma nieograniczoną moc, ale nigdy nie może dotrzeć do celu. Niezależnie od tego w jaki sposób próbuje osiągnąć cel, w ostatnim momencie interweniuje wyższa moc i zagubiona dusza otrzymuje łaskę.

Tak jak i złe postacie mają wiele wspólnych cech, tak i dobre są do siebie bardzo podobne. Na przykład Faust i Adam. Fausta podnieca posiadanie nieograniczonej wiedzy, a Adama podnieca wizja, koncepcja innego świata. Obaj jednak dochodzą do wniosku, że jedynym dla nich rozwiązaniem jest samobójstwo. Różnica tkwi tylko w tym, że Faust myśli o samobójstwie na początku powieści, a Adam na końcu. Faust i Adam znajdują jednak cel, dla którego warto żyć.

Innym jest bohater Mickiewicza. Bohater jest tak bystry i przebiegły, że łatwo przechytrzył Mefistofelesa, pokonał go. Żąda, aby zgodnie z umową Mefistofeles spełnił jego trzy życzenia. Wymyśla niezwykle zadania, na przykład ożywienie malowanego konia, albo ukręcenie bicia z piasku. W końcu Twardowski prosi diabła o to, aby spędził z jego żoną rok. Mickiewicz tak pisze:

„*Ja na rok u Belzebuba
Przyjmę za ciebie mieszkanie.
Niech przez ten rok moja luba
S tobą, jak z mężem zostanie.*

*Przysiąż jej miłość, szacunek,
I posłuszeństwo bez granic;...*” (Mickiewicz 1822)

On nie jest zachłanny, ani chciwy, nie chce nieograniczonej wiedzy, tylko chce być nad przeciętnym człowiekiem, chce unieść się ponad siebie. Faust i Adam też zwyciężają diabła, ale są niezadowoleni, zrozpaczeni i dopiero później znajdują sens życia: Adam ma nadzieję na przyszłość, kiedy dowie się, że Ewa jest w ciąży, a życie Fausta kończy się szczęśliwie i całkowitą satysfakcją przynosi mu dopiero praca dla innych ludzi.

Faust i Pan Twardowski podpisują cyrograf swoją krwią. Adam nie zawiera umowy z Lucyferem na piśmie. Celem diabła nie jest zdobycie duszy Adama, lecz zbuntowanie go przeciwko Bogu. Adam jest tylko narzędziem diabła. To Lucyfer wybiera miejsca, do których zabiera Adama, a nie Adam. I w przypadku Fausta jest podobnie, często Mefisto decyduje za doktora i kieruje nim. Z trzech bohaterów tylko Pan Twardowski otrzymuje to, czego naprawdę chce. W końcu zauważa, że Mefistofeles rezygnuje z jego duszy. Cytat:

„*Złamiesz choć jeden warunek,
Już cała ugoda za nic.*” (Mickiewicz 1822)

Na podstawie analizy wybranych przeze mnie utworów mogę wyciągnąć wniosek, że niezależnie od wybrania złej drogi i zwątpienia, człowiek zawsze ma szansę wygrać pojedynek z diabłem (ze złem), gdyż może liczyć na pomoc Boga. Bóg zawsze odpuszcza grzechy i zbawia niewinne dusze. I jak Bóg mówi w tragedii Madácha: *Walcz, miej nadzieję - to twój los!* (Madách 1975: 157)

Bibliography

Alvó lovagok. Lengyel regék és mondák (1988), Budapest, Móra. 125-137.

Goethe, Johann Wolfgang (1993), *Faust*, Budapest, Interpopulart Könyvkiadó.

Madách Imre (1975), *Az ember tragédiája*, Budapest, Szépirodalmi Könyvkiadó.

Madocsai László (2006), *Irodalom a középiskolák 11. évfolyama számára*, Budapest, Nemzeti Tankönyvkiadó. 89-98.

Mohácsy Károly (2003), *Irodalom a középiskolák 11. évfolyama számára*, Budapest, Krónika Nova. 14-31.

Mohácsy Károly (2005), *Irodalom a középiskolák 10. évfolyama számára*, Budapest, Krónika Nova. 37-39, 43-46.

Márton Szalók

Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
guitardimon@gmail.com

Językowy obraz pojęcia oko w polskich i węgierskich związkach frazeologicznych

ABSTRACT: This paper describes conception of an eye in Polish and Hungarian languages. It includes following components: language picture of the world, an eye as an organ of vision and expressions with the lexeme 'eye' in Polish and Hungarian. In this paper there are described set phrases, proverbs, metaphors and other expressions containing the lexeme 'eye'. A number of previous research and phraseological dictionary helped in my work.

Keywords: phraseology, eye, language picture of the world, polish, hungarian

Sposób wartościowania i różnice występujące w postrzeganiu świata przez odmienne grupy etniczne można dostrzec badając zarejestrowane w związkach frazeologicznych interpretacje na temat życia człowieka i otaczającego go świata. Dzięki dokładnej rekonstrukcji i analizie danego języka możemy bliżej poznać światopogląd jego nosicieli, a także zrozumieć sposób konceptualizacji i kategoryzacji otaczającej ich rzeczywistości obiektywnej.

Celem mojego artykułu jest rekonstrukcja językowego obrazu pojęcia *oko* (= szem) w języku polskim i węgierskim. Tego rodzaju analiza jest bardzo interesująca, gdyż język polski i język węgierski są pod wieloma względami zupełnie różnymi językami. Język polski należy do grupy języków słowiańskich, a język węgierski zaś do grupy języków ugrofińskich. Języki te różnią się znacznie systemem gramatycznym, język polski jest językiem fleksyjnym, a język węgierski aglutacyjnym, a także odmiennym słownictwem i wymową.

Według słowników języka polskiego i węgierskiego *oko* „to jedna z dwóch części ciała, jakie znajdują się u ludzi w górnej części twarzy poniżej czoła, a u zwierząt na głowie, i służą do patrzenia”. Słownik etymologiczny języka węgierskiego podaje, że *oko* (= szem) jest pradawnym słowem z wieku uralskiego, a według słownika etymologicznego języka polskiego *oko* pochodzi z indoeuropejskiego słowa *akszi*, którego prasłowiańska forma to *oko*, *ocse*.

W pierwszej części mojej pracy przedstawię kilka definicji pojęcia *językowy obraz świata*. W drugiej części przeanalizuję obraz pojęcia *oko* jako organu wzroku (na podstawie jego biologicznych i fizycznych funkcji), a następnie analizie poddam wygląd zewnętrzny oka, jego formę, substancje w nim zawarte, umieszczenie, rozmiar i barwę. Uwagę zwrócę także na zwroty, w których *oko* nie występuje jako organ wzroku. Ostatnią część pracy poświęcę analizie frazeologizmów, przysłów, wyrażeń, metafor, w których jednym z komponentów jest leksem *oko*.

Językowy obraz świata

Język jest narzędziem komunikacji, w którym zakodowane są wszystkie doświadczenia, tradycje, obyczaje, obserwacje i interpretacje rzeczywistości przez daną grupę etniczną. Sposób widzenia świata, jego kategoryzacje i konceptualizacje nie są jednakowe dla każdej społeczności, często są bardzo od siebie odmienne.

Analiza języka, badanie systemu wartościowania i sposobów konceptualizacji pojęć od wielu lat zajmuje wielu językoznawców. Problem ten teoretycznie i filozoficznie na gruncie niemieckim sformułował już w XVIII i XIX wieku *Hamann*. Twierdził, że: „Język na poglądy – a poglądy na język wydają się mieć wpływ oraz, że każdy język wymaga pewnego właściwego sposobu myślenia oraz realizuje określone sobie tylko charakterystyczne upodobania” (Jerzy Bartmiński: 1990).

Herder z kolei twierdził, że: „Każdy naród ma własny rezerwuar myśli, które się stały znakami, tym rezerwuarem jest jego język: jest to rezerwuar, do którego wnosili swój wkład stulecia- jest to skarbiec myśli całego narodu” (Schaff 1967: 13).

Jednakże podstawowe założenia i definitywny kształt tezy o językowym obrazie świata sformułował *Humboldt*, twierdząc że języki są środkami do odkrywania prawd dotychczas nie poznanych czyli charakteryzują się różnorodnością samych sposobów oglądu świata (Humboldt 1907: 179-180; 119-125).

Problem językowego obrazu świata nurtuje także polskich lingwistów. Według *Bartmińskiego* „językowy obraz świata jest zawartą w języku, różnie zwerbalizowaną interpretacją rzeczywistości dającą się ująć w postaci zespołu sądów o świecie. Mogą to być sądy „utrwalone” w gramatyce, słownictwie, w kliszowych tekstach np. przysłowia, ale także sądy „presupowane”, implikowane przez formy językowe utrwalonej na poziomie społecznej wiedzy, przekonań, mitów, rytuałów” (Bartmiński 1990: 110).

Grzegorzyczkowa językowy obraz świata rozumie jako: „strukturę pojęciową utrwaloną w systemie danego języka, czyli w jego właściwościach gramatycznych i leksykalnych realizującą się w języku, za pomocą tekstów wypowiedzi” (Grzegorzyczkowa 1990: 41-49).

Tokarski traktuje językowy obraz świata „jako zbiór prawidłowości zawartych w związkach gramatycznych i strukturach leksyki, pokazujących różne sposoby widzenia i rozumienia świata” (Tokarski 1990: 68-86).

Oko jako organ wzroku i jego interpretacje

Do głównych części oczu należą: *gałka oczna* (= szemgolyó); *mięsień oczny* (= szemizom); *nerw oczny* (= szemideg); *spojówka* (= kötőhártya); *powieka* (= szemhéj); *źrenica* (= pupilla), oraz *jama oczna/oczodół* (= szemgödör).

Forma i kształt oczu może być: *kulisty* (= gömbölyű vagy kerek); *owalny* (= ovális vagy tojásdad); *migdałowy* (= mandula alakú); *skośny* (= vágott, ferde); *wyłupiasty, wypukły* (= táskás, kidüldet); *spiczasty* (= hegyes, csúcsos); *oczy zezowate, zezujące* (= kancsal vagy bandzsa).

Substancje znajdujące się w oczach: (= krystaliczne {kristályos}; *könnybe lábadt*, vagy *lzy stanęły/nabiegły mu w/dó oczach/oczu* (= könnybe lábadt, vagy könnyes a szeme valakinek). Poprzez *lzy* *oczy* mogą być *zwilgotniałe* (= nedves, vizenyő, vagy nyirkos). Poza tym jest też kilka frazeologizmów w związku z tym, jakie przedmioty mogą być w oczach: *w cudzym oku źdźbło, a w swoim belki nie widzi* (= más szemében meglátja a szálkát, a magáéban a gerendát sem); *być komuś solą w oku* (= sónak lenni vkinek a szemében, szálka a szemében).

Rozmiar oczu może być: *mały, nieduży, niewielki* (= kicsi); *malutki* (= apró); lub *duży, wielki, ogromny* (= nagy, hatalmas).

W obu językach występuje dużo przykładów dotyczących *barwy* oczu. *Oczy* mogą być *brązowe* (= barna); *czarne* (= fekete vagy sötét); *szare lub siwe* (= szürke); *pstre* (= tarka); *zielone* (= zöld); *jasne* (= világos) lub *niebieskie* (= kék). W języku polskim znajdziemy także kilka frazeologizmów, w których kolor oczu wskazuje na jakąś cechę: *czarne oczy zdradliwe, a siwe poczciwe* {a fekete szem áruló, a szürke tisztességes}; oraz *niebieskie królewskie, piwne podchlebne, bure fałszywe* {a kék szem királyi, a sárgásbarna (sörszínű) hízelgő, a sötétszürke kétszínű, álnok}. *Oczy* mogą mieć także kolor czerwony: *oczy czerwone, jakby je cebulą ponacierał* {olyan piros a szeme, mintha hagymával dörzsölte volna be}. lub *oczy czerwone jak u królika* {olyan piros szeme van mint a nyúlak} 'z przemęczenia lub nadmiaru alkoholu'. W języku polskim występuje znacznie więcej wariantów koloru niebieskiego niż w języku węgierskim: *błękitne, modre, lazurowe* (= világoskék), *granatowe* *oczy* (= sötétkék szem).

Ważnym punktem w analizie pojęcia *oko*, jest sposób w jaki możemy widzieć lub patrzeć: *dobrze* lub *źle widzieć* (= jól vagy rosszul látunk a szemekkel), oraz mieć *dobry* lub *zły wzrok* (= látás lehet jó vagy rossz); *komuś dobrze, źle lub niedobrze z oczu patrzy* (= jól vagy rosszul áll valakinek a szeme) lub *ktoś jest daleko- lub krótkowzroczny* (= valaki távol- vagy közellátó). Zmęczenie, złe samopoczucie lub uderzenie w *oczy* odzwierciedlają takie wyrażenia jak: *komuś się dwoi lub troi w oczach* (= valaki kettőt vagy hármát lát valamiből); *pociemniało w oczach* (= elsötétül a szeme előtt a világ) lub w języku polskim: *tak mi dał w głowę aż mi się w oczach zaświeciło* {úgy vágott fejbe, hogy szikrázott a szemem}.

Warto również wspomnieć o *oczach zwierząt*, których cechy niezwykle często przenoszone są na człowieka, na przykład: *orle, sokole oko* 'spojrzenie bystre bardzo dobry wzrok' (= sas vagy sólyomszem); w języku polskim: *jastrzębie spojrzenie* {héja tekintete van}; *sarnie oczy* 'duże, brązowe oczy; łagodne, płochliwe spojrzenie' (= őzike szemek); *rybie oczy* 'wypukłe oczy' (= halszem) lub *cielęce oczy* 'duże' (= borjúszem), *kruk krukowi oka nie wykole* (= holló a hollónak szemét nem vájja ki); a tylko w języku polskim: *wyłupił oczy jak baran, kiedy go zarzynają* {kimeresztí a szemeit, mint a bányák, amikor levágják}; *świecą mu się oczy by wilkowi w nocy* {úgy csillog a szeme, mint a farkasoknak éjjel}; *oczy mu się świecą jak u kota* {csillog a szeme, mint a macskának}; *oczy jak u bazyliuszka* {olyan a szeme akár a baziliszkusze}.

W języku węgierskim małe, okrągłe części, otwory lub drobne rzeczy kształtem przypominające oko, są właśnie w ten sposób nazywane, na przykład: *jeden ziemniak, jedna truskawka, jedna czereśnia, jeden pomidor* (egy szem krumpli, egy szem eper, egy szem cseresznye, vagy egy szem paradicsom). Jest to wyraźna gramatyczna różnica między badanymi przeze mnie językami, gdyż tylko język węgierski wyraża to w ten sposób. Język polski w tym przypadku używa liczebnika *jeden*. Kolejne przykłady to: *oka łańcucha* (= láncszem); *oka sita* (= szitának a szeme); *oka sieci* (= hálónak a szeme); *oko judasza* lub *judasz* (kukucsakáló ablak); *nie każdy dobrze się czuje pod okiem kamery* {nem mindenki érzi jól magát a kamera (szeme) előtt}; *oko jeziora* {a tó szeme}; *oko tłuszczy* {zsírszem}; *oko puszcza w pończosze* (= leszalad egy szem a harisnyán).

Rekonstrukcja pojęcia oko w polskich i węgierskich związkach frazeologicznych

Analiza materiału wykazała, że leksemem *oko* w obu badanych przeze mnie językach ma wiele różnych konceptualizacji. Należą do nich *oko* jako **POJEMNIK**, który ma **wejście, wyjście, powierzchnię**, w którego **wnętrzu** zachodzą różne procesy oraz mieszczą się uczucia i emocje. *Oko* to także **STWORZENIE, OBIEKT, BRÓŃ, ZWIERCIADŁO**, a także ogromna **WARTOŚĆ**, na którą należy uważać. Oto przykłady:

1. **Pojemnik**, który ma **wejście**: (np. *śmiać się w oko* – a szeme közé vagy a szemébe nevet; *prosto w oczy powiedzieć* - valakinek egyenesen a szemébe megmond valamit); **wnętrze** (np. *radość, szczęście świeci w oczach* - szemében csillog, *ragyog az öröm, boldogság; wygasa światło w oczach* - kialszik a fény a szemében); **wyjście** (np. *lzy przebijają się z oczu* - könnyek törnek elő a szeméből; *wybić sen komuś z oczu* - kiveri az álmat valakinek

a szeméből; *otworzą się komuś oczy na coś* - kinyílik a szeme valakinek valamire; *oczy komuś otworzyć* - felnyitotta valakinek a szemét); i **powierzchnię** (np. *spędzać sen z oczu* – elúzi az álmat a szeméről).

Oko to także **zbiornik uczuć i emocji**, na przykład: *mieć miłość, niepokój, radość, ból, spokój, ciekawość, obłąd, szaleństwo lub złość w oczach* (szerelem, aggodalom, vidámság, fájdalom, nyugalom, kíváncsiság, örület vagy harag van a szemében).

2. **Stworzenie:** *oczy mówią* (= beszélő szemek); *oczy nasycają się czym* (= jóllakatja a szemét, eltelik valamivel); *oczy pukają z głodu* (= kopog a szeme az éhségtől); *jeść oczyma* (= felfalja a szemével); *paść, napawać, oczy czymś/kimś* (= legelteti a szemét valamin/valakin), *jedno oko spać chce* {és egy szem aludni akar}; *oko w miłości wodzem* {szerelemben a szem a vezér}.

3. **Obiekt lub broń:** *rzucić okiem na kogo, na co* (= szemet, pillantást vet, dob valakire, valamire); *świdrować oczyma* (= szemeivel átfúr, átdöf).

4. **Wartość:** *pilnować jak oka w głowie, strzec jak źrenicy oka, być oczkiem w głowie* (= úgy vigyáz rá, mint a szeme fényére);

5. **Zwierciadło duszy:** *oczy są zwierciadłem duszy, umysłu* (= a szem a lélek vagy értelem tükre); *oko do serca okno* (= a szem a szív ablaka); *oko nic nie przewini, gdy się myśl nie przyczyni* {a szem semmit sem vétkezik, ha a gondolat nem idézi elő}; *oko pobudka do złego* {a szem indíték a rosszra}; *czego oko nie widzi, tego sercu nie żal* (= amit a szem nem lát, azért a szív sem fáj).

Rekonstrukcja i analiza zebranego przeze mnie materiału frazeologicznego wskazuje na to, że zarejestrowany w zwrotach języka polskiego i węgierskiego obraz pojęcia *oko* znacznie odbiega od definicji słownikowych.

Literatura

- Bąba, Stanisław – Liberek, Jarosław (2002), *Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny*. Warszawa.
- Bañcerowski, Janusz (1999), A világ nyelvi képe mint a szemantikai kutatások tárgya. *Magyar Nyelv* 2. 188-195.
- Bañcerowski, Janusz (2008), *A világ nyelvi képe. A világgép mint a valóság metaképe a nyelvben és a nyelvhasználatban*. Budapest, Tinta Könyvkiadó.
- Bañcerowski, Janusz (2006), A világ nyelvi, tudományos és kultúrképe mint a második valóság komponensei. *Magyar Nyelvőr* 2. 187-198.
- Bañcerowski, Janusz (1998), A kommunikációs grammatika perspektívái. *Magyar Nyelvőr*. 270-277.
- Bañcerowski, Janusz (2004), Z zagadnień polsko-węgierskiej semantyki kontrastywnej. *Slavica Savariensia*. 1-2. 5-16.
- Bárdosi Vilmos – Kiss Gábor (2005), *Szólások. 5000 magyar állandósult szókapcsolat betűrendes értelmező dióhéyszótára*. Budapest, Tinta Könyvkiadó.
- Bartmiński, Jerzy (1990), Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata. In: *Językowy obraz świata*. Lublin.
- Długosz – Kurczabowa, Krystyna (2009), *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Dziewońska-Kiss Dorota (2010), Állatnevek és állati testrészek a lengyel es a magyar nyelvi minősítésben. In: *Világgép a nyelvben és nyelvhasználatban*. Budapest, Tinta Könyvkiadó.
- Forgács Tamás (2003), *Magyar szólások és közmondások szótára. Mai nyelvünk állandósult szókapcsolatai példákkal szemlélve*. Budapest, Tinta Könyvkiadó.
- Grzegorzyczkowa, Renata (1990), Pojęcie językowego obrazu świata. In: *Językowy obraz świata*. Lublin.
- Humboldt, von Wilhelm (1907), *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues*. Berlin, Gesammelte Schriften.
- Kövecses Zoltán (2005), *A metafora. Gyakorlati bevezetés a kognitív metaforaelméletbe*. Budapest, Typotex Kiadó.
- Mańczyk, Augustyn (1982), *Wspólnota językowa i jej obraz świata. Krytyczne uwagi do teorii językowej Leo Weisgerbera*. Zielona Góra.
- O. Nagy Gábor (1979), *Mi fán terem. Magyar szólásmondások eredete*. Budapest, Gondolat Kiadó.
- Schaff, Adam (1967), *Język a poznanie*. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Skorupka, Stanisław (1974), *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa.
- Szemerényi, Ágnes (2009), *Szólások és közmondások*. Budapest, Osiris Kiadó.
- Świerczyński, Andrzej és Dobrosława (2009), *Szólásmondások többnyelvű szótára*. Kossuth Kiadó.
- Tokarski, Ryszard (1990), Językowy obraz świata w metaforach potocznych. In: *Językowy obraz świata*. Lublin.
- Tótfalusi István (2001), *Magyar szótörténeti szótár*. Budapest, Anno Kiadó.

Eszter Tamaskó

Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
tamasko.eszter@gmail.com

Morfološka adaptacija glagolskih hungarizama u arhaičnom govoru Dušnoka

ABSTRACT: *In my work I am concentrating on the archaic Slavonian dialect in the village of Dusnok. It is an area inhabited by Croatians in Hungary since the 17th century. Living together for a long common time with Hungarians results in many Hungarisms in their Slavonian dialect. In the main part - Morphological adaptation - I try to explain how Hungarian verbs are adapting in Croatian language. The most adapting suffixes are -ati and -ovati, but the formation of these verbs is very different from nowadays Croatian standard language. Hungarian verbs overtake their main role in the communication.*

Keywords: archaic Slavonian dialect, Dusnok, morphological adaptation, transmorphemization, suffixes -ovati, -ati, adaptation of Hungarian verbs

Naselje Dušnok nalazi se na južnom dijelu mađarskog Alfölda na pola puta između gradova Baje i Kalače. U 16. stoljeću smatralo se selom srednje veličine, ali tijekom borbe protiv Turaka selo je ostalo bez stanovnika. Dušnok je u 17. stoljeću ponovo naseljen, s jedne strane Mađarima iz susjednih naselja, a s druge strane katoličkim južnoslavenskim stanovnicima koji sami sebe nazivaju Racima, a svoj jezik rackim. Ovaj govor pripada štokavskom narječju, unutar njega slavonskom dijalektu podravskog tipa. Govor Dušnoka doseljenički je štokavski govor koji, i tristotinjak godina nakon doseljenja, većinom čuva temeljne slavonske crte, i pokazuje stanje jezika staro otprilike 300 g. No, podrazumijeva se da je dugotrajni zajednički život Hrvata i Mađara rezultirao mnogobrojnim hungarizmima u rackom govoru. Dodir hrvatskog i mađarskog jezika je poseban jer postoji velika genetska i tipološka razlika između dvaju jezika. Mađarski jezik pripada uralskoj porodici, unutar toga ugrofinskoj skupini jezika, a hrvatski slavenskoj skupini, najvećoj jezičnoj porodici indoeuropskih jezika. Po tipologiji ugrofinski jezici su aglutinativni, dok indoeuropski jezici pripadaju flektivnim jezicima. Oni se razlikuju u postojanju gramatičkih rodova, zatim u aglutinativnim jezicima granice između pojedinih vrsta riječi nisu oštre jer neće uvijek dobiti specifične sufikse ili nastavke koji mogu razlikovati vrste.

U govoru Dušnoka jezično posuđivanje se javlja na svim jezičnim razinama, ali leksik je ta jezična razina koja je najsklonija promjenama te najpodložnija različitim utjecajima, naime to je najčešći i najjednostavniji način popunjavanja praznih mjesta u sustavu. U dušnočkom govoru možemo naći primjere iz svake vrste riječi, ali ipak vrijedniji su pozornosti oni koji nisu prilagođeni sustavu jezika primatelja, u ovom slučaju rackom jeziku, a adaptiraju se ne samo fonološki, nego i morfološki, tj. imenice, glagoli i pridjevi. Među hungarizmima najveći je broj imenica, zatim slijede glagoli, dok je broj pridjeva znatno manji. U ovom ću radu prikazati kako se adaptiraju glagolski hungarizmi u dušnočkom govoru.

Slavonsko stanovništvo Dušnoka nakon doseljenja u 17. stoljeću nije ostalo u kontaktu s matičnom zemljom, njihov se jezik razvijao bez dodira s hrvatskim jezikom (pogotovo bez dodira s hrvatskim standardnim jezikom koji u to vrijeme još nije ni postojao), tj. rječničko blago uglavnom je posuđeno iz mađarskog. Osim toga nailazimo na hungarizme i u tim slučajevima kad je određeni leksem postojao i u to doba, ali je zbog rijetke uporabe zaboravljen. Neki od hungarizama samo su prigodni i jedinstveni, kada osoba u danom trenutku ne uspije aktivirati određeni dio mentalnog leksikona (npr. *megközelítovat* – ‘približiti’), a drugi su primjeri općepoznati, tj. za pojam postoji samo jedan leksem (*fudbalozovat* – ‘igrati nogomet’, *disidalovati* – ‘pobjeći iz matične zemlje’). Ako promatramo semantička polja, možemo istaći da se hungarizmi javljaju u sljedećim kategorijama: izrazi vezani uz tehnički razvoj, školstvo (npr. *balagovat* – ‘oprašati’), službene stvari (u svezi mirovine i sl. financijskih pitanja: *fedezovat* – ‘pokriti’, *lesazelekolovat* – ‘odrediti stupanj invaliditeta’), i uglavnom u svim semantičkim poljima koji ne pripadaju svakodnevnom seoskom životu. Za najnovije pojave uopće nemamo primjere: *surfati na internetu*, *klonirati* itd., jer s jedne strane racki jezik govore u svakodnevnom životu samo osobe iznad 60 g., a u njihovom životu ove stvari nemaju važnu ulogu, ili u ovim se slučajevima mijenja jezični kod, tj. prelaze na mađarski jezik.

U ovom radu neću detaljno analizirati kalkove, glagole ili glagolske strukture preuzete iz mađarskog jezika i nastale doslovnim prevođenjem. (npr. *ustaj gore* – ‘kelj fel’, *past dole* – ‘leesni’).

Morfološka adaptacija

Pod pojmom morfološke adaptacije u ovom radu podrazumijeva se prilagodba mađarskih riječi morfološkom sustavu rackog jezika. Rudolf Filipović u monografiji *Teorija jezika u kontaktu* (Filipović 1986:11) adaptaciju posuđenica na morfološkoj razini naziva transmorphemizacijom. Transmorphemizacijskom analizom trebaju se utvrditi sve promjene kroz koje prolazi osnovni oblik prilikom svoje adaptacije i prelaska u osnovni oblik te način i stupanj primjene morfoloških zakonitosti jezika primatelja na posuđenu leksičku jedinicu.

Kao prvi korak svakako moramo odrediti osnovni oblik glagola u dva jezika, tj. kojoj osnovi možemo pridružiti sufikse. U mađarskom jeziku ne možemo definirati vrste riječi prema dočetcima, nego se uzima u obzir

sintaktičko i morfološko ponašanje riječi te značenje. U hrvatskom jeziku infinitiv ima nastavak *-ti* (ili *-ći*), dok u mađarskom jeziku osnovni riječnički oblik glagola je 3. lice jednine. U jednom slučaju sam se srela s takvom adaptacijom, kada se hrvatski infinitiv dodaje mađarskom infinitivu (koji ima nastavak *-ni*): *U škole nisam ni buknila*. (od mađ. riječi *bukni* ‘pasti’) Vjerojatno u primjeru ovog hungarizma moramo računati s unutarnjem analogijom, naime glagol *buknuti* postoji i u hrvatskom jeziku, samo u potpuno drugom značenju. ‘naglo se razgorjeti (o vatri)’ ili ‘glagol za razne pojave koje se razvijaju naglo’ (Anić 2003) Glagoli s infinitivnom osnovom na *-nu* završavaju u Dušniku na *-ni*, a to je karakteristika slavonskog dijalekta: *krenit, kleknit, bukmit*.

„Glagoli stranog podrijetla prilagođuju se sustavu hrvatskosrpske konjugacije uglavnom pomoću triju nastavaka (bolje reći osnovnih završetaka): *-isati, -irati, -ovati*.“ (Nyomárkay 1984: 17) Hadrovics upućuje i na nastavak *-iti* u glagolskim hungarizmima, koji se javlja samo ako glagol i u mađarskom završava na *-ít*. (Hadrovics 1985: 72) Usprkos tome mađarski glagoli na *-ít* u našem korpusu adaptiraju se nastavkom *-ovati*, vjerojatno prema analogiji.

kitelepítovat – ‘evakuirati’

Od tih triju sufiksa dva su stranog podrijetla: *-isati* na istočnom dijelu štokavskog jezičnog teritorija, potječe od grčkog aorista *-isa*; na zapadu *-irati* od njemačkoga infinitiva na *-ieren*, a taj od francuskog infinitiva na *-er* < lat. *-are* ili od francuskog na *-ir* < lat. *-ire*. U Dušniku možemo pronaći sve gore navedene sufikse, ali u infinitivu krajnje *i* uvijek ispada. (*umit, spojivat, mojit, imat, načinjat* itd.). Na adaptaciju glagola sa sufiksom *-isati* naišla sam samo u jednom primjeru svoga korpusa: *vakarisat prava* ‘strugati prah’. Uporaba osnovnog završetka *-irati* nije značajna, a nije ni sustavna u dušnočkom govoru. Osim riječi *hasnira* (‘koristi’) nisam naišla na druge primjere. Možemo zapaziti da je sufiks *-ieren* noviji od ostalih, od početka 17. stoljeća širi se na hrvatskim područjima zbog njemačkog utjecaja. Za uporabu ovog nastavka Klaić citira prvi primjer iz 1678. g. (Nyomárkay 1984: 22), znači u doba iseljenja Dušnočana još nije bio općepoznat i proširen, prije su upotrebljavali *-ati* i *-ovati*, i najvjerojatnije se u matičnoj zemlji nisu susreli sa sufiksom *-irati*, ili nije bio previše značajan. Ali, mada u manjoj mjeri nego u Hrvatskoj ili na drugim područjima Mađarske, moramo računati s njemačkim utjecajem zbog švapskih sela oko Dušnoka. To pokazuju i riječi poput *opucovat kolompere*, ali ovdje igra važnu ulogu i mađarski kao jezik-posrednik.

Naravno, najznačajnija je prisutnost sufiksa *-ovati*, koji je praslavensko nasljeđe. Skok spominje da „sa gledišta narodnog jezika dakako da zaslužuje potporu i u neku ruku favoriziranje samo domaći sufiks *-ovati*.“ Tijekom ove adaptacije uz leksem se dodaju hrvatski infinitivni formant *-ova*, i nastavak *-ti*.

cimbalmozovat – ‘svirati cimbal’

korčojazovat – ‘sklizati se’

fodbalozovat – ‘igrati nogomet’

megsünovo – ‘prestaó je’

engedovat – ‘dopustiti’

telefonovat – ‘telefonirati’

Konjugacija tih glagola, naravno, ide prema analogiji: *fedezovat - fedezuje* itd.

Osim spomenutih sufiksa značajnu ulogu ima i završetak osnova na *-ati*. On je „služio za adaptaciju talijanskih glagola na *-are*, kasnije na *-ere* i *-ire*. [...] Kasnije se taj nastavak upotrebljavao za prilagodbu glagola njemačkog podrijetla: *farbati* itd., i za adaptaciju nekih takozvanih europskih riječi. [...] Početni period adaptacije stranih glagola ukazuje na opću uporabu nastavka *-ati*“ (Nyomárkay 1984: 18). Iz Dušnoka možemo istaći neke primjere: *hintat* ‘ljuljati se’, *cilinkat* ‘zvoniti’, *kockat* ‘igrati kocku’ i sl. Primjeri pokazuju da je ovaj sufiks denominalan u govoru Dušnoka, tj. koristi se u slučaju kada se od imenice tvori glagol.

Nisu svi glagolski hungarizmi na istom stupnju usvojenosti, a to pokazuje i činjenica da uz neke glagole stoje mađarski sufiksi (*kitelepítovat* – ‘iseliti’, *beostovat* – ‘rasporediti’) Jedini hrvatski prefiks koji se javlja jest *na-*. Što se tiče njegovog značenja, uvijek upućuje na svršenu radnju: *navašalovat* – ‘ispeglati’, *nadaralovana* – ‘mljevena’, *nacifrat se* – ‘svečano se obući’.

„Na stupanj usvojenosti glagola stranog podrijetla ukazuje oblikovanje ličnih glagolskih oblika po hrvatskom tvorbenom obrascu. Udomaćeni glagol postaje izvor daljih izvođenja, pa se tako trpni pridjev u funkciji kvalifikativa ponaša isto kao i kad je građen od domaćih glagola.“ (Gabrić-Bagarić 1993) Glagolski pridjev tvori se sufiksima: *-n, -en, -jen, -ven* i *-t*. U govoru Dušnoka ovi sufiksi mogu također stajati uz hrvatske i mađarske osnove: *tučena paprika - nadaralovana paprika, naločkan* – ‘nalijevan’. Nastavak *-an* će se pridružiti glagolima sa završetkom *-ovati*. Osim glagolskog pridjeva pojave se i druge izvedenice od glagola, npr. glagolske imenice: *kitelepítovat - kitelepítovanje*.

Vrijedni su pozornosti glagolski hungarizmi koji su samo morfološki prilagođeni, a fonološki nisu. (*megközelítovat* – ‘približiti’ itd.) Ovi su glagoli u nekim slučajevima samo prigodne adaptacije, dok su drugi često uporabljavani elementi dušnočkog govora. Možemo konstatirati da su glagoli u kojima nije došlo do fonološke adaptacije noviji oblici, što podupire sociolingvističku činjenicu da se status rackog jezika među stanovnicima promijenio, a u zadnje je vrijeme mađarski postao dominantni jezik u dvojezičnom stanju.

Zaključak

Arhaični slavonski govor Dušnoka sadrži brojne hungarizme, unutar toga i glagole. Najproduktivniji adaptacijski sufiks je *-ovati*, jer se većina glagola i dan danas tvori ovim nastavkom, u nekim slučajevima i odstupa od današnjeg hrvatskog standarda, znači sufiks *-ovati* služi za transmorfemizaciju mađarskih glagola. Značajnu ulogu ima u morfološkoj adaptaciji i sufiks *-ati*, koji je denominalni, tj. od imenica tvori glagol.

Adaptacijski sufiks *-irati* koji je dosta produktivan u današnjem hrvatskom standardnom jeziku nije prisutan u dušnočkom govoru. Na visoki stupanj usvojenosti glagola mađarskog podrijetla ukazuje oblikovanje glagolskog priloga trpnog (participium perfect). Najnovije adaptacije fonološki nisu prilagođene sustavu dušnočkog govora, a u većini se slučajeva zbiva promjena koda umjesto adaptacije, što ukazuje da mađarski jezik preuzima sve više prostora u komunikaciji.

Literatura

Filipović, Rudolf (1986), Teorija jezika u kontaktu. Uvod u lingvistiku jezičnih dodira. JAZU i Školska knjiga. Zagreb.

Gabrić-Bagarić, Darija (1993), Morfološka prilagodba posuđenica u „Dijalozima Grgura Velikoga“ iz 1513. godine. Rasprave, Sv. 19., 93–110.

Hadrovics László (1985), Ungarische elemente im Serbokroatischen. Akadémiai Kiadó. Budapest.

Nyomárkay István (1984), Strane riječi u hrvatskosrpskom (srpskohrvatskom) jeziku. Izdanje Demokratskog saveza južnih Slavena u Mađarskoj. Tankönyvkiadó. Budapest.

Skok, Petar (1955), O sufiksima *-isati*, *-irati*, *-ovati*. *Jezik: časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika*, 36–43.

Žagar-Szentesi Orsolya (2005), Hrvatski u dodiru s mađarskim jezikom. In: *Hrvatski jezik u dodiru s europskim jezicima*. Zagreb. 51–83.

Екатерина Турышева

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
katerina.turysheva@gmail.com

Чакавский идиом сегодня: проблема статуса и специфика современного функционирования

ABSTRACT: The aim of the article is to reveal the specificity of Čakavian in Croatia and to show that according to its functional potential Čakavian could be a separate language. Moreover, the paper attempts to clarify the reasons and the consequences of the fact that Čakavian, as a genetically and structurally separate idiom, doesn't have an official status of language while several languages of the former Yugoslavia, based on the same Novoštokavian dialect basis, such as Bosnian and Montenegrin, have already announced their "independence".

Keywords: Čakavian idiom, Croatian, language status, language functioning

Традиционно на языковой карте Хорватии выделяются три основных идиома (кайкавский, чакавский и штокавский), которые имеют многовековую историю параллельного функционирования и богатую письменную традицию. На базе одного из них – штокавского – в XIX в. был кодифицирован современный литературный хорватский язык; при этом кайкавский и чакавский, продолжая по сей день функционировать как в устной, так и письменной форме, официального статуса языка не имеют.

В этой работе будет рассмотрено, почему, имея крайне специфическую фонетику, грамматику и лексику, а также самую древнюю в сравнении с другими диалектами хорватского языка письменную традицию, чакавский так и не стал самостоятельным языком в наши дни, при том что «языковую независимость» уже объявили кодифицированные на основе одной и той же группы новоштокавских говоров хорватский, сербский, бошняцкий и черногорский языки.

По количеству охваченных коммуникационных сфер чакавский вполне сравним с литературным языком. Чтобы убедиться в этом, необходимо рассмотреть, где и как функционирует чакавский в наши дни.

Наследницей литературной традиции на чакавском идиоме является современная чакавская литература, представленная в настоящее время обширным корпусом текстов разной жанровой направленности. Большинство современных художественных текстов на чакавском составляют поэтические произведения. Одним из самых известных чакавских поэтов можно назвать Златана Якшича, первый сборник которого был опубликован еще в 1958 г. под названием „Zavitri i sprjaže“ («Заветрия и поляны»). Его последний прижизненный сборник поэзии – „Pivac na humaru“ («Петух на печной трубе») – вышел в 2002 г. Кроме того, в 1991 г. он основал ежегодный фестиваль чакавской поэзии „Croatia rediviva“ («Возрожденная Хорватия»), который до сих пор проходит на его родном острове Брач.

Помимо поэзии, на чакавском пишется и проза, причем чакавские прозаики работают как в малых, так и в крупных формах. Особенно примечательно, что на чакавском существует несколько современных романов; в качестве примера можно привести романы истарского писателя Франьо Матетича «Zvoneča svojni» («Село Звонеча прежде», 1999), первый новый роман на чакавском идиоме, и «Nona Tonka» («Бабушка Тонка», 2010).

При этом современная чакавская литература не ориентирована исключительно на взрослого читателя. Так, например, в 2010 г. из печати вышла детская сказка хорватской писательницы Татьяны Удович, которая называется «Rožica va koloreh mavrice» («Цветок в разноцветную полоску»).

Однако функциональность современного чакавского идиома не ограничивается исключительно художественными текстами. Помимо художественной литературы, чакавский активно используется и в региональных средствах массовой информации. Так, в настоящее время выходят в свет многочисленные местные газеты, в которых публикуются тексты на чакавском. Например, на острове Угльян существует журнал под названием „Kaljski lumin“ («Кальский фонарь»), который сейчас печатается с перерывами по причинам финансового характера. Из научной периодики наиболее ярким примером может служить сплитский журнал „Čakavska rič“ («Чакавское слово»), посвященный публикации материалов, связанных с чакавским идиомом.

Кроме того, чакавский используется на радио и телевидении. Так, на сплитском телеканале „Televizija Jadran“ немалую долю эфирного времени занимают программы на местном чакавском говоре, причем как культурно-информативного, так и развлекательного характера. В плане радиовещания можно говорить о том, что в эфире большинства местных радиостанций можно найти чакавские радиопередачи. Так, на радиостанции „Radio Bakar“ выходит в эфир программа „Ča je ča... pa šta?“ («Что есть что... ну и что?»), цель которой, по словам ее создателей, заключается в сохранении культурной идентичности населения города, в том числе и через использование в эфире местного чакавского говора. Самой же

известной чакавской радиостанцией можно считать „Radio Rijeka“: здесь в эфире еженедельно представлено несколько чакавских программ.

Существует также и чакавский театр. Больше всего по своим чакавским постановкам известен Хорватский народный театр на Хваре, основанный в 1969 г. В его репертуаре – не только чакавская классика («Юдифь» Марко Марулича, «Горы» Петара Зоранича), но и спектакли по современным текстам, такие как „Stori letrat“ («Старый портрет», 1991) и „Šaka zemje“ («Горсть земли», 1998).

Также чакавский активно используется хорватскими музыкальными коллективами. Причем, с одной стороны, в Хорватии сохранена живая чакавская песенная традиция, наиболее яркий пример которой – так называемая „klapa“ (клапа): традиционная хорватская музыка, исполняемая группой музыкантов без сопровождения музыкальных инструментов. Сейчас клапа популярна даже за границей, в самой же Хорватии ежегодно проводится более двадцати фестивалей и выходят многочисленные CD-диски. С другой стороны, наряду с традиционными есть и новые музыкальные явления. Так, в 1990-х гг. в Хорватии появилось музыкальное движение под названием „ča-val“ («ча-волна»). Стилистическое разнообразие музыки его представителей очень широко, но всех их объединяет то, что тексты песен пишутся на чакавском говорах. Кроме того, чакавский представлен и в современной поп-музыке: тексты на чакавском входят в репертуар таких популярных исполнителей, как Оливер Драгоевич и Тамара Обровац.

Образование в школах и университетах на чакавском идиоме не ведется, хотя в настоящее время существуют проекты преподавания на чакавском отдельных школьных дисциплин. Однако, как уже было отмечено, чакавская литературная традиция очень богата, и ее наиболее значимые произведения включены не только в университетскую, но и в школьную программу. Кроме того, во многих школах существуют объединения учеников, призванные сохранять чакавское языковое наследие. В качестве примера можно выделить школу “Vjjaći” в городе Каштел Нови, в которой на протяжении вот уже двадцати лет организуются так называемые «Чакавские вечера». Что же касается высшего образования, в учебных планах хорватских университетов для студентов-филологов предусмотрены специальные курсы по хорватской диалектологии.

Существуют также отдельные культурно-просветительские организации, которые занимаются сохранением чакавского нематериального культурного наследия. Уже в 1970 г. был основан так называемый „Čakavski sabor“ («Чакавское объединение») – культурно-научно-издательская институция, которая по сей день организует и проводит различные презентации и мероприятия, посвященные чакавскому идиому. Помимо этого, в Сплите существует организация под названием „Čakavski jazik“ («Чакавский язык»), преследующая в своей деятельности схожие цели.

Необходимо особо подчеркнуть, что чакавский идиом активно используется в Интернете: на форумах, в общении через социальные сети, в письмах, блогах и т.д. Примечательно также, что одно время велась к настоящему моменту прекратившаяся работа по созданию чакавской Википедии на глаголице. Впрочем, в Интернете и сейчас существует ряд специализированных чакавских порталов; одним из них является, „Istarski rječnik“ – открытый словарь, в который каждый истарский чакавец может добавить слова своего родного говора.

Как следует из вышесказанного, в настоящее время чакавский представляет собой идиом, который используется практически во всех коммуникативных сферах, кроме административной. Тем не менее, несмотря на свою полифункциональность, чакавский идиом на территории Хорватии, как уже было сказано, не имеет статуса официального языка.

Для его обретения чакавскому не хватает важнейшего конституирующего признака языка, а именно – нормированности. Хотя в настоящее время существуют многочисленные грамматические описания и словари отдельных говоров, единой чакавской грамматики и единого чакавского словаря до сих пор не составлено. Во многом это связано с тем, что чакавские говоры разных регионов довольно сильно различаются между собой, что создает немалые трудности при попытке выработать общую чакавскую норму. Однако главная причина отсутствия современной общечакавской нормы видится в том, что в настоящее время отсутствует сама потребность в ее создании, так как чакавцы не испытывают в ней острой необходимости. В зависимости от коммуникативной ситуации роль общепонятного языка может выполнять литературный хорватский язык, и, следовательно, никакой коммуникативной лакуны, которую бы мог заполнить единый чакавский язык, нет.

Кроме того, отсутствует потребности в едином чакавском языке и в качестве признака обособленности чакавцев от титульной нации государства, так как они являются ее органичной частью как с исторической точки зрения, так и с точки зрения своего самоопределения. В этом заключается принципиальное отличие чакавской ситуации в Хорватии от ситуации, сложившейся у бургенландских хорватов-чакавцев, которые живут в условиях «чужого» государства с «чужим» государственным языком, и для которых утрата «своего», кодифицированного и официально признанного языка означает утрату своей этнической идентичности. Хорватские чакавцы в свою очередь не испытывают необходимости в общем кодифицированном языке; возникнет ли такая потребность в будущем,

например, на территории Истрии, которая известна исторически сложившейся космополитичностью и культурной автономностью, покажет время.

Пока же, хотя при иных исторических обстоятельствах новоштокавский и чакавский действительно могли бы быть разными славянскими языками, они таковыми не воспринимаются. Во многом именно это способствует той прогрессивной интерференции чакавского идиома с литературным языком, которая происходит под влиянием СМИ и обучения в школах и университетах. С одной стороны, это приводит к размыванию специфических, унаследованных еще из праславянской эпохи чакавских черт, с другой – к проницаемости литературного языка для диалектно окрашенных элементов.

Эти конвергентные процессы могут приводить к неразличению в речи носителей чакавского идиома диалектных и литературных элементов. Так, например, школьные учителя отмечают, что дети и дома, и в школе часто разговаривают на своеобразной смеси литературного языка и местного говора, при этом в зависимости от коммуникативной ситуации дети уверены, что говорят на литературном языке (когда речь идет о школе) и на диалекте (когда речь идет о бытовом общении). Иллюстрацией данного тезиса может служить отрывок из записанной речи ученика начальной школы истарского города Светвинченат, который находится на территории распространения чакавских икавских говоров: „*Mi govorimo po domaću uvijek, samo u školi moramo govoriti po hrvatski jer ste svi učitelji iz Pule pa nas ne razumite. Zato moramo govoriti po vašu da bite nas razumjeli*” (Benjak 2005: 410). Как видно из этого примера, в речи носителей чакавских говоров может происходить смешение чакавского и литературного хорватского языка. Этот факт позволяет выдвинуть тезис о том, что в сознании современных чакавцев не существует четкой оппозиции «свое-чужое» между чакавским идиомом и литературным языком. В связи с этим становится ясно, почему в эпоху парада языковых суверенитетов не предпринимаются попытки кодифицировать чакавский идиом и законодательно закрепить его права.

Итак, сербско-хорватское языковое пространство и сложившаяся вокруг него социолингвистическая ситуация в настоящее время демонстрируют две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, провозглашаются отдельными языками идиомы, кодифицированные на одной и той же диалектной базе (боснийский и черногорский по отношению к сербскому и хорватскому), с другой – генетически и структурно разные идиомы (чакавский, кайкавский и литературный хорватский), на которых говорит один и тот же народ, фактически осознаются как один язык и подвергаются конвергенции.

Литература:

- Молдован А.В. (2005), *Языки мира: Славянские языки*. М., Академия.
- Benjak, Mirjana et al. (2005), Standars i dijalekt u kontaktu. In: *Jezik u društvenoj interakciji. Zbornik radova sa savjetovanja održanoga 16. i 17. svibnja u Opatiji*. Zagreb – Rijeka, Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, 409-424.
- Lisac, Josip (2004), Čakavština kao narječje i u hrvatskoj književnosti. *Čakavska rič*. 32/1, 5-11.
- Lisac, Josip (2009), *Hrvatska dijalektologija 2. Čakavsko narječje*. Zagreb, Golden marketing – Tehnička knjiga.
- Lončarić, Mijo (1999), Hrvatska narječja i hrvatski književni jezik. In: *Nárečia a národný jazyk*. Bratislava, Veda.
- Matasović, Ranko (2008), *Poredbenopovijesna gramatika hrvatskoga jezika*. Zagreb, Matica hrvatska.
- Oczkova, Barbara (2010), *Hrvati i njihov jezik. Iz povijesti kodificiranja književnojezične norme*. Zagreb, Školska knjiga.

Роль калькирования в терминообразовании (на материале русских анатомических терминов)

ABSTRACT: The present paper deals with a frequently applied method of term creation, the use of linguistic calques. After a brief historical overview we demonstrate examples of semantic and lexical calques in Russian anatomical names. The corpus of our analysis is the chapter Ossa of Terminologia anatomica, the international anatomical nomenclature. Finally, we show statistical samples obtained by analysis: the majority of Russian anatomical names are calques from Latin.

Keywords: calques, term creation, international anatomical nomenclature, anatomical names in Russian

Введение

Термины, в том числе медицинские, являются лексическими единицами любого языка для специальных целей. Существует три основных способа пополнения терминологического запаса: из исконных слов, заимствования и калькирование. Калька – это особый вид заимствования, по определению Унбегауна (1932: 19): „Le calque est un emprunt de la forme interne”, то есть калька является заимствованием внутренней формы. Само слово *калька* как термин впервые употреблялось в искусствоведении (от итальянского *calco* 'копия', восходит к латинскому глаголу *calcare* 'топтать' и *calx* 'пятка' (*Rey calquer*)). В области русских анатомических терминов предлагаем различать два типа калек: семантические и лексические кальки. В первую группу входят слова, существующие уже в русском языке, приобретающие новое значение под влиянием иностранного слова. Лексическими кальками являются лексемы (то есть лексические единицы, слова и словосочетания), возникающие посредством (буквального) перевода значимых частей иностранной модели.

Цель настоящей работы – выявить кальки в русской анатомической номенклатуре. После короткого исторического обзора формирования международной и русской терминологии продемонстрируем кальки, обнаруженные в результате семантического и этимологического анализа. В заключении приводятся результаты статистического анализа калек среди русских анатомических имен. Материалом нашего исследования является глава *Ossa Terminologia anatomica* (ТА), приблизительно 1000 анатомических терминов.

Формирование анатомической номенклатуры

Анатомические термины представляют собой стандартизованную номенклатуру. Это список латинских названий, в которые входят латинские и греческие слова и термины-элементы в конструкциях, образованных по правилам грамматики латинского языка. Их история связана с все более глубоким познанием человеческого тела. Они накопились с древних времен: так как и корни научной медицины восходят к Древней Греции, самые древние медицинские термины происходят из древнегреческого языка. В ходе веков добавлялись и латинские, арабские и еврейские названия. Многие из них возникли в результате перевода. К 19-ому веку уже насчитывалось более чем 30 000 разных названий, поэтому неизбежным стало регулирование номенклатуры. Первая научная номенклатура (базельская, ВНА) была создана группой немецких анатомов в 1895-ом году. Она служила основой позднейших номенклатур, например парижской номенклатуры (PNA, позже NA, 1955), которая была принята как международная анатомическая номенклатура (Magyar 2009). В 1998-ом году вышел в свет *Terminologia anatomica* (ТА), с официальным списком латинских и английских анатомических терминов. Она была издана как образец для национальных анатомических номенклатур.

История русской научной анатомической терминологии начинается с середины 18-ого века. Создателем русской анатомической терминологии считается Шеин, он перевел с латинского Сокращенную анатомию (*Compendium anatomicum*) Гейстера в 1757-ом году. Медицина в России всегда придерживалась тенденции унификации анатомических терминов: скоро после издания была принята и ВНА (1898), PNA также (1956) (Чернявский 1984). В 1970-ом году на конгрессе анатомов в Ленинграде была одобрена международная гистологическая номенклатура, созданная по плану русских ученых (Килачицкая 2006). Русское издание *Nomina Anatomica* под редакцией Михайлова (1972) явилась официальной номенклатурой, пока в 2003-ем году была опубликована и ТА с списком русских эквивалентов.

Анатомические термины в русском языке

Анатомические наименования русской и латинской номенклатур чисто формально можно делить на две группы: они или термины-слова (состоят из одного слова), или, чаще всего, они являются словосочетаниями. С точки зрения происхождения термины возникают из исконно русских слов (как *ребро, череп, лоб, темя, кость*) или с помощью заимствования (например, *апертура, синус, эпифиз, диплоэ*), но как показал проведенный нами анализ, главным образом с помощью калькирования.

Среди рассмотренных терминов-слов было выявлено всего несколько семантических калек. Как термины они возникли путем метафоризации по внешней форме или по сходству функции. Хотя эти процессы могли бы происходить в любом языке, судя по латинской номенклатуре, русские термины-метафоры являются копиями иностранной модели: они возникли под влиянием древнегреческого или латинского языков.

Например, название слуховых косточек – *молоточек, наковальня, стремя* – являются семантическими кальками с латинских *malleus, incus, stapes*. Слово *stapes* позволяет понять, когда появился термин. Так как ни греки, ни римляне не пользовались ни седлом, ни стремянем, у них не было названия для этих реалий: термин мог появиться позже. Форма слуховой косточки стремени напоминает арабское стремя, которое появилось в Европе в 6-ом веке. Описания слуховых косточек появляются только в 16-ом веке (Skinner 1949: 328). Русский термин *таз* – это калька с латинского *pelvis*, которое было заимствовано из греческого *πελλίς* '(умывальный) таз'. Латинское *clavicula* 'ключица' является калькой греческого *κλείς* 'ключ', встречаемого уже у Гомера в этом значении (LSJ). Форма этой кости похожа не на ключ, в большей степени на крюк – простой механизм, приспособленный для запираания двери или окна. Само латинское *clavicula* впервые встречается в латинском переводе Авиценны (у Цельса употребляется термин *iugulum*). *Лопатка* оказывается тоже семантической калькой латинского *scapula*, которое было заимствовано из греческого и восходит к глаголу *σκάπτω* 'копать'. Мотивирующей основой для переноса значения могла быть форма кости, напоминающая лопатку (Skinner 1949: 314).

В анатомических терминах семантические кальки часто встречаются как ключевые слова лексических калек. В названиях разных деталей костей наблюдается антропоморфический аспект, например: *caput* 'головка', *caput humeri* – *головка плечевой кости*, *caput ulnae* – *головка локтевой кости*, *caput costae* – *головка ребра*; *collum* 'шейка', *collum costae* – *шейка ребра*, *collum scapulae* – *шейка лопатки*, *collum radii* – *шейка лучевой кости*; *corpus* 'тело', *corpus costae* – *тело ребра*, *corpus vertebrae* – *тело позвонка*, *corpus humeri* – *тело плечевой кости*. Положение в пространстве этих анатомических структур также могло способствовать укреплению мотивации. В лексических кальках появляются и другие части тела человека (и животных): *dorsum* 'спина', *dorsum sellae* – *спинка седла*, *crus* 'голень', *crus breve* – *короткая ножка (наковальни)*; *ala* 'крыло', *ala vomeris* – *крыло сошника*; *cornu* 'рог', *cornu sacrale* – *крестцовый рог*; *crista* 'гребень', *crista costae* – *гребень ребра*; *squama* 'чешуя', *squama frontalis* – *лобная чешуя*. В лексических кальках встречаются и части растений, названия обиходных предметов и произведений человеческого творчества: *ramus* 'ветвь', *ramus mandibulae* – *ветвь нижней челюсти*, *spina* 'ость', *spina scapulae* – *ость лопатки*; *cingulum* 'пояс', *cingulum pelvium* – *тазовый пояс*; *manubrium* 'рукоятка', *manubrium sterni* – *рукоятка грудины*; *anulus* 'кольцо' *anulus tympanicus* – *барабанное кольцо*; *canalis* 'канал', *canalis vertebrae* – *позвоночный канал*; *fossa* 'ямка', *fossa sacci lacrimalis* – *ямка слезного мешка*.

Лексические кальки в русской анатомической номенклатуре – это обычно словосочетания, определительные или притяжательные конструкции. Определительные конструкции в первую очередь выражают внешнее сходство кости с формой чего-то. В прилагательных часто присутствует суффикс -*видный* 'какой-то формы' в качестве перевода латинского *-ideus* (< гр. *εἶδος*) или *-formis* (< лат. *forma*): «Ладьевидная кость имеет форму лодочки» (*os scaphoideum* < гр. *σκάφη* 'лодка'); «Полулуная кость имеет форму полумесяца» (*os lunatum* < лат. *luna* 'луна'); «Трехгранная – форму трехгранной пирамидки» (*os triquetrum* < лат. *triquetrus* 'трехгранный'); «Гороховидная кость напоминает горошину» (*os pisiforme* < гр. *πίσος* 'горох') (Обухова, Чевагина 2009: 40).

Другой тип определительных прилагательных в лексических кальках служит для выражения расположения в пространстве чего-то или принадлежности чему-то. Прилагательные образуются из одного существительного, например *os frontale* (< лат. *frons* 'лоб') – *лобная кость*; из двух существительных: *canalis nasolacrimalis* (< лат. *nasus* 'нос' и *lacrima* 'слеза') – *носо-слезный канал*. Бывает, что прилагательные с суффиксом *-видный* тоже указывают не на форму, а на расположение поблизости чего-то. Например, *сосцевидный родничок* (< *fonticulus mastoideus*) не имеет форму соска, только *сосцевидный отросток* (< *processus mastoideus* < гр. *μαστός* 'сосок'), поблизости которого он находится, поэтому он и называется сосцевидным.

Среди лексических калек, содержащих прилагательные со значением расположения в пространстве многие составляют антонимические пары или тройки: *латеральная / медиальная лодыжка* < *malleolus lateralis / medialis*; *наружный / внутренний слуховой проход* < *meatus acusticus externus / internus*; *дистальная / средняя / проксимальная фаланга* < *phalanx distalis / media / proximalis*. Прилагательные сравнительной степени используются, когда анатомические структуры сравниваются по величине или по расположению. На русский язык эти прилагательные переводятся положительной степенью: *большой /*

малый рог [подъязычной кости] < cornu majus / minus; нижняя / верхняя носовая раковина < concha nasalis inferior / superior. Расположение какой-то анатомической структуры выражают адъективные приставки infra-, inter-, supra- в прилагательных с пространственным значением: подглазничный канал < canalis infraorbitalis, надостная ямка < fossa supraspinata, межпозвоночный диск < discus intervertebralis.

Заключение

«Русская анатомическая номенклатура не является переводом латинских терминов, это исторически сложившаяся система» (Колесников 2003: VIII). Не сомневаясь в истине этого утверждения, мы должны заметить, что главным способом терминообразования в русской анатомической номенклатуре является калькирование. Это доказывают данные, полученные в результате нашего анализа, иллюстрированные следующей диаграммой (Диаграмма 1): 95% проанализированных анатомических терминов оказалось определенной разновидностью калек. Нашим исследованием мы хотели обратить внимание на важнейшую роль калькирования в терминообразовании и вызвать интерес к их дальнейшему изучению.

Литература:

- LSJ = Liddel, Henry George, Scott, Robert (1940), A Greek-English Lexicon. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford, Clarendon Press.
- Magyar László András (2009), Az európai orvosi nyelv története. In: Bősze Péter (szerk.) *A magyar orvosi nyelv tankönyve*. Budapest, Medicina Könyvkiadó.
- Rey, Alain (2006), Dictionnaire historique de la langue française. Paris, Le Robert.
- Skinner, H. A. (1949), The Origine of Medical Terms. Baltimore, The Williams and Wilkins Company.
- Unbegaun, Boris (1932), Le calque dans les langues slaves littéraires. *Revue des Études Slaves* 12/1, 19–48.
- Килачицкая, И. Р. (2006), Греческий в латинском. XVI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. Том II. Москва, Издательство ПСТГУ. стр. 288-294. URL: <http://pstgu.ru/download/1279196122.kilachitskaya.pdf>
- ТА = Колесников, Л. Л. (ред.) (2003), Международная анатомическая терминология. Москва, Медицина.
- Чернявский, М. Н. (1984), Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии. In: *Энциклопедический словарь медицинских терминов*. Москва, Издательство Советская Энциклопедия.

Menjava pripovednih perspektiv v Jančarjevi pripovedi *Pogled angela*

ABSTRACT: One of the possible methods to reveal the inner structure of a literary text is to analyze its different narrative perspectives. Drago Jančar's short story, *Pogled angela* (*The look of an angel*) is built on the basis of the literary theoretic problem of focalization. Focalization has a central role in Jančar's story, and exactly the detailed composition of the narrative perspectives makes possible to obtain an insight into the deeper dimensions of an apparently banal story of a love triangle.

Keywords: focalization, focalizer, narrative perspective, Drago Jančar, short story

0 Uvod

V pričujočem prispevku se ukvarjam z vprašanjem fokalizacije v pripovedi *Pogled angela* Draga Jančarja in s pomočjo menjave različnih pripovednih perspektiv poskušam odkriti notranjo dinamiko ter notranjo kompozicijo besedila. V odkrivanju notranje strukture umetniškega besedila je eden od možnih pristopov določanje in analiza različnih pripovednih perspektiv. Lahko rečemo, da je Jančarjeva pripoved *Pogled angela* zgrajena okrog literarnoteoretske problematike fokalizacije. Odločilna vloga fokalizacije v tej pripovedi se nam razode s tem, da brez izdelanosti različnih pripovednih perspektiv ni bilo mogoče razkriti globlje dimenzije na videz preproste zgodbe o ljubezenskem trikotniku.

Namen prispevka je torej določiti različne pripovedne perspektive, njihove funkcije, soodvisnosti in njihova prepletanja, označiti fiksne točke menjave pripovednih perspektiv ter predstaviti različne ravnine fokalizacije v obravnavani Jančarjevi pripovedi.

1 Fokalizacija

Mogoče je pri opredeljevanju fokalizacije najbolj bistveno ločevanje med fokalizacijo in pripovedovanjem oz. med fokalizatorjem in pripovedovalcem. Banalno verbalizirano lahko rečemo, da je treba razlikovati med tistim, ki govori – to je pripovedovalec –, in tistim, ki vidi – to pa je fokalizator. Termin fokus – in seveda s tem tudi fokalizacija in fokalizator – je vzet iz terminologije fotografiranja in filma in predstavlja odnos med pogledom, torej med tistim, ki gleda, in tistim, kar je videno (Bal 1997). Ta odnos je možno izražati tudi na več možnih načinov, na primer kot *gledišče*, *pripovedna perspektiva*, *pripovedni zorni kot* ali *pripovedni položaj* (Pavičić 2009: 26–27). Termin fokalizator v naratološkem smislu je v uporabi od sedemdesetih let prejšnjega stoletja. Uvedel ga je francoski literarni teoretik Gerard Genette v svoji knjigi *Discours du récit* iz leta 1972 (Pavičić 2009: 20). Za ta termin se je odločila tudi Nizozemka Mieke Bal, ki je v svoji knjigi *Narratologie* iz leta 1977 posvetila celo poglavje problematiki fokalizacije (Bal 1997: 142–161).

S fokalizacijo oz. z narativno perspektivo so se literarni teoretiki seveda ukvarjali tudi pred tem. Ta problematika je v središču knjige *Poetika koncepcije* Rusa Borisa Uspenskega iz leta 1970, ki je s pomočjo odnosov med pripovednimi perspektivami opredelila različne ravni notranje strukturiranosti umetniških besedil. Pripovedne perspektive obravnava Uspenski na štirih ravneh, in sicer na vrednotenjski oz. ideološki, frazeološki, prostorsko-časovni in psihološki. Na vrednotenjski ravni se kaže, kako nosilec gledišča oceni prikazovani svet. Frazeološka raven predstavlja jezikovna sredstva oz. načine govorjenja, značilne za posamezne literarne like. Pri prostorsko-časovni ravni gre za prostorsko in časovno perspektivo besedila oz. za prostorsko in časovno pozicijo nosilca gledišča. Na psihološki ravni gre za subjektivno narativno perspektivo – na tej ravni se narativna perspektiva naslanja na neko individualno zavest. Poleg različnih ravni pripovednih perspektiv poudarja Uspenski tudi to, da je lahko v umetniškem besedilu več pripovednih perspektiv. (Povzeto po Uspenszkij 1984.)

Mieke Bal (1997: 142–161) razlikuje dve vrsti fokalizacije, in sicer notranjo in zunanjo. Pri tem izhaja iz subjekta fokalizacije, torej iz tistega, ki vidi. Če subjekt fokalizacije sovпада z enim od literarnih likov oz. elementom fabule, je fokalizacija notranja. Druga varianta je, če se fokalizator nahaja zunaj fabule in je anonimen – v tem primeru govorimo o zunanji fokalizaciji. Balova opozarja, da fokalizacija ni nujno stalna, torej se ta tipa fokalizacije lahko menjavata. Zunanji fokalizator lahko prepusti fokalizacijo notranjemu ali obratno, prav tako jo lahko tudi notranji fokalizator prepusti drugemu notranjemu fokalizatorju. Možna je tudi dvojna fokalizacija. O njej lahko govorimo, če zunanji fokalizator prepusti fokalizacijo notranjemu le deloma. V tem primeru poteka notranja fokalizacija v okviru vseobsegajočega pogleda zunanjega fokalizatorja, torej paralelno z njim. (Povzeto po Bal 1997: 142–161.)

2 Drago Jančar: *Pogled angela*

Problematiko fokalizacije obravnavam na konkretnem primeru pripovedi *Pogled angela* Draga Jančarja.

Pripoved je izšla leta 1992 v avtorjevi istoimenski zbirki kratke proze. V središču pripovedi je navidez preprosta, banalna arhetipska zgodba o ljubezenskem trikotniku mlade ženske, Anice, njenega starega,

umirajočega, ljubosumnega moža ter njenega nepotrpežljivega ljubimca, polnega življenjske moči. Prostor dogajanja je samotni, z gorami obdan kraj bogu za hrbtno na slovenskem Pohorju. Čas dogajanja je nedoločljiv, pripoved se dogaja v brezčasnosti.

2.1 Fokalizacija v Jančarjevi pripovedi

Fokalizacija je v pripovedi večplastna. Pripoved se začne s kratko objektivno definicijo prostora, ki jo poda anonimni zunanji focalizator. Zunanjšega focalizatorja je mogoče identificirati s pripovedovalcem. Po tem objektivnem opisu pohorskega kraja vstopi v pripoved skrivnostni pogled angela. Pogled angela s svojim vstopom v zgodbo hkrati prevzame vlogo glavnega focalizatorja, tukaj se torej zgodi prva menjava pripovednih perspektiv v pripovedi. Kot smo videli pri Balovi, zunanji focalizator lahko deloma prepusti fokalizacijo notranjemu, v tem primeru angelovemu pogledu, ne da bi svojo vlogo zunanjšega focalizatorja popolnoma izgubil. Fokalizacija postane torej dvojna, imamo anonimnega zunanjšega focalizatorja in focalizatorja, ki se nahaja znotraj fabule, torej je notranji focalizator, to pa je angelov pogled. Zdaj dejansko gledamo skozi angelov pogled, iz njegove perspektive vidimo preprosto kočo v snežni dolini, pred kočjo stoječi dve osebi, Anico in njenega Ljubimca, mu sledimo v mračno sobo, kjer v postelji leži umirajoči Starec.

Naslednji prehod med focalizatorji je prehod med dvema notranjima focalizatorjema, in sicer med angelovim pogledom in Starcem. Notranji focalizator, pogled angela, prevzame perspektivo drugega notranjšega focalizatorja, Starca. Ta zarez je eksplicitna, opazimo jo lahko tudi na semantični ravni.

»*Oko se izpod razpela pomakne nad posteljo, spusti se med njuna obraza, med oba pogleda, med izmučenega in praznega. [...] Zdaj se pogled spusti noter skozi tanko režo njegovih vek, tja v ozke zenice in rdeča zrkla okrog njih. Oko zdaj gleda iz starca, z njegovimi očmi, prevzame njegov pogled. [...] Oko zdaj skozi rdečo kopreno vidi žensko roko, ki se približuje [...]*« (Jančar 1992: 101)

Ta prehod se torej zgodi, lahko rečemo, dejansko. Vidimo, kako se to skrivnostno bitje, ki ždi v temnem kotu sobe, skozi Starčeve oči preseli vanj in prevzame njegov pogled. Če upoštevamo tudi vseobsegajoči pogled zunanjšega focalizatorja, je zdaj fokalizacija trojna. Na eni strani imamo zunanjšega focalizatorja, na drugi strani pa notranjšega, pogled angela, ki gleda skozi perspektive drugega notranjšega focalizatorja, Starca. S tem prehodom stopi fokalizacija na drugo raven, in sicer na subjektivno raven, ki se kaže v tem, da se poleg objektivnega opisa zunanjšega sveta bralcu razodene tudi starčeva notranjost, njegovo občutenje slabosti v telesu, šibkih udarcev srca v lobanjskem svodu itd. (Jančar 1992: 101).

Naslednja točka menjave perspektiv je odmik angelovega pogleda iz Starčevega telesa. Menjava perspektive se dokončno izvrši z izginotvijo rdeče svetlobe, ki je tako rekoč značilnost Starčeve perspektive. Rdeča tančica, rdeča koprena, skozi katero je pogled angela videl s starčevim pogledom, s to menjavo izgine.

»*Pogled steče skozi ozko režo priprtih vek ven, v koprenasto rdečo svetlobo, ki se potem v hipu razblini.*« (Jančar 1992: 101)

Naslednja perspektiva, ki jo bo prevzel angelov pogled, je Aničina. Ta menjava na semantični ravni ni tako izrazita in jasna kot prejšnji prehod. Trenutek združitve obeh perspektiv torej ostane skrit pred bralcem, ne vemo, kje točno v besedilu se zgodi menjava. Ne moremo točno označiti mesta, na katerem vstopi v fokalizacijo tudi Aničina perspektiva. Ta menjava je torej nekako zabrisana. Semantično eksplicitno izraženo je samo stanje, da je dvoje perspektiv združeno.

»*Oko zdaj počiva v njej, vanjo se je preselilo, pogled zre iz nje in v temo [...]*« (Jančar 1992: 102)

Fokalizacija je zdaj spet trojna, z enim zunanjim in dvema notranjima focalizatorjema, z angelovim pogledom in Aničino perspektivo. Raven fokalizacije je spet subjektivna, in sicer z Aničine strani, izvemo, da se čaka na nekaj, kar se mora zgoditi, izvemo, da sliši bučanje vetra itd. (Jančar 1992: 102).

Naslednja fiksna točka menjave perspektiv je trenutek, ko se pogled premakne od Aničine perspektive. Ta izstop je semantično bolj ekspliciten kot njegov vstop:

»*Pogled stoji iz nje in jima sledi skozi morje bučečega vetra.*« (Jančar 1992: 102)

Potem prevzame angelov pogled perspektivo tretjega literarnega lika, Ljubimca.

»*Oko je zdaj v njem, njegovo zrenje je ostro, predmeti so jasni v siju oljenkaste svetlobe, vendar so na robovih zakrivljeni.*« (Jančar 1992: 103)

Tukaj se uveljavi spet ista fokalizacijska kompozicija, torej trojna fokalizacija, z vseobsegajočo perspektivo anonimnega zunanjšega focalizatorja, ki je nenehno prisoten, pa z dvema notranjima focalizatorjema, z angelovim pogledom in tokrat z Ljubimcem. Subjektivna raven fokalizacije nam zdaj razkriva ljubimčevo dušo in njegov notranji svet. Izvemo, kako vidi Anico, kot »toplo malo žival na slami«, kako »mu težka kri buta ob stene glave in kako mu v ušesih zveni od napora in premagovanja« v bližini ženske, kako razmišlja o pričakovani Starčevi smrti (Jančar 1992: 103).

Potem se pogled angela spet premakne:

»*Oko hoče videti drugače, umakne se, naglo se premika po prostoru, zorni koti se menjavajo.*« (Jančar 1992: 103)

Na koncu pripovedi, se kot nekakšna sinteza vseh dosedanjih perspektiv vidno polje totalno razširi, angelov pogled prevzame vse troje pogledov hkrati, Starčevega, Aničinega in Ljubimčevega:

»Izgubljeni pogled temnega angela se divje zaletava po prostoru, vse vidi, vse ve, vse čuti, vse troje pogledov, ki jih je prevzel, vse tri duše, vsa tri telesa, ves prostor, v katerega se je bil iz svoje daljave namenil, kamor je bil poklican.« (Jančar 1992: 104)

Tukaj doseže fokalizacija svoj vrh, potem se začne faza umirjenja. Fokalizator, pogled angela, zapusti druge notranje perspektive in:

»[...]se umakne v kot. [...] Nekaj časa miruje in opazuje negibni prostor daleč naokrog. Potem [...] se počasi premakne k vratom in ven.« (Jančar 1992: 104)

Po preučevanju menjave različnih narativnih perspektiv v besedilu lahko postavimo vprašanje, kaj je pravzaprav namen te izjemno podrobne izdelanosti fokalizacije. Trije literarni liki, Starec, Anica in Ljubimec, predstavljajo tri različne, dobro izolirane perspektive, tri dobro izolirane življenjske pozicije. Vse perspektive imajo svojo funkcijo. Starec predstavlja družbeno dimenzijo in take družbene in duševne, celo etične kategorije, kot so na primer zvestoba, spoštovanje ali zakon oz. zakonska zveza. Ljubimec kot moški poln življenjske moči predstavlja biološko dimenzijo bivanja oz. življenje sploh. Anica kot ženska, kot nosilec življenja, mora izbirati. In tako se pred bralcem izoblikuje paradokсна situacija. Če Anica hoče, da se življenje ohrani, ne more izbrati svojega starega umirajočega moža, temveč mora izbrati svojega ljubimca. V tej paradokсни situaciji biološka dimenzija prepisuje etično-družbeno dimenzijo. Funkcija narativnih perspektiv je prav v tem, da bralca seznanijo z vsemi pozicijami v tej paradokсни situaciji, z vsemi zornimi koti. Izdelanost in raznolikost fokalizacije v Jančarjevi pripovedi torej razkriva globlji pomen navidez shematične zgodbe, ki se manifestira v dvojnosti družbene in biološke dimenzije življenja.

3 Povzetek

V odkrivanju notranje strukture umetniškega besedila je eden od možnih pristopov določanje in analiza različnih pripovednih perspektiv. Jančarjeva pripoved *Pogled angela* je zgrajena okrog literarnoteoretske problematike fokalizacije. Odločilna vloga fokalizacije v tej pripovedi se bralcu razodene s tem, da prav izdelanost pripovednih perspektiv omogoča razkrivanje globljih dimenzij navidez preproste, arhetipske zgodbe o ljubezenskem trikotniku.

Literatura in viri

Bal, Mieke (1997), *Narratology: Introduction to the Theory of Narrative*. Toronto-Buffalo-London, University of Toronto Press. vir: <http://mmi.elte.hu/szabadbolcseszet/mediatar/vir/szovegyujtemeny/bal/index.html> (prev.: Ferencz Anna) (Dostop: 24.1.2012)

Jančar, Drago (1992), *Pogled angela: trinajst zgodb*. Ljubljana, Mihelač.

Pavičić, Mladen (2009), *Spremembe pripovedovalca v novjšem madžarskem in slovenskem romanu*. Budapest, ELTE BTK. (Doktorska disertacija)

Uspenszkij, Borisz (1984), *A kompozíció poétikája: A művészi szöveg szerkezete és a kompozíciós formák tipológiája*. Budapest, Európa Könyvkiadó.

Kledi Vasic Tovena

University of Innsbruck, Innsbruck, Austria
klediv@yahoo.com

Književni prozni prevodi sa italijanskog na srpskohrvatski jezik u periodu od 1945. do 1991.

ABSTRACT: From the times of the first translators designed next to Pharaohs in Egyptian pyramids, as god messengers, up to modern traditore/traduttore societies we can see the dark and the bright side of this profession. Through the analysis of quality and quantity of translated Italian novels in Serbo-Croat should be proposed a dynamic interactive rebuild and reconstruction of this scientific discipline, reduced on very weak economical, cultural and social support. The period between two wars is chosen in order to simplify research, but also as a period of stable and standardized linguistic form of Serbo-Croat language.

Keywords: Literary translation, comparative translation analysis, Italian novels in Serbo-Croat interpretation, proposal for scientific reconstruction of linguistic aspects in modern Slavic translation tendencies, German Dante Society, cross-culture linguistic research, translators glory and misery, skopos theory, text type equivalents, dynamic and interactive interventions, hybrids, individual and collective cultural values, methodology choice

Lična nota

Kao novinar, prevodilac i profesor srpskohrvatskog jezika u periodu između dva rata mogu da kažem da sam veoma često bila u situaciji da glorifikujem pisanu tradiciju i stvaralaštvo našeg naroda (a ovde mislim na sve bivše jugoslovenske republike i pripadajuće joj narode i narodnosti). Veoma često sam bila u prilici da pročitam, a potom i sama napišem „u odnosu na svetska dostignuća, merila, ...ovaj naš pisac, novinar, esejista...zauzima istaknuto mesto“. Aršin za „istaknuto“ ili „vodeće“ nije nikada bio definisan, ali je zato ostavljao snažan utisak na finalnog konzumenta informacije. Tako mi danas veoma često možemo da nađemo na sagovornike koji će da vam se kunu kako je obrazovanje u bivšoj Jugoslaviji bilo na „svetskom nivou“, ali nas samo malo „mrže“ tamo negde u svetu i zato nam ne priznaju našu pamet. Naravno da nacionalnu kulturu stalno treba poštovati i ne smemo potcenjivati sami sebe, ali isto tako ne bi trebalo ni „precenjivati“. Naša stara poslovice o „zlatnoj sredini“ bila bi jedno od prigodnih rešenja za sumiranje dosad učinjenog u oblasti književnog prevodilaštva. Pogledajmo u zamotuljak našeg kulturnog nasleđa, istoriju pismenosti i obrazovanja, izdavačku politiku, broj odštampanih i prodatih primeraka ili bibliotečku umreženost i njene čitaoc! Algoritam navedenih elemenata vodi nas ka jednačini koja bi bila parametar naše kulturološke vrednosti, bez da se poštujemo na generalizovani aršin „istaknuto“/“vodeće“.

Ono što bi bila trenutna situacija u našem prevodilaštvu danas je jedna haotična slika u kojoj se nazire mnogo učesnika u procesu, od učestalih priučenih, improvizovanih prevodilaca do onih retkih visokog stila i kvaliteta. Stoga je jednu početnu analizu mnogo lakše obraditi period između dva rata, gde je literarno stvaralaštvo, izdavaštvo i prevodilaštvo imalo jedan sistematičniji karakter i kontinuitet. Odatle i odluka da se tema ove disertacije smesti baš u taj vremenski period od 1945. do 1991. Takođe postoji veoma malo naših autora koji se bave teorijom prevodilaštva i samim tim bilo bi pravo vreme da se otpočne jedna sistematičnija obrada ove naučne oblasti kod nas.

Kako prepoznati pravi put?

Moji prvi koraci u pretraživanju literature dovode me do zaključka da i kod postojećih analiza, a sada se ograničavam na italijinistiku, veći deo tog korpusa idu pravcu prevoda sa srpskohrvatskog na italijanski, dok je o prevdima sa italijanskog na srpski veoma malo rečeno. Cilj koji sebi postavljam je da odredim metodološke principe rada naših prevodilaca, a potom da unutar te klasifikacije pokušam da odredim stilske i jezičke vrednosti obeleženih prozних dela. Kroz spektar tako dobijenih vrednosti sintetizovala bi se i jedna konkretna slika stvaralačkog rada u tom periodu. Crno belo oslikavanje i valoriziranje dovodi samo do kontraproduktivnih situacija i nikako ne pomaže razvoju ove naučne discipline na našem području. Svakodnevnu jadikovku o sjaju i bedi prevodilaštva ne moramo da prepisujemo od J.Ortega, ili da se branimo kriterijumima nedovoljno plaćenog posla. Preporuka bi bila da se koncentrišemo na produktivnu stranu profesije, a to znači polaganje pažnje na obrazovanje prevodilačkog kadra, njihovo usavršavanje. Osim obuke veoma važnu ulogu igra i kritika. Što više kritičara, to bolje! Svaka, i pozitivna i negativna kritika u procenivanju nekog prevoda je jedan korak napred. Pomaže prevodiocu da sagleda efekte vlastitog rada, da ga usavrši ako smatra da je kritika dala stručnu ocenu, ili da ne obazirući se na nečiji sud, prosledi sa ličnom idejom i metodom rada, stvarajući tako jedan drugačiji model. Tu su takođe i čitaoci, koji prema J. Ortegi treba da ulože jedan manji napor, da pruže individualni korak u pravcu serviranog im dela. Dok je Šlajermaher detaljno opisivao kako je uloga predioca da na neki način „privuče“ ili „približi“ delo sa izvornog jezika na ciljani, izostavljao je aktivnu ulogu čitaoca. U lancu delo-prevodilac-čitalac jedini koji se zamara od posla bio bi onaj srednji (prevodilac). Isti niz elemenata u Orteginom tumačenju ne biva mnogo pomeren, ali zato on akcent stavlja na ulogu čitaoca u trenutku kad mu je servirano prevedeno delo. Sve ono što ciljani jezik ima, a prevodilac nije mogao da prenese do čitaoca, može još uvek da bude doživljeno imaginacijom i dovršavanjem kompletne slike u čitaočevom kognitivnom procesu apsorpcije. Pretpostavimo da određenom čitalačkom publikumu odgovara određeni pisac iz stranog jezika i samim tim se

nadovezujemo na hipotezu da pri odabiru jednog naslova čitalac već naslućuje sa kojim se likovima i kulturnim podnebljem druži na stranicama koje nadolaze, bilo bi normalno da već nešto o toj kulturi zna ili barem priželjkuje da sazna. U oba slučaja ima dovoljno materijala da se tokom čitanja aktivira dograđujući u svojoj imaginaciji sve ono što pod imenom inkomenzuaribiliteta nijedan prevodilac ne može u potpunosti da dovrši ili zaokruži.

Skopos solucija

Prema skopos teoriji veoma važnu ulogu igra ne samo interakcija zadatog i ciljnog jezika, veština i jezičko obrazovanje odgovornog prevodioca, već i čitaoc kojem je taj tekst namenjen. Recimo da ako želimo da Petra Pana prepričamo petogodišnjoj devojčici, služićemo sa mnogo jednostavnih kontrastivnih konotacija uvodeći pojam dobra i zla, snažnog i slabog, pametnog i nerazumnog, da bi smo na što jednostavniji način stigli do poente. U slučaju kad isti lik predstavljamo odrasloj osobi možemo da uvedmo mnogo više nijansi i koloriteta jer životno iskustvo skoposa ili konzumenta raspolaze sa mnogo savršenijim detektorima intenziteta emocije i sposobnošću da se različite informacije skladište prema različitim nivoim kognicije.

Konačni zaključak bi bio da ukoliko želimo da poboljšamo trenutnu situaciju u naučnoj disciplini zvanog domaće književno prevodilaštvo, moramo da povedemo računa o obaveznim stavkama koje se odnose na obrazovanje stručnog kadra i sistematična podrška u kontinuiranom radu, ali istovremeno da „obrazujemo“ i čitaoca. Šta se pod tim podrazumeva? Od prvih kontakta sa knjigom u obdaništu pa tokom čitavog obaveznog i neobaveznog školovanja, pronaći način da knjiga postane onaj pravi, iskreni i nerazdvojni prijatelj, prijatelj za ceo život. Tek instruirani čitalac može da se nosi i da razume sve ono što do njega stiže, recimo u obliku jednog paketa. Jednom će da primeti da je paket bio lepo uvezan i da je sadržaj bio uredno raspoređen, jednom će da primeti da je mašina bila uflekana, ali je zato unutrašnjost kutije bila potpuno čista, gotovo dezinfikovana. I tako redom. Sticanjem osećaja za te nijanse i sami prevodioci bivaju stimulisani da svoje pakete prezentuju i uvežu na što lepši mogući način, kako bi osvojili svog primaoca. I onda to postaje taj produktivni proces koji može samo da vodi ka progresu i ko zna koliko lepih i neotkrivenih iskustava čeka na tom putu da budu dotaknuti, upotrebljeni ili čak da dovedu do egzaltacije.

Kako to „oni“ rade?

Na samo jednom primeru možemo da sagledamo dimenziju kulturološkog kosmopolitizma koji je zadesio nemačko govorno područje u periodu kada romantizam i nacionalno, a time i jezičko, buđenje svesti hara Evropom. Fenomen slatkog novog stila se zove Dante i reč je o njegovoj Božanstvenoj komediji. Trka u prepevanju ili proznom prepričavanju počinje u XIV veku sa delimičnim prevodima i XVIII veku sa kompletnim prevodima. U njoj su učestvovali mnogi poznati i manje poznati pisci, filozofi, prevodioci, pa čak i jedan kralj, Johan von Sachsen pod pseudonimom Philelethes (ovih dana kritičari ponovo procenjuju da je ovo jedan od najvrednijih prevoda i uskoro izlazi iz štampe još jedno izdanje njegovog rada). Poneseni stvaraoci su posvećivali po desetak godina svog života prevodu Dantea na nemački, a za mnoge je to bio posao koji je trajao celog života. Rezultat ovog, recimo nikada zaustavljenog zanosa, dao je do danas 51 prevod kompletnog dela i nešto više od stotinu delimičnih prevoda. U istom tom periodu kod nas se čitaju Danteovi stihovi u XIX veku najpre na nemačkom i italijanskom, da bi se tek kasnije pristupilo prevodu na naš jezik i do danas mi možemo da se pohvalimo sa nekih desetak prevoda (u zavisnosti od toga da li brojemo ponaosob srpske, hrvatske prevode). Pa čak i ako hoćemo da podvučemo brojčanu razliku između germanske i slovenske populacije, opet ostaje kao činjenica da nas Dante nije toliko interesovao, inspirisao onoliko koliko je to proživljavano i zabeleženo u ostalom pismenom svetu.

Kako nas vide?

Iako ne možemo da kažemo da parametri prosečnog i kolektivnog kulturnog i književnog prosvetljenja mogu da nam donesu mnogo bodova u odnosu na zemlje u okruženju, uvek ostaje ona nekolicina izuzetnih i talentovanih stvaralaca koji se svojim natprosečnim i urođenim kvalitetima bitno razlikuju od proseka na svim meridijanima. Pogledajmo opet na primeru Dantea, kojeg će većina italijanskih teoretičara predstaviti kao poetskog vizionara koji je slikovito dočarao instituciju pakla, dotada neopisanog i neopričanog u evropskoj kulturnoj tradiciji. Da to nije tačno objašnjava stučnjak Američke akademije za srednjovekovne studije, Eileen Gardiner u knjizi *Visions of heaven and hell before Dante*. Ovde intelektualni primat biva pripisan najranijim „srpskohrvatskim“ prevodiocima.

„A good example of this process is evident in the literary life of Thundale’s Vision. The vision itself dates from 1149 and is said to have occurred in Ireland. During the following year an Irish monk who was travelling through Europe stopped at Regensburg in Bavaria and wrote down this vision in Latin at the request of the Abess.G. of a convent there. It was translated into German shortly thereafter. By the end of the fourteenth century it has been translated into at least thirteen languages, including Serbo-Croatian.“ (page 14)

U ovom trenutku nas ne zanima to što srpskohrvatski kao jezik nije postojao u dvanaestom veku, ali se sasvim sigurno odnosi na preteče tog jezika na našem području. Bit informacije koja se ovde prosleđuje je samo jedan argumenat u prilog pozitivnih duhovnih i intelektualnih vibracija na domaćem tlu i svedočanstvo kako je među nama uvek bilo prosvetljenih i naprednih mislilaca. A onda ćemo opet da podvučemo reč prevodilaca.

Neoprobane ili oprobane metodološke mogućnosti

Kao jedan od mogućih instrumenta za komparativnu analizu italijanskog romana prevedenog na srpskohrvatski, i to na njegovu ekavsku varijantu, u obzir dolazi princip koji opisuje i razrađuje profesor nauke o jeziku, Ivo Hajnal. U njegovom radu se često pominju ekvivalenti za različite tekstovne obrasce u višejezičkim sredinama kao što je slučaj u zemlji iz koje on potiče, u Švajcarskoj. Veoma često se polazi od načela da je **ekvivalentnost**, jedno od osnovnih načela koje prevedeni tekst mora da ispoštuje da bi opravdao svoju vrednost i postojanje. *Ali striktno vezivanje za takvo načelo može da nas vrati mnogo godina unazad, mereno dosadašnjim dostignućima nauke o prevodilaštvu. U pozadini se dodaje da nauka o jeziku zahteva od svakog teksta da ispuni i jednu komunikativnu funkciju, kroz koju se realizuje grupa govorno-stilističkih i sadržajnih ili pragmatičkih varijabli. I kako ove varijable deluju kroz najpre unutrašnji, a potom i spoljašnji sadržaj teksta konačni rezultat je proširenje sadržaja „ekvivalentnosti“, kako u polaznom, tako i u ciljnom jeziku za prevodioca.* (prepričano prema Hajnalovom članku) Njegovo izlaganje počinje ovako:

➤ *Erstens möchte ich zeigen, dass die bisherigen Versuche der Textsorten-Beschreibung und –standardisierung für die Übersetzungspraxis nicht im gewünschten Umfang taugen.... Die Folge auf der Ebene der schriftlichen Kommunikation: klassische Textsortendefinitionen und –Beschreibungen werden aufgewicht, so genannte gemischte Textsorten oder „Hybridformen“ kommen auf.*

➤ *Zweitens, will ich...darlegen, das nur eine dynamische wirkungsorientierte Textsorten- Beschreibung den oben geschilderten, modernen Hybridformen gerecht wird* (222)

Iako on u svom izlaganju tretira primere iz modernih korporativnih višejezičkih publikacija, jednako može da se primeni na korpus prozних tekstova u procesu komparativne analize. Postepeno dolazi do klasifikacije u svom istraživanju deduktivnog i induktivnog opisivanja problema prevodilačke prakse i daja nam modela sledećih hibrida: informativni (ili ekspozitivni), ekspresivni (ili argumentativni) i operativni (ili instruktivni). Slična analiza mogla bi da se primeni kao metodološko načelo na književno prevodilački pokušaj sagledavanja jedne moderne jezičke epohe, koja između ostalog, za cilj ima da uvođenjem ovog tipa naučne kritike, otvori nove naučne prostore i da putokaz za dalji sled događaja u jendoj krhkoj i nežnoj kreativnoj disciplini, za koju je krajnje vreme da izađe iz senke i zasija punim sjajem.

Literatura

- Alighieri, Dante (2007), *De vulgari eloquentia*, Stuttgart, Ibidem-Verlag
- Ferrier, Esther (1994), *Deutsche Übertragungen der Divina Commedia Dante Alighieris 1960-1983*, Berlin, New York, Walter de Gruyter
- Gardiner, Eileen (1989), *Visions of Heaven and Hell Before Dante*, New York, Italica Press
- Grzega Joachim (2012), *Europas Sprachen und Kulturen im Wandel der Zeit*, Tübingen, Stauffenburg Verlag
- Hajnal, Ivo (2005), *Textsortenäquivalenz in mehrsprachigen Unternehmenspublikationen*. In: *Translatologie – Neue Ideen und Ansätze*, Frankfurt am Main, Wien, Peter Lang Europäischer Verlag der Wissenschaften.
- Ortega y Gasset, José (1997), *Miseria y Esplendor de la Traducción*, München, Deutscher Taschenbuch Verlag
- Schleiermacher, Friedrich (1963), *Methoden des Übersetzens*. In: *Das Problem des Übersetzens*, Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Simić, Radoje (2000), *Stilistika srpskog jezika*, Beograd, Filološki fakultet: Naučno društvo za negovanje i proučavanje srpskog jezika
- Vermeer, Hans J. (1996), *A skopos theory of translation*. In: *Reiche Wissenschaft*;1, Heidelberg, Textcon-Text Ver.

Judit Vértes

Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
vjudit1979@yahoo.com

Несколько слов о литературной критике и гламуре

ABSTRACT: Today all over the world, especially in Russia, the border between high and low culture is disappearing - not only stylistically but also thematically. The intellectual and the social sphere receiving the text of the writer is also changing. This context requires the reviewer and essay-writer to meet the demands of glossy magazines. This article aims to illustrate how literary criticism deals with essay and glamour based on the work of Alexander Genis, essay writer. In our opinion Genis is a good example in that while he meets the commercial requirements of glossy magazines, he still remains loyal to the genre characteristics of essay-writing.

Keywords: glamour, literary criticism, Genis, essayistic writing, life-style magazines

Все литераторы, критики независимо от направления, сходятся в том, что в постперестроечное время исчезло то общее поле, в котором пересекались общественные, философские, культурологические, литературные и т.п. дискурсы. Как следствие изменения высокого статуса слова и вообще литературы, «единое словесное и смысловое пространство» (выражение Дмитрия Бака) распадается на разные нарративы, порой очень далекие друг от друга.

Наряду с распадом логоцентрической установки русской культуры грань между высокой и низкой культурой все более размывается, и не только в стилистическом, сюжетном плане, что стало уже общим местом. Меняется и то интеллектуальное, общественное пространство, в которое попадает текст писателя. Иной контекст, специфика печатного или виртуального органа неизбежно вынуждает автора подстраиваться под общую интенцию, тональность того издания, медийной среды, где он намерен публиковаться.

Упразднение иерархической системы внутри культуры неминуемо повлекло за собой и другое, не менее важное, событие. Рубеж XX-XXI вв. отчасти озаглавлен тем, что научные исследования перефокусировались на микросюжеты, на сугубо личностные переживания индивидуума. Обострение антропологического интереса к человеку «повседневности», во-первых, привело к возрождению ранее забытых жанров, а во-вторых, к расширению сферы гуманитарных наук.

Что я имею в виду под возрождением жанров? У каждой эпохи есть свой специфический жанр, который, как кажется, лучше других способен выразить скрытые веяния, дух времени. Сегодня признанным жанровым лидером, несомненно, выступает эссе. Однако если мы принимаем как неоспоримый факт «глобальную эссеизацию всего и вся» (Кайда 2008:6) мы также должны заметить, что помимо эссеизации литературы и публицистики, активно проявляется и другой феномен, а именно, феномен гламура. (Несмотря на то, что анализ феномена гламура чрезвычайно интересная и до сих пор не в достаточной степени исследуемая тема, рамки данной работы нам тоже не позволяют слишком долго останавливаться на нем. Ограничимся замечанием, что попав в Россию, это слово получило некоторую негативную коннотацию, став синонимом фальши, суррогатного блеска, поверхностности, показной роскоши. И хотя такая оценочная характеристика мешает научному подходу, мы не можем пренебрегать ей, если хотим рассмотреть это явление именно в русском контексте.)

И слово и стоящее за ним явление в российской действительности появилось относительно недавно, в начале 1990-х, но сразу же завоевало массовую популярность и известность, как и полагается этому феномену, который давно перестал быть одним только термином-словом из мира моды. «Гламуризация» жизни охватывает все, в том числе и литературу, и проникает не только в глянцевые журналы, порой и более престижные издания перенимают некоторые специфические особенности гламурной литературы. (Глянцевые журналы (или как принято их называть на Западе: life-style magazines) являются наиболее образцовым проявлением гламура, и как таковые они заняли прочное, ничем другим не заменимое место среди других видов масс-медиа, став главным рупором российского гламура. Именно поэтому в дальнейшем ходе моей статьи эти термины становятся синонимичными.) Справедливости ради надо отметить, что этот процесс идет в обе стороны, и зачастую трудно определить, кто на кого влияет. Жажда элитарности читательской аудитории и снобистское стремление казаться образованным приводит к тому, что в глянцевых журналах часто появляются рубрики книжных рецензий. Такое движение наблюдается и у критиков, которые все чаще и чаще уходят в смежные области литературной деятельности и не только ставят эксперименты над разными жанрами, но и печатаются в непривычных для критика, литературоведа печатных органах. У Гениса, например, происходит сдвиг критики в сторону прозы, часто автобиографической, что делает затруднительным разграничение критики и прозы. Трудно не согласиться с мнением Ильи Кукулина и Марка Липовецкого, которые усматривают «связь этого процесса с разложением критического дискурса, утратившего привычную аналитическую почву, и сегментизацией культурного пространства, резко понижающей социальное значение критического

высказывания» (Добренко, Тиханова 2011:641). Отрекаясь от аналитической интенции и от необходимости чужого слова, критика становится сначала импрессионистической, а потом – субъективной. Без референтной точки, без авторитета, критика превращается в разновидность художественной прозы. А субъективная оценка – это то, что культивируется миром гламура.

В настоящей статье мы проследим, как соотносится литературная критика, и в частности эссе, с гламуром на примере эссеистики Александра Гениса. На наш взгляд, Генис является наглядным примером того, как можно, отвечая в основном коммерческим требованиям гламурных журналов, остаться верным и жанровым особенностям эссе, хотя ни в коем случае не хотим этим сказать, что речь идет о родственных явлениях. Во многом гламур и литература, в частности литературная критика, две вещи несовместимые, но все же эссе стало единственным жанром, который благодаря особой гибкости, смог до определенной степени приспособиться к гламуру.

Экспансия эссе в другие жанры обновила газетную публицистику, и наоборот: экспансия гламура видоизменила жанр эссе, придав ему больше фривольности, легкости, сиюминутности, а точнее, она усилила эти уже изначально присущие эссе черты.

Журнал *Психология (Psychologies)* несмотря на наукообразный заголовок журнала, явно вписывается в ряд глянцевого журналов, хотя и с претензией на некоторую интеллектуальность. О принадлежности к миру гламура говорит и девиз журнала: «Найти себя и жить лучше». Если вдуматься в это незамысловатое кредо, мы вплотную приблизимся к понятию гламура, который озабочен вечным поиском собственного я, а точнее, с потребностью снова и снова изобретать себя. Но найти можно только то, чем мы первоначально не обладали или что было утрачено, поэтому свойство гламурных людей в том, что они находятся в постоянном движении, нигде не пускают корни. Вторая половина девиза даже не требует особых комментариев. Жить лучше, богаче, роскошнее, одним словом, жить с излишеством – это общий девиз потребительского общества, являющийся той почвой, из которой вырастает гламур. (В этой связи очень иллюстративный пример в этой связи другое название журнала: «САМАЯ».) В этом журнале время от времени печатается и Генис, сам являющийся вечным странником, человеком, для которого путешествие – состояние ума, души и тела. «Все подмеченные сценки и детали Генис неизменно сопровождает размышлениями, раздвигающими рамки только что описанного места до масштабов Вселенной. И в итоге все снова сводится к разговору о человеке и о самом себе. Потому что путешествие – это «опыт самопознания: физическое перемещение с духовными последствиями. Встроив себя в пейзаж, автор его навсегда меняет». Эссе Александра Гениса – набор цветных открыток с навсегда измененными им пейзажами.» - пишет Майя Кучерская в рецензии о книге Гениса. Но это замечание в равной мере относится ко всему, что он пишет. Яркая, «открыточная» манера письма Гениса – одна из характерных черт эссе, которое мыслит фрагментами, так как моделируемая им действительность тоже фрагментирована, ведь окружающий мир давно превратился в мозаику разрозненных, мало связанных между собой фактов. Сам Генис признается во вступлении книги о Довлатове («*Последнее советское поколение*»), что «самое значительное метафизическое переживание связано с осознанием незначительности любого опыта» (Генис 2001: 8). Он словно культивирует индивидуальные переживания, и тем самым на первый взгляд кажущаяся незначительность постепенно приобретает статус значительного. Абсолютизация детали и сугубо частного опыта в эссе странным образом не ведет к распаду, дроблению целостной картины мира, а наоборот, благодаря упразднению иерархической шкалы, осуществляется поистине демократическая установка. Генис формулирует это следующим образом: «Периферийное зрение автора, уравнивая в правах все элементы мироздания, делало сплошной ткань бытия» (Генис 2001: 201). Генис как бы смотрит одновременно и в телескоп и в микроскоп и поэтому видит мир целым в бесконечности частных случаев. Но если эссе все же видит целое и пытается путем нового синкретизма восстановить утраченное единство, то гламур предлагает любоваться калейдоскопом сверкающих осколков и не претендует на целостное восприятие мира. Однако, вопреки противоположной интенции, и гламур, и эссе ориентированы на основные органы восприятия. У обоих очень живое, тактильное отношение к окружающему миру. Не случайно, одна из книжек Гениса так и называется «Шесть пальцев». Это не что иное, как пять органов восприятия и загадочное шестое чувство. Генис демонстративно всегда обращается к наиболее узнаваемым, понятным, с детства знакомым предметам, произведениям, ощущениям, поэтому на поверхности сходство между «гламурными» темами и темами Гениса очевидно. Свято веря в то, что «лучше всего мы способны постичь съедобную часть мира», Генис вновь и вновь обращается к излюбленной теме, к кулинарии, что является постоянным разделом всех глянцевого журналов. (В России выходит дюжина очень ярких, взыскательных журналов по кулинарии (*Еда, Хлеб и соль, Гастроном* и т.д.), которые выступают также и своего рода руководством по жизни.)

В книге «Фантики» Генис берет за основу ключевые картины русской живописи. Принцип отбора нарочито гламурный. В поле зрения попали те произведения, которые знакомы с обертки шоколадных конфет «Мишка косолапый», с иллюстраций в учебниках, со стенных ковриков и папиросных пачек.

Снимая с советского гламура мыльную пленку, Генис возвращает классические произведения русской живописи, превратившиеся в кич, в поле искусства.

Генис, таким образом, постоянно балансирует на той тонкой полосе, где эссе и гламурная публицистика соприкасаются. «[Эссе] постоянный соблазн той формы, которая с подозрением смотрит на фальшивую глубину, однако ничего не сможет уберечь ее от риска впасть в другую крайность – в поверхностность», - пишет Теодор Адорно в одном из программных эссе об эссе, опережая те выпады, которые так характерны по отношению к эссе. Те критические замечания, которые направлены против эссе, конечно, не лишены оснований. Тот факт, что эссе отказывается от научной дедукции, автоматически вынуждает его вступить на тот рынок, который направлен на успех, на престиж, на красоту. От пошлости все же уберегает то, что интенция эссе носит характер нового взгляда, острающего привычные формы мышления и видения. То, что в гламуре цель, в эссе – только сырье.

Литература:

Генис, А. (2001), *Довлатов и окрестности*. Москва.

Генис, А. (2009), *Шесть пальцев*. Москва.

Бак, Дмитрий, http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2002/12/bak.html

Добренко, Е. и Г., Тиханова (2011), *История русской литературной критики*, Москва, Новое литературное обозрение.

Кайда Л.Г. (2008), *Эссе*. Москва.

http://www.wday.ru/psychologies/events/books/puteshestvija/_article/strannik/

Aleksandra Wróbel

The University of Ss. Cyril and Methodius, Trnava, Slovakia
aleksandra.wrobel@10g.pl

Analiza wybranych dyscyplin sportowych na przykładzie „Werfen” i „Laufen”. Ich znaczenie, pochodzenie oraz zastosowanie w języku polskim i w języku niemieckim

ABSTRACT: Sport, as one of the most obvious and remarkable aspects of the social life, has excited mankind for ages, evoking high emotions. The language of sport has its significant meaning in the lexical context. There are more and more sport branches which we need to name. Therefore we might say that the development of sport remarkably contributes to the development of the language, as every branch of sport requires its own name. In my analysis I focused on two words: „Werfen” and „Laufen”. They are also both sport disciplines, which in the 19th century belonged to gymnastics, whilst nowadays they are in the athletics branch. I focused my attention on their meaning, origin and the use in Polish and German languages.

Keywords: sport, language, Polish language, German language

W moich badaniach naukowych zajmuję się językiem sportowym, a dokładniej mówiąc językiem gimnastyki w Niemczech, który swój początek ma w XIX wieku i jednocześnie bardzo interesującą historię. Sport jest jedną z najważniejszych dziedzin życia społecznego, którą zajmuje się szeroko pojęte dziennikarstwo w każdej postaci. Już od wieków, zarówno sport amatorski jak i zawodowy, pasjonuje ludzkość wzbudzając ogromne emocje. Język sportowy ma bardzo duże znaczenie w kontekście znaczenia słów. Mamy coraz więcej dyscyplin sportowych, które chcemy nazwać. Rozwój sportu jest zatem przyczyną rozwoju języka, gdyż każda dyscyplina musi posiadać jakąś nazwę. Mamy bardzo dużo literatury o tematyce sportowej jednakże prawie nic o języku sportowym, dlatego w moich badaniach skoncentrowałam się na tym temacie. W poniższym artykule skupiłam się na dwóch wyrazach, które są jednocześnie dyscyplinami sportowymi z zakresu gimnastyki w XIX wieku, a mianowicie czasownik „werfen” co oznacza „rzucić” w języku polskim oraz „laufen” czyli biegać. Dwa niepozorne wyrazy, które bardzo często i bez zastanowienia się nad ich pochodzeniem czy też znaczeniem, używamy w języku codziennym, a zaliczamy je do języka fachowego, języka sportowego. Według Friedrich Ludwiga Jahna, twórcy gimnastyki w Niemczech w XIX wieku, „Werfen” oraz „Laufen” były dwoma spośród wielu dyscyplin sportowych z zakresu gimnastyki w ówczesnych czasach (F.L.Jahn, E. Eiselen, 1816). Z upływem czasu zmieniło się znaczenie oraz zastosowanie tych wyrazów w języku. Według dzisiejszego rozumienia obie te dyscypliny czyli „Laufen”- bieganie oraz „Werfen”- rzucanie, zaliczają się do lekkoatletyki.

Słowa niosą ze sobą cały nasz bagaż emocjonalny, naszą kulturę, historię, normy oraz wartości. Słowa są częścią mowy i za ich pomocą się komunikujemy, wyrażamy nasze myśli, uczucia, określamy pojęcia, nazywamy przedmioty. Mamy dostęp do coraz lepszych słowników pojawiających się na rynku, które z łatwością tłumaczą słowa lub całe zdania ale i tak nie oddają „duży” wielu wyrazów a coś dopiero naszych myśli. Słowo to znak języka; zespół dźwięków mowy ludzkiej będący symbolicznym oznaczeniem jakiegoś pojęcia. Ta sama sekwencja foniczna może mieć różne znaczenie w różnych językach np. *jęz. pol. kij jęz. fr. quille* (kręgle); i odwrotnie to samo pojęcie określamy w różnych językach różnymi sekwencjami fonicznymi np. *jęz. pol. chleb jęz. fr. pain jęz. ang. bread. jęz. niem. Brot*. W jednym języku ta sama sekwencja dźwięków może określać różne pojęcia (homofony) np. morze i może; żyć i rzyć. Często dopiero z kontekstu możemy wywnioskować i zrozumieć czy nasz rozmówca, powiedział jedno czy dwa lub więcej słów np. je dynie i jedynie; nienazarty i nie na żarty oraz jaką informację chciał nam przekazać, co chciał powiedzieć, o czym chciał nas poinformować. Różnorodność języków jakimi mówią Europejczycy, sprawia, że dzisiaj nikomu nie wystarcza już znajomość języka ojczystego. Trzeba zatem uczyć się koniecznie języków obcych. Im więcej o nich wiemy, tym łatwiej nam zrozumieć różnice występujące między językami (por. Kowalikowska, Żydek-Bednarczuk, 1997).

Skupmy się teraz na analizie wyżej wymienionych dyscyplin sportowych, czyli czasownika „laufen- bieć” oraz „werfen- rzucić”. Dyscypliny „Laufen” czyli biegi- bieganie oraz „Werfen” czyli rzucanie są rzeczownikami odczasownikowymi. Oznacza to, że forma wyrazu pozostała taka sama, zmieniła się tylko grupa wyrazowa do której przynależą. Jest to przejście do innej klasy wyrazów bez dodawania przedrostków czy też końcówek.

Z upływem czasu, jak już wyżej wspomniałam, zmieniło się również znaczenie wyrazów. W dzisiejszym rozumieniu i zastosowaniu czasownik „laufen” kojarzymy z szybkością. Funkcjonuje on również w znaczeniu: gehen – chodzić, bewegen – ruszać, in Gang sein – być w ruchu. W języku polskim bieć/biegać – występuje w znaczeniu szybko się przemieszczać, szybko poruszać się na nogach np. „zawodnicy biegli wzdłuż brzegu rzeki” oraz w znaczeniu upływać w kontekście czasu np. „czas biegnie nieubłaganie” a także jako określenie kierunku czyli np. „droga biegnie przez wąwóz” – inaczej mówiąc „droga prowadzi przez wąwóz”. Czasownik „bieć/biegać” funkcjonuje w języku polskim od XV wieku, pochodzi od prasłowiańskiego wyrazu *bęgti, bęga* -

biec (dokładne odpowiedniki w litewskim bėgti;biec; płynąć, ciec, w łotewskim bēgt, bēgu, uciekać. Dziś używany jako czasownik biegnę (jest to forma czasu teraźniejszego), przeniesiony z czasownika jednokrotnego biegnąć i wielokrotnego biegać. Tworzy także szereg form przedrostkowych. Pierwotna, dawna forma, postać tego słowa jest słabo poświadczona ale brzmiała prawdopodobnie „biegę“ (Malmor Izabela, 2009).

W języku niemieckim natomiast czasownik „laufen“ – biegać, pochodzi prawdopodobnie pierwotnie z języka ogólnogermańskiego i jest mocnym czasownikiem. Czasownik ten początkowo oznaczał „hüpfen“ – podskakiwać oraz „tanzen“ – tańczyć, jednakże dokładne jego znaczenie nie zostało wyjaśnione (Duden Band 7, 1997). W języku średniowysokoniemieckim (Mhd.) brzmiało loufen, starowysokoniemieckim (ahd.) [h]louff[an „laufen“ i odpowiadał gotyckiemu (got.) (us)hlaupan „(auf)-springen“ – odbijać się skakać, engl. to leap „springen“, schwed. löpa „laufen“. (Duden Band 7).

Obecnie w języku niemieckim oraz polskim czasownik „laufen“ posiada następujące znaczenia, w zależności od kontekstu:

1. Występuje jako pojęcie „szybkości“ – które niestety coraz częściej zanika i występuje w innym znaczeniu. Przykład:

Peter ist sehr schnell nach Hause gelaufen. → *Piotr bardzo szybko pobiegł do domu.*

2. Jako pojęcie „czasu, długości“ – w sensie trwania czasu, przemijania, upływu czasu np. mówiąc o filmie. Przykład:

Die Vorstellung läuft schon seit zwei Stunden. → *Przedstawienie trwa już od dwóch godzin.*

3. Występuje w znaczeniu „płynąć, ciec, kapać“ – w odniesieniu do płynu, cieczy. Przykłady:

Die Tränen liefen ihnen übers Gesicht. → *Łzy ciekły im po twarzy.*

Peters Nase läuft. → *Piotrowi kapie z nosa.*

4. W określeniu „funkcjonowania jakiegoś urządzenia, pracy czegoś“ np. mówiąc o maszynie lub przedsięwzięciu. Przykład:

Das Geschäft läuft uns gut. → *Interes idzie nam dobrze.*

Czasownik „laufen“ tworzy w języku niemieckim formę odczasownikową „Lauf“ czyli w języku polskim rzeczownik „bieg“. Pod tym pojęciem kryją się w języku niemieckim różne znaczenia w zależności od kontekstu, w którym słowo występuje.

W sporcie oznacza zawody biegaczy, zawody sportowe biegowe, Występują tutaj również złożenia takie jak np. „Hürdenlauf“ co oznacza bieg przez płotki lub też „Langstrekenlauf“ czyli bieg dalekodystansowy. Wcześniej pod tym pojęciem rozumiano konkretne, określone miejsce bądź plac, w którym coś biegało.

W myśliwstwie występowało jako „Gewehrlauf“ co tłumaczymy lufa. Liczba mnoga od rzeczownika „Lauf“ brzmi „Läufe“. Pod tym pojęciem rozumiemy jakieś wydarzenia, zdarzenia. Przykładem jest „Zeitläufe“- bieg czasu w sensie o mijającym, przemijającym, upływającym czasie. Ponadto w języku niemieckim występują następujące zwroty idiomatyczne z czasownikiem „laufen“ oraz rzeczownikiem, który pochodzi od tego czasownika czyli „Lauf“:

1. *wie geschmiert laufen* – sprawnie funkcjonować

2. *jmdn. laufen lassen* – zostawić kogoś na wolności, wypuścić

3. *eine Frau/Puppe laufen lassen (niedbale)* – kazać kobiecie pracować dla siebie w charakterze prostytutki.

4. *im Laufe der Zeit* – z upływem czasu

5. *einer Sache freien Lauf lassen* – pozostawić sprawę by biegła własnym torem,

6. *seinen Lauf nehmen* – niepostrzeżenie przemijać upływać, zdarzać się. (Duden Band 11, 2002)

Związki frazeologiczne występujące w języku polskim to np:

1. *biec z wywieszonym językiem* – biegać, chodzić w pilnych sprawach

2. *biegać jak kot z pęcherzem* - gorączkowo biegać gdzieś bez celu; poruszać się szybko, ale chaotycznie, niespokojnie, nerwowo

3. *biec łeb w łeb* - toczyć zacięty, wyrównany pojedynek; poruszać się równocześnie w tym samym kierunku; znajdować się w tej samej fazie, przy osiągnięciu jakiegoś celu

4. *biec jak burza*- biec szybko i gwałtownie. (Rzehak, Paw, Wawrzecki, 2012)

To kilka najbardziej znanych związków frazeologicznych w języku polskim w połączeniu z czasownikiem „biec“. (Wojciech Rzehak, Marzena Paw, Marcin Wawrzecki, 2012)

Kolejny wyraz, który został poddany analizie to czasownik „werfen“ czyli polski rzucać. Jest on pochodzenia ogólnogermańskiego. W języku średniowysokoniemieckim (mhd). „werfen“, w starowysokoniemieckim (ahd.) „werfan“, gotycki „wairpan“, w angielskim „to warp“. Czasownik „sich werfen, krümmen“ – czyli rzucać się, jest pokrewny z litewskim (lit.) veřpti „spinnen“ - prząść. Słowo „werfen“ oznaczało „drehen, winden“ – czyli kręcić obracać, wić z czego rozwinęło się kolejne znaczenie „mit drehend geschwungenem Arm schleudern“. Powyższe wyrażenie możemy na język polski przetłumaczyć następująco: rzucać wykonując łukowaty ruch ramieniem. W dzisiejszym rozumieniu oprócz znaczenia „rzucać“ posiada znaczenie „ciskać, miotać“.

W języku polskim funkcjonuje od XIV wieku, pochodzi z języka ogólnosłowiańskiego W języku czeskim „řítit se“- walić się, osuwać się, spadać, w języku słowackim „rútit' sa“- spadać z hukiem, rozpadać się, rozwalać

się, pędzić, gnać; w prasłowiańskim „řutiti“ - miotać, ciskać;/ forma wielokrotna rzucać. Znaczenie w języku polskim: cisnąć, uderzyć kimś, czymś o coś; gwałtownie poruszyć, potrząsnąć, popchnąć. Formy czasownika „werfen“ to „Wurf“- rzut i „Würfel“- kostka. Od czasów języka średniowysokoniemieckiego stosuje się czasownik „werfen“ w znaczeniu „Junge zur Welt bringen“- rodzić, przynosić na świat, w odniesieniu do zwierząt. Ponadto istnieje szereg wyrazów z przedrostkami do czasownika „werfen“ takie jak np: abwerfen (zrzucić, wyrzucić), anwerfen (odpalać, włączać, rozpoczynać), aufwerfen (usypywać, otwierać, poruszać), auswerfen (zrzucić, wyrzucić, produkować), einwerfen (wrzucić, wybijać, wtrącać), überwerfen (narzucać, poróżnić się z kimś, pokłócić), verwerfen (odrzucać, oddalać np. myśli, poronić w odniesieniu do zwierząt), vorwerfen (zarzucać komuś coś, rzucać do przodu coś). Czasownik „werfen“ tworzy szereg związków frazeologicznych w języku niemieckim. Są to między innymi:

1. *einen Blick auf jemanden werfen* - rzucać okiem na kogoś;
2. *mit Geld werfen* - szastać pieniędzmi;
3. *eine Runde werfen* - stawiać kolejkę;
4. *eine Frage in die Diskussion werfen* - poruszać jakąś kwestię w dyskusji;
5. *sich jemandem an den Hals werfen* - rzucać się komuś na szyję (odpowiednik języka polskiego).

(Duden Band 11, 2002)

W języku polskim znane są takie jak:

1. *rzucać się komuś w oczu* – być widocznym, robić coś demonstracyjnie,
2. *rzucać perły przed wieprze* - zdobywać się na niepotrzebną, bezcelową dobroć; dawać coś cennego komuś, kto na to nie zasługuje; ofiarować rzecz wartościową osobie, która nie doceni rangi daru,
3. *rzucać (rzucić) cień na kogoś, coś* - negatywnie wpływać na opinię o kimś lub o czymś; sprawiać, że o kimś (o czymś) źle się mówi,
4. *rzucać grochem o ścianę* - bezskutecznie o coś zabiegać; mówić coś, co nie wywołuje żadnej pozytywnej reakcji; nie spotykać się z żadnym odzewem; napotykać mur obojętności, milczenia
5. *rzucać komuś kłody pod nogi* - piętrzyć przed kimś przeszkody; przeszkadzać komuś w osiągnięciu celu; utrudniać komuś życie; powstrzymywać kogoś przed podejmowaniem działań albo hamować podjęte już działania,
6. *rzucać się z motyką na słońce* - zamierzać osiągnąć coś niemożliwego; porywać się na coś nierealnego; stawiać sobie zbyt wysokie, zbyt ambitne cele; stawiać sobie wymagania, którym nie sposób sprostać;
7. *rzucać słowa na wiatr* - składać obietnice bez pokrycia; obiecywać coś nie martwiąc się o dotrzymanie obietnicy; dawać słowo, deklarować coś, ale nie dbać o spełnienie deklaracji (Rzehak, Paw, Wawrzecki, 2012).

Z powyższej analizy wynika, że wraz z upływem czasu zmienia się język, znaczenie poszczególnych wyrazów oraz ich forma, czego przykładem są czasowniki „werfen“ oraz „laufen“. Wyrazy te posiadają wiele znaczeń w języku niemieckim oraz polskim. Są to słowa, które mają zastosowanie jednocześnie w języku codziennym jak i specjalistycznym. Język jest narzędziem myślenia, dlatego też zmiany zachodzące w życiu społeczno-politycznym muszą wywierać na niego wpływ. Warto dodać, że obok języka literackiego używanego przede wszystkim w publikacjach, w komunikacji oficjalnej i częściowo w mediach, rozróżniamy również gwary, dialekty, język potoczny, które także podlegają ciągłemu rozwojowi i przemianom. Wewnętrzne zmiany językowe są zjawiskiem nieuniknionym, dzięki któremu język przeobraża się w doskonalsze narzędzie komunikacji międzyludzkiej.

Literatura

- Duden Band 7 (1997), *Das Herkunftswörterbuch, Etymologie der deutschen Sprache*, Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, DUDENVERLAG
- Duden Band 11,(2002), *Redewendungen, Wörterbuch der deutschen Idiomatik*, Mannheim, DUDENVERLAG
- Freidrich Ludwig Jahn/ Eiselen Ernest Wilhelm (1816): *Die Deutsche Turnkunst zur Einrichtung der Turnplätze*, Berlin,
- Kowalikowska Jadwiga, Żydek-Bednarczuk Urszula (1997), *Współczesna polszczyzna*, Kraków, OD NOWA
- Köster Rudolf (1999), *Redensarten, Herkunft und Bedeutung*, Mannheim, DUDENVERLAG
- Malmor Izabela (2009), *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa-Bielsko Biała, WSZPWN
- Rzehak Wojciech, Paw Marzena, Wawrzecki Marcin (2012), *Słownik związków frazeologicznych*, Kraków, Wydawnictwo Greg.

Александра Вукадиновић

University of Novi Sad, Novi Sad, Serbia
leksandra_vukadinovic@hotmail.com

Ониричка фантастика у стваралаштву Пера Тодоровића

ABSTRACT: In this paper we will deal with the study (oniric) in novelistic fiction opus of Pera Todorović. Offenses covered by this study will be mentioned by prose works: Death of Karadörde, Coming Down From the Throne, Bloody Years, Mirror and Diary of a Volunteer. Through a series of examples represented in his works, we will try to prove that to be fantastic for this author is almost always occurs in the function of a dark and fateful prophecies whose oniric experiences were often inspired by the writer's (extensive) personal experience, and hallucinations induced by long-standing addiction to drugs that are encourages - morphine.

Keywords: oniric, fiction, horror fiction, realism, history, psychology

Пажљиво ишчитавање жанровски разноврсног опуса Пера Тодоровића, довело нас је до претпоставке да описи и тумачења снова, представљају веома важно тематско обележје његовог вишедеценијског стваралаштва. Осим тога, верујемо анализа ониричко – фантастичких доживљаја у Тодоровићевим делима може допринети савременом превредновању ауторовог статуса у историји српске књижевности. Наиме, целокупно стваралаштво нашег писца дуго је било занемаривано и оспоравано. Процес континуиране маргинализације романескног опуса Пера Тодоровића, могао би једноставно бити објашњен његовом неталентованости. Међутим, пажљивим ишчитавањем ауторових дела, закључили смо да су негативне оцене често биле последица некомпетентности тумача, као и нетрпеливости изазване ауторовим политичким опредељењем. Морамо нагласити да је на критички суд Јована Скерлића највише утицао однос аутора према владарима из династије Обреновића. Управо је блискост Пера Тодоровића са краљем Александром пресудно утицала да заврши на маргинама српске књижевне историографије.

Посебно место у српској фантастици, која је раније била искључена из књижевног наслеђа као сувише груба, тривијална и неукусна, припада маштовитим фантазмагогијама Пера Тодоровића, чије стваралаштво обилује примерима ониричке фантастике. Под појмом ониричка фантастика подразумевамо онај тип фантастичког дискурса чији основни садржај представља сновни материјал (Дамјанов 1988: 48). Ониричка фантастика је врло често везана за пророчки сан који антиципира једну будућу стварност мање или више јасним симболима, који се касније заиста и реализује онако како су то предвидели његови знаци. Упознавањем са природом Тодоровићеве болести, стиче се утисак да га је управо болест, а посебно зависност од морфијума, оспособила да у себи ослушкује гласове колективне подсвести нашег народа. Треба нагласити да наука још увек није успела да тачно сазна шта је узрок сну. Не знајући прави узрок овој појави она прибегава претпоставкама и хипотезама. А како су српски савременици Пера Тодоровића тумачили снова (барем до појаве Фројда и Јунга), вероватно најбоље илуструју промишљања научника Љубомира Недића. Љубомир Недић је веровао да је појава сна у тесној вези са друге две врсте душевних појава, са појавом асоцијација и са алузијама или обманама чула. Када је реч о асоцијацијама, Недић их повезује са мислима које човек има у тренутку замишљености, а под алузијама подразумева обмане чула. Посебно занимљив део Недићевог излагања о сновима, односи се на контраст између свесног и несвесног дела живота. Наиме, наше представе за време сна једна другу изазивају оним законима који владају и у будном животу. Као нарочито важну улогу при стварању снова имају органски осећаји варења, дисања, крвотока. Имајући у виду наведена Недићева (доследно позитивистичка) излагања, можемо закључити да су снови код њега (физиолошка) реакција на догађаје проживљене на јави.

У овом контексту, желели бисмо да скренемо пажњу и на драгоцен библиографски податак како је сам Пера Тодоровић у свом календару *Смиљевац* значајан део посветио сновима. Чланак *Снивање и снови*, са поднасловом *Шта је спавање, шта је сновивање, шта је сан?*, потпуно јасно даје ауторов одговор на питање шта су снови и да ли могу нешто да значе? Најпре говори о сну кроз тумачење филозофа. Наиме, као реакција чула на умор настаје делимичан или потпуни одмор, мировање које се зове сан или спавање. Након спавања, тумачи сан као производ спавања. Слично спавању, и сан је недовољно истражена појава о којој ће наука тек дати коначну реч. Затим нас преко низа пророчких снова (Јосифово тумачење Фараоновог сна, Цицеронов сан...), међу њима и сан несрећног кнеза Михаила, Тодоровић уверава да снови заиста имају моћ прорицања будућности. Чланак се завршава констатацијом аутора *да преко сна не можемо погодити какво ће бити то пророчанство које се на сну јавља, и да ли ће значити - добро или зло?* (Тодоровић *Смиљевац (Снивање и снови)* 1892: 152). Међутим, за наше истраживање најзначајнија је чињеница да је Пера Тодоровић као уредник одлучио да објави управо чланак у којем се апострофира пророчка моћ снова, што је једно од најупадљивијих тематских обележја романа попут *Смрт Карађорђева* и *Силазак с престола*.

У историјском роману *Смрт Карађорђева* увођење ирационалног, снова и сновиђења, простора слутње и пророчанства, постало је легитимни део Тодоровићевог романа. Упоредо са историјским дорађајем, као предметним слојем, егзистира и слој ирационалног. Тај слој ирационалног дат је у слутњама, сновима и предсказањима Тодоровићевих јунака, а представљено је у форми профетског сна, са значењем (двосмисленог) упозорења и опомене. Паралелно постојање света предсказања, предосећаја и наслућивања појачава ток реалних збивања, пунећи их атмосфером судбоносног и неизбежног. *Смрт Карађорђева* поред пророчанства видарице баба Јане, садржи још и сан кнеза Милоша и војда Карађорђа. Пророчанством баба Јане отварају се врата будућности и завирује се у свет непознатог и несазнајног. Најпре је предвидела убиство Карађорђево које ће се догодити у блиској будућности, а у даљој будућности убиство кнеза Михаила. Прво се сматра страшни грехом – оцеубиством, а друго страшним испаштањем – проклетством. Ово проклетство не пада само на извршиоце злочина и на потомство онога који га је подстакао, него и на цео народ. Убиство Карађорђево – оцеубиство оставиће своје страховите корене дубоко у историји који ће васкрснути након педесет година, а њих ће испаштати и платити Александар Обреновић. Наиме, било је распрострањено веровање да Александар Обреновић испашта грех свог прадеде Милоша Обреновића за страховито кумоубиство. Величину ове казне наводно је потврдило и гашење династије Обреновића пошто Александар није имао потомства са супругом Драгом Машин, па није „подарио“ наследника српском престолу. Сведоци испуњења баба Јаниног пророчанства који се односи на убиство војда Карађорђа бићемо већ на крају овог романа, док ћемо се са убиством Александра Обреновића упознати у Тодоровићевом најобимнијем делу *Огледалу*. Следећи пример фантастичког у роману *Смрт Карађорђева* свакако је сан кнеза Милоша. Овај сан/сновиђење сведочанство је о изузетном Тодоровићевом стваралачком/романсијерском дару, што потврђују мајсторски испреплитани елементи јаве и сна у њему. Карактеристика овог сна је у томе што Милош своју намеру да убије Карађорђа у сну доживљава као већ реализован чин. Након сликовитог описивања тешкоћа које му је задавало Карађорђево тело, следи део који говори о смртној повреди по војда – одрубљеној глави. Мотив одрубљене главе датира још из косовске легенде. На страницама Тодоровићевог романа котрљају се главе војда Карађорђа, Павла Цукића, Симе Марковића и капетана Драгића. Карактеристично је то да су одсечене главе за Тодоровића *corpus delicti* (крунски доказ) извршеног злочина и повод за детаљну истрагу која, као крајњу намеру има својеврсну релативизацију злочина која читаоцима наговештава да покојник можда није недужна жртва Милошевог властољубља. Због присуства низа (архетипских) симбола, још је комплекснији сан војда Карађорђа, чије погубљење представља централну тему романа *Смрт Карађорђева*. Тежина централног убиства овог романа провлачиће се кроз историју, а кулминираће, као што је истакнуто, у Тодоровићевом најобимнијем (мемоарском) делу *Огледалу*.

У фелтонском роману о краљу Милану *Силазак с престола*, Тодоровић наставља да прати судбину династије Обреновић, као и драматична дешавања која су водива њеном коначном трагичном крају. Карактеристично је да су стварна имена ликова и локалитета у овом роману замењена измишљеним. Централна тема снова/сновиђења у *Силаску с престола*, збацивање је династије Косанића (Обреновића) и повратак династије Црнојевића (Карађорђевића), а представљена је кроз безуспешне покушаје убиства кнеза. У сновима ову тему посматрамо из угла њених актера и самог писца. Непрекидно смо активни учесници у лавиринтима процеса који се готово увек завршавају мистериозно. Тако, остајемо ускраћени разрешења доргађаја везаних за случај маркиза Белинија, али не знамо ни епилог састанка „Балканске браће“ у случају сна кнеза Мутимира (краља Милана). Јединао сан Црнојевића донекле одаје ближе наговештаје крајњег епилога. Мистерија није само одлика снова у *Силаску с престола*, она је одлика читавог романа. Снови поменутих јунака иницирани су њиховим најдубљим страховима, уверених да губитак власти доноси смрт.

Изузетно занимљив аутобиографски и мемоарски спис *Крвава година*, говори о Тимочкој буну, непосредном делу Радикалне старнке на чијем је челу извесно време био и Пера Тодоровић. За разлику од претходних снова у Тодоровићевом фантастичком опусу, представљених као онирички доживљаји јунака, снови у *Крвавој години* су описани као интимни доживљаји приповедача. Свега два ониричка момента која чине фантастички садржај дела, упознају нас са страхотама које су претходиле и које су следиле ауторовом хапшењу. У првом пророчком сновиђењу (поглавље *Један сан*), приповедач Тодоровић, преко низа хорор сцена, прориче Тимочку буну, долазак Николе Христића на власт, као и сопствено хапшење од стране Христићеве полиције. Последњи онирички моменат у делу је Тодоровићев монолог испред сени свог покојног оца у винограду. Иако се јунаков отац ниједном речју не обраћа сину, с' обзиром на честу појаву оностраних бића у улози заштитника појединих јунака, појаву Периног оца можемо тумачити као упозорење јунака на изрицање пресуде којом ће Тодоровић бити осуђен на смрт, а милошћу краља Милана помилован на десетогодишњу робију.

Пажљиво ишчитавање типоведачевог мемоарског дела *Огледало*, потврђује, изречени став, да су најбоље странице његове прозе оне које обилују примерима фантастике. Имајући у виду релевантне историографске чињенице које су у великој мери заступљене у овом делу, није случајно што сва

сновиђења имплицитно или експлицитно наговештавају скори крај династије Обреновић. Та пророчка сновиђења уобличена су да свој епилог добију у убиству последњег краљевског пара ове династије. Тако ће краљ и краљица сличан сан борбе са псима протумачити као назнаку сопствене смрти, док ће архетипска слика оца-мудраца упозорити на трагичан развој историјских догађаја у Србији, као последицу абдикације краља Милана и уступања престола малолетном сину. Интензивно наслућивање трагичног краја актуелне династије, уобличен је у убиству њених представника (Александра и Драге) у ноћи између 28. и 29. маја 1903. године. Присетимо ли се Милошевог сна из Тодоровићевог романа *Смрт Карађорђева*, као и снова записаних у *Крвавој години* и *Силаску с престола*, разумећемо да је аутор непрекидно романсијерски обликовао своју мрачну слутњу која је повремено добијала и вид опсесије – да је због онога што је Милош Обреновић учинио Карађорђу и многим својим пријатељима и непријатељима над његовим потомством надвила казна као коб. Ту слутњу потврђује трагички след историјских збивања. Злочин над последњим Обреновићем, заиста је био потврда испуњења пророчанства не само аутора дела већ и видарице Јане која је много година раније предвидела трагични исход дорађаја, а на првом месту Бога, јединог судије догађаја.

Без обзира што снови представљају примарно поље нашег истраживања, морамо нагласити да нас је пажљиво ишчитавање стваралачког опуса Пера Тодоровића довело до закључка како не би требало занемарити ни описе бунила, слутњи и визија, уз посебан осврт на оне који читаоцу омогућавају да створи јаснију слику о (драматичним) психолошким преображајима носилаца догађаја. Занимљиво буновно/халуцинантно стање, изазвано реакцијом јунака (Пера Тодоровића) на стравичне последице битке на Шуматовцу, налазимо у приповедачевом мемоарском делу *Дневник једног добровољца*. Мајстор уочавања детаља, Тодоровић у опису бојишта посебну пажњу посвећује несносном, непријатном мирису лешева, ројевима мува, гомилама људског мяса, раздробљеним костима, разбацаној одећи. Преко описа турских жртава, мемоарист Тодоровић даје апокалиптичну слику рата у којем је учествовао као добровољац.

Тумачећи снове у стваралаштву Пера Тодоровића, закључили смо да је аутор веровао у њихову моћ прорицања будућности. Уплитање фантастичког у сужејну структуру својих дела најчешће је користио у циљу најављивања лошег периода по главне актере догађаја. На основу реченог, можемо закључити да је управо тема смрти једно од доминантних обележја стваралаштва нашег писца. Тумачећи његова дела, стичемо утисак да је сваки моменат користио да искаже наслућивање, како властите смрти, тако и смрти јунака у својим делима. Најчешће је то наслућивање исказано у сну, чије су језиве слике додатно појачавале убедљивост исказа. Пера Тодоровић заслужује да буде означен као један од (занемарених) мајстора хорор - фантастике. Он је својим опусом потврдио да добра прича мора да садржи много више од загонетног убиства, крвавих костију и гротескних прилика обавијених белим чаршавима. Приповедачки таленат аутора огледа се управо у томе што описи одређених догађаја у његовим делима измичу здраворазумском тумачењу, наводећи читаоца да се постепено препусти исконском страху од непознатог и необјашњивог. Све ово нас наводи на закључак да управо онирички доживљаји представљају до сада недовољно истражену тематску нит, која снажно повезује (жанровски веома хетероген) стваралачки опус Пера Тодоровића.

Литература

- Дамјанов, Сава (1988), Корени модерне српске фантастике, Нови Сад, Матица српска
 Матовић, Весна (1999), Пера Тодоровић (зборник радова), Београд, Институт за књижевност и уметност
 Недић, Љубомир (1888), О сну и о сновима, Београд
 Требјешанин Жарко (2008), Речник Јунгових појмова и симбола, Београд, HESPERIAedu
 Тодоровић, Пера (1892), Смиљевац (Снивање и снови), Смиљевац Верски народни календар са сликама за преступну 1892. годину, 147-152
 Тодоровић, Пера (1889), Силазак с престола, Београд, Штампарија код Просвете
 Тодоровић, Пера (1984), Смрт Карађорђева, Београд, Просвета
 Тодоровић, Пера (1988), Дневник једног добровољца, Београд, Нолит
 Тодоровић, Пера (1991), Крвава година, Београд, Српска књижевна задруга
 Тодоровић, Пера (1997), Огледало, Београд, Медицинска књига
 Тодоров, Цветен (1987), Увод у фантастичну књижевност, Београд, Рад

Естетске форме у индоевропској филологији

ABSTRACT: Trying to explain the causes of presence of some aesthetical forms in the Indo-European linguistics, author shows the nature of connections of Pythagorean objectivist theory of beauty with the form of language system (that involves its equilibrium, symmetry and proportionality), displays connections of Plato's functionalist theory of beauty with the principle of language economy, and points to the traces of Hegel's evolutionary form of progression of Spirit.

Key words: Indo-European linguistics, Aesthetics, Pythagoreanism, Plato, Hegel.

0. Узевши за полазиште основне поставке Кантове теорије сазнања, у једном од претходних текстова промотрили смо неке аспекте научне методологије који су присутни и у индоевропеистици и указали на игралачке принципе који њом владају, позивајући се на теорије игре Шилера, Хојзинге и Кајое. Део игара, којима би припадала и ие. филологија, одвија се по правилима које Кајоа (1979: 55–60) назива „необавезним тешкоћама“, а у овом раду желимо да укажемо на естетску природу правила која владају у њој и на узроке одабира баш тих правила.

1. Реконструисање језичког (под)система у индоевропеистици готово нужно подразумева уочавање равнотеже попут оне „присутне“ у бинаризму именских, заменичких и глаголских категорија (Stanišić 2006: 222, 228, 251), или симетрије као што је она у реконструкцијама пие. вокалског система (Clackson 2007: 34), или пропорције унутар одређеног (под)система, и та се својства узимају као доказ његове истинитости. Због ограничености простора, илустроваћемо само последњи, најсложенији случај, који, посредно, илуструје и остало. Гамкрелидзе и Иванов (1984: 213) нуде овакву синтезу традиционалне и ларингалне теорије о пореклу вокала.

Интересно, што наряду с постериорними тройками смычных $k' \sim k^{o'} \sim k'$, $g^{[h]} \sim g^{[h]o} \sim g^{[h]}$, $k^{[h]} \sim k^{[h]o} \sim k^{[h]}$ в эту подсистему включается и тройка 'ларингалных' фонем $\dot{H} \sim H^o \sim H$ и тройка сибилантных спирантов $\dot{s} \sim s^o \sim s$. Дополнительные признаки таких троек индоевропейских фонем как бы отражают дифференциальные признаки первичной треугольной системы индоевропейских гласных $i \sim u \sim V$, образуя тем самым взаимосвязанную подсистему индоевропейских фонем с идентичными троичными противопоставлениями.

Поставку о паралелизму између првобитног вокалског троугла и ларингалне тријаде подупиру и три реда ие. велара, где би управо ова пропорционалност (3 : 3 : 3...) говорила о њиховој системској повезаности, а таква се повезаност узима за истини ближу пре него нпр. теза која у основи не би имала такву научно проверљиву пропорционалност или која би језик представила као неуређен хаос.

Начела равнотеже, симетрије и пропорције ипак не морају бити у основи образовања „система“. Тако нпр. фонолошки систем савременог српског језика има мало од жељене визуалне/ бројчане уређености. Вокалски систем састоји се од два вокала предњег и три задњег реда (два висока, два средња и једног ниског); консонантски од петнаест звучних (осам сонаната, седам правих звучних) и десет беззвучних консонаната (три немају свој пар) итд. (Уп. Stevanović 1986: 72–84)

Међутим, поменути критерији процењивања конзистентности и истинитости реконструкције поклапају се с онима којима се оцењује лепота у оквирина питагорејске теорије о лепом, а која Лепо дефинише као складни распоред делова целине на визуалном или акустичком плану (Tatarkjevič 1980: 119) – то питагорејско естетско начело уграђено је овде у основ (ре)конструкције научне истине. Уз то, појава различитих хипотеза у вези с одређеним проблемом (нпр. порекла вокалског система), које поседују мање или више равноправан статус, има паралелу управо код питагорејаца. За њих је и душа хармонија заснована на бројчаној пропорцији, а такво тумачење објашњава наше посебно уживање у музици – она, будући сама подражавање и средство преношења божанске мелодије, може да усагласи душу с вечном хармонијом, иако није сама та Музика. Ако се музичка композиција може видети као подражавање појединачне душе, која је *део* небеске душе, може се разумети и разноврсност мелодија и музичких модуса (Gilbert–Kun 2004: 17–19). Недохватност Истине/ Лепоте питагорејске божанске музике недохватност је Језика; појединачна композиција као подражавање дела небеске душе паралелна је с појединачним системом (који је део Језика) који образује релацију (не)склада с оном појединачном формом (система) коју у себи има филолог. У покушају утискивања форме у (језичку) материју и једно и друго од себе понешто губе, те створени систем није једнак жељеном (остаје нпр. проблем изузетака), али ни језик није хаос каквим се у почетку чини (јер систем успева да „ухвати“ један његов аспект).

2. Традиционална реконструкција сугласничког система одбачена је због процене да је такав систем недовољно функционалан – Јакобсон негира могућност да језик има само једну серију аспириата: присуство звучних (b^h , d^h , g^h) условљено је по њему постојањем беззвучних (p^h , t^h , k^h) (Stanišić 2006:

202). Разлог за то је чињеница да су звучни гласови само озвучена варијанта безвучних, па ако у језику нема безвучних аспированих, звучни аспировани ће под дејством језичке економије изгубити звучност. Језик се тако указује као рационалан организам који регулише своје ресурсе укидајући обележја или елементе који су у њему нефункционални као да је само оно што у њему има (јасну) сврху потребно.

Ипак, систем који Јакобсон одбацује као немогућ посведочен је касније у дијалекту аустронезијског келабитског језика (Каровић 2008: 145f), а занимљиво је да закон језичке економије врло личи на теорију о лепом као прикладном (*to prepon*), коју износи Платон (1982: 191–226) у *Xuniju Већем*. Наиме, како је Сократу кутлача од смоковог дрвета лепша од златне, као прикладнија и функционалнија (јер неће разбити лонац, угасити ватру и сл.), тако је филологу језик који нема сувишних украса, попут усамљених звучних аспирата, (субјективно) функционалнији, те утемељенији и логичнији, а заправо можда само – (субјективно) лепши. Ако се овакво поређење чини неприкладним, као што би Хипији било мрско да разговара о узвишеној теми лепоте с неким ко даје примере у вези с кутлачом и кашом, можемо само поновити Сократов одговор с поменутих страница.

3. Упоредо с формом функционалности, која на дијахроном плану значи тежњу језика да се ослободи непотребног (с којим реконструкције пресека стања никад не рачунају), индоевропеисти у језик утискују и, њој у бити супротну, линвистичку верзију вере у метемпсихозу. Док је она у питагорејаца била вера у кружење духовне супстанце и немогућност да без трага нестане, поједини језички закони „показују“ како није могуће да део речи буде одстрањен, а да се другде та „језичка енергија“ не пројави. У стсл. језику, који је пие. језику најближи писани словенски језик, вокализује се полугласник који је под акцентом или онај који се налази пред слогом с полугласником у слабом положају. Вокализација се у другом случају може посматрати преко губљења полугласника у слабом положају (које се морало компензовати у прелазу полугласника у пун вокалски глас; нпр. *тѣмъница* > стсл. *тѣмница*, срп. *тамница*; Nikolić 2008: 38). Уколико пак не дође до блиске компензације (нпр. у оквиру једне речи), то неретко повлачи велики број промена у језичком систему (уп. утицај везаног динамичког акцента на морфонолошке процесе у развоју западногерманских и дела скандинавских језика; Beekes 1995: 130–131).

Ову би тврдњу требало сад оповргнути, али је то тешко могућно – било би потребно утврдити да после одређене промене није дошло ни до какве пројаве енергије на ма ком месту у целом језичком „систему“, а јасно је да ми за то немамо метод. У свакој науци, па и у ие. филологији постоји један спектар проблема који није решен, а та нерешеност тумачи се као неуочен одлив/ прилив језичке енергије, који чека своје откриће. Што је, ипак, само оптимистична хипотеза.

4. И принцип симетрије и принцип „одржања језичке енергије“ повлаче се у страну оног тренутка кад треба доћи до прапочетка вокалског или консонантског система и уступају место еволутивном принципу (уп. Сосирову идеју о моновокализму /Каровић 2008: 234–236/ или тезу о језику без вокалске фонеме на коју указује Мартине /1987: 173/). Тај принцип је присутан и у Шлајхеровој органицистички обојеној класификацији језика (Ivić 1990: 55–56). Три морфолошки различита типа језика стоје у непосредној зависности од досегнутог ступња развитка: коренски језици (изражавају само значење као нерашчлањену целину), аглутинативни (осим значења изражавају и односе) и флективни (изражавају структурно јединство значења и односа). Импликација ове класификације је да разлика међу језицима указује на неједнак ступањ сложености мисаоног садржаја који се језиком изражава. Прелазак с једног на други тип језика значио би да се у једном тренутку мисао не може изразити постојећим средствима, те да се пробијају ограничења језичког обликовања и успоставља равнотежа у следећем ступњу развоја.

Крајем XIX века било је јасно да није могуће доказати нужност (еволутивног) прелазка језика с нижег нивоа на виши, те да се идеја о савршенству флективног типа заснива на субјективној процени. Разлог за појаву ова три типа језика тражи се данас у постојању различитих средстава (афиксација, ред речи, акценат итд.) у изражавању истог садржаја. С друге стране, теза о праволинијском прогресивно-еволутивном току у коме човеков дух осваја језички простор да се у њему адекватно изрази, а која се налази у основи ове и сличних теорија, могла се довести у питање и зато што се у појединим раздобљима дешавају, условно речено, упрошћавања језичких (под)система. Довољно је упоредити прасловенски вокалски систем (који је имао петнаест вокала) с ма којим вокалским системом савремених словенских језика, или сетити се тенденције губљења падежа у свим ие. језицима (осам падежа сачувано само у аријском) – већ то упрошћавање логички делегитимише свођење на раније *нужно једноставније* стање.

Онакав развој мисли и начина на који се она испољава у језику могао би се упоредити с Хегеловим развојем самосвести духа. Једна од најоригиналнијих Хегелових идеја јесте хронологијација суштине. Док се она у платонов(ск)ом идеализму разликује од оног што није суштина по томе што је вечна и непропадљива, код Хегела се и идеја саморазвија кроз време и тек на крају тог процеса достиже пуноћу. Тај процес подразумева пролазак кроз три фазе, а трочлана концепција развоја транспонује се и на схватање односа уметности, религије и филозофије, и даље на однос међу уметностима, о чему детаљно говори у *Естетици*, где установљује поделу на симболичну, класичну и романтичну форму уметности. Својства ових форми Хегел (1961: 17) описује овако:

уместо до идентичности садржине и форме, симболичност доспева само до њихове сродности и до простог наговештавања унутрашњег значења у његовој појави (...) и због тога симболичност представља основни тип оне уметности која добија задатак да објективно као такво, околну природу, преради у неки лепи уметнички оквир духа и да у ту спољашњу ствар угради унутрашње значење духа у облику наговештаја. Међутим, класични идеал одговара претстављању апсолутног као таквог у његовој спољашњој реалности која самостално почива у самој себи; док како садржину тако и форму романтичне уметности сачињава субјективност душевности и осећања у њиховој бесконачности и коначној посебности.

Уочљива је сличност у односу онога што се жели изразити и израженог и у односу фаза кроз које уметност и језик пролазе (како нпр. Шлајхерови коренски језици изражавају само значење, тако симболична форма уметности само наговештава значење, да би аглутинативни већ у изражајности постигли извесан напредак као што то чини класична форма уметности у односу на симболичну итд.) – над свиме стоји еволутивна хронологизација суштине (језика) и прогресивно усмерење развоја његове изражајне форме.

5. Досад смо маркирали естетске форме које чине конститутивни елемент ие. реконструкција. Сада треба одговорити на питање: зашто су ие. филологији блиске *баи ове* естетске форме?

Питагорејска теорија о лепом блиска је ие. филологу (и сваком научнику) јер је објективистичка, тј. зато што лепоту узима за објективно својство предмета, што има за последицу утисак да се систем држи „сам од себе“, а тим се избегава питање о нужној субјективности – синхроне или дијахроне – (ре)конструкције, као и питање о томе да ли (језичка) стварност заиста постоји као уређен систем. Будући да лепота предмета не зависи ни од какве субјективности, питагорејска форма лепог као система јамчи објективност достигнутог сазнања могућношћу да се рачуном лако провери како систем функционише (Tatarkjevič 1980: 125). Форма функционалности природно се у синхронијској перспективи надовезује на форму система, јер овај подразумева функционалност сваког од елемената унутар структуре. Ако ма који од елемената нема функцију, може се рећи да на том месту, а тим и на сваком другом, он, (савршен) систем – не постоји. Та форма функционалности надовезује се у дијахроној перспективи на еволутивну форму: како се систем мења у времену, што значи да примајући нове елементе неке старе одбацује, та се његова промена може тумачити само као тежња ка већој функционалности. Она се види као напредовање људског духа који тражи гипкију форму за свој (мисаони) садржај. У бити синхронијска форма система и у бити дијахронијска еволутивна форма, и спона међу њима – форма функционалности, ту су да проналазе ред и унутрашњу логику (језичке) стварности у савремености, као и развој/ напредак у историји – ту су као метонимијски залог смисла саме стварности.

У најкраћем, уз свест о нужности макар и делимично субјективне природе сваког сазнања (Kant 1970: 44–47, 67, 184–210), присуство разматраних форми у ие. филологији сугерише мисао о њој као о једном од начина субјективне естетизације стварности. Оно се манифестује у утискивању тих форми у хаотичну материју језика, а њен резултат је Језик као објективна функционална лепота која се развија у времену.

Литература

- Beekes, Robert S. P. (1995): *Comparative Indo-European Linguistics*. Amsterdam – Philadelphia, John Benjamins Publishing Company.
- Clackson, James (2007): *Indo-European Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. (1984): *Индоевропейский язык и индоевропейцы, I–II*. Москва–Тбилиси, Издательство Тбилисского Университета.
- Gilbert, Katarina Everet, Kun Helmut (2004): *Istorija estetike*. Beograd, Dereta.
- Hegel, Georg Vilhelm Fridrih (1961): *Естетика III*, Београд: Култура.
- Ivić, Milka (1990): *Pravci u lingvistici I*. Beograd, Prosveta.
- Kajoa, Rože (1979): *Igre i ljudi: maska i zanos*. Beograd, Nolit.
- Kant, Imanuel (1970): *Kritika čistoga uma*. Beograd, Kultura, 1970.
- Kapović, Mate (2008): *Uvod u indoeuropsku lingvistiku*. Zagreb, Matica hrvatska.
- Martine, Andre (1987): *Indoevropski jezik i „Indoevropljani“*. Novi Sad, Književna zajednica Novog Sada.
- Nikolić, Svetozar (2008): *Старословенски језик*. Београд – Бања Лука, Бард-Фин – Романов.
- Platon (1982): *Dijalozi*. Beograd, Grafos.
- Stanišić, Vanja (2006): *Увод у индоевропску филологију*. Београд, Чигоја штампа.
- Stevanović, Mihailo (1991): *Савремени српски језик I*. Београд, Научна књига.
- Tatarkjevič, Vladislav (1980): *Istorija šest pojnova*. Beograd, Nolit.

Nina Zavašnik

University of Graz, Graz, Austria
n.zavasnik@gmail.com

Martina Šestić

University of Zagreb, Zagreb, Croatia
martina.sestic@gmail.com

Na Balkanu vole vatreno: ljubavni jezik Južnih Slavena

ABSTRACT: In this article we will present our survey about love language of South Slavic peoples (Slovenia, Croatia, Bosnia and Herzegovina, Bulgaria, Macedonia, Serbia and Montenegro). Love, as an important part of our existence, has become more than a mere emotion – it evolved to a communication code and that is why we decided to determine how that code looks like in south slavic languages. The survey consisted of five questions in which the participants told us how they call their partners in both positive and negative cases.

Keywords: love, love language, communication

1. UVOD

U ovom ćemo radu predstaviti specifičnu jezičnu temu – ljubavni jezik – i kratko istraživanje kojim smo pokušale utvrditi kakvim se jezičnim sredstvima koriste govornici južnoslavenskih jezika u komunikaciji sa svojim partnerima.

2. LJUBAVNI JEZIK

Ljubav je kao pojava u društvu prešla granice same emocije – ona je postala komunikacijski kôd (Škokić 2011). To znači da ljubav kao takva utječe na intimne odnose koji su bitna stavka u životu svakog pojedinog čovjeka. U tom se kodu isprepliću ljubav i seksualnost na isti način kao i verbalna i neverbalna komunikacija.

Ljubav se ne može posredno naučiti, za nju nas priprema proces socijalizacije – tek nakon što se zaljubimo, doživimo ljubav, možemo je definirati i postaviti se prema njoj u skladu s pravilima i normama društva i kulture u kojoj živimo.

U današnje je vrijeme teško odrediti ljubavni govor jer je postao tržišno materijaliziran, a i na primjeru upitnika mogle smo vidjeti da se pojam ljubavi čak izjednačava sa seksualnošću.

3. PROSTOR

Prostor Južnih Slavena obuhvaća veći dio Balkanskog poluotoka koji je, zbog svog položaja između Zapadne Europe i jugozapadne Azije, bio pod utjecajem raznih naroda i kultura. Sve se to, naravno, odrazilo i na razvoj društva, jezika i običaja naroda koji žive na Balkanu.

Kao što i naslov rada kaže, mi ćemo se ograničiti samo na slavenske narode tj. Slovence, Hrvate, Srbe, Crnogorce, Bosance, Bugare i Makedonce.

4. ISTRAŽIVANJE

Istraživanje smo provele pomoću kratkog upitnika u kojem su ispitanici (govornici slovenskog, hrvatskog, srpskog, makedonskog i bugarskog jezika) odgovorili na sljedeća pitanja:

1. Kako (osim osobnim imenom) nazivate svog partnera odn. svoju partnericu?

2. Kako ga/ju zovete kada se ljutite na njega/nju (negativni nadimci)?

3. Kojim riječima partneru/ici kažete da ga/ju volite?

4. Kojim riječima partneru/ici kažete da ga/ju ne volite/mrzite?

5. Koje stereotipe o pokazivanju ljubavi poznajete za:

Slovence, Hrvate, Srbe, Bosance, Crnogorce, Makedonce, Bugare

Na taj smo način željele odrediti ljubavni jezik (komunikacijski kôd) za svaki južnoslavenski narod – raznolikost riječi i izraza koji se koriste za izražavanje osjećaja i oslovljavanje partnera. U razumijevanju samih rezultata pomogli su nam i odgovori vezani uz stereotipe o pokazivanju ljubavi.

5. REZULTATI

5.1. Slovenija

Ispitanike sa slovenskog govornog područja čine dvije trećine žena i jedna trećina muških ispitanika. Većina ih ima završeno fakultetsko obrazovanje i pripada dobnoj skupini od 20 do 40 godina.

Među ispitanicima najpopularniji izrazi za pozitivno oslovljavanje partnera su *srce*, *ljubljena/ljubi/ljuba* te razni zoonimi (*žaba*, *ptička*, *miš*, *mačka*). Kod ženskih ispitanika primjećujemo i veliki broj deminutiva i hipokoristika: *srči*, *sonček*, *pikec*, *miško*, *muc*, *miškolin* itd. Također se koriste i veliki broj posuđenica, a među njima se ističu kroatizmi *ljubavi* i *šećeru*, te anglicizmi *baby* i *honey*.

Kada je riječ o negativnom oslovljavanju partnera najčešće je u upotrebi kroatizam *budala* te riječi *baba smotana, norica, trapa, bimbo, žensko, butka, bitch* (muškarci), *kreten, idiot, prasec, bedak*, a rjeđe *lump, kekec, butl, lolek, omejenec, svinakar, cigo, tepec, butec, osel, gustek* (žene).

Ljubav je na slovenskom najčešće izražena rječima *rad(a) te imam* (zbog velike razlike između pismenog jezika i usmene komunikacije postoji više varijanti) i *ljubim te*. Koriste se izrazi iz engleskog jezika *I love you, I like you*, španjolskog *te amo*, te hrvatskog *volim te*.

Iskazivanje ljubavi se provodi i davanjem komplimenata: *imaš lepe laske / lepe očke / lepa usteca / sladek glasek, si najlepší človek kar sem jih kdaj spoznala* te izrazima *lada te mam, wowim te*.

Ispitanici negativne emocije najčešće izražavaju rečenicom *na živce mi greš*. U ovom su slučaju muški ispitanici direktniji i upotrebljavaju: *jebi se, bejž, imaš scvrknjene laske, izgledaš ko fantek, mrš u kurac, pejt nekam*. Kod žena se koriste: *ne maram te (več), pejd stran, sovražim te, grrrr, ne maram te videti, užaljena, marš v..., razočaral si me, smotan si, trenutno te ne morem gledat, dost te mam, ne gnjavi, ma dej idi nekam, fuck off, na kurac mi greš, beden / grozen si, svina, pejt u kurac, marš, spizdi, goni se, ne morem te več gledat, zajeban si, vseeno mi je zate, leave me alone, mrzim te*.

5.2. Hrvatska

Većina ispitanika s područja Hrvatske ima fakultetsku naobrazbu i pripada dobnoj skupini 20 – 40 godina. Što se tiče spola, upitnik je ispunjavao podjednak broj muških i ženskih ispitanika.

Prema rezultatima upitnika za pozitivno oslovljavanje partnera/partnerice najviše se koristi imenica *ljubav* i njezine varijante: *ljube, ljubi, ljupaf*. Uočljiv je i veliki broj zoonima, umanjenica i hipokoristika (potonja dva više koriste žene): *mačak, mick, micko, miconja, maco, miš, mišić, dušice, bebač, prdonjica* itd.

U slučaju negativnog oslovljavanja velik je broj psovki i zoonima: *kozy, pička, budalo, konju, idiot, kretencino*. Dosta ispitanika je u ovoj rubrici uvrstilo osobno ime partnera/partnerice.

Ljubav se u hrvatskom jeziku najčešće izražava rečenicom *volim te*. Od ostalih načina tu su: *ti si mi sve, obožavam te, ljubim te, sad te manje mrzim i ti si moj*.

Negativne emocije prema partneru se najčešće izražavaju sa *ne volim te*. A u drugim situacijama i sa: *mrzim te, bježi od mene, krepaj, volim i ja tebe, digla si nos, živciraš me, ti si dno dna, odjebi*.

5.3. Bosna i Hercegovina

Područje Bosne i Hercegovine je specifično budući da su ispitanici pod materinji jezik navodili srpskohrvatski i bhs.

Ispitanici s ovog područja za pozitivno oslovljavanje koriste sljedeće izraze: *dušo, maco, ljubavi, ljubi, svilo, bebano, Mimi, hanuma, jedino, vjeverice, glupačo, džek, srečo, ljubav, dragi, mili, zlato, bejbe, bejbs, maco, mačak, cici, pile, bubi, radost, moje najdraže, muzu-puzu, mon amour, tesoro, hani*.

Kod negativnog oslovljavanja ispitanici su naveli: *đubre, kretenko jedna, tvrdoglava, kozo, hajvanu, budaletino, kujo, plavušo, pizdo, ženska glavo, kučko, idiot, stoko, hajvan, majmune, seljak, bezobrazan, konju, debilu, glupane, idiote, seronja, kreten, kretenu jedan, mali, skote*.

U BiH se ljubav osim sa volim te iskazuje na sljedeći način: *volim ljubeta, najviše, zauvijek, volim k'o brdo karamela, volim te mnogo, ljubim te, draga si mi, ti si moj, trebaš mi kao zrak koji dišem, volim te ljubavi, osjećam te, ti si meni sve, stalo mi je, ti si moj život, moja radost, ti si moja sreća, mislila sam na tebe, nemaš pojma koliko mi značiš, najviše na svijetu, volim te puno, punije, najpunije, mačak moj dragi, wowim te, juubim te, ti si moja mica-maca*. Popularni su i izrazi iz stranih jezika, kao npr. francuskog – *je t'adore, je t'aime*, talijanskog – *ti amo, ti voglio bene* te engleskog – *I love you*.

Negativne emocije se izražavaju sljedećim izrazima: *ne volim te, odbij, sikter, ideš mi na kurac, bježi od mene, mrš, dosadna si mi, tobe yarrabi, neće moći, gušiš me, nerviraš me, mrzim te, odvratan si mi, gadiš mi se, prezirem te, ne volim te, ne podnosim te, budiš u meni negativne emocije, želim biti sama, sad te volim manje, nisam sigurna u svoja osjećanja, nepoželjan si, fak ju, ne mogu te očima gledati*.

5.4. Srbija i Crna Gora

Budući da niti jedan ispitanik iz Crne Gore nije naveo crnogorski kao svoj materinji jezik, odlučile smo ovo govorno područje spojiti u jednu cjelinu za potrebe analize.

Partnera/partnericu ispitanici oslovljavaju sa: *bubi, mače, dragi, srečo, mica maca*.

Kad je riječ o negativnom oslovljavanju partnera, koriste se sljedeći izrazi: *idiot* (više puta), *konj* (više puta), *krmak, avetinjo*.

Govornici srpskog jezika ljubav izražavaju na sljedeći način: *dobra si mi kao leba, volim te, (više puta), duša moja, stalo mi je do tebe*. Očekivano, *volim te* se u ovom slučaju najčešće koristi. Dosta ispitanika je napisalo da nemaju potrebe ljubav izražavati riječima, već da to čine djelima.

Negativne emocije se izražavaju sljedećim izrazima: *ideš mi na kurac* (muškarci), *smaraš me, kako mi ideš na kurac, drag si mi, ali..., putko jedan, ne gajim osjećaje prema tebi, nije mi stalo do tebe*.

5.5. Makedonija

Što se tiče makedonskog jezika sudjelovalo je 50% muškaraca i 50% žena. Polovica ispitanika ubraja se u grupu od 20 do 40 godina, a polovica u grupu od 40 do 60 godina. Polovica ispitanika ima završen fakultet, a sudjelovao je i jedan doktor znanosti.

Govornici makedonskog jezika svoje partnerice oslovljavaju sa: *девојче, срце, нагалено, душо, злато и мило*.

Što se tiče oslovljavanja u ljutnji, muški ispitanici nisu naveli ništa, osim jednog čiji odgovor glasi *Еднаш ја нареков вештерка*. Ispitanice, međutim, svoje partnere oslovljavaju sa: *глупав, безчувствителен, неразумен, мајмун, шупак*.

Za izražavanje ljubavi Makedonci najčešće koriste rečenicu *те сакам*. Ispitanice je koriste uz različite dodatke, npr. *те сакам мил мој, те сакам љубов моја, единствен мој, ти си мојот живот, ти си ми се*.

Za izražavanje negativnih emocija rječima ispitanici nisu naveli ništa dok ispitanice su navele: *за никаде си, мислам дека повеќе не се разбираме, наша љубов згасна и повеќе неможам да го поднесам твоето присуство*.

5.6. Bugarska

U Bugarskoj je odaziv za ovo istraživanje bio slab. Upitnik je ispunilo svega 6 osoba, od toga dvije trećine čine ispitanice.

Svoje partnere Bugari oslovljavaju sa: *слънце, слънчо, мило, милничко, любов моя, мон амур, мечо, жужи, обич, гуши/киси, love, съкровище, сладост, чудо* (od imenice чудовище).

Kada su ljuti na svog partnera/partnericu govornici bugarskog jezika koriste osobno ime ili prezime. Od ostalih izraza tu su: *мајмуно, кучка, мастия, смотльо*.

Ljubav se najčešće izražava rečenicom обичам те, a koriste se i njene varijante: много те обичкам, много те обичам. Od ostalih načina tu su: *ти си моето щастие, добре, че те намерих*. Jedna od ispitanica koristi izraz iz francuskog *je t'aime* te ruskog *люблю тебя*.

Bugari svoje negativne emocije prema partneru iskazuju neverbalnom komunikacijom – šutnjom i ignoriranjem, a što se tiče verbalne komunikacije, koriste: *много ме дразниш, не те обичам такъв*.

6. STEREOTIPI

Na kraju ćemo izdvojiti neke od zanimljivijih stereotipa koje južni Slaveni imaju jedni prema drugima.

Slovinci:

nemarni, loši, smotani, hladni, ništa ne pokazuju, 'ljubim te' se ostalim Slavenima čini jako smiješno, distancirani, ravnodušni i nezainteresirani, Dosadni i ne puštaju na miru. Ženili bi te isti čas., Hladno izražavanje, nedostupnost, „Sigurno nešto u planinama... Poklanjanje planinskog cvjetka.. Jodlanje..“, nisu skloni iskazivanju osjećaja u javnosti, osim ako su pijani, hladni i ne pokazuju osjećaje i potcjenjuju žene i emocije, seksualno otvoreni i slobodni u pokazivanju interesa

Hrvati:

lažljivi, loši, nesmotreni, uštogljeni, zavodnici, vole laskati ženama i udvarati se raznim gadgetima (pogotovo Dalmatinci), hladni, pomalo škrti, Prave se neuhvatljivi. Nekad sirovi i arogantni., Psovke u pokazivanju ljubavi, pretjerano iskazuju osjećaje, hladni i ne pokazuju osjećaje i potcjenjuju žene i emocije, sirovi, grubi

Srbi:

agresivni, izuzetni, bezobrazni, previše vatreni, zadržati, temperamentno pokazivanje ljubavi (potuku se zbog žene i sl.), topli, otvoreniji, žene više pokazuju svoju privlačnost, strastveni, Ženili bi te isti čas, ali cure puše njihovu spiku (za razliku od Slovenaca).. Umjesto o ljubavi, pričaju o seksu, Srbin je... igrač.. Voli da glumi... drami.., očekuju se pokloni, a ne osjećaji, hladni i ne pokazuju osjećaje i potcjenjuju žene i emocije, temperamentni, šarmantni, ženskaroshi

Bosanci:

primitivni, izuzetni, samoproглашени šarmeri, lijeni, romantični, baš topli, Smooth-talkers. Naglasak jako pomaže., Čevapi, kajmak i ljubav, Mnogo truda.. mnogo priče... mnogo zagrljaja i šale.., Prsten i zlatni lanac dat će ti Bosanac..., hvaleći se vlastitim sposobnostima, napaljeni

Crnogorci:

lijeni, izuzetni, prosti, opičeni, Kombinacija Srba i Bosanaca., »Ti si samo žena, moraš me voljeti iako ja tebe ne volim«, Visok crn momak te pogleda... i ti si gotova... lijeni

Makedonci:

brižni, izuzetni, simpatični, Romantični i slatki, cure ih puše., Topao narod... sigurno nešto što te rastopi kao karamelu... uz glazbu..., dobrodušni, topli, dobri ljubavnici

Bugari:

suzdržani, jadni, duhovna ljubav, ne znam (više puta), konkretni, susretljivi

ZAKLJUČAK

Iz prikupljenih rezultata možemo zaključiti da nema većih razlika u vokabularu ljubavnog jezika s obzirom na spol, dob i stupanj obrazovanja. U slučaju mlađih generacija javlja se određeni broj anglicizama, u najvećoj mjeri kod slovenskih govornika. Kod njih se primjećuje i razlika između usmene i pismene komunikacije, a kako se ljubav češće izražava usmenim putem riječi su napisane na razgovornom jeziku. U slovenskom je prisutna upotreba riječi iz bhs govornog područja (ljubavi, šećeru, budala). Kod ispitanica se javlja veći spektar riječi, što je bilo očekivano, pa čak i dječja komunikacija (lada te mam, vovim / juuubim te). Što se tiče zoonima, za oslovljavanje se upotrebljavaju deminutivi riječi mačak, medvjed i još kojih malih životinja, a kada se radi o

negativnim emocijama, poput ljutnje, partnera/partnericu se oslovljava nazivima životinja uz koje se vežu negativne konotacije (svinja, magarac, koza...). U slučaju negativnog oslovljavanja partnera u upotrebu dolaze pogrdne riječi i psovke. U dijelu u kojem su ispitanici morali navoditi stereotipe možemo vidjeti u kolikoj su mjeri ljubav i seksualnost isprepletene te su ih ispitanici i izjednačavali. Manja povezanost određenih naroda s Makedoncima (bez obzira na zajednički život u SFRJ) dovela je do navođenja općih osobina tipičnih za narod na jugu (topli, veseli). Odvojenost Bugara od ostalih južnih Slavena za vrijeme Jugoslavije donosi nepoznavanje tog naroda i čak pitanje – otkada su Bugari južni Slaveni.

Literatura

Škokić, Tea (2011), *Ljubavni kôd – ljubav i seksualnost između tradicije i znanosti*, Biblioteka Nova etnografija, Zagreb

Tabakowska, Elzbieta (2005), *Gramatika i predočavanje: Uvod u kognitivnu lingvistiku*, FF-press, Zagreb
Rijavec, Majda; Miljković, Dubravka (2002), *Srce moje i tvoje u ljubavi stoje*, IEP-D2, Zagreb

Aloisie Zmeškalová

Masaryk University, Brno, Czech Republic
lizazm@gmail.com

Memoirs in the Context of Croatian Exile Literature

ABSTRACT: This paper discusses the uniqueness and characteristics of the memoir genre in Croatian post-war exile literature. In the literature of Croatian post-war emigration, the commemorative narrative is frequently present. However, in comparison to poetry, it is usually better-received by literary theoreticians. One of the objectives of this paper is to point out the specific position of this kind of literature in respect to the national Croatian literary canon. The issues of documentary and aesthetic value of this genre will also be discussed.

Keywords: Croatian literature, Croatian exile literature, Croatian exile, Croatian Diaspora.

Memoir literature has always been an inseparable, although rather modest, part of Croatian literature. In the second half of the 20th century, the genre of memoir experienced a more distinct flourishing, in particular due to the literary production of emigrants.

The end of WWII saw the beginning of decades of literary neglect for Croatian writers residing in Yugoslavia. With some exceptions, their works were not published in Yugoslavia due to political reasons. In this respect, it must be noted that nearly all Croatian writers that wrote after WWII in exile were previously closely connected with the existence of the Ustasa state NDH (*Nezavisna država Hrvatska*). Of course, the national publishing houses started to publish individual titles of exile literature after the establishment of Croatia's independence. In many cases, these were edited editions of already-published titles from abroad.

Contemporary Croatian literary theory deals with the question of modern exile literature only superficially and memoirs are no exception. Only in the early 1990's did information about Croatian authors writing in exile in the second half of the 20th century start to appear in national scholarly publications. For example, in his monograph, **Povijest hrvatske književnosti** (2004, History of Croatian Literature), Dubravko Jelčić provides a short, ten-page overview of this specific branch of Croatian literature. In his publication, the memoir prose of Croatian political emigrants is evaluated mostly positively and characterised as follows:

Of everything that Croatian writers published in exile, the memoirs are not only the most numerous and voluminous, but without doubt also the most valuable. The books of Meštrović and Kljaković surely helped memoir prose become an equal form of literary expression. (Jelčić 2004: 336)

In 1993, the monothematic book by Dubravko Horvatić **Nepostojećihrvatski pisci** (1993, Non-existent Croatian Writers) was published. This book is the only one from the Croatian environment which deals with the question of exile literature explicitly from a theoretical point of view. The publication contains short essays on the lives and works of important exile writers of the second half of the 20th century.

Although poetry is the most abundant genre within Croatian literature written abroad, in most cases these are verses of unstable and highly disputable quality. This is supported also by the statement of D. Horvatić, who in the introduction to his book *Non-existent Writers* writes:

Generally, the poetry of Croatian exile can in no way, despite some outstanding works, e.g. the works of V. Vida, be compared to the results of national poetry... (Horvatić 1993: 7)

On the contrary, in the same text Horvatić draws attention to memoirs and political essays, which he regards as outstanding also when compared to national literary production:

If national literature was missing something it was this type of writing, which was not able to develop due to known repressive political facts. Thus, in this aspect, exile literature without a doubt exceeds national literature. (Horvatić 1993: 7)

Vinko Nikolić (1912–1997) also highlights the outstanding value of memoir literature in exile:

Many witnesses disappeared, but their testimony remained on the pages of our books and magazines... These pages will be a great and viable source for our historians. We can already see today that this emigrant journalism enriches our national political, memoir and historic literature. (Horvatić 1993: 7)

When looking closely at Croatian exile literature, we come across a problem connected with the lack of relevant secondary literature. Available literary overviews and theoretical articles dealing with the given issue were all published, with some exceptions, by the very members of Croatian post-war exile whose view on the given field is often uncritical and distorting. For example, V. Grubišić, when selecting authors for the publication **Hrvatska književnost u egzilu** (1991, Croatian Literature in Exile), most certainly made his decisions based on the politics and not the aesthetics of literature.

For sure, one of the most outstanding personalities of the Croatian exile memoirs is Ivan Meštrović (1883–1962), whose book **Uspomene na političke ljude i događaje** (1969, Remembrances of Political Leaders and Events) is not only a faithful document of the time in which the book was written, but also a work of convincing aesthetic value. Meštrović's long-term friend, Jozo Kljaković (1889–1969), is the author of another

commemorative narrative named **U suvremenom kaosu** (1952, *In Contemporary Chaos*). Immediately after the war, from an Italian prison camp in Taranta, V. Nikolić used his diary to pen a work which was published many years later under the name of **Tragedija se dogodila u svibnju** (1984, *Tragedy occurred in May*).

Ernest Bauer (1910–1995), an author of many political articles in German wrote his works in Austria. From our perspective the most influential of these are his memoirs, **Život je kratak san** (1987, *Life is a Short Dream*). As a contrast to this, some of the more controversial memoirs are those of Ivo Rojnica (1915–2007), the former high-ranking Ustasa officer, who, during WWII participated in the removal of Serbians, Jews and Gypsies from Dubrovnik and its surrounding areas. From literary and documentary perspectives, Rojnica's book **Svjedok istine i pravde** (2002, *The Witness of Truth and Justice*) is interesting. In it, Rojnica recalls the first years following the establishment of independent Croatia at the beginning of the 1990's. Another personality with a very "problematic" past is Vjekoslav Vrančić (1904–1990), who, in his book, **Branili smo državu – Uspomene, osvrti, doživljaji** (2006, *We Defended the State – Memories, Recollections, Experiences*), comments:

When I saw that there were less and less of us who survived, I decided to devote the last years of my life to a task in which I would as systematically as possible record my testimonials and complete them, as far as possible, with credible proofs. (Vrančić 2006: 7)

In the foreword to his other book, **U službi domovine** (2007, *In the Service of the Country*), Vrančić (2006: 10) expressed his wish that the publication of this book would serve as a warning for young generations.

Other significant authors of memoir literature took refuge in Venezuela. The first is Miko Sančević (1900–1981), the author of book of memoirs, **Od bosanskih šuma do Venezuele – Dogadaji i ljudi u mojim sjećanjima** (1982, *From Bosnian Forests to Venezuela – Events and People in my Memories*). In 1986, Mladen Žigrović (1917–1986) wrote a book of memories, articles, essays and interviews called **U žitu i kukolju** (1986, *In Ray and Cockle*). Another important contribution to Croatian memoir literature was made by Croatian academician and diplomat Dušan Žanko (1904–1980), who wrote in exile for many magazines in which he published his texts on important personalities of Croatian history. Thanks to the efforts of his family and friends, the texts were published posthumously as a book of memories, called **Svjedoci** (Witnesses).

The importance of memoir literature in exile was supported also by journalist and diplomat Bogdan Radica (1904–1993). In 1974 he published a book in America called **Hrvatska 1945** (*Croatia 1945*), which is his diary describing the events towards the end of WWII. His book of life memories **Živjeti – ne doživjeti** (1982, 1984, *To Live – Not to See Out*) and a collection of essays and travel stories **Sredozemni povratak** (1971, *Mediterranean Return*) are also of literary importance.

Another difficulty that we face when studying Croatian exile memoir literature is the notion of truthfulness. Memoir literature is traditionally regarded as a part of documentation literature, the main characteristic of which is truthfulness. Therefore, the facts put forth should correspond to reality. In this type of writing, the transfer to fiction is thus not welcome. On the other hand, the accounts of the authors are nearly always subjective. All too often, it seems, memoirs are used for distorting the facts. It is very common, in fact, for authors themselves, in the introductions to their works, to convince the readers of the authenticity of the particular memoir narrative. V. Nikolić (1995: 27), in his diary called **Tragedija se dogodila u svibnju**, points out that although the book was published several decades after the events it describes, he did not try to change the information based on the current attitude towards the event, because if he had done so, this would be "a spontaneous distortion of history", and this, as he puts it, "always recoils on someone." At the same time, Nikolić realises that many of his opinions may sound "naive" or even "pathetic" to the contemporary reader. Bogdan Radica (1992: 41) writes similarly in his book **Hrvatska 1945**, where, in the foreword to the second Croatian edition of this book, he comments that he could have added or changed many facts on the events in 1945, but he did not, so as not to weaken the credibility of his notes that he made immediately after experiencing the events described. M. Sančević also points out that his primary concern in his book, **Od bosanskih šuma do Venezuele** (1982, *From Bosnia Forests to Venezuela*), was to write down his memories of political events in the second half of the 20th century, not his aesthetic ambitions. This he illustrates with words: "*I tell simply, chronologically and without literary pretences.*" (Sančević 1982: 9) A very detailed description of reasons for writing memoirs is given by M. Sančević, who asserts that the main reason is to enrich Croatian history with new information, in particular from the interwar and wartime periods. He also wanted to point out some problems that in his opinion were not given adequate attention (by the national composition in Bosnia and Herzegovina, the Serbian minority in Croatia, etc.). However, Sančević's motivation for writing memoirs also had a private dimension. As he stated, in the future the book would help his grandsons and great-grandsons to find answers to questions connected with withdrawal of the family into exile.

The outcome of the aforementioned concept is that for the majority of the authors of memoirs discussed, the artistic or aesthetic category of beauty was not of crucial importance.

Despite this fact, we can see many works that in terms of artistic criteria are considered to be at a very high level. This is particularly true when discussing the works of I. Meštrović, J. Kljaković and V. Nikolić, whose poetic handwriting is apparent in all of his literary works. The main objective of the majority of authors was to serve as an intermediary for the reader, who does not have his or her own experience, and provide a testimony of

particular events. To this extent, reflexion plays an unsubstitutable role here. When evaluating the notion of truthfulness, we need to proceed very carefully. As I have already mentioned, the majority of Croatian exile authors of memoirs was connected with the Ustasa state NDH. In many cases, the authors tried to justify their behaviour, very often distorting reality, whether unintentionally or willingly, in their efforts to present themselves as better persons. For example, in his memoirs, **Susreti i doživljaji** (1969, 1983 Meetings and Experiences), I. Rojnica strictly denies responsibility for committing war crimes towards Serbian, Gipsy and Jewish people during WWII, which is in stark disagreement with historic documents.

Literatura:

- Bauer Ernest (1987), *Život je kratak san*. Barcelona, München, Knjižnica hrvatske revije.
- Grubišić Vinko (1991), *Hrvatska književnost u egzilu*. Barcelona, München, Knjižnica hrvatske revije.
- Horvatić Dubravko (1993), *Nepostojeći hrvatski pisci*. Zagreb, Osijek, Consilium: ITG.
- Jelčić Dubravko (2004), *Povijest hrvatske književnosti*. Zagreb, Naklada Pavičić.
- Kljaković Jozo (2001), *U suvremenom kaosu*. Zagreb, Matica hrvatska.
- Meštrović Ivan (1969), *Uspomene na političke ljude i događaje*. Zagreb, Matica hrvatska.
- Nikolić Vinko (1995), *Tragedija se dogodila u svibnju*. Zagreb, Školske novine.
- Radica Bogdan (1992), *Hrvatska 1945*. Zagreb, Grafički zavod Hrvatske.
- Radica Bogdan (1971), *Sredozemni povratak*. Barcelona, München, Knjižnica hrvatske revije.
- Radica Bogdan (1982, 1984), *Živjeti – nedoživjeti I.II*. Barcelona, München, Knjižnica hrvatske revije.
- Rojnica Ivo (1983), *Susreti i doživljaji*. Barcelona, München, Knjižnica hrvatske revije.
- Rojnica Ivo (2002), *Svjedok istine i pravde*. Zagreb, DoNeHa.
- Sančević Mirko (1982), *Od bosanskih šuma do Venezuele - Događaji i ljudi u mojim sjećanjima*. Barcelona, München, Knjižnica hrvatske revije.
- Vrančić (2006), *Branili smo državu – Uspomene, osvrti, doživljaji*. Washington, D.C.: HB Press.
- Vrančić (2007), *U službi domovine*. Washington, D.C.: HB Press.
- Žanko Dušan (1998), *Svjedoci*. Zagreb, Školske novine: Pergamena.
- Žigrović Mladen (1986), *U žitu i kukolju*. Barcelona, München, Knjižnica hrvatske revije.